This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1959

P Slav 620.5 (1895/7)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Дозволено 1[illegible] г.

ІЮЛЬ. 1895.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 6418 ж.ф.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

№ 6418 ж.ф.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.
1895.

Δ
PSlav 620.5 (1895/7)

ИЮЛ 19

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 5 1961

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Безъ дороги.** Часть первая. *В. Вересаева.* . . . . 5— 4
2. **Очерки золотопромышленности Южнаго Урала.** *П. Б.* (Продолженіе) . . . . . 49— 87
3. **Случай.** Разсказъ *А. Яблоновскаго* . . . . . 88—103
4. **Адамъ Мицкевичъ.** Историко-литературный этюдъ *А. Уманьскаго* . . . . . 104—129
5. **На краю лѣсовъ.** Повѣсть *Вацлава Сѣрошевскаго.* Переводъ съ польскаго. Продолженіе . . . . 130—182
6. **Изгнанникъ.** Стихотвореніе. *А. Ѳедорова.* 183
7. **Рѣчные люди.** Разсказъ *И. Потапенко.* . . . . . 184—235
8. **Отзвучали веселыя пѣсни вдали...** Стихотвореніе *К. Бальмонта.* 236

9. **Народно-хозяйственные наброски.** XXI. Нѣсколько чертъ современнаго хозяйственнаго быта Тверской, Нижегородской и Орловской губерній.— XXII. Два слова о всероссійскомъ кулачествѣ.— XXIII. О пермскихъ земледѣльческихъ артеляхъ. *Н. А. Карышева* . . . . . 1— 19
10. **Двѣ новыя работы школы Ле-Плэ. Анри де-Турвиль.** Соціальная наука представляетъ-ли науку?—**Эдмонъ Демолэнсъ.** Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей. *П. В. Мокіевскаго.* . . . . . 20— 30
11. **На волостныхъ судахъ.** *А. Леонтьева.* . . . . . 31— 45
12. **Погибшіе и погибающіе.** Отбросы Россіи на сибирской почвѣ. *В. Москвича.* . . . . . 46— 81

См. на оборотѣ.

СТРАН.

13. Новыя книги:

В. Н. Никитинъ. Разнообразіе. Повѣсти, разсказы и очерки.—Международная библіотека: Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма.—Проф. Меркель. Сила и право.—Адольфъ Гауфельдъ. Основы литературной критики.—Либоин. Государственный строй Франціи.—А. Флейшнеръ. Исторія народнаго образованія въ Англіи.—Русская библіотека: Проф. И. И. Янжулъ. Изъ психологіи народовъ.—Проф. Н. И. Стороженко. Поэзія міровой скорби.—Проф. Н. И. Карѣевъ. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи.—Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ, составленный Б. Б. Глинскимъ.—Дж. В. Дреперъ. Исторія умственнаго развитія Европы.—Т. Циглеръ. Что такое нравственность.—Т. Рибо. Изслѣдованіе аффективной памяти.—Д-ръ Вильямъ Гиршъ. Геніальность и вырожденіе.—Проф. Генрихъ Гойеръ. Мозгъ и мысль.—О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Краткій очеркъ 30-лѣтней судебно-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани. Заслуж. проф. И. М. Гвоздева.—Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . 82—104

14. Изъ Австріи. *Л. Василевскаго* . . . . . 105—112

15. Изъ Германіи *А. К.* . . . . . 113—128

16. Изъ Англіи. *Av.* . . . . . 129—143

17. Изъ современной хроники. *С. Н. Южакова.* . . . 144—165

18. Гюи де-Мопасанъ. *М. А. Протопопова.* . . . . . 166—181

19. Отъ конторы редакціи «Русскаго Богатства». 182

20. Объявленія.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко,

въ 1895 году выходитъ въ прежнемъ объемѣ, 25—26 листовъ, и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р.
„ „ безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ . . . . . **8** „
„ „ за границу . . . . . **12** „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать:

въ контору журнала „Русское Богатство“
С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ подписка на журналъ **безъ доставки** принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Примѣчанія: 1) За своевременную высылку журнала **контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ**, если подписныя деньги были присланы или сданы *непосредственно* въ контору.

2) **Квитанціи на полученіе журнала** высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписныхъ денегъ 19 к. почтовыми марками.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

Въ складѣ изданій

при конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

С.-Петербургъ, Бассейная, 10.

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	Цѣна.		Съ пересылкой.		Уступка подписч. «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ. (*На простой бумагѣ*)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (*На веленевой бумагѣ*)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I.	1	25	1	50	—	50
— Очерки и разсказы. Томъ II	1	—	1	25	—	25
— Гимназисты	1	25	1	50	—	25
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и разсказы. Книга первая. Изданіе шестое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе	1	50	1	75	—	25
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе разсказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
А. Шабельская. Наброски карандашомъ	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири	1	—	1	25	—	25
Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты:* I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія	1	50	1	75	—	35
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды	2	—	2	30	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Вып. I.	—	90	1	10	—	20
— Вып. II.	1	50	1	60	—	30
— Вып. III.	1	10	1	30	—	30
— Вып. IV.	1	10	1	30	—	30

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	Цѣна.		Съ пересылкой.		Уступка подписч. «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Э. Реклю. Земля. Вып. V.	1	10	1	30	—	30
— Вып. VI.	1	30	1	60	—	30
С. Н. Кривенко. На распутьи	1	25	1	50	—	25
Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Безродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45
Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ.	1	—	1	25	—	25
С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. . .	1	—	1	25	—	25
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ	2	—	2	30	—	30
Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ.	1	50	1	75	—	30
Н. Сѣверовъ. Разсказы, очерки и наброски.	1	50	1	75	—	45
К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ.	1	50	1	75	—	30
Дж. Лебокъ. Какъ надо жить.	—	80	1	—	—	20
В. Сѣрошевскій. Якутскіе разсказы. . .	—	75	1	—	—	25

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI по 2 р.; т. III 3 р. 75 к.

Складъ въ книжн. магаз. *А. Я. Панафидина*:

Москва, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе всю подписную сумму 9 р., пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. *Н. К. Михайловскаго* (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться *исключительно въ Москву* въ книжный складъ *А. Панафидина*, представляя или копію съ билета на полученіе «Русскаго Богатства», или печатный адресъ, по которому высылается журналъ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО: **Щедринъ.** Критическій опытъ. Ц. 1 руб.

Складъ въ конторѣ журнала «Русская Мысль»—Москва, уголъ Лѣнтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

— **Литература и жизнь.** Цѣна 1 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова, Спб., Лештуковъ пер.).

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и разсказы. Книга первая, 6 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Склады: Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

Поступили въ продажу НОВЫЯ КНИГИ, изданныя редакціей журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

Н. ГАРИНА

ГИМНАЗИСТЫ

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Томъ второй:

1) Деревенскія панорамы, 2) На ходу, 3) Сочельникъ въ деревнѣ, 4) Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой, 5) Коротенькая жизнь.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Подписчики „РУССКАГО БОГАТСТВА“ за пересылку не платятъ.

ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія

по Уссурійскому краю, ЯПОНІИ, Цейлону и др.

С. Н. ЮЖАКОВА.

Изданіе редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».

Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Подписчики «РУССКАГО БОГАТСТВА» пользуются уступкой 35 к.

БИБЛИОТЕКА

БЕЗЪ ДОРОГИ.

6418—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

20-го іюня 1892 г. С-цо Касаткино.

Теперь ужъ три часа ночи. Въ ушахъ звучатъ еще веселые дѣвическіе голоса, сдерживаемый смѣхъ, шопотъ... Онѣ ушли, въ комнатѣ тихо; но самый воздухъ, кажется, еще дышетъ этимъ молодымъ, разжигающимъ весельемъ, и невольная улыбка просится на лицо. Я долго стоялъ у окна. Начинало свѣтать, въ темной, росистой чащѣ сада была глубокая тишина; гдѣ-то далеко, около риги, лаяли собаки... Дунулъ вѣтеръ, на вершинѣ липы обломился сухой сучокъ и, цѣпляясь за вѣтви, упалъ на дорожку аллеи; изъ-за сарая потянуло крѣпкимъ запахомъ мокраго орѣшника. Какъ хорошо! Я стою и не могу насмотрѣться, душа черезъ край переполнена какимъ-то тихимъ безотчетнымъ счастьемъ.

И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять...

Кругомъ все такъ близко знакомо,—и очертанія деревьевъ, и соломеная крыша сарая, и отпряженная бочка съ водой подъ липами. Неужели я ужъ цѣлыхъ три года не былъ здѣсь? Я какъ будто видѣлъ все это только вчера; а между тѣмъ, какъ долго шло время...

Да, мало что хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться вокругъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя — уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобъ ничего отъ тебя не осталось... Можно-ли съ этимъ жить? Не весело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года.

«Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня». Мнѣ часто вспоминаются эти гордыя

слова Базарова. Вотъ были люди! какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю,—это именно въ неодолимую силу времени. «Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду!». Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и ведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что ты идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ,—оно всетаки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватывало меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю мою душевную жизнь... Гартманъ говоритъ, что убѣжденія наши—плодъ «безсознательнаго», а умомъ мы къ нимъ лишь подыскиваемъ болѣе или менѣе подходящія основанія; я чувствовалъ, что тамъ гдѣ-то, въ этомъ неуловимомъ «безсознательномъ», шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого «безсознательнаго». Мысль эта наполняла меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь—все въ *моемъ* міросозерцаніи, что если я его потеряю, я потеряю все.

То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпляло меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени—сила страшная и не по плечу человѣку. Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти*—всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ,—о, нѣтъ! Дѣло было очень ясно! это было лишь ренегатство,—ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое и хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе то «завѣты»; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и безъ вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ...

. . . . . .

Я не бичую себя, потому что тогда непремѣнно начнешь лгать и преувеличивать; но въ этомъ-то нужно сознаться, что такое настроеніе мало способствуетъ уваженію къ себѣ. Заглянешь въ душу,—такъ тамъ холодно и темно, такъ гадко

жалокъ этотъ безсильный страхъ передъ окружающимъ! И кажется тебѣ, что никто никогда не переживалъ ничего подобнаго, что ты—какой-то странный уродъ, выброшенный на свѣтъ теперешнимъ страннымъ, неопредѣленнымъ временемъ... Ей-Богу, тяжело жить такъ. Меня спасала только работа; а работы мнѣ, какъ земскому врачу, было много, особенно въ послѣдній годъ,—работы тяжелой и отвѣтственной. Этого мнѣ и нужно было: всѣмъ существомъ отдаться дѣлу, *наркотизироваться* имъ, совершенно забыть себя, — вотъ была моя цѣль.

Теперь служба моя кончилась. Кончилась она неожиданно и довольно характерно. Почти противъ воли я сталъ въ земствѣ какимъ-то enfant terrible; предсѣдатель управы не могъ равнодушно слышать моего имени. Подоспѣлъ голодный тифъ; я проработалъ на эпидеміи четыре мѣсяца и въ концѣ апрѣля свалился самъ, а когда поправился... то оказалось, во мнѣ больше не нуждаются. Дѣло сложилось такъ, что *я долженъ* былъ уйти, если не хотѣлъ, чтобъ мнѣ плевали въ лицо. Саратовская исторія вовсе не единичное явленіе . . . . Э, да что вспоминать!.. Я взялъ отставку и вотъ пріѣхалъ сюда забыть все это!

Большой залъ стариннаго помѣщичьяго дома, на столѣ кипитъ самоваръ; двѣ лампы ярко освѣщаютъ накрытый ужинъ, дальше, по угламъ комнаты, почти совсѣмъ темно; подъ потолкомъ сонно гудятъ и жужжатъ стаи мухъ. Всѣ окна раскрыты настежъ и теплая ночь смотритъ въ нихъ изъ сада, залитаго луннымъ свѣтомъ; съ рѣки слабо доносятся женскій смѣхъ и крики, плескъ воды.

Мы ходимъ съ дядей по залѣ. За эти три года онъ сильно постарѣлъ и растолстѣлъ, покряхиваетъ послѣ каждой фразы, но радушенъ и говорливъ по прежнему; онъ разсказываетъ мнѣ о видахъ на урожай, о начавшемся покосѣ. Сильная румяная дѣвка, съ платочкомъ на головѣ и босая, внесла шипящую на сковородѣ яичницу; по дорогѣ она отстранила локтемъ полузакрытую дверь: стаи мухъ подъ потолкомъ всколыхнулись и загудѣли сильнѣе.

— А вотъ у насъ одно есть, чего у васъ нѣту,—сказалъ дядя, улыбаясь и смотря на меня своими выпуклыми, близорукими глазами.

— Что это?—спросилъ я, сдерживая улыбку.

— Мухи!

Когда я еще студентомъ пріѣзжалъ сюда на лѣто, дядя каждый разъ слово въ слово дѣлалъ это же замѣчаніе.

Тетя Софья Алексѣевна воротилась съ купанья; еще за двѣ комнаты слышенъ ея громкій голосъ, отдающій приказанія.

— Палашка! возьми простыню, повѣсь на дверь въ спальнѣ! Да зовите мальчиковъ къ ужину, гдѣ они?.. Котлеты подавайте, варенецъ, сливки съ погреба... Скорѣй!.. Гдѣ Аринка?.. А, яичницу уже подали! — проговорила она, торопливо входя и садясь къ самовару.—Ну, господа, чего же вы ждете? Хотите, чтобъ остыла яичница? Садитесь!

Софья Алексѣевна одѣта въ старую синюю блузу, ея лицо сильно загорѣло, и всетаки она всѣмъ своимъ обликомъ очень напоминаетъ французскую маркизу прошлаго столѣтія; ея посѣдѣвшіе волосы, пушистою каймою окружающіе круглое лицо, выглядятъ какъ напудренные.

— А какъ-же? развѣ безъ барышень можно? — спросилъ дядя.

— Можно, можно! Пускай не опаздываютъ!

— Нѣтъ, это нельзя. Какъ же ты насъ заставляешь нарушить рыцарскій кодексъ?

— Да ну, будетъ тебѣ! Вѣдь Митя голоденъ съ дороги. Тоже—рыцарь!—сказала Софья Алексѣевна съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— Ну, нечего дѣлать: приказано, такъ надо слушаться. Что жъ, сядемъ, Дмитрій? Вотъ выпьемъ водочки и за яичницу примемся.

Онъ поставилъ рядомъ двѣ рюмки и сталъ наливать въ нихъ изъ графинчика полыновку.

— А какъ водка будетъ по-латыни—aqua vitae?—спросилъ онъ.

— Да.

— Гмъ! «Вода жизни»... Дядя нѣсколько времени въ раздумьѣ смотрѣлъ на наполненныя рюмки.—А вѣдь остроумно придумано! — сказалъ онъ, вскидывая на меня глазами, и засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ.—Ну, будь здоровъ!

Мы чокнулись, выпили и принялись за ѣду.

— Гдѣ же, однако, барышни наши?—спросилъ дядя, съ аппетитомъ пережевывая яичницу.—Я безпокоюсь.

— Ѣшь яичницу и не безпокойся. Барышни наши ужъ выкупались,—отвѣтила тетя.

Въ саду подъ окнами раздались голоса, стеклянная дверь балкона звякнула и распахнулась.

— Ну, вотъ тебѣ и барышни наши: слава Богу, за полверсты слышно.

Онѣ шумно вошли въ залу. Лица ихъ послѣ купанья свѣжи и оживленны; темные волосы Наташи влажны, и она длиннымъ покрываломъ распустила ихъ по спинѣ. Дядя увидѣлъ это и пришелъ яко-бы въ негодованіе.

— Наташа, что это значитъ, что у тебя волосы распущены?

— Я ныряла,—быстро отвѣтила она, садясь къ столу.

— Такъ что-жъ такое?

— Соня, передай ветчину... Ну, такъ вотъ нужно, чтобъ волосы просохли.

— Зачѣмъ это нужно?—изумленно спросилъ дядя, юмористически подымая брови.—Нѣтъ, взрослымъ дѣвицамъ вовсе не подобаетъ ходить съ распущенными волосами!—послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ онъ, качая головой.

Но поученіе его пропало даромъ; всѣ были заняты ѣдой и, удерживаясь отъ смѣха, трунили по поводу чего-то надъ Лидой. Лида краснѣла и хмурилась, но когда Соня, проговоривъ: „спасайся, кто можетъ!", вдругъ прорвалась хохотомъ, то и Лида разсмѣялась.

— Что это вы, Лида, въ большой опасности находились?—вполголоса спросилъ я, невольно и самъ улыбаясь.

Наташа быстро взглянула на меня и незамѣтно повела взглядомъ на отца: значитъ, здѣсь тайна какая-то, которую мнѣ объяснятъ потомъ.

— А чтожъ ты, Дмитрій, макаронъ къ котлетамъ не взялъ? спохватился дядя.—Дай, я тебѣ положу.

Онъ наложилъ мнѣ въ тарелку макаронъ.

— У итальянцевъ макароны—самое любимое кушаніе,—сообщилъ онъ мнѣ.

Очень радушный хозяинъ дядя, но, признаться сказать, скучновато сидѣть между „большими", и право, я давно знаю, что итальянцы любятъ макароны.

Пришли и мальчики. Миша, — пятнадцатилѣтній сильный парень съ мрачнымъ, насупленнымъ лицомъ, — молча сѣлъ и сейчасъ-же принялся за яичницу. Петька двумя годами моложе его и на классъ старше; это крѣпышъ невысокаго роста, съ большой головой; онъ пришелъ съ книгой, сѣлъ къ столу и, подперевъ скулы кулаками, сталъ читать.

— Ну, Митечка, разсказывай-же, что ты это время подѣлывалъ,—сказала Софья Алексѣевна, кладя мнѣ руку на локоть.

Наташа подняла, было, голову и въ ожиданіи устремила на меня глаза. Но мнѣ такъ не хотѣлось разсказывать...

— Ей-Богу, тетя, ничего нѣтъ интереснаго: служилъ, лечилъ,—вотъ и все... А скажите,—я сейчасъ черезъ Шеметово ѣхалъ, — кто это тамъ за околицей новую мельницу поставилъ?

— Да это-же Устинъ нашъ, развѣ ты не зналъ? Какъ-же, такъ-же! Ужъ второй годъ работаетъ мельница...

И начался длинный рядъ деревенскихъ новостей. Въ залѣ уютно, старинные, засиженные мухами, часы мѣрно икаютъ, въ окна свѣтитъ мѣсяцъ... Тихо и хорошо на душѣ.

Всѣ эти дѣвчурки-подростки стали теперь взрослыми дѣвушками; какія у нихъ славныя лица! Что-то представляетъ собою моя прежняя „дѣвичья команда“? Такъ называла ихъ всѣхъ Софья Алексѣевна, когда я студентомъ пріѣзжалъ сюда на лѣто...

Съ конца стола раздался какой-то невообразимый ревъ, отъ котораго всѣ вздрогнули.

— Что такое?!—грозно крикнула тетя.—Кто это тамъ?

— Это—я!—торжественно объявилъ Петька.

— Ну, конечно, такъ и есть: кому-же еще? Я тебѣ, дрянь—мальчишка!

— Это я читать кончилъ,—объяснилъ Петька.

Дядя поднялъ голову и, словно только-что проснулся, повелъ кругомъ глазами.

— Э... э... Что это?—спросилъ онъ, покряхивая.—Должно быть Петька опять дикіе звуки испускаетъ, а?

Ему никто не отвѣтилъ. Онъ крякнулъ и подложилъ себѣ въ чай сахару. Петька сидѣлъ, немилосердно развалясь на стулѣ, и широко ухмылялся.

— Крикъ могучій, крикъ пернатый... я въ своемъ сердцѣ ощутилъ... Крикъ ужасный, крикъ... неясный... я изъ себя испустилъ... Кхе-кхе-кхе! Какъ хорошо вышло!

И совершенно довольный, Петька придвинулъ къ себѣ тарелку и сталъ накладывать творогу. Кругомъ смѣялись, а онъ старательно разминалъ ложкою творогъ съ сахаромъ, какъ будто не о немъ совсѣмъ шло дѣло.

Чай отпили.

— А что, Вѣра Николаевна, усладите вы сегодня нашъ слухъ своею музыкой?—спросилъ дядя.

Вѣра, племянница Софьи Алексѣевны, — стройная, худощавая блондинка съ матово-блѣднымъ лицомъ и добрыми глазами; она собирается осенью ѣхать въ консерваторію, и, говорятъ, у нея, дѣйствительно, есть талантъ.

— Да, да, Вѣра!—сказалъ я.—Сыграйте-ка что-нибудь послѣ ужина: я въ Пожарскѣ столько слышалъ о вашемъ талантѣ.

Вѣра встрепенулась.

— Ахъ, Господи! Митя, я вамъ напередъ говорю: если вы такія вещи говорить будете, я н-ни за что не стану играть!

— Да не безпокойтесь, пожалуйста, я вотъ сначала послушаю. Очень можетъ быть, что послѣ этого и не стану говорить.

Дядя засмѣялся и всталъ изъ-за стола.

— Ну, кажется, всѣ ужъ кончили. Докажите ему, Вѣра Николаевна, что и Пожарскъ можетъ собственныхъ Невтоновъ рождать!

Всѣ перешли въ гостиную. Вѣра сѣла за рояль, быстро

пробѣжала рукой по клавишамъ и съ размаху сильно ударила пальцемъ въ серединѣ клавіатуры.

— Что-же вамъ сыграть?—спросила она, повернувъ ко мнѣ голову.

— Это всегда такъ знаменитыя музыкантши начинаютъ!— почтительно произнесъ Петька, ткнувъ указательнымъ пальцемъ въ Вѣринъ палецъ, нажимавшій клавишу.

— Да ну, Петя, будетъ!—разсмѣялась она, стряхивая его руку.

Тетя отогнала Петьку отъ рояля.

Я попросилъ играть Бетховена. Наташа широко распахнула двери балкона, изъ сада потянуло росой и запахомъ душистаго тополя; въ акаціи щелкалъ запоздалый соловей, и его пѣсня покрылась громкими, дико-оригинальными бетховенскими аккордами. Въ залѣ при свѣтѣ маленькой лампочки убирали чай. Дядя сопѣлъ на диванѣ и слушалъ, выкативъ глаза.

Я мало понимаю въ музыкѣ; я даже не могъ-бы сказать, горе или радость выражены въ сонатѣ, которую играла Вѣра; но что-то накипаетъ на сердцѣ отъ этихъ чудныхъ, непонятныхъ звуковъ и хорошо становится... Вспоминается прошлое; многое въ немъ кажется теперь чуждымъ и страннымъ, какъ будто это другой кто жилъ за тебя. Я мучился тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ живого огня, я работалъ, горько смѣясь въ душѣ надъ самимъ собою... Да полно, правъ-ли я былъ? Всѣ жили спокойно и счастливо, а я ушелъ туда, гдѣ много горя, много нужды и такъ мало поддержки и помощи; знаютъ-ли они о тѣхъ лишеніяхъ, тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которыя мнѣ приходилось тамъ терпѣть? А я для этого сознательно отказался отъ довольной и обезпеченной жизни... И принесъ я съ собою оттуда лишь одно,—неизлечимую болѣзнь, которая сведетъ меня въ могилу.

Вѣра играла. Ея блѣдное лицо смотрѣло сосредоточенно, только въ углахъ губъ дрожала лукавая улыбка; пальцы тонкихъ, красивыхъ рукъ быстро бѣгали по клавишамъ... О, да! теперь-бы и я могъ увѣренно сказать: сколько задорнаго, молодого счастія въ этихъ звукахъ! Они знать не хотятъ никакого горя: чудно-хороша жизнь, вся она дышитъ красотою и радостью; къ чему-же выдумывать себѣ какія-то муки?.. Вершины тополей, освѣщенные мѣсяцемъ, каждымъ листикомъ вырисовывались въ прозрачномъ воздухѣ; за рѣкою, на склонѣ горы, темнѣли дубовые кусты, дальше тянулись поля, окутанныя серебристымъ сумракомъ. Хорошо тамъ теперь.... Дядя по-прежнему сопѣлъ, понуривъ голову; дремлетъ-ли онъ или слушаетъ?

Ко мнѣ неслышно подошла Наташа.

— Митя, пойдемъ мы сегодня гулять?—шопотомъ спросила она, близко наклонившись и блестя глазами.

— Конечно!—тихо отвѣтилъ я.—А что, вамъ еще и теперь не позволяютъ гулять по вечерамъ?

Наташа съ улыбкой наклонила голову, указала взглядомъ на отца и отошла.

Пальцы Вѣры съ невозможною быстротою бѣгали по клавишамъ; бѣшено-веселые звуки крутились, словно въ вихрѣ, захватывали и шаловливо уносили куда-то. Хотѣлось смѣяться, смѣяться безъ конца и дурачиться, и радоваться тому, что и ты молодъ... Раздались громовые заключительные аккорды. Вѣра опустила крышку рояля и быстро встала.

— Славно, Вѣра, ей-Богу славно!—воскликнулъ я, обѣими руками крѣпко пожимая ея руки и любуясь ея счастливо-улыбавшимся лицомъ.

Дядя поднялся съ дивана и подошелъ къ намъ.

— Вѣра Николаевна своей музыкой, какъ Орфей въ аду... укрощаетъ камни...

— Именно, именно, — камни укрощаетъ! — съ какимъ-то мальчишескимъ чувствомъ подхватилъ я.—За вашу музыку я васъ сегодня гулять съ собой возьму,—шутливо шепнулъ я ей.

— Благодарю!—отвѣтила она улыбаясь.

Дядя зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Ого! ужъ скоро одиннадцать!.. Пора и на боковую, какъ ты думаешь, Дмитрій? Въ деревнѣ всегда надо рано ложиться и рано вставать. Покойной ночи!.. Какъ это?.. э... э... Leben sie wohl, essen sie Kohl, trinken sie Bier, lieben sie mir!.. Хxe-хе-хе?—Дядя засмѣялся и протянулъ мнѣ руку.—Нѣмцы безъ *бира* никогда не обойдутся!

Онъ простился и ушелъ. Я сталъ перелистывать лежавшую на столѣ „Ниву“; остальные тоже дѣлали видъ, что чѣмъ-то заняты. Тетя окинула всѣхъ насъ взглядомъ и засмѣялась.

— Ну, Митя, вы, я вижу, гулять собираетесь!—сказала она, лукаво грозя пальцемъ.

Я расхохотался и захлопнулъ „Ниву“.

— Тетя, посмотрите, какая ночь!

— Да, Митечка, вѣдь ты-же больше сутокъ въ дорогѣ былъ! Ну, гдѣ тебѣ еще гулять?

— Рѣчь тутъ не обо мнѣ, тетя...

— Сталъ ты докторомъ, а право, все такой-же, какъ прежде...

— Ну, значитъ, позволяете!—заключилъ я.—А мальчиковъ можно съ собой взять?

— Э, да ужъ идите всѣ!—махнула она рукой.—Только, господа, потише, чтобъ папка не услышалъ, а то буря будетъ... Я велю вамъ въ залѣ крынку молока оставить: можетъ быть, проголодаетесь... Прощайте! Счастливаго пути!

Мы спустились въ садъ.

— Ну, что-же, господа, на лодкѣ поѣдемъ?—шопотомъ спросилъ я.

— Конечно, на лодкѣ!.. Въ Греково,—быстро сказала Наташа.—Ахъ, Митя, ночь какая! Прогуляемъ сегодня до утра?

Всѣ были какъ-то особенно оживлены,—даже полная, сонливая Соня, старшая сестра Наташи. Мы свернули въ темную боковую аллею; въ ней пахло сыростью, и свѣтъ мѣсяца еле пробивался сквозь густую листву акацій.

— Вотъ, Митя, потѣха была сегодня!—смѣясь заговорила Наташа. — Выкупались мы передъ ужиномъ и переѣхали въ лодкѣ на ту сторону; возвратились назадъ — я весла выбросила на берегъ, выпрыгнула сама и нечаянно ногою оттолкнула лодку. Лида сидѣла на кормѣ—вдругъ какъ вскочитъ: „Ахъ, Господи-Батюшка! Спасайся, кто можетъ!"—и, какъ была, одѣтая,—въ воду!

— Я испугалась: какъ-бы мы безъ веселъ къ берегу подъѣхали?—краснѣя стала оправдываться Лида (сестра Вѣры).

Странная какая-то эта Лида: молчаливая и застѣнчивая, она краснѣетъ при самомъ незначительномъ обращенномъ къ ней словѣ.

— И вся, вся замочилась, выше пояса!—хохотала Наташа.—Пришлось сбѣгать домой, принести ей сухое платье.

— „Спасайся, кто можетъ!" Ххо-ххо-ххо!—въ восторгѣ засмѣялся Петька и обѣими руками крѣпко обнялъ Лиду за талію.

— Да ну, Петька, пошелъ прочь!—съ досадою сказала Лида.—Вѣшается ко всѣмъ!

— Ахъ, Лида, Лида! за что ты меня ожесточаешь?—меланхолически произнесъ Петька.—Если-бы ты могла знать чувства мужскаго сердца!

— Ну, Петька! шутъ!—лѣниво засмѣялась Соня.

Аллея кончалась калиточкой. За нею по косогору спускалась къ рѣкѣ узкая тропинка. Наташа неожиданно положила руки на плечи Вѣры и вмѣстѣ съ нею быстро побѣжала подъ-гору.

— Ай!.. Ната-а-а-ша!!—закричала Вѣра, испуганно смѣясь и стараясь остановиться. Петька помчался слѣдомъ за ними.

Когда мы сошли къ рѣкѣ, Вѣра, совершенно обезсилѣвшая ъ смѣха и усталости, сидѣла на лавочкѣ подъ черемухой и, ѣсивъ голову, громко, протяжно охала; Петька сидѣлъ рямъ и тоже старательно охалъ.

— Да ну, Петя... Ради Бога!.. Охъ!—стонала она, хватаясь грудь. Будетъ!.. Охъ, не могу!.. О-о-охъ!

— Оо-хъ!—вторилъ Петька.

Вѣра морщилась и безсильно махала руками и всетаки смѣялась.

— Ну, Вѣрка! размякла совсѣмъ!—презрительно сказала Наташа, стоя на кормѣ лодки.—Настоящая рыба!

— Господа! Вѣдь насъ не только въ домѣ, а и въ Санинѣ слышно,—запротестовалъ я.

— Ну, садитесь скорѣй въ лодку, а то мы одни уѣдемъ!—крикнула Наташа.

— О-охъ, Наташа, Наташа!—вздохнула Вѣра, поднимаясь и еле бредя къ лодкѣ.—Что ты со мною дѣлаешь!

— Да ну-же, садитесь скорѣй!—повторила Наташа, нетерпѣливо раскачивая лодку.

Мы съ Мишей сѣли за весла; Вѣра, Соня, Лида и Петька размѣстились въ серединѣ, Наташа у руля. Лодка, описавъ полукругъ, выплыла на середину неподвижной рѣки; медленно отошла назадъ и скрылась за выступомъ купальни. На горѣ темнѣлъ садъ, который теперь казался еще гуще, чѣмъ днемъ, а по ту сторону рѣки, надъ лугомъ, высоко въ небѣ стоялъ мѣсяцъ, окруженный нѣжно-синею каймою.

Лодка шла быстро, вода журчала подъ носомъ; не хотѣлось говорить, отдавшись здоровому ощущенію мускульной работы и тишинѣ ночи. Межъ деревьевъ всѣмъ широкимъ фасадомъ выглянулъ домъ съ бѣлыми колоннами балкона; окна вездѣ были темны: всѣ ужъ спятъ. Сбоку выдвинулись липы и снова скрыли домъ. Садъ исчезъ назади, по обѣ стороны тянулись луга; берегъ черною полосою отражался въ водѣ, а дальше по рѣкѣ игралъ мѣсяцъ.

— Ахъ, какая чудная луна!—томно вздохнула Вѣра.

Соня засмѣялась.

— Вотъ смотри, Митя, она всегда такая: просто не можетъ равнодушно видѣть мѣсяца. Разъ мы съ нею шли въ Пожарскѣ черезъ мостъ; на небѣ луна, — тусклая, ничего хорошаго; а Вѣра смотритъ: «ахъ, великолѣпная луна!..» Такая сантиментальная!

— Сантиментальная! А вотъ Наташа только что говорила, что я—рыба. Развѣ рыбы бываютъ сантиментальныя?—спросила Вѣра съ своею медленною и доброю улыбкою.

— Отчего-жъ нѣтъ? Высунула рыба носъ изъ воды, смотритъ на луну: «ахъ, ахъ!—великолѣпная луна!»

Соня съострила неожиданно для самой себя и залилась смѣхомъ. Я сложилъ весла и передохнулъ.

— Господа! давайте голоса ночи слушать,—предложила Наташа.—Миша, брось весла.

Лодка медленно проплыла нѣсколько аршинъ, постепенно заворачивая въ бокъ, и, наконецъ, остановилась. Всѣ притихли. Двѣ волны ударились о берега, и поверхность рѣки замерла.

Съ луга тянуло запахомъ влажнаго сѣна, въ Санинѣ лаяли собаки. Гдѣ-то далеко заржала лошадь въ ночномъ. Мѣсяцъ слабо дрожалъ въ синей водѣ, по поверхности рѣки расходились круги. Лодка повернулась бокомъ и совсѣмъ приблизилась къ берегу. Дунулъ вѣтеръ и слабо зашелестилъ въ осокѣ; гдѣ-то въ травѣ вдругъ забилась муха.

Я закурилъ папиросу и сталъ держать горящую спичку надъ водой. Изъ черной глубины быстро вынырнула рыба, оторопѣло уставилась на огонь выпученными, глупыми глазами и, вильнувъ хвостомъ, юркнула назадъ. Всѣ разсмѣялись.

— Какъ Вѣра на луну!—сказала Лида, лукаво дрогнувъ бровью. Всѣ засмѣялись сильнѣе, а Лида покраснѣла.

— Ну, господа, дальше можно ѣхать,—сумрачно проговорилъ Миша, все время зѣвавшій. Онъ снова взялся за весла.

Наташа перебралась съ кормы на середину лодки.

— Митя, разскажи, за что тебя со службы выгнали,—сказала она, съ какою-то дѣтскою ласкою заглядывая мнѣ въ глаза.

— За что выгнали? О, голубушка, это исторія долгая...

— Ну, всетаки разскажи!..

Я сталъ разсказывать. Всѣ тѣснѣе сдвинулись вокругъ меня. Между прочимъ, разсказалъ я и о своей первой стычкѣ съ предсѣдателемъ, послѣ которой я изъ «преданнаго своему дѣлу врача» превратился въ «наглаго и неотесаннаго фрондера»: пріѣхавъ въ деревню, гдѣ былъ мой пунктъ, принципалъ прислалъ мнѣ слѣдующую *собственноручную* записку: «Предсѣдатель управы желаетъ видѣть земскаго врача Чеканова; обѣдаетъ у князя Серпуховскаго». Ну, я ему на обратной сторонѣ его записки отвѣтилъ: «Земскій врачъ Чекановъ не желаетъ видѣть предсѣдателя управы и обѣдаетъ у себя дома».

Всѣ разсмѣялись.

— Что-же онъ?—быстро спросила Наташа.

— Да ничего. Отвѣта моего онъ никому не могъ показать, потому что тогда бы прочли и его письмо; ну, а такъ врачу не пишутъ.

— Я не понимаю, Митя, какъ можно было такъ отвѣтить,—сказала Вѣра.—Вѣдь онъ же вашъ начальникъ?

— Да ну, Вѣра! всегда вотъ такая!—нетерпѣливо повела Наташа плечами.—Такъ что жъ такое?

— Какъ—что жъ такое? Вотъ изъ-за этого Митя потерялъ то. Хорошо еще, что онъ неженатый человѣкъ.

— Голубушка Вѣра! и женатые отказывались отъ мѣстъ,—залъ я.—Читали вы въ газетахъ о саратовской исторіи? ѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались. А нужно знать, какіе все горькіе бѣдняки были, многіе съ семьями,—подумать ко!

Мы нѣсколько времени плыли молча.

— Свобода вѣроисповѣданія...—произнесъ вдругъ Петька.

— Къ чему ты это сказалъ?—съ усмѣшкою спросила Соня.

Петька помолчалъ.

— Къ чему я это, правда, сказалъ?—проговорилъ онъ съ недоумѣвающей улыбкой.—А всетаки есть смыслъ.

— Какой же?

— Го-го!.. Какой!.. Свобода вѣроисповѣданія, — изъ-за нея въ Средніе вѣка сколько войнъ происходило!

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, такъ вотъ.

Я снова сѣлъ за весла. Лодка пошла быстрѣе. Наташа какъ-то лихорадочно оживилась; она вдругъ охватила обѣими руками Вѣру и хохоча стала душить ее поцѣлуями. Вѣра вскрикнула, лодка накренилась и чуть не зачерпнула воды. Всѣ сердито напали на Наташу; она, смѣясь, сѣла къ кормѣ и взялась за руль.

— Господи, вотъ сумасшедшая дѣвчонка! Я такъ испугалась,—говорила Вѣра, оправляя прическу.

— Скорѣй, господа, скорѣй гребите!—торопила Наташа, откидывая свои распущенные волосы за спину.

Лодка вдругъ съ шуршащимъ шумомъ врѣзалась въ тростникъ; насъ обдало острымъ запахомъ аира, его вѣтки закачались и раздались въ стороны.

— Сильнѣй гребите, сильнѣй!—смѣялась Наташа, нетерпѣливо топая ногами. Весла путались въ упругихъ корняхъ аира, лодка медленно двигалась впередъ, окруженная сплошною стѣною мясистыхъ, острыхъ, какъ иглы, стеблей. — Ну, вотъ, пріѣхали! Вылѣзайте!

— Спорить трудно: дѣйствительно, пріѣхали!—засмѣялся я.

Вѣра переглянулась съ Лидой.

— Одн-нако! довольно-таки по-суворовски!—сказала она поднимаясь.

— Ничего! Суворовъ былъ умный человѣкъ. Вылѣзай! Я васъ въ грековской рощѣ ужиномъ накормлю.

— Да, если такъ, то... Ай, Наташа, осторожнѣе! Не качай лодку!

Мы вышли на берегъ. Спускъ весь заросъ лознякомъ и ракитникомъ. Приходилось прокладывать дорогу сквозь чащу. Миша и Соня недовольно ворчали на Наташу, Вѣра шла покорно и только охала, когда оступалась о пенекъ или тянувшуюся по землѣ вѣтку. Петька зато былъ совершенно доволенъ: онъ продирался сквозь кусты куда-то въ сторону, вдоль рѣки, съ величайшимъ удовольствіемъ падалъ, опять поднимался и уходилъ все дальше.

— Не стоните: тутъ сейасчъ тропинка должна быть,—сказала Наташа.

Она остановилась и, подобравши волосы, широкимъ узломъ завязала ихъ на затылкѣ.

— Ахъ, Митя, если бы ты зналъ, какъ я рада, что ты пріѣхалъ! — вдругъ вполголоса сказала она, съ быстрой, радостной улыбкой взглянувъ на меня изъ-подъ поднятой руки.

— Эй, вы... акаѳисты!—донесся изъ-за кустовъ голосъ Петьки.—Идите сюда: тропинка!

— Ну, слава Богу! — облегченно вздохнула Соня, и всѣ повернули на голосъ.

Мы поднялись по тропинкѣ на-верхъ. Надъ обрывомъ высились три молодыхъ дубка, а дальше безъ конца тянулась во всѣ стороны созрѣвавшая рожь. Такъ и пахнуло въ лицо тепломъ и просторомъ. Сзади внизу слабо дымилась неподвижная рѣка.

— Охъ, устала!—проговорила Вѣра, опускаясь на траву.— Господа, я не могу дальше идти, нужно отдохнуть... Охъ! Садитесь!..

— Фу-ты, безобразіе! Какъ старуха охаетъ!—сказала Наташа.—Сколько разъ ты сегодня охнула?

— Старость приходитъ, о-охъ!.. — вздохнула Вѣра и засмѣялась.

Опершись на локоть, она закинула голову кверху и стала смотрѣть въ небо. Мы всѣ тоже сѣли. Наташа стояла на самомъ краю обрыва и смотрѣла на рѣку.

Вѣтеръ слабо дулъ съ запада; кругомъ медленно, словно въ дремотѣ, съ чуть слышнымъ ропотомъ волновалась рожь. Наташа повернулась и подставила лицо навстрѣчу вѣтру.

— Господи!.. Наташа, смотри, гдѣ ты стоишь!—испуганно вскрикнула Вѣра.

Край обрыва надтреснулъ, и Наташа стояла на земляной глыбѣ, нависшей надъ берегомъ. Наташа медленно взглянула подъ ноги, потомъ на Вѣру; задорный бѣсёнокъ такъ и глянулъ изъ ея глазъ. Она качнулась, и глыба подъ нею дрогнула.

— Наташа, да сойди-же сію минуту!—волновалась Вѣра.

— Ну, Вѣрка, не сантиментальничай! — засмѣялась Наташа, раскачиваясь на колыхавшейся глыбѣ.

— Ахъ, Господи, бѣшеная дѣвчонка!.. Наташа, ну, ради Бо-ога!..

— Наташа, да ты вправду съ ума сошла!—воскликнулъ я, подымаясь. Но въ это время глыба сорвалась, и Наташа вмѣстѣ съ нею рухнула внизъ. Вѣра и Соня истерически вскрикнули. Внизу затрещали кусты. Я бросился туда.

Наташа, оправляя платье, быстро выходила изъ кустовъ на тропинку. Одна щека ея разгорѣлась, глаза ярко блестѣли.

№ 6418 ж.ф.

— Ну, можно-ли, Наташа, такъ?!. Что ты? больно ушиблась?

— Да ничего же, Митя, что ты?—отвѣтила она, вспыхнувъ.

— Не можетъ быть ничего: съ эдакой высоты!.. Эхъ, Наташа! если ушиблась, такъ скажи же...

— Ахъ, Митя, какой ты чудакъ!—разсмѣялась она.—Ну, что это—изъ-за каждаго пустяка такую тревогу подымать!

Она быстро стала подниматься по тропинкѣ на-верхъ.

— Это Богъ знаетъ, что такое! — сердито встрѣтила ее Соня.—Право, вѣдь всему мѣра есть. Эдакая глупость!.. Не доставало, чтобы ты себѣ сломала ногу!

Наташа широко раскрыла глаза.

— Кому до этого дѣло?—медленно спросила она.

— Ахъ, Господи! — всплеснула Вѣра руками.—Вотъ меня всегда въ такихъ случаяхъ возмущаетъ Наташа!.. «Кому дѣло»! Папѣ и мамѣ твоимъ дѣло, намъ всѣмъ дѣло!.. Какъ это такъ всегда, постоянно и постоянно о себѣ одной думать?!

— Всегда, постоянно и постоянно...—благоговѣйно повторилъ Петька и задумался, словно стараясь вникнуть въ глубокій смыслъ этихъ словъ.

— Ну, ну! *Просто*—постоянно!—улыбнулась Вѣра.

— Всегда—постоянно и постоянно!—захихикалъ Петька. Какъ хорошо выходитъ: всегда... постоянно... и постоянно!

— Ну, господа, довольно сидѣть! Идемъ дальше!—сказала Наташа.—Вотъ такъ, прямо черезъ рожь, всего полверсты будетъ до рощи.

— О, Петя, Петя! всегда то ты меня обижешь!—вздохнула Вѣра, опираясь о его плечо и поднимаясь.

Мы пошли черезъ рожь по широкой межѣ, заросшей полынью и полевой рябинкой.

— Вотъ и дома тоже! когда я разсержусь, я начинаю говорить очень неправильно,—сказала Вѣра.—И мальчики сейчасъ этимъ пользуются.

— Вѣра, неужели вы тоже умѣете сердиться?—удивленно спросилъ я.

— О, да еще какъ!—улыбнулась она.—Только мальчики совсѣмъ не боятся. Я заговорюсь, скажу что-нибудь, — они сейчасъ подхватятъ, я и разсмѣюсь. Особенно Саша, — онъ такой остроумный; и у него совсѣмъ какой-то особенный юморъ.

Вѣра начала разсказывать о своихъ братьяхъ. Знала она ихъ удивительно: столько въ ея разсказахъ сказалось наблюдательности, столько любви и тонкаго психологическаго чутья, что я слушалъ съ дѣйствительнымъ интересомъ. Остальные за-то довольно недвусмысленно выражали желаніе перемѣнить разговоръ.

— Ну, ну, я сейчасъ кончу!—торопливо возражала Вѣра и продолжала разсказывать безъ конца.

Вдругъ въ темнотѣ раздался звонкій подзатыльникъ, что-то охнуло, и Петька кубаремъ покатился въ рожь.

— Дуракъ!—послышалось изо ржи.

— Я тебѣ еще не такъ влѣплю, дрянь!—гнѣвно крикнулъ Миша.

Петька вышелъ на межу и сталъ счищать съ себя пыль...

— Думаетъ, что сильнѣе, старшій братецъ, такъ можетъ, что хочетъ дѣлать!—сердился онъ.

— Да въ чемъ дѣло? Миша, за что ты его?—спросила Соня.

— Чортъ знаетъ, что такое! Иду — вдругъ онъ меня за носъ хватаетъ!.. Попробуй-ка еще разъ!

— А я почемъ зналъ, что это твой носъ? ты бы сказалъ. А то я вижу, морква какая-то торчитъ,—длинная, мокрая... Мнѣ, конечно, интересно.

— Глупо-съ, Петенька!—ядовито замѣтилъ Миша.

— Склизкая такая, холодная...

Кругомъ смѣялись. Петька былъ отомщенъ.

— Шутъ гороховый!—презрительно процѣдилъ Миша.

— Оо-о-хо-хо!—глубоко вздохнулъ Петька, поправилъ на себѣ брюки и оглядѣлся по сторонамъ.—У Наташи въ глазахъ двѣ курсистки сидятъ,—объявилъ онъ.—Въ каждомъ глазу по курсисткѣ: одна въ очкахъ, другая безъ очковъ.

— Ну, оставь, Петя!—недовольно остановила Наташа.

— А ты развѣ на курсы собираешься?—быстро спросилъ я.

— Н-нѣтъ... не знаю,—отвѣтила она и взглянула впередъ.—Вонъ она, грековская роща!

Средь свѣтлой ржи, отлого тянувшейся внизъ, широкою неправильною полосою вилась грековская лощина; на склонѣ ея, вся залитая луннымъ свѣтомъ, темнѣла небольшая осиновая роща.

Лощинка была уже выкошена. Ручей, густо заросшій тростникомъ и рѣзикой, сонно журчалъ въ темнотѣ; подъ обрывомъ близъ омута что-то однообразно, чуть слышно пищало въ водѣ. Изъ глубины лощины тянуло влажнымъ, пахучимъ холодкомъ.

Мы перебрались черезъ ручей и вошли въ рощу. Въ серединѣ ея была сажалка, вся сплошь зацвѣтшая. Наташа пустилась къ самому ея берегу и изъ глубины развѣсистаго иповаго куста достала небольшой холстинковый мѣшечекъ.

— Господа, костеръ нужно будетъ разводить! Вотъ вамъ кинъ!—съ торжествомъ заявила она.

Въ мѣшечкѣ оказалось десятка три сырыхъ картофелинъ, тыре ржаныхъ лепешки и соль. Всѣ расхохотались.

— Откуда это у тебя тутъ?

— Очень просто: я часто хожу сюда читать; проголодаюсь,—разведу костеръ, спеку картофелю и позавтракаю.

— Ге-ге-ге! это нужно впередъ знать,—сказалъ Петька, почесавъ за ухомъ.

Всѣ разсыпались по рощѣ, ломая для костра нижніе, сухіе сучья осинъ. Роща огласилась трескомъ, говоромъ и смѣхомъ. Сучья стаскивались къ берегу сажалки, гдѣ Вѣра и Соня разводили костеръ. Огонь весело запрыгалъ по трещавшимъ сучьямъ, освѣщая кусты и нижнія вѣтви ближайшихъ осинъ; между вершинами синѣло темное, звѣздное небо; съ костра вмѣстѣ съ дымомъ срывались искры и гасли далеко вверху. Вѣра отгребла въ сторону горячій уголь и положила въ него картофелины.

Сначала всѣ шутили и смѣялись, потомъ примолкли. Костеръ догоралъ, все было съѣдено. Петька, положивъ вихрастую голову на колѣни Вѣры, задремалъ; она съ какою то материнскою заботливостью укутала его своимъ платкомъ и сидѣла, не шевелясь. И опять, какъ тогда за роялемъ, ея лицо стало красиво и одухотворенно.

Мы долго сидѣли у костра: подъ пепломъ бѣгали огненныя змѣйки, листья осинъ слабо шумѣли надъ головой. Я разсказывалъ о своей службѣ, о голодѣ и голодномъ тифѣ, о томъ, какъ жалко было приэтомъ положеніе насъ врачей: требовалось лишь одно,—кормить, получше кормить здоровыхъ, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми противъ зараженія; но пособій едва хватало на то, чтобъ не дать имъ умереть съ голоду. И водъ одного за другимъ валила страшная болѣзнь, а мы безпомощно стояли передъ нею съ своими ненужными лекарствами... Вѣра сидѣла, задумчиво глядя на лицо спящаго Петьки; кажется, она мало слушала: мысли ея были далеко, въ Пожарскѣ, и она думала о своихъ братьяхъ.

Наконецъ, мы собрались домой. Мѣсяцъ уже давно сѣлъ, на востокѣ появилась свѣтлая полоска; лощина тонула въ бѣломъ туманѣ, и становилось холодно. Было поздно, приходилось возвращаться домой по самой короткой дорогѣ; Наташа взялась сходить завтра утромъ за лодкой и пригнать ее домой. Мы поднялись на гору, прошли черезъ рожь, потомъ долго шли по пару и вышли, наконецъ, на торную дорогу; круто обогнувъ въ крестьянскіе овсы, она мимо березовой рощи спускалась внизъ къ Большому Лугу. Весь лугъ былъ покрытъ густымъ туманомъ, и передъ нами какъ будто медленно колыхалось огромное озеро. Мы спустились въ это туманное озеро. Грудь тѣснило сыростью, тяжело было дышать; на травѣ по бокамъ дороги бѣлѣла роса. Мы шли, разсѣкая туманъ.

— Слушай!—сказала вдругъ Наташа, схвативъ меня за локоть.

Мы остановились. Тишина кругомъ была мертвая, и вдругъ близъ рощи, въ овсахъ, робко, неувѣренно зазвенѣлъ жаворонокъ... Его трель слабо оборвалась въ сыромъ воздухѣ, и опять все смолкло и еще тише стало.

Вдали начали вырисовываться въ туманѣ темные силуэты деревьевъ и крыши избъ; у околицы тявкнула собака. Мы поднялись по деревенской улицѣ и вошли во дворъ. Здѣсь тумана уже не было; крыша сарая рѣзко чернѣла на свѣтлѣвшемъ небѣ; отъ скотнаго двора несло тепломъ и запахомъ навоза, тамъ слышались мычаніе и глухой топотъ. Собаки спали вокругъ крыльца.

— Ну, господа, потише теперь, а то всѣхъ разбудимъ!—предупредилъ я.

Въ головѣ звенѣло, нервы были напряжены, у всѣхъ глаза какъ-то странно блестѣли, и опять всѣмъ стало весело.

— Что-жъ, Митя, будемъ мы молоко пить?—спросила Наташа.

— Ужъ лучше не надо: разбудимъ мы всѣхъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы къ тебѣ на-верхъ молоко принесемъ и тамъ будемъ пить.

Мысль эту всѣ одобрили. Мы пробрались наверхъ. За молокомъ откомандировали, конечно, Наташу. Она принесла огромную крынку молока и цѣлый ситный хлѣбъ.

— Господа, извольте только все молоко выпить!—объявила она.

— Почему это?

— А то мама увидитъ, что не все выпили, и впередъ будетъ меньше оставлять.

— Эге! На этомъ основаніи, значитъ, каждый разъ придется все выпивать!

Однако, черезъ четверть часа кувшинъ былъ уже пустъ. Теперь, когда шумѣть нельзя было, всѣми овладѣло веселье неудержимое, каждое замѣчаніе, каждое слово пріобрѣтало какое-то необыкновенно смѣшное значеніе; всѣ крѣпились, убѣждали другъ друга не смѣяться, закусывали губы—и все-таки смѣялись безъ конца... Мнѣ съ трудомъ удалось ихъ выпроводить...

Однако, засидѣлся же я! Солнце встало и косыми лучами скользитъ по кирпичной стѣнѣ сарая, росистый садъ полонъ стрекотаньемъ и чириканьемъ; старикъ Гаврило съ угрюмымъ, сонным лицомъ запрягаетъ въ бочку лошадь, чтобъ ѣхать за водою.

Спать!

21 іюня.

Проснулся я въ началѣ двѣнадцатаго и долго еще лежалъ въ постели. Въ комнатѣ полумракъ, яркое полуденное солнце пробивается сквозь занавѣски и играетъ на стеклѣ графина; тихо; снизу издалека доносятся звуки рояля... Чувствуешь себя здоровымъ и бодрымъ, на душѣ такъ хорошо, хочется улыбаться всему. Право, вовсе не трудно быть счастливымъ!

Миша и Петя пришли звать меня купаться. Я одѣлся, мы на перегонки сбѣжали къ рѣкѣ. Небо—синее и горячее, солнце жжетъ; тѣнистый садъ на горѣ, словно изнемогши отъ жары, неподвижно дремлетъ. Но вода еще свѣжа, она такъ и охватываетъ тѣло какою-то мягкою, нѣжною прохладою; плывешь, еле двигая руками и ногами, въ этой прозрачно-зеленой, далеко вглубь освѣщенной солнцемъ водѣ. Мы купались около часу, пока не зазвонили къ завтраку. Почти всѣ ужъ были въ сборѣ; на столѣ благодать: пирогъ, варенецъ, рубцы, редиска, ветчина, свѣжіе огурцы. Я опять сидѣлъ возлѣ дяди, и онъ любезно сообщилъ мнѣ нѣсколько очень новыхъ и интересныхъ свѣдѣній: что гречневая каша—національное русское блюдо, что есть даже пословица: «каша—мать наша», что нѣмцы предпочитаютъ пиво, а русскіе—водку и т. п.

Вошла Наташа и сѣла къ столу.

— Что жъ ты, Наташа, съ Митею не здороваешься?—сказала Софья Алексѣевна.—Вѣдь онъ съ твоимъ «принципомъ» незнакомъ и можетъ обидѣться.

По губамъ Наташи скользнула быстрая усмѣшка; она протянула мнѣ руку.

— У тебя какіе-же на этотъ счетъ «принципы»?—спросилъ я.

Наташа засмѣялась.

— Я не знаю, о какихъ мама принципахъ говоритъ,—отвѣтила она, садясь рядомъ со мною.—А только... Смотри: мы восемь часовъ назадъ видѣлись; если люди днемъ восемь часовъ не видятся, то ничего, а если они эти восемь часовъ спали, то нужно цѣловаться или руку пожимать. Вѣдь правда, смѣшно?

— Ничего смѣшного нѣтъ,—поучающе возразила Софья Алексѣевна.—Это извѣстное условіе между людьми, которое...

— Намъ все смѣшно, намъ все рѣшительно смѣшно!—вдругъ вскипятился дядя на Наташу.—Здороваться и прощаться—это предразсудокъ; вести себя, какъ прилично взрослой дѣвушкѣ—предразсудокъ; дорожить своимъ сословіемъ и положеніемъ—предразсудокъ... А вотъ начитаться разныхъ книжонокъ и безъ критики, безъ разсужденія поступать по нимъ—это не предразсудокъ! Это идейно и благородно.

Наташа съ неопредѣленной усмѣшкой наклонилась надъ

своею чашкою и молчала. Видимо, между нею и отцомъ лежало что-то, не разъ уже вызывавшее ихъ на столкновенія.

Послѣ завтрака я узналъ отъ Вѣры о положеніи дѣла. Послѣдніе два года Наташа усердно подготовлялась по древнимъ языкамъ къ аттестату зрѣлости, который, какъ передавали газеты, будетъ требоваться для поступленія въ проэктируемый женскій медицинскій институтъ. Дядя былъ очень недоволенъ занятіями Наташи: двадцатипятилѣтней Сонѣ, повидимому, уже нечего было разсчитывать на замужество; Наташа была живѣе и красивѣе сестры, и дядя надѣялся хоть отъ нея дождаться внучатъ. Между тѣмъ Наташа съ головою ушла въ своихъ классиковъ; она въ Пожарскѣ никуда не выѣзжала и даже не выходила къ гостямъ, которые приглашались спеціально для нея. Чтобы совершенно избавиться отъ всѣхъ этихъ выѣздовъ и гостей она прошлою осенью рѣшила остаться на всю зиму въ деревнѣ. Произошла очень тяжелая сцена съ дядей; подъ конецъ онъ объявилъ Наташѣ, что пусть она живетъ, гдѣ хочетъ, но пусть-же и отъ него не ждетъ ни въ чемъ уступки. Наташа круглый годъ прожила одна въ деревнѣ; по утрамъ она набирала въ залу деревенскихъ ребятишекъ и дѣвокъ, учила ихъ грамотѣ, читала имъ; по вечерамъ зубрила греческую грамматику Григоревскаго и переводила Гомера и Горація. Этою весною проэктъ о женскомъ медицинскомъ институтѣ былъ возвращенъ государственнымъ совѣтомъ, рѣшеніе вопроса отодвинулось на неопредѣленное время. Наташа рѣшила ѣхать хоть на рождественскіе курсы лекарскихъ помощницъ. Но для поступленія туда требуется родительское разрѣшеніе. Когда Наташа заговорила съ дядей о курсахъ, онъ желчно разсмѣялся и сказалъ, что просьба Наташи его очень удивляетъ: какъ это она, «такая самостоятельная», снисходитъ до просьбъ! Наташа возразила, что проситъ она у него только разрѣшенія, содержать-же себя будетъ сама (у нея было накоплено съ уроковъ около трехсотъ рублей). Дядя отказалъ наотрѣзъ. За Наташу вступился докторъ Ликонскій, отецъ Вѣры и Лиды, единственный человѣкъ, имѣющій вліяніе на упрямаго и ограниченнаго дядю; но и его убѣжденія ничего не могли подѣлать. Дядя объявилъ категорически, что онъ боится отпустить Наташу съ ея характеромъ въ Петербургъ.

26 іюня.

Можетъ быть это—лишь слѣдствіе того подъема жизненныхъ силъ, который обыкновенно замѣчается послѣ благополучно перенесеннаго тифа,—что до того? Я знаю только, что я глубоко счастливъ, счастливъ *такъ*, безъ всякой причины... Ясные дни, теплыя, душистыя ночи, музыка Вѣры,—чего мнѣ больше? Не замѣчаешь, идетъ-ли время или стоитъ. Никакіе вопросы не мучатъ, на душѣ тихо и ясно. Я даже книгъ со-

временныхъ теперь не читаю: дѣдъ дяди былъ очень образованный человѣкъ и оставилъ послѣ себя огромную библіотеку; теперь она свалена въ углу верхней кладовой и служитъ пищею мышамъ. Я цѣлые часы провожу тамъ, разбирая и приводя въ порядокъ книги и бумаги, мнѣ нравится съ головою уходить въ эту давно исчезнувшую жизнь, гдѣ Вольтеръ уживался съ житіями святыхъ, Руссо съ крѣпостнымъ правомъ, «Liaisons dangereuses» съ Ѳомою Кемпійскимъ,—жизнь, жестокую, наивную, сладострастную и сантиментальную.

Наташа навела ко мнѣ массу больныхъ. Всѣ въ деревнѣ ей знакомы и всѣ ей пріятели. Она сопутствуетъ мнѣ въ обходахъ, развѣшиваетъ лекарства. Странное что-то въ ея отношеніяхъ ко мнѣ: Наташа словно все время изучаетъ меня; она какъ-будто не то ждетъ отъ меня чего-то, не то ищетъ, какъ самой подойти ко мнѣ. Можетъ быть, впрочемъ, я ошибаюсь; но какіе славные у нея глаза!

Отъ разговоровъ ея вѣетъ чѣмъ-то старымъ-старымъ, но такимъ хорошимъ; она хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектантству, считаю-ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея сказывается предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣмъ этимъ. Что-же? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь; однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ дается что-нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить объ немъ; но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, вродѣ вопроса о правильности теоріи фагоцитоза или о вѣроятности гипотезы Альтмана. Наташа-же вноситъ въ дѣло слишкомъ много страстности, и мнѣ становится неловко. Я неохотно отвѣчаю ей и перевожу разговоръ на другое.

И еще въ одномъ отношеніи я часто испытываю неловкость въ разговорѣ съ нею: Наташа знаетъ, что я могъ остаться при университетѣ, имѣлъ возможность хорошо устроиться,— и вмѣсто этого пошелъ въ земскіе врачи. Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всемъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слова: «долгъ народу», «дѣло», «идея». Мнѣ-же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ.

27 іюня.

Со станціи привезли газеты. Въ Баку—холера, и она медленно, но непрерывно поднимается вверхъ по Волгѣ.

28 іюня.

Писать, такъ ужъ все писать, хоть гадко и противно вспоминать. Послѣ завтрака мы съ Вѣрой, Соней и Наташей играли на дворѣ въ крокетъ. Разговоръ случайно зашелъ о тургеневской Еленѣ; Соня, перечитывавшая недавно «Наканунѣ», назвала Елену «самымъ свѣтлымъ и сильнымъ образомъ русской женщины». Я напалъ на такую незаслуженно-высокую оцѣнку Елены. Елена—это разновидность типа очень стараго: неопредѣленныя порыванія въ даль, игнорированіе окружающаго, исканіе чего-то эффектнаго, яркаго, необычнаго,—въ этомъ она вся. Инсарова она полюбила не за то, что онъ указалъ ей дѣло, а просто потому, что онъ окруженъ ореоломъ, что онъ—«замѣчательный человѣкъ»; для нея Инсаровъ совершенно заслоняетъ собою то дѣло, которому онъ служитъ. Конечно, выборъ Елены дѣлаетъ ей честь, но... право, полюбить, напр., героя Гарибальди—«не велика штука», какъ выражается Шубинъ; не велика штука и умереть за *Италію* изъ любви къ *Гарибальди*. Когда Инсаровъ опасно заболѣваетъ, Елена можетъ найти утѣшеніе лишь въ одной мысли: «если онъ умретъ, и меня не станетъ». Внѣ ея любви для нея ничего не существуетъ, и понятно, что послѣ смерти Инсарова она должна была поѣхать непремѣнно въ Болгарію... Нѣтъ, Елена вовсе не «самый свѣтлый образъ русской женщины». Неужели дѣйствительно все дѣло женщины заключается въ томъ, чтобъ отыскивать достойнаго ея любви мужчину-дѣятеля? Гдѣ же прямая потребность настоящаго дѣла? Пусть это дѣло темно и невидно, пусть оно несетъ съ собою одни лишенія безъ конца, пусть на служеніе ему уходятъ молодость, счастье, здоровье,—что до того? Вѣдь это не забава и не фонъ для поэтическаго романа; это—тяжелый трудъ, красный лишь сознаніемъ, что живешь не напрасно. И у насъ много было и есть женщинъ, для которыхъ это сознаніе дороже самыхъ блестящихъ героевъ...

Ужъ тогда, когда я говорилъ, во мнѣ шевельнулось отвращеніе къ моему приподнятому тону; но меня подчинило себѣ то страстное вниманіе, съ какимъ слушала Наташа. Она не спускала съ меня радостно-недоумѣвающаго взгляда, и столько въ этомъ взглядѣ было страха, что я оборву себя, по обыкновенію замну разговоръ. Ну, вотъ, — я не остановился, не свелъ разговора на другое... О, мерзость!

И напрасно я стараюсь убѣдить себя, что говорилъ я искренно, что есть что-то болѣзненное въ моей боязни къ «высокимъ словамъ»; на душѣ скверно и стыдно, какъ будто я изъ желанія пустить пыль въ глаза нарядился въ богатое чужое платье.

11 час. веч.

Весь вечеръ я просидѣлъ наверху въ кладовой, разбирая книги. Солнце опустилось въ багровыя тучи, и нѣсколько разъ принимался накрапывать дождь. Дядя за ужиномъ былъ угрюмъ и молчаливъ: онъ собирался начать на-завтра возку сѣна, а барометръ неожиданно сильно упалъ; на Выконкѣ сѣно не успѣли скопнить, и оно осталось на ночь въ кругахъ. Окна были раскрыты, и въ темномъ саду тихо шумѣлъ дождь.

Наташа тоже была молчалива. Я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ ея внимательный и нерѣшительный, словно выжидающій взглядъ. Послѣ ужина, когда я прощался съ нею, она, протягивая руку, вдругъ взглянула на меня и тихо проговорила:

— Митя, мнѣ такъ много хочется у тебя спросить.

И я—я не спросилъ, что именно; я только серьезно кивнулъ головою и, не глядя на Наташу, отвѣтилъ, что я всегда къ ея услугамъ. Какъ будто я въ самомъ дѣлѣ не знаю, что она хочетъ спросить...

30 іюня.

Все время я провожу въ кладовой за книгами. Небо обложено тучами, дождь моросить, моросить безъ конца; въ мутной, сырой дали тянутся черныя пашни, мокрыя галки кричатъ на крышѣ... Я напрасно стараюсь подавить въ себѣ какое-то безпричинное, глухое раздраженіе, не оставляющее меня ни на минуту; раздражаетъ и надоѣдливый шумъ дождя по крышѣ, и эти ветхія окна, изъ щелей которыхъ дуетъ нестерпимо, и несущійся отъ книгъ противный запахъ мышей и прѣлой бумаги. Когда я вспоминаю о своемъ гаденькомъ виляньѣ передъ Наташей, меня злость беретъ: ужъ два дня прошло; какъ мальчикъ, шалость котораго открыта, я боюсь разговора съ нею и стараюсь избѣгать ея. И Наташа сразу замѣтила это; она держится въ сторонѣ, но глаза ея смотрятъ печально и недоумѣвающе. Богъ знаетъ, какъ объясняетъ она себѣ мое поведеніе. Сегодня утромъ я случайно встрѣтился съ нею въ корридорѣ; она пугливо оглядѣла меня и молча прошла мимо.

Голова тяжела, въ груди какая-то тупая, ноющая боль, и опять появился кашель...

1 іюля.

Я легъ вчера спать еще до ужина. Сегодня проснулся рано; отдернулъ занавѣски, раскрылъ окно: небо чистое и синее, солнце горячимъ свѣтомъ заливаетъ еще мокрый отъ дождя садъ; на липахъ распустились первые цвѣтки, и въ свѣжемъ вѣтеркѣ слабо чувствуется ихъ запахъ; все кругомъ весело поетъ и чирикаетъ... На душѣ ни слѣда вчерашняго; грудь глубоко дышетъ, хочется напряженія, мускульной работы, чувствуешь себя бодрымъ и крѣпкимъ.

Я одѣлся, пошелъ въ конюшню и осѣдлалъ Бѣсенка; онъ застоялся, и мнѣ съ трудомъ удалось сѣсть на него. Бѣсенокъ сердито ржалъ и, весь дрожа отъ нетерпѣнія, рвался подо мною и впередъ, и въ стороны; я нарочно, чтобъ побороться съ нимъ, проѣхалъ тихимъ шагомъ деревенскую улицу и весь Большой Лугъ. Отъ сѣдла пахло кожею, и этотъ запахъ мѣшался съ запахомъ влажной луговой травы.

Переѣхавъ плотину, я свернулъ на Опасовскую дорогу и пустилъ Бѣсенка вскачь; онъ словно сорвался и понесся впередъ, какъ бѣшеный. Безумное веселье овладѣваетъ при такой ѣздѣ; трава по краямъ дороги сливалась въ одноцвѣтныя полосы, захватывало духъ, а я все подгонялъ Бѣсенка, и онъ мчался, словно убѣгая отъ смерти.

Слѣва надъ рожью затемнѣлъ Санинскій лѣсъ: пять верстъ Бѣсенокъ проскакалъ безъ передышки; я придержалъ его и вскорѣ остановилъ совсѣмъ. Рожь безъ конца тянулась во всѣ стороны, и по ней медленно бѣжали золотистыя волны. Кругомъ была тишина, только въ синемъ небѣ нескончаемыми трелями звенѣли жаворонки. Бѣсенокъ, поднявъ голову и насторожив уши, стоялъ и внимательно вглядывался въ даль. Теплый вѣтеръ ровно дулъ мнѣ въ лицо; я не могъ имъ надышаться...

Ясное небо, здоровье да воля,—
Здравствуй, раздолье широкаго поля!..

Ласточка быстро пронеслась мимо ногъ лошади и вдругъ, словно что вспомнивъ назади, взмахнула крылышками и, издавъ мелодическій звукъ, крутымъ полукругомъ вильнула обратно. Бѣсенокъ опустилъ голову и нетерпѣливо переступилъ ногами. Я повернулъ на дорогу, вившуюся среди ржи по направленію къ Санинскому лѣсу.

«Здоровье»... Здоровъ я не былъ, я чувствовалъ, что грудь моя больна; но мнѣ доставляло даже удовольствіе это совершенно безболѣзненное ощущеніе гнѣздящейся во мнѣ болѣзни, и весело было заглядывать ей прямо въ лицо: да, у меня легкія усѣяны тысячами тѣхъ предательскихъ желтенькихъ бугорковъ, къ которымъ я такъ приглядѣлся на вскрытіяхъ,— а я вотъ ѣду и дышу полною грудью, и все у меня въ душѣ смѣется, и я не боюсь думать, что боленъ я—чахоткою...

Вспомнился мнѣ профессоръ N, у котораго я два года работалъ,—хмурый старикъ съ грозными бровями и добрѣйшей душой; вспомнились мнѣ его предостереженія, когда я сообщилъ ему, что поступаю въ земство.

— Да вы, батенька, знаете-ли, что такое земская служба?— говорилъ онъ, сердито сверкая на меня глазами.—Туда идти, какъ прежде всего здоровьемъ нужно запастись бычачьимъ:

промокъ подъ дождемъ, попалъ въ полынью, — выбирайся да поѣзжай дальше: ничего! Вѣтромъ обдуетъ и обсушитъ, на постояломъ дворѣ выпьешь водочки, — и опять здоровъ. А вы посмотрите на себя, что у васъ за грудь: выдуете-ли вы хоть двѣ-то тысячи въ спирометръ? Ваше дѣло—клиника, лабораторія. Поѣдете,—въ первый же годъ чахотку наживете.

Я зналъ, что все это правда, и тѣмъ не менѣе поѣхалъ же; я и подъ дождемъ мокнулъ, и въ полыньи проваливался, спѣша въ весеннюю распутицу къ роженицѣ, корчащейся въ эклампитическихъ судорогахъ. Когда ночные поты и утренній кашель навели меня на подозрѣніе, и я нашелъ въ своей мокротѣ коховскія палочки,—именно сознаніе, что я добровольно шелъ на это, и не дало мнѣ пасть духомъ. И вотъ теперь я стыжусь... чего?—стыжусь говорить, что нужно жить не для себя одного! Передо мною встало поблѣднѣвшее личико Наташи съ большими, печальными глазами... Да неужели же я не имѣю права хоть настолько-то уважать себя, чтобы не бояться разговора съ нею, не бояться того вопроса, съ которымъ она хочетъ ко мнѣ обратиться? А какъ я ее мучилъ...

Рожь кончилась, дорога вилась среди орѣховыхъ и дубовыхъ кустовъ опушки и терялась въ тѣнистой чащѣ лѣса; меня отовсюду охватило свѣжимъ запахомъ дуба и лѣсной травы; высоко на-верхъ взбѣгали кругомъ сѣрые стволы осинъ, сквозь ихъ жидкую листву нѣжно синѣло небо. Дорога была заброшенная и на-половину заросшая, вѣтви липовыхъ и кленовыхъ кустовъ низко наклонялись надъ нею; въ травѣ виднѣлись оранжевыя шляпки подосинниковъ, ярко зеленѣла костеника; запахло папоротникомъ... Угомонившійся Бѣсенокъ шелъ щеголеватымъ шагомъ, изогнувъ свою красивую, черную шею; вдругъ онъ поднялъ голову и, взглянувъ впередъ, громко заржалъ. На поворотѣ дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, показалась Наташа верхомъ на своемъ свѣтло-желтомъ Мальчикѣ.

Увидѣвъ меня, она какъ-то отшатнулась на сѣдлѣ и, нахмурившись, затянула поводья; лошадь прижала уши и, осѣдая на заднія ноги, подалась назадъ.

— Наташа! ты какимъ образомъ здѣсь? — радостно крикнулъ я и поспѣшилъ ей навстрѣчу.—Здравствуй, голубушка!—проговорилъ я, перегнувшись съ сѣдла и крѣпко пожимая ея руку.

Наташа слабо вспыхнула и оглядѣла меня быстрымъ, робкимъ взглядомъ.

— Вотъ хорошо, что мы съ тобою встрѣтились! Если бы я зналъ, я бы нарочно именно сюда поѣхалъ. Посмотри, утро какое: ѣдешь и не надышешься... Неужели ты уже домой? Поѣдемъ дальше, хочешь?

Я говорилъ, а самъ не отрывалъ глазъ отъ ея милаго, радостно-смущеннаго лица. Я видѣлъ, какъ она рада происшедшей во мнѣ перемѣнѣ и даже не старается скрыть этого, и мнѣ неловко и стыдно было въ душѣ, и хотѣлось яснѣе показать ей, какъ она мнѣ дорога.

— Поѣдемъ, мнѣ все равно,—въ замѣшательствѣ отвѣтила Наташа, поворачивая Мальчика.

— Ну, вотъ за это спасибо!.. И какъ это мы съ тобою именно здѣсь съѣхались? Какъ хорошо,—правда? Голубушка, поѣдемъ куда-нибудь... Хочешь въ Заклятую Лощину?

Я съ трудомъ удерживалъ Бѣсенка, косившагося и грозно ржавшаго на шедшаго бокъ-о-бокъ Мальчика. Дорога была узкая, мокрыя вѣтви молодыхъ осинокъ то и дѣло обдавали насъ брызгами, и мы ѣхали совсѣмъ близко другъ отъ друга.

— Я тамъ была сейчасъ, — сказала Наташа,—ручей разлился и весь обратился въ трясину; пробовала проѣхать,— нельзя.

Я взглянулъ на Наташу: она была тамъ!.. Заклятая Лощина—это глухая трущоба, которая, говорятъ, кишитъ волками; ее и днемъ стараются обходить подальше. А эта дѣвчурка ѣдетъ туда одна раннимъ утромъ, такъ себѣ, для прогулки!.. Не знаю, настроеніе-ли было такое, но въ эту минуту меня все привлекало въ Наташѣ,—и ея свободная, красивая посадка на лошади, и сіявшее счастьемъ, смущенное лицо, и вся, вся она,—такая славная и простая.

— Ну, какъ хочешь, а я тебя сегодня не скоро пущу домой,—засмѣялся я.—Попалась, такъ ужъ такая судьба твоя; поѣдемъ хоть куда-нибудь.

Мы свернули на широкую дорогу, пересѣкавшую лѣсъ; прямая, какъ стрѣла, она бѣжала въ зеленой, залитой солнцемъ, просѣкѣ.

— Вотъ дорога,—какъ разъ для скачекъ! — сказалъ я, съ улыбкою взглянувъ на Наташу.

Наташа встрепенулась.

— А ну, давай опять перегоняться? — предложила она, поправляясь на сѣдлѣ.—Теперь наши лошади одинаково устали.

Мы какъ-то ужъ перегонялись съ Наташей, и обогнала она; но я передъ тѣмъ проѣхалъ на Бѣсенкѣ десять верстъ.

— Ну, ну, посмотримъ!

Мы пустили лошадей вскачь. Но только что онѣ разскакались, и мой Бѣсенокъ началъ наддавать, все больше опережая Мальчика, какъ явилось довольно неожиданное препятствіе. На краю дороги бродили въ кустахъ два большихъ поросенка, безмятежно взрывая рылами землю. Завидѣвъ насъ, они испуганно шарахнулись изъ кустовъ, хрюкнули и пустились улепетывать по дорогѣ. Мы ждали, конечно, что они

сейчасъ свернуть вбокъ, и скакали по-прежнему; но поросята продолжали неуклюже галопировать передъ нами, всхрюкивая и отчаянно махая своими коротенькими, тонкими хвостиками.

— Они теперь все время такъ бѣжать будутъ, ни за что не свернутъ!—крикнула Наташа смѣясь. Мы стали задерживать разогнавшихся лошадей. Поросята побѣжали медленнѣе, взволнованно хрюкая и трясь боками другъ о друга.

Мы попытались осторожно объѣхать ихъ: поросята взвизгнули и опять, какъ угорѣлые, бросились впередъ. Мы переглянулись и расхохотались.

— Вотъ такъ задача!—сказалъ я.

Наташа сдерживала, смѣясь, рвавшагося впередъ Мальчика. Теперь послѣдняя неловкость между нами исчезла, Наташа оживилась, и было неудержимо-весело.

— Ничего, все равно поѣдемъ!—сказала Наташа. — Это Дениса свиньи, лѣсника; ихъ и безъ того слѣдовало бы пригнать домой: вонъ куда онѣ забрели, ихъ еще волки съѣдятъ. Поѣдемъ къ Денису, онъ насъ молокомъ напоитъ. Его сторожка сейчасъ тамъ, на полянкѣ.

Мы поѣхали шагомъ, предшествуемые поросятами.

— Ты еще не видѣлъ этого Дениса, онъ всего два года здѣсь лѣсникомъ. Такой потѣшный старичокъ, — маленькій, худенькій... Какъ-то, когда онъ только что поступилъ, мама случайно заѣхала сюда; увидала его: «голубчикъ мой, да что-же ты за сторожъ? Вѣдь тебя всякій обидитъ!» А онъ отвѣчаетъ: «ничего, барыня, меня не найдутъ»...

Никогда еще я не видѣлъ Наташу такою; ея лицо такъ и дышало какою-то дѣтскою, беззавѣтною радостью... Я не могъ оторвать отъ нея глазъ.

Лѣсная сторожка стояла въ глубинѣ широкой, недавно выкошенной поляны. Денисъ, въ бѣлой холщевой рубахѣ и лаптяхъ, вышелъ намъ на встрѣчу.

— Денисъ,—голубчикъ, здравствуй! Къ тебѣ мы!—сказала Наташа, соскакивая съ лошади.

— А-а, барышня касаткинская!—воскликнулъ Денисъ щурясь.—Просимъ милости, пожалуйте! Сунувъ шапку подъ-мышку, онъ взялъ за повода нашихъ лошадей.

— Голубчикъ, надѣнь шапку!.. И привяжемъ мы сами... А ужъ если хочешь быть другомъ, напой насъ молочкомъ... Ѣдемъ мы сюда, — вотъ онъ говоритъ: не дастъ намъ Денисъ молока! Кто, я говорю, Денисъ-то не дастъ?

— Г-осподи! да неужто-жъ мы какіе-нибудь? Слава Богу, найдется молочко, будьте покойны. Пожалуйте въ горницу. Дѣвка-то моя на деревню побѣжала, такъ ужъ самъ услужу вамъ.

Было въ Денисѣ что-то чрезвычайно комичное: онъ то и

дѣло самымъ степеннымъ образомъ гладилъ свою жидкую бороденку, серьезно хмурилъ брови, и всетаки ни слѣда степенности не было въ его сморщенномъ въ кулачокъ личикѣ и всей его миніатюрной фигуркѣ; получалось такое впечатлѣніе, какъ будто маленькій ребенокъ старается изобразить изъ себя почтеннаго, разсудительнаго старичка.

Мы вошли въ избу и сѣли за столъ. Денисъ поставилъ передъ нами двѣ чашки и крынку парного молока, нарѣзалъ ситнику. Наташа слѣдила за нимъ радостно-смѣющимися глазами и болтала безъ умолку.

— А чтой-то я вотъ барина этого раньше не видалъ никогда?—сказалъ Денисъ. — Смотрю, смотрю, — нѣтъ, чтой-то словно...

— Онъ недавно только пріѣхалъ,—отвѣтила Наташа.

Денисъ поглядѣлъ на нее.

— Они что же, барышня,—ужъ не обезсудьте на вопросѣ,— не женишкомъ-ли вамъ приходятся?

— Ну, да же, конечно, женихомъ! — отвѣтила Наташа, счастливо смѣясь.

— То-то я все смотрю... Чтой-то, думаю,—съ чего такая радость?

— Да какъ же, Денисъ, не радоваться? Вѣдь самъ знаешь, въ нынѣшнія времена жениха найти—дѣло нелегкое. Не найдешь ихъ нигдѣ, словно вымерли всѣ.

— Да вѣдь... О томъ и толкъ, барышня,—развелъ Денисъ руками.—Куда, молъ, подѣвались всѣ?—неизвѣстно.

— Вотъ, вотъ. Ну, а я вотъ нашла себѣ.

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо!.. Они что же, по акцизной части служатъ?

— Голубчикъ Денисъ, да почему же ты думаешь, что именно по акцизной?!—расхохоталась Наташа.

— Ну, ну, Господь съ тобой, матушка... Хе хе-хе!—разсмѣялся и Денисъ, глядя на нее.

Узнавъ, что я докторъ, онъ придалъ своему лицу страдальческое выраженіе и сталъ сообщать мнѣ о своихъ многочисленныхъ болѣзняхъ.

Мы просидѣли у него съ полчаса. Попытался я ему заплатить за молоко, но Денисъ, разумѣется, обидѣлся и отказался наотрѣзъ.

Отъ него мы поѣхали на Гремучіе колодцы, оттуда въ Боларовскую рощу; въ какой-то деревнѣ еще разъ пили молоко... мой воротились мы только къ обѣду.

2-го іюля, 10 час. утра.

Перечиталъ я написанное вчера... Меня опьянили яркое ро, запахъ лѣса, это радостное, молодое лицо; я смотрѣлъ ера на Наташу и думалъ: такъ будетъ выглядѣть она, когда

полюбить. Тутъ была теперь не любовь, тутъ было нѣчто другое; но мнѣ не хотѣлось объ этомъ думать, мнѣ только хотѣлось, чтобъ подольше на меня смотрѣли такъ эти сіявшіе счастьемъ глаза. Теперь мнѣ досадно и злость беретъ: къ чему все это было? Я одного лишь хочу здѣсь, — отдохнуть, ни о чемъ не думать. А Наташа стоитъ передо мною, — вѣрящая, ожидающая...

11 час. веч.

Ну, произошелъ, наконецъ, разговоръ... Послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки какой-то испанскій танецъ Сарасате. Я сидѣлъ въ гостиной, потомъ вышелъ на балконъ. Наташа стояла, прислонясь къ рѣшеткѣ, и смотрѣла въ садъ. Ночь была безлунная и звѣздная, изъ темной чащи несло росою. Я остановился въ дверяхъ и закурилъ папиросу.

Наташа обернулась на свѣтъ спички.

— Ахъ, это ты, Митя! — тихо сказала она, выпрямляясь.—Хочешь, пойдемъ въ садъ?.. Посмотри, какъ... хорошо...

Голосъ ея прерывался, и я видѣлъ, какъ она взволнованно теребила кружево на своемъ рукавѣ.

Мы спустились въ цвѣтникъ и пошли по аллеѣ.

— Помнишь, Митя, — заговорила Наташа послѣ нѣкотораго молчанія, — помнишь, ты говорилъ недавно о сознаніи, что живешь не напрасно,—что это самое главное въ жизни... Я и прежде, до тебя, много думала объ этомъ... Вѣдь это ужасно,—жить и ничего не видѣть впереди: кому ты нужна? Вѣдь это сознаніе, о которомъ ты говорилъ,—вѣдь это самое большое счастье...

Я молча шелъ, кусая губы. Въ душѣ у меня поднималось какое-то злобное, враждебное чувство къ Наташѣ: вѣдь она должна же бы, наконецъ, понять, что для меня этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ, что его безполезно затѣвать, должна бы она хоть немного пожалѣть меня; и меня еще больше настраивало противъ нея именно то, что мнѣ приходится ждать сожалѣнія и пощады отъ этого почти ребенка.

Наташа замолчала.

— Я слышалъ, что ты прошлую зиму занималась здѣсь съ деревенскими ребятами,—проговорилъ я.—Ну, какъ ты,— съ охотою занималась, нравится тебѣ это дѣло?

— Д-да,—сказала Наташа, запнувшись.

— Ну, вотъ тебѣ и дѣло. Если хочешь совершенно отдаться ему, поступи въ сельскія учительницы. Тогда ты будешь близко стоять къ народу, можешь сойтись съ нимъ, вліять на него...

Я говорилъ это, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ, и мерзко было на душѣ... Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: а что бы я сказалъ ей, если бы не было этой

спасительной сельской учительницы, альфы и омеги «настоящаго» дѣла?

Наташа шла, опустивъ голову.

— Голубушка, это дѣло мелко, что говорить,—сказалъ я, помолчавъ.—Но гдѣ теперь блестящія, великія дѣла? Да не по нимъ и узнается человѣкъ. Это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты...

Я почти физически страдалъ: какъ все фальшиво и фразисто! Мнѣ казалось, что теперь Наташа видитъ меня насквозь; и казалось мнѣ еще, что и самъ я только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадежная пустота во мнѣ...

— Вотъ это прелестно! — раздался въ темнотѣ голосъ Вѣры.—Мы съ Лидой играемъ для нихъ, стараемся, а они себѣ ушли и гуляютъ здѣсь! Стоитъ вамъ играть послѣ этого! Никогда не стану больше!

Вѣра, Лида и Соня подошли къ намъ. Я былъ радъ, что кончился разговоръ.

3 іюля.

Привезли газеты. На меня вдругъ пахнуло словно совсѣмъ изъ другого міра. Холера расходится все шире, какъ степной пожаръ, и захватываетъ одну губернію за другою; въ какомъ-то стихійномъ ужасѣ люди бѣгутъ отъ нея, куда глаза глядятъ, въ народѣ ходятъ зловѣщіе слухи. А наши медики дружно и весело идутъ въ самый огонь навстрѣчу грозной гостьѣ. Столько силы чуется, столько молодости и отваги. Хорошо становится на душѣ... Завтра я уѣзжаю въ Пожарскъ.

4 іюля.

Я въ Пожарскѣ. Пріѣхалъ я на лошадяхъ вмѣстѣ съ Наташею, которой нужно сдѣлать въ городѣ какія-то покупки. Мы остановились у Николая Ивановича Ликонскаго, отца Вѣры и Лиды. Онъ врачъ и имѣетъ въ городѣ обширную практику. Теперь, лѣтомъ, онъ живетъ совсѣмъ одинъ въ своемъ большомъ домѣ; жена его съ младшими дѣтьми гоститъ тоже гдѣ-то въ деревнѣ. Николай Ивановичъ—славный старикъ съ интеллигентнымъ лицомъ и до сихъ поръ интересуется наукой; каждую свободную минуту онъ проводитъ въ своей лабораторіи.

Пріѣхали мы вечеромъ, къ ужину. Я разспрашивалъ Николая Ивановича о холерѣ. Она серпомъ окружила нашу губернію, и кое-гдѣ были уже единичные случаи заболѣванія. Въ самомъ Пожарскѣ во врачахъ не нуждаются, но въ уѣздахъ недостатокъ; въ уѣздномъ городѣ Слесарскѣ не могутъ найти врача для зарѣченской стороны, Чемеровки, заселенной мастеровщиной. Завтра пошлю туда заявленіе.

5 іюля. Воскресенье.

На заборахъ и фонарныхъ столбахъ расклеены объявленія,

приглашающія жителей города Пожарска принять участіе въ имѣющемъ произойти сегодня въ соборѣ «молебствіи объ избавленіи отъ болѣзни, называемой холерой, за коимъ послѣдуетъ торжественный крестный ходъ по всему городу». Я былъ на молебнѣ. На улицахъ вездѣ словно все вымерло; огромная соборная площадь была покрыта несмѣтной толпой, пробраться въ самый соборъ нечего было и думать. Ласточки со звономъ кружили вокругъ колоколенъ, солнце играло на золотѣ прислоненныхъ къ стѣнамъ хоругвей; изъ церкви чуть слышно доносилось пѣніе. Я стоялъ и смотрѣлъ на толпу... Можетъ быть, вотъ эта блѣдная, красивая дѣвушка, такъ благоговѣйно-гордо держащая образъ Тихвинской Божіей Матери, этотъ маленькій человѣчекъ съ курчавою головою и въ пиджакѣ, этотъ слѣпой нищій,—всѣхъ ихъ черезъ недѣлю свалитъ холера...

Кругомъ говорили о недавней смерти мѣстнаго архіерея, о томъ, по какимъ улицамъ пойдетъ ходъ; о самомъ предметѣ молебна—ни слова; развѣ только какой-нибудь веселый мастеровой подмигнетъ сосѣду на проходящую дряхлую старушонку съ трясущеюся головою и съострить.

— Собрались холеру отмаливать, а холера вонъ она идетъ!

Слоняясь въ толпѣ, я столкнулся съ Викторомъ Сергѣевичемъ Гастевымъ. Онъ служитъ акцизнымъ въ Слесарскѣ и пріѣхалъ въ Пожарскъ на какой-то акцизный съѣздъ. Разговорились. Я ему сообщилъ, что послалъ заявленіе къ нимъ въ Слесарскъ.

— Въ Слесарскъ?!—изумился онъ, вытаращивъ на меня глаза.—Ну, батенька, посылайте телеграмму, что отказываетесь!

— Съ какой это стати?

— Да не слыхали вы, что-ли, что такое мастеровщина наша зарѣченская? Укокошатъ васъ тамъ черезъ три дня, и оглядѣться не дадутъ.

— Развѣ такъ народъ возбужденъ?

Викторъ Сергѣевичъ вскинулъ плечами и молча сталъ закуривать сигару. Потомъ, таинственно поднявъ брови, онъ наклонился ко мнѣ и зашепталъ:

— Туда-бы, батенька, теперь полкъ солдатъ въ пору поставить, да на руки имъ боевые патроны раздать, чтобъ каждую минуту были готовы къ дѣлу. А у насъ вы вѣдь знаете, какъ дѣлается: пока громъ не грянетъ, никто не перекрестится: а тамъ и пойдутъ телеграммами губернатора бомбардировать: «войскъ давайте!..» И холеры-то пока, слава Богу, у насъ нѣтъ никакой, а посмотрите-ка, какіе уже слухи ходятъ: пьяныхъ, говорятъ, таскаютъ въ больницы и тамъ заливаютъ известкой; колодцы въ городѣ всѣ отравлены, и доктора только одинъ чистый оставили для себя; многіе ужъ своими глазами видали,

какъ здоровыхъ людей среди бѣла дня захватывали крючьями и увозили въ больницу... Они и не скрываютъ ничего, прямо говорятъ: если у насъ холера объявится, мы всѣхъ докторовъ перебьемъ. Шутки, батюшка мой, плохія! Да чего жъ вамъ лучше? Изъ мѣстныхъ врачей въ Чемеровку никто не хочетъ идти.

На паперти показались священники въ золотыхъ ризахъ, пѣніе стало вдругъ громче. Народъ заволновался и закрестился, надъ головами заколыхались хоругви. Небольшая облѣзлая собачонка, отчаянно визжа, промчалась на трехъ ногахъ среди толпы; всякій, мимо котораго она бѣжала, считалъ долгомъ пхнуть ее сапогомъ; собачонка катилась въ сторону, поднималась и съ визгомъ мчалась дальше. Ходъ потянулся къ кремлевскимъ воротамъ.

— Ну, пойдемъ и мы слѣдомъ!—сказалъ Викторъ Сергѣевичъ.—А какъ у васъ тамъ всѣ въ деревнѣ поживаютъ? Черезъ недѣльку поѣду въ отпускъ въ Смоленскъ, заѣду къ вамъ крестницу свою провѣдать. (Онъ крестный отецъ Сони).

Прощаясь, Викторъ Сергѣевичъ еще разъ настоятельно посовѣтовалъ мнѣ заблаговременно взять свое заявленіе назадъ.

6 іюля.

Я воротился въ Касаткино, такъ какъ отвѣта, можетъ быть, придется ждать больше недѣли.

Вчера вечеромъ, передъ отъѣздомъ изъ Пожарска, мы пили у Николая Ивановича чай. Наташа разливала; Николай Ивановичъ разсказывалъ мнѣ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ вопросомъ объ обмѣнѣ веществъ у подагриковъ. Вошла горничная и доложила ему, что его хочетъ видѣть «одинъ человѣкъ».

— Чего ему? Скажи, чтобъ сюда вошелъ!—сказалъ Николай Ивановичъ.

Въ дверяхъ залы показался высокій человѣкъ въ мѣщанскомъ пиджачкѣ и стоптанныхъ сапогахъ. Онъ поклонился и смиренно остановился у порога.

— Чего тебѣ, братецъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ карточка къ вамъ отъ Владиміра Владиміровича,—отвѣтилъ тотъ.

Николай Ивановичъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ, написанныхъ на оборотной сторонѣ визитной карточки.

— Ахъ, виноватъ!—проговорилъ онъ, немного покраснѣвъ и нахмурившись.—Очень пріятно познакомиться!—сказалъ онъ, протягивая вошедшему руку.—Пожалуйста, садитесь! Не хотите-ли чаю? Г-нъ Гавриловъ!—отрекомендовалъ онъ его намъ.

На тонкихъ губахъ вошедшаго мелькнула чуть замѣтная смѣшка; онъ поклонился и также смиренно сѣлъ къ столу на кончикъ стула. Это былъ худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ жиденькой бородкой и остриженный въ скобку;

выглядѣлъ онъ мелкимъ торгашомъ-краснорядцемъ или прасоломъ; но лобъ у него былъ интеллигентный.

— Вы чего же, собственно, хотите? — спросилъ Николай Ивановичъ, еще разъ пробѣгая написанное на карточкѣ.

— Въ этомъ году, какъ вы изволите знать,—началъ Гавриловъ съ тою же чуть замѣтною усмѣшкою,—Россію посѣтилъ голодъ, какого давно уже не бывало. Народъ питается глиною и соломою, сотнями мретъ отъ цынги и голоднаго тифа... Въ настоящее время народъ еще не оправился отъ бѣды, во многихъ губерніяхъ — вторичный неурожай, а идетъ новая, еще худшая бѣда,—холера...

Николай Ивановичъ слушалъ, забравъ въ горсть свою длинную сѣдую бороду, и смотрѣлъ въ окно.

— Общество, разумѣется, попрежнему остается достойнымъ себя,—продолжалъ Гавриловъ.—Въ этой новой бѣдѣ, которая грозитъ ужъ и ему самому, оно забыло обо всемъ и бѣжитъ спасаться, куда попало. Въ народѣ остались только медики, а этого слишкомъ мало. Народъ нуждается въ матеріальной помощи, а еще больше въ духовной. Ни того, ни другого нѣтъ...

Николай Ивановичъ положилъ голову на руку и сталъ смотрѣть на кончикъ своего сапога.

— Общество должно наконецъ придти въ себя...

— Извините, пожалуйста,—прервалъ его Николай Ивановичъ.—Я вотъ все слушаю васъ... и мнѣ всетаки неясно, чего вы собственно отъ меня желаете?

— Я обратился къ вамъ, потому что мнѣ Владиміръ Владиміровичъ сказалъ, что вы хорошій человѣкъ. Въ настоящее время на такихъ только людей и надежда.

— Вы хотите, чтобъ я... пожертвовалъ въ пользу голодающихъ? — медленно спросилъ Николай Ивановичъ, поднявъ брови.

— Намъ нужны ваше сердце, вашъ умъ,—сказалъ Гавриловъ, чуть улыбнувшись на небрежный вопросъ Николая Ивановича.—Деньги—это послѣднее; *только* деньги намъ ненужны. И во всякомъ случаѣ я пришелъ просить у васъ не денегъ.

— А чего же-съ?

— Вашего нравственнаго содѣйствія, активной работы въ пользу несчастныхъ.

— Вотъ какъ!.. Однако работа-то работой, а вѣдь согласитесь,—прежде всего для этого всетаки нужны деньги.

— Міромъ управляютъ идеи, а не деньги. *Прежде всего* нужна любовь.

— Ну, а послѣ нея—деньги? Вѣдь за хлѣбъ купцу нужно заплатить деньгами, а не любовью.

— За деньгами дѣло не станетъ: ихъ всегда легко собрать.

То и горе у насъ, что отъ всякаго дѣла люди откупаются деньгами.

— Вы думаете?—Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: у меня тутъ три четверти города знакомыхъ, а я много собрать не возьмусь.

— Странно!—пожалъ Гавриловъ плечами.—Я здѣсь никого не знаю, всего только три дня назадъ пріѣхалъ, а берусь вамъ собрать въ мѣсяцъ пятьсотъ рублей.

— Ну, исполать вамъ!—засмѣялся Николай Ивановичъ.—Я разскажу вамъ одинъ случай. Былъ у насъ тутъ въ городѣ студентъ-юристъ; кончаетъ курсъ, а средствъ никакихъ, выгоняютъ за невзносъ платы. Ну, вотъ я и вздумалъ устроить сборъ. Заѣзжаю между прочимъ въ одну богатую купеческую семью, въ которой состою врачомъ около пятнадцати лѣтъ. Барышни сидятъ,—въ брильянтахъ, кружевахъ. Говорю имъ. Онѣ поморщились. «Посмотримъ, говорятъ, можетъ быть что-нибудь найдемъ». Я къ брату ихъ: «тамъ съ ними не сговоришься; вы, Платонъ Степанычъ, энергичный человѣкъ,—возьмитесь за дѣло, какъ слѣдуетъ, вѣдь сами понимаете, нужно помочь!..» И знаете, какой изъ этого вышелъ результатъ?

— Какой же вышелъ результатъ?

— Ну, какъ вы думаете?

— Ну-съ?

— Съ тѣхъ поръ меня перестали приглашать въ этотъ домъ!—отрѣзалъ Николай Ивановичъ и сталъ закуривать папиросу.

Гавриловъ внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ вы лечите такихъ?—спросилъ онъ, чуть дрогнувъ бровью.

Николай Ивановичъ запнулся отъ неожиданности вопроса и пожалъ плечами.

— Странное дѣло! врачъ обязанъ лечить всякаго.

Гавриловъ продолжалъ лукаво смотрѣть на него и беззвучно смѣялся.

— Какого-же рода «активной работы» желаете вы отъ меня?—спросилъ Николай Ивановичъ нахмурившись.—Прикажете идти въ деревню, въ народъ?

— Народъ не только въ деревнѣ, а и въ городахъ, вездѣ,—и вездѣ онъ нуждается въ помощи. Нужно только одно: чтобъ не господа благодѣтельствовали мужичью, а братья помогали братьямъ...

Николай Ивановичъ съ нетерпѣніемъ закачалъ ногою.

— Извините, можетъ быть я вамъ наскучилъ?—съ смиренною улыбкою спросилъ Гавриловъ.

— Нѣтъ, что-же-съ? Сдѣлайте одолженіе. Но только... Я

вотъ все время очень внимательно слушаю васъ, и всетаки никакъ не могу понять, что же я... обязанъ дѣлать.

— Ближе стать къ братьямъ, больше ничего; помогать имъ, а не благодѣтельствовать; не беречь для себя знаній, которыя должны быть достояніемъ всѣхъ...

— Да-съ?—выжидательно сказалъ Николай Ивановичъ.

— Приближается холера. Народъ голодаетъ,—это лучшая почва для нея; народъ невѣжественъ,—и это отнимаетъ у него послѣднія средства защиты. Пора-же сознать, что, когда люди кругомъ умираютъ, грѣхъ роскошествовать. (Гавриловъ бѣглымъ взглядомъ оглядѣлъ столъ съ стоявшими на немъ закусками). Я всего три дня здѣсь, но ужъ видѣлъ прямо ужасающія картины нищеты, нищеты стыдливой и робкой, боящейся просить. Люди десятками ютятся въ зловонныхъ конурахъ, а мы занимаемъ по пяти-шести большихъ комнатъ; люди рады, если раздобудутся къ обѣду парою картофелинъ, а мы наѣдаемся такъ, что не можемъ шевельнуться. И если такіе люди приходятъ къ намъ, мы смотримъ на нихъ не со стыдомъ, а съ пренебреженіемъ, и не пускаемъ ихъ дальше передней. Выходъ только одинъ: сознать, что *нечестный человѣкъ* тотъ, кто не хочетъ понять этого, братски раздѣлить съ обиженными свой домъ, столъ, все; доказать, что мы дѣйствительно хотимъ помочь, а не убаюкать только свою совѣсть.

— Если я васъ понялъ,—проговорилъ Николай Ивановичъ, сдерживая подъ усами улыбку,—вы мнѣ предлагаете пригласить къ себѣ въ домъ три-четыре нищихъ семьи, поселить ихъ здѣсь, кормить, поить и обучать... Такъ?

— Да-съ!—отвѣтилъ Гавриловъ, и по губамъ его снова пробѣжала чуть замѣтная усмѣшка.

На минуту воцарилось молчаніе. Николай Ивановичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на своего гостя. Наташа, подцеревъ рукою подбородокъ и нахмурившись, также не спускала глазъ съ Гаврилова.

— Ну, скажите, г. Гавриловъ,—увѣщавающимъ тономъ заговорилъ Николай Ивановичъ,—неужели же вамъ не стыдно говорить такой вздоръ?

— Почему вы полагаете, что это такой вздоръ?—спросилъ Гавриловъ съ своею быстрою усмѣшкою, нисколько не обидѣвшись.

— Мнѣ-бы еще было понятно ваше предложеніе, если-бы дѣло шло просто о какой-нибудь опредѣленной семьѣ, которой нужна помощь. Но вы, насколько я васъ понимаю, видите во всемъ этомъ прямо какое-то универсальное средство!

— Если вы одинъ такъ поступите, то этого, разумѣется, будетъ мало. Но важна идея, примѣръ. Вы—одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ городѣ; вашъ починъ сначала,

можетъ быть, вызоветъ недоумѣніе, но затѣмъ найдетъ подражателей. Потому и не удается у насъ ничего, что всѣ руководствуются лживою, но очень удобною пословицею: «одинъ въ полѣ не воинъ».

— Д-да, картина во всякомъ случаѣ довольно умилительная: мы работаемъ, выбиваясь изъ силъ, втрое больше прежняго, а «братья»—постояльцы бьютъ себѣ баклуши на готовыхъ хлѣбахъ... Воображаю, какую массу «братьевъ» мы расплодимъ по городу!

— Они вовсе не должны бить баклуши, они должны работать. Дайте имъ работу.

— Гдѣ мнѣ ее прикажете взять?

— Работа всегда найдется. Пусть они чистятъ у васъ садъ, подметаютъ дворъ, колютъ дрова. Они сами будутъ рады.

Николай Ивановичъ съ усмѣшкой махнулъ рукою.

— Ну, хорошо! Допустимъ, что все это легко исполнимо, что имъ найдется работа, что они сами будутъ рады; допустимъ, что этимъ путемъ мы въ состояніи обновить міръ. Но что прикажете въ такомъ случаѣ дѣлать всѣмъ съ собственными семьями? — спросилъ онъ, въ комическомъ недоумѣніи разводя руками.

— Семьи можно-бы въ настоящее время и не имѣть,—сказалъ Гавриловъ, понизивъ голосъ.

Николай Ивановичъ быстро поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Гаврилова.

— А-а!—расхохотался онъ, вставая.—Теперь, батенька, я васъ узналъ!.. Это—извѣстное Zweikindersystem или, еще лучше, «Крейцерова соната»! Только, батюшка, вы немножко опоздали: ужъ и въ западной Европѣ давно доказана вздорность всего этого. Вы—толстовецъ!

Гавриловъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Я не слыхалъ, чтобъ «все это» давно было опровергнуто въ западной Европѣ, а Zweikindersystem тутъ не причемъ. Это—старая истина, которая *не можетъ* быть опровергнута. «Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея. *И враги человѣку—домашніе его*», сказалъ Іисусъ...

— Извините, пожалуйста!—рѣзко прервалъ его Николай Ивановичъ. — Я не знаю, что это за Іисусъ, я знаю только Христа.

— Виноватъ!—почтительно отвѣтилъ Гавриловъ.—Я хочу сказать, что въ настоящее время, когда все общество построено на крайне ненормальныхъ отношеніяхъ, явленія, сами по себѣ нормальныя, становятся противуестественными и грѣховными. На человѣкѣ лежитъ слишкомъ много обязанностей, чтобъ онъ могъ позволить себѣ имѣть семью.

Гавриловъ сталъ говорить о ненормальности строя теперешн-

няго общества, о раздѣленіи труда и проистекающихъ отсюда бѣдствіяхъ, объ аристократизмѣ науки и искусства, о церкви, государствѣ. Говорилъ онъ, поднявъ голову и блестя глазами, голосомъ проповѣдника фанатика. Николай Ивановичъ слабо зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Господа, однако, ужъ восьмой часъ!—обратился онъ къ намъ.—Нужно велѣть подавать лошадей, а то вамъ придется ѣхать совсѣмъ въ темнотѣ.

Гавриловъ поднялся съ мѣста.

— Я, кажется, слишкомъ долго засидѣлся,—сказалъ онъ съ смущенною улыбкою.—Извините меня. Честь имѣю кланяться. Такъ на васъ, значитъ, мы разсчитывать не можемъ?

— Мы?—переспросилъ Николай Ивановичъ, поднявъ брови.—У васъ что-же, партія цѣлая есть?

— Да, «партія» людей, которые думаютъ, что общее благо должно ставить выше личнаго.

Когда Гавриловъ ушелъ, Николай Ивановичъ облегченно вздохнулъ.

— Господи, Боже ты мой!—воскликнулъ онъ, оглядывая насъ.—Сколько чуши можно нагородить въ какіе-нибудь короткіе полчаса!

Наташа сумрачно взглянула на него и молча наклонилась надъ чашкой. Мнѣ было неловко: правда, нелѣпостей было сказано достаточно, но... мнѣ вдругъ глубоко антипатиченъ сталъ Николай Ивановичъ, и я не думалъ раньше, чтобъ онъ былъ такимъ буржуа.

Подали лошадей. Мы простились и уѣхали. Городъ остался назади... Мы долго молчали.

— Да, этотъ человѣкъ по крайней мѣрѣ знаетъ, чего хочетъ, и вѣритъ въ это,—сказалъ я, наконецъ.

Наташа быстро подняла голову, взглянула на меня и снова начала смотрѣть на тянувшіяся по сторонамъ поля.

— И всетаки онъ лучше всѣхъ, которые тамъ были,—процѣдила она сквозь зубы, съ какимъ-то злымъ, угрюмымъ выраженіемъ на лицѣ.

Всю остальную дорогу мы лишь изрѣдка перекидывались незначащими замѣчаніями. Наташа упорно смотрѣла въ сторону, и съ ея нахмуреннаго лица не сходило это злое, жесткое выраженіе. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить. Солнце сѣло, теплый вечеръ спускался на поля; на горизонтѣ вспыхивали зарницы. Тоскливо было на сердцѣ...

7-го іюля.

Довольно было этой случайной встрѣчи, чтобы все такъ долго созидаемое душевное спокойствіе разлетѣлось прахомъ,—и вотъ я опять не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Мнѣ вспоминается страстная рѣчь этого человѣка, вспоминается жадное

вниманіе, съ какимъ его слушала Наташа; я вижу, какъ карикатурно-убога его программа, и всетаки чувствую себя передъ нимъ такимъ мелкимъ и жалкимъ. И передо мною опять и опять встаетъ вопросъ: ну, а я-то, *чѣмъ же я живу?*

Время идетъ,—день за днемъ, годъ за годомъ... Что-же, такъ всегда и жить,—жить, боясь заглянуть въ себя, боясь прямого отвѣта на вопросъ? Вѣдь у меня *ничего* нѣтъ. Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно ужъ давно мертво; это не любимая женщина, съ которою я живу одною жизнью, это лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ; однако, обмануть себя я не въ состояніи... Но почему-же, почему нѣтъ въ немъ жизни?!

Не потому-ли, что все мое внутреннее содержаніе—лишь красивыя слова, въ которыя я самъ не вѣрю? Но развѣ-же можно бояться словъ больше, чѣмъ я боюсь, развѣ можно больше вѣрить, чѣмъ я вѣрю? И я не «лишній человѣкъ». Я ненависть чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ, начиная съ темнаго Чулкатурина и кончая блестящимъ Плошовскимъ; я не могу простить нашей чуткой славянской литературѣ, что она благоуханными цвѣтами поэзіи увѣнчала людей, заслуживающихъ лишь сатирическаго бича. Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ; я съ радостью пойду на жертву; я работаю упорно, не глядя по сторонамъ и живя душою только въ этомъ трудѣ. И все таки... все таки мнѣ постоянно приходится повторять себѣ это, и я ношусь съ своею чахоткою, какъ молодой чиновникъ съ первымъ орденомъ. Пусто и мертво въ сердцѣ; кругомъ посмотрѣть,—жизнь молчитъ, какъ могила...

8-го іюля

Сегодня послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки пятую симфонію Бетховена. Страшная это музыка: глубокотоскующіе звуки растутъ, перебиваютъ другъ друга и обрываются, рыдая; столько тяжелаго отчаянія въ нихъ... Я слушалъ и думалъ о себѣ.

Наташа стояла на балконѣ, облокотясь о рѣшетку, и неподвижно смотрѣла въ темный садъ. Да, и ей не легко... Въ рѣчахъ этого Гаврилова на нее пахнуло изъ другого міра, далекаго и свѣтлаго,—міра, въ которомъ нѣтъ сомнѣній, въ которомъ все живо и сильно. Но гдѣ путь туда? Я смотрѣлъ на Наташу, и у меня сжималось сердце; какъ грустно опущена ея голова, сколько затаеннаго страданія во всей ея фигурѣ... Почему такъ дорога стала мнѣ эта дѣвушка? Мнѣ хотѣлось подойти къ ней, крѣпко пожать ея руку. Но что я скажу ей, на что ей мое сожалѣніе? Она его отвергнетъ.

А звуки по прежнему горько плакали,—и какъ-то чище и

глубже становилось отъ нихъ горе. И мнѣ казалось, что я найду, что сказать...

Я вышелъ на балконъ. Недавно былъ дождь; въ влажномъ саду была тишина, и крѣпко пахло душистымъ тополемъ; между вершинами елей свѣтился убывающій мѣсяцъ, надъ нимъ тянулись темныя тучи съ серебристыми краями; наверху сквозь бѣлесоватыя облака слабо мигали рѣдкія звѣзды.

— Хочешь, Наташа, на лодкѣ ѣхать?—спросилъ я, помолчавъ.

Наташа очнулась и оглядѣла меня какимъ-то недоумѣвающимъ, отчужденнымъ взглядомъ.

— Пойдемъ,—сказала она.

Мы спустились по влажной тропинкѣ къ рѣкѣ.

— Какъ рѣка прибыла!—тихо сказала Наташа, видимо, чтобъ только сказать что нибудь.

— Да. И посмотри, какая тишина кругомъ: голосовъ ночи совсѣмъ нѣтъ. Это такъ всегда послѣ дождя.

— А ну!—Наташа остановилась и стала слушать. Потомъ пошла дальше.

Теперь я видѣлъ, что обманулся въ себѣ: я не зналъ, какъ начать и о чемъ говорить.

Мы сѣли въ лодку и отплыли. Мѣсяцъ скрылся за тучами, стало темнѣть; въ лощинкѣ за дубками болѣзненно и прерывисто закричала цапля, словно ее душили. Мы долго плыли молча; Наташа сидѣла, по прежнему опустивъ голову. Изъ-за темныхъ деревьевъ показался фасадъ дома; окна были ярко освѣщены, и торжествующая музыка гремѣла и разливалась надъ молчаливымъ садомъ: это была послѣдняя, заключительная часть симфоніи,—побѣда вѣрящей въ себя жизни надъ смертью, торжество правды и красоты и счастья безконечнаго.

Наташа вдругъ подняла голову.

— Митя! Помнишь, мы разъ съ тобою шли по саду, я тебя спрашивала, что мнѣ дѣлать? Ты говорилъ тогда о сельской учительницѣ... Скажи мнѣ правду: вѣрилъ-ли ты въ то, что говорилъ?

Я нѣсколько времени молчалъ; я не ожидалъ, что она такъ прямо, ребромъ поставитъ вопросъ.

— Что тебѣ сказать на это? — отвѣтилъ я наконецъ.— Вѣрилъ-ли я? Да, Наташа, я вѣрилъ. Но... Ты хочешь правды. Я видѣлъ, какъ ты смотрѣла на меня, когда я сюда пріѣхалъ, видѣлъ, что ты чего-то ждала отъ меня. Меня это очень мучило, но что могъ я сдѣлать?.. Ты отъ *меня* ожидала разрѣшенія своихъ вопросовъ! Голубушка, ты ошиблась. Разсказывать-ли тебѣ, какъ я прожилъ эти три года? Я только обманывалъ себя «дѣломъ»; въ душѣ все время какой-то настойчивый голосъ твердилъ, что это не то, что есть что-то гораздо

болѣе важное и необходимое; но гдѣ оно? Я потерялъ надежду найти его. Боже мой, какъ это тяжело! Жить — и ничего не видѣть впереди; блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который-бы вывелъ на дорогу, какъ будто ты въ этомъ виноватъ. А между тѣмъ идетъ время...

Есть силы,—Боже, гибнутъ силы!
Есть пламень честный,—гаснетъ онъ!

Ты подозрѣваешь, что я самъ не вѣрю... Не вѣрю? Наташа, голубушка, я вѣрю, всею силою души вѣрю,—это ты ошибаешься. Люби ближняго своего, какъ самого себя,—нѣтъ больше этой заповѣди. Если-бы ея не было, мнѣ страшно, что бы было со мною. И ты повѣришь, что я не фразы говорю. Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. Ты хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ знамя и сказалъ: «вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него»... Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что съ тобой: *я не знаю*!—въ этомъ вся мука.

Наташа сидѣла, подперевъ подбородокъ рукою, и сумрачно слушала; какъ непохожа была она теперь на ту Наташу, которая двѣ недѣли назадъ въ этой-же лодкѣ съ жаднымъ вниманіемъ слушала мои разсказы о службѣ въ земствѣ! И чего бы я не далъ, чтобъ эти глаза взглянули на меня съ прежнею ласкою. Но тогда она ждала отъ меня того, что даетъ жизнь, а теперь я говорилъ о смерти, о смерти самой страшной,—смерти духа. И позоръ мнѣ, что я не остановился, что я продолжалъ говорить...

Я говорилъ ей, что я не одинъ такой; что все теперешнее поколѣніе переживаетъ то же, что я; у него *ничего* нѣтъ,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Пусть она посмотритъ на теперешнюю литературу,—развѣ это не литература мертвецовъ, отъ которыхъ ничего уже нельзя ждать? Безвременье придавило всѣхъ, и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ подъ его власти...

Наташа все время не выронила ни слова; она взялась руль и повернула лодку. Назадъ мы плыли молча. Мѣсяцъ катился, черныя тучи ползли по небу; было темно и сыро, ревья сада глухо шумѣли. Мы подплыли къ купальнѣ. Я вылъ на мостки и сталъ привязывать цѣпь лодки къ столбу; таша неподвижно остановилась на носу.

— Я всетаки думаю, что ты ошибаешься,—тихо проговоыла она, глядя вдоль рѣки, тускло сверкавшей въ темнотѣ.—

Неужели же вправду необходимо быть такимъ рабомъ времени? Мнѣ кажется, что ты перенесъ на всѣхъ то, что только самъ переживаешь.

— Дай-Богъ!—сказалъ я, съ усмѣшкою пожавъ плечомъ.

Я вышелъ на берегъ. Наташа по прежнему неподвижно стояла въ лодкѣ.

— Ты еще не пойдешь домой?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она.

Я сталъ подниматься по крутой, склизкой тропинкѣ. Когда я былъ уже въ саду, я услышалъ внизу, по рѣкѣ, ровный стукъ веселъ: Наташа снова поѣхала на лодкѣ.

И вотъ ужъ часъ прошелъ, а я все сижу у стола,—безъ мысли, безъ движенія; въ головѣ какая-то пустота безнадежная. На дворѣ идетъ дождь, черный садъ шумитъ отъ вѣтра, тоскливо и однообразно журчитъ вода въ дождевомъ жолобѣ... Наташа еще не возвращалась.

10-го іюля.

Наташа всѣ эти дни избѣгаетъ меня; мы сходимся только за обѣдомъ и ужиномъ; когда наши взгляды встрѣчаются, въ ея глазахъ мелькаетъ что-то жесткое и презрительное... Богъ съ нею! Она шла ко мнѣ, страстно, безумно прося хлѣба, а я—я положилъ въ ея руку камень; что другое могла она ко мнѣ почувствовать, видя, что самъ я еще болѣе нищій, чѣмъ она сама?.. И кругомъ все такъ тоскливо: холодный вѣтеръ дуетъ не переставая, небо хмуро и своими слезами орошаетъ безсчастныхъ людей.

9 час. веч.

Сейчасъ нарочный привезъ мнѣ со станціи телеграмму изъ Слесарска: городская управа увѣдомляетъ, что я принятъ на службу, и проситъ пріѣхать немедленно. Слава Богу! Ѣду завтра вечеромъ.

11 іюля. 12 час. ночи.

Я въ Слесарскѣ; пріѣхалъ я всего полчаса назадъ. Ну, и городишко-же! Гостинницъ нѣтъ, пришлось остановиться на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели узенькую комнату съ однимъ окномъ; синіе, потрескавшіеся обои, подъ тусклымъ зеркальцемъ—столъ, покрытый грязною скатертью съ розовыми разводами; щели деревянной кровати усѣяны какими-то очень подозрительными пятнышками. Кругомъ все глубоко спитъ, пальмовая свѣча слабо освѣщаетъ стѣны; потухающій самоваръ тянетъ тонкую-тонкую нотку; замолкнетъ на минуту, словно прислушиваясь къ чему-то, поворчитъ—и опять принимается тянуть свою нотку. Спать еще не хочется; буду вспоминать сегодняшній день.

Къ обѣду пріѣхалъ въ Касаткино Викторъ Сергѣевичъ

Гастевъ. Я укладывался у себя наверху и сошелъ внизъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ.

— А-а, докторъ! Здравствуйте!—встрѣтилъ меня Викторъ Сергѣевичъ, высоко поднимая руку и мягко опуская ее мнѣ въ ладонь.—Все-ли въ добромъ здоровьѣ?

— Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ,—сказалъ дядя съ тѣмъ юмористическимъ выраженіемъ на лицѣ, которое у него всегда является при гостяхъ,—сей молодой человѣкъ, не желая спасать отъ холеры насъ, уѣзжаетъ на войну съ запятыми въ вашъ Слесарскъ.

Викторъ Сергѣевичъ поднялъ брови.

— Вы таки ѣдете въ Слесарскъ? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ я, невольно улыбнувшись.

Онъ взялъ стоявшую передъ нимъ рюмку съ водкой и взглянулъ въ нее на свѣтъ.

— А вы что же, Викторъ Сергѣевичъ, развѣ не сочувствуете сему геройскому подвигу?—спросилъ дядя тѣмъ же тономъ.

Викторъ Сергѣевичъ опрокинулъ рюмку въ ротъ и закусилъ селедкой.

— Отчего не сочувствовать?—равнодушно произнесъ онъ, вытирая салфеткою усы.—Убьютъ его тамъ черезъ недѣлю,—ну, такъ вѣдь это пустяки: онъ человѣкъ одинокій.

— Да ну, Викторъ Сергѣевичъ!—замахала тетя руками.—Типунъ вамъ на языкъ! Что это такое—«убьютъ»!

— Да очень просто,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.—Вы не знаете, что такое наша слесарская мастеровщина, а я знаю хорошо. Вы вотъ раньше спросите-ка, что это за народъ.

Онъ заткнулъ себѣ салфетку за жилетъ и принялся за борщъ.

— Что же это за народъ, Викторъ Сергѣевичъ?—спросила Соня.

Наташа, поднявъ голову, съ ожиданіемъ смотрѣла на него.

— Да вотъ, душенька, какой народъ. Недѣли двѣ назадъ позвали за рѣку доктора Чубарова къ старухѣ одной; оказалась дизинтерія. Онъ прописалъ ей лекарство, а кромѣ того-карболки, чтобъ вылить въ отхожее мѣсто. Старушка-то святая разсуди: зачѣмъ «лекарствіе» въ такое мѣсто выливать? да аканчикъ раствору и хватила. Ну, къ вечеру, разумѣется, и жала подъ образами. На завтра пріѣзжаетъ докторъ; собрался родъ, окружилъ его и началъ расправу; били его, били,—асилу полиція отняла. И теперь еще больной лежитъ. Розы-и пошли, разслѣдованія... Четверыхъ арестовали.

— О, Боже ты мой!—въ ужасѣ воскликнула тетя.—Ну,

слава Богу еще, что этого такъ не оставили: всетаки на нихъ теперь страхъ будетъ.

— Страхъ?—расхохотался Викторъ Сергѣевичъ.—Д-да-а... Черезъ два дня послѣ этого вдругъ въ чистомъ полѣ загорѣлся баракъ; весь сгорѣлъ, до послѣдней щепочки. Теперь ужъ новый строятъ, кончаютъ. Опять полиція нагрянула, опять аресты, розыски... Народъ возбужденъ и озлобленъ до крайности; и не скрываетъ никто, прямо говорятъ: пусть къ намъ доктора пришлютъ, мы съ нимъ раздѣлаемся. А слухи, слухи идутъ,—одинъ другого нелѣпѣе. Недавно разсказываетъ мнѣ горничная: доктора съ полиціей вломились къ одному сапожнику, у котораго болѣла голова; самого его утащили въ больницу, а всѣ его инструменты, товаръ,—все пожгли; теперь сапожника этого выпустили, но онъ совершенно разоренъ и сталъ нищимъ... Торговки на базарѣ громко разсказываютъ: дескать, выписываютъ къ намъ трехъ докторовъ, чтобъ народъ травить. Вчера еще приходитъ ко мнѣ моя прачка, плачетъ. «Горе, говоритъ, мнѣ, баринъ, съ сыновьями моими: пришли они намедни съ фабрики, разсказываютъ: ребята сговорились,—если докторовъ въ зарѣчье пошлютъ, всѣхъ ихъ разнести. Мы, говоримъ, тоже пойдемъ. Никакихъ моихъ уговоровъ не слушаютъ, погубятъ свои головы»... Вѣдь это ужъ сознательный заговоръ!—закончилъ Викторъ Сергѣевичъ, значительно мигнувъ бровями, и снова принялся за борщъ.—И вѣдь говорилъ я все Дмитрію Васильевичу, предупреждалъ его въ Пожарскѣ,—нѣтъ! пришла охота на ножъ лѣзть!

Наташа быстро и пристально взглянула на меня; встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, она отвела глаза въ сторону, но я успѣлъ прочесть въ нихъ что-то странное: Наташа словно была удивлена тѣмъ, что я, посылая заявленіе изъ Пожарска, ужъ зналъ обо всемъ этомъ.

— Не такъ это, Викторъ Сергѣевичъ, страшно все, какъ издали кажется,—неохотно замѣтилъ я.

— Да?—разсмѣялся онъ.—А читали вы, что въ Астрахани и Саратовѣ дѣлается?

— Нѣтъ. А что такое? (Послѣднія газеты были только что привезены со станціи, и я ихъ еще не просматривалъ).

Викторъ Сергѣевичъ сталъ разсказывать о разразившихся на Поволжьѣ безпорядкахъ, гдѣ толпа, обезумѣвъ отъ горя и ужаса, разбивала больницы и въ клочки терзала людей, шедшихъ къ ней на помощь.

— Ну, вотъ видите!—закончилъ онъ.—Если тамъ такія вещи происходятъ, то у насъ и подавно произойдутъ, за это я вамъ ручаюсь. Помочь вы все равно ничего не поможете,—никто къ вамъ и не обратится,—а погибнете совершенно напрасно.

Пользы отъ этого никому вѣдь не будетъ, не такъ-ли?.. Ну, во-отъ!..—И онъ добродушно захохоталъ.

— Да нѣтъ, Митечка, это ты вправду, въ такомъ случаѣ лучше не поѣзжай!—взволнованно сказала тетя.

— Ну, мама!..—вполголоса быстро проговорила Наташа, вся встрепенувшись.

— Да какъ-же, душечка? Вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ убьютъ его тамъ, онъ даже и пользы никакой не принесетъ... А ну ихъ совсѣмъ, не нужно и жалованія ихъ въ полтораста рублей!

— Да ужъ поздно теперь, тетя!—засмѣялся я.—Не отказываться же, разъ поступилъ!

Разговоръ перешелъ на другое.

Послѣ обѣда подали кофе. На дворѣ ужъ запрягали тарантасъ. Мнѣ было какъ-то особенно весело, и я съ любовью приглядывался къ окружавшимъ лицамъ. Завязался общій разговоръ; шутили, смѣялись. Я вступилъ съ Вѣрою въ яростный споръ о Шопенѣ, въ которомъ, какъ и вообще въ музыкѣ, ничего не понимаю, но который дѣйствительно возбуждаетъ во мнѣ какую-то безотчетную антипатію. Я любовался Вѣрою, какъ она волновалась и въ ужасѣ всплескивала руками, когда я называлъ классика Шопена «салоннымъ композиторомъ».

Наташа все время молчала; мы съ нею не перемолвились ни словомъ. Но иногда, случайно обернувшись, я ловилъ на себѣ ея взглядъ, быстрый и пристальный,—и у меня въ душѣ все начинало смѣяться.

Лошадей подали. Всѣ вышли провожать меня на крыльцо. Пошло прощаніе. Тетя три раза перекрестила меня и, обнимая, тихо всхлипнула.

Послѣ всѣхъ я подошелъ къ Наташѣ. Она какъ-то вся растерялась при моемъ приближеніи и робко подняла на меня глаза,—дѣтски-восторженные, любящіе... Я обнялъ ее; она вдругъ охватила мою шею руками и крѣпко, горячо поцѣловала меня. А всегда она цѣлуетъ неохотно и отрывисто, словно кусаетъ...

Я ѣхалъ въ вагонѣ, высунувшись изъ окна, смотрѣлъ, какъ по ночному небу тянулись тучи, какъ на горизонтѣ вспыхивали зарницы,—и улыбался въ темноту.

3 часа ночи.

Легъ было спать, но заснуть не удалось; тысячи голодъ-
къ клоповъ такъ и облѣпили тѣло; проворочался два часа;
равно не заснешь. Свѣтаетъ, въ окно видна широкая,
стынная улица; маленькіе домики спятъ безпробудно...

Я хочу искренно отвѣтить себѣ на вопросъ: боюсь-ли я?—
ть, и мнѣ это очень странно. Раньше я не представлялъ
ѣ, какъ можно жить, окруженнымъ всеобщею ненавистью;

когда я видѣлъ раненыхъ и изувѣченныхъ, мнѣ порою приходила въ голову мысль: неужели и со *мною* можетъ когда-нибудь случиться нѣчто подобное? Теперь же я представляю себѣ все это очень ясно, и только улыбаюсь. Какъ будто я теперь совсѣмъ другимъ сталъ; на душѣ свѣтло и бодро, кругомъ все такъ необычно-хорошо, хочется борьбы и дѣла.

Вотъ оно, въ холодномъ утреннемъ туманѣ тянется Зарѣчье... Покорю-ли я его или оно меня раздавитъ?

В. Вересаевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Очерки золотопромышленности южнаго Урала.

V.

— Ну и голосисты наши дѣвки,—запоютъ, такъ поди въ Москвѣ слышно,—говорилъ мнѣ одинъ старатель, на мой вопросъ о ихъ пѣсняхъ, которыми я очень интересовался и не мало занесъ текста и мелодій въ свои записныя книжки.

— Какія же у васъ пѣсни поютъ?—допрашивалъ я.

— Разныя поютъ, глядя откуда дѣвки соберутся. У каждаго села, почитай, свои пѣсни имѣются, — въ Міасѣ такъ поютъ, въ Коробковскомъ иначе, а въ другихъ деревняхъ еще поиначе.

— Откуда слова для вашихъ пѣсенъ берутъ ваши дѣвки?

— Откуда? все отъ своихъ же перенимаютъ. У насъ, вѣдь хорошо поди знаете, на каждой промывкѣ пѣсни голосятъ, ну и передаютъ другъ дружкѣ.

— Мужчины у васъ развѣ не поютъ, что все про однѣхъ дѣвокъ говорите?

— Когда же нашему брату пѣсни пѣть, намъ робить нужно, а пѣсни это бабье, да дѣвичье дѣло. Подъ пьяную руку, извѣстно, и мы пѣсни оремъ, да наши пѣсни и слушать то зазорно.

Да, некрасивы уральскія пѣсни по мотивамъ, нѣтъ въ нихъ широкой, захватывающей мелодіи великоросса или томной, элегической грусти малороссіянина. Я тщательно прислушивался ко многимъ пѣснямъ и запечатлѣлъ въ своей памяти очень немного оригинальныхъ, характерныхъ мелодій. Еще въ селахъ, гдѣ раскольническій элементъ является преобладающимъ среди населенія, тамъ можно услышать «настоящія» русскія пѣсни, съ качающимся характеромъ движенія тоновъ, что, впрочемъ, имѣется вообще въ русской народной музыкѣ, какъ это утверждаетъ извѣстный знатокъ ея Ларошъ. Специфическихъ, свойственныхъ лишь *одному* Зауралью я встрѣтилъ весьма мало пѣсенъ и то несомнѣнно новѣйшаго харак-

тера. Если вы хотите изучить уральское пѣснопѣніе и музыку Урала, то для этого отнюдь не слѣдуетъ ѣздить на золотые пріиски, гдѣ собираются жители со всѣхъ сторонъ. Пріисковыя пѣсни— это весьма неудачный конгломератъ, въ которомъ цементовались обрывки различныхъ пѣсенъ, связанныхъ между собой неумѣло, некрасиво. Такъ напримѣръ, рядомъ съ строго народной пѣсней, съ ея возвышенной и оригинальной красотою, съ ея дико-прелестною граціею, вдругъ, въ срединѣ пѣсни, является цобочная мелодія, вставка, имѣющая фабрично-лакейскій характеръ. Или рядомъ съ аскетическими формами «киржацкихъ» напѣвовъ прорывается глупѣйшая пѣсня, занесенная какимъ нибудь прохожимъ, подслушавшимъ ее у пѣвицъ трущобъ Петербурга или Москвы. Въ полной связи съ музыкой находится и текстъ пѣсенъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пѣсни не коснулась тлетворная рука «фабричной» эстетики, тамъ текстъ имѣетъ всю прелесть народнаго творчества, отражая духовную жизнь народа, иногда поражая своей наивной простотой, иногда удивляя богатствомъ фантазіи. Но лишь въ пѣсню вкралась «фабрика»,—пѣсня потеряла все и стала просто отвратительною. Пріисковая жизнь, постоянный разгулъ, легкость нравовъ,— отразились въ пѣснѣ пріисковаго люда, и не ищите въ ней народной музыки, а смотрите на нее какъ на пѣсню, составленную изъ произведеній неизвѣстныхъ, но неталантливыхъ композиторовъ новѣйшаго времени, — фабричныхъ, поющихъ одинаково въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ и въ др. мѣстахъ, гдѣ имѣются фабричныя производства. Здѣсь я считаю нужнымъ оговориться. Излагая свое мнѣніе объ уральскихъ пѣсняхъ, я не имѣю въ виду всего Зауралья, но касаюсь лишь тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ золотопромышленность,—въ горныхъ заводахъ, во многихъ случаяхъ, русская пѣсня осталась неиспорченною,—но на золотыхъ пріискахъ *настоящей* русской пѣсни нѣтъ, а есть лишь ея фальсификація. Въ текстъ пѣсенъ вкралось много иностранныхъ словъ, какъ напримѣръ «ботинки», «конфетки», «лампасье» (монпасье), «натурально». Поютъ напримѣръ такъ:

«Ахъ какъ Гриша полюбилъ,
Онъ мнѣ *брошку* подарилъ» или
«Ладиколономъ я умылась,
Стала бѣла и румяна,
А шатаюсь точно пьяна».

Ничего общаго съ народной пѣсней не имѣетъ и слѣдующая:

«На промывкѣ «Извѣстной»
Нарядчикомъ былъ Трусовъ,
Управитель былъ Петровъ.
Я слюбилася съ Петровымъ,
Надька съ Трусовымъ пошла... и т. д.

По образцу этой пѣсни поется множество, мѣняются лишь имена дѣйствующихъ лицъ. Вотъ еще образчикъ, заунывной пѣсни, гдѣ пѣвицы подражаютъ плачу (голосятъ).

«Въ шахтѣ батюшку убило,
Друга порохъ разорвалъ,
И осталась я безъ мила,
Какъ былинка безъ воды.

Пропускаю нѣсколько куплетовъ, не особенно характерныхъ и оригинальныхъ, и помѣщаю куплетъ, наглядно рисующій пріисковые нравы.

Штегеръ три рубля дарилъ мнѣ,
Я съ презрѣньемъ не взяла,
Мово Ваничку я помню
Ему осталась я вѣрна.

Послѣ этого куплета перестаютъ «голосить», и мотивъ становится веселѣй;—пѣсня оканчивается такими словами:

Какъ я долго не грустила,
Все же Ваню позабыла,
Пришелъ Гриша молодой,
Полюбился мнѣ душой.
Съ нимъ частенько я цѣлуюсь,
Сладки рѣчи говорю...

Я привелъ образчики пѣсенъ съ «цензурными» текстами, но имѣется не мало пѣсенъ совсѣмъ невозможныхъ. Такія пѣсни распѣваются въ дни веселья, когда вино окажетъ свое дѣйствіе и потеряется всякій стыдъ. Поетъ пріисковый людъ почти всегда въ униссонъ, рѣдко сдваивая голоса, которыхъ, нужно сказать, нѣтъ хорошихъ. Поютъ всегда монотонно, растягивая послѣднія слова или даже строчки куплета, иногда повторяя заключительное слово. Стройно поющихъ мужчинъ мнѣ не удалось слышать; даже знаменитая дубинушка, которую поютъ плотники при забивкѣ свай, пересыпанная аттическою солью, и та поется въ страшнѣйшую разноголосицу. Какъ припѣвъ при работѣ (при подъемѣ тяжелыхъ предметовъ) вятскіе плотники всегда припѣваютъ: «еще разъ, еще разикъ — разъ», причемъ мелодія не напоминаетъ извѣстную бурлацкую пѣсню «Ой ухнемъ», гдѣ встрѣчаются тѣ же слова. У башкиръ пѣсенъ не особенно много, хотя восточный колоритъ ихъ очень рельефенъ; встрѣчается масса мелодическихъ украшеній и нотъ, не имѣющихъ собственнаго слога въ текстѣ. Темы башкирскихъ пѣсенъ совсѣмъ не интересны и обыкновенно пѣвецъ дѣлается во время пѣнія и поэтомъ, при чемъ слагаетъ вирши, смотря на окружающіе его предметы. То онъ воспѣваетъ дорогу, виднѣющуюся въ дали, то сосну, растущую передъ его глазами, то мѣсяцъ, выглянувшій изъ за тучъ. Минорный ладъ преобладаетъ въ башкирскихъ пѣсняхъ и музыка ихъ наводитъ грусть. Русскіе рабочіе иногда безцеремонно прерываютъ пѣвца грубыми словами: «Чего развылся, собака, смотри дождь навоешь!» «Собака» взглянетъ дивленными глазами на говорящаго, вздохнетъ и замолчитъ,—серьиться не можетъ его умиленная душа, витавшая только что въ заоблачныхъ сферахъ. Музыкальные инструменты у пріисковыхъ ра-

бочихъ всѣ сводятся къ балалайкѣ и «гармошкѣ», этому инструменту, способствующему насажденію лакейско-фабричной поэзіи. У башкиръ бываютъ иногда грошовыя скрипки и тростниковыя дудки, (жаломейки), причемъ мнѣ удалось слышать (и записать) изумительнаго артиста на этомъ нехитромъ инструментѣ. Тщетно я добивался пѣсенъ о Салаватѣ (башкирскій народный герой). Текстъ одной пѣсни я добылъ, но сильно сомнѣваюсь въ его народности, почему и не привожу его. Преобладающій жанръ въ пѣсняхъ русскихъ рабочихъ эротическій. «Славельныя» пѣсни поютъ штейгерамъ, управляющимъ и хозяевамъ, при чемъ пѣвицы берутъ за это надлежащую контрибуцію. Имѣется еще запасъ романсовъ, попавшихъ въ репертуаръ пріисковыхъ рабочихъ, такъ напр., поется: «Прощаюсь, ангелъ, я съ тобою», «Подъ вечеръ осени ненастной», «Красный сарафанъ» и Глинковское «Славься». Музыка и текстъ извращаются немилосердно, такъ что первообразъ остается лишь по названію. Имѣются юмористическія, сатирическія и шуточныя пѣсни. Текстъ такихъ пѣсенъ, въ большинствѣ случаевъ, не свидѣтельствуетъ о сатирической жилкѣ мѣстныхъ бардовъ; въ этомъ отдѣлѣ пѣсенъ преобладаетъ колоритъ «фабричный». Веселиться пріисковый людъ совсѣмъ не умѣетъ,—его веселье какое то всегда натянутое, подогрѣвается обязательно водкой. Сперва все идетъ чинно, водятъ хороводы, ступая медленно и степенно, бѣгаютъ въ горѣлки, играютъ въ бабки, городки, въ перегонку; но по мѣрѣ осушенія бутылокъ, игры теряютъ свой буколическій характеръ, мирная идиллія уступаетъ мѣсто тяжелому и грузному разгулу, пѣсни становятся циничнѣе, жестикуляція откровеннѣе и кое-гдѣ слышится безобразная ругань. Хороводы быстро исчезаютъ, появляется гармоника и, подъ мотивъ: «Польку всѣ узнали въ Петербургѣ и Москвѣ», начинается плясъ. Скоро и это кончается, музыкантъ издаетъ изъ своего инструмента дикіе звуки, пѣсни орутъ каждая группа свою и начинается пріисковая оргія, на которую я опущу занавѣсъ. Рѣдко шутятъ рабочіе между собою, но иногда забавляются «вышучиваньемъ» какого нибудь обиженнаго умомъ человѣка. То его пошлютъ въ контору, убѣдивъ, что его звалъ «непремѣнно» конторщикъ, то ему живую змѣю подбросятъ, и онъ вопитъ благимъ матомъ,—всѣ глядя на него «животики надрываютъ». Или, узнавъ, что кто нибудь выходитъ изъ себя при какомъ нибудь словѣ, постоянно дразнятъ его и доводятъ до бѣшенства.

— Семенъ, а Семенъ?—спрашиваетъ такого субъекта кто нибудь изъ рабочихъ.

— Чего тебѣ?—нехотя отвѣчаетъ Семенъ, предчувствуя недоброе.

— Тебѣ маменька кланяться велѣла, да *известки* прислала.

Семенъ схватываетъ камень и швыряетъ въ обидчика. Тотъ увертывается и только хохочетъ. Или такая сценка.

Къ мирно сидящему рабочему подходитъ другой и садится рядомъ съ нимъ.

— Сегодня получилъ письмо изъ дому. Плохо, братъ. Пишутъ, что хлѣба нѣтъ.

— Что же ты, денегъ послалъ?

— Послалъ, да еще посылать придется, а у меня гроша нѣтъ.

— Плохо твое дѣло.

— Неважно. Ну, а ты писемъ не получалъ?—лукаво спрашиваетъ товарища подошедшій.

— Нѣтъ не получалъ.

— Какъ же мнѣ сказывали, что получилъ, да еще говорили, что жена твоя велѣла кланяться, да ей восьмушку чая прислать.

Сидѣвшій вдругъ вскакиваетъ и блѣднѣетъ, какъ полотно.

— Что ты сказалъ? Повтори!

— Да ты оглохъ что ли? Я же тебѣ сказываю, что жена твоя, которую ты за осьмушку чая управителю продалъ, кланяться велѣла... Раздается звонкая оплеуха, вслѣдъ за которой моментально начинается ожесточенная драка, привлекающая толпу зрителей, пришедшихъ полюбоваться даровымъ представленіемъ.

— Катай его, жарь, въ рыло то, въ бокъ его!—поощряютъ дерущихся зрители.

Наконецъ, на драку надоѣло смотрѣть и бойцовъ насильно разводятъ.

— Ну буде, буде, чего разодрались, кричатъ—на нихъ и дуэлисты увлекаются въ избушки, гдѣ и обмываютъ свои окровавленныя физіономіи и оправляютъ измятый, изодранный костюмъ.

Я привожу эти сцены, какъ иллюстраціи къ моимъ обобщеніямъ, причемъ повторяю, что сцены списаны съ натуры съ вѣрностью фотографической. Изъ приводимыхъ мною сценъ и вообще изъ сказаннаго о бытѣ пріисковаго люда можно сдѣлать выводъ, что нравственность стоитъ у него очень не высоко; общность, во время работы, мужчинъ и женщинъ (у старателей) порождаетъ быстрое сближеніе, результатомъ котораго являются незаконныя дѣти. Почти у каждаго парня имѣется своя «полюбовница», но ими же заводятся и женатые люди. «Семь рѣкъ переѣхалъ—свободный человѣкъ,—говорятъ старатели,—пріѣду домой—къ женѣ вернусь, а тутъ на свободѣ погуляю». Сходятся и расходятся пары очень скоро и въ накладѣ остается лишь дѣвушка или женщина, возвращающая домой «тяжелой». Побьютъ ее, для соблюденія формы, родители, потомъ родится ребенокъ и все остается по прежнему, войдетъ въ свою колею. Такихъ «незаконныхъ» гражданъ и гражданокъ на Уралѣ не мало и они нерѣдко и не узнаютъ, кто ихъ отецъ. Такъ и растетъ дитя безъ ласки, безъ привѣта, растетъ еще съ кличкою «пригульный». Выростетъ онъ, а въ его сердцѣ уже роется злость, его натура надломлена и въ душѣ шевелятся нехорошія чувства. И всѣ эти «Дунькины, Машкины, Еленкины дѣти», помимо того, что терпятъ невзгоду отъ окружающихъ, еще

лишаются многихъ правъ, такъ какъ законъ не позволяетъ имъ быть такими же полноправными гражданами, какъ ихъ законныя сестры, братья. Вѣчно онъ будетъ мыкать свою жизнь въ работникахъ и никогда не сдѣлается членомъ той семьи, которая его лишь *терпитъ*, но попрекаетъ каждымъ ломтемъ хлѣба!

Перейду теперь къ пріисковымъ драмамъ, которыхъ разыгрывается не мало, причемъ канва этихъ драмъ до-нельзя разнообразна. Страдательными лицами являются въ нихъ то мужчины, то женщины, но послѣднія страдаютъ чаще и на ихъ долю приходится иногда переносить чудовищныя пытки, превышающія по своей жестокости пытки, изобрѣтенныя мрачной памяти отцами инквизиціи, Торквемадой или Петромъ Арбуэсомъ. Я приведу всего три примѣра, выбравъ не самые ужасающіе, чтобы пощадить нервы читателей; но и представленныхъ образчиковъ совершенно достаточно, чтобы вспомнить геніальное изреченіе Островскаго: «да, сударь, нравы у насъ жестокіе». Драмы, которыя я намѣренъ изложить, взяты мною изъ дѣйствительной жизни, мало того, *всѣхъ* дѣйствующихъ лицъ я зналъ лично и самый фактъ преступленія провѣренъ мною по несомнѣннымъ даннымъ, измѣнены только фамиліи и имена.

У одного изъ управляющихъ пріисками богатой компаніи жила молоденькая, миловидная дѣвушка лѣтъ 16, въ качествѣ няньки его дѣтей. Жила она уже года два, была услужлива, внимательна къ дѣтямъ и вообще семья управляющаго очень дорожила ею. На ея бѣду, недалеко отъ дома, гдѣ жилъ управляющій, помѣстилась артель старателей, среди которыхъ былъ рабочій, молодой парень, большой ловеласъ, успѣвшій уже обратить свое вниманіе на молоденькую, хорошенькую дѣвушку. Ухаживанье его не осталось безъ результата, дѣвушка стала ходить на свиданья и однажды вернулась блѣдная и встревоженная. Утромъ смущеніе ея стало еще замѣтнѣе, но на всѣ предлагаемые вопросы она отвѣчала уклончиво, прибѣгая къ короткимъ «да» и «нѣтъ». Свиданье имѣло роковой исходъ для дѣвушки,—она точно переродилась и изъ кроткой, послушной и услужливой превратилась въ злую, сварливую. Вскорѣ стали замѣчать въ ней наклонности къ воровству, сперва мелочей, потомъ и болѣе крупныхъ и цѣнныхъ предметовъ и въ заключеніе раза два-три она возвращалась съ прогулки несовсѣмъ трезвою. Никакія увѣщанія, ни даже угрозы, ничто не остановило несчастную дѣвушку катиться по наклонной плоскости, и семьѣ управляющаго пришлось съ ней разстаться. Ирина, такъ ее звали, на вопросъ управляющаго, что она намѣрена дѣлать, потерявъ мѣсто, бойко отвѣчала: «а вамъ что за печаль, я не ваша дочь, сирота я, никого надо мной нѣтъ, какъ хочу, такъ и живу!» Быстро связала свои пожитки, взяла сундучекъ, сѣла на старательскую телѣжку и уѣхала.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ она превратилась въ

«заправскую» старательскую работницу, бойко работала «гребкомъ», выбрасывала съ особымъ шикомъ камни со станка и горланила пѣсни. Такъ продолжалось все лѣто.—Ирина переходила отъ одной артели къ другой, гуляла съ парнями, плясала лихо «барыню» и стала «извѣстной» въ старательскомъ міркѣ подъ названіемъ «Иринка-вострука». Кончились старательскія работы на этомъ пріискѣ, сложили старатели весь свой скарбъ и потянулись въ «свое мѣсто»,—вмѣстѣ съ ними исчезла и Ирина. Въ деревнѣ она прожила очень недолго, — въ одинъ прекрасный день, завязавъ свой пожитки въ узелокъ, она отправилась «искать счастья» въ Кочкарь, гдѣ ее видѣли нѣсколько человѣкъ. Потомъ она безслѣдно исчезла. Такъ бы, конечно, и забыли о ней, если бы не слѣдующій случай. Шли изъ Кочкаря на пріискъ рабочіе. Шли они ночью, луна свѣтила во всю мочь и было свѣтло, какъ днемъ. Рабочіе шли потихоньку, разговаривая другъ съ другомъ и покуривая свои «цыгарки», какъ вдругъ, среди ночной тишины кто-то простоналъ разъ, другой, третій...

— Слышишь?—говоритъ одинъ другому,—ровно кто стонетъ...

— Слышу, слышу. Да глухо какъ, точно подъ землей кто стонетъ, вотъ опять, да хрипло какъ, словно передъ смертью!

— Не въ шахту ли кто попалъ, несчастнымъ случаемъ?

— Что ты, Богъ съ тобой,—коли въ шахту свалился, тотъ живъ не останется.

— Вѣрно. Только, вотъ что, братъ, давай походимъ тутъ, посмотримъ, можетъ кто въ шахту попалъ, да платьемъ за крѣпь зацѣпился и виситъ; мы, кто его знаетъ, можетъ отъ смерти спасемъ.

Товарищъ согласился и они, ступая осторожно, стали внимательно осматривать всю мѣстность. Стонъ по временамъ продолжался,—рабочіе и шли по направленію звука, но не имѣли возможности точно опредѣлить мѣста, откуда раздаются стоны.

— Стой!—закричалъ одинъ изъ искавшихъ.—Здѣсь! иди скорѣй, смотри-ка, кто стонетъ-то. Заглянувшій въ шурфъ рабочій попятился и перекрестился.—Господи Боже мой, что же это такое?—прошептали его блѣдныя губы.

Вотъ что увидѣли рабочіе. Поперекъ шурфа былъ положенъ брусъ, на которомъ висѣла нагая женщина, привязанная за ноги. Тѣло несчастной по временамъ вздрагивало, руки судорожно сгибались и широко раздвинутые пальцы ловили воздухъ. Изъ груди несчастной по временамъ раздавался глухой стонъ.

— Господи Боже мой,—проговорилъ опять рабочій, придя въ себя,—что же мы станемъ теперь дѣлать? Трогать ее нельзя, вѣдь она ужъ безъ языка, не скажетъ, что мы ей помогли, вытащимъ ее,—насъ же обвинять станутъ. Даже и объявить то о ней опасно, того и гляди причастными къ дѣлу окажемся.—Другой рабочій былъ сердобольнѣе своего товарища; видъ страдающаго человѣка заглушилъ въ немъ страхъ, онъ въ эту минуту забылъ, что совѣтъ товарища имѣлъ въ себѣ много практическаго смысла.

— Нѣтъ,—рѣшительно отвѣтилъ онъ,—мы не нехристи, не собаки, чтобы человѣка оставить умереть отъ такой муки. Поможемъ ей, кто ее знаетъ, вдругъ и очухается, тогда она за насъ вѣчная молельщица будетъ. Давай!

— Ну, пожалуй, вытащимъ, только потомъ какъ бы не раскаяться: тоже, братъ, съ судомъ то шутки плохія.

Съ большимъ трудомъ, едва не свалившись въ шурфъ, они дружными усиліями вытащили женщину, развязали ей ноги и покрыли своими зипунами.

— Ты бѣги скорѣй въ Кочкарь, въ станичное правленіе, а я здѣсь у тѣла останусь, вотъ насъ и не притянутъ, потому не скрываемся, значитъ, и дѣло раскрыть хочемъ.

Товарищъ постоялъ немного, посмотрѣлъ на искаженное лицо женщины, вздохнулъ и пошелъ торопливо по направленію къ Кочкарю.

— Ишь ты, сердечная, какъ они надругались надъ тобой,—говорилъ оставшійся рабочій, вглядываясь въ тихо стонавшую женщину, на губахъ у которой показалась кровавая пѣна,—ишь какъ тебя мучили. Какой смертью довелось тебѣ помирать, а еще и годковъ то тебѣ немного, жить бы могла.

Вскорѣ послышался топотъ лошадей и стукъ отъ телѣжныхъ колесъ. Пріѣхали сельскія власти и нѣсколько конныхъ казаковъ—понятыхъ. Подняли ,еще живую женщину, положили осторожно на сѣно и повезли въ Кочкарь.

— Ну, а вы идите съ нами,—обратился поселковый атаманъ къ рабочимъ.

— Насъ то зачѣмъ, намъ на пріискъ идти нужно, и такъ запоздали.

— Чего еще вы разговаривать то стали!—крикнулъ на нихъ атаманъ.—Волей не пойдете, насильно поведемъ.

— Ахъ ты Господи, вотъ бѣда то начинается. Говорилъ я тебѣ лучше бросить, а ты говорилъ «тащи, тащи», вотъ и вытащили себѣ на шею.

Товарищъ молчалъ, должно быть сознавая свою опрометчивость и упрекая себя за вспыхнувшее чувство жалости къ ближнему.

Въ Кочкарѣ въ этотъ день былъ докторъ, который пришелъ помочь несчастной, но какъ ни хлопоталъ молодой врачъ, какія мѣры ни принималъ, женщина умерла. Слѣдствіе виновниковъ убійства не открыло; оно лишь могло узнать, что повѣшенная за ноги дѣвушка была именно та Ирина, которая жила когда то въ нянькахъ у управляющаго, и что ей не разъ грозилъ мщеніемъ ея любовникъ, пришелецъ изъ какой-то «россейской» губерніи, молодой парень, скрывшійся изъ Кочкаря неизвѣстно куда.

— За что же ее убили?—спрашивалъ я молодого рабочаго.

— Непочтительна къ *нему* была, уважала мало, вотъ онъ ее и повѣсилъ, «пусть» молъ, прохладится,—добавилъ онъ съ циничнымъ смѣхомъ, отъ котораго мнѣ стало жутко и захолонуло сердце.

Другой случай. На пріискъ, съ командой контрачныхъ башкиръ, пришла молодая и красивая башкирка. Пришла она со своимъ отцомъ и братомъ и сперва поселилась въ казармѣ, гдѣ занималась больше чаепитіемъ, чѣмъ мытьемъ половъ, которое ей было поручено. Молодая татарка обладала внѣшностью очень привлекательной и складъ ея лица не имѣлъ въ себѣ отличительныхъ признаковъ монгольскаго типа, скулы не были широки, маленькій ротъ и большіе черные глаза указывали, что въ крови ея есть чужая кровь кавказскаго племени. Скоро Фатьма совершенно освоилась съ пріисковымъ бытомъ, перестала носить безобразные «ичиги», а надѣла козловыя ботинки, сшила себѣ какой то фантастическій полурусскій, полутатарскій костюмъ, обвѣшалась серебряными монетами, стала разгуливать по пріиску, заигрывая, какъ кошка съ мышью, съ молодыми и преимущественно русскими рабочими. Ухаживателей у нея явилось множество, причемъ старалась заслужить ея благосклонность даже пріисковая аристократія,—служащіе высшихъ и низшихъ ранговъ. Но Фатьма или Саша, какъ почему то прозвали ее всѣ поклонники, относилась ко всѣмъ равнодушно, принимая лишь любезности, не доходящія дальше поцѣлуевъ, и подарки, — послѣдніе принимались очень охотно и благосклонно. Но вдругъ Саша затосковала, перестала выходить изъ казармъ и ея поклонники терялись въ догадкахъ, пока вопросъ не разрѣшился самъ очень просто. Саша влюбилась въ русскаго-красавца Николая, извѣстнаго на всѣхъ пріискахъ, ухарскаго парня и великолѣпнѣйшаго конюха. Между тѣмъ время шло и наступилъ конецъ операціи, т. е. время возвращенія рабочихъ домой, съ которыми должна была уйти и Саша. Но тутъ случился неожиданный казусъ. Къ управляющему входитъ Николай и въ несвязныхъ словахъ объясняетъ ему, что «онъ жизни рѣшится», если уйдетъ Саша.

— Что же я могу сдѣлать? — говоритъ ему въ отвѣтъ на его изліянія управляющій.

— Заставьте вѣчно Бога молить, уговорите Сашу креститься, я тогда на ней женюсь, безъ нея мнѣ все равно не жить.

Призадумался управляющій и не зналъ что дѣлать: не принять участія, — значитъ погубить Николая, человѣка пылкаго, неразсудительнаго, а уговорить Сашу креститься представлялось совсѣмъ невѣроятнымъ. Однако, попытку управляющій сдѣлалъ, и къ его удивленію, Саша съ радостью согласилась. Отецъ и братъ было запротестовали, подбили пошумѣть башкиръ, но такъ какъ имъ дали хорошіе подарки, а башкирамъ шумѣть не было времени,— отступилъ разсчетъ,—то дѣло сложилось очень быстро, и Сашу крестили, послѣ чего вскорѣ состоялась и свадьба Николая съ дѣвицей «новообращенныхъ» Александрою. «Молодые» снова появились на пріискахъ, онъ въ прежней должности конюха, а она въ качествѣ прачки «на господъ».

Но бракъ не былъ счастливъ. Николай ревновалъ свою жену

къ прошедшему, настоящему и будущему, слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ и терзался, если видѣлъ, какъ его Саша болтала съ кѣмъ нибудь. Онъ уходилъ тогда на конюшню, забирался на сѣновалъ и лежалъ неподвижно по цѣлымъ часамъ, мучая самъ себя всякими картинами измѣны своей жены. Но Саша, нужно отдать ей справедливость, была ему вѣрна, хотя не могла устоять противъ искушенія пококетничать и заставить ухаживать за собой. Наконецъ, Николай такъ осунулся, такъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, что нельзя было узнать въ немъ прежняго удальца, дышащаго здоровьемъ и молодостью. Сашѣ стали говорить, чтобы она не дразнила мужа, что это добромъ не кончится, но она лишь смѣялась и отдѣлывалась шуточками. Однажды безумный ревнивецъ увидалъ, что его жена быстро, какъ змѣя, проскользнула въ казарму, куда шли съ работъ русскіе рабочіе. Онъ тихонько всталъ и подкрался къ окну казармы. Сцена, какую онъ увидѣлъ, оледенила его кровь и помрачила разсудокъ. Но онъ себя превозмогъ, сходилъ домой и что то положилъ за пазуху, потомъ, не торопясь, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился въ казарму, гдѣ по прежнему на нарахъ сидѣлъ дюжій забойщикъ и Саша, которые пили чай, закусывая кренделями,— угощеніе необычное.

— Чай да сахаръ, Митричъ,—проговорилъ Николай сдавленнымъ голосомъ привѣтствіе.

— Милости просимъ, садись, попьемъ чайку въ компаніи,—отвѣчалъ забойщикъ, очень недовольный приходомъ мужа красавицы.

— Садись, садись, милымъ будешь,—прощебетала кокетка.

Николай молча сѣлъ и взялъ приготовленную для него чашку. Воцарилось молчаніе. Въ казарму то и дѣло входили и выходили рабочіе, не обращавшіе вниманія на чаепитіе,—всѣ торопились отдохнуть и тоже «побаловаться» чайкомъ.

— Митричъ,—прервалъ молчаніе Николай,—правду говорятъ, у васъ въ забоѣ видимое золото проявилось?

— Да есть. Я признаться, одну «скварчинку» пронесъ, не пронюхали при обыскѣ, ловко я ее спряталъ.

— А покажи-ка.

Митричъ полѣзъ въ карманъ шароваръ, пошарилъ тамъ рукой и вытащилъ кусокъ кварца съ большимъ вкрапленіемъ золота.

Что хорошо? цѣлковыхъ десять дадутъ,—самодовольно выговорилъ Митричъ.—Ну, ужъ и подарокъ я кое-кому сдѣлаю, на удивленіе,—сказалъ забойщикъ, умильно поглядывая на Сашу, беззаботно пившую чай.

Та улыбнулась и поправила на головѣ косынку.

— Хороша штучка, о... очень хороша—съ дрожью въ голосѣ сказалъ Николай,—только у меня лучше есть,—я тебѣ сейчасъ покажу, дороже десятка стоитъ. На вотъ смотри,—и съ этими словами, нагнувшись къ забойщику, вонзилъ ему между реберъ принесенный съ собой большой ножъ. Митричъ вскрикнулъ дикимъ го-

лосомъ, всплеснулъ руками и рухнулся навзничь въ лужу своей крови.

Саша поняла все сразу,—она не растерялась, а быстро вскочила, выхватила торчавшій изъ раны ножъ, побѣжала къ выходу, успѣвъ крикнуть: «бѣги, Николка, бѣги скорѣй!» Находившіеся въ казармѣ люди нѣкоторое время были точно въ оцѣпенѣніи, но потомъ, когда миновалъ испугъ, всѣ точно сговорились и бросились на неподвижно стоящаго убійцу, котораго и связали, безъ малѣйшаго сопротивленія съ его стороны, такъ какъ съ нимъ сдѣлался столбнякъ, отнявшій его волю двигаться и говорить.

Все, что я разсказалъ, я знаю со словъ очевидцевъ-свидѣтелей этой драмы знавшихъ, какъ и я, хорошо всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Я, даже знаю дальнѣйшую судьбу пріисковой цирцеи, которую хотя и притягивали къ «дѣлу», но оставили потомъ въ покоѣ. Саша—жива до сихъ поръ,—она съумѣла прельстить одного пріѣзжаго инженера, тотъ ее взялъ къ себѣ въ «экономки». Заручившись его полнымъ довѣріемъ, Саша до-чиста обокрала своего «хозяина» и бросила его. Потомъ на ворованныя деньги она открыла лавочку съ «живымъ товаромъ», гдѣ рудокопы спускаютъ деньги и краденое золото и откуда нерѣдко не возвращаются, пропадая безъ вѣсти, или, какъ выражаются въ канцелярскихъ бумагахъ, «пребываютъ въ неизвѣстной отлучкѣ».

Чтобы дополнить криминалистику пріисковой жизни и еще рельефнѣе нарисовать передъ читателями нравы обитателей пріисковъ, необходимо разсказать еще про одну драму, драму тяжелую, но тоже не выдуманную, какъ и обѣ предыдущія, совершившуюся въ очень недавнее время на одномъ изъ пріисковъ Южнаго Урала. На этомъ пріискѣ, въ числѣ «вольныхъ» русскихъ рабочихъ, жилъ въ избушкѣ, собственной постройки, рабочій Савельевъ, вмѣстѣ съ старухой матерью, женою и сыномъ, глухонѣмымъ мальчикомъ лѣтъ 12—13. Савельевъ, человѣкъ маленькаго роста, на видъ очень хилый, съ блѣднымъ веснушчатымъ лицомъ и рѣдкими волосами на бородѣ, ничего не имѣлъ привлекательнаго въ своей фигурѣ, да и работникъ былъ не важный,—его всегда назначали на потаржныя, какъ болѣе легкія, работы. Но Савельевъ, въ сущности говоря, несмотря на невзрачность своей фигуры, былъ человѣкъ прилежный,—онъ находилъ еще досугъ шить и починять сапоги, такъ что «сложа руки» дома не сидѣлъ. Совершенной противоположностью была его жена Лукерья,—красивая, молодая женщина, съ высокой грудью и ходившая, по выраженію рабочихъ, «какъ королева или принцесса какая». Работать она не любила и вела, съ горемъ пополамъ, немудрое домашнее хозяйство. Старуха-мать, несмотря на 60 лѣтъ, все еще «ковыряла» иголкой и шила рубашки рабочимъ и сарафаны ихъ женамъ и дочерямъ. Глухонѣмой ничего не дѣлалъ, лежалъ по цѣлымъ днямъ на печкѣ и точно о чемъ-то думалъ;—спускался же съ печки рѣдко и то затѣмъ, чтобы поѣсть и

подышать свѣжимъ воздухомъ,—вообще это было глуповатое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безобидное существо. Семья Савельева жила, относительно говоря, хорошо и даже позволяла себѣ иногда роскошествовать, т. е. покупать въ воскресенье водку и ѣсть пироги съ изюмомъ,—словомъ, жили, хотя не припѣваючи, но довольно сносно. Гостей у нихъ по воскресеньямъ и праздникамъ бывало не мало, но почти всякій гость приносилъ съ собой вино и закуску, такъ что на угощенье выходило очень мало. Однажды, во время дружеской пирушки, одинъ изъ гостей обратился къ старухѣ и сказалъ ей.

— Удивляюсь тебѣ Ѳедотовна, прожила ты на свѣтѣ много, а ума до сихъ поръ не нажила.

— Какъ такъ?—изумилась старуха.

— Да, какъ же. Отчего ты, скажи на милость, водки дома не держишь?

— Достатки наши не позволяютъ,—разохалась мать Савельева.

— Ну и дура же ты, посмотрю я на тебя. Да ты не угощай водкой то, а продавай нашему брату, бери цѣну божескую, водку держи получше, да Лукерью Егоровну заставь смотрѣть поласковѣе, такъ, въ кою пору (скоро) деньжищевъ страсть сколько наживешь.

Старуха призадумалась. Совѣтъ гостя ей пришелся по душѣ, она давно уже мечтала разбогатѣть и только не знала, съ чего начать. Она видѣла, какъ богатѣли скупщики и тайные продавцы водки, но ей и въ голову не приходило, что она сама можетъ заняться этимъ выгоднымъ предпріятіемъ, утилизировавъ красоту Лукерьи. «Важная приманка будетъ, какъ мухи на огонь прилетятъ». Ей казалось, что уже несутъ къ ней золото, что оно блеститъ въ ея рукахъ и слѣпитъ ея старческіе глаза. «Хорошо, очень хорошо будетъ», шамкала старуха, едва шевеля своими тонкими, безкровными губами. Уговорить Лукерью не стоило ей большого труда, она, какъ и слѣдовало ожидать, ухватилась за предложеніе свекрови съ радостью; перспектива фигурировать въ качествѣ «привлекательницы» ей очень нравилась. Результаты такого соглашенія не замедлили превзойти самыя смѣлыя ожиданія, и деньги стали быстро прибывать, къ вящему удовольствію Лукерьи, одѣвшейся немедленно въ «городское» платье и прюнелевыя ботинки, что, какъ принято думать на пріискахъ, служитъ вѣскимъ доказательствомъ довольства и самаго утонченнаго аристократизма, и о чемъ лишь могутъ мечтать пріисковыя щеголихи, ходящія въ неуклюжихъ башмакахъ. Кліентура старухи была весьма разнообразна,—ходили къ ней русскіе, башкиры и даже удостоивали своимъ посѣщеніемъ нарядчики и штейгера. Многіе ходили только затѣмъ, чтобы выпить водки, продаваемой старухой недорого, другіе посѣщали домикъ Савельева, чтобы поговорить съ шустрой Лукерьей, не лѣзшей въ карманъ за словомъ и не обижавшейся на шутки нѣсколько рискованнаго свойства, а кто и приходилъ за «дѣломъ», вызывая ста-

руху въ другую горницу и что то передавая ей въ тряпочкѣ. Старуха брала тряпочку и звала всегда Лукерью: «Лукерья, иди-ка сюда,—нужно кое-что по домашности сказать». Являлась невѣстка и вдвоемъ съ свекровью совершала манипуляцію съ золотомъ, т. е. взвѣшивали, пробовали кислотой и запирали въ потаенное мѣсто.

— Тебѣ водкой, али все деньгами надо?—спрашивала продавца старуха.

— Четверть вина, остальное деньги.

— Ладно, родимый, ладно. На вотъ возьми деньги то, а водку я тебѣ въ посудку нацѣжу,—принесъ посудку-то?

— Принесъ.

— Ну, и отлично,—говорила старуха, окончивъ разсчеты.—Ступай съ Богомъ, да выпей на дорожку стаканчикъ-отъ.

— Что то, Лукерьюшка, крупки то нынѣ меньше носить стали, аль кто другой побираетъ? Ты бы, касаточка, поласковѣе была, тебѣ же, голубушка, лучше будетъ.

— Знаю, ужъ не учи. Скоро принесутъ и больше,—мнѣ ужъ обѣщали.

— Кто-же, красавица, обѣщалъ? Кто?

— Такъ, одинъ человѣкъ,—уклонилась отъ прямого отвѣта Лукерья.

Съ каждымъ лишнимъ рублемъ, съ каждой крупинкой золота, попадавшей въ руки «предпринимателей», алчность старухи росла все болѣе и болѣе. Золото, въ особенности, прельщало ее,—она съ сожалѣніемъ перепродавала его богатымъ скупщикамъ и, казалось бы, не разсталась съ нимъ ни за что на свѣтѣ. Лукерья же довольствовалась тѣмъ, что наряжалась въ платье и не выпускала изо рта разныхъ пряниковъ и т. п. гадостей, которыми постоянно награждали ея поклонники. Самъ Савельевъ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ операціяхъ, но особенно не протестовалъ, такъ какъ и ему стали перепадать деньжонки,—онъ даже пріодѣлся и вообще чувствовалъ себя хорошо. Поведенье жены хотя нѣсколько смущало Савельева, но онъ смотрѣлъ философски и разсуждалъ такъ, что «пусть забавляется,—я слишкомъ то много ходу ей не дамъ». Онъ даже пригрозилъ Лукерьѣ и говорилъ ей: «Ты Бога то не забывай, а то смотри я тебя исполосую». Но жена только усмѣхнулась и сказала въ отвѣтъ мужу: «ты то не забудь, а я уже помню». Савельевъ вполнѣ удовлетворился ея отвѣтомъ и уходилъ на работу спокойный и даже довольный, что «бабы дѣмъ занимаются», скупку же золота грѣхомъ не считалъ, какъ не считаетъ это ни одинъ рабочій. Контрабандную продажу водки добрялъ, ибо и это «припенъ» приносило не малый, что, разумѣется, могло только его радовать.

Чаще другихъ посѣтителей Савельевскаго домика былъ татаринъ Исламей Кульдіаровъ, работавшій на пріискѣ въ качествѣ забойщика уже второй годъ. Какъ рабочій, Кульдіаровъ цѣнился

пріисковой администраціей очень высоко,—это былъ гигантскаго роста, красивый, статный мужчина лѣтъ около 40. Знало хорошо начальство, что Исламей любитъ воровать, даже слѣдило за нимъ, но поймать его не могли, хотя Кульдіаровъ дѣйствительно воровалъ золото и отчасти занимался скупкой по мелочамъ. Ему страстно хотѣлось разбогатѣть и въ его головѣ роились самые смѣлые планы,—но онъ былъ одинъ, ему нуженъ былъ сообщникъ, дѣятельный, ловкій и смышленный. Такимъ помощникомъ онъ считалъ Лукерью и внутренно негодовалъ на Савельева, что у него красивая и умная жена. Исламей рѣшился, во что бы то ни стало, добиться союза съ Лукерьей, признавая, что союзъ принесетъ ему неисчислимыя выгоды. Для достиженія своей цѣли, татаринъ сталъ сильно ухаживать за Лукерьей и расточать передъ ней весь свой лексиконъ ласкательныхъ словъ. Немного спустя Лукерья была уже въ сѣтяхъ у Исламея и подчинялась его волѣ, совершенно незамѣтно для себя,—она влюбилась въ татарина и стала его вѣрной союзницей и подругой.

— Намъ нужно твой маменька компанію взять,—предложилъ татаринъ.

— Какъ это?

— Такъ, очень просто. Я денегъ дамъ, пайщикъ вамъ буду, добычи больше будитъ, деньга сильно прибудитъ.

— А мужъ то какъ? Онъ тебя выгонитъ,—ты и такъ ему поперекъ горла стоишь.

— Мужъ твой мнѣ наплевать. Водку пить будитъ, пьянъ будитъ, глаза ничего видѣть не будутъ,—отвѣчалъ Исламей, улыбаясь нехорошей улыбкой.

Съ этого дня Лукерья повела правильную аттаку на свекровь и доказала ей, что Исламея необходимо пригласить въ пайщики, что отъ такого компаньона можно лишь разбогатѣть быстро. Старуха совсѣмъ рехнулась отъ жадности,—она съ радостью согласилась на предложеніе Исламея, и достойное тріо отпраздновало пьянствомъ союзъ и образованіе новой компаніи. На ихъ бѣду въ самый разгаръ пирушки, когда охмѣлѣвшая Лукерья, сидя на колѣняхъ у широкоплечаго татарина, обнимала его, взошелъ Савельевъ, Лукерья соскочила съ колѣнъ и убѣжала, а Савельевъ подошелъ къ татарину и хотѣлъ его ударить,—но геркулесъ схватилъ злополучнаго мужа въ охабку, бросилъ на кровать и принялся его бить. Савельевъ покорился и сталъ просить пощады. «Ладно, сказалъ татаринъ, ладно давай выпьемъ». Стали пить водку. Выпивъ изрядное количество вина, Савельевъ сталъ укорять Лукерью и пригрозилъ ей и матери доносомъ.—«Я васъ на свѣжую воду выведу, дайте срокъ, дайте лишь срокъ», бормоталъ онъ, совершенно опьянѣвъ. Старуха поблѣднѣла и почуяла опасность,—она вопросительно взглянула на татарина и Лукерью, которая презрительно пожала плечами. Воцарилось молчаніе.

— Ну, Ѳедотовна, плохо наше дѣло,—сказалъ татаринъ, когда Савельевъ мертвецки пьяный повалился на кровать и захрапѣлъ пьянымъ храпомъ. Что было вслѣдъ за этимъ разговоромъ, читатель, узнаетъ ниже, но только съ этого дня Савельевъ на работу не выходилъ. На разспросы рабочихъ и служащихъ Лукерья и его мать говорили, что Савельевъ ушелъ въ сосѣднюю деревню, впрочемъ, не близкую, верстъ за 40, за полученьемъ денегъ съ одного знакомаго. Дѣйствительно, еще раньше кое-кому Савельевъ говорилъ, что ему нужно идти въ деревню и тамъ пожить недѣли съ двѣ: «тамъ-де много сапожной работы», которую скоро всю не исполнить.

Начальство не доискивалось Савельева. Онъ былъ не контрачный рабочій; другимъ же никому дѣла не было, куда онъ ушелъ, такъ что исчезновеніе Савельева не было особенно замѣтно на пріискѣ. Но вотъ проходитъ мѣсяцъ, другой, третій и Савельева все нѣтъ. Тѣмъ временемъ, Исламей переѣхалъ въ избушку къ Лукерьѣ и сталъ распоряжаться на правахъ полнаго хозяина, продолжая обдѣлывать благополучно свои темныя дѣлишки. Только разъ, очень рано, еще до раскомандировки, къ управляющему пріискомъ является рабочій и настойчиво требуетъ свиданія. Прислуга доложила и управляющій велѣлъ позвать къ себѣ рабочаго, пришедшаго, по его словамъ, сообщить ему «весьма важное и секретное дѣло».

— Что тебѣ, Перфильевъ?

— У насъ на пріискѣ неблагополучно, Валеріанъ Ивановичъ.

— Что случилось, говори скорѣй,—перебилъ его встревожившійся управляющій.

— Изъ отхожаго башкирскаго мѣста человѣческія ноги торчатъ.

— Самъ видѣлъ?

— Самъ, Валеріанъ Ивановичъ.

Бросились туда и изъ нечистотъ извлекли Савельева съ явными признаками задушенія. Дали знать властямъ, началось слѣдствіе, обнаружившее слѣдующее: въ тотъ вечеръ, когда вышла ссора, кончившаяся попойкой, Исламей предложилъ всѣмъ участникамъ, т. е. Лукерьѣ и матери Савельева убить его. Мать сперва испугалась и ни за что не соглашалась, но когда ей напомнили, что завтра же поступитъ доносъ на нее отъ ея сына, что не только отберутъ у нея всѣ деньги, но даже ее засадятъ въ тюрьму,—то она вдругъ озлобилась и закричала: «бейте его, моего погубителя». Тогда Исламей снялъ съ себя тонкій ременный поясъ, сдѣлалъ изъ него петлю, набросилъ ее на шею храпѣвшаго Савельева, сталъ его душить. Савельевъ сдѣлалъ нѣсколько конвульсивныхъ движеній, тогда Лукерья и старуха бросились къ татарину на помощь,—жена сѣла на ноги, а *родная мать* держала его руки. Вся эта сцена убійства произошла при тускломъ свѣтѣ коптившей лампы и все это видѣлъ немолвный свидѣтель, глухонѣмой мальчикъ, не смѣвшій пошеве-

литься, словно окаменѣвшій отъ ужаса при видѣ, какъ убиваютъ его отца.

— Куда же мы теперь съ нимъ?— спросилъ Исламей, когда убѣдился, что передъ нимъ лежитъ трупъ.

— Куда? камень привязать къ ногамъ, да въ затопленную шахту и бросить,—посовѣтовала Лукерья.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя въ шахту, шахту станутъ откачивать— тѣло найдутъ. Бросить надо въ отхожее мѣсто у башкировъ.

И вотъ всѣ убійцы понесли тѣло, ступая тихо, чтобы не разбудить кого нибудь. На ихъ счастье никто не встрѣтился; Исламей принесъ камень, привязалъ къ шеѣ тѣмъ же поясомъ, которымъ задушилъ Савельева и тихонько опустилъ трупъ въ яму. Пропускаю здѣсь возмутительныя подробности, рисующія всѣхъ убійцъ людьми безъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, пропускаю потому, что онѣ слишкомъ чудовищны и могутъ вызвать даже чувство омерзенія. Случай доставилъ мнѣ возможность видѣть всѣхъ убійцъ. Татаринъ походилъ больше всѣхъ на разбойника; Лукерья напоминала продувную мѣщанку, а старушенка, мать Савельева, была самая обыкновенная старуха, сгорбленная, со слезящимися, подслѣповатыми глазами и поминутно хныкающая: ничего ужаснаго, ничего напоминающаго типъ преступницы—убійцы родного сына изъ за денегъ.

Но довольно мрачныхъ страницъ, я ихъ привелъ лишь для полноты моего очерка пріисковыхъ нравовъ и для обрисовки развращающаго вліянія металла, одинаково прельщающаго какъ интеллигента, такъ и дикаря.

VI.

Перейду теперь къ «скупщикамъ» золота. Хищеніе, т. е. скупка золота наноситъ громадный вредъ уральской золотопромышленности, состоящей, какъ извѣстно, преимущественно изъ мелкихъ предпріятій. Подъ словомъ *мелкое* предпріятіе я разумѣю такое, которое даетъ въ годъ maximum 10,000 руб. валового дохода и въ среднемъ 1,500 руб. чистой прибыли (15%). Для этого нужно добыть золота не менѣе 25—30 ф.; но на Уралѣ пріисковъ, дающихъ не свыше 20 ф., оказывается, по оффиціальнымъ даннымъ, 74% всѣхъ дѣйствующихъ пріисковъ, такъ что большая часть владѣльцевъ пріисковъ имѣетъ весьма небольшія средства для операцій и волей-неволей должна изыскивать наивыгоднѣйшій способъ получить барышъ. Этимъ пользуются скупщики и предлагаютъ прямо реализировать часть намытаго золота, не прибѣгая къ легальному пути. Соблазнъ великъ, тѣмъ болѣе что нужда въ деньгахъ постоянно ощущается, и потребность и недостатокъ въ оборотномъ капиталѣ у мелкаго предпринимателя отзываются очень вредно на ходѣ дѣла.

Скупкой золота у мелкихъ хозяевъ, а главное у рабочихъ и старателей, какъ очень прибыльнымъ ремесломъ, занимаются многія лица. Лица эти всѣмъ извѣстны, на нихъ чуть пальцами не указываютъ, но поймать ихъ, обличить, а главное доказать незаконность ихъ предпріятія почти невозможно. Солидарность между скупщиками и продавцами стоитъ юридической преградой для всякой власти, задумавшей энергическими мѣрами парализовать вліяніе скупщиковъ. Съ внѣшней стороны, скупщикъ обставляетъ себя безукоризненно и имѣетъ видъ вполнѣ добропорядочный и законный. Онъ, если желаетъ вести дѣло на чистоту, арендуетъ одинъ, два, три пріиска, конечно, такихъ, гдѣ имѣется крошечное золотцо, приглашаетъ старателей, или ставитъ своихъ станка два, три и производитъ, для отвода глазъ, промывку. Намоетъ онъ въ день нѣсколько долей,—прекрасно,—къ этимъ долямъ въ казенную книгу записываетъ фунтъ купленнаго, и дѣло съ формальной стороны обставлено вполнѣ законно. Какимъ образомъ можно доказать, что этотъ фунтъ *не былъ* добытъ на его пріискѣ? Разспросомъ рабочихъ, цѣлымъ слѣдствіемъ? Но и для этого нужно факты, такъ какъ привлекать къ слѣдствію можно, лишь имѣя въ рукахъ весьма основательныя данныя. Представьте себѣ такое совпаденіе, что у бѣдняка-старателя *дѣйствительно* намывается *на одномъ* станкѣ столько же, сколько у его сосѣда-богача на десяти; но гнѣздо золота выработано и опять у того же старателя будутъ намываться однѣ доли. Такъ нельзя же на основаніи такихъ или подобныхъ данныхъ привлекать старателя къ уголовной отвѣтственности за скупку золота. И хозяинъ-скупщикъ, желая оградить себя отъ доносовъ, поручитъ вѣрному человѣку подсыпать золото на станокъ передъ самой съемкой. Сдѣлать это легко, а тогда и рабочіе будутъ свидѣтельствовать, что золото *снято* со станка. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не существуетъ, все сводится къ простому торгу, гдѣ покупщикъ, совершенно спокойно, не боясь преслѣдованія, покупаетъ товаръ. Вообще же продажа золота производится обыкновенно такъ: приходитъ къ хозяину-скупщику рабочій:

— Что тебѣ?—спрашиваетъ покупатель.

— До вашей милости. Дѣльце есть. На вашемъ пріискѣ «постарался»,—говоритъ, лукаво улыбаясь, рабочій, никогда не работавшій у скупщика,—такъ вотъ пробу принесъ, сдать мнѣ ее вамъ нужно.

— Покажи-ка твою пробу,—смѣется скупщикъ,—чай доли двѣ намылъ?

Рабочій вынимаетъ изъ кармана тряпичный узелокъ, развязываетъ и высыпаетъ на бумажку бѣлое, обортученное золото, несомнѣнно украденное не изъ забоя, а съ машины. Хозяинъ перебираетъ пальцами золото, тонкимъ слоемъ распредѣляетъ его на бумажкѣ и внимательно разсматриваетъ, потомъ дѣлаетъ глубокомысленное лицо и говоритъ: «а недурное у тебя золотцо, недурное».

Рабочій ухмыляется и скромно отвѣчаетъ: «какое Богъ послалъ на бѣдность-то нашу».

— Ну, ладно, не пой Лазаря-то,—говоритъ строгимъ голосомъ хозяинъ,—сыпь золото въ ложку, да отжигай въ печкѣ.

Начинается процедура отжиганія, т. е. выпариванія ртути изъ золота, для чего золото насыпается въ желѣзную ложку, которую и ставятъ на горячіе угли,—ложка накаливается и ртуть улетучится. Во время выпарки золото имѣетъ свойство слипаться въ комки, и для того, чтобы ихъ разбить, нужно толочь золото въ желѣзной или чугунной ступкѣ.

— Теперь столки, да на кислоту попробуемъ, не попало ли, какимъ грѣхомъ мѣди немножко.

— Что вы, помилуйте, откуда тутъ мѣди взяться,—протестуетъ старатель,—мѣди тутъ ни капельки нѣтъ.

Попробовали и кислотой (азотной) и опять сушили золото, промывъ его предварительно водой. Окончивъ всѣ манипуляціи, хозяинъ бросилъ золото на вѣсы.

— На, смотри! Видишь, сколько тутъ. Ровнехонько двѣнадцать съ четвертью.

— Походъ большой берете,—указываетъ старатель на стрѣлку вѣсовъ, склонившуюся на чашкѣ съ золотомъ.

— Не нравится, такъ бери свое золото, неси его куда хочешь, хоть въ свою контору,—обрываетъ старателя скупщикъ и ссыпаетъ золото на бумажку.

— Да ужъ ладно, ладно, спорить не будемъ. Пожалуйте денежки.

— Получай. Вотъ тебѣ 55 рублей, а копѣйки-то мнѣ за хлопоты пожертвуй.

— Извольте, извольте, о копѣйкахъ спорить не согласны, владѣйте ими. Прощайте, счастливо оставаться,—говоритъ рабочій, направляясь къ двери.

— Постой, не торопись, успѣешь еще уйти. Ты вотъ за мое здоровье выпей. Рабочій выпиваетъ и опять направляется къ выходу.

— Да ты погоди,—останавливаетъ его хозяинъ.—Ты вотъ что, пріятель, не знаю, какъ тебя звать, величать, ты вотъ что, ты поговори товарищамъ-то своимъ, чтобы ко мнѣ *стараться* то приходили. Чего ихъ къ С. тянетъ, чего они тамъ не видали? Деньги-то вездѣ одинаковыя, что у С., что у меня,—только мои вѣсы повѣрнѣе будутъ—это точно. Вѣдь С. то, можно сказать, съ васъ прямо шкуру деретъ, вѣдь у него креста нѣтъ. У меня видѣлъ, какъ хорошо? Золотцо ты сдалъ, честно взвѣсили (голосъ хозяина все дѣлается нѣжнѣе и нѣжнѣе), денежки ты получилъ, — мнѣ хорошо и тебѣ мило. Такъ, вѣдь, пріятель?

— Ваши гости и запредки (впередъ) будемъ, васъ не обойдемъ, потому вы, не какъ прочіе, ни цѣной насъ не обижаете, ни лаской.

Мы это понимаемъ, потому къ вамъ и идемъ, — вы и водочки подаете,—говоритъ, съ удареніемъ, рабочій.

Хозяинъ догадывается и угощаетъ гостя:

— Выпей еще на дорожку-то, объ одной хромать будешь. А что на счетъ цѣны ты сказалъ, такъ это вѣрно, потому, я тебя по 4 р. 50 к. разсчелъ, а другіе бы тебѣ по четыре рублика съ четвертачкомъ бы отсыпали. Да-съ. Мы себѣ въ ущербъ цѣну-то дикую даемъ...

— Вотъ говорятъ,—перебиваетъ его нецеремонно рабочій,—что *курсъ* на золото поднимается, намъ конторщикъ сказывалъ: вы, говоритъ, не продешевите, теперь золотникъ-то пять рублей стоитъ, въ газетахъ, говоритъ, такъ написано.

— Мало ли что въ газетахъ пишутъ, врутъ все тамъ,—взволновался скупщикъ,—ты поменьше слушай болтовни-то. Я тебѣ, какъ на исповѣди, скажу—больше 4 р. 50 к. дать нельзя. Самъ посуди, при сплавѣ угаръ будетъ, расходъ по сплавкѣ, опять контора у меня есть, тому, да другому дай, денегъ-то прорва идетъ.

— Оно точно, только до насъ это мало касается,—говоритъ хладнокровно рабочій,—а если точно курсъ поднялся, какъ конторщикъ сказывалъ, такъ дешевле 5 р., какъ хотите, не отдадимъ. Намъ тоже даромъ-то золото не достается, мы тоже платимъ, у насъ тоже денегъ-то много выходитъ. Да и опаска опять, какъ бы не нашли, тоже въ острогѣ-то сидѣть не шибко ладно.

— По пяти рубликовъ врядъ ли дамъ,—говоритъ хозяинъ, прощаясь съ рабочимъ и запирая за нимъ дверь.—Ну съ, теперь взвѣсимъ золотцо-то, да и запишемъ въ книги,—разсуждаетъ самъ съ собой хозяинъ, вынимая изъ стола шнуровыя книги и ящичекъ съ вѣсами. Взвѣсивъ уже на другихъ, болѣе точныхъ вѣсахъ, хозяинъ пишетъ въ книгу: «тринадцать золотниковъ сорокъ восемь доль». «Охо, хо, вздыхаетъ онъ, грѣхи наши тяжкіе, работаешь, работаешь, а все толку мало, все денегъ нажить не могу».

Другая категорія скупщиковъ—«агенты» дѣлаютъ покупку золота иначе. Они ведутъ свои операціи не такъ открыто и приступаютъ къ нимъ лишь послѣ всесторонняго изученія поля битвы. Такой агентъ (какой нибудь мѣщанинъ или бывшій штейгеръ) узнаетъ сперва, на какомъ пріискѣ больше крадутъ золота, какіе рабочіе или старатели плутоватѣе, у кого изъ старателей идетъ лучше золото и кто и куда изъ нихъ продаетъ. Конкуррировать съ профессіональными скупщиками ему очень трудно, давать большую плату безусловно невозможно,—вотъ для этого-то ему необходимо раскинуть такъ хитро свою паутину, чтобы жертвы попадались въ нее какъ можно чаще и не замѣчали бы протянутыхъ тенетъ. Изучивъ основательно контингентъ продавцевъ золота, агентъ устраиваетъ у себя пирушку, на которую и заманиваются намѣченныя жертвы. Угощеніе бываетъ очень обильное, со всѣми атрибутами пріисковой оргіи, т. е. гармоникой и женскимъ элементомъ. Напаиваются ста-

ратели и рабочіе до блаженнаго состоянія, въ которомъ имъ кажется, что агентъ лучше «батюшки родного, лучше матушки родимой». Этотъ моментъ и ловитъ тароватый на водку и пиво агентъ,—онъ тогда смѣло приступаетъ къ операціи и покупаетъ золото. Вѣсы у него всегда съ собой, а деньги въ бумажникѣ, такъ что одурманенному рабочему или старателю не нужно тратить времени,—сдѣлка совершается быстро и снова запивается виномъ,—обдумать свою продажу агентъ не даетъ,—да и пьяный старатель не можетъ сообразить, что онъ обвѣшанъ и обсчитанъ. Понятно, что агентъ, дѣйствуя въ интересахъ своего довѣрителя, не забываетъ и своей доли, для чего онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы купить подешевле и долженъ прибѣгать къ мошенническимъ пріемамъ. Процентъ за «коммиссію» агентъ назначаетъ по «обстоятельствамъ», т. е. по степени трудности и опасности покупки, т. к. ему грозитъ и законъ, а также и месть обманутыхъ старателей, почему онъ назначаетъ и отдѣляетъ себѣ «за труды» чисто ростовщическій процентъ. Рѣдко кончаютъ агенты свою жизнь спокойнымъ образомъ: въ большинствѣ случаевъ они падаютъ подъ ударами обобранныхъ ими людей. Мнѣ извѣстны такіе примѣры, когда пріѣхавшіе агенты изъ Москвы, отъ проживающихъ тамъ скупщиковъ, скупивъ нѣсколько фунтовъ золота, не довозили его до своихъ довѣрителей, т. к. ихъ обирали до-чиста, избивъ предварительно до полусмерти въ тѣхъ же вертепахъ, гдѣ они устраивали свои западни.

Третья категорія скупщиковъ—это случайные покупщики, совершающіе эту операцію «между дѣломъ». Въ большинствѣ случаевъ ими бываютъ разносчики татары-казанцы, приносящіе свои товары въ коробкахъ. Ихъ снуетъ на пріискахъ всегда очень много и они покупаютъ золото преимущественно по порученію ташкентскихъ и оренбургскихъ купцовъ, переправляющихъ, въ свою очередь, русское золото въ Среднюю Азію и даже Индію. Обороты всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ татаръ достигаютъ довольно крупныхъ суммъ.

Чрезвычайно трудно, какъ я уже сказалъ, поймать крупнаго хищника, такія поимки совершаются единицами въ десятки лѣтъ. И не мудрено, во 1-хъ, скупщикъ-хозяинъ положительно неуловимъ по причинамъ, объясненнымъ выше, во 2-хъ, у крупнаго скупщика не золотопромышленника имѣются свои друзья, агенты, сообщники, нѣчто въ родѣ правильно организованной полиціи, зорко слѣдящей за «вражескимъ станомъ», предупреждающей всякія поползновенія со стороны пріисковой администраціи поймать хищника. Иногда, кажется, поимка обставлена такъ секретно, что о ней знаютъ лишь вѣрные люди, а въ результатѣ полнѣйшее фіаско,—золото провезено другими дорогами или другими лицами, или, наконецъ, продано скупщику золотопромышленнику, записавшему его въ свои шнуровыя книги по всѣмъ правиламъ канцелярскаго формализма. Но въ теченіи 15 лѣтъ я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ поимки очень крупнаго и богатаго скупщика, агента многихъ

азіатскихъ фирмъ. Случай настолько рѣдкій въ пріисковомъ мірѣ, что о немъ говорили долго на пріискахъ, и даже скупка золота нѣсколько пріостановилась. Дѣло происходило такъ. На имя управляющаго N—скимъ пріискомъ пришелъ пакетъ, въ которомъ заключалось секретное увѣдомленіе отъ одного, облеченнаго властью лица, что въ такое-то время, *вѣроятно* черезъ N—скій пріискъ, по дорогѣ въ Екатеринбургъ, поѣдетъ купецъ С., у котораго, по собраннымъ справкамъ, *должно быть* съ собою краденаго золота до пяти фунтовъ. Ставилось между прочимъ на видъ, что полученныя свѣдѣнія, хотя и доставлены вѣрными людьми, но ручаться вполнѣ за сообщеніе нельзя, почему весь рискъ обыска и задержанія хищника должны пасть, въ случаѣ неудачи, на то лицо, которое задержитъ проѣзжающаго купца. Но тутъ же было прибавлено: «купецъ С. не золотопромышленникъ, книгъ у него казенныхъ на записку золота *нѣтъ*». Долго обсуждался пріисковой администраціей присланный документъ,—не знали на что рѣшиться,—задержать-ли хищника и подвергнуться большому риску быть обвиненнымъ «въ незаконномъ задержаніи и лишеніи свободы», что грозило тоже «лишеніемъ свободы», или же все оставить на произволъ судьбы и пропустить рѣдкій случай уничтоженія одного изъ враговъ золотого промысла. Призванный на совѣтъ старшій стражникъ, человѣкъ бывалый, опытный и съ большимъ полицейскимъ «нюхомъ», настаивалъ на поимкѣ, увѣряя, что «труды напрасно не пропадутъ, изловимъ звѣря». Его увѣренность подѣйствовала, и рѣшеніе состоялось въ благопріятномъ для него смыслѣ, благопріятномъ, потому что успѣхъ сулилъ стражнику большую денежную награду. Послѣ долгихъ обсужденій, выработанъ былъ планъ дѣйствій и сооружена цѣлая экспедиція, въ составъ которой вошли старшій и нѣсколько младшихъ стражниковъ, двое пріисковыхъ служащихъ и четыре человѣка постороннихъ лицъ, въ качествѣ понятыхъ. Экспедиція выступила ночью, безшумно, разными дорогами, чтобы не привлекать вниманіе старателей и рабочихъ, и, какъ во время военныхъ дѣйствій, приняла предосторожности, чтобы никто не проболтался и не выдалъ цѣли поѣздки. По соображеніямъ старшаго стражника «купецъ» долженъ проѣхать часа въ три—четыре ночи, но экспедиція была уже на мѣстѣ часовъ съ двѣнадцати. Стражники, какъ заправскіе пластуны, «залегли» въ кустахъ около дороги, по которой долженъ проѣхать скупщикъ, остальные члены облавы, составляя «резервъ», попрятались недалеко въ лѣсочкѣ. Время тянулось ужасно долго, ночь была теплая, въ тишинѣ звонко раздавались пѣсни заливающагося соловья, однообразный крикъ деркача, кваканье лягушекъ и жужжанье миріады комаровъ, немилосердно сосавшихъ кровь изъ храбрыхъ воиновъ,— словомъ, ночной концертъ былъ въ полномъ разгарѣ. Наконецъ, вдали послышался шумъ колесъ отъ быстро ѣхавшаго экипажа,—всѣ встрепенулись и затаили дыханіе,—роковая минута приближалась! Вскорѣ показался

маленькій тарантасикъ, запряженный парой лошадей; въ тарантасикѣ полулежалъ *онъ*, развалившись на мягкихъ подушкахъ, не подозрѣвая грозящей ему опасности.

— Стой!—закричало вдругъ нѣсколько голосовъ разомъ, и тарантасикъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ стражниками съ мѣдными бляхами на груди.

— Прочь съ дороги!—что за разбой!—перестрѣляю васъ всѣхъ, какъ собакъ! Не подходите,—убью!

Подошелъ къ тарантасику старшій стражникъ и почтительнымъ голосомъ проговорилъ:

— Позвольте вашъ револьверъ,—мы не разбойники, мы полицейская стража, позвольте револьверъ,—прибавилъ онъ настоятельно.

— Какое вы полное право имѣете останавливать меня среди дороги? Я на васъ жаловаться буду,—нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ скупщикъ,—оборону свою не отдамъ, вы еще меня убьете.

Но угрозы не помогли. Револьверъ взяли, въ тарантасикъ сѣлъ стражникъ, на возлы къ ямщику тоже, и экипажъ покатился по дорогѣ на пріискъ, окруженный конвоемъ стражниковъ и понятыхъ. Во время пути, купецъ нагнулся къ уху сидѣвшаго съ нимъ рядомъ стражника, или «казака», какъ ихъ обыкновенно называютъ на пріискахъ, и прошепталъ: бросьте все дѣло, награжу всѣхъ,—останетесь довольны, право, для васъ же лучше будетъ, а то я вамъ такъ насолю, что долго помнить будете. Стражникъ былъ нѣмъ, какъ рыба, и на предложеніе купца угрюмо молчалъ. Всю дорогу, верстъ 5—6, скупщикъ ругался и грозилъ земными и небесными карами, и даже не замѣтилъ, какъ экипажъ подкатилъ къ крыльцу конторы, на которомъ стояли власти и пріисковый управляющій. Увидѣвъ властей, купецъ видимо струхнулъ, но тѣмъ не менѣе, сохраняя наружное спокойствіе, вылѣзъ изъ тарантасика и направился къ конторѣ. Но его остановили, предложивъ присутствовать при обыскѣ экипажа и выносѣ его вещей. Когда вещи были вынесены въ контору и при соблюденіи всѣхъ формальностей обысканъ его чемоданъ, то на днѣ его нашлось въ кожаномъ мѣшкѣ золото—пять фунтовъ.

— Ваше это золото?—спросило его начальство.

— Мнѣ дали его на коммиссію,—отвѣтилъ блѣдный скупщикъ.

— Кто же далъ?

Вдругъ купецъ упалъ на колѣни и, буквально рыдая, сталъ умолять начальство «простить», что-де я по малодушеству занялся золотишкомъ и т. д.

Кончилось все это дѣло весьма печально для хищника.

Поплатился онъ штрафомъ, конфискаціей золота и тюремнымъ заключеніемъ. Встрѣтилъ я его нѣсколько лѣтъ спустя въ жалкомъ видѣ,—пьяный, оборванный онъ шелъ по улицамъ Оренбурга и что то бормоталъ себѣ подъ носъ. Дойдя до кабака, онъ постоялъ около

него, пошарилъ въ карманахъ и, не найдя въ нихъ ничего,—безнадежно махнувъ рукой, отправился дальше.

Другой случай поимки крупнаго хищника произошелъ совершенно случайно, имѣлъ даже нѣсколько комическій характеръ. Въ одинъ изъ магазиновъ N—скаго села пришелъ субъектъ высокаго роста, тучный и съ замѣчательно громкимъ голосомъ, купить нѣсколько кусковъ мануфактурнаго товара. Въ рукѣ у покупателя былъ кожаный мѣшокъ, съ которымъ онъ не разставался. Въ это же время, въ магазинъ заявился, совершенно случайно, старшій полицейскій стражникъ. Увидавъ покупателя, онъ обомлѣлъ; передъ нимъ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ скупщиковъ, имѣвшій къ тому же въ рукахъ мѣшокъ несомнѣнно съ золотомъ.—«Я даже весь затрясся, говорилъ потомъ стражникъ, какъ такую крупную рыбу увидалъ. Сталъ я слѣдить за нимъ, а самъ думаю: вотъ уйдетъ, вотъ сорвется, какъ тутъ быть? Только рыбка моя что то замечталась, да свой мѣшочекъ изъ рукъ и выпустила, а я, какъ кошка, къ нему и подкрался, да держу его одной рукой, а другой то маню купца къ себѣ. Ваше степенство, кричу я, вы свой мѣшочекъ оставили. Какъ онъ прыгнетъ, да за мѣшокъ ухватится, «не тронь мой мѣшокъ» закричитъ, такъ я сейчасъ бляху изъ кармана вытащилъ, да и говорю ему: пожалуйте, ваше степенство, мнѣ мѣшочекъ-то, я его къ горному ревизору представлю, ему тамъ спокойнѣе будетъ. Онъ даже затрясся и ротъ разинулъ, словно съ нимъ ударъ сдѣлался. Такъ я его изъ магазина и не выпустилъ, мѣшокъ онъ мнѣ при свидѣтеляхъ отдалъ, и вмѣстѣ всѣ и къ горному ревизору пошли». Золота оказалось болѣе семи фунтовъ. Поимка эта доставила стражнику не мало удовольствія и денегъ; онъ всегда вспоминалъ о ней съ большимъ наслажденіемъ, а когда поздравляли его съ удачей и говорили приятомъ: «крупнаго звѣря, Илья Петровичъ, словили», онъ приглаживалъ свои височки и смиренно отвѣчалъ: «Богъ послалъ, Богъ послалъ».

Кражи и скупка золота наносятъ не малый ущербъ золотопромышленникамъ, но въ процвѣтаніи того и другаго виноваты отчасти сами владѣльцы пріисковъ. Нужно сказать, что главнымъ контингентомъ продавцевъ золота являются старатели; хозяйскіе рабочіе, т. е. люди, работающіе на правильно поставленныхъ хозяйскихъ работахъ, крадутъ несравненно менѣе и утаиваютъ лишь тогда, когда представится къ тому возможность и когда въ забояхъ золото дѣлается видимымъ. Тогда, несмотря на тщательные обыски рабочихъ при выходѣ ихъ изъ шахтъ, они ухитряются всетаки проносить «штучки» съ золотомъ, скрывая его весьма хитро отъ докучливыхъ надсмотрщиковъ. Старатели—другое дѣло: они работаютъ самостоятельно, какъ маленькіе владѣльцы и усмотрѣть за ними болѣе чѣмъ трудно. Но уменьшить продажу золота вполнѣ возможно и, конечно, не карательными мѣрами исключительно, а увеличеніемъ за него платы. На всѣхъ пріискахъ Южнаго Урала (кромѣ Мшеской дачи, гдѣ

цѣна за золотникъ золота установлена въ 2 р. 40 к.), старателямъ платятъ по 3 р. за золотникъ. Посмотримъ теперь, сколько изъ этой платы останется старателю, если онъ работаетъ жилу въ 4 золотн. содержанія въ 100 пуд. руды, при ежедневной, т. е. суточной выработкѣ въ 500 пуд. Я нарочно беру среднія цифры, чтобы не заслужить упрека въ преднамѣренности выводовъ. Изъ 500 п. руды, при 4 золотн. получится золота 20 золотниковъ на сумму 60 рублей. Изъ этой суммы, за обработку на фабрикѣ, принимая суточную размолку тоже въ 500 пуд. на хорошо устроенныхъ бѣгунахъ (23 пуда въ часъ), нужно уплатить владѣльцу 24 р., т. е. 1 руб. въ часъ. Остается старателю 36 руб., или 1 р. 80 к. за золотникъ. Допустимъ, что у старателя идетъ работа цѣлый рабочій мѣсяцъ, т. е., 24 дня; въ теченіи этого времени старатель долженъ добыть 12,000 пуд. руды и получить изъ нея золота 480 зол. (5 ф.) на сумму 1440 р. Изъ этой суммы онъ отдаетъ за перемолъ руды 576 р.,— остается у старателя 864 рубля, или 7, 2 коп. на 1 пудъ руды. Если же старатель сдастъ въ контору половину золота, т. е. 240 зол. и получитъ за нихъ 720 руб., а другую половину продастъ скупщику по 4 р. 50 к. на сумму 1080 р., то всего онъ получитъ денегъ 1800 р., вычитая изъ которыхъ 576 р. за обработку, у старателя остается 1224 руб. или 10,2 к. на 1 п. добытой руды. Стоимость же обработки, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, при дешевомъ старательскомъ трудѣ, не можетъ быть дешевле 7 к. на пудъ, считая всѣ расходы, слѣдовательно чистаго барыша въ первомъ случаѣ у старателя останется всего 24 р., а во второмъ 384 рубля въ мѣсяцъ,—разница огромная! Несмотря на очевидность и необычную простоту такого разсчета, многіе золотопромышленники не хотятъ признать выгодности увеличенія платы, говоря, что ихъ расходы по различнымъ отраслямъ своего дѣла настолько велики, что каждая лишняя копѣйка, прибавленная къ платѣ старателя, отзовется очень тяжело на ихъ (владѣльцевъ) бюджетѣ. Положимъ, это разсужденіе похоже на крокодиловы слезы, но разъ оно существуетъ—значитъ золотопромышленники сознательно помогаютъ свободѣ обращенія металла и не желаютъ улучшенія положенія дѣла. Мало того, мнѣ извѣстно, что нѣкоторые золотопромышленники устанавливаютъ у себя на пріискахъ дифференціальную плату за золото, т. е. уменьшаютъ плату съ увеличеньемъ содержанія золота въ рудахъ у старателя. Это совершеннѣйшій абсурдъ, приводящій къ обратнымъ результатамъ и прямо наталкивающій старателей на воровство. Практика должна была бы указать, что никакой надзоръ, никакіе запоры, рѣшетки на шлюзахъ, амальгаматорахъ не спасутъ отъ кражи золота.

Порождаетъ также хищничество, и въ очень сильной степени, отсутствіе наличныхъ денегъ у многихъ мелкихъ предпринимателей - золотопромышленниковъ, у которыхъ весь оборотный капиталъ заключается въ нѣсколькихъ стахъ рубляхъ, занятыхъ еще у

пріятеля за «дружескіе» проценты. Эти сотни рублей, да немного припасовъ и товаровъ, хранящихся въ пріисковыхъ амбарахъ и выдаваемыхъ старателямъ въ счетъ заработной платы, и составляютъ фондъ для уплаты за намытое золото. Понятно, что такой фондъ быстро исчезаетъ, и хозяинъ остается безъ денегъ и безъ товаровъ, умоляя старателей «подождать» и выдавая имъ записочки въ пріемѣ золота. Наконецъ, старатели настойчиво приступаютъ къ хозяину съ требованіемъ уплаты, говоря ему приэтомъ слова «облитыя горечью и злостью». Летитъ тогда такой горе-богатырь съ своими двумя-тремя фунтишками къ окружному инженеру, выправляетъ свидѣтельство и ѣдетъ въ Екатеринбургъ сплавлять золото, получать и продавать свои ассигновки.

Проѣхавъ взадъ и впередъ около 700 в., вдоволь нахлопотавшись и истративъ не мало денегъ, возвращается хозяинъ къ старателямъ опять съ жалкими сотнями рублей, исчезающими съ быстротой тающаго снѣга. Во время же отсутствія, или даже просто въ періодъ безденежья, если хозяинъ во избѣжаніе лишнихъ расходовъ не ѣздитъ въ Екатеринбургъ, а обдѣлываетъ свои операціи съ «попутными», или по почтѣ, его старатели, безъ всякаго уже стѣсненія, не скрываясь несутъ золото къ скупщикамъ, разсуждая совершенно логично, что «и намъ пить, ѣсть надо, ребятишекъ кормить».

Типъ «хозяина - бѣдняка» встрѣчается на Уралѣ очень часто и заслуживаетъ подробнаго изученія, представляя безчисленные варіанты. Такой арендаторъ или даже собственникъ пріиска не имѣетъ схожихъ чертъ съ владѣльцами золотоносныхъ участковъ на калифорнійскихъ или австралійскихъ промыслахъ. У нашего уральскаго мелкаго золотопромышленника имѣются свои особенности, такъ сказать, національныя черты, дѣлающія его весьма интереснымъ съ бытовой стороны. По большей части это бывшіе служащіе на пріискахъ, гдѣ они успѣли сколотить нѣсколько деньжонокъ, и желающіе, на старости лѣтъ, заняться «своимъ» дѣломъ. Работаютъ они всегда помощью старателей, завести хозяйскія работы имъ не по карману, да и купленные пріиски съ торговъ за дешевую цѣну не имѣютъ столько запаса золота, чтобы можно было развить на нихъ большія работы. Сами владѣльцы ютятся въ маленькихъ домикахъ, довольствуются весьма сомнительнымъ комфортомъ и кончаютъ свою дѣятельность, по большей части, полнымъ раззореніемъ, не собравъ капитала и не сдѣлавшись «рантье», о чемъ мечтаютъ всю жизнь. Впрочемъ, иногда улыбнется и имъ счастье, и они доживаютъ свои дни, относительно говоря, довольно спокойно. Попадаютъ иногда, волею злого рока, въ положенье хозяевъ-бѣдняковъ люди, не похожіе на общій типъ, и одного изъ этихъ злополучныхъ людей я зналъ лично. Встрѣчался съ нимъ раньше, когда онъ еще не былъ «мытаремъ» золотого дѣла, но потомъ вскорѣ потерялъ изъ виду и, послѣ долгихъ лѣтъ, случай свелъ меня съ нимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Какъ то разъ, зимою, мнѣ пришлось

быть въ кочкарской системѣ, куда я ѣхалъ по одному важному дѣлу. Дорогой меня застигъ буранъ (мятель), и ямщикъ сбился съ пути. Мы остановились. Кругомъ ревѣла вьюга, крутился снѣгъ, засыпалъ меня, повозку, лошадей,—положеніе становилось критическимъ, и мы оба, ямщикъ-татаринъ и я, струхнули порядкомъ.

— Бида, большой бида,—говорилъ мой возница, стоя около повозки.—Что дѣлать будимъ, ѣхать нильзя, шахта какъ разъ угадаемъ, дороги нѣтъ, снѣгъ шибко крутитъ.

Я не зналъ что и отвѣчать ямщику, сознавая, что «бида» точно большая. Вдругъ гдѣ то послышался лай собаки.

Мой татаринъ насторожился и сталъ вслушиваться.

— Баринъ!—закричалъ онъ радостно, изба близко есть, собака лаетъ.

— Ну такъ что же? Добраться то мудрено будетъ, видишь, все заиесло, ничего не видать,—сказалъ я въ отчаяньи.

— Богъ велитъ, доберемся,—съ увѣренностью въ голосѣ проговорилъ ямщикъ; сѣлъ на козлы и сталъ немилосердно стегать лошадей,—повозка качнулась, и мы начали наше плаванье по снѣжному морю. Я не берусь описывать тѣ ощущенія, которыя испытывалъ въ это время; я точно атрофировался,—сознаніе того, что опасность на каждомъ шагу, что попасть въ шахту и убиться очень легко, не гвоздило мой мозгъ, а во мнѣ проснулось лишь желанье поскорѣй выбраться изъ этого снѣжнаго ада и добраться до теплой комнаты, такъ какъ меня стало сильно знобить. Буранъ въ Оренбургской губерніи явленіе страшное: случалось, что погибали люди только что вышедшіе изъ дома, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него. Надъ землей разстилается точно непроницаемая завѣса, снѣгъ валитъ хлопьями, бьетъ по лицу, сбиваетъ съ ногъ и мгновенно заноситъ упавшаго человѣка. Прибавьте къ этому сильный морозъ, и вы получите вѣрное понятіе о силѣ и величіи снѣжной бури. Кое-какъ, подвигаясь очень медленно и поминутно останавливаясь, ѣхали мы по направленію собачьяго лая. Умное животное, точно знало, что его голосъ можетъ спасти людей, не останавливалось и, какъ сторожевой колоколъ, давало знать, что мы близки отъ мѣста, гдѣ смерть не будетъ глядѣть намъ въ глаза.

— Тпру...у,—закричалъ ямщикъ, когда лошади уперлись головами въ ворота,—пріѣхали, баринъ, пріѣхали,—радостно твердилъ иззябшій татаринъ.—Богъ спасъ, Богъ спасъ,—говорилъ онъ точно въ экстазѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ ворота отворились, и мы въѣхали во дворъ, гдѣ прыгала большая черная собака, привязанная на длинную цѣпь. Сбросивъ съ себя одѣяло изъ снѣга, я вылѣзъ изъ повозки и взошелъ по крыльцу въ маленькій домикъ, представляя изъ себя «снѣжнаго человѣка», рисуемаго обыкновенно въ нѣмецкихъ журналахъ.

«Добро пожаловать», слышу я чей то голосъ, но не вижу гово-

рящаго, такъ какъ глаза мои не могли еще разомкнуться отъ снѣга. Наконецъ, съ помощью того же человѣка, который привѣтствовалъ меня, я снялъ съ себя доспѣхи, протеръ глаза и увидалъ высокаго мужчину, съ большою апостольскою сѣдою бородой, съ открытымъ умнымъ лицомъ, добрыми глазами, смотрящими на меня съ большимъ участіемъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрое суконное платье и въ валенкахъ. Всматриваясь въ моего хозяина, я узналъ въ немъ моего давнишняго знакомаго, но сильно постарѣвшаго и осунувшагося.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?—спросилъ онъ, видимо не узнавъ меня.

Я назвался.

— А!—воскликнулъ онъ, мы съ вами встрѣчались у N., я теперь вспомнилъ. Какъ вы къ намъ попали? Да, постойте, я сперва напою васъ чаемъ, отогрѣю и тогда мы поговоримъ. Я такъ радъ, такъ радъ видѣть людей, давно я не встрѣчался ни съ кѣмъ,—говорилъ онъ, торопясь, точно желая скорѣе наговориться.—Посидите, голубчикъ, я только велю моей старухѣ самоваръ поставить,—сказалъ онъ, идя къ двери, откуда догадливая старушка кухарка уже несла кипящій самоваръ.

— Вотъ умница то у меня Марковна!—воскликнулъ мой хозяинъ, заваривая чай,—я только хотѣлъ распорядиться, а она ужъ самоваръ несетъ.

— Ну-съ, разсказывайте, зачѣмъ вы къ намъ попали,—началъ свой разговоръ мой старый знакомый.

— Дѣло есть,—не интересное, впрочемъ, для васъ, не стоитъ разсказывать. Вы вотъ лучше про себя разскажите, какъ вы сюда попали, въ эту трущобу, далеко отъ людей, забились въ степь? Вѣдь васъ волки здѣсь съѣдятъ,—пошутилъ я.

— Загнала меня сюда, скажу вамъ откровенно, сильная безъисходная нужда. Когда я вернулся изъ Сибири, куда привели меня событія 63 годовъ,—вѣдь я полякъ,—добавилъ онъ, я имѣлъ маленькія средства. Занялся я тогда изученіемъ уральскаго золотого промысла, не бросалъ и своего любимаго занятія—археологіи. Вскорѣ я увидѣлъ, что приборы нашихъ золотопромышленниковъ очень несовершенны, что теряется масса золота, и я занялся усовершенствованіемъ этихъ приборовъ, что мнѣ и удалось. Сдѣлалъ я двѣ модели и поѣхалъ показывать ихъ нашимъ золотопромышленникамъ, полагая, что могу продать мои изобрѣтенія. Но встрѣтилъ такое невѣжество, такое непониманіе своихъ нуждъ, ю пришлось собрать свои модели и убраться по добру, по здо-ову. А время шло, шли и мои деньжонки; наконецъ, я остался ѣзъ гроша съ однѣми коллекціями и книгами. Пришлось и ихъ устить въ оборотъ, а засимъ я сильно захворалъ, не могъ рабо-ать и сдѣлался чуть не нищимъ... Но тутъ мнѣ счастье вдругъ ыбнулось. Совершенно неожиданно, негаданно получаю я изъ

Сибири отъ стараго пріятеля (вскорѣ послѣ того умершаго) нѣсколько сотъ рублей, какъ уплату мнѣ долга. Я и забылъ объ немъ, но какъ оказалось, на свѣтѣ честные люди не перевелись. Вотъ на эти то сотни рублей я задумалъ заняться золотопромышленностью. Опытности у меня не мало, знаній тоже, и я рѣшился образовать компанійку для разработки одного мѣста, которое я зналъ, что золотоносно. Нашелъ и компаньоновъ, и приступили мы къ работамъ. Открыли жилу, стали приступать уже къ обстановкѣ работъ, какъ въ критическую минуту денегъ не хватило, компаньонъ мой оказался плутомъ, и я окончательно раззорился. Пріискъ продали, на немъ сейчасъ прекрасно работаютъ, золото оказалось, какъ думалъ, очень хорошее, а я, чтобы не умереть съ голоду, вынужденъ былъ продать всѣ мои коллекціи и даже книги. Скоро исчезли и эти деньги, и я, не желая разставаться съ золотымъ дѣломъ, а главное не желая умереть съ голода, предложилъ свои услуги П. въ качествѣ старателя-арендатора одного изъ его дальнихъ пріисковъ, на которомъ какъ то уцѣлѣли остатки разсыпаннаго золота. Вотъ вся моя исторія.

— Но вы говорили, что у васъ никакихъ средствъ не осталось, на какія же деньги вы теперь работаете?

— Видите ли, я работаю на особенныхъ условіяхъ. П. мнѣ передалъ пріискъ на аренду и поручилъ мнѣ въ то же время смотрѣть за старателями, которыхъ допускаю къ работамъ я, какъ владѣлецъ пріиска, т. е. записываю золото въ *мою* книгу. Деньги для расчета даетъ мнѣ тоже П., и онъ, по довѣренности отъ меня, сдаетъ мое (онъ усмѣхнулся) золото, получаетъ ассигновки, продаетъ ихъ и изъ вырученной суммы возвращаетъ свою ссуду, а остатки отдаетъ мнѣ.

— Сколько же накапливается въ годъ такихъ остатковъ?

— Очень немного,—рублей 300 въ годъ.

— Удивляюсь вамъ,—сказалъ я,—Вы человѣкъ, прекрасно образованный, знающій многія вещи, о которыхъ и не снилось большинству даже ученыхъ людей, отчего вы избрали такой родъ дѣятельности, гдѣ вы можете лишь прозябать, а не жить? Отчего наконецъ не служите? Вы бы всегда могли получить мѣсто съ гораздо большимъ окладомъ, чѣмъ вы теперь получаете.

— Нѣтъ, служить мнѣ нельзя. Здѣсь моего склада люди ужиться не могутъ, а тѣмъ болѣе... Кромѣ того, здѣсь я если и одинокъ, за то близокъ къ природѣ, которую люблю и изучаю. Еще въ Сибири, вмѣстѣ съ покойнымъ геологомъ Чекановскимъ, я изучалъ природу, подружился съ нею и отдаю ей свой умъ, свое знаніе. Служба лишитъ меня всего,—тамъ я рабъ, здѣсь я маленькій хотя, крошечный, но хозяинъ своего досуга. Да я и примирился съ своею участью, сытъ, обутъ, одѣтъ, снова составляю коллекціи, потихоньку выписываю книгу за книгой и погружаюсь въ нихъ по уши.

— Но, согласитесь сами, что въ ваши лѣта не мѣшало бы устроиться покомфортабельнѣе, отдохнуть...

— О, я скоро буду отдыхать, скоро лягу на вѣчный покой и пребуду въ созерцаніи нирванны...—сказалъ онъ съ грустью, опустивъ свою красивую голову на руки.—А теперь, теперь я доволенъ, доволенъ своей бѣдною избушкой, своимъ положеньемъ, своей кажущеюся, конечно, независимостью.

— А вы вѣрите въ гипнотическія свойства золота?—вдругъ спросилъ онъ встрепенувшись.

— Отчасти да, т. е. приходилось наблюдать, что кто разъ добывалъ золото, въ качествѣ владѣльца металла, тотъ не можетъ отстать отъ него, какъ запойный пьяница отъ вина,—сказалъ я.—Но я приписываю это развивающейся алчности, какая бываетъ у игроковъ въ рулетку въ Монте-Карло.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Вотъ напримѣръ я: у меня, повѣрьте, алчности нѣтъ и слѣда, но я теперь уже *не могу* оторваться отъ золота, оно тянетъ къ себѣ, приковываетъ, и я подчиняюсь невольно этому таинственному внушенію.

— Полноте, вы это себѣ представляете въ воображеніи, одиночество заставляетъ васъ думать о золотѣ больше, чѣмъ слѣдуетъ, вотъ и все.

— Можетъ быть и это, но только наблюдая за собой, я признавался самъ себѣ, что оторвите меня отъ золота, и я умру отъ непонятной тоски по немъ.

— Удивляюсь и рѣшительно отрицаю. Просто вы хандрите.

Долго мы еще бесѣдовали о разныхъ матеріяхъ...

Не знаю, живъ ли этотъ бѣднякъ хозяинъ, и цѣлы ли его коллекціи. Я справлялся не разъ о его судьбѣ, но не получалъ опредѣленнаго отвѣта.

Въ эту же зиму, мнѣ пришлось ночевать на старательской фабрикѣ, куда я попалъ также поневолѣ, благодаря сильнѣйшему морозу и усталости лошадей.

— Можно остановиться у васъ?—спросилъ я у нарядчика, встрѣтившаго меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.—Вы сегодня здѣсь дежурный?

— Дежурный то я, а что касается пустить ночевать, не знаю, пожалуй, что и нельзя.

— Помилуйте,—вскричалъ я,—такой морозъ, ямщикъ ознобился, лошади устали, куда я поѣду?

— Да вы кто будете?

— Я назвалъ себя.

— А! знаю, знаю, слыхалъ-съ. Ничего-съ, пожалуйте, ночуйте, въ нашу комнату проходите, тамъ никого сегодня нѣтъ, кто на шахты ушелъ, а кто въ другомъ мѣстѣ ночуетъ,—лебезилъ нарядчикъ, провожая меня въ комнату «для служащихъ».—Не уснете только,—продолжалъ онъ,—у насъ шумъ, стукъ, народу тоже

не мало. Вамъ бы чайку напиться, да къ конторщику проѣхать,— близко отсюда,—тамъ вамъ поспокойнѣе будетъ,—выпроваживалъ меня, очевидно, нарядчикъ. Но я рѣшилъ остаться, почему и отклонилъ предложеніе служащаго.

Кое-какъ устроившись въ крохотной каморкѣ, отдѣленной отъ фабрики лишь тонкой досчатой перегородкой, я улегся спать. Ритмическій шумъ бѣгуновъ, плескъ воды по шлюзамъ и амальгаматорамъ и рѣдкіе возгласы людей начали уже дѣйствовать на меня усыпляющимъ образомъ и я сталъ было дремать, какъ вдругъ слышу команду нарядчика:

— Эй вы! будетъ засыпать руду, сейчасъ сполоскъ начнемъ: а ты... (нарядчикъ видимо къ кому то обратился), а ты смотри, не уходи далеко, мы мѣшкать то не станемъ.

— Нѣтъ, Аверьянъ Матвѣичъ, не уйдемъ, мы здѣсь, Аверьянъ Матвѣичъ,—отвѣтилъ другой голосъ.—А у васъ никакъ гости, Аверьянъ Матвѣичъ: я на дворѣ лошадей видѣлъ.

— Какіе тамъ гости. Такъ проѣзжій одинъ, знаю я его, отъ морозу спасается. Я и позволилъ ему переночевать, жалко стало, сильно ужъ клянчилъ, да ямщикъ то у него сильно прозябъ,— ишь вѣдь морозъ какой!

— Такъ-съ. Что же, этотъ самый проѣзжій при сполоскѣ любопытствовать будетъ, али вы не допустите?

— Чего ему любопытствовать, не станетъ. Онъ съ дороги то примаялся, даже чаю не пилъ, прямо спать завалился, дрыхнетъ теперь, поди, пушкой не разбудишь.

Слышу, какъ нарядчикъ распорядился остановить машину, какъ онъ командуетъ сполоскомъ, слышу топотъ множества ногъ и отрывочныя фразы: «воды пущай!», «убавь!», «щеткой то чего не сметаешь,» «вываливай!»

— Не фартитъ тебѣ, Михайлычъ,—сказалъ нарядчикъ,—гляди, золота то совсѣмъ мало, голая ртуть бѣгаетъ!

— Не говорите, Аверьянъ Матвѣевичъ,—сокрушенно произнесъ сдавленный голосъ «Михайлыча»,—ужъ мы просто изъ силъ выбились, послѣднюю одежонку продали, голодомъ сидимъ.. Въ голосѣ послышались слезы.

— Ты бы другую дѣлянку попросилъ; можетъ, тебѣ и получше дадутъ, а то на твоей то сколько старателей уже себѣ лобъ расшибло.

— Ужъ не знаю, какъ и быть, что и дѣлать, пластаемся, бьемся, какъ рыба объ ледъ, а все золота нѣтъ. Вы бы, Аверьянъ Матвѣевичъ, на жилу то полюбопытствовали, такъ въ удивленіе бы пришли, жила могутная, приглядная, скварецъ (кварцъ) такой, что съ хлѣбомъ его ѣсть надо, а золота все нѣтъ,—чудеса и только. Да и *самъ* то деньгами скудается (бѣденъ), пришелъ я вчера къ нему за разсчетомъ, а онъ мнѣ вмѣсто денегъ товаръ суетъ,—вотъ, говоритъ, денегъ нѣтъ, товаромъ разсчитать могу, хоть ситцу, аль тамъ

плису возьми. А на что мнѣ его товаръ, что я съ нимъ дѣлать буду, вѣдь я его плисомъ ребятъ не накормлю, вѣдь у насъ артель, мы тоже, какъ и онъ, толстобрюхій, безъ денегъ жить не можемъ, у насъ тоже свои расходы имѣются, своя нуждишка. Придется опять къ Силычу идти, золотца ему снести, деньжонокъ раздобыть.

— Что же иначе то подѣлаешь,—согласился нарядчикъ.—Половину возьми сегодня, другую въ банку спустимъ. Золотниковъ двѣнадцать у тебя за сутки то наскребется. Будетъ тебѣ шести золотниковъ?

— Охъ, маловато будетъ, ей-Богу маловато. Прибавьте еще три золотника, Аверьянъ Матвѣичъ, пожалуйста, прибавьте, иначе не вывернуться намъ.

— Ну, ладно, только смотри, какъ бы мнѣ изъ-за тебя въ шею не попало и такъ ужъ на меня звѣремъ смотритъ. Да, впрочемъ, плевать мнѣ на него, второй мѣсяцъ своего жалованья выходить не могу, все завтра, да завтра. А ты тоже, другъ любезный, смотри не обмани, что обѣщалъ съ золотника, отдай, а то я тебя въ такую механику заверну, что три года плакать будешь.

Весь этотъ разговоръ не происходилъ tête à tête, народа на фабрикѣ было человѣкъ пять, шесть, но ни нарядчикъ, ни «Михайлычъ» никого не стѣснялись, а остальные не обращали ни малѣйшаго вниманія на противузаконный торгъ...

На утро, когда я сталъ уѣзжать, спрашиваю я нарядчика, чья эта фабрика и чьи старатели (т. е. какого хозяина) на ней мелютъ свои руды?

— А что вы интересуетесь, али какіе непорядки замѣтили?— спросилъ меня нарядчикъ, маленькій, невзрачный человѣкъ съ лисьей физіономіей.

— Нѣтъ, ничего не замѣтилъ, просто хотѣлось знать, гдѣ меня пріютили.

Нарядчикъ успокоился и назвалъ фамилію владѣльца фабрики и фамилію хозяина пріиска, съ котораго мелютъ старатели руду. Нарядчикъ, какъ оказалось впослѣдствіи, совралъ.

— Плохое у насъ золото, очень плохое,—сталъ онъ жаловаться, помогая мнѣ усѣсться въ повозку и оправляя закрывавшее мои ноги одѣяло.—Нѣтъ ли у васъ, сударь, какого нибудь мѣстечка, я бы съ удовольствіемъ послужилъ вамъ, я хоть по горнымъ работамъ, хоть на фабрикѣ могу орудовать. Меня здѣсь очень многіе хорошо знаютъ и самыя чудесныя рекомендаціи дадутъ, потому я не какъ другіе прочіе, въ сдѣлку со старателями не вступаю, потачки имъ не даю. На меня даже многіе грозятся, потому я всегда за правду, хозяйскаго золота тронуть не дамъ.

— А зачѣмъ сегодня хозяину только три золотника оставили?— огорошилъ я нарядчика. Тотъ остолбенѣлъ и юркнулъ въ фабрику. Ямщикъ мой захохоталъ: «ловко вы его огрѣли,—собака онъ,

знаемъ мы достаточно», проговорилъ онъ и пустилъ крупной рысью отдохнувшихъ лошадей.

Для полноты очерка о скупкѣ и продажѣ золота необходимо добавить еще нѣсколько штриховъ, могущихъ обрисовать этотъ промыселъ съ другой стороны, т. е. гдѣ сами скупщики являются страдательными лицами, а не владѣльцы пріисковъ, старатели или рабочіе. Много бываетъ въ такихъ случаяхъ комическихъ инцидентовъ, весьма характерныхъ и любопытныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Привожу эпизоды изъ такой дѣятельности «скупщиковъ». На пріискахъ N—ской компаніи, какъ и на всемъ Южномъ Уралѣ тоже существовала скупка золота. Тщетно администрація боролась съ этимъ, тщетно принимались иногда очень энергичныя мѣры—ничто не помогало, скупка процвѣтала попрежнему. Къ этому явленію постепенно привыкли и даже отчасти примирились съ нимъ. Не могъ только примириться одинъ изъ бывшихъ владѣльцевъ, онъ постоянно доказывалъ, что зло можно уничтожить въ корнѣ, только нужно умѣть взяться за него, какъ слѣдуетъ, и направлять громы по ранѣе обдуманному плану: «Я вамъ докажу, что можно даже побѣдить, можно уничтожить хищеніе, я пришлю на пріискъ лицо, оно займется этимъ вопросомъ».

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ изъ Петербурга господинъ, снабженный довѣренностями и инструкціями, миссія котораго состояла въ «радикальномъ искорененіи хищничества», въ «ловлѣ» скупщиковъ и въ «стираніи въ порошокъ» всѣхъ занимающихся этимъ промысломъ. Присланное лицо, облеченное такими обширными полномочіями, было поставлено внѣ зависимости отъ пріисковой администраціи, что сейчасъ же оказало свое дѣйствіе, т. е. «въ чрезвычайномъ послѣ» усмотрѣли не «прекратителя», а просто «соглядатая», и отношенія приняли нѣсколько обостренный характеръ. Но, какъ оказалось въ скоромъ времени, такой взглядъ начальства на «посла» былъ совершенно невѣренъ,—«посолъ» получилъ мѣсто какъ синекуру и былъ вполнѣ наивный человѣкъ. Онъ, живя постоянно въ Петербургѣ, не только никогда не видалъ золота въ сыромъ видѣ, но и о самомъ Уралѣ имѣлъ превратныя понятія, представляя его себѣ въ видѣ сосуда, наполненнаго драгоцѣнностями, гдѣ изъ яшмы строятъ дома, а золото валяется на дорогахъ, какъ простой песокъ. Пріѣхавъ съ такими понятіями, «посолъ» былъ ужасно разочарованъ, не видя тѣхъ богатствъ, которыми въ его воображеніи долженъ быть наполненъ тотъ край, куда занесла его судьба, почему онъ старался прибѣгнуть къ петербургскому образу жизни, чтобы нѣсколько ослабить непріятное впечатлѣніе: сталъ поигрывать усиленно въ картишки и заниматься «флиртомъ».

Вдругъ получаетъ онъ изъ Петербурга рядъ вопросовъ и между прочимъ такой: «сколько словлено хищниковъ?» «Посолъ» встрепенулся и объявилъ, что съ сего дня онъ посвящаетъ себя всецѣло

искорененію хищничества». Но съ чего начать, гдѣ открыть хищниковъ, какъ ихъ уличить? Долго мучился онъ надъ разрѣшеніемъ головоломной задачи, пока не получилъ свѣдѣнія отъ одного выгнаннаго нарядчика, что ему слѣдуетъ направить свои взоры на N—скій пріискъ, гдѣ «открыто продаетъ золото машинистъ такой-то». Моментально была испрошена у высшаго начальства аудіенція, на которой онъ торжественно объявилъ, что «по собраннымъ и тщательно провѣреннымъ даннымъ, на N—скомъ пріискѣ открыто торгуютъ золотомъ, что такія свѣдѣнія сообщены ему его агентами, которыхъ у него имѣется правильно организованная команда».

— Смотрите, Степанъ Николаевичъ,—сказалъ главный управляющій,—не увлекайтесь, не впадите въ ошибку и не встаньте въ смѣшное положеніе, провѣрьте еще разъ ваши свѣдѣнія. Я знаю, что на этомъ пріискѣ настолько опытный управитель, что врядъ ли существуетъ тамъ *открытая* продажа золота. Этого быть не можетъ.

— Ничего не значитъ его опытность, управителя нагло обманываютъ люди, которымъ онъ имѣетъ несчастіе довѣрять, я имѣю на то вѣскія доказательства.

— Поѣзжайте, коли такъ, но еще предупреждаю, не попадитесь въ просакъ.

— Я уже достаточно изучилъ золотое «производство», меня не обманутъ, и кромѣ того, мои агенты тоже люди опытные, они прямо называютъ имена и фамиліи, сомнѣній быть не можетъ. Могу заранѣе поздравить васъ и себя съ началомъ уничтоженія зла,—съ паѳосомъ отвѣчалъ Степанъ Николаевичъ.

— Дѣло ваше,—холодно сказалъ управляющій.

Посолъ откланялся. Проходитъ нѣсколько дней, о «послѣ» ни слуху, ни духу, какъ вдругъ поздно вечеромъ, часовъ въ 8, къ крыльцу главной конторы подкатываетъ на тройкѣ взмыленныхъ лошадей Степанъ Николаевичъ. Быстро и съ озабоченнымъ видомъ поднялся онъ по лѣстницѣ и громкимъ, начальственнымъ, недопускающимъ возраженія голосомъ требуетъ дежурнаго по конторѣ служащаго.

— Потрудитесь немедленно, отъ моего имени, отправиться къ Семену Петровичу и скажите ему, да смотрите не перепутайте, что я пріѣхалъ и что я не считаю себя вправѣ придти къ нему; только *здѣсь*, въ присутствіи, при постороннихъ лицахъ я могу сообщить у чрезвычайно важный фактъ; передайте также, что если онъ ромедлитъ или откажется сюда пожаловать, то буду поставленъ въ чальную необходимость телеграфировать непосредственно въ Пербургъ, и тогда, разумѣется, не отвѣчаю за послѣдствія. Понимаете и вы хорошо меня? Хотите я вамъ повторю еще разъ?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же, я все понялъ и доложу Семену Пеовичу.

Пока ходилъ съ докладомъ служащій, посолъ распорядился призвать двухъ шедшихъ мимо конторы мужиковъ и послать за становымъ приставомъ, вмѣсто котораго явился вскорѣ полицейскій урядникъ. Вѣсть о пріѣздѣ посла и о торжественности его рѣчи быстро распространилась по резиденціи управленія, и контора стала наполняться любопытными, желавшими узнать, «что стряслось на пріискахъ».

Запыхавшись и блѣдный отъ волненія пришелъ вскорѣ и Семенъ Петровичъ.

— Что случилось, Степанъ Николаевичъ? Зачѣмъ вы тревожите меня чуть не ночью. Почему, наконецъ, вы не пожаловали ко мнѣ, а *потребовали* меня въ контору?

— Господинъ главный управляющій! Позвольте мнѣ здѣсь, такъ сказать въ присутственномъ мѣстѣ, — началъ говорить напыщеннымъ тономъ «посолъ»,—заявить, что у васъ на пріискахъ дѣйствительно торгуютъ *открыто* золотомъ. И кто же торгуетъ? Служащіе! Служащіе на фабрикахъ! Я самъ, понимаете ли самъ, купилъ воровского золота болѣе *двухъ* фунтовъ у машиниста Василья Шибанова (псевдонимъ).

Старикъ главный управляющій былъ пораженъ, какъ громомъ, его высокій лобъ покрылся крупными каплями пота, и онъ въ безсильи опустился на кресло.

— Покажите мнѣ золото, оно у васъ?—хрипло выговорилъ ошеломленный Семенъ Петровичъ, отирая потъ со лба.

— Извольте-съ, извольте. Я золото взялъ съ собой, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, оно у меня въ сумкѣ, въ запечатанныхъ именной печатью N-скаго пріиска бумажныхъ пакетахъ. Видите, печати цѣлы?—обратился Степанъ Николаевичъ къ окружающимъ, вынимая и кладя на столъ четыре объемистыхъ бумажныхъ свертка, облѣпленныхъ сургучными печатями со всѣхъ сторонъ.—Вотъ,—обратился онъ къ неподвижно сидящему главному управляющему,—вотъ-съ, извольте осмотрѣть печати и...

— Давайте скорѣе, перестаньте ломаться,—оборвалъ его старикъ.—Покажите мнѣ золото.

— Вотъ-съ, потрудитесь вскрыть сами,—сказалъ съ усмѣшкою посолъ.

Семенъ Петровичъ, дрожащими отъ волненія руками разорвалъ бумажную оболочку одного пакета, посмотрѣлъ на блестящія крупинки желтаго металла и удивленно взглянулъ на ликующаго и что-то съ жаромъ разсказывающаго окружающимъ Степана Николаевича, потомъ развернулъ остальные пакеты и внимательно, перебирая пальцами, сталъ разглядывать крупинки. Вдругъ онъ быстро поднялся съ кресла и сталъ хохотать, чуть не истерически. Всѣ съ изумленіемъ и даже испугомъ оглянулись на старика, грознаго повелителя N-скихъ пріисковъ.

Оправившись отъ смѣха, Семенъ Петровичъ обратился къ открывателю хищенія.

— Поздравляю, поздравляю васъ, вы замѣчательную услугу оказали мнѣ, вашему довѣрителю и всему дѣлу, вы дѣйствительно знатокъ своего дѣла и мастеръ своего ремесла. Первый вашъ «выходъ» очень, очень удаченъ,—говорилъ старикъ, еле сдерживаясь отъ душившаго его смѣха.

Степанъ Николаевичъ оглядѣлъ всѣхъ орлинымъ взглядомъ, хотя и былъ нѣсколько смущенъ хохотомъ главноуправляющаго, но его успокоила мысль, что хохотъ явился результатомъ нервнаго разстройства.

— Сколько же вы заплатили за два фунта этого *золота*?—спросилъ Семенъ Петровичъ съ удареніемъ на словѣ золото.

— Представьте, я купилъ его замѣчательно дешево, всего за 432 р.

— Только-то? Очень, очень недорого.

— Да, пришлось торговаться. Машинистъ запросилъ съ меня сперва 550 р., потомъ спустилъ цѣну до 500 и, наконецъ, уступилъ за 432 рубля. Интересно то, что я, понимаете ли, *торговался*, какъ торгуются лишь на базарѣ, такъ же почти открыто, чуть не на площади.

— Что же вы на N-скомъ пріискѣ показывали вашу покупку управителю?

— Какъ же, какъ же,—началъ снова горячиться посолъ.

— Ну, и что же онъ?

— Ахъ, это совершенно невозможный человѣкъ, онъ или участвуетъ въ стачкѣ, дѣйствуя заодно съ хищниками, или же просто человѣкъ, которому нужно полѣчиться; помилуйте, когда я ему показалъ золото и сказалъ, гдѣ купилъ и сколько заплатилъ, онъ, нисколько не смущаясь, предложилъ мнѣ поставлять сколько угодно за такую цѣну, даже говоритъ: «я возьму дешевле». Я, понятно, былъ настолько пораженъ его наглостью или безуміемъ, что хотите, что ограничился лишь пожатіемъ плечъ и просьбой запечатать пакеты пріисковой печатью, а затѣмъ приказать дать мнѣ пріисковыхъ лошадей. Управитель все это сдѣлалъ и, прощаясь со мной, еще разъ сказалъ, что, въ случаѣ нужды, я могу купить золото у него и за болѣе сходную цѣну. Я поспѣшилъ выбраться изъ этого притона воровъ...

— Вы погодите ругаться,—перебилъ его Семенъ Петровичъ,— ы мнѣ лучше скажите, что вы хотите теперь предпринять?

— Какъ что? Исходъ одинъ, несомнѣнно и вамъ извѣстный, отя и не особенно, можетъ быть пріятный,—это составить протоколъ, ля чего я намѣренъ пригласить начальство, составить актъ...

— Отлично. Но вотъ мой совѣтъ вамъ: вы не забудьте помѣ-ить въ актѣ или протоколѣ, или въ обоихъ вмѣстѣ, что, покупая лото у такого-то и уже тѣмъ совершая противузаконный посту-

покъ,—покупка и продажа вѣдь запрещена, вы это должны были знать,—вы, въ то же время, не умѣете отличать обыкновенный, мѣдный припой отъ золота. Такая вставка въ протоколъ положительно необходима.

— Какъ? Зачѣмъ это?—сталъ лепетать испугавшійся посолъ, чуя очень непріятное для себя.

— Зачѣмъ, спрашиваете вы. Хорошо-съ, я вамъ скажу. Для того нужна эта поправка, чтобы вывести васъ изъ дурацкаго положенія, въ которое вы попали.

— Дурацкое? Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ, мѣняясь въ лицѣ, Степанъ Николаевичъ.

— Ничего иного, кромѣ того, что сказалъ...

— Но позвольте.

— И позволять тутъ нечего, какъ нечего и запрещать. Слушайте внимательно, что я вамъ скажу, зарубите мои слова у себя на носу. Вы, отправляясь въ экспедицію, были мною предупреждены, — не вѣрьте всякимъ сказкамъ. Вы повѣрили и умчались. Отлично. Что же вы открыли, какое золото вы купили? Развѣ вы не знаете, что не все золото, что блеститъ. Вы купили, милостивый государь, не золото, а *припой*, слышите ли, *припой*, за который вы заплатили, по своему неразумѣнію, чудовищныя деньги,—вѣдь онъ копѣйки стоитъ, на базарѣ спросите, въ любой лавочкѣ онъ имѣется. Не нужно было поднимать весь шумъ, не нужно было тревожить меня, звать понятыхъ и т. п., какъ не нужно браться за некрасивое ремесло сыщика. Телеграфируйте теперь въ Петербургъ, да поторопитесь, такъ какъ я опишу ваши подвиги подробно. Прощайте!

Какъ громомъ пришибло бѣднягу посла, онъ сидѣлъ совсѣмъ убитый передъ столомъ, на которомъ все еще лежали раскрытые пакеты съ припоемъ. Собравшіеся зрители усмѣхались и щупали припой, передавая другъ другу крупинки. Мрачный поднялся онъ съ кресла и, не смотря ни на кого, направился къ выходу.

— Золото-то забыли, Степанъ Николаевичъ,—прокричалъ чей-то голосъ.

Но посолъ даже не обернулся, онъ спустился съ лѣстницы и тихо пошелъ къ своей квартирѣ.

Черезъ нѣсколько дней «новость» облетѣла всѣ пріиски, и Степанъ Николаевичъ сдѣлался героемъ дня. Впрочемъ, послѣ этого инцидента онъ прожилъ на промыслахъ недолго, его скоро «отозвали». Купилъ же онъ припой при слѣдующихъ, не лишенныхъ комизма, обстоятельствахъ. Пріѣзжаетъ онъ на N-скій пріискъ и «формально» (главное сохранить декорумъ власти и формализма) заявляетъ управителю, что «онъ пріѣхалъ сюда какъ довѣренное, а не какъ частное лицо, что онъ обязанъ заботиться объ интересахъ своего довѣрителя и, наконецъ, что, узнавъ о страшномъ воровствѣ золота на N-скомъ пріискѣ, онъ явился съ цѣлью прекра-

тить хищеніе, поймать главнаго вора (онъ уже ему извѣстенъ) и доказать N-скому управленію, что золото продаютъ открыто и что онъ купитъ самъ нѣсколько фунтовъ, которые и представитъ управителю какъ corpus delicti.

— Очень буду радъ, если вамъ удастся ваше предпріятіе. Только будьте осторожны, не попадитесь въ какую нибудь ловушку,—предупредилъ посла управитель.—Здѣсь народъ очень хитрый,—продолжалъ онъ,—васъ могутъ обмануть, здѣсь надуваютъ даже опытныхъ людей, знающихъ золотое дѣло въ совершенствѣ.

— Не безпокойтесь; я уже принялъ свои мѣры, меня не проведутъ. Васъ же я только прошу не мѣшать мнѣ и предоставить полную свободу дѣйствій, на что я имѣю, впрочемъ, полное право въ силу моей довѣренности и особыхъ инструкцій, которыя, если вамъ угодно, могу вамъ сейчасъ же предъявить.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я вамъ и на слово вѣрю, дѣйствуйте, какъ признаете лучшимъ, я противодѣйствовать не буду; только потомъ не сердитесь на меня, если васъ обманутъ,—проговорилъ спокойно управитель.

— Не придется сердиться, повѣрьте, не придется.

— Въ такомъ случаѣ желаю успѣха.

Съ этого же дня Степанъ Николаевичъ повелъ свою аттаку и приступилъ къ осадѣ машиниста съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Онъ призвалъ къ себѣ конфенденціально Василья Шибанова (машиниста) вечеромъ въ кабинетъ и прямо, съ оника предложилъ ему ультиматумъ: «достань золота, или я тебя сживу съ мѣста, надѣлаю множество непріятностей».

— Помилуйте, Степанъ Николаевичъ,—взмолился подозрѣваемый «хищникъ»,—ей Богу нѣтъ у меня пылинки золота, покупкой его никогда не занимался, да и заниматься не стану.

— Ты мнѣ глупостей не говори и не увертывайся, мнѣ про тебя Кипановъ говорилъ, что у тебя ловушки на фабрикѣ построены. Лучше не отпирайся, я все равно знаю, что ты можешь достать золота прямо съ машины.

— Кипановъ говорилъ, такъ это плутъ первѣйшій, пьяница, ему просто хотѣлось получить съ васъ на выпивку. А у насъ на сполоскѣ всегда все начальство бываетъ, да глядитъ зорко, тутъ порошинку не украсть.

— Знать ничего не знаю,—закричалъ и затопалъ на машиниста «посолъ».—Помни, что черезъ два дня я буду у тебя ночью на фабрикѣ и ты долженъ, понимаешь, долженъ, продать мнѣ золото. Безъ этого я отсюда не уѣду. Теперь же ступай!

— Вотъ бѣда то стряслась надо мною, что я буду дѣлать?—говорилъ самъ съ собою злополучный машинистъ.—Пойду къ управителю, разскажу ему все, пусть онъ меня изъ петли вызволитъ.

Приходитъ Шибановъ къ управителю и проситъ совѣта.

— Воромъ насильно меня хотятъ сдѣлать. Гдѣ же я золото

возьму? Не воровать же въ самомъ дѣлѣ для него,—чуть не плача говорилъ машинистъ.

— Эхъ ты простофиля,—разсмѣялся управитель,—да ты ему... онъ нагнулся къ уху Шибанова и шепнулъ изумленному машинисту нѣсколько словъ.

— Правда, правда ваша,—обрадовался Шибановъ.—Чудесно! эта штука выйдетъ прекраснѣйшая. Да я ему, голубчику, такъ удружу, что онъ меня всю жизнь не забудетъ. Благодаримъ покорно за совѣтъ,—кланялся машинистъ,—я въ лучшемъ видѣ обработаю.

Начались таинственныя шмыганья «посла» къ машинисту и машиниста къ послу, что продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ, къ управителю входитъ сіяющій Степанъ Николаевичъ и потирая руки говоритъ:—Ну-съ, Ѳома-невѣрный, теперь я поражу васъ въ самое сердце. Съ этими словами онъ вытаскиваетъ изъ кармана знаменитые четыре пакета, развертываетъ ихъ передъ управителемъ и, указывая пальцемъ, произноситъ:—Это что? спрашиваю васъ.

— Это... это золото,—едва удерживаясь отъ смѣха, говоритъ управитель.

— Вотъ то-то и есть!—Прикажите отпустить мнѣ лошадей, я сейчасъ ѣду.

Финалъ извѣстенъ читателямъ.

Я остановился на этомъ эпизодѣ нѣсколько дольше, потому что желалъ обрисовать тотъ взглядъ на золотое дѣло, который установился даже у владѣльцевъ пріисковъ, проживающихъ лишь полуимперіалы, и не имѣющихъ опредѣленнаго понятія о своемъ предпріятіи. Такихъ хозяевъ живетъ въ Россіи не мало, и «чрезвычайныхъ пословъ», подобныхъ тому, какіе являлись время отъ времени на уральскихъ золотыхъ пріискахъ,—тоже не мало.

Протекція, желанье «пристроить» какого нибудь родственника приводитъ къ тому, что на пріиски посылается изъ Петербурга масса лицъ, безусловно не пригодныхъ ни къ какому труду. Они вносятъ лишь нежелаемый хаосъ, ссорятъ всѣхъ другъ съ другомъ и въ концѣ концовъ уѣзжаютъ такъ-же неожиданно, какъ и пріѣхали. Фальшивое золото не разъ продавали неопытнымъ скупщикамъ. Я помню, какъ одинъ молодой приказчикъ, пріѣхавшій изъ Москвы къ одному купцу, вздумалъ быстро разбогатѣть и, скопивъ нѣсколько сотъ рублей, началъ покупать и продавать золото. Но не долго онъ продолжалъ оперировать; какъ то разъ ему предложили купить золота на тысячу рублей. Приказчикъ согласился, занялъ денегъ и купилъ фальшивое, прекрасно поддѣланное золото, лишившее его всего капитала и доставившее массу непріятностей, послѣ которыхъ, онъ совершенно обнищавшій, уѣхалъ въ Москву, проклиная Уралъ и его жителей.

Фальсификація золота практикуется на всемъ Уралѣ, причемъ фабрикація достигла высокаго совершенства. Нужно имѣть весьма опытный глазъ и многолѣтнюю практику, чтобы отличить поддѣлку отъ

настоящаго золота. Дѣлается такое золото нѣсколькихъ сортовъ: припой (мѣдный), золоченый (грубой и тонкой выдѣлки). припой, покрытый шеллакомъ, особый сплавъ, нѣчто въ родѣ такъ называемаго колокольнаго металла, и наконецъ самый дорогой сортъ— платина золоченая и платина, покрытая шеллакомъ. Послѣдній сортъ очень трудно отличить отъ настоящаго золота, такъ какъ платина не даетъ реакціи въ кислотѣ, не теряетъ своего наружнаго вида отъ толченья въ ступѣ, а по удѣльному вѣсу платина очень близко подходитъ къ вѣсу золота. Узнать такую поддѣлку можно лишь при помощи слѣдующей манипуляціи: нужно сильно нагрѣть въ желѣзной ложкѣ подозрѣваемое золото, тогда шеллакъ даетъ трещины, за симъ спустить въ кипятокъ, отъ котораго начнутъ съ платины отставать пленки и бѣлый цвѣтъ ея сейчасъ же обнаружится. Этотъ сортъ выдѣлывается преимущественно въ Тагилѣ и Невьянскѣ, гдѣ покупаютъ его старатели и подсыпаютъ къ сдаваемому ими въ контору золоту. Цѣна фальшиваго золота колеблется отъ 15 к. до 75 к. за золотникъ. Мнѣ случалось видѣть артистически сдѣланные самородки изъ такъ называемой французской бронзы. Самородки приготовляютъ исключительно для продажи туристамъ. Фальсификація доходитъ даже до такого искусства, что ухитряются внѣдрять въ кварцъ фальшивое золото и спускать эти образчики любознательнымъ изслѣдователямъ, посѣщающимъ иногда и нашъ «богатый» Уралъ.

Чтобы эта глава вышла вполнѣ законченной, я упомяну еще о процессахъ, разбиравшихся не такъ давно въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ. Судились по обвиненію въ хищничествѣ золота нѣсколько золотопромышленниковъ Сѣвернаго Урала. Улики, собранныя энергичнымъ окружнымъ инженеромъ А. А. С., были такъ подавляющи, что скупщики, почти всѣ, понесли заслуженное наказаніе. Но это былъ столь же рѣдкій случай, какъ и поимка крупнаго хищника, о которомъ я говорилъ выше. Необходимы были осторожныя изысканія, цѣлая система доказательствъ, чтобы хищники не могли дешево отдѣлаться, и только послѣ двухлѣтняго наблюденія, окружному инженеру удалось доказать, что не всегда формализмъ можетъ служить спасеньемъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. Б.

СЛУЧАЙ.

Поручикъ Стариковъ проснулся часовъ въ семь утра. Онъ вообще ложился и вставалъ рано, даже слишкомъ рано для городского жителя. Проснувшись, онъ съ гримасой отвращенія пожевалъ губами и плюнулъ на средину комнаты; потомъ расправилъ свою длинную черную бороду и закурилъ папироску съ цѣлью отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, какое всегда бывало у него въ первые моменты пробужденія. Минуты три лежалъ онъ неподвижно и лѣниво посасывалъ папиросу.

Это былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти или около того. Его худое длинное тѣло отчетливо обрисовывалось подъ легкимъ шерстянымъ одѣяломъ и ногами упиралось въ спинку кровати. Въ другую спинку упиралась его черноволосая всклокоченная голова, обращавшая вниманіе своей величиной. Лицо поручика было некрасиво и смугло, какъ у кавказца; изъ-подъ широкихъ нависшихъ бровей тускло блестѣли близорукіе глаза и почти сейчасъ же возлѣ нихъ начиналась необычайно густая борода; только носъ, казалось, былъ пощаженъ этой густой растительностью и длиннымъ мысомъ выдавался надъ всѣмъ лицомъ. Носъ у поручика былъ, хоть и красивъ, но очень великъ, и это было предметомъ неистощаемыхъ шутокъ въ полку. Самъ онъ, добродушно подсмѣиваясь, говорилъ, что на носу у него можно было съ успѣхомъ записать по крайней мѣрѣ десять заповѣдей.

Докуривъ папироску, Стариковъ зажегъ новую и, не мѣняя положенія, потянулся къ ночному столику, взялъ съ него «Вѣстникъ Европы» и, сощуривъ глазъ отъ дыма, сталъ пересматривать библіографическій отдѣлъ. Долго перелистывалъ онъ книгу, затѣмъ досталъ изъ ящика карандашъ и тетрадку и вписалъ туда названіе только что выпущеннаго сочиненія, которое особенно расхваливалъ журнальный рецензентъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, что это за книга, увидимъ,—

отрывисто шопотомъ повторялъ онъ, продолжая перелистывать.—А вотъ и еще одна... гм... авторъ почтенный и расхваливаютъ его очень, но книга то научная: «Психологія», а наши офицеры до всякихъ «логій» не особенные охотники... Ну, да прочесть всетаки надо...

И опять Стариковъ взялъ съ живота тетрадку, вписалъ туда названіе новой книги и фамилію автора и снова погрузился въ чтеніе рецензій.

Въ полку онъ былъ библіотекаремъ и такъ какъ относился къ этому дѣлу съ рѣдкой любовью, то перечитывалъ всевозможные каталоги, библіографіи и все, откуда можно было узнать о появленіи новой и интересной книги. Какъ только онъ натыкался на что нибудь подходящее, то сейчасъ же заносилъ въ свою тетрадку, чтобы потомъ прочесть эту книгу въ публичной библіотекѣ. Если книга оказывалась подходящей, то вносилъ въ офицерское собраніе предложеніе выписать ее, причемъ письменно излагалъ родъ краткой рецензіи. Такъ ужъ завелось у нихъ въ полку, съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ онъ принялъ на себя завѣдываніе полковой библіотекой.

Стариковъ такъ углубился въ чтеніе библіографіи, что и не замѣтилъ, какъ изъ кухни съ «приказомъ» въ рукѣ вошелъ заспанный денщикъ, босой, въ однихъ штанахъ, на концѣ которыхъ у ногъ мотались грязныя тесемки. Моргая заспанными глазами съ видомъ совершенно сонного человѣка, денщикъ протянулъ вчетверо сложенный литографированный листъ.

— Ваше благородіе, приказъ...

Стариковъ молча взялъ эти тонкіе измятые листы и съ скучающимъ видомъ сталъ пересматривать, а денщикъ между тѣмъ убралъ со стола самоваръ, вынесъ его въ кухню, принесъ вѣникъ и сталъ мести комнату.

Минутъ пять продолжалось молчаніе. Наконецъ, поручикъ дочиталъ приказъ, и отдавая его денщику, лаконически приказалъ:

— Сапоги!

Денщикъ бросилъ въ уголъ вѣникъ, принесъ великолѣпно вычищенные сапоги и, поставивъ ихъ у постели, съ затаенной робостью произнесъ:

— Ваше благородіе, у васъ рубаха уже нечистая, ваше благородіе...

— Нечистая?

— Точно такъ, ваше благородіе, надо перемѣнить...

— Тонкій намекъ на толстое обстоятельство,—пробурчалъ Стариковъ и, вставши съ постели, сталъ натягивать чулки.

— Надѣньте чистую, ваше благородіе,—просительно склонивъ на бокъ голову, говорилъ денщикъ.

— Не приставай!..

— Когда-жъ нельзя, ваше благородіе, рубашка уже совсѣмъ нечистая...

— Убирайся, пожалуйста, къ чорту!..

— Ваше благородіе, надѣньте...—все такъ-же просительно склонивъ голову, не унимался денщикъ.

— Завтра, завтра ужъ надѣну, от-стань!.. — высоко поднявъ ногу и натягивая сапогъ, съ натугой въ голосѣ отвѣтилъ Стариковъ.

— Ваше благородіе, вы-жъ обѣщали, что сегодня надѣнете... Надѣньте, ваше благородіе... сегодня-жъ воскресенье...

— Ты самоваръ поставилъ?

— Точно такъ, уже шумитъ.. А чистая рубаха, ваше благородіе, подъ подушкой...—И ловкимъ движеніемъ денщикъ выхватилъ изъ-подъ подушки рубашку и, протягивая ее поручику, прибавилъ:—Вотъ рубаха, ваше благородіе!..

— Какой ты надоѣдливый! — брезгливо сморщивъ физіономію, воскликнулъ поручикъ.—Ну, давай уже, давай эту рубаху, чортъ съ тобой: пристанетъ, какъ банный листъ!..

На лицѣ денщика явилось радостное, побѣдное выраженіе и расплылось въ широкую довольную улыбку при видѣ, какъ поручикъ надѣлъ чистую рубаху и все съ тѣмъ же презрительно недовольнымъ выраженіемъ, старческой походкой, слегка сгорбившись, прослѣдовалъ въ уголъ комнаты. Не произнося ни слова, поручикъ молча протянулъ руки надъ умывальнымъ тазомъ. Денщикъ, привыкшій къ своимъ обязанностямъ, стоялъ ужъ тутъ съ кувшиномъ и сталъ лить воду на руки барина.

— За ухами мойте, ваше благородіе, за ухами!..—наставительно говорилъ онъ.

— За ухами?—фыркнулъ Стариковъ.

— Точно такъ, ваше благородіе, за ухами...

— Ну, чортъ съ тобой, за ухами, такъ за ухами, лей больше!..

Обрядъ умыванія былъ законченъ скоро и, надѣвъ старую съ оборванными пуговицами тужурку, Стариковъ, сгорбившись, усѣлся у стола и сталъ продолжать свой библіографическій отдѣлъ. Денщикъ же нѣсколько помолчалъ, помялся у этажерки, заваленной книгами и журналами, потомъ нерѣшительно взглянувъ на поручика, взялъ съ комода гребешокъ, повертѣлъ его въ рукахъ и опять посмотрѣлъ на всклокоченную голову своего барина, какъ бы размышляя, сильно ли тотъ разсердится, если склонить его причесаться. Серьезный и сосредоточенный видъ поручика, уткнувшагося близорукими глазами въ книгу, видимо не внушалъ довѣрія и, вздохнувъ, денщикъ вышелъ и принесъ кипѣвшій самоваръ.

— Тише ходи, что ты стучишь, какъ конь, разбудишь!— суровымъ шопотомъ окрикнулъ его Стариковъ.

Денщикъ покосился на запертую дверь, откуда доносилось легкое храпѣнье, и попробовалъ ходить тише, ступая на цыпочки, но сапоги были такъ тяжеловѣсны, что стукъ почти не уменьшился.

— Поздно вчера пришелъ поручикъ Бѣловъ?—вполголоса спросилъ Стариковъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, въ одиннадцатомъ часу. Приказывали разбудить ихъ въ восемь...

— Ладно! Проваливай!..

Денщикъ чуть замѣтно улыбнулся грубоватости тона и вышелъ, а поручикъ налилъ себѣ громадный стаканъ крѣпчайшаго чаю и, похлебывая его, не отрывался въ то же время отъ «Вѣстника Европы».

Стариковъ хоть и пользовался въ полку репутаціей чудака и носилъ прозвище «волка» и «буки», но былъ въ сущности чрезвычайно мягокъ и добръ. Неизвѣстно почему, онъ очень стыдился своей доброты и оттого напускалъ на себя притворную грубость, сурово сдвигалъ брови и говорилъ коротко и отрывисто, точно ругался. Эти пріемы, впрочемъ, никого не вводили въ заблужденіе, всѣ очень хорошо знали, что нѣтъ въ полку офицера добрѣе поручика Старикова, и если съ кѣмъ нибудь изъ солдатъ случалась бѣда, то онъ ужъ непремѣнно являлся въ квартиру поручика и робкимъ голосомъ, путаясь и заикаясь, просилъ заступиться за него.

— Ладно!—точно оторветъ, бывало, Стариковъ, но солдатъ уходилъ наполовину утѣшенный, зная, что это «ладно» значитъ много и, если есть хоть малѣйшая возможность помочь, поручикъ поможетъ...

Долго еще вписывалъ Стариковъ названія книгъ въ свою памятную тетрадку безъ переплета, наконецъ, захлопнулъ журналъ, откинулся на спинку стула и, потянувшись, протяжно и смачно зѣвнулъ.

— Бѣловъ!—крикнулъ онъ, повернувшись къ двери, откуда все еще слышалось легкое похрапываніе.

— Мм...—донеслось оттуда.

— Вставайте, птенчикъ, восемь часовъ ужъ, пора! У меня кстати и новости есть на-счетъ нашего дѣла...—И поднявшись ·о стула, Стариковъ распахнулъ дверь въ комнату своего со-ıителя и отворилъ у него ставни.—Полно вамъ вылеживаться-! Съ вечера заснуть не можете, все грезы одолѣваютъ, встайте-ка!—съ грубоватой суровостью пробурчалъ онъ, подходя › кровати Бѣлова и усаживаясь въ ногахъ.

— Какія тамъ грезы!—щурясь отъ свѣта, сонливо произэсъ тотъ и заложилъ руки за голову.

— Ну, ужъ чья бы корова мычала, а ваша молчала... Вечеромъ то у «ней» засидѣлись?—съ чуть замѣтной усмѣшкой спросилъ Стариковъ и посмотрѣлъ на своего хорошенькаго, но очень юнаго товарища такъ, какъ смотритъ ужъ совсѣмъ взрослый старшій братъ на своего 15-ти-лѣтняго братишку.

— Вы говорите, у васъ новости какія-то?

— Новости, птенчикъ, новости!.. Вчера еще разъ говорилъ съ командиромъ полка насчетъ нашего проэкта воскресной школы для солдатъ... Дѣло, повидимому, налаживается. «Полковой» пошелъ на хитрости съ генераломъ... Чтобъ задобрить его, пригласилъ сегодня его къ намъ въ аудиторію солдатъ пугать и чтеніе слушать... Убѣжденъ, что выйдутъ не народныя чтенія съ народными картинами, а какъ разъ наоборотъ—туманныя чтенія съ народными картинами... Но пусть его превосходительство поглядитъ, какъ просвѣщаются солдапёры, можетъ быть, мягче сдѣлается и воскресную разрѣшитъ...

— Вотъ отлично!.. Браво, браво!.. Увидите, голубчикъ, что наша возьметъ!—привставъ съ кровати и оживившись, весело воскликнулъ Бѣловъ.

— Ну, да вы не торопитесь побѣду трубить: генералъ капризенъ, какъ институтка!..

— А всетаки онъ разрѣшитъ!.. Вотъ увидите, я это предчувствую!.. И знаете, душечка,—еще болѣе оживляясь, восклицалъ Бѣловъ,—мы съ вами такихъ чудесъ надѣлаемъ фю-фю-фюю! Ни одного неграмотнаго солдата въ полку не будетъ!..

— Это вы тоже предчувствуете? — насмѣшливо спросилъ Стариковъ.

— Ахъ, вы неисправимы!.. Но почему же ему не разрѣшить? Какая причина, Ѳома вы невѣрный!.. Нѣтъ!.. главное сдѣлано!..

— Что же сдѣлано? Еще нѣтъ ничего!..

— Какъ ничего? А то, что почти всѣ молодые офицеры согласились принять участіе въ школѣ—это по вашему ничего? Нѣтъ, миленькій, это все!.. И вы не даромъ полгода объясняли офицерамъ, что они нравственно обязаны учить солдатъ не только стойкѣ, но и грамотѣ, что это ихъ святой долгъ!

— Ну, о такихъ высокихъ матеріяхъ я никогда не говорилъ, хватили, батенька!—насмѣшливо проронилъ Стариковъ.

— Не говорили?—съ женскимъ лукавствомъ спросилъ Бѣловъ.—О, да вы очень скромны, я знаю! Но отъ этого вы еще лучше, душечка, и мнѣ страшно хочется васъ разцѣловать!..

— Полно вамъ врать-то!—сконфузился и разсердился Стариковъ.

Онъ всегда сердился и просто не выносилъ, когда его хвалили.

— Ну, не буду, не буду, душечка, не сердитесь!.. Такъ сегодня въ вашей аудиторіи будетъ, значитъ, его превосходительство начальникъ дивизіи? Постарайтесь, постарайтесь понравиться!.. Что сегодня читаете?

— Исторію Петра I... А понравиться—это вѣрно—надо!.. Тогда онъ послѣзавтра и на солдатскій спектакль къ намъ попадетъ... «Полковой» полагаетъ, что отъ всего этого генералъ разчувствуется и когда станетъ благодарить его, тутъ «полковой» и думаетъ воспользоваться минутой и доложить о воскресной школѣ.

— Лукавый царедворецъ!..—смѣясь воскликнулъ Бѣловъ.— Но я очень радъ!.. Вотъ хорошо будетъ, душечка!.. Не правда-ли? Легче заживется намъ!.. По крайней мѣрѣ, будешь знать, что жалованье не даромъ берешь, ей-Богу!..

— Полно вамъ идеальничать-то!..—оборвалъ его Стариковъ.—Вставайте чай пить, самоваръ простынетъ!..

— Ваше благородіе,—почтительно просунувъ въ дверь голову, вѣжливымъ шопотомъ позвалъ Старикова денщикъ.

— Что надо? — по своему обыкновенію не спросилъ, а крикнулъ тотъ.

— Отъ стрѣлковъ, ваше благородіе, пришли на счетъ «Кавказскаго Плѣнника».

Въ переводѣ на понятный языкъ это значило, что стрѣлковый офицеръ, завѣдующій солдатской читальней въ своемъ полку, прислалъ къ Старикову съ просьбой дать на время картинъ къ волшебному фонарю для иллюстраціи «Кавказскаго Плѣнника» Толстого.

— Далъ?—спросилъ Стариковъ.

— Никакъ нѣтъ, еще...

— Дай!

Денщикъ исчезъ.

— Ну, вставайте, батенька!..

Бѣловъ выпрыгнулъ изъ-подъ одѣяла и сталъ одѣваться. Это былъ еще совсѣмъ юный офицеръ, прошлогодняго выпуска. На верхней губѣ его чуть замѣтно виднѣлись двѣ тонкія, точно тушью проведенныя полоски. Все лицо его дышало юношескимъ здоровьемъ. Въ голубыхъ добрыхъ глазахъ свѣтилось какое-то мягкое нѣжное выраженіе, которое казалось такъ и говорило, что обладателю ихъ все въ мірѣ кажется такимъ хорошимъ, свѣтлымъ и чистымъ, какъ и самъ онъ. Рядомъ съ нимъ Стариковъ казался совсѣмъ пожилымъ.

Пріодѣвшись и тщательно причесавшись передъ зеркаломъ, молоденькій подпоручикъ вслѣдъ за своимъ сожителемъ направился къ самовару.

— Вотъ что, птенчикъ,—началъ Стариковъ, наливая чаю себѣ и пріятелю.—Этотъ спектакль нашъ долженъ сойти не

въ примѣръ прочимъ!.. Какъ можно лучше... Понимаете, чтобъ все хорошо и гладко было! «Полковой» вѣдь въ сущности правъ: его превосходительство—человѣкъ минуты, и прежде чѣмъ говорить съ нимъ да еще о такомъ щекотливомъ предметѣ, его нужно настроить на извѣстный ладъ, иначе дѣло не спапашится!.. Такъ вы ужъ поналягте-ка на актеровъ и въ эти два дня побольше репетицій сдѣлайте.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? точно я и безъ того не понимаю...

— То-то, понимаю!.. А придетъ вечеръ, опять къ «ней» умчитесь...

Бѣловъ покраснѣлъ и, опустивъ глаза, сосредоточенно съ чуть-чуть обиженнымъ видомъ размѣшивалъ сахаръ, а суровый сожитель его исподтишка съ ласковой улыбкой посматривалъ на «птенчика», любовался его юношескимъ смущеніемъ.

— Такъ-то, батенька,—прибавилъ онъ, минуту спустя,— вы повозитесь съ актерами, а я за декорацію возьмусь, тогда мы обворожимъ генерала, идетъ?—и онъ ласково хлопнулъ товарища по колѣнку, отчего тотъ снова просвѣтлѣлъ и ужъ съ прежней доброй улыбкой взглянулъ на Старикова.

— Разумѣется, идетъ!..

Часовъ около пяти Стариковъ въ новомъ сюртукѣ, прифрантившись для генерала, былъ уже въ аудиторіи, приготовляясь къ предстоящему чтенію. Аудиторія была собственно городская, а не военная, но городскія власти съ удовольствіемъ предоставили ее въ распоряженіе полка и Старикову, который собственно и былъ иниціаторомъ этихъ чтеній. Оставалось только склонить командира полка выписать волшебный фонарь и картины, что послѣ долгихъ проволочекъ и разрѣшеній и было, наконецъ, исполнено. Съ тѣхъ поръ раза два-три въ недѣлю Стариковъ устраивалъ чтенія, иллюстрируя ихъ картинами. Солдаты валомъ валили слушать, и Стариковъ всѣми силами старался заинтересовать ихъ. Чтенія и на самомъ дѣлѣ были очень интересны, хотя по началу очень отрывисты: сегодня читалось о томъ, какъ садить капусту, завтра о Вознесеніи Господнемъ, послѣзавтра о сожженіи Москвы... Однако, съ теченіемъ времени оріентировавшись, Стариковъ повелъ дѣло иначе. Не желая, чтобъ солдаты разбрасывались, онъ сталъ систематизировать свои зачастую импровизированныя лекціи, посвящая одинъ день русской исторіи, другой беллетристикѣ, третій сельскому хозяйству. Получалось такимъ образомъ нѣчто вродѣ коротенькихъ, но болѣе или менѣе законченныхъ курсовъ.

Къ лекціямъ Стариковъ всегда готовился очень старательно и съ рѣдкой добросовѣстностью перечитывалъ множество книгъ, чтобы чувствовать себя, что называется, во всеоружіи. Масса свободнаго времени (въ качествѣ библіотекаря онъ освобождался отъ ротныхъ занятій) была ему особенно на-руку, позволяя относиться къ дѣлу съ полнымъ вниманіемъ.

Къ шести часамъ аудиторія стала наполняться солдатами. Они входили, выстроенные чинно, безшумно и точно по командѣ быстро разсаживались. Не обходилось, впрочемъ, безъ легкихъ препирательствъ изъ-за ближайшихъ мѣстъ. Въ присутствіи Старикова чувствовали себя повидимому совершенно свободно и усѣвшись даже разговаривали громко. На первыхъ скамьяхъ, совсѣмъ почти у каѳедры усѣлось начальство: фельдфебеля, отдѣленные и взводные. Они степенно разговаривали между собой и, изрѣдка обертываясь къ своимъ подначальнымъ и принявъ строгій видъ, какимъ то непостижимо громкимъ шопотомъ вскрикивали:

— Что тамъ за шевеленіе? Не шумѣть!..

Стариковъ спокойнымъ взглядомъ привычнаго человѣка обвелъ свою аудиторію. «Душъ пятьсотъ будетъ!»—подумалъ онъ и машинально опытной рукой сталъ наводить фонарь на экранъ. Когда бѣлое пятно отразилось на полотнѣ и приняло опредѣленное положеніе, онъ всталъ возлѣ экрана и еще разъ обвелъ глазами сѣрую массу солдатъ, какъ бы собираясь что то сказать.

— Смир-на!—отрывисто крикнулъ онъ.

Въ оудиторіи сразу воцарилось гробовое молчаніе.

— Сегодня здѣсь будетъ его превосходительство начальникъ дивизіи!.. Поэтому сидѣть чинно и хорошо!.. Не кашлять, не шаркать ногами, не сморкаться!.. Чтобъ слышно было, какъ муха пролетитъ! А если спроситъ о чемъ, не трусить, отвѣчать толкомъ и коротко!.. Смотри у меня!.. А кому нужно откашляться или высморкаться—дѣлай это сейчасъ!..

Въ аудиторіи сразу поднялся шумъ отъ кашля и сморканья. По крайней мѣрѣ триста-четыреста носовъ затрубило. Сморкались и безъ особенной къ тому надобности, «такъ», на запасъ.

Услышавъ, что пріѣдетъ начальникъ дивизіи, заволновалось и сѣрое начальство. Фельдфебеля встали съ мѣстъ и, обходя своихъ подчиненныхъ, осматривали ихъ, вполнѣ ли по формѣ одѣты, чисты ли сапоги и пр. Кое-кто дѣлалъ наставленія, какъ держать себя и т. п. Одинъ еще молодой фельдфебель, служака и законникъ, особенно волновался.

— Смотри у меня!..—наставлялъ онъ свою роту.—Когда пріѣдетъ начальство и скомандуютъ «смирна», такъ стоять какъ слѣдуетъ, по уставу: бодро и молодцовато, выдаваясь

всѣмъ слѣдствіемъ впередъ и нисколько не опираясь на оное!..

Скоро стали сходиться и офицеры, сначала подпоручики и поручики, потомъ и ротные и баталліонные командиры. Эти привели съ собой и семейства. Въ обыкновенные дни они этого не дѣлали, да и сами только по началу, когда дѣло было еще вновѣ, заглядывали въ аудиторію. Потомъ пріѣлось. Но сегодня были всѣ.

При входѣ перваго «ротнаго», Стариковъ опять прокричалъ.

— Встать! Смир-на!

Аудиторія вскочила, какъ одинъ человѣкъ.

— Здорово пя-тая!—сантиментальнымъ голосомъ крикнулъ командиръ.

— Здравья желаемъ ваше высоко-благоро-діе!..—отрывая каждое слово, не то прокричали, не то пролаяли солдаты.

За нѣсколько минутъ до появленія начальника дивизіи пришелъ и толстый запыхавшійся командиръ полка съ женой. Поздоровавшись съ офицерами и солдатами и усадивъ жену, онъ остановился у великолѣпнаго бархатнаго кресла, предназначеннаго для генерала, и подозвалъ Старикова, чтобы воочію убѣдиться, не волнуется ли тотъ. Но Стариковъ былъ, какъ и всегда, невозмутимъ. Успокоившись на этотъ счетъ, полковникъ, пыхтя и отдуваясь, прослѣдовалъ къ выходу, чтобы встрѣтить начальника на крыльцѣ. Тамъ же съ выраженіемъ легкаго волненія на лицѣ вертѣлись и старшіе ротные и баталліонные командиры. Минутъ пятнадцать спустя по аудиторіи пронесся легкій шопотъ и вслѣдъ затѣмъ послышалась громкая, отчетливая и властная команда:

— Встать! Смир-на!

На порогѣ въ сопровожденіи любезно улыбающагося командира полка, шелъ маленькій, лысенькій и толстенькій генералъ. Ему было подъ шестьдесятъ, но онъ былъ еще старичокъ, что называется, съ перцемъ, на это намекалъ его слегка молодящійся видъ и особенно походка, которой онъ всѣми силами старался придать побольше бодрости. Онъ не шелъ, а какъ-то бережно и внимательно несъ свое пухленькое тѣльце. Донеся его до середины аудиторіи, онъ остановился и не вскрикивая, а ровнымъ разговорнымъ голосомъ, сильно картавя, произнесъ.

— Здогово, бгатцы!..

Слышно было, какъ пятьсотъ солдатскихъ грудей втянуло въ себя воздухъ и затѣмъ отчеканило: «Здравья желаемъ, ваше превосходитель-ство!..»

Генералъ прослѣдовалъ къ своему мѣсту и, любезно поздоровавшись съ женою полковника, бережно положилъ себя въ кресло.

По плану командира полка, предъ началомъ чтенія должна была проиграть музыка, и потому, лишь только усѣлся генералъ, онъ съ самой любезной, даже радостной улыбкой, изогнувшись, насколько позволяло его тучное тѣло, спросилъ, какую пьесу угодно будетъ его превосходительству выслушать.

— Ээ... что нибудь густное... Изъ «Фауста» чтоли...—прокартавилъ генералъ, и вслѣдъ за тѣмъ мягкіе и сочные звуки несравненной мелодіи полились и нѣжно задрожали подъ высокими сводами притихшей залы.

Играли хорошо, и генералу очень понравилось. Когда послѣдніе звуки замерли, онъ нѣсколько секундъ все еще сидѣлъ въ прежней позѣ, какъ бы подъ впечатлѣніемъ навѣянной грусти, но потомъ встрепенулся и, обратившись къ Старикову, стоявшему у высокой каѳедры, сказалъ:

— Начинайте, поручикъ...

Стариковъ съ обычно-хмурымъ видомъ взлѣзъ на каѳедру и сталъ говорить. На первыхъ порахъ онъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Его стѣснялъ не столько генералъ, сколько присутствіе на чтеніи нѣсколькихъ дамъ; одна изъ нихъ, казалось, ужъ черезчуръ пристально уставилась на лектора и съ такимъ вниманіемъ глядѣла ему въ ротъ, что тотъ даже разозлился.— «Вотъ глаза-то выпучила»,—досадливо подумалъ онъ и, отвернувшись отъ дамы, сталъ глядѣть на солдатъ. Эти сидѣли на вытяжку, ихъ видимо стѣсняло присутствіе генерала, по крайней мѣрѣ, позы ихъ походили на тѣ, какія принимаютъ люди только у фотографа.

Минуты двѣ спустя, Стариковъ совершенно овладѣлъ собой и сталъ читать такъ, какъ и обыкновенно читалъ. А читалъ онъ, надо отдать ему справедливость, превосходно. Видно было, что онъ вполнѣ овладѣлъ не только предметомъ, но и самой манерой говорить. Онъ не поддѣлывался подъ языкъ солдатъ, но тѣмъ не менѣе рѣчь его была всѣмъ понятна, и оригинальныя, образныя выраженія такъ и вонзались въ память.

Характеристика Петра получилась почти блестящая.

Генералъ сначала былъ разсѣянъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникался чтеніемъ, и подъ конецъ Стариковъ совсѣмъ захватилъ его. Бѣловъ, на этотъ разъ принявшій на себя управленіе фонаремъ, съ восхищеніемъ влюбленнаго посматривалъ на своего сожителя и, переводя взоръ на генерала, мысленно поздравлялъ себя и Старикова съ полнѣйшей побѣдой. «Тріумфъ, тріумфъ, полный тріумфъ!»—про себя повторялъ онъ и едва удерживался, чтобы не взвизгнуть отъ радости.

Стариковъ кончилъ. Генералъ былъ не только доволенъ, но даже разстроенъ. Онъ подозвалъ къ себѣ лектора и, пожимая ему руку, все повторялъ:

— Великолѣпно, великолѣпно!.. Вы доставили мнѣ истинное удовольствіе.

Стариковъ почтительно и нѣжно держа генеральскую руку, чувствовалъ себя крайне неловко и стоялъ совсѣмъ красный и смущенный.

— Мнѣ очень пріятно, что у меня въ дивизіи находятся вполнѣ... вполнѣ просвѣщенные офицеры... Я вамъ очень благодаренъ, очень благодаренъ,—повторилъ генералъ и, выпустивъ наконецъ руку поручика, обратился къ командиру полка:—Какъ вамъ должно быть пріятно, полковникъ, что у васъ въ полку... ээ... находятся... такіе знающіе и талантливые офицеры...

— Точно такъ, ваше превосходительство, но поручикъ Стариковъ, кромѣ того, что талантливъ, онъ еще и трудолюбивъ, ваше превосходительство. Устраиваетъ чтенія, спектакли и не далѣе, какъ завтра у насъ солдатскій спектакль, ваше превосходительство... Играютъ пьеску изъ крестьянскаго быта...

— Ахъ, въ такомъ случаѣ я буду, непремѣнно буду! Съ удовольствіемъ... Скажите, въ которомъ часу?..

— Начало въ восемь, ваше превосходительство.

Генералъ повидимому уже успѣлъ позабыть, что на дняхъ далъ слово быть на спектаклѣ и теперь принялъ приглашеніе какъ бы въ первый разъ.

— Такъ завтра въ восемь я буду, непремѣнно, непремѣнно,—повторялъ онъ, подымаясь и направляясь къ выходу.

Командиръ полка и баталліонные почтительно проводили его превосходительство до самаго экипажа.

— Ну, поздравляю!.. Молодцомъ читали!—минуту спустя говорилъ Старикову «полковой».—Теперь только со спектаклемъ не провалиться и тогда можетъ быть выгоритъ!

И пожавъ еще разъ руку поручику, сопя какъ кузнечный мѣхъ, толстякъ командиръ направился домой.

За нимъ потянулись офицеры, за офицерами солдаты, и аудиторія, двѣ минуты назадъ биткомъ набитая людьми, совсѣмъ опустѣла. Только у волшебнаго фонаря возился еще Стариковъ со стеклами. Подлѣ него вертѣлся и чуть не прыгалъ отъ радости Бѣловъ.

— А что!.. А что!.. Я говорилъ, говорилъ я вамъ!.. Видите, скептикъ, дѣло устраивается великолѣпно, видите!..

— Ничего еще не вижу!—буркнулъ Стариковъ, осторожно щипчиками вынимая изъ фонаря бѣлые цилиндры и укладывая ихъ въ банку.

— Ну-у вы вѣчно не вѣрите!..—даже какъ будто обиженно протянулъ Бѣловъ и вслѣдъ за тѣмъ съ прежнимъ энтузіазмомъ воскликнулъ:—Но какъ вы читали!.. Еще никогда вамъ не удавалось такъ!.. Восторгъ, восторгъ, восторгъ!..

— Завтра утромъ надо репетицію устроить...

— Непремѣнно, непремѣнно, душечка!.. И я увѣренъ, что спектакль сойдетъ такъ же великолѣпно, какъ и чтеніе!.. Ахъ, какъ вы читали!..

— Да полно вамъ врать! Что вы прыгаете, какъ институтка?—осадилъ его Стариковъ. Но Бѣловъ долго еще восхищался и чуть совсѣмъ не разсердилъ своего хмураго товарища.

Предполагаемый спектакль былъ въ проэктѣ уже давно, затѣяли его ровно два мѣсяца тому назадъ, и во все это время непрерывно шли репетиціи, повторяемыя, по крайней мѣрѣ, раза два въ недѣлю. Такія грандіозныя приготовленія предпринимались не потому, что ожидали генерала,—на его присутствіе вначалѣ и не разсчитывали, а просто потому, что пріучить солдатъ къ сценѣ дѣло не легкое, и едва ли есть на свѣтѣ какой-нибудь другой разрядъ людей, который былъ бы въ этомъ отношеніи настолько неподатливъ и тупъ. Не говоря ужъ о томъ, что вслѣдствіе весьма умѣренной учености актеровъ, приходилось почти начитывать имъ роли, но и помимо того было множество затрудненій. Особенно не давались жесты. Стариковъ до хрипоты въ горлѣ толковалъ, что нельзя, стоя на вытяжку и держа руки по швамъ, объясняться въ любви и т. п.

Лишь съ крайними усиліями удалось въ концѣ концовъ отшлифовать робкихъ и застѣнчивыхъ солдатъ и сдѣлать ихъ игру похожей на что-нибудь. За то всѣ безъ исключенія знали роли на зубокъ, какъ «Отче Нашъ».

Въ день спектакля Стариковъ съ ранняго утра забрался въ казармы, гдѣ временно былъ устроенъ театръ, и безъ устали возился съ декораціями, съ занавѣсомъ, съ мѣстами для публики. Весь испачканный въ краскѣ, съ растрепанными волосами носился онъ по казармѣ и всюду отдавалъ приказанія. Человѣкъ тридцать его помощниковъ-солдатъ съ рѣдкимъ усердіемъ готовились къ торжеству. Они мыли и посыпали пескомъ полъ, декорировали подъ предводительствомъ вольноопредѣляющагося стѣны ружьями и флагами, убирали зеленью портретъ Государя, отворяли окна, мыли стекла, суетились, бѣгали, горячились, точно каждый изъ нихъ заботился о поддержаніи собственной чести. Къ вечеру Стариковъ чувствовалъ себя необычайно усталымъ, но за то, осмотрѣвъ убранное помѣщеніе, онъ остался доволенъ его вполнѣ приличнымъ видомъ.

Прибывшій въ половинѣ восьмого командиръ полка горячо пожалъ ему руку и освѣдомился объ актерахъ.

— Съ ними сегодня Бѣловъ цѣлый день возится, а я здѣсь,—отвѣчалъ ему Стариковъ и, вспомнивъ о чемъ-то, наскоро извинился передъ полковникомъ и исчезъ на сцену.

Ровно въ четверть девятаго прибылъ и генералъ. Его, какъ и вчера, встрѣтили еще на улицѣ у подъѣзда и торжественно ввели въ импровизированный залъ. Осматривая на ходу декорированныя стѣны, онъ улыбался довольной улыбкой и все повторялъ:

— Со вкусомъ, со вкусомъ, очень... со вкусомъ...—Дойдя до средины зала, онъ опять, какъ и вчера, милостиво и нѣжно проговорилъ:

— Здорово, братцы!

Солдаты дружно по вчерашнему прокричали ему обычное привѣтствіе и вслѣдъ за тѣмъ хоръ музыкантовъ заигралъ гимнъ.

Генералъ, окруженный полковниками, стоялъ и съ выраженіемъ почтительности на лицѣ внимательно слушалъ.

Тѣмъ временемъ за занавѣсомъ, на сценѣ, изображавшей внутренность крестьянской избы, Стариковъ и Бѣловъ разсаживали за столомъ (какъ слѣдовало по пьесѣ) порядочно таки перетрусившихъ актеровъ.

— Навѣрное оробѣютъ, подлецы! — размышлялъ Стариковъ и, чтобъ немного ободрить ихъ, прибавилъ вслухъ:—Вы у меня смотри не струсить!.. Плевать, что въ первомъ ряду будетъ сидѣть генералъ и командиръ полка—на это не смотрите! Ты особенно, Анисья, смотри не струсь, тебѣ начинать! — вразумлялъ онъ высокаго и толстаго солдата, переряженнаго бабой.—Держите себя такъ, какъ «вольные», вы теперь не солдаты, а актеры и генерала нечего бояться!.. Давайте второй!..—прибавилъ онъ, обращаясь къ Бѣлову.

Тотъ далъ звонокъ и, волнуясь не меньше солдатъ, исчезъ за сцену, чтобы руководить выходами.

Стариковъ влѣзъ въ суфлерскую будку.

— Такъ смотрите у меня не робѣть!—все шопотомъ ободрялъ онъ актеровъ.

— Третій!—Бѣлову скомандовалъ онъ и, пока среди наступившей тишины звенѣлъ колокольчикъ, успѣлъ еще разъ сказать Анисьѣ:—Ты, Анисья, начинаешь, смотри, не выдай!..

Звонокъ смолкъ и занавѣсъ сталъ тихо подыматься. Сцена открылась.

— «Чтой-то я, батюшки!»—шепталъ изъ будки Стариковъ начало Анисьиной роли.—«Чтой-то я, батюшки!..»

Но Анисья испуганно вращалъ глазами и все косился на генерала.

— «Чтой-то я, батюшки...» Анисья!.. Начинай... Анисья, подлецъ!..

— Чтой-то я, батюшки... — оборвавшимся, чужимъ голосомъ проговорилъ наконецъ Анисья, и дѣйствіе началось.

Первыя реплики прошли какъ то тускло, видно было, что актеры еще не освоились и робѣли, но съ середины дѣйствія, вѣроятно подъ вліяніемъ Старикова, не перестававшаго ободрять изъ будки, они стали играть смѣлѣе и къ концу, какъ говорится, разошлись и играли недурно.

Когда занавѣсъ упалъ, Стариковъ похвалилъ актеровъ и, внушивъ имъ, такимъ образомъ, присутствіе духа и самоувѣренность, бѣгомъ пустился черезъ сцену въ уборную. Весь антрактъ не выходилъ онъ въ залу и, пока тамъ играла музыка, гримировалъ актеровъ, внушалъ и наставлялъ на всѣ лады.

— Генералъ очень доволенъ! — сообщилъ запыхавшійся Бѣловъ. Онъ не утерпѣлъ и побѣжалъ таки взглянуть на генерала.—Очень, очень доволенъ... все хохоталъ надъ Анисьей... «Полковой», не переставая, ухаживаетъ за нимъ, все на ухо что-то нашептываетъ... Наша возьметъ, вотъ увидите!..

— Помогите гримъ накладывать,—пробовалъ отрезвить его Стариковъ.

Бѣловъ съ покорностью, но сохраняя на лицѣ все то же торжественно-счастливое выраженіе, принялся ему помогать.

Второй и послѣдній актъ сошелъ несравненно лучше перваго. Теперь уже незамѣтно было среди актеровъ волненія, они играли увѣренно, отдѣльныя сценки проводились подчасъ очень хорошо, и Стариковъ, сидя въ своей будкѣ, только одобрительно покачивалъ головой. Подсказывать почти не приходилось—и самъ онъ, и актеры знали наизусть всю пьесу отъ первой строки до послѣдней.

Когда сказана была послѣдняя реплика и занавѣсъ упалъ, Стариковъ явственно услышалъ, какъ позади его въ первомъ ряду раздался картавый голосъ генерала.—Браво, браво, молодцы!.. Вслѣдъ затѣмъ послышались апплодисменты всѣхъ офицеровъ, предоставившихъ повидимому генералу первому выразить свое впечатлѣніе.

— Браво, браво!.. браво, Стариковъ!.. Стариковъ!..—слышалось изъ залы.

— Что это? Меня? Неужели вызываютъ? Вотъ дьявольщина!—въ страшной досадѣ подумалъ Стариковъ и кинулся въ уборную.

— Васъ вызываютъ! — опять влетая изъ залы, сообщилъ запыхавшійся Бѣловъ.—Генералъ, командиръ полка, выходите скорѣе!..

Стариковъ какъ то совсѣмъ смутился и стоялъ недвижно, пока Бѣловъ и солдаты надѣвали на него новый сюртукъ и наскоро чистили брюки. Дѣлать было нечего. До-нельзя сму-

щенный и даже вспотѣвшій отъ конфуза, Стариковъ вышелъ на сцену и покраснѣвъ, какъ ракъ, неуклюже, съ ловкостью молодого медвѣдя раскланивался, пока генералъ (а за нимъ и прочіе) кричали: Браво, браво, поручикъ!..

Вызывали и актеровъ, подъ конецъ вспомнили о Бѣловѣ и его вызвали. Раскраснѣвшійся, хорошенькій и счастливый, онъ граціозно, изящно поклонился и исчезъ въ уборную, гдѣ, не желая показываться въ залъ, сидѣлъ все еще смущенный Стариковъ.

— Ну, теперь можно сказать почти навѣрное, что наша взяла!—торжественно заявилъ подпоручикъ съ побѣднымъ видомъ глядя на Старикова.

— Еще неизвѣстно,—буркнулъ тотъ, но не такъ сурово и рѣшительно, какъ обыкновенно. Казалось, и онъ началъ надѣяться больше.

— Ваше благородіе!—вдругъ пробиваясь сквозь толпу, доложилъ Старикову молоденькій вѣстовой въ шапкѣ.—Ихъ высокоблагородіе командиръ полка просили ваше благородіе, чтобъ ваше благородіе пожаловали до ихъ высокоблагородія.

— Ладно, ступай!..—отчеканилъ Стариковъ и, наскоро причесавъ передъ зеркаломъ свои непокорные волосы, направился къ дверямъ.—Присмотрите тутъ за всѣмъ, Бѣловъ, — на ходу бросилъ онъ пріятелю и вышелъ въ залъ.

Еще на дорогѣ, пробиваясь сквозь густую толпу выходившихъ солдатъ, онъ замѣтилъ, что командиръ полка, вѣжливо склонившись передъ генераломъ, съ любезной улыбкой говорилъ ему что-то. Генералъ, тоже улыбаясь, кивалъ своей лысенькой головкой.

— Изволили звать, господинъ полковникъ,—какъ хорошо выдресированный подчиненный проговорилъ Стариковъ подходя.

— Ахъ, вотъ и вы!..—любезно протягивая руку, воскликнулъ генералъ.—Куда же вы запропали, мой милый? Я хотѣлъ еще разъ поблагодарить васъ... Очень, очень мило... Я очень... доволенъ, очень... Вы одинъ изъ самыхъ полезныхъ офицеровъ у меня... Вотъ эти чтенія, потомъ, спектакли—это очень, очень развиваетъ солдата... Мнѣ полковникъ говорилъ, что вы и воскресную школу проэктируете для солдатъ... Это тоже мысль... полезная, да... очень... Теперь это, конечно, не совсѣмъ своевременно, какъ я уже и говорилъ полковнику, но въ будущемъ это конечно... да... это мысль...

— Да мы, ваше превосходительство, и не торопимся, — съ самой обворожительной улыбкой подхватилъ полковникъ.—Я упомянулъ вамъ объ этомъ, какъ о туманномъ еще планѣ на очень отдаленное будущее, ваше превосходительство...

— Да, да, да... Торопиться не слѣдуетъ... Некуда торо-

ниться, молодой человѣкъ,—ласково улыбаясь, прибавилъ генералъ Старикову и, еще разъ пожавъ ему руку, вмѣстѣ съ командиромъ полка направился къ выходу.

Толстякъ-полковникъ на ходу обернулся къ растерянно стоявшему поручику и, не переставая улыбаться генералу, чуть замѣтно развелъ руками, какъ бы желая сказать: — ничего, молъ, не подѣлаешь, сами видѣли.

Стариковъ проводилъ ихъ глазами до самой двери и крикнулъ вѣстовому:

— Пальто!

Ему подали и, сердито тыкая ногами въ калоши, онъ одѣлся и тоже направился домой. Но дойдя до середины залы, вдругъ повернулся и рѣшительной походкой пошелъ къ уборной.

— Бѣловъ! Школа не разрѣшена,—крикнулъ онъ, просовывая въ дверь голову и не слушая восклицаній товарища, круто повернулся и направился чрезъ опустѣвшую залу къ выходу, ни разу не обернувъ головы.

Бѣловъ выбѣжалъ было, чтобъ догнать его, но остановился и съ совершенно убитымъ видомъ, подавленный грустью, смотрѣлъ ему вслѣдъ. А Стариковъ ужъ подходилъ къ выходной двери. Вѣстовой солдатъ услужливо распахнулъ передъ нимъ эту тяжелую казарменную дверь и очень удивился, услышавъ, какъ Стариковъ отчетливо и громко выругался.

— Кого это?—подумалъ вѣстовой, вопросительно оглядываясь во всѣ стороны.—Кажется, я и дверь открылъ и пропустилъ, какъ слѣдуетъ... Чего же онъ сердится, удивленіе да и только!—и пожавъ плечами, солдатъ еще разъ вопросительно обернулся.

А. Яблоновскій.

Адамъ Мицкевичъ.

(Историко-литературный этюдъ).

Связь между двумя родственными литературами, польской и русской, съ 30-хъ годовъ почти прервалась, и только въ послѣдніе годы дѣлаются попытки снова завязать ее. Объ этой разобщенности двухъ литературъ, дошедшей до того, что даже имя Мицкевича сдѣлалось почти чуждо русскимъ читателямъ, нельзя не пожалѣть уже потому, что нѣкоторыя явленія польской литературы, благодаря племенной близости двухъ народовъ, могутъ послужить къ объясненію нѣкоторыхъ явленій въ литературѣ русской. Особенно въ этомъ отношеніи важно, намъ кажется, изученіе Мицкевича, какъ, быть можетъ, наиболѣе самостоятельнаго славянскаго писателя, котораго можно назвать писателемъ типическимъ—не только для польской литературы, но отчасти и для русской.

Покойный Аполлонъ Григорьевъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей писалъ: «Каждая литературная эпоха имѣетъ своего главнаго представителя, отъ котораго, какъ отъ исходнаго пункта, ведетъ она свое начало. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, совмѣщаются ея художественныя и моральныя задачи»... Говоря это, даровитый критикъ имѣлъ въ виду собственно Пушкина, изъ котораго непосредственно вышла современная русская литература; но еще любопытнѣе, что нѣкоторыя особенности этой литературы типически проявились въ произведеніяхъ Мицкевича, такъ что такихъ писателей, какъ Достоевскій и Л. Н. Толстой, можно счесть чуть не его послѣдователями. Между тѣмъ ни Достоевскій, ни Л. Н. Толстой, по всей вѣроятности, даже не были близко знакомы съ произведеніями Мицкевича (по крайней мѣрѣ съ тѣми, въ которыхъ онъ наиболѣе выразился, какъ оригинальный мыслитель), а потому о какомъ-либо воздѣйствіи его произведеній на нихъ и рѣчи быть не можетъ. Но это-то именно и интересно для насъ, потому что

позволяетъ, въ сходствѣ настроенія Мицкевича съ настроеніемъ Достоевскаго и Л. Н. Толстого, отдѣлить личное воздѣйствіе отъ типового проявленія, которое, напр., неотдѣлимо при разсмотрѣніи значенія произведеній Пушкина, какъ непосредственно вліявшихъ на развитіе русской литературы.

Въ нашемъ небольшомъ очеркѣ, который мы посвятимъ изображенію, въ самыхъ основныхъ чертахъ, духовнаго развитія и идей Мицкевича, мы, конечно, многое можемъ лишь слегка отмѣтить, предоставляя дальнѣйшее развитіе сказаннаго самимъ читателямъ, и будемъ довольны тѣмъ уже, если намъ удастся заинтересовать ихъ произведеніями Мицкевича и заставить сдѣлать кое-какія сближенія. Въ послѣднее время много шуму надѣлали за границей произведенія Достоевскаго и Л. Н. Толстого, но (насколько намъ извѣстно) ни въ нашей, ни въ польской, ни въ заграничной печати никто еще не указалъ на Мицкевича, какъ на ихъ предшественника, хотя и много было сказано, по поводу ихъ произведеній, объ особенностяхъ славянскаго племени, о его стремленіи къ правдѣ, о религіозномъ и мистическомъ настроеніи. Именно на это намъ и хочется указать своимъ очеркомъ духовнаго развитія великаго польскаго поэта, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и великимъ славянскимъ поэтомъ.

I.

Въ начальномъ періодѣ своей дѣятельности Мицкевичъ совершилъ въ польской литературѣ тотъ переворотъ, который въ русской совершили Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ (первыми своими произведеніями), съ тою разницею, что ему не пришлось преобразовать самый языкъ, какъ вышеназваннымъ русскимъ писателямъ. Литература польская существовала уже около трехъ столѣтій, и писатели конца XVIII вѣка довели литературный языкъ до высокаго совершенства, особенно же Трембецкій, котораго самъ Мицкевичъ называлъ великимъ мастеромъ. Но литература конца XVIII вѣка была такъ называемой псевдо-классической, была всецѣло поглощена условностью и чужда національнаго духа. Сдѣлать ее національной, разбить кору условности, преобразовать самыя формы литературнаго стиля суждено было Мицкевичу, и онъ совершилъ это почти одинъ, имѣя сравнительно слабыхъ предшественниковъ въ лицѣ Бродзинскаго и отчасти Карпинскаго *).

Мицкевичъ подчинился тому литературному движенію, которое

*) Правда, Мицкевичу предшествовалъ Мильчевскій своей байронической поэмой «Марія», но въ свое время она осталась незамѣченной и прославилась лишь впослѣдствіи, когда романтизмъ былъ уже въ модѣ.

охватило тогда весь свѣтъ и называлось романтическимъ. Оно исходило изъ стремленія связать искусство съ жизнью, разобщенныя въ псевдо-классической литературѣ, но на первыхъ порахъ выразилось лишь въ заимствованіи сюжетовъ изъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ (въ произведеніяхъ второстепенныхъ романтиковъ, а не такихъ, конечно, писателей, какъ Гете и Шиллеръ), притомъ въ формѣ столь же условной, какъ прежде псевдо-классическая, особенно тамъ, гдѣ это движеніе явилось лишь подражательнымъ, напр., въ славянскихъ литературахъ.

Въ Польшѣ, гдѣ литература уже стояла на высокой ступени и гдѣ, поэтому, прошедшее сильнѣе угнетало настоящее, романтическое движеніе труднѣе пробивалось, чѣмъ въ литературѣ русской. Когда въ русской литературѣ уже писали Батюшковъ и Жуковскій, въ польской только Бродзинскій дѣлалъ робкіе шаги къ пропагандѣ романтизма, и въ результатѣ русская литература, въ лицѣ Жуковскаго, повліяла на возбужденіе романтическаго движенія въ польской. Передѣлка баллады Бюргера «Ленора», сдѣланная Жуковскимъ (подъ заглавіемъ «Людмила»), была съ энтузіазмомъ принята студентами виленскаго университета, среди которыхъ находился тогда и Мицкевичъ, и энтузіазмъ этотъ послужилъ исходнымъ пунктомъ романтическаго настроенія въ польской литературѣ.

Нѣсколько товарищей Мицкевича стали писать романтическія баллады, въ подраженіе «Людмилѣ» Жуковскаго, и нѣкоторыя изъ этихъ балладъ проникали въ печать; но рѣшительно и ярко эта форма творчества проявилась лишь въ первомъ томѣ сочиненій Мицкевича, изданномъ въ 1822 г. Появленіе въ печати балладъ Мицкевича произвело сильное впечатлѣніе: молодежь встрѣтила ихъ съ восторгомъ, а старики роптали на испорченность вкуса, видя нѣчто опасное во вторженіи въ литературу «грубыхъ вѣрованій и суевѣрій толпы». Въ числѣ противниковъ новаго направленія оказался и блестящій ученый того времени, Янъ Снядецкій, ректоръ виленскаго университета. Теперь даже странно читать про то ожесточеніе, которое вызвали невинныя на первый взглядъ баллады, но, въ сущности, оно объясняется тѣмъ, что онѣ несли съ собой не только новую форму, но и новое міросозерцаніе. Классицизмъ былъ тѣсно связанъ съ раціонализмомъ и жилъ вѣрой во всемогущество человѣческаго разума, въ чемъ романтизмъ старался возбудить сомнѣнія, ставя на мѣсто разсудка фантазію и чувство. Это выразилось и въ выборѣ романтиками сюжетовъ фантастическихъ, исключительныхъ.

Въ числѣ первыхъ стихотвореній Мицкевича есть стихотвореніе «Романтизмъ», которое очень важно, какъ потому, что въ немъ обрисовались основы новаго настроенія, такъ (и еще болѣе) потому, что изъ него, какъ изъ зародыша, развилось все дальнѣйшее міросозерцаніе Мицкевича. Въ этомъ стихотвореніи молодая дѣвушка, потерявшая разсудокъ вслѣдствіе смерти возлюбленнаго, разговариваетъ съ нимъ,

видитъ его возлѣ себя, а окружающая толпа раздѣляетъ это чувство, признавая присутствіе души умершаго. На это старикъ-ученый (Мицкевичъ, повидимому, имѣлъ здѣсь въ виду Яна Снядецкаго) съ негодованіемъ замѣчаетъ, что дѣвушка «городитъ глупости, а толпа насмѣхается надъ разумомъ». Поэтъ отвѣчаетъ ученому, что дѣвушка чувствуетъ, а толпа вѣритъ, и что вѣра и чувство больше говорятъ ему, поэту, чѣмъ стеклышко и глазъ мудреца.

Martwe znasz prawdy, nieznane dla ludu,
Widzisz swiat cały w każdej gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd żywych, nie zobaczys cudu,
Miej serce i patrzaj w serce!

Т. е.: «знаешь мертвыя истины, недоступныя для народа, видишь свѣтъ цѣлый въ каждой искрѣ звѣздъ, но если не знаешь живыхъ истинъ, то не увидишь чуда: имѣй сердце и смотри въ сердце!»

Первыя произведенія Мицкевича, баллады, если и имѣли для своего времени большое значеніе, то для насъ уже его утратили. На мѣсто одной условности, псевдо-классической, онѣ ставили другую условность—романтическую. Хотя сюжеты ихъ взяты изъ народныхъ сказаній, но, во-первыхъ, лишь изъ тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ что-либо сверхъестественное, фантастическое; а во-вторыхъ, истинное чувство въ нихъ замѣнено сантиментализмомъ, какъ и въ тѣхъ нѣмецкихъ балладахъ, которыя служили образцомъ молодому поэту. Условность эта особенно бросается въ глаза въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ Мицкевичъ выражаетъ свое личное (и вполнѣ искреннее) чувство, а именно любовь къ Маріи Верещака, окончившуюся для него несчастливо. Напр., въ балладѣ «Лирникъ» онъ изображаетъ свое отчаяніе послѣ выхода возлюбленной за другого, но какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ стихотвореніяхъ, чувство выражено въ формѣ условной: на сценѣ здѣсь пастухи и пастушки, которые говорятъ сантиментально и слезливо. Эта условность формы при свѣтѣ искренняго чувства должна была броситься въ глаза самому Мицкевичу, такъ что, можно сказать, сильное увлеченіе чувствомъ вывело его на дорогу истиннаго, чуждаго условности творчества. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ въ этомъ направленіи, поэтъ отбросилъ условную форму и написалъ свои первыя искреннія произведенія, внушенныя ему его несчастной любовью.

Первымъ, чуждымъ условности стихотвореніемъ Мицкевича явился «Пловецъ», въ которомъ онъ изображаетъ отчаяніе обманутой любви, а вскорѣ затѣмъ на ту же тему написано имъ первое его крупное произведеніе—IV часть «Поминокъ». Первая часть этого произведенія не окончена и осталась въ то время неизданной, третья совсѣмъ не написана (появившаяся впослѣд-

ствіи III часть не имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ замысломъ произведенія), а II еще полна условности, за исключеніемъ нѣсколькихъ искреннихъ мѣстъ. Нѣкоторая условность есть и въ IV части «Поминокъ», хотя чисто внѣшняя и вызванная связью ея со II частью, такъ что она сама собой отдѣляется отъ «драматической основы произведенія», «спадаетъ ветхой чешуей», и поэма въ цѣломъ примыкаетъ къ числу тѣхъ произведеній генія, о которыхъ Пушкинъ сказалъ, что они остаются «вѣчно свѣжи и юны». Поэма Мицкевича отчасти была написана подъ вліяніемъ «Вертера», нѣкоторыя внѣшнія ея подробности (и самое имя героя—Густавъ) заимствованы изъ громкаго въ то время романа Крюденеръ «Валерія», но развитіе содержанія въ ней совершенно оригинально и, по силѣ чувства, она должна быть поставлена въ ряду лучшихъ произведеній этого рода въ европейской литературѣ.

Романтизмъ, кромѣ стремленія къ сближенію съ жизнью, къ выраженію фантазіи и чувства, заключалъ въ себѣ и другую, страстную и протестующую сторону, которая наиболѣе ярко выразилась въ произведеніяхъ Байрона, эхомъ отдавшихся по всей Европѣ. Если не ошибаемся, этотъ протестъ можно объяснить тѣмъ, что романтизмъ, отвергнувъ классическую форму, остался, въ сущности, на почвѣ раціонализма, хотя и протестовалъ противъ него во имя чувства. Въ своемъ стремленіи къ дѣйствительности, къ жизни, онъ встрѣтился съ нею лицомъ къ лицу и, при свѣтѣ раціонализма, она показалась ему бездной, въ которой движутся какія-то преходящія тѣни. Разгоряченное чувство не давало почвы для примиренія съ жизнью, ни цѣли, ни смысла которой разумъ не могъ объяснить («даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана», писалъ Пушкинъ), а отсюда—«разочарованіе», впослѣдствіи отъ страстныхъ жалобъ въ произведеніяхъ Байрона перешедшее въ сосредоточенное отчаяніе Флобера, у котораго еще слышится негодованіе романтика, и въ холодный пессимизмъ натуралистовъ, нашедшихъ внѣшнее примиреніе въ ученіи позитивизма. Какъ бы то ни было, этотъ умственный процессъ еще не законченъ, настоящее примиреніе еще не найдено, хотя страстное байроническое отрицаніе уже и отжило свой вѣкъ.

Въ эпоху Мицкевича, какъ мы уже сказали выше, протестъ, выразившійся въ произведеніяхъ Байрона, эхомъ отдался по всей Европѣ. Не миновалъ онъ и славянскихъ литературъ, но только среди славянъ онъ не могъ принять столь рѣзкихъ формъ, какъ на западѣ Европы. Байроническій протестъ отразился на славянскихъ литературахъ ослабленнымъ эхомъ, но всетаки ему на время подчинились и Пушкинъ, и Мицкевичъ, и послѣдній, повидимому, усвоилъ его глубже перваго, несмотря на то, что вліяніе Байрона оставило меньше внѣшнихъ слѣдовъ на его произведеніяхъ. О силѣ этого вліянія можно судить по III части «Поминокъ», въ которой онъ выразилъ протестъ противъ байронизма.

Первыя произведенія Мицкевича были написаны подъ преобладающимъ вліяніемъ нѣмецкой литературы, но онъ уже былъ въ то время знакомъ съ произведеніями Байрона, и они произвели на него сильное впечатлѣніе, еще увеличенное его тяжелымъ душевнымъ состояніемъ. «Читаю только Байрона,—писалъ онъ одному пріятелю,—книгу, написанную въ иномъ духѣ бросаю, потому что не выношу лжи». Рѣшительное увлеченіе Байрономъ наступило послѣ того, какъ Мицкевичъ былъ въ 1823 году арестованъ по дѣлу о тайныхъ обществахъ въ Вильнѣ, что отъ личныхъ страданій обратило его мысль къ общественнымъ вопросамъ. Впослѣдствіи, въ III части «Поминокъ», онъ самъ указываетъ на арестъ, какъ на поворотный пунктъ въ его жизни къ байроническому настроенію, глубоко имъ понятому въ это время и сильно прочувствованному, что, впрочемъ, не сразу отразилось на его произведеніяхъ, да и вообще отразилось мимолетно, почти только на одномъ произведеніи—«Конрадѣ Валленродѣ».

Считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь, что для краткости мы пропускаемъ цѣлый рядъ произведеній Мицкевича, даже такія сравнительно крупныя, какъ «Гражина», написанная еще до ареста, и «Крымскіе сонеты», написанные въ ссылкѣ, въ Россіи. «Конрадъ Валленродъ» былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ 1828 году, и принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя, какъ вѣхи, отмѣчаютъ поступательное развитіе взглядовъ Мицкевича. Въ поэмѣ литовецъ Альфъ, чтобы спасти свое отечество, дѣлается, подъ именемъ Конрада Валленрода, крестоносцемъ, затѣмъ гросмейстеромъ ордена и губитъ его преднамѣренно въ неудачномъ походѣ противъ Литвы. Какъ видно изъ этого, мораль поэмы очень скользкая, основанная на принципѣ «цѣль оправдываетъ средства», что критики приписываютъ вліянію сочиненій Макіавелли, о чтеніи котораго Мицкевичъ самъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ. Намъ же кажется, что въ этомъ больше повинно вліяніе Байрона, а вліяніе Макіавелли отразилось лишь на эпиграфѣ поэмы: «вы должны знать, какъ двумъ племенамъ надлежитъ бороться—надо быть лисицей и львомъ». Герой поэмы Мицкевича сильно напоминаетъ героевъ Байрона, которые всѣ, болѣе или менѣе, уголовные преступники, нарушающіе правила нравственности открыто и съ благородными цѣлями, какъ другіе нарушаютъ ихъ лицемѣрно и съ цѣлями низкими. Конрадъ Мицкевича—это тотъ же Корсаръ, тотъ же Гяуръ, человѣкъ, исполненный мятежныхъ чувствъ и презрѣнія къ людямъ, потому что прежде онъ ихъ горячо любилъ, человѣкъ, какъ бы отмѣченный печатью рока. Какъ байроновскій Гяуръ, Конрадъ можетъ сказать о себѣ: «Правда, что я былъ подобенъ хищному ястребу, что я леталъ, уничтожая и проливая ручьи крови, но любить я учился у голубя».

«Конрадъ Валленродъ» заключаетъ въ себѣ не мало недостатковъ, но, благодаря своему лиризму, силѣ патріотическаго чувства,

въ немъ выразившагося, произвелъ на читателей впечатлѣніе чрезвычайное, упрочилъ славу Мицкевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то направленіе въ литературѣ, котораго онъ былъ проводникомъ. Теперь Мицкевичъ былъ уже не одинъ, рядомъ съ нимъ появился цѣлый рядъ блестящихъ поэтовъ-романтиковъ (каковы, напр., Гощинскій и Залѣскій), что указывало на тѣ прочные корни, какіе романтизмъ успѣлъ пустить въ польской литературѣ. Нападки критиковъ на «Конрада Валленрода», какъ на поэму романтическую, были уже запоздалыми и не нашли отклика въ польскомъ обществѣ. И вотъ Мицкевичъ, въ сознаніи побѣды, къ одному изъ изданій своихъ произведеній присоединилъ статью: «О варшавскихъ критикахъ и рецензентахъ», въ которой осыпалъ классиковъ сарказмами, разоблачая безсмысліе ихъ старовѣрства. Статья эта нанесла классикамъ послѣдній ударъ, представляя собою внѣшнее выраженіе торжества новаго направленія, которое началъ и довершилъ Мицкевичъ. Одно дѣло его жизни было сдѣлано, и предъ нимъ теперь встали новыя потребности и запросы, къ которымъ онъ и устремился со всею пылкостью своей натуры.

Дальнѣйшая жизнь Мицкевича, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ, была посвящена разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ нашего вѣка, исканію цѣли и смысла жизни, стремленію создать прочные идеалы добра и правды на тѣхъ обломкахъ стараго, среди которыхъ живетъ нашъ вѣкъ. Въ своихъ исканіяхъ Мицкевичъ нерѣдко ошибался и сбивался съ пути, принимая блудящіе огни за свѣтъ путеводнаго маяка, но онъ былъ всегда искрененъ, онъ отдавался своимъ исканіямъ весь, такъ что даже его ошибки и заблужденія имѣютъ большее значеніе, чѣмъ трезвыя слова и мнѣнія тѣхъ, кто называлъ его безумцемъ.

II.

Съ переѣздомъ Мицкевича заграницу, въ 1829 году, начинается новый періодъ его умственнаго развитія. Въ Римѣ, этомъ центрѣ католицизма, онъ подвергся разнымъ вліяніямъ, которыя сдѣлали его снова вѣрующимъ сыномъ церкви. Не будемъ передавать здѣсь внѣшнихъ обстоятельствъ этого обращенія Мицкевича, потому что главная причина его не внѣшняя, а внутренняя, и они могли лишь ускорить процессъ, происходившій въ душѣ его. Причина его обращенія къ религіи отчасти общая съ обращеніями другихъ романтиковъ, искавшихъ въ религіи примиренія съ жизнью, котораго не давалъ раціонализмъ, своими холодными выводами противорѣчившій разгоряченному чувству. Какъ мы указали выше, переходя въ байронизмъ, романтизмъ выразился протестомъ противъ дѣйствительности, отрицаніемъ всякаго смысла въ жизни, или же въ разобщеніи съ нею—въ отвлеченномъ искусствѣ. Нѣкоторые умы,

разыскивая выходъ изъ этого положенія отрекались отъ раціонализма и, не встрѣчая иного цѣльнаго міросозерцанія, возвращались къ католицизму, какъ къ вѣковой опорѣ.

Слѣды переворота, происходившаго въ душѣ Мицкевича (продолжался онъ больше года), сохранились въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ въ Римѣ, каковы: «Ормуздъ и Ариманъ», «Вечерній разговоръ», «Мудрецы», «Великій зодчій», «Разумъ и вѣра». Въ нихъ Мицкевичъ выражаетъ присущее ему уже давно сомнѣніе во всемогуществѣ разума, который «мудрецами», какъ онъ говоритъ, считается достаточнымъ для пониманія міра. Между тѣмъ, по словамъ Мицкевича, когда онъ обозрѣвалъ человѣчество съ разными его мнѣніями, послѣднія казались ему великими и мутными, при свѣтѣ разума, и показались маленькими и ясными, когда онъ посмотрѣлъ на нихъ глазами вѣры. «Разумъ человѣческій!— взываетъ онъ, — ты ничтоженъ предъ Господомъ, только капля въ Его всемогущей рукѣ. Кажется, будто волны твои касаются краевъ горизонта, но напрасно летитъ по нимъ быстрый корабль: онъ можетъ переплыть землю, но небесъ не достигнетъ»... Въ этихъ стихотвореніяхъ поэтъ выражаетъ то же сомнѣніе въ разумѣ, какъ и въ первыхъ своихъ романтическихъ стихотвореніяхъ, но только вмѣсто чувства онъ поставилъ здѣсь вѣру, основанную на чувствѣ, а вмѣсто природы — Бога.

Переворотъ, происшедшій въ душѣ Мицкевича, онъ самъ прекрасно изобразилъ въ своемъ глубокомъ символическомъ произведеніи, III части «Поминокъ», которая была написана въ Дрезденѣ, вскорѣ послѣ окончанія польскаго возстанія 1830 г. Часть эта является, по новому замыслу поэта, продолженіемъ IV-ой, потому что герой III части, подъ вліяніемъ ареста, изъ Густава (героя IV части), т. е. человѣка, увлеченнаго личнымъ чувствомъ, превращается въ Конрада (намекъ на Конрада Валленрода). Заключенный по виленскому дѣлу 1823—24 гг., онъ пишетъ углемъ на стѣнѣ своей темницы: «Gustavus obiit MDCCCXXIII calendis novembris.— Hic natus est Conradus». Центральную часть произведенія составляетъ «импровизація» Конрада, которую Мицкевичъ называлъ «поворотнымъ пунктомъ байроновскаго направленія въ поэзіи», изобразивъ въ немъ байронизмъ такъ, какъ онъ теперь понималъ его.

Конрадъ, желая постигнуть будущее, заносится далеко воображеніемъ, но на пути встрѣчается съ чѣмъ-то, чего онъ не можетъ ьяснить, что смѣшиваетъ и путаетъ его мысли. И вотъ онъ тупаетъ съ этимъ препятствіемъ въ борьбу, обращается къ Богу , гордымъ вызовомъ дать ему власть надъ душами, говоря, что ъ не ограничился бы созданіемъ міра, но сдѣлалъ бы его счастьмъ. Онъ любитъ людей, желаетъ имъ счастья, но еще больше ь любитъ самого себя, онъ деспотиченъ въ своей гордости, говоря,) если люди не исполнятъ того, что онъ считаетъ ихъ счастьемъ,

то «пускай страдаютъ и пропадутъ». Когда же Богъ не отвѣчаетъ на его вызовъ, не даетъ ему того, что онъ требуетъ въ своей гордости, онъ грозитъ ему, говоритъ, что потрясетъ всѣми его владѣніями, но здѣсь падаетъ безъ чувствъ и попадаетъ во власть злого духа. Злого духа изгоняетъ изъ него монахъ Петръ, въ лицѣ котораго поэтъ изображаетъ всѣ церковныя вліянія, подѣйствовавшія на его обращеніе въ католицизмъ. Спрошенный объ имени, злой духъ отвѣчаетъ: «Лукрецій, Voltaire, alter Fritz, Legio sum» и говоритъ разными языками. И не гордому своимъ разумомъ поэту, но смиренному, вѣрующему монаху дается власть надъ душами и сила провидѣть будущее, согласно со словомъ евангельскимъ: «блаженны нищіе духомъ».

Pan maluczkim objawia,
Czego wielkim odmawia!

т. е. «Господь открываетъ малымъ то, въ чемъ отказываетъ великимъ» — поетъ въ произведеніи хоръ ангеловъ.

Надѣемся, что нѣтъ нужды объяснять подробно значеніе этихъ символовъ, которые сами по себѣ достаточно ясны. Замѣтимъ только, что обѣ эти центральныя символическія фигуры, поэтъ Конрадъ и монахъ Петръ, изображены Мицкевичемъ въ связи съ интересами его родины, и на религію, въ лицѣ монаха Петра, онъ указываетъ, какъ на путь къ ея спасенію. Замѣтимъ, что въ уста Петра онъ вложилъ «видѣніе», въ которомъ предсказывается будущая судьба Польши, и характерно, что самъ Мицкевичъ многое въ этомъ видѣніи, которое считалъ пророческимъ, не могъ объяснить, а впослѣдствіи считалъ предсказаніемъ товянизма. Изображая польское образованное общество, онъ осуждаетъ его, какъ расшатанное нравственно и лишенное яснаго сознанія народности, и съ симпатіей останавливается только на молодежи и представителяхъ старопольскихъ традицій. Сужденіе объ образованномъ польскомъ обществѣ выражаетъ въ произведеніи Высоцкій, одинъ изъ молодежи, говоря, что польскій народъ походитъ на лаву — сверху твердую, холодную и гадкую, но изъ которой никогда не исчезаетъ внутренній огонь. «Будемъ плевать на эту скорлупу и спустимся въ глубь» — прибавляетъ Высоцкій.

Какъ типическій представитель народа, среди котораго общественная (а отсюда и умственная) спеціализація не достигла еще той ступени, какъ на Западѣ Европы, Мицкевичъ не могъ уйти весь въ мистицизмъ, но на основаніи своихъ новыхъ вѣрованій строилъ цѣльную систему правды. Даже его обращеніе въ католицизмъ не было, вѣроятно, лишь субъективно - душевнымъ процессомъ, но и плодомъ его соціальныхъ стремленій. Изъ общества болѣе простого, сохранившаго болѣе твердые нравственные устои, основанные на религіи, онъ попалъ въ преобразующееся западно-европейское общество, съ его могущественной цивилизаціей, но

исключительно направленной на матеріальное благо и давшей широкій просторъ эгоизму. Присматриваясь къ окружающему его заграницей, онъ пришелъ къ убѣжденію, что цивилизація эта построена на раціонализмѣ, что она утратила христіанскую нравственность, заключающуюся въ любви къ человѣку. Въ своемъ народѣ, не столь просвѣщенномъ, не столь матеріально могущественномъ, онъ сталъ видѣть больше залоговъ хорошаго, не эгоистическаго развитія, и противопоставилъ его западно-европейскому обществу, какъ представителя христіанскихъ началъ. Этимъ объясняется, почему онъ въ своемъ произведеніи отнесся отрицательно къ образованному польскому обществу, какъ подвергшемуся вліянію «западно-европейской эгоистической цивилизаціи», и возложилъ свои надежды на простой народъ, чуждый этой цивилизаціи.

Свои общественные взгляды Мицкевичъ изложилъ въ произведеніи, написанномъ въ библейской формѣ, подъ заглавіемъ: «Книги польскаго народа и польскаго пилигримства» (издано оно въ Парижѣ въ 1832 г.). Произведенію этому, излагающему его самыя задушевныя убѣжденія, онъ придавалъ очень большое значеніе и даромъ разсылалъ его эмигрантамъ. По своему содержанію, оно напоминаетъ извѣстное сочиненіе Л. Н. Толстого «Въ чемъ моя вѣра», съ тою разницею (скорѣе внѣшнею, впрочемъ), что Мицкевичъ стоитъ больше на почвѣ политической, чѣмъ личной. Сначала онъ говоритъ о прошломъ Польши, сильно его идеализируя (такое впечатлѣніе, впрочемъ, получается и отъ того, что, обращаясь къ людямъ простымъ, неученымъ, Мицкевичъ излагаетъ свои мысли въ контурахъ рѣзкихъ и какъ бы наивныхъ), находитъ, что она въ своей политикѣ руководилась христіанской религіей и пала, когда былъ заключенъ Вестфальскій договоръ, введшій въ европейскую политику начала узкаго эгоизма. Онъ указываетъ пилигримамъ (эмигрантамъ), что, какъ представители наиболѣе христіанскаго народа, они должны бороться за приложеніе къ жизни христіанской нравственности, которую утратилъ нашъ цивилизованный вѣкъ. «Слово цивилизація—говоритъ онъ—означало нѣкогда гражданство, отъ латинскаго слова civis, гражданинъ. Гражданиномъ называли человѣка, который жертвовалъ собою за отечество, какъ Сцевола, Курій, Деціи (Мицкевичъ при этомъ замѣчаетъ, что христіанство велитъ любить не только свое отечество, но всѣхъ людей), и такое именно посвященіе называли гражданствомъ. Но потомъ въ языческомъ смѣшеніи понятій, назвали цивилизаціей модныя и красивыя одежды, вкусныя яства, хорошія гостинницы и удобныя дороги». На этомъ основаніи онъ говорилъ пилигримамъ, что не они должны учиться цивилизаціи у чужеземцевъ, но ихъ учить истинной христіанской цивилизаціи, которая заключается въ принесеніи себя въ жертву за всѣхъ людей. О наукѣ онъ замѣчаетъ, что она должна быть источникомъ жизни, и съ такою же рѣши-

тельностью отрицанія, какъ Л. Н. Толстой въ новѣйшее время, прибавляетъ, что современныя науки похожи «на пустыя мельницы, которыя шумятъ, но никого не накормятъ».

Онъ стремился къ созданію особой польской партіи, имѣющей цѣлью осуществленіе христіанской нравственности, опредѣляя эту партію отрицательнымъ путемъ, но не выяснивъ хорошо ея положительныхъ цѣлей. Къ спорамъ о политическихъ формахъ онъ относился отрицательно, говоря, что политики, спорящіе о палатахъ избирательной и наслѣдственной, похожи на саддукеевъ и фарисеевъ, которые ссорятся изъ за мяса каширнаго и трефнаго, но не понимаютъ, что значитъ любить и умереть за правду. Онъ относился отрицательно даже къ тѣмъ европейскимъ партіямъ, которыя были наиболѣе близки къ нему по внѣшности своихъ политическихъ стремленій. «Не обрушивайтесь слишкомъ на язычниковъ,—говоритъ онъ пилигримамъ, — бейте ихъ словомъ, а не мечомъ. Тѣ, что побьютъ ихъ мечомъ, люди стараго закона, чтущіе всемогущество народа, равенство и свободу. Они ненавидятъ язычниковъ, но сами не чувствуютъ любви къ ближнимъ и посланы только для уничтоженія язычниковъ-хананеевъ». Пилигримы не должны подражать европейскимъ партіямъ, проникаться ихъ духомъ, но объединяться на почвѣ христіанства, не думая много о будущемъ устройствѣ своей страны, потому что не тѣ лучше все устроятъ, кто много говоритъ, но кто сильнѣе чувствуетъ и исполненъ духа самоотверженія. Такимъ образомъ онъ указываетъ пилигримамъ, какъ идеалъ, любовь къ людямъ, но не опредѣляетъ формъ его осуществленія, потому, вѣроятно, что въ то время для него самого онѣ не были вполнѣ ясны.

Отрѣшившись въ мысли отъ романтизма, съ его стремленіемъ искать повсюду необычайныхъ чувствъ и положеній, предпочтя своему Конраду человѣка маленькаго и смиреннаго, но преисполненнаго любви къ людямъ, Мицкевичъ постарался и въ своемъ творчествѣ совершенно отрѣшиться отъ романтическихъ пріемовъ, или, вѣрнѣе, въ самой жизни его стали интересовать явленія болѣе простыя и обыденныя, а не исключительныя, романтическія. Еще въ Италіи, въ 1829 году, въ разговорѣ съ молодымъ Сигизмундомъ Красиньскимъ, впослѣдствіи знаменитымъ поэтомъ, онъ сравнилъ романтическую поэзію съ Лаутенбрюнскимъ ущельемъ, которое имѣетъ хаотическій и дикій видъ, но ведетъ къ самой прекрасной швейцарской горѣ—Юнгфрау, и пояснилъ, что и поэзія романтическая должна привести къ истинно народной поэзіи, какой была въ древности поэзія грековъ. Отсутствіе простоты и правды въ поэзіи, всякая напряженность чувствъ и шумиха словъ перестали уже удовлетворять его, и сочувствіе его устремилось къ тому здоровому и простому, что онъ оставилъ на родинѣ. Онъ постарался создать произведеніе истинно національное, чуждое всякой подражательности, взятое прямо изъ жизни, что ему и удалось сдѣлать въ «Панѣ

Тадеушѣ». Однимъ словомъ, съ нимъ произошелъ отчасти тотъ же процессъ, какъ и съ Пушкинымъ, который, начавъ подражаніемъ Байрону, въ «Евгеніи Онѣгинѣ» далеко ушелъ отъ него и кончилъ повѣстями Бѣлкина.

Слѣдуетъ отмѣтить, что «Панъ Тадеушъ», быть можетъ, еще національнѣе, народнѣе «Евгенія Онѣгина», не говоря уже о томъ, что онъ цѣльнѣе и законченнѣе. Герой поэмы Пушкина, при всей правдивости изображенія, представляетъ фигуру не національную, но перерожденную западно-европейскими вѣяніями, хотя Пушкинъ съумѣлъ отнестись къ нему правдиво, опредѣлилъ его, какъ «чужихъ причудъ истолкованье, словъ модныхъ полный лексиконъ», и лишилъ того фальшиваго ореола, которымъ онъ окруженъ въ первыхъ главахъ повѣсти. Герои поэмы Мицкевича вполнѣ національны, такъ сказать тѣсно связаны съ почвой, какъ солдатъ Каратаевъ въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Н. Толстого, съ романомъ котораго поэма Мицкевича имѣетъ большое сходство по широкому, любовному захвату народной жизни *). Правда, здѣсь на сценѣ не народъ собственно, а шляхта, но это сословіе стояло, по своимъ нравамъ, близко къ народу, и если отличалось большими недостатками (которыхъ Мицкевичъ не скрываетъ, хотя и рисуетъ больше свѣтлыя стороны ея жизни), то на-ряду съ ними сохранило здоровыя непосредственныя чувства, которыя Мицкевичъ съ явной любовью желалъ противопоставить образованному обществу, утратившему непосредственность чувствъ. Впрочемъ, сочувствіе Мицкевича къ изображаемымъ нравамъ ничуть не выразилось въ какой либо идеализаціи изображаемаго, и развѣ только можно замѣтить легкую насмѣшку въ обрисовкѣ Телимены, Графа, Бухмана, людей, тронутыхъ городской цивилизаціей, но насмѣшка здѣсь вполнѣ умѣстна, такъ какъ эту цивилизацію они усвоили внѣшнимъ образомъ.

Вообще поэма Мицкевича отмѣчена печатью высшаго художественнаго реализма, составляетъ плодъ глубокаго проникновенія въ жизнь старо-польскаго общества. Интересы, волнующіе изображаемое имъ общество, расположены такъ, какъ они располагаются и въ жизни. Какъ патріоту, ему хотѣлось бы, конечно, чтобы патріотическія стремленія занимали больше мѣста въ жизни, чѣмъ обыденные интересы и дрязги, но онъ знаетъ, что этого нѣтъ, и отводитъ имъ лишь то мѣсто, какое они дѣйствительно занимаютъ. Каждый изъ его героевъ живетъ своей личной жизнью, мелкими интересами дня, но въ глубинѣ общества, въ глубинѣ человѣческихъ сердецъ всегда присутствуютъ (въ скрытомъ состояніи) общественныя стремленія, которыя и проявляются, когда того требуютъ обстоя-

*) Сравнивая героевъ «Пана Тадеуша» съ Каратаевымъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что теоретичность въ изображеніи послѣдняго искажаетъ нѣсколько художественную непосредственность образа, чего отнюдь нѣтъ въ поэмѣ Мицкевича.

тельства. И на сколько эти стремленія живы, на сколько они непосредственны, на столько заслуживаетъ жизни и это общество, на столько нельзя назвать его мертвымъ. Субъективизмъ Мицкевича выразился лишь въ выборѣ темы для своего произведенія, да въ той любви, съ которой онъ возсоздаетъ всѣ подробности исчезающей жизни старо-польскаго общества, любви, ставящей ихъ предъ читателями съ такой живостью и яркостью, какой не могутъ достигнуть десятки историческихъ сочиненій. При всемъ объективизмѣ изображенія, горячая любовь къ родинѣ слышится въ каждой строкѣ поэмы, проникаетъ и согрѣваетъ ее всю.

Многіе, писавшіе о «Панѣ Тадеушѣ» (въ томъ числѣ недавно и г. Боборыкинъ въ «Сѣв. Вѣстн.»), выражали удивленіе тому спокойствію, съ какимъ написана эта поэма, хотя во время писанія ея Мицкевичъ пережилъ много непріятностей и терпѣлъ жестокую матеріальную нужду. Дѣло въ томъ, что временное разрѣшеніе мучившихъ его сомнѣній и вопросовъ дало ему душевное спокойствіе и ясность духа, которыхъ не могли нарушить матеріальныя невзгоды, а потомъ—работа надъ этой поэмой представляла для него отдохновеніе отъ всѣхъ непріятностей жизни. Среди бѣдъ и несчастій, въ чуждомъ большомъ городѣ, въ Парижѣ, который былъ ему непріятенъ (по его выраженію) «какъ пекло» и который онъ называлъ «Аѳинами временъ Демосѳена», онъ съ любовью переносился мыслью на свою родину и всякая подробность изъ ея жизни была теперь ему особенно дорога. «Теперь для насъ,—говоритъ онъ во вступленіи къ поэмѣ,—непрошенныхъ на свѣтѣ гостей, только одна есть такая страна, гдѣ сохранилось немного счастья для поляка, край, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство. Этотъ край навсегда останется свѣтлымъ и чистымъ, какъ первая любовь, не возмущенный воспоминаніями, не подкопанный обманчивыми надеждами и не измѣненный потокомъ событій».

«Панъ Тадеушъ» является несомнѣнно самымъ лучшимъ, самымъ зрѣлымъ произведеніемъ Мицкевича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднимъ его поэтическимъ произведеніемъ, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній. Требованія его отъ поэзіи все росли, вмѣстѣ съ ростомъ его нравственныхъ требованій, и онъ чувствовалъ, что уже не въ силахъ удовлетворить имъ. «Истинная поэзія нашего вѣка — писалъ онъ одному пріятелю — еще не народилась; можно видѣть только симптомы ея появленія. Слишкомъ много мы писали для забавы или для цѣлей очень ничтожныхъ... Мнѣ кажется, что придетъ время, когда нужно будетъ стать святымъ, чтобы быть поэтомъ, что нужно будетъ вдохновеніе и внушенное свыше знаніе о вещахъ, которыхъ разумъ сказать не умѣетъ, чтобы возбудить въ людяхъ уваженіе къ искусству, потому что оно слишкомъ долго было актрисой, развратницей или политической газетой. Мысли эти возбуждаютъ во мнѣ печаль и чуть не угрызенія совѣсти: часто мнѣ кажется, что, какъ Моисей, я вижу

съ горы обѣтованную землю поэзіи, но не достоинъ войти въ нее». Свои прежнія произведенія онъ сталъ цѣнить очень невысоко и, вскорѣ послѣ окончанія «Пана Тадеуша», писалъ, что слишкомъ много онъ «жилъ и трудился для свѣта» и что уже не употребитъ больше труда для созданія «пустяковъ», причемъ прибавлялъ, что бросилъ бы писать и «Пана Тадеуша», если бы онъ уже не былъ близокъ къ концу. Замѣтимъ, что нѣчто подобное въ русской литературѣ мы видимъ на примѣрахъ Гоголя и Л. Н. Толстого, и по причинамъ отчасти аналогичнымъ.

Взгляды Мицкевича нашли въ свое время немного защитниковъ, даже встрѣтили больше враговъ (многіе считали его сумасшедшимъ), но всетаки у него образовался небольшой кружокъ послѣдователей, называвшихъ его «учителемъ духовной жизни». Съ нѣсколькими изъ этихъ послѣдователей Мицкевичъ основалъ въ Парижѣ «Общество соединенныхъ братьевъ», имѣвшее цѣлью нравственное и религіозное самоусовершенствованіе. Впослѣдствіи нѣкоторые члены этого общества приняли монашество и образовали особый орденъ «Братьевъ-воскресенцевъ», утвержденный папою. Мицкевичъ въ этомъ не послѣдовалъ за ними и даже, какъ увидимъ дальше, настолько впослѣдствіи разошелся со своими учениками, что встрѣтилъ въ нихъ самыхъ яростныхъ враговъ своихъ. Католичество, которое они, главнымъ образомъ, усвоили изъ его ученія, для него самого было лишь преходящей формой на пути его стремленія къ истинѣ и правдѣ.

III.

Къ католицизму, на что мы уже указали, Мицкевичъ присоединился, потому что его перестал удовлетворять раціонализмъ, что умъ и чувство его искали новаго міросозерцанія, которое бы ясно указывало цѣль и смыслъ жизни. Но католицизмъ представлялъ форму уже пережитую въ общественномъ смыслѣ, въ которую Мицкевичъ, въ него увѣровавшій, напрасно старался влить новое содержаніе, новый духъ, точно въ старые мѣхи молодое вино. При своемъ искреннемъ, горячемъ темпераментѣ, онъ вскорѣ долженъ былъ въ этомъ убѣдиться, потому что, вмѣсто пересозданія міра въ христіанскомъ духѣ, о чемъ онъ мечталъ, католицизмъ открывалъ ему только монастырскія ворота, въ которыя и бросились ученики Мицкевича. Изъ того уже, что Мицкевичъ за ними не послѣдовалъ, хотя по натурѣ своей онъ ни предъ чѣмъ не останавливался, когда что либо считалъ истиннымъ и справедливымъ, можно бы было заключить, что увлеченіе его католицизмомъ небезусловно, и что скорѣе онъ можетъ отвергнуть католицизмъ, чѣмъ то стремленіе къ правдѣ, которое было основой его воззрѣній.

Прямыхъ указаній на сомнѣнія въ католицизмѣ до обращенія

Мицкевича въ «товянизмъ» не сохранилось, быть можетъ потому, что долгое время онъ даже самому себѣ не хотѣлъ въ этомъ сознаться. Можно лишь было замѣтить, что онъ охладѣлъ къ пропагандѣ своихъ взглядовъ, устранился отъ эмиграціи и около двухъ лѣтъ провелъ въ одиночествѣ, занимаясь преподаваніемъ латинской литературы въ Лозанской академіи (въ Швейцаріи). Въ 1840 г. онъ былъ вызванъ въ Парижъ, для чтенія лекцій о славянскихъ литературахъ въ Collège de France, что поставило его опять лицомъ къ лицу съ общественной жизнью и съ новой силой пробудило въ его душѣ исканіе правды. Въ лекціяхъ своихъ онъ снова встрѣтился съ глубоко волновавшими его вопросами, которые тѣмъ сильнѣе занимали и мучили его, что о нихъ постоянно напоминала ему и окружавшая его среда, обращавшая на него взгляды съ надеждой и ожиданіемъ.

Для того, чтобы читателямъ сдѣлалось болѣе или менѣе понятна перемѣна въ Мицкевичѣ, къ которой мы подходимъ, слѣдуетъ отмѣтить, что польская эмиграція, его окружавшая, находилась въ то время въ состояніи почти повальнаго разстройства нервовъ. Оторванная отъ реальныхъ условій жизни, отъ родной почвы, она всецѣло была предана ожиданію «воскресенія» Польши и это ожиданіе у многихъ принимало характеръ мистическій. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ политическихъ попытокъ, многіе стали ожидать этого «воскресенія» или отъ какихъ-либо счастливыхъ случайностей, или отъ появленія «великаго человѣка», такъ какъ великимъ людямъ, благодаря свѣжимъ воспоминаніямъ о Наполеонѣ, который въ то время прославлялся всюду, придавали далеко большее значеніе, чѣмъ теперь. До чего нервы эмигрантовъ были разстроены, можно видѣть изъ описанія чествованія Мицкевича, въ день его именинъ (въ 1841 г.), когда его импровизація на вечерѣ вызвала такой восторгъ, что мало знакомые люди обнимались, какъ братья, многіе плакали, больные говорили, что чувствуютъ себя выздоровѣвшими, а нѣкоторые утверждали, что видѣли свѣтъ, окружавшій его голову.

Если таково было состояніе эмиграціи вообще, то тѣмъ сильнѣе оно должно было отражаться на Мицкевичѣ, при его огромной впечатлительности, тѣмъ болѣе, что нервы его въ то время сильно были расшатаны какъ чтеніемъ лекцій, такъ и страшнымъ семейнымъ несчастіемъ—психической болѣзнью жены. Правда, семейное несчастіе не могло всецѣло поглотить его, мысли его по-прежнему были заняты судьбою родины, общественными и нравственными вопросами, но нервное состояніе внесло въ нихъ нѣчто напряженное и болѣзненное. Такъ, напр., въ концѣ 1840 г., когда онъ осматривалъ приготовленія къ торжеству перенесенія праха Наполеона въ Парижъ, съ нимъ случилась среди бѣлаго дня галлюцинація. Какъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, ему показалось, что онъ видитъ человѣка, ѣдущаго изъ Польши въ двухко-

лесной телѣжкѣ, называемой по-польски «бѣдою», и онъ почувствовалъ, что «этотъ человѣкъ везетъ нѣчто великое, великія вещи». Галлюцинація эта находилась, конечно, въ связи съ мыслями о «великомъ человѣкѣ», возбужденными чествованіемъ памяти Наполеона. Полъ-мѣсяца спустя, на вечерѣ, данномъ въ честь Мицкевича, онъ въ своей импровизаціи, произведшей такое сильное впечатлѣніе, говорилъ, что «всѣ находятся на ложныхъ путяхъ, что никакія попытки и разсужденія ни къ чему не приведутъ, если Богъ не пошлетъ человѣка, который явится для всѣхъ образцомъ истинной жизни, котораго слова, поступки, даже жесты будутъ для всѣхъ примѣромъ».

Таково было настроеніе Мицкевича, когда 17-го іюля 1841 г. кто то постучался въ двери его квартиры. Вошелъ мужчина лѣтъ около 43, одѣтый въ длинный сюртукъ, застегнутый сверху до низу, съ серьезной и энергической наружностью, напоминавшей нѣсколько Наполеона. Онъ поздоровался съ Мицкевичемъ обычнымъ въ Польшѣ привѣтствіемъ: «слава Іисусу Христу», что напомнило поэту то мѣсто въ его «Поминкахъ», гдѣ монахъ Петръ говоритъ Конраду:

Pojedziez w daleką, nieznajomą drogę
Będziesz w wielkich, bogatych i rosumnych tłumie,
Szukaj męża, co więcej niźli oni umie.
Poznasz, bo cię powita pierwszy w imię Boże;
Słuchaj co powie...

Т. е. «поѣдешь въ далекую незнакомую дорогу, будешь въ толпѣ великихъ, богатыхъ и умныхъ, но ищи человѣка, который больше чѣмъ они знаетъ. Узнаешь его, потому что онъ первый поздоровается съ тобой именемъ Божьимъ. Слушай, что скажетъ»...

Гость (это былъ Андрей Товяньскій), узнавъ, что жена Мицкевича больна психически, увѣрилъ его, что она выздоровѣетъ, если онъ что то сдѣлаетъ (говорятъ, будто онъ посовѣтовалъ Мицкевичу прикрикнуть на жену и призвать ее къ покаянію). Мицкевичъ послушался совѣта, и жена его дѣйствительно выздоровѣла, послѣ чего Товяньскій объявилъ, что онъ посланъ отъ Бога, чтобы открыть ему и другимъ истину, которая должна спасти Польшу и все человѣчество. Говорятъ, что приэтомъ онъ разсказалъ Мицкевичу нѣсколько тайнъ изъ его жизни, по мнѣнію послѣдняго никому неизвѣстныхъ, чѣмъ сильно поразилъ его воображеніе. Такъ разсказываютъ польскіе біографы объ обращеніи Мицкевича, придавая главное значеніе этимъ внѣшнимъ подробностямъ, но самъ Мицкевичъ причину своего обращенія опредѣлилъ справедливѣе, говоря, что его вѣра въ слова Товяньскаго явилась «слѣдствіемъ всей его жизни, его наклонностей и его трудовъ». Ученіе Товяньскаго отвѣтило его стремленію къ воплощенію христіанства

въ жизни, послѣ того, какъ онъ сталъ разочаровываться въ католицизмѣ, притомъ оно заключало въ себѣ основы, уже высказанныя Мицкевичемъ въ «книгахъ польскаго пилигримства», даже, повидимому, кое въ чемъ развило ихъ дальше. Правда, на ряду съ этимъ въ товянизмѣ было много страннаго, мистическаго, даже прямо нелѣпаго, признаніе чего со стороны Мицкевича можно объяснить единственно его болѣзненнымъ состояніемъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о личности и ученіи Товяньскаго, хотя за полную достовѣрность изложенія всѣхъ данныхъ трудно ручаться, потому что и личность, и ученіе его мало освѣщены и больше подвергались насмѣшкамъ, чѣмъ изученію. Товяньскій былъ уроженцемъ Виленской губерніи, учился въ университетѣ, но курса не окончилъ вслѣдствіе сильной глазной болѣзни, которая заставила его цѣлые годы провести въ бездѣятельности и этимъ пріучила къ религіознымъ размышленіямъ и къ углубленію въ себя. Размышленія надъ религіозными вопросами привели его впослѣдствіи къ мысли о необходимости религіозной реформы и къ глубокому убѣжденію, что миссія эта внушена ему самимъ Богомъ. По его мнѣнію, пришло время ввести христіанство въ практику жизни, или же, выражаясь его языкомъ, пришло время «реализаціи христіанства», такъ какъ до сихъ поръ люди поклонялись только формѣ, но чужды были христіанскаго духа. Какъ человѣкъ, Товяньскій справедливостью и глубокимъ убѣжденіемъ внушалъ къ себѣ общее уваженіе, но нѣкоторые указываютъ, что онъ не чуждъ былъ шарлатанства, совмѣщая искреннюю вѣру съ нѣкоторой наклонностью воплощать ее кривыми путями. Такъ напр. говорятъ, будто тѣ тайны, которыя онъ сообщилъ Мицкевичу, онъ слышалъ отъ Одиньца, узнавшаго ихъ частью отъ самого поэта, частью отъ его друзей дѣтства, а частью отъ Маріи Верещака. Къ Мицкевичу Товяньскій обратился потому, что самъ не былъ способенъ къ дѣятельности и послѣ того, какъ не удались ему такія же попытки съ архіепископомъ Дунинымъ и генераломъ Скжипецкимъ.

Какъ мистикъ и мечтатель, Товяньскій чувствовалъ органическое отвращеніе къ ясному выраженію мыслей и говорилъ, что правду Господню слѣдуетъ понимать чувствомъ, а потому далъ только основы ученія, вѣрнѣе намеки, которые развивали дальше его ученики, больше же всѣхъ Мицкевичъ, который собственно и былъ истиннымъ творцомъ товянизма. Товяньскій, какъ и Мицкевичъ, относился отрицательно къ современной цивилизаціи, находя, что она не основана на прогрессѣ нравственномъ. По его мнѣнію, Бога теперь нѣтъ на землѣ, на ней господствуетъ духъ ада: грѣхъ создалъ свое лучшее произведеніе, тѣло вознеслось, а духъ понизился. Искусства, знанія, театры, желѣзныя дороги, пароходы, разныя открытія—все это плоды грѣха, несчастія человѣка, утратившаго прямую дорогу. Дурны они, впрочемъ, не сами по себѣ, могутъ даже составить счастье человѣка на прямой дорогѣ, сдѣлаться

его силой и средствомъ къ «реализаціи духа», но только нужно найти эту прямую дорогу. Указать ее посланъ именно онъ, Товяньскій. Реализировать правду на землѣ призваны, по его мнѣнію, три народа: поляки, воплощающіе въ себѣ славянскую идею (положеніе это было, вѣроятно, отраженіемъ лекцій Мицкевича, котораго изученіе славянства привело къ признанію за всѣми славянами тѣхъ особенностей, какія раньше онъ видѣлъ только въ Польшѣ), французы и евреи, потому что другіе народы не достигли еще надлежащаго «тона». Польша, какъ и въ «Книгахъ польскаго пилигримства», играетъ въ ученіи Товяньскаго роль «Христа народовъ», и воскресеніе ея будетъ началомъ новой эры, осуществленіемъ христіанства въ жизни, что исходило изъ убѣжденія въ невозможности воскресенія ея при настоящихъ условіяхъ.

Философской основой товянизма было представленіе о единствѣ мірозданія, выраженное въ мистической формѣ. Человѣкъ представлялся Товяньскому, со всѣми своими тѣлесными принадлежностями, даже съ разумомъ, какъ сосудъ, въ коемъ пребываетъ духъ, изъ Бога исходящій, и которому суждено, послѣ цѣлаго ряда воплощеній, снова возвратиться «въ Бога», начать ангельскую жизнь. И не только человѣкъ, но и все мірозданіе представлялось ему какъ рядъ воплощеній духа, все въ болѣе и болѣе совершенныхъ формахъ духа, «пробивающагося сквозь матерію». Товяньскій говорилъ, что все живущее въ мірѣ онъ считаетъ своимъ братомъ: братъ ему даже любой червячекъ, который «ползаетъ по землѣ, исполняя волю Божью». Всякій человѣкъ долженъ способствовать побѣдѣ духа надъ матеріей, какъ въ своей личной жизни, такъ и въ общественной, распространяя слово правды. Слѣдуетъ выработать въ себѣ мощь духа, обострить его въ сердцѣ, потому что только огнемъ любви, проявленіемъ Божьей воли на землѣ можно передѣлать свѣтъ и придать ему новую форму. Какъ ни странно, но съ этимъ положеніемъ связывалось у Товяньскаго прославленіе Наполеона, который, по его словамъ, далъ намъ «примѣръ дѣятельности, является провозвѣстникомъ дѣятельной жизни Слова», хотя и не могъ удержаться въ «тонѣ». Мощью своего духа онъ способствовалъ сближенію народовъ, распространенію идей свободы и равенства, т. е. реализаціи правды Божьей, какъ ее понимали товянисты. Онъ былъ зарей, предвѣщавшей появленія Мессіи и наступленіе новой эры.

Въ этомъ краткомъ изложеніи ученія Товяньскаго мы пропустили многое, менѣе существенное, напр. его объясненіе чудесъ, ясновидѣнія, которое является результатомъ развитія духа, «пробивающаяся сквозь матерію», а также теорію о сообщеніи духовъ, уже кончившихъ свою миссію, съ духами, еще пребывающими на землѣ, что дѣлаетъ товянизмъ похожимъ отчасти на современный спиризмъ. Ученіе Товяньскаго изложено имъ въ небольшомъ сочиненіи «Бесѣда», которое написано очень тяжело, въ выраженіяхъ такихъ

темныхъ и неясныхъ, что только искреннее желаніе вѣрить можетъ дать ключъ къ его іероглифамъ. Какъ человѣкъ, совершенно несклонный къ дѣятельности, Товяньскій ограничился тѣмъ, что организовалъ изъ товянистовъ «святую роту», во главѣ которой поставилъ Мицкевича, въ качествѣ «вождя слова» (впослѣдствіи онъ присоединилъ къ нему полковника Ружицкаго, какъ «вождя земли»), а самъ удалился, предоставивъ ему дальше вести дѣло. Въ результатѣ настоящимъ, дѣятельнымъ главой товянизма былъ не Товяньскій, а Мицкевичъ, старавшійся придать темнымъ намекамъ учителя смыслъ и, болѣе или менѣе, разумное основаніе, какъ это можно видѣть изъ его лекцій о славянской литературѣ, въ которыя онъ внесъ пропаганду товянизма.

Лекціи Мицкевича отъ 1841 г. по 1844 г. (часть ихъ издана подъ особымъ заглавіемъ: «L'église officielle et le Messianisme) представляютъ одно изъ самыхъ любопытныхъ явленій нашего переходнаго времени. Въ этихъ лекціяхъ мощный умъ Мицкевича, въ поискахъ истины попавшій въ тенета мистицизма, рвался изъ нихъ, бросая глубокія мысли, пророческія предсказанія, и падалъ иногда въ безсиліи, теряя прямую дорогу, но всегда оставался возвышеннымъ и трогательно правдивымъ. Даже не соглашаясь съ Мицкевичемъ, нельзя не удивляться его рѣдкому краснорѣчію и высокому напряженію чувства. Подвергая въ своихъ лекціяхъ критикѣ раціонализмъ, смѣнившій, по его мнѣнію, христіанство, Мицкевичъ доказывалъ, что христіанская традиція, въ смыслѣ высокаго настроенія духа, прервалась, что христіанская идея осталась не реализированной. И вотъ міръ снова оживаетъ, чтобы религія, высшая правда объединила всѣ проявленія человѣческой жизни— религіозныя, общественныя и политическія. «Міръ жаждетъ, чтобы пролился на насъ новый свѣтъ, который объяснилъ бы намъ наши отношенія къ Богу и ко всякому созданію, который научилъ бы насъ связи, соединяющей человѣка съ Богомъ и природой». Дѣло идетъ не о томъ, чтобы измѣнить основы христіанства, которое представляетъ высшую истину, но чтобы реализировать его и ввести въ практику жизни. Новаго религіознаго міросозерцанія, какъ доказывалъ Мицкевичъ, нужно ожидать со стороны славянства, гдѣ лучше сохранилось въ простомъ народѣ сознаніе правды, чувство религіоезное, воздѣйствующее и на образованные классы. Эта новая религіозная идея не можетъ быть принадлежностью одного народа, но должна быть общей для всѣхъ европейскихъ народовъ.

Въ сущности, общественные взгляды Мицкевича, выразившіеся въ его лекціяхъ, были лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ высказалъ въ «Книгахъ польскаго народа и польскаго пилигримства». Еще до принятія товянизма, Западной Европѣ, вѣрнѣе, западно-европейской цивилизація онъ противопоставлялъ Польшу, затѣмъ всѣхъ славянъ, а теперь пошелъ еще дальше «въ глубь», вмѣстѣ съ Высоцкимъ своихъ «Поминокъ». Онъ сталъ искать

основъ правды среди тѣхъ классовъ, которые остались чужды цивилизаціи, которые занимаются обработкой земли, единственнымъ трудомъ, благословляемымъ (по его выраженію) небомъ. На западѣ Европы, напр. во Франціи, народъ, хотя до сихъ поръ сохранилъ свои особенности по отношенію къ высшимъ классамъ, среди него морально кочующимъ (какъ выражается Мицкевичъ), но, даже негодуя на жизнь этихъ классовъ, признаетъ ихъ превосходство и завидуетъ имъ. Славянское племя «только по внѣшности подчиняется высшимъ классамъ», въ сущности же смотритъ на жизнь ихъ «съ искреннимъ отвращеніемъ, состраданіемъ и съ сознаніемъ своего внутренняго превосходства». По мнѣнію Мицкевича, оно право, потому что скорѣе высшіе классы склоняются къ варварству, чѣмъ народъ, крестьянство, которое называютъ темнымъ, непросвѣщеннымъ, но которое находится въ лучшихъ условіяхъ для принятія правды, чѣмъ классы образованные. Жизнь его не отклонилась такъ отъ правды, какъ жизнь классовъ просвѣщенныхъ, и у простого славянскаго крестьянина можно учиться трудной наукѣ исполнять свою обязанность, исполнять долгъ, т. е. «тому главному, чему не учитъ насъ наша цивилизація». Между прочимъ, разсматривая формы собственности на западѣ Европы и среди славянъ, Мицкевичъ чуть-ли не первый указалъ на славянскую общину, противопоставивъ ее западно-европейскому понятію о собственности, которое, по его мнѣнію, создано раціонализмомъ. Славяне сохранили ту собственность общую, не индивидуальную, которая, въ той или другой формѣ, существовала прежде всюду, но среди цивилизованныхъ народовъ почти уже исчезла. Исчезаетъ община и среди славянъ, но она еще настолько сохранилась, что можетъ служить основой для соціальныхъ преобразованій въ духѣ правды.

Неизвѣстно, на сколько эти взгляды Мицкевича соглашались со взглядами Товяньскаго, но, вѣроятно, они были имъ одобрены, иначе бы онъ протестовалъ противъ оглашенія ихъ въ цѣляхъ пропаганды его ученія. Можно думать, что въ данномъ случаѣ онъ пошелъ за развитіемъ мысли Мицкевича, отъ котораго, повидимому, заимствовалъ и первыя основы своего ученія (даже мистическая сторона его ученія взята отчасти изъ III части «Поминокъ», гдѣ, впрочемъ, она имѣла лишь символическое значеніе). Если онъ имѣлъ вліяніе на Мицкевича, то, повидимому, такое же, какъ Сютаевъ на Л. Н. Толстого, хотя полной аналогіи здѣсь быть не можетъ, такъ какъ къ сектѣ Сютаева Л. Н. Толстой никогда не принадлежалъ. Но аналогія, даже прямо сходство между ученіемъ Мицкевича и Л. Н. Толстого несомнѣнно есть, если исключить тотъ туманъ мистицизма, который окутываетъ взгляды перваго. Оба они страстно желали реализаціи христіанства, оба отнеслись отрицательно къ современной цивилизаціи, къ современной наукѣ, оба стремились къ нравственному перерожденію человѣчества и оба стали въ разрѣзъ со всѣмъ развитіемъ современной мысли. Когда Мицкевичъ

разбираетъ въ своихъ лекціяхъ системы нѣмецкой философіи, вамъ приходитъ на память критика «научной науки» въ статьяхъ Л. Н. Толстого, а когда онъ противопоставляетъ низшіе классы высшимъ, вы вспоминаете «Плоды просвѣщенія» и разныя народническія статьи русскаго писателя. У Мицкевича, наконецъ, такъ же, какъ и у Л. Н. Толстого отвращеніе къ опредѣленнымъ государственнымъ формамъ. Онъ хвалитъ политическія формы Рѣчи Посполитой за то, что онѣ все оставляли доброй волѣ человѣка, даже уплату податей.

Въ чемъ товянизмъ рѣзко расходится съ толстоизмомъ, такъ это по вопросу о непротивленіи злу насиліемъ. Повидимому, былъ моментъ, когда товянизмъ едва не сталъ на ту же точку зрѣнія, какъ Л. Н. Толстой, а именно, когда Товяньскій посылалъ письмо къ императору Николаю I, а Мицкевичъ его одобрилъ, признавъ старыя средства борьбы непригодными. Но вопросъ этотъ вызвалъ въ товянизмѣ расколъ, самъ Мицкевичъ впослѣдствіи отъ своего мнѣнія отказался и, повидимому, заставилъ и Товяньскаго согласиться съ собой и признать борьбу для водворенія правды на землѣ однимъ изъ условій товянистской нравственности. Когда насталъ памятный 1848 годъ, Мицкевичъ сформировалъ польскій легіонъ въ Италіи для борьбы съ Австріей и принималъ дѣятельное участіе во французскомъ движеніи, издавая газету «Tribune des peuples», въ которой пропагандировалъ войну для освобожденія народовъ, возставая противъ народнаго обособленія и эгоизма. Въ этой газетѣ онъ являлся крайнимъ демократомъ, сочувствующимъ всѣмъ освободительнымъ европейскимъ движеніямъ, но желавшимъ придать имъ религіозную форму. Поэтъ-аристократъ Сигизмундъ Красиньскій не безъ нѣкотораго основанія, поэтому, называлъ товянизмъ «красной республикой, одѣтой въ мистическіе цвѣта».

Товянизмъ не нашелъ много послѣдователей среди эмиграціи и, кажется, число ихъ никогда не превосходило нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, хотя, при своемъ появленіи, онъ привлекъ такія силы, что Мицкевичъ считалъ эмиграцію «уже соединенной». Къ товянизму, благодаря тому уваженію, какимъ пользовался Мицкевичъ, присоединились такіе извѣстные люди, какъ поэты Гощиньскій, Гурецкій, оріенталистъ Ходько, позднѣе поэтъ Словацкій, полковникъ Ружицкій и друг. Но не всѣ они остались товянистами, когда прошло первое увлеченіе, а какого-либо успѣха въ массѣ эмиграціи товянизмъ и совсѣмъ не имѣлъ. Напротивъ, провозглашеніе Мицкевичемъ товянизма дало поводъ къ жестокимъ нападкамъ на поэта и къ нѣкоторому паденію его популярности. «Князь Чарторыйскій— писалъ Мицкевичъ—считаетъ насъ сумасшедшими, демократы— московской партіей, военные—похитителями ихъ ранговъ (у товянистовъ было нѣчто въ родѣ военной организаціи). Въ церкви св Роха ксендзы говорятъ противъ насъ проповѣди, какъ противъ ереетиковъ, и люди, никогда не ходившіе въ церковь, приходятъ сл

молитвенниками, чтобы сдѣлать противъ насъ манифестацію... Всѣ прежнія связи рвутся и удивительно путаются». Самыми горячими противниками Мицкевича явились прежніе его друзья и ученики, теперь монахи «ордена воскресенцевъ». Не мало было и печатныхъ нападокъ на Мицкевича, а нѣкто Голэмбіовскій, въ книгѣ: «Изобличенный Мицкевичъ и товянизмъ», старался набросить тѣнь даже на все его прошлое. Голэмбіовскій доказывалъ, что самолюбіе и гордость были единственными стимулами его дѣятельности, что въ его произведеніяхъ кроется мысль безчестная, самолюбивая и противонародная, и что онъ шпіонъ, старающійся скомпрометтировать націю и исказить ея умственное развитіе. Мицкевичу такимъ образомъ пришлось играть роль пророка, побиваемаго камнями.

Не все при этомъ шло хорошо для Мицкевича и въ самомъ товянизмѣ. Трудно ему было уложить свой мощный умъ въ узкія рамки секты, отказаться отъ свободной мысли, повиноваться чужой волѣ, чего требовалъ отъ него Товяньскій. «Я больше падаю, чѣмъ возношусь,—писалъ Мицкевичъ учителю, — ты далъ мнѣ стонъ ко Господу, но не далъ силы». Товяньскій старался побороть самостоятельность своего ученика, повидимому, даже чувствовалъ къ нему нерасположеніе, какъ къ интеллигенціи высшей, и не-разъ выражалъ недовольство, говоря, что Мицкевичъ «любитъ смерть» и что онъ «исказилъ волю Божью». Мицкевичъ покорно переносилъ упреки Товяньскаго, но въ одномъ письмѣ, по истинѣ трагическомъ, которое показываетъ, что изъ-за мистическихъ ширмъ онъ въ состояніи былъ постигать истинный характеръ учителя, онъ высказалъ ему рядъ горькихъ истинъ. «Такъ какъ Богъ не далъ намъ милости,—писалъ Мицкевичъ,—чтобы самый духъ нашъ, наша наружность вызывала ближнихъ къ сосредоточенію, къ подъему духа, къ почитанію насъ, мы стремились этотъ недостатокъ замѣнить угрозами, крикомъ; а кого не могли испугать, того объявляли преступникомъ и бунтовщикомъ. Потому что всякій, кто когда-нибудь и въ чемъ нибудь не согласился съ нами, вѣрнѣе, не сдѣлался нашимъ эхомъ, былъ объявляемъ бунтовщикомъ... Мы видѣли примѣры, что грѣхи брата, повѣренные тайно другому брату, были оглашаемы безъ согласія кающагося—примѣръ новый въ исторіи преступленія. Послѣ всего этого трудно намъ воротиться къ тому довѣрію, къ той искренности, съ которой мы нѣкогда сошлись, а безъ этого нѣтъ увлеченія, не можетъ быть дѣятельности». Послѣ такого рѣзкаго письма, адресованнаго самому «мужу эпохи Слова», отношенія между Мицкевичемъ и Товяньскимъ сдѣлались не столь тѣсными, какъ прежде, а иногда и совсѣмъ прерывались. Напримѣръ, послѣ 1848 года Товяньскій пересталъ отвѣчать на письма Мицкевича, и они не переписывались года три; но Мицкевичъ (хотя самъ человѣкъ бѣдный) продолжалъ посылать денежныя вспомоществованія женѣ Товяньскаго, а когда корреспонденція снова возобновилась, спраши-

валъ у него совѣтовъ и относился къ нему съ уваженіемъ и заботливостью. Великое сердце его не помнило обидъ *).

Послѣдніе годы жизни Мицкевичъ провелъ въ уединеніи, среди своей семьи и немногихъ преданныхъ товянистовъ, какъ бы оставленный всѣми и забытый. Его поэтическія произведенія продолжали пользоваться славой, но то, что было наиболѣе дорого для него въ жизни, его исканіе правды прошло почти незамѣченнымъ. Жизнь шла впередъ своимъ путемъ, словно мимо него; потому онъ даже не любилъ говорить объ общественной жизни, считая ее ложно направленной. Благодаря своему направленію мысли, онъ какъ бы совершенно выдѣлился изъ современной цивилизаціи, отрѣшился отъ ея внѣшности и представлялъ фигуру въ высшей степени оригинальную особенно въ Парижѣ (гдѣ онъ жилъ), этомъ фокусѣ современной цивилизаціи. Поэтъ Ленартовичъ, видѣвшій его въ это время, отмѣчаетъ, что тонъ разговора Мицкевича невольно переносилъ слушателя на палестинскіе берега и въ пустыню, которую проходилъ избранный народъ. «Онъ былъ похожъ на восточнаго, полнаго величія мужа, господина палатокъ, короля, лишеннаго своего царства въ безконечной пустынѣ». Впечатлѣніе еще усиливалось окружавшими его товянистами, похожими на монаховъ, проведшихъ бурную и бранную молодость, которые всѣ относились къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, какъ къ учителю и пророку.

Если Мицкевичъ уединился и успокоился по внѣшности, то это происходило отнюдь не отъ того, чтобы онъ отказался отъ осуществленія стремленій всей своей жизни. Когда началась въ 1854 году крымская кампанія, онъ оживился, сталъ снова мечтать о возрожденіи отечества и отправился въ Турцію, гдѣ формировался польскій легіонъ. 26 ноября (нов. ст.) 1855 года Мицкевича не стало—онъ внезапно скончался въ Бургасѣ отъ холеры, скончался скитальцемъ, какъ и жилъ. И хотя много было у Мицкевича противниковъ при его жизни, смерть его произвела въ польскомъ обществѣ глубокое впечатлѣніе, всѣ живо почувствовали, какъ велика утрата. Ксендзъ Прусиновскій въ Познани выразилъ это чувство въ своей проповѣди, въ которой назвалъ Мицкевича «королемъ мысли и слова, княземъ сердца и пѣсни», говоря, что польскій народъ «по утратѣ всяческаго величія, еще этою душою былъ великъ». Мы же прибавимъ, что, каковы бы ни были ошибки Мицкевича, истина заключалась въ томъ чувствѣ, которое одушевляло его, въ томъ исканіи истины, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь.

---

*) Отношенія Мицкевича къ Товяньскому, какъ намъ кажется, напоминали отношенія полковника къ Ѳомѣ Ѳомичу Опискину въ повѣсти Достоевскаго: «Село Степанчиково и его обитатели». Правда, Мицкевичъ былъ человѣкъ геніальный, а полковникъ ограниченный, но у Мицкевича было такое же доброе и великодушное сердце.

Нашъ очеркъ дѣятельности Мицкевича оконченъ, но мы чувствуемъ, какъ многое въ немъ осталось невыясненнымъ, только чуть-чуть намѣченнымъ. Во всякомъ случаѣ, мы будемъ довольны тѣмъ уже, если читатели получатъ изъ него хоть общее представленіе о грандіозномъ развитіи польскаго поэта, этого пророка, какъ его называютъ въ польской литературѣ. Нельзя не согласиться съ однимъ польскимъ писателемъ (хотя онъ принадлежалъ къ числу близкихъ знакомыхъ и учениковъ Мицкевича, раздѣлявшихъ всѣ его взгляды), который говоритъ, что Мицкевичъ въ исторіи всеобщей литературы долженъ быть причисленъ къ самымъ оригинальнымъ и великимъ явленіямъ, какъ геній, тѣсно связанный съ задачами своей эпохи. Въ поясненіе слѣдуетъ прибавить, что эпоху въ данномъ случаѣ не нужно понимать въ тѣсномъ смыслѣ жизни одного поколѣнія, потому что тѣ вопросы, которые занимали Мицкевича, не утратили значенія и до сихъ поръ: если отбросить форму, болѣе или менѣе уже устарѣвшую, то произведенія его какъ будто написаны въ наши дни. Замѣтимъ, что мы говоримъ здѣсь не о поэтическихъ произведеніяхъ польскаго писателя, потому что они, быть можетъ, и никогда не состарятся, но о его философскихъ и общественныхъ взглядахъ, которые, напр., повторились теперь частію въ ученіи Л. Н. Толстого. Одно уже это свидѣтельствуетъ о широкомъ захватѣ мысли Мицкевича, который, начавъ съ разрушенія псевдо-классицизма, дошелъ до разрѣшенія (правильнаго или нѣтъ—другой вопросъ) тѣхъ задачъ, которыя живо занимаютъ и теперешнее поколѣніе.

Какъ писатель, тѣсно связанный съ жизнью всего нашего столѣтія, болѣвшій его болями, озабоченный его затрудненіями, раздѣлявшій его подвиги и его ошибки, Мицкевичъ, въ томъ или другомъ отношеніи, сходится со многими изъ европейскихъ писателей XIX вѣка, но больше всего онъ сходится съ писателями славянскими, представляя въ этомъ смыслѣ явленіе типическое. Выдающіяся черты его нравственнаго развитія повторились, въ той или иной формѣ, въ польской литературѣ — въ Красиньскомъ, Словацкомъ и Гощиньскомъ, а въ русской—въ Гоголѣ, Достоевскомъ и Толстомъ. Въ его произведеніяхъ можно также найти основы того, что, напр., развилось въ Россіи въ цѣлыя общественныя направленія, каковы славянофильство и народничество. Мицкевичъ какъ будто одинъ прошелъ тотъ процессъ, который совершился въ русскомъ обществѣ въ рядѣ поколѣній и завершился крайнимъ пунктомъ этого движе- мысли—въ ученіи Л. Н. Толстого. Замѣтимъ, что указываемыя правленія были, болѣе или менѣе, въ родствѣ между собою, какъ текающія изъ извѣстнаго настроенія славянской мысли, и Мицкевичъ тоже пережилъ это настроеніе, причемъ различные оттѣнки связывались въ его развитіи, какъ и въ жизни общества. Замѣчательно, что это настроеніе, въ разныхъ его формахъ, ярче выражалось въ русской литературѣ, чѣмъ въ польской, хотя Мицкевичъ

(самый яркій, самый типическій его представитель) считалъ Россію страной наименѣе славянской.

Намъ кажется, что указываемое явленіе (а именно, что Мицкевичъ можетъ быть названъ типическимъ представителемъ многихъ явленій не только польской, но и русской литературы) заслуживаетъ вниманія большаго, чѣмъ какое удѣлялось ему до сихъ поръ,—съ точки зрѣнія общественной психологіи. Чтобы заинтересоваться имъ, не нужно быть славянофиломъ, приписывающимъ славянскому племени значеніе провиденціальное, но достаточно думать, что всякій народъ, стоящій въ тѣхъ или другихъ условіяхъ, вырабатываетъ и свой характеръ, который обязательно выражается и въ его литературѣ. Опять-таки, то, что выразилось въ этой литературѣ, не всегда безусловно хорошо, и изъ того, что Мицкевичъ и Л. Н. Толстой сходятся въ отрицаніи европейской цивилизаціи, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы отрицаніе это было правильно. Его можно назвать лишь типическимъ, какъ было въ своемъ родѣ типическимъ и отрицаніе Чаадаева, направленное совершенно въ другую сторону. Какъ таковыя, и то, и другое отрицанія заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія и изученія, и ознакомленіе съ произведеніями Мицкевича (особенно съ его лекціями) въ данномъ случаѣ очень интересно и важно, тѣмъ болѣе интересно и важно, что оно уясняетъ (отрицательнымъ путемъ) значеніе и того отрицанія, представителемъ котораго былъ Чаадаевъ.

Мицкевичъ несомнѣнно обладалъ геніемъ феноменальнымъ, притомъ одновременно съ нимъ писали такіе блестящіе поэты, какъ Красиньскій и Словацкій, и тѣмъ поразительнѣе, что польская литература послѣ его смерти не развилась такъ многообразно, какъ русская послѣ смерти Пушкина, что онъ не оставилъ такихъ талантливыхъ наслѣдниковъ, какъ русскій поэтъ. Достойно также вниманія, что почти до 70-хъ годовъ польская литература упорно оставалась романтической, не смотря на «Пана Тадеуша», который, по словамъ польскихъ критиковъ, положилъ основы реальнаго направленія въ польской литературѣ. Конечно, все это объясняется, до извѣстной степени, условіями политическими, но также и тѣмъ, что Мицкевичъ, какъ и его талантливые сотоварищи, при своемъ отрицательномъ отношеніи къ цивилизаціи вообще, былъ чуждъ отрицательнаго отношенія къ ближайшей дѣйствительности, къ реальнымъ условіямъ жизни своего общества, того отношенія, которое въ русской литературѣ, въ крайней своей формѣ, проявилось въ отрицаніи Чаадаева. Такого отрицательнаго отношенія къ жизни своего общества не былъ чуждъ Пушкинъ, а яркое выраженіе оі получило въ произведеніяхъ Гоголя и несомнѣнно благотворно о разилось на развитіи русской литературы.

Мицкевичу, при всей высотѣ его настроенія, не доставало тре ваго, критическаго взгляда на жизнь и, какъ мы видѣли выше, оі относился даже пренебрежительно къ разуму, этому источнику ске

тическаго настроенія. Характерна въ этомъ смыслѣ разница между его III частью «Поминокъ» и «Фаустомъ» Гете, тѣмъ болѣе, что по внѣшности эти произведенія очень похожи одно на другое. Въ то время, какъ произведеніе Мицкевича указываетъ на значеніе въ жизни человѣчества чувства и вѣры, Гете рисуетъ въ своемъ произведеніи значеніе того духа скептическаго отрицанія и сомнѣнія, къ которому польскій поэтъ относился непріязненно. Мефистофель, это воплощеніе скептическаго отрицанія, стремится ко злу, къ разрушенію, но, въ концѣ концовъ, достигаетъ лишь добра, не давая уснуть человѣческой мысли.

Польскій поэтъ, какъ ни былъ обширенъ умъ его, представляется не столько мыслителемъ, сколько пророкомъ, и даже его глубокіе отрицательные взгляды имѣли источникомъ не скептическое настроніе, а высокій подъемъ чувства и вдохновенія. Недостатокъ скептицизма въ его натурѣ, по нашему мнѣнію, вредно отразился какъ на немъ лично, на развитіи его взглядовъ, придавъ имъ мистическую форму, такъ отчасти и на дальнѣйшемъ развитіи польской литературы вообще.

А. Уманьскій.

НА КРАЮ ЛѢСОВЪ.

Повѣсть Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко).

(*Переводъ автора*).

IV.

Точно нѣжный отголосокъ яснаго, теплаго дня, умиралъ прозрачный вечеръ. Ночь обѣщала быть холодной, а завтрашній день такимъ же яснымъ и теплымъ, какъ и минувшій. По огромной снѣговой равнинѣ, которая дымилась уже морозной мглою, двигался небольшой караванъ людей. Они вытянулись гуськомъ и шли такъ близко другъ за другомъ, что шедшіе впереди на лыжахъ охотники, чтобы не задѣть переднихъ, принуждены были двигаться въ разъ, какъ солдаты, и въ разъ упираться въ землю своими длинными луками, которые были снабжены на концахъ небольшими дисками, не позволявшими уходить дереву глубоко въ снѣгъ. Все это придавало движеніямъ крошечнаго отряда особенную стройность и прелесть. Всѣ охотники одѣты были одинаково въ легкія темныя, мѣховыя куклянки и такія же шлемовидныя шапки съ наушниками. У всѣхъ были на плечахъ ошейники изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на ногахъ длинные, камусовые тунгускіе «торбаса», туго подтянутые ремнями у пояса и подвязанные у колѣнъ. Такая обувь удивительно удобна на ходьбѣ: ногѣ въ ней—легко, тепло, привольно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется устойчивость.

Всѣ охотники были подпоясаны, у каждаго—былъ съ лѣвой стороны ножъ въ чехлѣ, а за спиной—небольшой колчанъ со стрѣлами; у всѣхъ на глазахъ волосяныя очки въ видѣ прозрачной, вздутой сѣтки.

Все вышло такъ, какъ мечталъ раньше Нерпа. Къ вящему его восхищенію, въ числѣ охотниковъ былъ и онъ—

именно тотъ третій въ ряду, движенія котораго, черезчуръ торжественныя и дѣланныя, обнаруживали новичка. Отрядъ велъ Джянга, признанный знатокъ и предводитель всѣхъ подобнаго рода предпріятій. За Джянгой шелъ Уйбанчикъ, дальше Нерпа, а въ хвостѣ отряда ѣхалъ Нюстеръ на небольшой легкой нартѣ, запряженной шестью мохнатыми собаками. Собаки бѣжали весело, съ перевальцемъ, задравъ кверху острыя морды и высоко поднявъ свернутые въ трубочку лисьи хвосты. Онѣ, какъ и люди, двигались дружно, забавно постукивая о твердый «настъ» лапками, обутыми, въ избѣжаніе подбоя, въ маленькіе кожаные башмачки.

Люди шли молча и все глядѣли впередъ, туда, гдѣ на краю горизонта виднѣлась болѣе темная линія лѣса; это былъ противоположный берегъ озера, по которому они шли.

Охотники не думали начинать сегодня промысла и только искали удобнаго мѣста для ночлега.

Сумерки уже порядочно сгустились, туманъ окуталъ окрестности, и сонмы звѣздъ дружно загорѣлись въ небесахъ, когда, наконецъ, караванъ нашелъ подходящій, занесенный снѣгомъ откосъ холма и остановился. Снявши лыжи, люди быстро вырыли ими въ сугробѣ яму, выровняли дно, убили бока, поправили кругомъ насыпь изъ снѣга, и яма стала похожа на опрятный, выложенный мраморомъ бассейнъ. Нерпа и Нюстеръ сейчасъ же ушли собирать молодыя вѣтки лиственницы на подстилку. Уйбанчикъ рубилъ по близости высохшее дерево, а Джянга, важно сидя но карточкахъ по серединѣ ямы, строгалъ сухую, принесенную изъ дому, лучину тонкими нитевидными стружками. Когда принесли дровъ и сложили костеръ, онъ ловко добылъ кресаломъ огня и мгновенно нѣсколькими сильными взмахами руки раздулъ въ яркое пламя трутъ, тлѣвшій въ приготовленномъ имъ древесномъ пуху. Красный отблескъ фантастически озарилъ бѣлую внутренность ямы и черные силуэты стоявшихъ въ ней людей. Вверху на краю лежали собаки и, уткнувъ морды въ протянутыя лапы, внимательно слѣдили за движеніями своихъ господъ. Тѣ развязали принесенные изъ нарты тюки, надѣли на палку наполненные снѣгомъ котелъ и чайникъ, разостлали постели и, покончивъ работу, усѣлись на медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ огня.

— Что то дастъ Богъ завтра?—безпокойно повторялъ Нерпа, поглядывая на далекое звѣздное небо.

— Что будетъ, то будетъ... Нечего загадывать!

— Говорятъ, народъ Менге добываетъ...

— Ну, и пускай добываетъ... И мы добудемъ!

— Сказать правду: стосковался я по мясу, давно его не пробовалъ!..

— Будто ужъ такъ: поймалъ и сейчасъ же съѣлъ... Подожди!

— Да и не вкусно теперь мясо *дикаго*... Это не то, что домашній... *Дикій*, чѣмъ питается, тѣмъ и отдаетъ. Осенью мясо его жирное, пахучее; за лѣто все онъ больше кормится травами да молодыми побѣгами, вотъ и тѣло его—цвѣтущій лѣсъ, топленое масло. Да и охота тогда, ой охота!..—началъ тихо и медленно съ пріемами опытнаго разсказчика Джянга.

— Разскажи, разскажи, Джянга!—закричали молодые охотники.

— Да, любопытно бываетъ, а только не всегда, какъ думаешь... Разъ, помню, случилось, что нѣкоторые чуть не погибли. Пошли мы это артелью, какъ и теперь, на озера, на западъ... Я, Казакъ, да Длинный, сынъ Филиппа. Пошли и пришли. Казакъ остался стеречь вещи, лошадь, да пищу варить, а мы съ Длиннымъ—сторожить. Длинный засѣлъ въ кустахъ на берегу, а я—на вѣткѣ *) въ осокѣ. Ночь хорошая: темная, облачная, руки протянутой не замѣтишь... Тихо, ничего не шелохнется, всякій всплескъ, всякій шорохъ по водѣ слышно. Въ такую ночь олени охотно ходятъ ѣсть водоросли. Залѣзутъ въ воду, жерують, купаются. Мѣсто, гдѣ мы стали, тоже извѣстное, самое ихъ кормовище. Я ждалъ, ждалъ: ничего не слышно. Хотѣлъ ужъ уходить, вдругъ трескъ: идетъ звѣрь! И такой дюжій, сопитъ, ломаетъ. Не олень, думаю, а самъ сохатый. Подошелъ къ берегу, но въ воду не идетъ, а стоитъ у берега и пьетъ. И пьетъ-то будто не *дикій*, и рога-то у него будто не рога, а сосѣдній кустъ. Гляжу, высматриваю, медленно подплывая. Поднялъ копье—эхъ, была не была!.. Вдругъ, какъ засопитъ, зазѣваетъ... Узналъ я, кто онъ, и сердце у меня прыгнуло въ ротъ. Стою, не шелохнусь. А «онъ» позѣвалъ, пофыркалъ, лапою почесался, воды еще полакалъ, да и ушелъ... Только затрещало въ лѣсу... «Чего же ты не билъ?»—выскочилъ Длинный.—Молчи... Кокъ! **). «Кокъ»—повторилъ онъ, и только я его и видѣлъ: убѣжалъ въ станъ. А я остался и оленя еще въ эту ночь промыслилъ. Чего буду бояться: отъ него все равно, если онъ тебя намѣтитъ, не уйдешь: всюду найдетъ. Не тронулъ, значитъ, время его еще не пришло...

— А Длинный?—перервалъ Нерпа.

— А Длиннаго, вѣрно, медвѣдь съѣлъ...—пояснилъ серьезно Нюстеръ.

— Какъ съѣлъ?.. Онъ теперь живой ходитъ.

— А Длинный вмѣстѣ съ Казакомъ натерпѣлись въ ту ночь, ухъ, ухъ! — продолжалъ, улыбаясь, Джянга. — Кокъ, вѣдь, прямо къ нимъ пошелъ, коня хотѣлъ взять. Всю ночь огонь жгли, а онъ ходилъ кругомъ, все пугалъ, все стращалъ

---

*) Вѣтка—лодочка.

**) Одно изъ прозвищъ медвѣдя у сѣверныхъ якутовъ.

до самой зари. У Длиннаго животъ заболѣлъ, у Казака борода на цѣлый вершокъ выросла...

— Ха, ха, ха!.. Бѣдняга!.. Ну?

— Ну что жъ... По утру пришелъ я съ винтовкой...

Тутъ Джянга оборвалъ и принялся набивать трубку. Слушатели поняли, что онъ не хочетъ разсказывать о своей побѣдѣ: звѣрь, можетъ быть, гдѣ-нибудь по близости спитъ и слышетъ въ берлогѣ.

— Ну и гонять *дикаго* тоже недурно. Если выдастся день, добыть можно много...—началъ снова послѣ нѣкотораго перерыва Джянга,—а только звѣрь не тотъ: тощій, вымученный.

— Далъ бы Богъ хоть тощаго,—вздохнулъ Уйбанчикъ.

— Зачѣмъ такъ?! Не хорошо тоже такъ говорить!—оборвалъ брата Джянга и въ знакъ того, что считаетъ разговоръ оконченнымъ, досталъ изъ сумы глыбу мерзлаго хаяку *) и сталъ колоть его на мелкіе куски. Остальные принялись разставлять посуду и готовиться къ ужину.

Хотя усталые и голодные, но охотники ѣли и пили очень умѣренно, во первыхъ, потому, что ничего еще *не упромыслили*, а домъ былъ далеко и провизіи мало, а во вторыхъ потому, что вообще передъ такой охотой обычай запрещаетъ много ѣсть.

— Ты, Нерпа, не пей больно чаю. Смотри, завтра не выбѣжишь. Отъ воды человѣкъ дѣлается сырой, тяжелѣетъ, подъ сердце закатываетъ—побѣжишь и весь вспухнешь,—совѣтовалъ неугомонному мальчику Уйбанчикъ, укладываясь спать рядомъ съ братомъ. Тотъ уже раздѣтый, совсѣмъ нагой, сидѣлъ на мѣховой постели неподвижно, точно бронзовая статуя, и задумчиво глядѣлъ въ пламя. Нерпа неохотно послушался совѣта и отставилъ чайникъ. Они оба съ Нюстеромъ, какъ самые младшіе и неопытные, должны были бодрствовать, чтобы сварить въ освободившейся посудѣ пищу для собакъ. Крошечный, но полный движенія и говора, станъ скоро затихъ. Огонь слабѣлъ, не поддерживаемый больше топливомъ, за которымъ мальчикамъ не хотѣлось ходить въ лѣсъ; спящіе, закрывшись съ головой заячьими одѣялами, заглушали даже свое дыханіе; только по временамъ въ котелкѣ лепетала и бурлила вода. Мальчики, сидя рядомъ на корточкахъ у костра, все тревожнѣе и внимательнѣе вслушивались въ безмолвіе пустыни, окружавшей ихъ сплошнымъ, широкимъ кольцомъ.

— Нерпа, а Нерпа! Чтобы ты сдѣлалъ,—зашепталъ неожиданно Нюстеръ,—если бы вдругъ появился «онъ»?

— Кто?

---

*) Хаякъ — кислое, не выпахтанное и въ такомъ видѣ замороженное масло.

— «Онъ»... Человѣкъ безъ лица... Нерпа вдругъ съ ужасомъ поднялъ глаза на край ямы, гдѣ, между деревьевъ, въ мерцающемъ свѣтѣ огня, то появлялись, то исчезали какія-то бѣлыя привидѣнія. Въ тотъ же мигъ одна изъ собакъ, привязанныхъ у саней, залаяла отрывисто и возбужденно.

— Джанга... Уйбанчикъ!.. Уйбанчикъ! — закричали мальчики, расталкивая спящихъ.

— Что? Что такое? Что случилось?!.

— Собака лаетъ!

— Тьфу!.. Пусть лаетъ! — выругался охотникъ, но всталъ и, набросивъ на обнаженныя плечи свитку, приблизился къ краю ямы. Снѣговая насыпь отъ собственной тяжести и тепла сильно осѣла кругомъ, и теперь свободно можно было оглядѣть сумрачную, затуманенную даль лѣса. Собака перестала лаять и, усѣвшись на заднія лапы, уставила морду съ настороженными ушами въ ту же сторону. Оттуда не долетало, однако, ни звука, ни шороха. Остальныя собаки даже не пошевелились и, засыпанныя инеемъ, спокойно спали, свернувшись въ клубокъ.

— Волкъ, должно быть, или лисица,—проворчалъ, зѣвая, Джянга и поспѣшно возвратился въ теплую постель.

Мальчики, обнявшись, долго стояли съ устремленными въ даль глазами и все вслушивались, все высматривались; ихъ до нельзя возбужденныя чувства жаждали соотвѣтствующихъ звуковъ и формъ, но кругомъ было мертво, и они только ближе прижимались другъ къ другу.

— Видишь, вотъ эти три звѣзды на небѣ? — заговорилъ, наконецъ, Нерпа.—Эта, первая впереди, самая большая, это, говорятъ, сохатый... а двѣ поменьше, сзади нея—это два брата тунгуса, а четвертая, около нихъ, самая маленькая, сказываютъ, собака... Они давно, очень давно, пошли, какъ мы, на охоту и больше не возвращались... А видишь эту звѣздную полосу, что бѣжитъ серединой неба? Это дорога, по которой ходилъ Богъ, когда строилъ міръ...

Долго такъ стояли подростки, обмѣниваясь мыслями и вспоминая старинныя преданія и вѣрованія родины.

Утромъ, чуть свѣтъ, охотники тронулись въ путь. Велъ ихъ опять, какъ вчера, Джянга, ловко минуя препятствія и запрещая касаться сучьевъ и вѣтокъ, которые отъ мороза лопались съ сухимъ, гулкимъ трескомъ.

За предводителемъ, подражая ему во всемъ, шли остальные, одѣтые и вооруженные, какъ вчера. Обильный иней за ночь нависъ серебристыми гроздями на вѣтвяхъ деревьевъ, съ которыхъ весенніе вѣтры ужъ было стряхнули зимніе снѣга.

Прозрачная, слегка колышущаяся, утренняя мгла придавала очертаніямъ тайги смутный видъ облачныхъ туманныхъ картинъ.

Сѣрые тѣни ночи, по мѣрѣ того, какъ разгорался день, спускались все ниже и ниже, а верхушки тумана рдѣли, чуть подернутыя дальней зарей. Все яснѣе вырисовывались предметы, и темныя фигуры охотниковъ предательски обозначались на бѣломъ фонѣ. Сознавая это, послѣдніе двигались все медленнѣе и осторожнѣе, и все внимательнѣе поглядывали въ даль. Вдругъ Джянга остановился и нетерпѣливымъ жестомъ задержалъ товарищей. Тѣ замерли на мѣстѣ и устремили въ указанномъ направленіи загорѣвшіеся глаза. Въ началѣ не замѣчали ничего въ густой, невысокой чащи, затканной кристаллами инея и хлопьями снѣга. Джянга стоялъ сгорбившись, что-то высматривая. Прошло не мало времени. Уже Уйбанчикъ и Нерпа подумали, что онъ ошибся, и хотѣли къ нему приблизиться, какъ вдругъ вблизи раздался характерный вздохъ, затѣмъ закачалась, роняя снѣгъ, одна изъ вѣтокъ, и темное, чуть подернутое инеемъ, туловище оленя поднялось съ ночного логова.

Джянга методично, не перемѣняя позы, заложилъ руку за спину и досталъ изъ колчана стрѣлу. Но оленя, какъ онъ стоялъ, стрѣлять было невозможно и пришлось ждать, пока звѣрь не перемѣнитъ положенія и не появится въ одномъ изъ пролетовъ вѣтвей. Олень, не подозрѣвая опасности, разгребалъ копытами снѣгъ и съ возрастающимъ аппетитомъ добывалъ оттуда мохъ, траву и молодые побѣги. Вдругъ Нерпа, по неопытности, не выдержалъ и шевельнулся. Снѣгъ слегка заскрипѣлъ подъ надавленной лыжей. Звѣрь вздрогнулъ, поднялъ голову и насторожилъ уши; въ тотъ же мигъ взглядъ его огненныхъ глазъ встрѣтился съ не менѣе пламеннымъ взоромъ притаившихся за кустомъ людей. Объятое ужасомъ и изумленіемъ животное окаменѣло. Джянга съ быстротой молніи натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу прямо въ рогатый лобъ. Но раньше, чѣмъ стрѣла оставила тетиву, голова исчезла, и дротикъ, жалобно завизжавъ, пронизалъ пустой воздухъ.

— Трогай!.. Ай-да!

— Гдѣ, что, какъ?!. Что же теперь дѣлать?!.—ревѣлъ Нерпа, ломясь, очертя голову, сквозь кусты за бѣгущими товарищами. Тѣ, то бокомъ, то нагибаясь и присѣдая, миновали препятствія, кусты и деревья, и мчались стремглавъ по слѣду, который широкой, ухабистой лентой ложился по лѣсу. Оленя нигдѣ не было видно.

— Стрѣлы... подбирай стрѣлы! — кричали Нерпѣ издали Уйбанчикъ и Джянга.

Парень, однако, совсѣмъ ошалѣлъ и не разобралъ приказанія. Онъ только, во что бы то ни стало, хотѣлъ нагнать ихъ, рвался впередъ, не обращая вниманія на пни и сучья, которые поминутно попадали подъ ноги, рвали его платье и тѣло.

Паръ отъ его дыханія застилалъ ему глаза, потъ размягчилъ ремни и связки платья, грудь съ трудомъ подымалась, а сердце билось судорожно, быстро. Онъ бѣжалъ близкій къ потерѣ сознанія. Наконецъ, лыжа уткнулась въ одну изъ ямъ, выбитыхъ оленемъ, и Нерпа упалъ съ громкимъ плачемъ.

— Подождите! — кричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ. Но никто не откликался; только сзади все яснѣе раздавались восклицанія: «нохъ, нохъ, нохъ!», которыми Нюстеръ подгонялъ своихъ собакъ. Нерпа огорченъ былъ не на шутку: что, если онъ настигнетъ его здѣсь, лежащимъ въ снѣгу? то-то будетъ смѣху, объязательно разскажетъ всѣмъ...

Нерпа собралъ остатки хладнокровія, быстро распуталъ ремни, всталъ, вдѣлъ опять ногу въ петлю лыжи и помчался, уже болѣе внимательный къ препятствіямъ и направленію. Выбравшись на край озера, онъ увидѣлъ двѣ черныя точки, двигавшіяся по серединѣ, и устремился къ нимъ наперерѣзъ. Звѣря все не было видно. Охотники бѣжали по свѣжей тропѣ, а такъ какъ послѣдняя извивалась довольно прихотливо, то вскорѣ Нерпа потерялъ ихъ изъ виду и, чтобы окончательно не заблудиться въ лѣсу, принужденъ былъ тоже держаться тропы, проложенной оленемъ. Усталый, раздраженный, онъ брелъ уже совсѣмъ тихо, подумывая о томъ, что не дурно бы подождать Нюстера и присѣсть на сани, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою капли крови и стрѣлу, на-половину ушедшую въ снѣгъ. Это сразу возвратило ему бодрость; онъ подобралъ стрѣлу и пустился догонять товарищей, сокращая сколько возможно путь. Наконецъ, онъ опять увидалъ ихъ; братья уже настигали утомившагося звѣря. Все таки онъ не давался и, забросивъ рога на спину, высунувъ языкъ, бѣжалъ, тяжело выдергивая ноги изъ вязкого снѣга. Онъ уже не мчался безотчетно по прямой линіи, а явно старался описать кругъ, чтобы попасть на свои старые слѣды.

Охотники не допускали этого: звѣрь былъ бы потерянъ. На подмогу имъ наискось бѣжалъ Нерпа. Парень былъ уже недалеко и даже лукъ натягивалъ и возможно, что убилъ-бы оленя, еслибъ тотъ случайно не попалъ на болѣе плотный настъ и не исчезъ съ глазъ съ быстротою пули. Крикъ бѣшенства вырвался изъ груди Нерпы, но олень исчезъ, и только легкое облачко оставленнаго имъ пара колыхалось тамъ, куда якутъ мѣтилъ стрѣлою. Вдали по лѣсу разносился гулъ и трескъ: это рогачъ ломалъ кусты. Встревоженные, что онъ успѣетъ выбиться на тропу, охотники бросились къ этому мѣсту. Но олень опять проваливался и путался рогами въ вѣтвяхъ. Теперь безъ труда удалось отрѣзать ему дорогу.

Нерпа уже не покидалъ товарищей, онъ разобрался въ ходѣ охоты и умѣло пользовался ихъ молчаливыми указаніями.

— Ай-да молодецъ... молодецъ, Нерпа! Чуть оленя не убилъ,—ободрялъ его, смѣясь, Джянга,—а только ремни то у торбасовъ подвяжи... У-па-адешь!

Нерпа, смущенный, взглянулъ на свои ноги и опять готовъ былъ заплакать: развязавшіеся ремни волочились по землѣ, а обувь сползла ниже колѣнъ. Пришлось остановиться, а между тѣмъ мимо пролетѣлъ съ веселымъ смѣхомъ замѣшкавшійся было Уйбанчикъ.

— Убьютъ... безъ меня... убьютъ!—шепталъ парень, съ тревогой поглядывая на лѣсокъ, куда исчезли товарищи.

Онъ удивился, когда, немного спустя, нашелъ ихъ по близости. Они знаками предупредили его, что нужно быть осторожнымъ и обходить бугоръ съ противуположной стороны. Приблизившись, онъ увидѣлъ и звѣря. Тотъ глубоко завязъ въ сугробѣ снѣга. Переднія ноги онъ выкинулъ на край, выбитой его-же паденіемъ, ямы, но выпрыгнуть изъ нея уже не могъ; низко повѣсилъ голову, полузакрылъ глаза и, тяжело дыша, выбрасывалъ изъ широко раздутыхъ ноздрей струи бѣлаго пара. Изъ его рта сочилась кровавая пѣна, и кровь, точно коралловыя бусы, капала изъ боковъ, израненныхъ стрѣлами. Свободными задними ногами онъ безпокойно топтался на мѣстѣ, все глубже и глубже выбивая яму, края которой уже покрыло золотыми блестками взошедшее солнце, а дно—синей тѣнью. Джянга съ лукомъ на готовѣ осторожно подкрался, но, замѣтивъ по усиленной дрожи звѣря, что ближе подходить не слѣдуетъ, остановился и выпустилъ стрѣлу. Несмотря на близость, онъ промахнулся; олень, испуганный хорошо знакомымъ, ужаснымъ свистомъ желѣза, собрался съ послѣдними силами и отчаяннымъ прыжкомъ выскочилъ изъ западни. Опять ринулась страшная погоня, но израненный, измученный звѣрь не могъ уже бѣжать такъ скоро. Разстояніе между нимъ и преслѣдователями все уменьшалось. Джянга бѣжалъ съ праваго бока, Уйбанчикъ — съ лѣваго, пуская по-временамъ стрѣлы, а сзади, бросивъ лукъ и колчанъ, безъ рукавицъ и съ непокрытой головой, несся съ дикимъ ревомъ, сжимая ножъ въ рукахъ, Нерпа. Олень уже не глядѣлъ впередъ, не несъ головы высоко и гордо, а повѣсилъ ее и ежеминутно бросалъ назадъ взоры, полные безконечнаго ужаса и муки. Всякій разъ, когда гудѣла тетива, онъ ежился и ускорялъ замирающій шагъ. Люди тоже начинали испытывать муки. Блѣдные, облитые холоднымъ потомъ, съ судорожно стиснутыми зубами, испытывая страшную жажду, они мчались съ непреклоннымъ рѣшеніемъ скорѣе пасть за-мертво, чѣмъ упустить добычу.

Долго ли... долго-ли еще... продлится все это? — мучительно мелькало въ ихъ сознаніи, а силы слабѣли, и туманъ

застилалъ глаза. У нихъ уже не хватало стрѣлъ, между тѣмъ звѣрь бѣжалъ, все бѣжалъ также тихо, но безостановочно.

— Уйбанчикъ, лови! — закричалъ хриплымъ голосомъ Джянга, выпуская послѣднюю стрѣлу. Онъ мѣтилъ такъ, чтобы въ случаѣ промаха, стрѣла упала на дорогу брата. Съ обычнымъ жужжаніемъ пронеслась надъ звѣремъ пернатая и, нырнувъ въ воздухѣ два раза, граціозно опустилась на равнину.

Уйбанчикъ на бѣгу поднялъ ее и выпустилъ въ свою очередь. И такъ перебрасывали ее нѣсколько разъ, пока она, наконецъ, ни попала въ добычу и, вонзившись глубоко въ живое тѣло, задрожала сама, точно живая. Олень взвился на дыбы и рухнулъ.

— Уруй!—закричалъ Джянга и, отбросивъ въ сторону лукъ, проворно вскочилъ на звѣря и воткнулъ ножъ въ его шею.

Олень немного побился и сталъ отходить.

— Чего ты на меня такъ худо смотришь?!—злорадно хихикнулъ Джянга и пальцемъ надавилъ полный слезъ глазъ животнаго, съ безконечнымъ упрекомъ и болью глядѣвшаго на своихъ убійцъ.

Уйбанчикъ, молча, стоялъ въ сторонѣ, опирался на лукъ и, съ наслажденіемъ вдыхая усталою грудью теплый воздухъ, спокойно глядѣлъ на залитыя солнцемъ окрестности.

Минуту спустя прибѣжалъ и Нерпа. Онъ тоже непремѣнно захотѣлъ ударить оленя ножомъ, но братья не допустили этого ради цѣлости кожи; наоборотъ, они набросились на Нерпу, зачѣмъ тотъ растерялъ по дорогѣ оружіе и одежду, и послали его сейчасъ же отыскивать все.

Въ тотъ же день охотники *добыли* еще одного *звѣря* и такъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ кожей и внутренностями, нагрузили на нарту и отослали вечеромъ съ Нюстеромъ домой. Сами-же, веселые, довольные опять вырыли въ снѣгу яму; сѣли кругомъ костра и, нѣжась въ теплѣ, отдыхая въ спокойствіи, вспоминали мелочи минувшей охоты. Хотя жажда ихъ мучила страшно, но, исполняя завѣты старины, они не пили чаю, а только теплое, топленое масло, «дающее свѣжесть груди и упругость усталымъ членамъ». Ѣли мясо, пили оленій бульонъ и смѣялись много и громко. Не забыли также и своего покровителя, косматаго причудливаго «Баиная», бога охотниковъ,—по временамъ бросали ему на огонь куски, что послаще, да пожирнѣе.

V.

Солнце давно взошло. Въ юртѣ Андрея проснулись. Огонь трещалъ въ каминѣ, около котораго суетилась, постукивая посудой, Лелья. Больная жена Андрея выползла изъ своей постели и, какъ подобаетъ хозяйкѣ, набросила на плечи подбитый зайчиной кафтанъ, засунула желтыя, худыя ноги въ широкія, мягкія, сары *), на голову нахлобучила высокую рысью шапку и присѣла противъ огня на краю кровати. Она покашливала и злыми, воспаленными глазами, быстро, какъ ящерица, слѣдила за дѣвушкой. Андрей, умывшись за каминомъ и причесавши старательно свои рѣдкіе волосы, торжественно выступилъ на середину избы и поднялъ морщинистое бронзовое лицо вверхъ къ образамъ. Онъ уже перекрестился, какъ вдругъ на дворѣ раздался лай собакъ, веселое посвистываніе и окрики Нюстера: «Нохъ!.. нохъ!.. нохъ!..»

Подвижная Лелья первая бросилась къ дверямъ и у входа столкнулась съ возвращавшейся изъ хлѣва Симаксинъ; испуганная старуха чуть не выплеснула изъ посуды подоенное молоко, но дѣвушка, засмѣявшись, быстро выхватила у нея ведро, поставила на столъ и выскочила на дворъ.

— Нохъ!.. нохъ!.. нохъ! — бормотала растерявшаяся Симаксинъ, согрѣвая у огня застывшіе пальцы. —Оленя, а оле-ня... а...оленя!

Въ юртѣ пришли въ движеніе.

— Большого? — спросила хозяйка, оживляясь и пробуя встать.

— Боль-шо-го?..—переспросили хоромъ дѣти, высовывая косматыя головы изъ подъ мѣхового одѣяла матери.

— Боль-шо-го... ой... боль-шого!.. Бабатъ!.. нохъ... нохъ!— продолжала бормотать старуха, все еще недостаточно успокоившись, чтобъ толкомъ отвѣтить.

Между тѣмъ со двора ежеминутно долетали то серебристый смѣхъ и щебетаніе Лельи, то громкіе, торжественные отвѣты Нюстера. Дѣти не выдержали и босыя, нагія, какъ спали, соскочили съ кровати и гуськомъ, точно мышата, крадучись, побѣжали къ выходу. За ними, медленно передвигая ноги и постукивая посохомъ, двинулась съ кашлемъ и оханьемъ хозяйка; за ней Симаксинъ. Послѣднимъ двинулся Андрей. Въ пустой избѣ остался только самый маленькій Ачиканъ; онъ не могъ собственными силами слѣзть съ кровати и въ великомъ огорченіи барабанилъ голыми ножками по доскамъ и ревѣлъ, что есть мочи. Впрочемъ, кромѣ него, была еще

*) Якутская обувь изъ выдѣланной кожи.

одна человѣческая фигура; она, закутавшись съ головою въ красное одѣяло, лежала на томъ самомъ мѣстѣ, которое нѣкогда занималъ старый разбойникъ; теперь разбужденная крикомъ, она безпокойно задвигалась.

Выйдя на дворъ, Андрей нѣкоторое время съ удовольствіемъ созерцалъ знакомую картину. Тутъ было все, съ чѣмъ онъ сжился и что любилъ всѣмъ сердцемъ. По серединѣ стоялъ Нюстеръ, обсыпанный точно пудрой бѣлымъ инеемъ; румяный, загорѣлый, онъ возбужденно отрывочными словами передавалъ главныя событія охоты; у ногъ мальчика улеглись въ упряжи усталыя собаки; сзади него виднѣлась нарта и на ней темный пушистый крупъ оленя и коралловое застывшее мясо другого ободраннаго звѣря. Передъ парнишкой стояла, опираясь на длинный посохъ, и слушала съ радостнымъ вниманіемъ мать его, жена Андрея, нѣкогда молодая и красивая, теперь желтая и сгорбленная. Сколько лѣтъ прожилъ онъ съ ней счастливо и спокойно, сколько дѣтей и хорошихъ минутъ подарила она ему! Теперь все прошло. И Андрей, насупившись, перевелъ глаза на стройную, свѣжую фигуру Лельи съ длинными, по-дѣвичьи откинутыми, украшенными серебромъ косами. Дѣти, нагія, пухлыя, точно бронзовые амурчики, прятались въ складки ея мѣховаго платья и, какъ у цыплятъ изъ подъ крыльевъ насѣдки, виднѣлись только ихъ руки, да ноги, да всклокоченныя головки съ широко открытыми отъ любопытства ртами и вытаращенными глазками.

— Ступайте домой!—крикнулъ на нихъ Андрей...—А ты, Нюстеръ, прежде чѣмъ разсказывать, пошелъ бы въ избу согрѣться,—добавилъ онъ мягче.

Дѣти торопливо побѣжали и увели съ собой Лелью; за ними пошли и старики, пропустивши впередъ героя минуты, молодого охотника.

Тотъ, по обычаю, войдя въ избу, остановился по серединѣ и троекратно перекрестился; затѣмъ снялъ рукавицы, ошейникъ и вмѣстѣ съ шапкой, встряхнувъ ихъ молодцовато, какъ это дѣлаютъ старшіе, повѣсилъ на вѣшалку. Онъ уже хотѣлъ присѣсть за столъ и продолжать разсказъ, какъ вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что тамъ лежитъ человѣкъ. Незнакомецъ въ красной рубашкѣ закинулъ подъ голову руки и, очевидно, только что проснувшись, большими блестящими глазами внимательно присматривался къ тому, что происходило кругомъ.

— Кто это? Откуда? Какъ?—тихо спрашивалъ Нюстеръ у матери, поспѣшно спрятавшись за перегородку.

— Русскій!.. Не видишь развѣ: бородачъ... Кто его знаетъ? Должно быть... изъ мошенниковъ... Говорятъ, господинъ, богачъ... Вчера его привезли съ почтовой станціи съ строгимъ

приказомъ стеречь и не пускать никуда... Должно быть большой негодяй!—отвѣчала довольно громко больная. Нюстеръ подошелъ къ перегородкѣ и взглянулъ въ щелку.

— Бородка, волоса золотые, губы точно брусника, а на щекахъ румянецъ... Мамка, онъ хорошій, правда, много лучше того стараго, что былъ раньше, хотя у него тоже длинный носъ и блѣдные глаза!..

— Хорошій... Много лучше!..—убѣжденно поддержали брата младшія дѣти: они успѣли тоже заглянуть въ щелку.

— И совсѣмъ молодой, только бородка, какъ у старика!

— Какъ же... какъ же!.. Бородка!.. Но не бѣлая и не страшная, а маленькая, хорошенькая, точно оленій хвостикъ!..

— Клади привезъ съ собой—мочи нѣтъ!.. А все тяжелое! Должно быть, правда, богатый, — поясняла нехотя мать.— Что же, дитя мое, ты сильно иззябъ, ночуя въ полѣ?.. Сказывай, какъ было.

— Бѣлый, какъ женщина, и спитъ въ рубашкѣ, точно купецъ...—продолжалъ Нюстеръ, не отрывая глазъ отъ щелки.

— А то какъ же? Спитъ въ рубашкѣ, какъ купецъ... А когда встанетъ, то надѣнетъ на носъ вторые глаза, такіе же голубые, какъ и его... На ночь онъ ихъ прячетъ въ ящикъ... Увидишь, какъ любопытно!—щебетали дѣти.

— Это не глаза, а «очкы»,—поправилъ ихъ серьезно старшій братъ.—Вижу я ужъ, что должно быть онъ большой господинъ!

— Ой! не маленькій...—согласились всѣ хоромъ.

Разслѣдованіе было прервано появленіемъ Андрея, который отворилъ двери и вмѣстѣ съ Лельей и Симаксинъ тащилъ черезъ высокій порогъ убитаго оленя. Дѣти бросились помогать отцу и на этотъ разъ упустили много интересныхъ моментовъ въ поведеніи чужеземца. Когда тотъ уже совершенно одѣтый, въ красной канаусовой рубахѣ, «по-господски» засунутой въ черныя суконныя брюки, въ «купеческихъ» высокихъ сапогахъ, появился у столба перегородки, высокій и стройный, какъ тополь, то собравшіяся тамъ женщины и дѣти даже причмокнули и закивали головами:

— Фю... фю!.. Охъ-сіэ!

А когда, бросивъ мимолетный взглядъ на растянутаго передъ каминомъ оленя, онъ выразилъ жестомъ, что хочетъ умыться, всѣ одновременно вскрикнули:

— Воды!

— Лелья, дай воды!—спокойно приказалъ Андрей.

— Въ тазѣ? — спросила дѣвушка, бросая на русскаго внимательный, чуть-чуть насмѣшливый взглядъ.

— Конечно!

Позвякивая серебряными украшеніями и блеснувъ ими точно

искрами, тунгуская красавица проскользнула мимо русскаго, проворно поставила передъ нимъ стульчикъ съ маленькимъ мѣднымъ тазикомъ, полнымъ холодной воды. Чужеземецъ засучилъ рукава, а дѣвушка поспѣшно спряталась за перегородку и оттуда вмѣстѣ съ другими внимательно слѣдила, что будетъ дальше.

— Охъ, охъ!.. Тяжело ему покажется жить съ нами, съ якутами,—вздохнула жена Андрея, глядя на его нѣжныя руки.

— По-якутски знаетъ?—спросилъ Нюстеръ.

— Какъ же!!. Глухой и нѣмой... совсѣмъ *мерзлый*! Когда нужно что нибудь сказать, истинное наказаніе. Вытаращитъ глаза: ледяной столбъ и только. Когда Уйбанчикъ придетъ, не сказывалъ? Нужно бы узнать все: можетъ быть, станетъ платить за свое содержаніе... Такой богачъ, грѣхъ!..—ворчала больная хозяйка.

— Тише...—сдержанно шепнулъ Андрей.—Кто его знаетъ, можетъ быть и понимаетъ что нибудь, а только притворяется... Случается...

Онъ постарался придать своему строгому лицу возможно любезное выраженіе и обратился къ русскому:

— Какъ зовутъ тебя, господинъ русскій?

Незнакомецъ стоялъ передъ огнемъ и вытиралъ лицо и руки тонкимъ красиво вышитымъ по угламъ полотенцемъ. Спрошенный, онъ быстро повернулся къ якуту, но ничего не отвѣтилъ.

— Какъ зовутъ тебя!?—повторилъ якутъ съ большей выразительностью. Его пытливый взглядъ смѣло и настойчиво впивался въ молодое, нѣжное лицо.

— Не понимаю, — отвѣтилъ русскій, щуря глаза и чуть краснѣя.

— Не пой-ма-ю...—передразнилъ съ нетерпѣніемъ якутъ.— Имя!—добавилъ онъ по-русски.

— Имя?! Павелъ!

— Байбалъ... Смотрите: совсѣмъ якутское у него имя?— удивились за перегородкой.

— Мама... тятя?..—продолжалъ Андрей.

— Есть... далеко... очень далеко... Старики... я у нихъ одинъ...—охотно объяснялъ юноша, показывая палецъ.—Вы, я вижу, знаете немного по-русски. Это хорошо...—обратился онъ радостно къ Андрею; но тотъ ничего не отвѣтилъ, хотя не спускалъ съ него глазъ, и только плюнулъ сквозь зубы.

Павелъ между тѣмъ надѣлъ темную фланелевую блузу, причесалъ волосы и бородку, и, взглянувъ на уставленныя въ рядъ на столѣ чайныя чашки, присѣлъ къ сторонкѣ.

Якуты долго не трогались съ мѣста, все какъ будто чего-то ждали и только, когда Павелъ вынулъ книгу изъ-подъ

подушки, Андрей подсѣлъ къ столу и, насупившись, проворчалъ:

— Въ Бога не вѣритъ!.. Ну на счастье или на несчастье послали намъ этого человѣка... Лелья, разливай чай!.. Нюстеръ, садись съ нами!

Тунгуска схватила обѣими руками ручку огромнаго чайника и, нагибаясь подъ его тяжестью, понесла къ столу. Павелъ досталъ изъ дорожныхъ мѣшковъ, лежавшихъ въ ногахъ его постели, горсти двѣ черныхъ сухарей и высыпалъ ихъ на середину стола. Это немножко примирило съ нимъ хозяевъ. Андрей позвалъ жену; та, кашляя и охая, перебралась изъ-за перегородки къ столу и взяла въ руки хозяйскій скипетръ—большую ложку для разливанія молока. Павелъ, замѣтивъ, что дѣти, Лелья и Симаксинъ не садятся у общаго стола, а выдвинули себѣ въ сторонку низенькій столикъ особо, тоже насыпалъ имъ сухарей, чѣмъ вызвалъ ихъ шумную радость.

— Ты, должно быть, много вывезъ чаю, сахару, муки?.. А можетъ у тебя есть водка?—спросилъ неожиданно Андрей, жуя сухари.

Павелъ опять прищурилъ глаза и на его подвижномъ лицѣ мелькнуло смущеніе.

— Прости, не понимаю!—сказалъ онъ послѣ минутнаго раздумья—Вы, можетъ быть, думаете, что я не хочу съ вами говорить, что я гнушаюсь васъ... Совсѣмъ нѣтъ... Я бы очень и очень хотѣлъ и со временемъ выучусь...

Андрей внимательно прислушивался и вдругъ неожиданно выпалилъ совершенно правильно по-русски:

— Водка, чай, табакъ, ситецъ, деньги...

— Водка? — переспросилъ съ удивленіемъ русскій, — водки—нѣтъ, а чаю, табаку есть... немного, и я съ вами охотно подѣлюсь...

— Энгъ!..—пробормоталъ Андрей, но, очевидно, понялъ, потому что сейчасъ-же сладко и жалобно заговорилъ ломаннымъ языкомъ, указывая на домашнихъ:—Якутъ... смотри... бѣдный... я бѣдный... Люди много... ѣсть многа... надо многа!.. Чай нада, табакъ нада, ветошь нада, деньги нада... Даромъ никто мнѣ не даетъ... Ты, сказывай, богатай... деньги окружный городъ получай... Жалованіе... Ты господинъ... ты русскій... я якутъ... бѣдный якутъ... работай надо... всякый нада!..

Во всемъ, что онъ говорилъ, проглядывалъ какой то скрытый умыселъ и тревога. Взглядъ русскаго затуманился. Онъ внимательно посмотрѣлъ на окружавшія его лица, мѣдныя, узко-глазыя, скуластыя, некрасивыя и всѣ такъ другъ на друга похожія, и всѣ какія то жалкія, чужія, покорныя и раболѣпныя, что сердце у него болѣзненно сжалось, и онъ прошепталъ, отвернувшись:

— Я другой... Я у васъ ничего не попрошу...—и еще хотѣлъ что то прибавить, но, взглянувъ вдругъ на оторопѣлыхъ слушателей, вспомнилъ, что не понимаютъ его, и умолкъ.

— Сердится или что?—спросила тихонько хозяйка, поглядывая на опечаленное лицо гостя. Андрей не отвѣтилъ и, раздумывая о чемъ то, энергично сплевывалъ сквозь зубы.

Завтракъ близился къ концу: сухари давно исчезли; чай, разбавляемый постоянно кипяткомъ, сталъ невѣроятно жидкимъ.

Павелъ и хозяинъ давно уже обернули чашки вверхъ дномъ, хозяйка, рыгнувъ протяжно, ушла къ себѣ за перегородку. Лелья занялась уборкой посуды; Андрей и Нюстеръ вынули изъ чехловъ узкіе, якутскіе ножи и, поглядывая на оленя, стали подтачивать ихъ стальными огнивами.

Олень уже оттаялъ; запахъ лѣса, смолы, мха, крови, съ примѣсью своеобразной, свойственной оленямъ, овечьей вони, наполнилъ юрту. Наточивъ ножи, якуты присѣли около звѣря на низенькихъ стульчикахъ. Остальныя дѣти и женщины усѣлись кругомъ на землѣ, образуя молчаливую, но оживленную и чрезвычайно внимательную публику. Павелъ тоже приблизился, надѣвъ на носъ очки. Между тѣмъ Андрей проворно отрѣзалъ голени животнаго, повернулъ тушу вверхъ животомъ, подложилъ съ обоихъ ея боковъ по толстому бревну и, раньше чѣмъ Павелъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, сдѣлалъ продольный разрѣзъ вдоль «бѣлой линіи». Какъ только края обвисли настолько, что можно было за нихъ ухватить пальцами, дѣти и женщины принялись помогать, кто руками, а кто даже зубами. Эти довольныя рожи, вымазанныя кровью и жиромъ, эти когтевидныя руки, рвущія мясо, бѣлыя крупныя зубы, теребящія влажную, свѣжую кожу—во всей этой картинѣ было что-то безпощадное, волчье, канибальское, что заставило Павла непріятно вздрогнуть. Работа совершалась чрезвычайно быстро и складно. Черезъ мгновеніе животное представляло противную кровавую массу, покрытую сѣтью, синихъ кровеносныхъ сосудовъ, испещренную желтыми и бѣлыми пятнами жира и сухожилій. Содранная кожа, старательно расправленная по сторонамъ, походила на бѣлую шелковую простыню. Отъ всей красы животнаго осталась только изящная голова съ вѣтвистыми рогами. Эта голова съ застывшимъ выраженіемъ покорности и страданія, эти закрытые глаза со слѣдами слезъ, невыразимо тронули Павла; ему было не по себѣ. Андрей подмѣтилъ странное выраженіе лица юноши, насмѣшливо улыбнулся, поправилъ на головѣ ремешекъ и мастерскимъ взмахомъ ножа вскрылъ плеву на брюхѣ животнаго. Тонкія кишки и толстый, сѣрый желудокъ, съ легкимъ шумомъ вырвались наружу. Павелъ поспѣшно ушелъ.

— Привыкну... привыкну!..—твердилъ онъ, ложась на кровать и подавляя нервную дрожь. Онъ никогда не бывалъ на бойняхъ; видъ ранъ, крови, тѣла, расчлененнаго на части, а главное—видъ этихъ людей, сладострастно перебирающихъ внутренности подобнаго имъ существа, глубоко поразилъ его. Тщетно онъ доказывалъ себѣ, что это въ порядкѣ вещей, что ежедневно всюду происходитъ то же самое въ значительно болѣе крупномъ масштабѣ,—сознаніе не слушалось его и, когда вдругъ долетѣлъ до него глухой трескъ костей и сухожилій, онъ не выдержалъ, схватилъ шапку, тулупъ и выскочилъ за дверь, провожаемый смѣхомъ якутовъ и кудахтаніемъ, испуганной его порывистыми движеніями, Симаксинъ.

Въ первую минуту онъ поклялся никогда не употреблять мяса, но, подумавши, понялъ, что это невозможно, и раздраженный пошелъ впередъ разсѣяться. Вскорѣ онъ очутился среди огромной снѣговой равнины. Впереди далекіе лѣса образовали едва замѣтную нить. Неясный, бѣлый слѣдъ дороги убѣгалъ въ эту даль и гдѣ-то исчезалъ тамъ, прижатый краемъ неба. Небо было тоже бѣлесоватое и среди него повисли неподвижно нѣсколько бѣлыхъ, тяжелыхъ, какъ комки снѣга, тучекъ. Только солнце, холодное, но лучистое, неуклонно двигалось въ этомъ прозрачномъ, безмѣрномъ, но замкнутомъ, склепѣ—солнце, да одинокая тѣнь Павла. Безусловная тишина и спокойствіе сначала пріятно подѣйствовали на него, но по мѣрѣ того какъ онъ шелъ и видѣлъ передъ собою все тотъ же снѣгъ, все то же небо, все тѣ же лучи солнца, то золотистые, то разбитые на милліоны радужныхъ цвѣтовъ—тоска возвращалась къ нему. Даже присѣсть было негдѣ, всюду было одинаково ровно, гладко и однообразно. Когда усталый повернулъ онъ домой, ему показалось, что онъ будто вдругъ постарѣлъ, что онъ все уже знаетъ, что въ этой пустынѣ узнать можно, знаетъ настоящее и будущее. Тихо брелъ онъ по неровной, плохо убитой дорогѣ и ощущалъ, что тоска—это мучительное чувство, которое простой народъ такъ вѣрно называетъ змѣей, уже свиваетъ въ груди его лишнія кольца.

Замѣтивъ недалеко отъ жилища двѣ темныя человѣческія фигуры, Павелъ остановился, предполагая, что это обѣщанные охотники, а съ ними и переводчикъ. Путники тоже остановились и, перемолвившись другъ съ другомъ, направились къ нему. Они шли на лыжахъ, сильно нагнувшись впередъ и крѣпко упираясь въ снѣгъ длинными посохами съ деревянными на концахъ кружками. Онъ узналъ тунгусовъ по покрою старыхъ, облѣзлыхъ, но изящныхъ кафтановъ, по бахромѣ и узорамъ мѣховыхъ передниковъ. Приблизившись на разстояніе нѣсколькихъ саженей, они остановились и покорно сняли шлемовидныя мѣховыя шапки. Тогда Павелъ разглядѣлъ и мор-

щинистыя, маленькія лица, узенькіе, потухшіе глазки и сѣдые волосы.

— Капсе!—крикнулъ онъ имъ и дружески кивнулъ головой.

— Капсе!.. Капсе!—повторили тунгусы, отвѣчая на поклонъ.—Все хорошо... Ты капсе!

Передній тунгусъ подошелъ и смѣло протянулъ ему руку.

— Ты должно быть тотъ русскій, что живетъ у Андрея?

— Зачѣмъ она не надѣнетъ шапки?—спросилъ Павелъ, указывая на другого тунгуса, въ которомъ по серьгамъ узналъ женщину.

Старикъ крикнулъ что-то женѣ по-тунгуски, и та послушно накрыла голову и пошла за ними. Павелъ шелъ по дорогѣ, тунгусы по бокамъ на лыжахъ. Старикъ безъумолку разсказывалъ, сильно жестикулируя.

— Да... въ стрину минъ была... ровно ты—богатѣй, хорошій, умный... а теперь... ничего нѣту!..—закончилъ онъ неожиданно по-русски.

— Ничего нѣту...—повторилъ Павелъ, повеселѣвшій отъ знакомыхъ звуковъ.—Ничего нѣту... совсѣмъ, вижу, какъ я... Ну нѣтъ, старикъ, у тебя родина!

— Одна олень нѣту! — отвѣтилъ тунгусъ. — Я... — тутъ онъ поднялъ вверхъ одинъ палецъ,—баба,—кивнулъ онъ на свою спутницу и добавилъ, указавъ на домъ Андрея,—Лелья.

Павелъ вспомнилъ стройную, обвѣшанную серебряными бляхами дѣвушку, вспомнилъ недружелюбный взглядъ, какимъ, случалось, провожала ее хозяйка, и ему стало жаль старика. Тотъ внимательно слѣдилъ за нимъ, мгновенно понялъ и, уже совсѣмъ фамильярно ударивши по плечу, протянулъ ему руку.

— Табакъ дай!.. Будемъ друзьями!

— Табакъ, чай, ситецъ, деньги,—повторилъ со смѣхомъ Павелъ, подражая голосу Андрея.

— Да, да! Табакъ, чай, деньги...—подхватилъ убѣжденно тунгусъ и съ почтеніемъ взглянулъ на товарища. Минуту спустя, получивши горсточку табаку, онъ добавилъ по якутски уже совсѣмъ тихо и нѣжно:—Правда: будемъ друзьями... У меня ничего нѣту!

Павелъ не все понялъ, но кивнулъ головой. Разговоръ прекратился, такъ какъ они подошли къ воротамъ юрты.

Въ юртѣ оленя уже прибрали; остался послѣ него только непріятный запахъ, да на столѣ тарелки съ кусками сырой печени, сердца и раздробленными костями для высасыванія мозга.

— Жертва, должно быть!—подумалъ Павелъ, раздѣваясь и усаживаясь за столъ на обычномъ мѣстѣ.

Но Андрей, какъ только поздоровался съ тунгусами, подошелъ къ нему и настоятельно, дергая за рукавъ, сталъ просить:

— Кушай, пожалуйста... Это хорошій...

Во взглядѣ и отрицательномъ движеніи Павла было столько испуга, что и хозяинъ, и гости, а за ними и самъ Павелъ, весело разсмѣялись.

— Этого даже купцы ѣсть не отказываются,—наставительно поучалъ якутъ,—попробуй!.. Бѣда будетъ съ тобой людямъ, вижу ужъ я...—вздохнулъ онъ.

При видѣ, какъ тунгусы жадно поѣдаютъ печень и сердце, Павелъ сталъ поспѣшно рыться въ своихъ бумагахъ.

— *Толмачъ надо!*—прочелъ онъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ.

— О, да! Толмачъ надо!—повторили [illegible]ѣ хоромъ.

— Придетъ, скоро будетъ.... тепер[illegible]ится... занятъ,—пояснилъ, какъ умѣлъ, Андрей.

— Надо толмачъ, надо толмач[illegible]ить... Съ ними, русскими, всегда толмачъ надо[illegible] когда я былъ на морѣ...—началъ было т[illegible]у не повезло: на столъ подали огромну[illegible]ко нарѣзаннаго вареного мяса [illegible]которыя и поглотили всеобще[illegible]ъ обѣдающихъ положили [illegible]го, единственную имѣ[illegible]всѣ набожно пер[illegible]

Про[illegible]дно было [illegible]го-
до[illegible]ъ

ѣсь [illegible]

Д[illegible]звѣ измуче[illegible]и, и казалось, [illegible]асчезнувшихъ груд[illegible]аши кровяной похлебк[illegible]ъ опять мясо: сырое, вареное, [illegible], хрящи... Круглый день шло [illegible]о короткими часами тяжелаго, пьянаго [illegible]все во всевозможныхъ видахъ и подъ ра[illegible]и: полдничали, обѣдали, ужинали; ѣли вмѣстѣ, [illegible]льшими партіями и по одиночкѣ, у стола, за перем[illegible]и, по угламъ, всюду... Даже собаки на дворѣ весь день грызли кости и вели изъ-за нихъ

ожесточенный бой. Не громкій, но назойливый концертъ обжорства терзалъ Павла невыносимо. А видъ людей, отяжелѣвшихъ, раскиснувшихъ, тупыхъ, съ лоснящимися, вымазанными жиромъ лицами и заплывшими глазками становился ему все противнѣе. Тщетно онъ повторялъ извѣстныя аксіомы, что «у племенъ охотничьихъ и прочее...», ему было противно, противно, но убѣжать было некуда. Онъ лежалъ все время на кровати, пробуя углубиться въ чтеніе. Злой и усталый, онъ легъ спать раньше, чѣмъ это было въ обычаѣ. Якуты старались удержать его. Сами они долго еще что-то варили и зачѣмъ-то сидѣли.

— Богъ далъ! Грѣхъ жалѣть... Первая добыча.

И дѣйствительно, не жалѣли. Тунгусъ, тотъ даже изъ-за стола не вставалъ; тамъ и заснулъ, упавши, какъ пьяный, безъ сознанія, навзничъ на скамью.

VI.

На другой день съ разныхъ сторонъ, подъ разными предлогами и въ разное время двинулись къ юртѣ Андрея сосѣди. Прежде всѣхъ явилась Сымнай, молодая щеголевато одѣтая женщина. Это была жена одного изъ самыхъ бѣдныхъ рыбаковъ, иронически прозваннаго «Казакомъ» за бороду, рѣдкую, жесткую, росшую, къ великому его огорченію, несмотря на неуклонное выщипываніе и бритье.

Сымнай всегда пристрастная къ нарядамъ, сегодня была особенно разодѣта. Мягкая желтая обувь, съ острыми загнутыми вверхъ носками, украшенная по швамъ чернымъ плисовымъ кантомъ и широкимъ плисовымъ «биле» *), была подтянута старательно. Пестрый мохнатый «сагыняхъ» (кафтанъ изъ телячьихъ кожъ) плотно обхватывалъ ея стройную фигурку, а черный «боа» изъ бѣличьихъ хвостовъ обвивалъ шею и свѣшивался на выпуклую грудь. Глаза всѣхъ выжидательно остановились на ней; дѣти бросили игрушки, выбѣжали на середину избы и разинули рты; даже собаки подошли и подозрительно обнюхали гостью. Щеголиха торжественно выступила впередъ, граціозно сняла съ головы гренадерскую рысью шапку и песцовыя перчатки съ рукъ. Множество серебряныхъ колецъ сверкнуло на пальцахъ, а въ ушахъ блеснули серьги величиною въ ладонь. Она стала въ позу, свойственную самымъ отпѣтымъ якутскимъ кокеткамъ, и, поднимая руку для креста, мимолетно взглянула на Павла, читавшаго книгу.

*) Обшивка.

Лелья многозначительно толкнула въ бокъ Нюстера и они оба засмѣялись.

— Ишь, гулящая!.. Подумать можно—богата, а совсѣмъ раздѣла сосѣдей: шапка Филиппихи, ошейникъ—Василія, рукавицы Мавры... Все чужое... Безстыжая! — зашипѣла жена Андрея.

Должно быть Сымнай разслышала кой-что изъ этихъ довольно громкихъ осужденій, потому что ея миловидное личико, обрамленное бѣлымъ платкомъ, вдругъ зардѣлось яркимъ румянцемъ, движенія потеряли увѣренность и, торопливо перекрестившись, она юркнула за каминъ на женскую половину. Андрей проводилъ ее долгимъ насмѣшливымъ взглядомъ, а тунгусъ снисходительно пробормоталъ:

— Баба... Не говори!.. Моя тоже такой когда-то была... Ей Богу!..

Какъ только Сымнай очутилась за перегородкой, насмѣшливые, недружелюбные возгласы затихли, съ ней привѣтливо поздоровались и стали разспрашивать новости, какъ велитъ обычай. Лелья, по данному хозяйкой знаку, поставила на огонь небольшой мѣдный чайникъ. Чай приготовили изъ «выварокъ» *), но Сымнай не обидилась, такъ какъ хорошо знала, что свѣжій чай стоитъ денегъ; зато ей все больше и больше дѣлалось не по себѣ, по мѣрѣ того какъ она замѣчала, что обычный скучный разговоръ безконечно затягивается, ничуть не намекая на удачный промыселъ, на убитыхъ оленей, что ожидаемый «кусокъ» будетъ не скоро.

— Эта богачка, однако, совсѣмъ меня къ землѣ пригнетъ... Не даетъ... разславитъ... Зачѣмъ я только первая пришла?— думала съ горечью молодая женщина, повертывая въ рукахъ дорогую, чужую шапку. Она опустила голову и все тише, все неувѣреннѣе отвѣчала на вопросы; густой румянецъ жегъ ей лицо, капли пота покрыли лобъ. Напрасно Лелья, которой стало жалко подругу, намекала нѣсколько разъ объ угощеніи, хозяйка притворялась, что ничего не замѣчаетъ. Ее, больную и некрасивую, радовало замѣшательство молодой, пригожей франтихи. Былъ кромѣ того разсчетъ протянуть какъ можно дольше: авось, кто нибудь подойдетъ, а двоимъ можно меньше подать.

Залаяли собаки и откуда-то издали донеслось ржаніе лошади. Разговоръ затихъ, и всѣ, повернувшись къ выходу, стали прислушиваться. Этимъ перерывомъ воспользовалась Сымнай и юркнула въ уголокъ, гдѣ играли дѣти, и гдѣ неподвижно сидѣла тунгуска Упача на низкомъ стульчикѣ, какъ какая-то мумія, засохшая и равнодушная. Здѣсь Сымнай почувствовала себя много свободнѣе и, когда Лелья мимоходомъ

*) Спитой чай.

шепнула ей нѣсколько словъ и шаловливо кивнула въ сторону Павла, на лицѣ ея опять расцвѣла веселая улыбка и блеснулъ рядъ бѣлыхъ, ровныхъ мелкихъ зубовъ.

Всадники не заставили себя долго ждать; во дворѣ скоро застучали копыта.

— Кто это, однако, на лошади?—спросилъ тунгусъ, обрадованный случаемъ раскрыть лишній разъ ротъ.

— Да кто же кромѣ Филиппа, — нехотя отвѣтилъ Андрей, осматривая бѣгло столъ, нары, избу и натягивая на плечи кафтанъ.

Двери широко открылись, и въ юрту, съ трудомъ переступивши высокій порогъ, вкатился толстый пожилой якутъ. На немъ была крытая плисомъ лисья шуба и серебряный поясъ. Двигался онъ очень тихо, кряхтя и притворяясь, что быстрѣе не можетъ; сзади него шелъ, поддерживая его за локоть, молодой парень, хотя и не такъ пышно, но тоже хорошо одѣтый въ мѣховомъ кафтанѣ, подбитомъ песцами.

Это былъ самый младшій сынъ Филиппа, Семенъ. Высокій, тонкій, съ лицомъ и проворными движеніями обезьяны, онъ въ околодкѣ пользовался прозвищемъ «Длинный».

Оба вошедшихъ предварительно положили крестное знамя, затѣмъ Длинный, бочкомъ, незамѣтно шмыгнулъ на женскую половину, а Филиппъ, поздоровавшись за руку съ Андреемъ, гордо миновалъ остальныхъ и сейчасъ же повернулся къ Павлу. Юноша давно уже съ любопытствомъ наблюдалъ невиданную имъ церемонію встрѣчи важнаго якутскаго «тоёна» *). Столько было надменности и наглости въ этой маленькой надутой фигурѣ, что Павелъ минуту колебался, принять ли протянутую руку или только отвѣтить поклономъ.

— Я тоже богатый!—сказалъ Филиппъ, почтительно пожимая протянутую руку Павла.—А ты богатый? И онъ сѣлъ около него въ красномъ углу подъ образами. Павелъ положилъ книгу и глядѣлъ на него съ улыбкой, но не отвѣтилъ.

— Разсказывай!.. Что же не говоришь?—повторилъ богачъ, медленно разстегивая серебряныя пуговицы своего кафтана.— Что же онъ?.. Слышно, будто, совсѣмъ не говоритъ... Мерзлый?—обратился онъ къ Андрею.

— Иногда разговариваетъ, но рѣдко и какъ съ кѣмъ,— хитро отвѣтилъ тотъ.

— Я думаю, бѣда съ нимъ будетъ? Ге... Какъ ты, Андрей, думаешь? Мнѣ кажется, по всему, что о немъ говорятъ,—онъ или глупый, или хитрый!—крикливо разсуждалъ Филиппъ, уже не обращая никакого вниманія на русскаго.

---

*) Тоенъ—господинъ.

Андрей не отвѣтилъ, а только потупился съ двусмысленной улыбкой.

— Я смотрю и только удивляюсь: зачѣмъ онъ живетъ? Не разговариваетъ, не работаетъ... А впрочемъ, ты говоришь, что онъ съ нѣкоторыми разговариваетъ... Тогда онъ можетъ что нибудь знаетъ. Ты бы Андрей сказалъ ему, что я не какой нибудь послѣдній въ улусѣ человѣкъ, что мнѣ и купцы кланяются, что я хорошій человѣкъ—богатый и почетный, что я господинъ... А можетъ быть онъ не знаетъ по якутски?—догадался Филиппъ. — Да, да: слышалъ я... Откуда и знать ему, если правильно разсудить... Недавно вѣдь пріѣхалъ къ намъ... Правду говорю?—обратился онъ къ Павлу,—ты ничего не понимаешь по якутски? Это худо! Не знаю, какъ другіе, а я такъ думаю, что ты долженъ по нашему учиться... Среди якутовъ жить будешь, по якутски говорить долженъ, по якутски обращаться, ѣсть рыбу да молоко, любить якутокъ... якутскихъ женщинъ, что носятъ штаны...—и Филиппъ добавилъ неприличную шутку, надъ которой самъ первый расхохотался.

— Ой, не любятъ русскіе женщинъ, которыя носятъ штаны!.. Ей Богу... Я это хорошо знаю!—поддержалъ его тунгусъ.

На молодомъ лицѣ Павла появилось смущеніе и онъ вспыхнулъ. Онъ, конечно, не понялъ ничего, но плотоядный смѣхъ «тоёна» и двусмысленныя усмѣшки присутствующихъ непріятно его задѣли. Онъ внимательно посмотрѣлъ на искусственно серьезное лицо Андрея, на гримасу «Длиннаго», который кого-то передразнивалъ, и молча углубился въ книгу.

— Вотъ и разсердился,—вздохнулъ Филиппъ,—ученый, а шутки не понимаетъ!

— И какой ученый... Ой, ой!..—причмокнулъ тунгусъ.—Печени сырой не ѣстъ, мозговъ тоже, ни мяса, ни рыбы безъ соли въ ротъ не беретъ... Хлѣбъ да хлѣбъ, чай да сахаръ, да только книги читаетъ!

— Въ рубашкѣ спитъ, какъ купецъ, и на носъ надѣваетъ два каменныхъ глаза—*очкы*... Право!—развязно вставилъ, высовываясь изъ за перегородки четырехлѣтній сынокъ Андрея.

— Оч-кы, ой!.. оч-кы!.. бабатъ! — повторила въ темномъ углу Симаксинъ.

— Тише!.. Что за мода мѣшать, когда старшіе говорятъ!—разсердился тунгусъ и, обернувшись къ Филиппу, политично продолжалъ:—Такъ вотъ, я хотѣлъ сказать: кладетъ на носъ очки и читаетъ, лежитъ и читаетъ, лежитъ и читаетъ, читаетъ, читаетъ!.. Все ему подадутъ, все ему сдѣлаютъ, а онъ будто ничего не видитъ: все читаетъ и читаетъ! Большого господина должно быть дитя, можетъ быть самого *дворяна*,—добавилъ онъ тише, наклоняясь къ слушателямъ.—Ящиковъ

безъ мѣры, и все тяжелые, не поднять человѣку. Табакъ, чай, ситецъ, деньги,—самъ разсказывалъ, когда я его встрѣтилъ вчера на дорогѣ... Бо-га-тый!

— Мы тоже люди бываемъ!—проговорилъ съ обидой Филиппъ и отвернулся къ Андрею разспрашивать о новостяхъ съ тайги, о промыслѣ, вообще обо всемъ, «что слышно ушами, что видно глазами».

Уѣхалъ Филиппъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: его накормили, одарили, а когда влѣзалъ на сѣдло, самъ Андрей придержалъ ему лошадь. Только въ самомъ концѣ проводовъ вышла заминка: «Длинный», помѣстившись сзади отца на лошади—они пріѣхали двое на одной—простился съ присутствующими такимъ забавнымъ и неожиданномъ жестомъ, что Симаксинъ сейчасъ его повторила; молодежь прыснула со смѣху.

— Дѣти!.. дѣти! — крикнулъ Андрей, самъ съ трудомъ удерживая улыбку.

— Молчите!.. А то какъ?!. Развѣ хорошо насмѣхаться надъ богатыми и почетными?—торопливо поддакнулъ тунгусъ.

Онъ былъ немного обезпокоенъ холодностью Филиппа на прощанье.

Между тѣмъ «тоенъ» выѣзжалъ уже за ворота, толстый, сытый, довольный; съ обѣихъ сторонъ чеканеннаго серебромъ сѣдла свѣшивались сумы съ мясомъ; «Длинный», головой выше отца, забавно кривлялся, а добрый пестрый конь, испуганный смѣхомъ и шумомъ, храпя и присѣдая, перебиралъ ногами. Сзади за нимъ, съ маленькимъ мѣшечкомъ въ рукахъ, плелась Сымнай.

Еще не успѣли исчезнуть въ дали эти гости, какъ на другихъ тропахъ и прямо въ полѣ на лыжахъ появились силуэты новыхъ. Всѣхъ кормили, поили, всѣхъ надѣляли подарками, соразмѣрно ихъ богатству, вліянію, а также и надеждѣ со временемъ получить въ свою очередь подарокъ или услугу; гости изо всѣхъ силъ старались выказать свою обходительность, любезность, умъ и свою неизмѣнную благосклонность къ семьѣ Андрея. Всякій, поздоровавшись, занималъ мѣсто на нарахъ соотвѣтственно своей почетности, и затѣмъ начинался стереотипный, приличный случаю разговоръ: гдѣ поймали? сколько поймали? когда поймали? когда пріѣдутъ? Слушатель вникалъ въ мельчайшія подробности, кивалъ головою, вздыхалъ, вставлялъ замѣчанія и дѣлалъ остроумнѣйшія соображенія, до смѣшного у всѣхъ одинаковыя. Наконецъ, каждый обязательно послѣ того обращался къ Павлу:

— Капсе!

Тотъ молча вскидывалъ глаза.

— Имя?

— Павелъ!

— Посмотрите: совсѣмъ якутское у него имя? Байбалъ!

— Мама, тятя?

— Есть.

— Далеко ли, близко?

— Далеко.

— Ты богатый или бѣдный? Ты купецъ? Ты господинъ? Почему молчишь?

— Ты, должно быть, по-якутски не знаешь?

— Почему все въ бумаги смотришь, а не на землю, не на людей?

— Продай табакъ, продай чай, продай ситецъ, продай что-нибудь... Не хочешь? Ну подари!..

И такъ каждый. Измученный дневнымъ допросомъ, Павелъ подъ конецъ молчалъ, даже когда и угадывалъ смыслъ обращенія. Впрочемъ, его прекрасно замѣнялъ въ этихъ случаяхъ старый тунгусъ; онъ неожиданно обнаружилъ такое знаніе всѣхъ деталей, касающихся прошлаго и настоящаго своего новаго «атаса» *), что слушатели вполнѣ оставались довольны. Тунгусъ пространно и живописно разсказывалъ имъ не только о томъ, что у Павла имѣется, чѣмъ онъ былъ и кто его родители, но даже, что онъ современемъ сдѣлаетъ и что теперь думаетъ. Родители его, по словамъ тунгуса, были «большіе господа»; да и онъ самъ былъ «господинъ не малый». Онъ лично знакомъ царю; у царя онъ служилъ въ работникахъ и царь очень любилъ его. Отъ этого Павелъ сталъ баловаться; разъ напился и сказалъ что-то царю... Вотъ за это самое царь и послалъ его къ намъ. Куда же такой большой господинъ можетъ смотрѣть, какъ не въ бумагу? Подумайте?.. Да и не разговариваетъ, потому что о чемъ будетъ съ вами, дураками, говорить? Къ нему подходить нужно умѣючи, говорить съ нимъ нужно складно! Слышали, что онъ сказалъ самому Филиппу? И ушелъ богачъ съ надутой рожей, а онъ даже глазомъ не моргнулъ. Такъ онъ встрѣчаетъ тѣхъ, кто много о себѣ думаетъ. Съ нимъ разговаривать слѣдуетъ умно, о томъ, что дѣлается на море, какіе проходы въ горахъ Джурджуйскихъ, и что вообще дѣлается на землѣ... А вы развѣ знаете, что тамъ дѣлается? Развѣ тамъ былъ кто нибудь изъ васъ? Онъ что услышитъ, все сейчасъ же въ бумагу запишетъ и вышлетъ царю... Потому разсказывать ему нужно съ разсужденіемъ, а не болтать, что попало... Поняли?! Ну и что же? Вы даже не знаете, что ему ѣсть дать! Вы, можетъ быть, думаете, что онъ ѣстъ сырую печень, или мозги, или «стро-

*) «Атасъ» значитъ: подѣлись. Такъ якуты называютъ ближайшихъ друзей.

ганину?» *). Какъ-бы не такъ!.. Его ѣда: мука, соль, сахаръ, горчица, перецъ... вотъ его ѣда!..

— Мука, соль, сахаръ, горчица, перецъ... Шутки!.. Да вѣдь все это въ городѣ покупать нужно... и все деньги стоитъ... Откуда все это возьмемъ? Въ бумагу, говоришь, пишетъ?—повторяли слушатели, чувствуя, что деревенѣютъ ихъ языки отъ постояннаго чмоканья въ знакъ удивленія. Они поглядывали вопросительно на Андрея, на тунгуса, затѣмъ робко и почтительно на усталаго, мрачнаго Павла и, понизивъ голосъ, вкрадчиво просили своего главаря:

— Андрей, ужъ ты постарайся, ужъ мы тебя просимъ—понатужься! Ты долженъ народу помочь, а мы тебя ужъ отблагодаримъ... Ты вѣдь у насъ одинъ, вѣрный, именитый... Куда же его дѣнемъ?

Андрей потуплялъ глаза, чтобы не замѣтили сверкающаго въ нихъ удовольствія, и бормоталъ, «что ему это вовсе не на руку»...

— У Филиппа ему будетъ лучше!

— У Филиппа?.. Упаси Богъ! Вѣдь уже поссорился съ нимъ!

Только два гостя изъ посѣтившихъ въ этотъ день Андрея держали себя иначе. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ Матвѣй, отецъ Уйбанчика. Онъ не просилъ ни о чемъ Павла, не пробовалъ вызвать его на разговоръ, а выслушавъ разсказъ тунгуса, внимательно посмотрѣлъ на юношу и вздохнулъ:

— Господское дитя, господское!.. *Не смѣта*!.. Эхъ... эхъ! И будешь ты, соколикъ, у насъ тосковать, какъ птица о веснѣ...

Другой былъ «Казакъ», мужъ красавицы Сымнай. Тотъ при входѣ неуклюже споткнулся и ударился, къ большому удовольствію присутствующихъ, лбомъ о дверной косякъ. Смущенный смѣхомъ, онъ спрятался въ тѣни, какъ только совершилъ обязательный обрядъ передъ образами. И долго сидѣлъ тамъ молча, пощипывая съ отчаяніемъ волоса на подбородкѣ; наконецъ, заговорилъ громкимъ басомъ, точно изъ бочки:

— Моя жена?

— Твоя жена? Была... была...

— Была... но проѣзжалъ богатырь на бѣломъ конѣ, увидѣлъ у нея въ ушахъ новыя серьги, на головѣ рысью шапку съ серебрянымъ кружкомъ, на плечахъ пестрый «сагыняхъ», на ногахъ желтые сапожки съ плисовымъ «биле»... увидѣлъ и увезъ,—проговорила нараспѣвъ Лелья.

— И она приказала сказать, что не возвратится, потому

---

*) Мерзлая, строганая тонкими ломтиками рыба.

что у тебя ростутъ жесткіе, какъ иголки, волосы,—хоромъ подхватили дѣти.

«Казакъ», ради приличія, посидѣлъ немного и затѣмъ поспѣшно ушелъ, не дожидаясь ни куска, ни подарка, хотя предлагали ему и то, и другое.

VII.

Прошло нѣсколько дней ясныхъ, солнечныхъ и теплыхъ въ полдень, холодныхъ ночью, дней, полныхъ радостнаго ожиданія для якутовъ и тоскливыхъ для Павла. Онъ замѣчалъ оживленное движеніе, довольство и веселость окружающихъ, видѣлъ окровавленныя туши мяса, то приносимыя, то уносимыя сосѣдями, слышалъ алчные пересуды женщинъ и безконечно длинные разсказы мужчинъ, послѣ чего Андрей имѣлъ обыкновеніе, помощью жестовъ и нѣсколькихъ заученныхъ словъ, разъяснять ему: гдѣ, сколько и при какихъ обстоятельствахъ убили оленей, и кому изъ охотниковъ сосѣдей везетъ больше всѣхъ. Все онъ зналъ, все онъ помнилъ, всему радовался и пробовалъ увлечь въ эти интересы Павла, но тщетно — тотъ неисправимо скучалъ.

«Не могу понять... не могу... Отзвука нѣтъ... Вѣдь это для нихъ вопросъ жизни и смерти, а мнѣ все равно»,—думалъ онъ съ горечью.

— Когда же наконецъ придетъ переводчикъ?—безпрестанно спрашивалъ онъ.

— Подожди... Скоро будетъ!—отвѣчали всякій разъ.

Между тѣмъ якуты понемногу освоивались съ нимъ. Страхъ мало-по-малу исчезалъ. Все чаще охотникъ, приносившій подарокъ Андрею, клалъ на столъ отборный кусокъ для «нашего русскаго». Павла, особенно въ началѣ, сильно трогали эти знаки дружбы и вниманія.

— Чѣмъ-же я отблагодарю, отплачу вамъ? У меня нѣтъ ничего и ничего я не знаю изъ того, что вамъ нужно,—пробовалъ онъ отказываться.

— Ты нашъ! Мы не просимъ ничего, кромѣ доброты... Не бревгай нами!—просили якуты, кланяясь.

— Зачѣмъ платить?.. Они обязаны помогать тебѣ. Ты вѣдь не можешь пойти въ лѣсъ ловить оленей... Развѣ ты виноватъ, что этого не знаешь!—училъ его Андрей, недовольный, что горсти табаку, чаю, соли или муки переходятъ вслѣдъ за подаркомъ въ руки охотниковъ.

Долго, однако, такъ не могло продолжаться. Отказаться нельзя было—дарящій всегда утверждалъ, что ему ничего не нужно и, если Павелъ не хотѣлъ брать, оставлялъ подарокъ

на столѣ и уходилъ. Примириться съ совѣтомъ Андрея и получать безвозмездно подарки отъ людей, завѣдомо бѣдныхъ, Павелъ также не могъ. И его запасы таяли быстрѣе весеннихъ снѣговъ, тѣмъ болѣе, что вѣсть о щедрости русскаго мигомъ облетѣла окрестности. Между тѣмъ подарки, которые дѣлались ему, поступали въ распоряженіе Андрея и съѣдались всѣми; за то въ этихъ случаяхъ ѣда была не просто обѣдъ или ужинъ, а уже «угощеніе нашего господина русскаго». Къ нему обязательно требовали всякихъ приправъ: соли, муки, сухарей, сушенныхъ овощей. Павелъ стѣснялся отказывать.

Андрей, увѣренный, что жертва не уйдетъ, просилъ для себя очень рѣдко и всегда бралъ подачку подъ предлогомъ займа, но эти «займы» чуть ли не больше всего повредили запасамъ Павла, такъ какъ якутъ самъ опредѣлялъ ихъ размѣры. Впрочемъ, назойливость домашнихъ была далеко слабѣе того беззастѣнчиваго попрошайничанія, въ какое незамѣтно превратилось расположеніе къ нему сосѣдей.

«Все равно: раньше или позже останусь безъ муки и соли. Придется привыкать обходиться безъ нихъ!» — утѣшалъ себя Павелъ и только жалѣлъ, что незнаніе обычаевъ и языка ставятъ его въ какое-то ложное положеніе.

Требованія и наглость разъ одаренныхъ становились по истинѣ изумительными. Они являлись все чаще и иногда сразу по нѣскольку человѣкъ. Они терпѣливо пережидали другъ друга и для развлеченія осматривали его вещи, щупали дорожныя сумы, трогали книги и бумаги, наконецъ, толкали и дергали неустанно Павла за рукава и полы, чтобы обратить на себя вниманіе и заставить заговорить. Они на-перечетъ знали все, что онъ понимаетъ по-якутски, и говорили только:

— Капсе! мама, тятя?! Далеко или близко? Сколько лѣтъ? Ты бѣдный? Ты богатый? Ты купецъ? Ты господинъ? Продай... одолжи... подари!..

Все это было до того наивно, спрашивающій обыкновенно при этомъ до того самодовольно и глупо улыбался, что Павелъ, не смотря на раздраженіе и тоску, не могъ сердиться.

Наконецъ, стали приходить безъ всякихъ подарковъ или приносили вещи бросовыя, никому ненужныя, и обижались, когда Павелъ наотрѣзъ отказывался отъ нихъ. Тутъ уже начинались безконечныя разсужденія, кто кого обидѣлъ и кто кому долженъ за это что нибудь дать. Павелъ, чтобы отвязаться отъ непонятнаго, но надоѣдливаго ихъ жужжанія, обыкновенно давалъ имъ какой нибудь пустякъ: четвертушку бумаги, пуговку, нитку—все брали и уходили довольные. Принимали даже перецъ и горчицу, которыхъ якуты не употребляютъ. Только въ случаѣ совершеннаго отказа дѣлала скандалы:

— Всѣмъ даешь, и мнѣ дать долженъ; я другихъ не хуже!

Особенно грубъ бывалъ въ такихъ случаяхъ старикъ тунгусъ, который смотрѣлъ на Павла, какъ на свою собственность.

— Что-же ты давно мнѣ ничего не даешь?—присталъ онъ однажды, къ нему потряхивая головой и размахивая руками.— Или ты думаешь, что я богатый? Совсѣмъ я не богатый, а изъ бѣдныхъ бѣдный... Всѣмъ даешь, а мнѣ ничего. Я вотъ на тебя давно уже сержусь, а ты не видишь... Какая это дружба?— И тутъ онъ пространно началъ доказывать, какъ глупы и неблагодарны бываютъ эти русскіе, и какіе вообще плуты эти пріѣзжіе, умѣющіе только много обѣщать. Однѣ хлопоты съ ними и досада...

Но вошелъ Андрей, въ отсутствіе котораго началось это бурное объясненіе, и пристыдилъ старика длиннымъ перечнемъ полученныхъ подачекъ. Павелъ былъ на этотъ разъ освобожденъ.

Въ большинствѣ же случаевъ это кончалось далеко не всегда такъ благополучно. Иногда обиженные, получивши замѣчаніе отъ кого нибудь изъ домашнихъ, до того разгорячались, что въ избѣ воцарялся настоящій содомъ, и Павелъ, для прекращенія его, былъ принужденъ употреблять энергическія мѣры: уходилъ самъ или прогонялъ спорщика. Но его не особенно слушались. Только присутствіе Андрея сдерживало «атасовъ». На Павла эти ссоры производили впечатлѣніе вороньихъ дракъ надъ падалью. За то такія ссоры очень нравились хозяйкѣ: вѣчно больная, одинокая, она рада была хоть въ нихъ проявить себя и обязательно первая вызывала ихъ задорными, ѣдкими замѣчаніями... Если попадался подходящій противникъ, въ юртѣ поднимался такой шумъ, что могъ хоть кого свести съ ума. Дѣти бѣгали изъ угла въ уголъ, чтобъ видѣть лица ругающихся и не упустить ни одного словечка, Симаксинъ кудахтала, точно одержимая, даже собаки, взобравшись на плоскую крышу, присоединяли къ общему хору свой унылый вой. Оставалось: или уйти, или дать что-нибудь «атасу», или вытолкать его въ шею. Послѣднее трудно было сдѣлать въ чужомъ домѣ. При Андреѣ, сдерживаемые его суровымъ взглядомъ, гости ограничивались прямыми просьбами и затѣмъ краткими ядовитыми замѣчаніями или вздохами. Гости же въ юртѣ не переводились. Достаточно было Павлу за чѣмъ нибудь сунуться въ свои тюки, взять платокъ, новую книгу, карандашъ или перо, какъ сейчасъ же его окружалъ вѣнокъ любопытныхъ и возбужденныхъ людей. Ни просьбы, ни угрозы, ни приказанія, ни отказы не дѣйствовали; въ лучшемъ случаѣ не трогали ничего пальцами, но становились поодаль и не спускали съ него жадныхъ, внимательныхъ глазъ. Это была непрерывная блокада хищниковъ, выжидающихъ добычу.

— Не торгуешь?.. Зачѣмъ тебѣ столько?—наивно говорили они, когда онъ пробовалъ ихъ упрекать.

Этого «столько» было въ дѣйствительности очень немного. Павелъ помирился съ мыслью, что разберутъ у него все, но онъ не зналъ, какъ устроиться окончательно, и берегъ остатки для рѣшительной минуты.

— Когда же придетъ толмачъ? — повторялъ онъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Толмачъ? Зачѣмъ онъ тебѣ? Чего торопишься? Развѣ тебѣ у меня дурно? Сиди сколько хочешь, я не прогоняю тебя... А надоѣстъ, такъ пойди проживи нѣсколько дней у Филиппа, у Казака или у Матвѣя, обойди сосѣдей... Всѣ примутъ тебя съ радостью, потому что всѣ любятъ тебя... Развѣ этого тебѣ не говорятъ каждый день? Развѣ не приносятъ подарковъ, даже когда не хочешь?—насмѣшливо говорилъ Андрей.

— Нѣтъ! Лучше договоръ...

— Можно и договоръ, а только договоръ совсѣмъ другое, чѣмъ дружба,—пояснилъ значительно якутъ.

Кромѣ этихъ непріятностей, у Павла была еще одна затаенная причина нервнаго раздраженія и торопливости: онъ чувствовалъ, что не опорожнилъ еще до дна всей чаши, какую поднесла ему судьба, что на днѣ ея осталось еще нѣсколько капель, и онъ болѣзненно жаждалъ узнать всю ту обстановку, въ которой суждено ему провести многіе годы.

Наконецъ, однажды совершенно неожиданно вошли въ юрту Андрея запоздалые охотники. Когда они стали по серединѣ избы, вооруженные, загорѣлые, покрытые потомъ и кровью, со слѣдами пережитыхъ приключеній на смѣлыхъ мужественныхъ лицахъ; когда согласно, точно по командѣ, подняли въ разъ глаза къ святымъ образамъ и жилистыми, мѣдными руками самоувѣренно осѣнили грудь размашистымъ крестомъ,—выбѣжавшіе на встрѣчу ихъ женщины и дѣти даже попятились съ легкимъ крикомъ восторга. Андрея не было дома: онъ вмѣстѣ съ Павломъ отправился въ гости къ старому Филиппу, сыновья котораго, какъ имъ сказали вчера, возвратились изъ тайги.

— Какъ поживаете? Что подѣлываете? Что тутъ у васъ слышно? Сказывайте! Гдѣ вашъ новый господинъ?—заговорилъ звонко и весело, какъ всегда, Джянга, заглядывая Лельѣ въ глаза.

— Какой господинъ? Просто козликъ бородатый, — разсмѣялась дѣвушка.

— Уже зубоскалите!.. Ахъ наказаніе! — кричала жена Андрея, вылѣзая изъ-за перегородки и расталкивая столпившуюся на дорогѣ молодежь.—Иди, Джянга, иди Уйбанчикъ, разсказывайте, что и какъ было и что вы домой привезли?

Она тяжело опустилась на скамью на хозяйское первое мѣсто, которое ей уступилъ торопливо тунгусъ. Тотъ послѣднее время почти не покидалъ юрты Андрея, гдѣ проводилъ дни въ праздности, сидя обязательно на первомъ мѣстѣ. Ему не мѣшали, но въ случаѣ нужды выгоняли его оттуда безъ церемоніи.

— Такъ, такъ... разсказывайте, а мы послушаемъ, и сами можетъ быть, что-нибудь скажемъ,—поддержалъ хозяйку, тунгусъ.

Въ избѣ стало шумно; разсказчиковъ перебивали постоянными вопросами, и только въ концѣ рѣчь ихъ стала болѣе обстоятельной и плавной. Нѣкоторые, утоливъ первое любопытство, разбрелись по угламъ. Самые младшіе и нетерпѣливые побѣжали подъ руководствомъ Нюстера и Нерпы осматривать добычу; Лельѣ хозяйка приказала готовить чай, и та суетилась около камина; Симаксинъ никогда не была большой охотницей до громкихъ разговоровъ; у стола остались только хозяйка, тунгусъ да два старшихъ охотника.

Звучнымъ голосомъ описывалъ систематично Джянга все случившееся съ первыхъ же дней; ему точно отголосокъ вторила возбужденная эмирячка, присѣвши въ уголку съ кожей въ рукахъ, но вниманіе слушателей черезчуръ было занято красотой развертывающихся передъ ними картинъ, чтобы ихъ могли смѣшить выходки больной. Лелья притаила дыханіе, двигалась тихо, и только изрѣдка ея блестящій взглядъ останавливался на разсказчикѣ. Даже Уйбанчикъ слушалъ съ большимъ интересомъ: до того все, что разсказывалъ Джянга, было правдиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, красиво и ярко. Онъ все это видѣлъ и переживалъ самолично, но ничего не замѣчалъ, и только теперь, отраженное въ умѣ брата, все прошлое предстало въ его воспоминаніяхъ во всей своей чудесной прелести.

Только конецъ разсказа прозвучалъ диссонансомъ.

— Упустили... послѣдняго?—переспросилъ тунгусъ.

— Упустили,—равнодушно отвѣтилъ Джянга,—настъ намерзъ толстый на снѣгахъ... не проломить—убѣгаютъ звѣри!

— Упустили... послѣдняго... нехорошо!

— Ты поймалъ бы его?—спросилъ насмѣшливо охотникъ.

— Конечно, нужно было вамъ...

Но Джянга не дослушалъ и двинулся къ выходу показывать хозяйкѣ добычу.

По серединѣ двора, гдѣ стояли нарты, въ кругу дѣтей, хлопавшихъ въ ладоши и возбужденно лаявшихъ собакъ, забавно ритоптывалъ и танцовалъ Нерпа, одѣтый въ сюртукъ Павла:

— Посмотрите лю-ди... какой я теперь... мохнатый русій... Бу-курдукъ, бу-кур-дукъ, а вы, дурни, хлебайте бур-дукъ!..

Нерпа подпрыгнулъ и запѣлъ:

Въ углу западнаго неба
Восмистѣнный мертвый звѣрь,
Двоелапый, троеглазый,
Но безхвостый звѣрь!?.
Эй-яхай!..

— Знаемъ: штаны!—закричали дѣти.

Ыкы-лыкы—чычы лыкы,
Дружку любятъ,
Къ дружкѣ ходятъ?!

— Пуговицы... пуговицы!—отвѣчалъ поспѣшно хоръ.

Но было необходимо снести грузъ въ амбары, а еще неободраннаго звѣря втащить въ юрту, и игры были оставлены, и всѣ принялись за работу.

Между тѣмъ Уйбанчикъ просматривалъ книги Павла, оставленныя на полкѣ, и распрашивалъ о пріѣзжемъ тунгуса.

— Ученый?

— Кто его знаетъ.

— Хорошій? «Псы-псы... хо-ло-гія...»—съ трудомъ разбиралъ Уйбанчикъ.

— Скупой!

— Кто для васъ, разбойниковъ, напасется? Ограбили вы его вѣрно совсѣмъ,—ворчалъ онъ по-русски.—Что... очки носитъ?

— Носить!

— Всегда?

— Всегда!

— «Соц-соціо-ло-гія...»—принялся онъ за второе заглавіе.—Что онъ по-русски разговариваетъ или иначе?

— Должно быть по-русски... кто его знаетъ!

— А по якутски малъ-мало понимаетъ?

— Ма-стеръ! А только притворяется, чтобы никому ничего не давать.

— Воронье жадное!.. Все должно быть растащили...—ворчалъ парень.—«Эко-но-мія»... фу-ты! Буквы будто наши, а не понимаю... А есть и такія, что совсѣмъ не наши... Что? можетъ быть онъ жидъ?

— Должно быть жидъ... Такой скупой и Богу не молится!

Уйбанчикъ задумался.

— Э... это ничего... Онъ можетъ быть нашъ, хотя и не молится,—проговорилъ онъ съ разстановкой.—Если онъ, напримѣръ, очень ученый... Такъ зачѣмъ ему попъ, зачѣмъ угодники?.. Онъ самъ съ Богомъ поговорить въ состояніи.

Уйбанчикъ набожно сдунулъ пыль съ обложки, положилъ книгу на то же мѣсто и, задумчивый, разсѣянный, пошелъ помогать брату. Когда все было положено на своемъ мѣстѣ, оби-

татели юрты опять собрались кругомъ заставленнаго чашками стола. Первое мѣсто въ этотъ разъ заняли промышленники. Домашніе видимо ухаживали за ними, имъ подсовывали лучшіе куски строганины, наливали болѣе крѣпкій чай, къ нимъ обращались съ особенной лаской во взглядѣ и голосѣ. Они принимали все это, какъ нѣчто должное за трудъ, за опасности, которыя несли за всѣхъ, и ѣли и пили за десятерыхъ, такъ какъ теперь уже могли дать себѣ волю. Теплый, спертый воздухъ избы и огромное количество выпитаго чая опьянили ихъ; глаза ихъ потускнѣли, лица потемнѣли, и истома охватила все тѣло. Осоловѣлые, съ трудомъ боролись они со сномъ, не желая упустить готовящагося для нихъ ужина.

— Послѣднія двѣ ночи совсѣмъ не спали,—оправдывался Джянга.

— Нерпа... Нерпа!.. Не спи... не хорошо!. Поѣдимъ... тогда!..—будилъ засыпавшаго мальчика Уйбанчикъ. Но напрасно онъ его дергалъ за ноги, за плечи, даже за носъ: Нерпа лежалъ точно мертвый и что-то невнятно бормоталъ.

Нюстеръ давно уже храпѣлъ на кровати у матери. Наконецъ, и братья-промышленники, добросовѣстно поѣвши все, что имъ приготовили, бросились на нары и уснули тяжелымъ сномъ.

Павелъ и Андрей поздно возвратились домой; они безъ словъ угадали, по нартѣ, оставленной среди двора, по запаху крови и смолы въ избѣ и тѣламъ оленей, что охотники, наконецъ, вернулись.

— Который толмачъ?.. Который толмачъ?—жадно спрашивалъ Павелъ, понижая голосъ и наклоняясь надъ общей постелью парней.

Андрей показалъ ему на большую курчавую голову, и юноша долго стоялъ, охваченный страннымъ чувствомъ, и всматривался въ это широкое, плоское, мѣдное лицо, застывшее въ глубокомъ снѣ.

VIII.

Затопленный каминъ разбудилъ Павла, но онъ настолько былъ утомленъ вчерашней ходьбой, что сейчасъ же сталъ засыпать вторично. Нѣкоторое время къ нему долетали людскіе голоса, звонъ посуды, потрескиваніе дровъ, затѣмъ все исчезло, подернутое грезами. И вотъ онъ идетъ по саду, полному прохлады и сумерекъ только что исчезнувшей ночи. Дорожки усыпаны желтымъ пескомъ и мелкой дресвою. Съ обѣихъ сторонъ ихъ повисли яркія, свѣжія, отдохнувшія за ночь розы; ихъ лепестки усыпаны алмазной росою, ихъ полные бутоны

нетерпѣливо ждутъ дня. Выше дремлютъ бѣлыя купы спутанныхъ вѣтокъ черемухи, жасмина, сирени, а еще выше повисли высокіе, стрѣлчатые своды яркой зелени липъ, кленовъ и грабовъ. Павелъ прекрасно знаетъ и садъ, и дорожку, тѣмъ не менѣе у него бьется сердце и все осматриваетъ онъ жадно, точно видитъ впервые, точно не увидитъ больше. Онъ ждетъ чего-то и съ тревогой глядитъ въ конецъ аллеи, гдѣ у края террасы прозрачная занавѣсь неба замыкаетъ выходъ. И вотъ всплылъ оттуда легкій, граціозный, желанный силуэтъ, прикрытый туманной чадрой и чуть озаренный розовыми лучами восходящей зари. Онъ идетъ къ нему, протягиваетъ руку, чадра колеблется и должна упасть... и Павелъ что-то будетъ говорить и будетъ слушать... но въ тотъ же мигъ силуэтъ блѣднѣетъ, расплывается и исчезаетъ въ палевомъ воздухѣ утра...

Павелъ вздохнулъ, но не открылъ глазъ.

И опять снится ему, что, идетъ онъ среди цвѣтущихъ садовъ, но уже не улицей, а широкой дорогой, и на небѣ не утро, а вечеръ.

Среди зелени бѣлѣютъ богатыя, мраморныя дачи и виднѣются болѣе скромныя домики съ красными черепичными крышами и рѣзными ставнями. Высокія фабричныя трубы высятся тамъ и сямъ. Вдали на горизонтѣ туманно рисуются очертанія большого города и слабый гулъ долетаетъ оттуда. Узкія дорожки, что ни шагъ, убѣгаютъ отъ главной артеріи и точно сѣть мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ исчезаютъ въ глубинѣ садовъ. Павелъ пошелъ по одной изъ нихъ, усаженной по обѣимъ сторонамъ кустами крыжовника и смородины. Въ концѣ разстилается небольшой лужокъ, окаймленный куртинами цвѣтущихъ яблоней. Бѣлые лепестки упавшихъ цвѣтовъ сплошь покрываютъ землю. Весь уголочекъ тихій, пахучій, бѣлый, напоминаетъ зиму, но лишенную холода и жесткости. Подъ деревьями на землѣ сидитъ кучка одѣтыхъ въ лохмотья людей. Это все, такъ называемые, отбросы общества: лѣтомъ — поденщики на фабрикахъ и заводахъ, продавцы песку, тряпичники, чистильщики; зимою — воры, нищіе, бродяги, проститутки самого низшаго разбора и другіе завсегдатаи загородныхъ кабаковъ и тюремъ. Впереди стоитъ на колѣняхъ атлетическаго сложенія рабочій. Павелъ зналъ его, встрѣчался съ нимъ часто...

«Абрагамъ тêрêтê Іаковъ, Іаковъ терете Іюда, Іюда терете...» загремѣло вдругъ по якутски, быстро и четко, будто кто просыпалъ мѣшокъ гороху. Павелъ проснулся и прежде всего увидѣлъ огромную шапку курчавыхъ, черныхъ волосъ, склонившуюся надъ большой книгой въ зеленомъ переплетѣ.

«Давидъ терете Соломонъ, Соломонъ терете...» продолжалъ гудѣть парень, очевидно, наизусть.

Павелъ поднялся и началъ одѣваться; въ то же время изъ-за книги выглянуло широкое, расплывшееся въ самодовольную улыбку лицо съ маленькими, узенькими, точно щелки, глазками.

— А... вы уже встаете?.. Мы должно быть вамъ помѣшали? Мы тутъ читаемъ въ книгѣ, какъ Давидъ родилъ Соломона...—попробовалъ Уйбанчикъ завести ученый разговоръ.— Вы должно быть сапогъ ищете?.. Вотъ они, на скамьѣ... Подметали избу и положили... Сегодня у насъ праздникъ!..

Павелъ поднялъ голову и дѣйствительно увидѣлъ праздничную картину: по серединѣ юрты, поднявши къ верху головы и уставивши глаза въ уголъ съ образами, стоялъ рядъ темныхъ, празднично одѣтыхъ, молчаливыхъ фигуръ. Онѣ чинно крестились и отбивали поклоны, а отъ иконъ лился на нихъ слабый свѣтъ восковыхъ свѣчей и струился дымъ кадила. Запахъ ладона, горящаго воска и масла наполнялъ юрту. Павелъ поторопился убраться изъ своего угла, временно превратившагося въ церковь.

Уйбанчикъ, который читалъ, какъ объяснилъ, «для своего удовольствія», сейчасъ же положилъ книгу и, замѣтивши, что Павелъ ищетъ тазъ и воды, но не смѣетъ шарить по угламъ, поспѣшилъ на помощь.

— Будемъ друзьями...—говорилъ онъ, подавая ему что нужно.—Я знаю одного изъ вашихъ товарищей, что живетъ въ городѣ на площади... Онъ говорилъ вамъ, что нибудь обо мнѣ?

— Нѣтъ!.. А какъ твоя фамилія?

— Фамилія моя Уйбанчикъ, что значитъ Ваня, а все вмѣстѣ такъ будетъ: Иванъ Матвѣевичъ Трофимовъ рода Эсе, т. е. Медвѣдь, 2-го Юсальскаго наслега Джурджуйскаго улуса, писарь, но не тотъ большой, а маленькій... — пояснилъ поспѣшно Уйбанчикъ.—А васъ какъ звать?

— Павелъ Щербина!

— Щербина?.. И только?

— Только!..—разсмѣялся Павелъ.

Послѣ молитвы якуты подходили по очереди сперва къ Андрею, затѣмъ къ Павлу, который успѣлъ къ тому времени умыться и одѣться, протягивали руки и здоровались. Женщины разставляли на столѣ посуду и готовили завтракъ. Когда все было готово, всѣ усѣлись у стола, по серединѣ котораго стояли два блюда: одно—полное копченой рыбы «юкалы», другое — кусковъ мерзлаго масла «хаяку». Андрей торжественно положилъ передъ каждымъ кусочекъ сахару, а Павелъ, который уже немного познакомился съ якутскими обычаями, выложилъ на столъ немного сухарей; Уйбанчику, Джянгѣ и Нерпѣ онъ далъ больше, отдѣльно, пояснивъ:

— Васъ не было, когда другимъ давалъ!..

Лица ихъ озарились дѣтской радостью, даже Джянга дружески кивнулъ ему головою.

— Мы знаемъ вашего товарища, что живетъ въ городѣ...— началъ опять Уйбанчикъ,—и Джянга знаетъ, и Андрей знаетъ. Онъ жилъ у насъ нѣсколько недѣль... Недалеко отсюда по дорогѣ задержала ихъ вода, людей зажиточныхъ ближе не было, вотъ и привезли его сюда... Видите, у насъ тутъ, у бѣдныхъ людей съ голоду можно умереть... Онъ тоже такой добрый, какъ и вы... Онъ намъ разсказывалъ, что вы не воры и не разбойники, и мы очень этому радуемся и согласны, чтобы вы у насъ жили... А у кого вы выбрали квартиру?.. Однако, у Андрея было бы хорошо: онъ богатый и живетъ по-русски... Есть тоже Филиппъ богачъ... но черезъ-чуръ скупой и неряха... не стерпите...

— А ты гдѣ живешь?

— Я?.. Я живу отсюда не далеко, верстъ съ десять...

— Недалеко?!.—разсмѣялся Павелъ.

— Ну да: мы это зовемъ въ сосѣдяхъ...

— А ты женатый?

Уйбанчикъ смутился.

— У тебя есть женщина? — повторилъ Павелъ, полагая, что его не поняли.

Темный румянецъ покрылъ лицо и уши Уйбанчика.

— А пошто?

— О чемъ онъ спрашиваетъ?—освѣдомились окружающіе, заинтересованные замѣшательствомъ парня.

— Спрашиваетъ, есть-ли у меня баба?

— Пфуй!.. Кабысь!.. Эта-та!..—засмѣялись женщины, а мужчины искоса взглянули на Павла; тотъ понялъ, что сказалъ что-то двусмысленное.

— Да нѣтъ же... не о томъ!.. Совсѣмъ не то... Я спрашиваю, есть ли у тебя жена, потому что хочу знать, есть ли у тебя или ты можетъ быть намѣренъ скоро основать хозяйство. Тогда я бы поселился у тебя... Здѣсь не хорошо, слова не съ кѣмъ сказать...

— Нѣтъ... Мы люди бѣдные!..—отвѣтилъ поспѣшно Уйбанчикъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Андрей.

— Онъ говоритъ, что слова не съ кѣмъ сказать...

— А книги?.. Вѣдь онъ по цѣлымъ днямъ съ ними разговариваетъ... Никто ему не мѣшаетъ, думаю... Ты теперь ходить станешь, онъ къ тебѣ ходить будетъ... Ты живешь недалеко... Скажи ему!

— Что онъ говоритъ? — спросилъ въ свою очередь Павелъ, но Уйбанчикъ не отвѣтилъ, погруженный въ раздумье.

— Эхъ, не то!..—сказалъ онъ, наконецъ.—А жить у насъ

ты могъ бы развѣ только зимою, потому что лѣтомъ мы уходимъ въ тайгу... Скота не держимъ, домъ лѣтникъ, не домъ, а просто клѣть... Комары съѣдять тебя. А, впрочемъ, все равно Андрей не пуститъ...—добавилъ онъ тише.

— Какъ не пуститъ?

Якутъ ничего не отвѣтилъ, повернулся къ Андрею и быстро заговорилъ съ нимъ. Все это очень не понравилось Павлу.

— Я со всѣмъ обществомъ, а не только съ Андреемъ желаю имѣть дѣло...—сказалъ онъ рѣшительно.

— Какъ же... какъ же!.. Собраніе... непремѣнно собраніе... Мы это сами знаемъ...—утвердительно кивалъ головою Андрей.— Толмачъ есть и собраніе будетъ... только не скоро... Сосѣди теперь заняты: переѣзжаютъ на лѣтнее жилье... на заимки... Ты это время посиди уже у меня такъ, безъ уговора, на пробу, а послѣ, какъ пожелаетъ міръ, такъ и будетъ... Хорошо?!

Павелъ давно уже замѣтилъ, что Андрей почему то хочетъ удержать его у себя.

Онъ уже настолько узналъ богача, что не считалъ себя въ правѣ приписывать это гостепріимству. Ему было непріятно, что его какъ-будто хотятъ дурачить, но дѣться было некуда, и онъ подчинился. Послѣ завтрака онъ попросилъ, чтобы ему отвели уголъ. Хотя хозяева хорошо не разобрали, въ чемъ дѣло, и говорили, что весь домъ его, что отдѣлить уголъ невозможно, но послѣ настойчиваго требованія Андрей указалъ на ту же скамью, которую Павелъ занималъ до сихъ поръ. При помощи Уйбанчика, Павелъ устроилъ тамъ себѣ нѣсколько полокъ, вбилъ нѣсколько гвоздей и началъ доставать и развѣшивать давно уже не провѣтриваемыя вещи. Всѣ домашніе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ и перешептывались изрѣдка:

— Видѣли?.. Смотрите, смотрите... Зеркало... мыло, три рубахи... сапоги... брюки!.. И все тонкаго сукна!.. Ой!.. ой... богачъ!.. Купецъ!..

Когда же Павелъ открылъ самый большой изъ ящиковъ, полный бумагъ и книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были въ красивыхъ тисненныхъ переплетахъ съ позолотою, всѣ поднялись и окружили его тѣснымъ кольцомъ.

— Все законы?—серьезно спросилъ Андрей.

— Какъ законы? Тутъ не только законы, тутъ, однако, все отъ самаго начала...—отвѣтилъ возбужденно Уйбанчикъ. Онъ жадно хваталъ книги, обдувалъ съ нихъ пыль, обтиралъ плѣсень, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, читалъ заглавія и непремѣнно требовалъ, чтобы Павелъ сообщилъ ему ихъ содержаніе:

— Хоть вкратцѣ, хоть такъ...

Затѣмъ все, что слышалъ, переводилъ торжественно и громко.

Дѣти не спускали съ него глазъ; Джянга насмѣшливо поглядывалъ и все толкалъ и щипалъ стоящую около Лелью, обращая ея вниманіе на Симаксинъ, забавно подражавшую движеніямъ Уйбанчика; тунгусъ ворчалъ недовольный, что другіе говорятъ такъ много; Андрей снисходительно вздохнулъ и усѣлся у камина поодаль.

Когда Павелъ досталъ послѣднюю книгу, и Уйбанчикъ узналъ ея содержаніе, когда затѣмъ онъ убѣдился, что это послѣдняя, нѣкоторое разочарованіе мелькнуло на его возбужденномъ лицѣ.

— Все?.. А та... гдѣ же та?..—спросилъ онъ, заглядывая въ ящикъ.

— Какая?

— Да... главная!..—отвѣтилъ якутъ, замявшись.— Вы не сердитесь, но мы такъ... по глупости!.. Есть, говорятъ, такая на югѣ... золотыми напечатана буквами, откуда все можно узнать, гдѣ каждая буква—истина и умъ, и которую, когда прочтешь, то уже никогда не тоскуешь?!.

Павелъ глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Такая?.. Такая...—сказалъ онъ, наконецъ, съ улыбкой...— Такой нѣтъ, другой мой, Уйбанчикъ! А истину мы ищемъ во всѣхъ этихъ книгахъ... Трудно ее, милый мой, находить, она тамъ разсыпана точно крупинки золота въ пескѣ. У насъ на югѣ есть въ городахъ огромные дома, отъ подваловъ до верху набитые разными книгами... Ихъ зовутъ библіотеки...

— Библіотеки...—автоматически повторилъ якутъ.

Павелъ посмотрѣлъ на него внимательно и замѣтивши, что парень не слушаетъ, погруженный въ раздумье, умолкъ, отвернулся къ огню и самъ въ свою очередь глубоко задумался.

Вскорѣ они остались только вдвоемъ; остальные разошлись по угламъ каждый къ своей работѣ.

— Ты, Уйбанчикъ, заходи временами...—просилъ Павелъ на прощанье, провожая парня, когда тотъ, взявши часть добычи, выдѣленную ему Андреемъ, вмѣстѣ съ тунгусомъ и Нерпой направился къ воротамъ.

— Какъ же... какъ же!.. Буду ходить...—дружески кивалъ головою якутъ.

Они тронулись, поскрипывая лыжами, въ глубину долины, надъ которой раскинулось темное звѣздное небо. Молодежь и дѣти проводили ихъ до воротъ и стояли тамъ нѣкоторое время въ ожиданіи, пока фигуры ихъ исчезнутъ во мракѣ. Молодые несли тяжести, тунгусъ что-то разсказывалъ крикливымъ назойливымъ голосомъ, который точно однообразное жужжаніе овода долго долеталъ къ нимъ издали. Наконецъ замолкъ и онъ. Павелъ обернулся и увидѣлъ, что Джянги и Лельи уже нѣтъ, что остались только дѣти и старая Симаксинъ.

IX.

Со временемъ Павелъ убѣдился, что это было единственное общество, на которое онъ могъ разсчитывать. Дѣти скоро его узнали и полюбили. Если отецъ или мать хотѣли ихъ наказать, они прятались къ нему подъ столъ или на кровать, увѣренные, что «нучча берехтере суохъ»—русскій не дастъ! Симаксинъ, также благодарная, что онъ ее никогда не дразнилъ, не мучилъ, а раздавая подарки, не обходилъ, тоже была къ нему очень расположена и всячески старалась это выказать, но всякую ея услугу отравляло невообразимое ея неряшество. Нюстеръ первое время тоже льнулъ къ нему, и они были бы навѣрное друзьями, еслибы Павлу не пришла въ голову мысль учить мальчика грамотѣ. Андрей приказалъ, и послушный отцу якутёнокъ нѣсколько дней потѣлъ и мучился, стараясь запомнить знаки и звуки, путая, коверкая и возбуждая среди младшей родни много смѣха и шутокъ. Наконецъ, онъ добился у отца согласія бросить ученье, и Павелъ, чувствуя, что ничего не выйдетъ безъ предварительнаго его знакомства съ языкомъ, не настаивалъ. Съ остальными домашними отношенія его мало-по-малу снизошли до краткихъ: «такъ» и «нѣтъ», которыя онъ уже зналъ твердо по-якутски. Андрей, правда, пробовалъ кой-когда вступать съ нимъ въ болѣе пространные разговоры, но несмотря на обиліе жестовъ и восклицаній, кончались они всегда обоюднымъ недоразумѣніемъ и неудовольствіемъ. Дольше всѣхъ не оставлялъ его разговорами тунгусъ; онъ всякій разъ, посѣщая Андрея, удостоивалъ Павла бесѣды на какомъ-то ему одному извѣстномъ языкѣ, гдѣ мелькали и искверканныя русскія, тунгускія и якутскія слова съ прибавленіемъ вовсе неопредѣленныхъ звуковъ. Повидимому, и самъ ораторъ плохо понималъ ихъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ въ претензіи:

— Почему не отвѣчаешь? Почему молчишь?.. Вѣдь это по-русски... Сидишь и молчишь и никакой отъ тебя людямъ пользы!..

Павелъ иногда пробовалъ хоть что-нибудь уловить изъ его галиматьи, но по большой части неудачно. По виду онъ слушалъ, а въ дѣйствительности думалъ про себя и такъ привыкъ, къ этому, что разговоры ему совсѣмъ не мѣшали.

— Не говоритъ, потому что не хочетъ!..—согласно рѣшили всѣ и оставили его въ покоѣ. Впрочемъ, со времени, какъ раскрылась тайна его ящиковъ, сильно ослабѣли и интересъ къ нему и пламенныя чувства. Бурный періодъ знакомства съ якутами миновалъ. Имъ перестали интересоваться, его меньше тревожили, что его сильно радовало. Онъ чувствовалъ въ душѣ такія не тронутыя сокровища молодости, силъ, вѣры и надежды, что думалъ хватитъ ему ихъ на долго.

«Между тѣмъ выучусь по-якутски и исчезнетъ, наконецъ, препятствіе, отдѣляющее меня отъ жизни: теперь все видишь, но участія принять не можешь!»

Наступающая весна по старой привычкѣ не давала ему, впрочемъ, сильно самоуглубляться. Его тянуло въ степь, въ тайгу, хотѣлось осмотрѣть неизвѣстные уголки пустыни, надышаться теплымъ воздухомъ, налюбоваться солнцемъ. Но онъ ошибся, въ чемъ убѣдили его два-три неудачныхъ опыта. Хотя снѣга сильно уже подтаяли и сквозь нихъ, какъ сквозь рубище тѣло, просвѣчивала земля; хотя уже прилетѣли вороны, здѣшнія ласточки,—окрестности все еще продолжали вызывать ощущеніе гнетущаго однообразія и мертвенности. Снѣгъ, лужи воды, прошлогоднія травы и опять снѣгъ, лужи воды и все тѣ же кусты и травы. Сосѣди жили далеко, а если и зайти къ кому нибудь, то все тѣ же малопонятныя фразы, обращеніе, полное все той же церемонной вѣжливости и выжиданія. Все уже вошло въ свою колею, было такъ же однообразно и скучно, какъ разстилающаяся кругомъ равнина, гдѣ можно было ходить пока только по дорогѣ. Приходилось ждать словъ, чтобы проникнуть въ глубину жизни, а слова и фразы, совершенно чуждыя, трудныя, запоминались и воспроизводились туго. Павелъ предпочелъ, пока не сойдутъ снѣга, сидѣть дома, и наблюдать, что тамъ происходитъ.

На однообразномъ сѣромъ фонѣ окружающей жизни, миловидная фигура Лельи прежде всего привлекла его вниманіе. Несмотря на грязь, смуглый цвѣтъ тѣла, на плоскія черты лица и непріятный запахъ дурно выдѣланнаго мѣха ея платья,—онъ долженъ былъ сознаться, что она недурна собой. Отъ ея движеній легкихъ, граціозныхъ, порывистыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныхъ—вѣяло лѣсомъ, ея темные, бархатные глаза смотрѣли тревожно и кокетливо, а тонкая гибкая фигура, съ широкой мужественной грудью и узкими бедрами, сама-собою напрашивалась на сравненіе съ молоденькой елкой, еще не тронутой непогодою, или стройной, только что разцвѣтающей березкой. Стеклянныя и серебряныя украшенія, покрывающія ея мѣховой передникъ, бусы и монеты, густо унизывающія ея косы, длинныя серебряныя серьги, свѣшивающіяся на плечи, увеличивали еще это сходство, блистали точно капли росы, на темномъ мѣхѣ ея платья.

Наблюдая за дѣвушкой, Павелъ не могъ не замѣтить завязывающейся кругомъ нея драмы. Ему было жаль Лелью, но ни сочувствія, ни защиты онъ не могъ выказать, безъ риска вызвать только новыя осложненія. Это онъ скоро понялъ. Даже то слабое вниманіе и подарки, которые онъ, впрочемъ,

старался дѣлать въ то же время и другимъ, были замѣчены и толковались дурно.

Однажды, еще въ началѣ, когда заинтересованный узорами ея серебряныхъ украшеній, онъ приблизился къ ней, чтобы разглядѣть ихъ лучше, дѣвушка отскочила отъ него съ крикомъ испуга, точно дикая коза; только суровое приказаніе отца, который въ то время еще протежировалъ Павлу, остановило ее Чтобы убѣдить дикарку, что онъ не намѣренъ сдѣлать ей что-нибудь худое, Павелъ взялъ въ руки край ея передника и чрезвычайно смутился, коснувшись въ то же время голой, колышущейся груди дѣвушки, прикрытой только этимъ передникомъ. Присутствующіе мужчины смѣхомъ встрѣтили его замѣшательство, а у дѣвушки въ глазахъ блеснули слезы, и она зардѣлась, какъ брусника. Нюстеръ, Нерпа, Джянга, даже Андрей и его жена долго преслѣдовали дѣвушку этимъ смущеніемъ русскаго, и та до тѣхъ поръ дулась и бросала на Павла гнѣвные взгляды, пока онъ не догадался совершенно не обращать на нее вниманія.

Такъ жилъ онъ среди нихъ одинокій, грустный, молчаливый и праздный.

И у другихъ обитателей юрты особенныхъ занятій не было. Домашніе кой-что дѣлали, но больше развлекались. Андрей, если былъ дома, то обыкновенно сидѣлъ посрединѣ передъ каминомъ и молчаливо глядѣлъ на то, что творится кругомъ; Нюстеръ и Джянга чинили сѣти; имъ помогалъ кто нибудь изъ младшихъ сыновей Андрея; остальныя дѣти и женщины толкались больше на женской половинѣ дома. Тамъ вѣчно мяли кожи и что-то шили. Вечеромъ на дворѣ происходили какія-то игры, судя по возгласамъ, шуму и смѣху, но все это мгновенно утихало, лишь только являлся кто либо изъ старшихъ, Андрей или Павелъ. Павелъ жилъ въ совершенномъ обособленіи и жажда жизни, понятнаго слова, дружеской улыбки, разнообразія, простого созерцанія не формальной, а внутренней человѣческой работы, охватывала его подчасъ съ мучительной силой. Неудивительно, что появленіе Уйбанчика, который аккуратно посѣщалъ его каждый праздникъ, не въ мѣру волновало его. Парень, казалось, раздѣлялъ его ощущенія. Вытянувшись на нарахъ и подперевъ курчавую голову руками, онъ готовъ былъ, не мѣняя позы, по цѣлымъ часамъ слушать разсказы объ этихъ чудесахъ, болѣе чудесныхъ, чѣмъ самыя сказки, объ этихъ земляхъ, гдѣ солнце такое жгучее, гдѣ жизнь такъ кипитъ, гдѣ многолюдные города гуще стоятъ, чѣмъ ихъ усадьбы въ долинѣ; объ огромныхъ зданіяхъ, построенныхъ изъ кирпича и камня — высокихъ, крутыхъ, точно утесы; гдѣ улицы длинны и узки, точно ущелія... Онъ жадно слушалъ объ этихъ людяхъ, что

вмѣсто собаки и оленя впрягли въ желѣзные поѣзда огонь и воду, что плаваютъ по безконечнымъ морямъ на корабляхъ, похожихъ на острова, слушалъ, какъ пробуютъ они летать по воздуху, какъ они покорили невидимыя силы, страшныя молніи, и какъ заставили ихъ носить далеко человѣческія слова и работать... слушалъ... и глаза у него лихорадочно загорались.

— А все, сказываешь, потому, что хлѣбъ ѣдите?

— Ну, не совсѣмъ... Но и мы когда-то были бѣдными, какъ вы, рыбаками и промышленниками...—Тутъ Павелъ пробовалъ кратко сообщить ему все, что зналъ по исторіи культуры европейскихъ народовъ. Разсказывалъ о постоянно возростающей ихъ мощи, богатствѣ, преуспѣяніяхъ, по мѣрѣ мирнаго сотрудничества. — И нѣтъ имъ предѣла... Развѣ что солнце потухнетъ раньше, чѣмъ люди зажгутъ себѣ собственное...—закончилъ онъ и взволнованный сталъ ходить по избѣ.

— А мы? Что же мы?—спросилъ помолчавъ Уйбанчикъ.— Я бы хотѣлъ васъ о чемъ-то спросить, но... стыжусь...

— Стыдишься?.. Чего же ты стыдишься?—спросилъ Павелъ, останавливаясь и разсѣянно взглядывая на якута. Парень молчалъ, а Павелъ, занятый своими мыслями, уже не повторилъ вопроса.

Въ избѣ всѣ давно уже спали, а русскій все еще ходилъ задумчивый и взволнованный.

X.

Обувь, шитая нитью жильною,
Разукрашена складно-рубчато,
Со голяшками со шелковыми.
Бедра стройныя—сплошь узорчаты,
Поясница-то ровно клѣтчата,
А крѣпка спина—крупно-пестрая...
Крылья стрѣльчаты, мелко-зубчаты,
Перья легкія серебристыя,
Кости кованы—золоченыя,
Глотка толстая вся въ крапиночкахъ,
Клювъ, каленый рогъ, кривъ-кривехонекъ,
Голосъ мѣдный—звонъ, переливчатый,
Тѣло плотное, коренастое...
Прилетѣлъ ты къ намъ, птичій царь-орелъ!
Впереди тебя снигирей стада,
Позади тебя подорожники...
Съ облаковъ упалъ ты на темный боръ,
Девяти деревъ верхи въ горсть собралъ,

И усѣлся ты, господиномъ здѣсь
И господствуешь, поднявъ голову,
Украшаешь лѣсъ звучной пѣснею...

Пѣлъ Джянга, стоя въ воротахъ «лѣтника» Андрея, куда вся семья перебралась уже нѣсколько дней тому назадъ. Парень смотрѣлъ вдаль и пѣлъ какъ будто для себя, но за спиной его столпилась кучка сосредоточенно слушавшей молодежи. Немного въ сторонѣ стояли Павелъ и Уйбанчикъ, который стихъ за стихомъ переводилъ русскому импровизацію брата. Павелъ слушалъ и разсѣянно слѣдилъ за полетомъ лебедей, гусей и другихъ птицъ, летѣвшихъ густыми стаями на сѣверъ. Выше плыли сѣрыя, золотистыя тучки, а небо было голубое и воздухъ прозрачный, теплый, насыщенный солнечнымъ блескомъ.

— Ахъ, какъ это хорошо!.. Я только не умѣю высказать, но это очень хорошо!..— вздохнулъ переводчикъ, послѣ того, какъ умолкло пѣніе.

— Нравится тебѣ?

— Какъ нравиться не будетъ?! И тебѣ бы понравилось, еслибъ высказать...

Павелъ ничего не отвѣтилъ. Дикій напѣвъ, похожій не то на карканье воспѣваемаго орла, не то на волчій вой, совсѣмъ ему не понравился, а послѣднія слова, описывающія «темный боръ» до того не шли къ окружающимъ ихъ зарослямъ, что ему, знакомому съ лѣсами юга, стало смѣшно.

Надъ лѣсомъ какъ разъ носилась безпокойно пара большихъ пестрыхъ орловъ, въ тщетныхъ, очевидно, поискахъ «девяти нужныхъ лиственницъ».

— Да, слова недурны!.. — отвѣтилъ Павелъ, не желая огорчать друга.

Широкое лицо Уйбанчика стало еще шире отъ удовольствія.

— Еслибъ ты зналъ по якутски, ты бы самъ увидѣлъ, какія у насъ хорошія пѣсни о богатыряхъ, о промыслахъ и битвахъ... Джянга знаетъ ихъ безъ счету...

— А ты?

— Я—нѣтъ!—отвѣтилъ, краснѣя Уйбанчикъ.—Я ни пѣть не знаю, ни сѣтей хорошо, какъ другіе, поставить не могу, ни на лодкѣ плавать, ни стрѣлять, ни топоромъ, ни ножомъ строгать... какъ другіе... Семь лучшихъ лѣтъ въ городѣ въ школѣ просидѣлъ... Насъ вѣдь заставляютъ идти въ ученіе... Каждый часлегъ, каждый родъ даетъ мальчика. Когда я возвратился совсѣмъ чужой сталъ, родители забыли меня и любить песя, стали, всѣ подсмѣивались, никто не жалѣлъ... Ничего я ре-якутски не зналъ, ничего не могъ... всему съизнова учитпо-

пришлось и уже, однако, не буду никогда настоящимъ якутомъ... Что я натерпѣлся... Убѣгу въ лѣсъ, спрячусь и реву громко, точно малое дитя, а былъ я уже большой мужикъ... Вотъ видишь: Филиппъ ѣдетъ! Сейчасъ начнется собраніе...— перемѣнилъ онъ тонъ и показалъ на темную, грязную ленту дороги, извивавшейся по долинѣ среди бѣлыхъ пятенъ тающаго снѣга и рыжихъ проталинъ кочекъ и прошлогодней травы.

Павелъ повернулъ голову въ указанномъ направленіи и увидѣлъ нѣсколько всадниковъ, ѣхавшихъ гусемъ. Стаи всполошенныхъ чаекъ и воронъ съ крикомъ рѣяли надъ ними.

— Филиппъ, Моора и еще кто-то третій... должно быть Длинный... Всѣмъ гнѣздомъ двинулся старикъ!..—поясняли зрители.

— Ѣдутъ!.. Хой, хой!.. Ѣдутъ!..

Посланный съ этой вѣстью подростокъ шмыгнулъ въ юрту, откуда сквозь открытыя двери долетѣли многочисленныя голоса ожидающихъ. Сейчасъ же оттуда вышло нѣсколько любопытныхъ, вышелъ и Андрей, по праздничному одѣтый въ богатую песцовую шубу, крытую плисомъ. На головѣ была у него дорогая бобровая шапка, съ верхомъ изъ лапъ чернобурой лисицы, лѣтнія, новыя «сары» *) украшены широкимъ «биле» изъ зеленаго сукна. Онъ на ходу поспѣшно застегивалъ серебряный узорчатый поясъ; минуя Павла и Уйбанчика, Андрей оглядѣлъ ихъ внимательнымъ взглядомъ.

Филиппъ уже въѣзжалъ въ ворота; онъ былъ толстъ, надутъ и совсѣмъ такъ же одѣтъ, какъ Андрей. Джянга подскочилъ и придержалъ его коня за узду, а Андрей придерживалъ его самого за локоть, притворяясь, что помогаетъ ему слѣзть съ высокаго сѣдла. Другіе съ почтеніемъ стояли вдали.

— А!.. *Байбалъ-нучча!..* Какъ поживаешь. Сказывай!..— закричалъ богачъ, увидѣвши стоящаго недалеко Павла. Онъ снялъ съ головы дорогую шапку, съ рукъ мѣховыя, шитыя стеклярусомъ перчатки и важно подошелъ къ русскому.

— Сказывай догоръ!.. (другъ).

— Ничего нѣту!—отвѣтилъ Павелъ и невольно поморщился. Все убѣждало его, что изъ желаннаго, непосредственнаго объясненія съ міромъ ничего не выйдетъ «кромѣ рѣшеннаго», какъ наивно увѣрялъ его Уйбанчикъ. И вотъ эта-то непріятная, и фальшивая церемонія начиналась, единственно благодаря непонятному упрямству Андрея, который вдругъ задурилъ, порвалъ почти уже заключенный договоръ на квар-

---

*) «Сары»—мягкая обувь изъ выдѣланной, черной кожи, обыкновенно украшенная цвѣтной, суконной оторочкой «биле».

тиру со столомъ и сталъ непремѣнно требовать обсужденія этого вопроса на мірской сходкѣ.

Филиппъ все стоялъ передъ Павломъ, придумывая, чтобы сказать такое умное, ловкое и любезное, какъ того требуютъ приличія.

— Читаешь?.. Все читаешь!—сказалъ онъ, наконецъ.—Ну, читай, читай!..

Улыбнулся кивнулъ головой и ушелъ къ юртѣ, имѣя по правую руку Андрея, а сзади двухъ сыновей, наслѣдниковъ, одѣтыхъ въ толстые, бѣлые балахоны изъ верблюжьяго сукна, обшитые по краямъ широкой черной плисовой тесьмой. Кафтаны были одинаково прочны, обильны складками на бедрахъ и сзади, рукава у нихъ были съ буфами. широкіе, пуговицы серебряныя, но братья не походили другъ на друга. Моора плотный, толстый шагалъ тяжело и развалисто, точно рабочій быкъ; «Длинный» — тонкій и юркій, любимчикъ матери, двигался черезъ-чуръ торжественно, смѣшилъ всѣхъ и самъ улыбался глазами. Минуту спустя на дворѣ остались только Павелъ и Уйбанчикъ. Павелъ видимо скучалъ и вяло слѣдилъ за полетомъ все продолжавшей летѣть съ юга птицы; Уйбанчикъ посматривалъ на него и бормоталъ отрывки словъ, порываясь что то сказать и не смѣя. Только видъ вышедшаго изъ юрты Джянги, заставилъ его быть рѣшительнѣе:

— Помни, что говорилъ тебѣ: не давай, а требуй, должны присудить!.. Рыбу ловить, звѣря промышлять не знаю, сѣна также косить не умѣю, ничего не могу... Жить, однако, долженъ... Изъ чего жить буду?.. Рыбы ловить, звѣря промышлять не умѣю... Помни...—твердилъ Уйбанчикъ точно урокъ ненадежному ученику.

Все это разсмѣшило Павла, и когда Джянга сообщилъ ему, «что господа уже собрались и ждутъ», онъ пошелъ въ юрту веселый и благодушный.

Тамъ кругомъ уже разсѣлись міряне: на почетныхъ мѣстахъ, на нарахъ, подъ образами помѣстились самые почетныя и уважаемыя лица, по степенямъ своего богатства, вліянія и старшинства, разодѣтыя въ разноцвѣтные суконные балахоны; дальше, позади и ближе къ дверямъ столпились менѣе почетные, одѣтые въ мѣха и оленьи кожи. Женщинъ и дѣтей не было видно; только въ темныхъ углахъ слышался ихъ сдержанный взбужденный шопотъ.

— Ну, такъ что-же скажешь? Чего отъ насъ требуешь?—началъ Филиппъ, когда Павелъ занялъ около него предназначенное ему мѣсто.

— Ничего отъ васъ не требую, а только дѣться мнѣ некуда... Андрей меня не хочетъ принять на квартиру, а другихъ я... не знаю!—отвѣтилъ громко Павелъ.—Вы знаете, что я

здѣсь не по собственному желанію, что страна моя не хуже вашей...—продолжалъ онъ, взглядывая на окружающихъ.

— Пхи!..—отвѣтили якуты единогласно.—Какъ же можетъ быть хуже!.. Знаемъ! Твой край южный; одно слово: солнечный!

— Тамъ я могъ обходиться безъ чужой помощи, а здѣсь... рыбы ловить, какъ вы, не умѣю, звѣря промышлять тоже, сѣна—никогда не косилъ...—повторялъ онъ съ улыбкой поученія Уйбанчика.

Тотъ на видъ равнодушно переводилъ слова Павла и только изрѣдка подмигивалъ ему одобрительно.

— Само собою... Откуда знать можешь?! — соглашались присутствующіе.

— А пока выучусь все это дѣлать, съ голоду умереть могу!..

— Боже, упаси!.. Грѣхъ!.. Развѣ, что у самихъ ничего не будетъ!..

— За деньги здѣсь того, что для жизни нужно, не достанешь... У васъ есть на продажу мѣха, кожа, мамонтовая кость. Но пищи, какъ вижу, нѣтъ обычая продавать... Не такъ-ли?

— Что и говорить: за послѣдняго мы бы считали человѣка, что даромъ божьимъ торгуетъ!

— Вотъ видите! Что поймаете, то сами поѣдите, что возможно отложить—откладываете, а лишнее отдаете тѣмъ, кто нуждается, кому на промыслахъ не везетъ, кто боленъ... Не такъ-ли?

— Истинная правда... Должно быть о сосѣдскихъ гостинцахъ говоритъ?—догадывались слушатели.

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Павелъ, возростало всеобщее удивленіе и любопытство. Откуда все это онъ знаетъ? Слушатели толпились все ближе къ нему, не желая упустить ни слова, влѣзали другъ другу на плечи, становились сзади на стулья. Въ скоромъ времени этотъ амфитеатръ потныхъ бронзовыхъ лицъ выросъ до потолка.

— Я не могу брать у васъ этихъ подарковъ, я не могу отплатить тѣмъ-же; къ тому же они черезчуръ случайны, а мнѣ нужно ѣсть постоянно... Не такъ ли?

— Еще бы?! Само собою!..

— Даже если бы вы согласились мнѣ продавать пищу, то безъ мірского согласія этого не устроишь. На промыслы лѣтомъ, говорятъ, расходитесь далеко, я не знаю дорогъ... затѣмъ какъ узнать, у котораго охотника лишекъ? Промышленники должны были бы мнѣ сами поставлять добычу, а кто же согласится ходить во-время промысла? Домовъ, не занятыхъ, для житья годныхъ, тоже нѣтъ... Трудно здѣсь жить одиноко въ глухой вашей тайгѣ!..

— Это пойметъ и малое дитя! Земля наша ледяная!

— Думаю, что было бы лучше и для меня, и для васъ, если бы общество нашло мнѣ уголъ у какой нибудь семьи. Мнѣ немного нужно: нару для спанья, полку для книгъ и немного той пищи, какую сами ѣдите... Я не требователенъ...

Поднятая вверхъ любопытствомъ волна человѣческихъ лицъ быстро стала падать. Произошло замѣшательство, движеніе и нѣсколько стоявшихъ впереди якутовъ юркнуло и скрылось въ толпѣ.

— Я знаю, что вы люди убогіе, что живете скудно, и не требую, чтобы вы дѣлали разницу... Буду жить, какъ вы... Постараюсь, чтобы вы видѣли во мнѣ вашего... друга!..—добавилъ онъ съ нѣкоторой горечью.

— Да... да... Непремѣнно!.. И я такъ думаю!.. А только ты хорошо сказалъ, русскій, что мы люди бѣдные...—вздохнулъ Филиппъ.

— На свое содержаніе получаю отъ правительства ежемѣсячно двѣнадцать рублей. Возьмите изъ этихъ денегъ сколько думаете, что мое содержаніе будетъ стоить... Можете даже взять все... это не моя собственность... не заработанные... Я знаю, что только трудомъ можно платить за жизнь... Но что же дѣлать: пока никакого труда взамѣнъ вамъ дать не могу... Возьмите все, а мнѣ только платье на зиму нужно... Не переношу вашихъ холодовъ... Болѣю...

Волна любопытныхъ опять поднялась и плотнымъ кольцомъ окружила Павла. Уйбанчикъ, разсерженный, вдругъ пересталъ переводить. Побуждаемый старшими, онъ заставилъ себя повторить все еще разъ и нехотя разсказалъ съ пропусками. На мгновеніе всѣ замолчали. Павелъ ждалъ.

— Ну какъ же? Какъ общество? — спросилъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Этого такъ, сразу нельзя рѣшить...—отвѣтилъ Андрей.— Это нужно обсудить... по якутски, не спѣша... Что кому и какъ, отъ кого слѣдуетъ по закону и справедливости... Что будемъ въ состояніи сдѣлать—сдѣлаемъ, что должны устроить—устроимъ... А только, думаю, нѣтъ такого закона, чтобы даромъ давать... Скажи ему, Уйбанчикъ: что его—то его, что наше—то наше!

— Вѣрно!.. Изо рта ты вынулъ у меня, Андрей, это слово: что его — то его, что наше — то наше! А и нѣтъ, думаю, такого закона... навѣрно нѣтъ, чтобы даромъ давать! По крайней мѣрѣ такъ выходитъ по нашему, по якутски. Не правда ли? Что?—обратился Филиппъ за поддержкой къ окружающимъ.

— Непремѣнно!..—отвѣтили всѣ хоромъ.

— Ты, русскій, посиди здѣсь, а мы пойдемъ посовѣтуемся!—рѣшилъ Андрей и далъ знакъ къ выходу. Всѣ встали шум-

но и, надѣвъ шапки, толпой хлынули на дворъ. Остались только Павелъ, Уйбанчикъ, нѣсколько женщинъ, вполголоса разговаривавшихъ о своихъ дѣлахъ, да старый Матвѣй, который никакъ не могъ розыскать потерянной шапки. Проходя мимо Павла онъ неодобрительно потрясъ сѣдыми кудрями и шепнулъ:

— Худо, совсѣмъ худо!.. Не смѣта!..

Павелъ понялъ, что сдѣлалъ какой-то промахъ, но въ чемъ онъ заключался, не могъ разобрать. Да и нечего было тужить— не поправишь! Что будетъ, то будетъ!

Между тѣмъ якуты, облюбовавъ по близости бугорокъ, усѣлись на немъ въ кружокъ, на землѣ, по турецки, подобравъ подъ себя ноги. Посерединѣ помѣстились почетные родовичи, лицомъ къ центру, за ними полу-стоя, полу-сидя— менѣе почетные; молодежь, дѣти, женщины стояли кучками, опираясь другъ на друга. Глаза всѣхъ были устремлены на Андрея, но онъ отказывался говорить первымъ:

— Есть болѣе почетные и старшіе...—говорилъ онъ скромно.—Начинайте, однако, Филиппъ!..

— Что жъ... Развѣ начну?.. Потому что я это могу... я объ этомъ давно думаю... Этотъ русскій... Эхъ!.. Что тутъ много толковать!.. Однимъ словомъ: брать, когда есть, брать, когда даетъ!.. Двѣнадцать рублей... Шутка ли?.. Деньги не малыя... Это въ годъ... составитъ... гм!..

— Сто сорокъ четыре,—подсказалъ Андрей.

— Вотъ видите: полтора мѣшка! А что онъ съѣстъ? Что съѣстъ, спрашиваю?.. Всѣ мы знаемъ, какъ дурно онъ ѣстъ... Клюнетъ вилкою по сковородѣ, точно куликъ, и только... Избы тоже не убудетъ, если займетъ уголъ... А деньги плывутъ и плывутъ... Такъ-то я понимаю. Вѣрно? Брать, говорю, и сейчасъ же условіе писать на годъ, на два... писать и печати прикладывать, чтобы отказаться нельзя было, когда одумается... А вы что-же скажете, Андрей? Хорошо говорю?!

Андрей не отвѣтилъ, не поднялъ опущенныхъ вѣкъ и только улыбнулся многозначительно.

— А и то правда!.. — менѣе увѣренно продолжалъ богачъ...—Можно попросить прибавку, можно попросить... Мнѣ его не жалко... Потому что, куда дѣнется? Ѣсть, пить долженъ; въ дровахъ тоже нуждается, а гдѣ у него быкъ, собаки или олени, чтобы возить... Лопнетъ, а дастъ... Сколько захотимъ, столько дастъ!.. А только: сколько просить? Двѣнадцать самъ дастъ. Богатаго должно быть человѣка дитя! Я такъ думаю: попросимъ пятнадцать или можетъ быть... двадцать!..— добавилъ онъ и умолкъ, пораженный размѣрами назначенной имъ суммы.

— Что же, можно и попросить!—согласился неожиданно

Андрей.—Для меня все равно; я на все согласенъ, какъ общество рѣшитъ. Просить прикажутъ, буду просить, платить прикажутъ—буду платить! Не впервые: платить случалось, а слава Богу живу... Платить,—такъ платить; просить—такъ просить!.. На все согласенъ... Міръ—сила, одинъ человѣкъ противъ него не можетъ... Что онъ скажетъ, то и будетъ!..

— Вѣрно!.. А только и міръ себѣ худа не желаетъ!..—раздались голоса.

— Итакъ сколько? — спрашивалъ Филиппъ, разсчитывая по пальцамъ.—Пятнадцать... довольно будетъ пятнадцать, думаю...

— Пусть будетъ пятнадцать!..—поддержали его нѣкоторые и робко взглянули на Андрея.

— А кто-же его къ себѣ беретъ?—спросилъ тотъ рѣзко и поднялъ опущенную до сихъ поръ голову.

Филиппъ посматривалъ на окружающихъ, но медлилъ съ отвѣтомъ.

— Сперва, думаю, уговоримся, сколько дастъ, а затѣмъ уже потолкуемъ... А, впрочемъ, можно и теперь... Гм... я такъ разсуждаю!..

— Хорошо: уговоримся, сколько дастъ...—сказалъ, сообразивъ что-то, Андрей и поднялся съ земли.

Якуты возвратились въ юрту, «почтенные» усѣлись, какъ раньше, на скамьяхъ, а толпа стала поодаль.

— Русскій, мы согласны доставить тебѣ все, что просишь: уголъ теплый и спокойный, пищу и прислугу, но общество находитъ, что ты мало даешь... — торжественно заявилъ Андрей.

Павелъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ у меня больше! Я вамъ говорилъ вѣдь, что столько получаю отъ казны...

— Ладно! Мы слышали. Но самъ посчитай, что тебѣ нужно: нуженъ тебѣ уголъ спокойный и теплый, нужны дрова, нужна вода, нужно топить, нужна ѣда, посуда, чашки, ложки... все нужно, потому что ты вѣдь ничего не привезъ, кромѣ книгъ... А все стоитъ денегъ...—добавилъ онъ съ удареніемъ.—Деньги за дрова, деньги за огонь, деньги за воду, избу подметать тоже деньги, камелекъ затопить—тоже, дровъ нарубить—деньги, ѣсть-пить—деньги, деньги—рыба, деньги—мясо... — высчитывалъ воротила, разбивая всякую вещь, всякое движеніе на мельчайшія составныя части, оцѣниваемыя на деньги.

И слово это «деньги» онъ произносилъ часто съ особымъ удареніемъ, что производило на толпу огромное впечатлѣніе. Павелъ улыбался: до того все это было наивно и легко объяснимо.

— Чего смѣешься?—спросилъ обиженно якутъ.

— Да, вѣдь, все это не будетъ вамъ такъ дорого стоить: каминъ и для себя топите, воду носите, пищу варите...

— Это для себя... Тебѣ что за дѣло, что мы для себя дѣлаемъ? Мы за это ни у кого денегъ не просимъ?! — быстро отвѣтилъ Андрей, охватывая взглядомъ собраніе.

— А то какъ же? То для себя, а то для тебя!—поддержалъ его Филиппъ.—Я такъ полагаю: нѣтъ такого закона, чтобы даромъ, что нибудь дѣлать?.. Какъ думаете, общество?

— Должно быть,—отвѣтило неувѣренно нѣсколько голосовъ.

— Наконецъ, кой-что я самъ себѣ могу сдѣлать. Могу въ очередь принести воды, дровъ нарубить, подмести избу.

Андрей не ожидалъ подобнаго возраженія и долго молча соображалъ.

— Принести воды, подмести избу, растопить огонь...— заговорилъ онъ наконецъ...—А что же будутъ дѣлать наши дѣвки и бабы?.. Куда дѣнутся старики и увѣчные?.. Пошто тебѣ дадимъ у себя дома хозяйничать?!

— Не говори! Слыханное-ли дѣло, чтобы такой большой господинъ у насъ избы подметалъ?.. Насъ за это не похвалятъ!..—закричали присутствующіе всѣ безъ исключенія.

— А сколько же вы хотите?—спросилъ Павелъ.

Андрей подумалъ.

— Семнадцать рублей!

— Семнадцать рублей!..—повторилъ съ изумленіемъ Павелъ.—Безъ хлѣба, безъ соли, безъ мяса, за то только, что сами ѣдите!.. Впрочемъ, хотя бы вы просили даже нѣсколько копѣекъ, больше двѣнадцати дать не могу, потому что нѣтъ больше у меня... Я вамъ сказалъ: столько получаю, а заработковъ здѣсь нѣтъ!

— Какіе заработки!.. Были бы, такъ сами заработали...— заговорили вдругъ якуты. — Правда твоя, русскій! Нужно, видимъ, уступить: дай шестнадцать!

— Нѣтъ!

— Пятнадцать!

Павелъ отрицательно закачалъ головою.

— Пятнадцать!—давай пятнадцать.

— Нѣтъ! Сказано: двѣнадцать или везите въ городъ!

Угроза или, можетъ быть, рѣшительный тонъ подѣйствовали. Якуты, видимо, начали колебаться и уступать.

— Въ городъ! Зачѣмъ же сейчасъ въ городъ?—жалостливо упрекалъ Павла Филиппъ.

— Въ городъ! Ты, должно быть, думаешь, что это то же самое, что пойти отъ меня къ старику Филиппу? Въ городъ и проѣзда теперь нѣтъ, и оленей нѣтъ... Сейчасъ сердишься, будто мы не старые друзья, будто мы не ѣли съ тобой изъ одной

чашки? Подожди, мы опять посовѣтуемся, авось, что нибудь можно будетъ сдѣлать... унималъ Андрей Павла, кивая въ то же время мірянамъ, чтобъ выходили.

Опять якуты сѣли на бугоръ, образуя пестрый вѣнокъ. Павлу надоѣло сидѣть въ душной юртѣ, онъ вышелъ и сталъ присматриваться къ ходу совѣщанія. Андрей, который началъ было говорить, вдругъ оборвалъ свою рѣчь и уставился на него выжидательно. Павелъ догадался и медленно отошелъ.

— Пусть бы стоялъ, вѣдь не понимаетъ?— замѣтилъ кто-то изъ якутовъ.

— Ты его должно быть выспросилъ хорошенько,—зашипѣлъ Андрей.—Уйбанчикъ, дитя мое, ты бы пошелъ къ русскому, а то ему, однако, скучно!

Уйбанчикъ неохотно повиновался.

— А, что? Говорилъ я!—проговорилъ онъ, становясь около Павла.

— Что же ты говорилъ?

— Не давай, а требуй! Дали-бы. Всѣмъ, что привозятъ съ юга, даютъ... Такой уже у насъ обычай... всякому даютъ! А теперь все у тебя отнимутъ, все до тла!

— А можетъ быть и не до тла!?

— Эхъ! не знаешь ихъ. Собака не давится, якутъ не стыдится!

— Самъ говоришь, что дали бы, если бы у меня ничего не было.

— Тогда другое! А когда есть, то безъ мѣры брать желаютъ... Таковъ нашъ обычай: сперва возьмемъ, а послѣ даемъ!

— Не только это въ вашихъ обычаяхъ!—усмѣхнулся Павелъ.—Не хорошъ этотъ обычай, но только пойми, другъ мой, что я этихъ денегъ не могу беречь...

— Пошто?!

Павелъ съ раздраженіемъ пожалъ плечами.

— Я ужъ говорилъ: не могу и только! Пусть берутъ! Чего тебѣ жаль? Книгъ не возьмутъ, а чего больше намъ обоимъ нужно? Зачѣмъ намъ деньги? Что мы съ ними будемъ дѣлать? Тутъ даже на нихъ не купишь ничего, кромѣ рыбы... рыба и рыба...—шутилъ Павелъ, подражая Уйбанчику.

— Рыба... правда, рыба! — согласился повеселѣвшій Уйбанчикъ.

— А рыбу мы и такъ достанемъ!

— А рыбу достанемъ!

Между тѣмъ Андрей внушилъ общественникамъ:

— А что?! Дуракъ?.. Ну!.. Не такой онъ дуракъ, какъ думаютъ нѣкоторые... Двѣнадцать рублей. Сперва думаешь

много, а посчитаешь, и совсѣмъ безъ всякой выходитъ пользы. Прежде всего уголъ. Угла кой-какого ему не дашь; на дальней скамьѣ его не положишь. Нужно, чтобы ему не капало, не было холодно, не дуло и огонь чтобы все его припекалъ. Дрова все жечь надо—богатый, потому жалуется: холодно! Въ короткое время, что жилъ у меня, столько дровъ мы сожгли, что иной во всю зиму не поспѣетъ... Дрова нужно все сухія, чистыя, чтобы не воняло, чтобы не дымило нисколько!.. Сейчасъ боленъ: ничего не говоритъ, а голову платочкомъ подвяжетъ и... больной! А хуже всего пища. Когда живешь своимъ семействомъ, то, что поймаешь, то и съѣшь, а ничего не поймаешь, то и подождешь, чайкомъ перебьешься, поспишь дольше... Тутъ не то будетъ: добудь, хоть изъ камня добудь... Взялъ деньги, и давай!

И опять слово «деньги» произнесъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, и опять слушатели стали послѣ того тише и внимательнѣе.

— Дашь ему рыбу. Не думайте, что будетъ ѣсть, какъ мы, гнилыхъ сельдей; ему нужно рыбу хорошую. По временамъ мяса, къ чаю масла, молока, сахару; для ѣды купить надо соли, муки, а мука-то вѣдь десять рублей пудъ въ городѣ!.. Шуткали? Ѣсть то можетъ быть и ѣлъ бы онъ, что мы; но если отъ ѣды умретъ? Какъ будетъ? Онъ «государскій» человѣкъ; вы слышали, какъ Уйбанчикъ въ бумагахъ читалъ! Отвѣтъ за него не маленькій. Если что случится, кто отвѣтитъ? Развѣ не тотъ, кто бралъ деньги? Если онъ пожалуется: на кого? На тебя! Если разсердится: кто ближе у него подъ рукой? Ты!.. О люди, люди!.. А кто изъ васъ помѣшаетъ ему, если онъ что дурное задумаетъ? Можетъ быть, такой найдется, только я не знаю... Не говоритъ иногда по цѣлымъ днямъ, сидитъ задумчивый, мрачный, что дождевая туча... Ни разгадать, ни узнать его, ни полюбить... Смотришь, смотришь, и ужасъ тебя охватываетъ, когда стараешься представить, что тамъ дѣлается въ этой иноземной, бородатой, нѣмой головѣ... Говорятъ—добрый, но, можетъ быть, онъ только хитрый. Развѣ такихъ не бывало. Самъ онъ о себѣ говоритъ хорошее, но развѣ родился такой, чтобы о себѣ говорилъ дурное... А я такъ думаю, что хорошихъ сюда не пошлютъ: у себя оставятъ! «Андрей, говоритъ намеднись, я у тебя останусь, возьми двѣнадцать рублей, дай уголъ, пищу»... Предлагалъ самъ, спросите его. Не могу, отвѣчаю, у насъ все міръ. Есть у насъ первые люди, почтенные, богатые, есть средніе, тоже платящіе подати, есть, наконецъ, послѣдніе, имѣющіе умъ... Развѣ будемъ совѣтоваться, какъ люди, обертывающіе два раза кругомъ большого пальца, а три кругомъ указательнаго? Если общество скажетъ: Андрей, возьми!—возьму. Но развѣ оно это сказать можетъ? Посудите

сами: дома я одинъ взрослый мужикъ, остальныя женщины и дѣти. Развѣ можно ихъ оставлять однихъ съ чужеземцемъ? А развѣ я могу бросить трудъ, торговлю, общинную службу? А развѣ не бывало, что эти пріѣзжіе платили намъ при случаѣ зломъ за наше добро? Я думаю, что лучше всего было бы русскому у Филиппа. У кого домъ обширный и высокій, у кого скотъ черный и пестрый?.. Кто спитъ на медвѣжьихъ шкурахъ, ѣстъ жирное мясо, сало рѣжетъ тонко, полощетъ горло топленымъ масломъ, точитъ зубы мягкими костями?.. Вѣдь не я?..

— Эттэ-тэ!.. Андрей!.. И ты все это ему сказалъ?—съ ужасомъ переспросилъ ежась Филиппъ.

— У кого сыновья-богатыри, могущіе усмирить русского, если онъ разгнѣвается?.. Не у меня!.. Я не хочу накликать на себя бѣдъ съ четырехъ концовъ неба... Я сказалъ!..

— Мцы!.. мцы!.. Нѣ-ѣтъ!.. — качалъ головой старый Филиппъ,—лучше въ городъ...

— Въ городъ?.. Чтобы тебѣ медаль поскорѣе за это дали?—спросилъ насмѣшливо Андрей, касаясь больного мѣста богача.

— Что медаль!—обидѣлся тотъ,—и такъ наговорилъ ты сегодня, точно въ сказкѣ!

— Ну хорошо: повеземъ его въ городъ, такъ вѣдь пошлютъ назадъ... Вѣдь не впервые. Будутъ только расходы да лишнія хлопоты...

Краснорѣчіе Андрея произвело желаемое дѣйствіе. Община согласилась доплачивать ему нѣсколько рублей къ двѣнадцати Павла и избавила его отъ нѣкоторыхъ мірскихъ повинностей.

— Понатужься, другъ Андрей... постарайся!.. Онъ привыкъ къ тебѣ... Куда его дѣнемъ, если ты откажешься?!. — просили родовичи.

Когда Павлу доложили о результатѣ совѣщанія, не упомянувъ, конечно, по требованію Андрея, о добавочной платѣ, тотъ очень обрадовался. Ему ничуть не улыбалось путешествіе въ городъ по тающимъ болотамъ и озерамъ, по ужасающей дорогѣ. Больше года онъ все ѣхалъ и ѣхалъ безъ конца, и ему изрядно надоѣла кочевая жизнь; ему хотѣлось отдохнуть, оглядѣться, успокоиться.

— А только помни: ѣсть долженъ, что и мы; хлѣба здѣсь нѣтъ, соли тоже, покупать ихъ нужно въ городѣ, а на это нѣтъ уговору... Сахаръ купцы сюда не возятъ, мясо рѣдко у насъ случается... все рыба и рыба! — выторговывалъ Андрей, уже принявши условія.

— Хорошо, хорошо!.. Вѣдь ты меня знаешь, Андрей... Развѣ я когда либо привередничалъ?!.

— И такъ: договоръ! Согласенъ!?

— Согласенъ!..

Они подали другъ другу руки въ знакъ заключенія сдѣлки, а Филиппъ ихъ рознялъ.

Собраніе начало расходиться. Прощаясь съ Павломъ, родовичи какъ-то особенно жали ему руку. Онъ, не зная о жертвѣ, сдѣланной для него общиной, приписывалъ все это окончательному выясненію отношеній.

— Будемъ друзьями...—сказалъ ему торжественно Андрей, когда они остались одни. — Насилу ихъ упросилъ, чтобы не отсылали тебя въ городъ; дорога ни пройти, ни проѣхать!.. Пропалъ бы ты!..

Павелъ желалъ бы этому вѣрить; хотѣлъ бы вѣрить, что они поняли, наконецъ, что онъ возможно меньше желаетъ имъ быть въ тягость.

Все еще возбужденный и разстроенный, онъ зажегъ свѣчку, вынулъ дневникъ и сталъ наскоро заносить впечатлѣнія минувшаго дня. Домашніе уже притихли и только въ темномъ углу за печкой хихикала и шепталась молодежь. Вдругъ оттуда вылетѣлъ, какъ будто не по собственной волѣ, молодой якутъ и, покачнувшись, сталъ у самаго стола. Онъ уставилъ глаза въ землю, руки покорно опустилъ внизъ, видимо пристыженный и оробѣвшій.

— Чего нужно?—спросилъ Павелъ, замѣтивши, что тотъ не уходитъ. Якутъ поднялъ руку къ лицу и забормоталъ что-то, пощипывая жидкую бороденку.

— Бор-ро-да!..—закаркалъ изъ угла искусственнымъ басомъ Нерпа. Павелъ съ любопытствомъ взглянулъ на стоящаго передъ нимъ рыбака, и его отуманенный задумчивостью взглядъ на мгновеніе встрѣтился съ робкимъ, молящимъ взглядомъ инородца.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ онъ мягче.

Якутъ все что-то бормоталъ непонятное; Павелъ понялъ только:

— Докторъ... лѣкарство... волоса...

— Уу...у... озорники!—возмутился Уйбанчикъ.—Что вы ихъ слушаете? Имъ-бы только все насмѣшки... Втолковали ему, что вы докторъ и что у васъ лѣкарство отъ волосъ... въ банкѣ съ чернилами... Дурачье!..

— Да что-же ему волоса мѣшаютъ? — спросилъ Павелъ, краснѣя и незамѣтно касаясь своей бородки.

— Хотя и мѣшаютъ... однако, что говорить... больше... отъ глупости...—рѣшилъ не безъ колебанія ученый.

«Казакъ», такъ какъ это былъ именно онъ, постоялъ еще минуту, вздохнулъ, перекрестился и, неловко поклонившись Павлу, собрался уйти.

Павелъ протянулъ ему руку и крѣпко, дружески пожалъ ее.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изгнанникъ.

На чуждыхъ берегахъ цвѣтущихъ южныхъ странъ,
Измученный тоской, бродилъ онъ одинокій,
И этотъ голубой, пустынный океанъ
Ему напоминалъ о родинѣ далекой.
Отчизна милая! Кто любящей душой
Всю красоту твою постигъ, благословляя,
Тотъ будетъ рабъ ея, тотъ будетъ вѣчно твой.
Его не увлечетъ краса чужого края.
Зимой-ли долгою, безгласная, въ снѣгахъ,
Весною-ли, въ своемъ нарядѣ подвѣнечномъ,
Всегда прекрасна ты, всегда въ его мечтахъ
Ты будешь пребывать въ величьи вѣковѣчномъ.
Вдали степей и рѣкъ, безбрежныхъ, какъ моря,
Покажется ему весь міръ угрюмъ и тѣсенъ,
И пѣсни чуждыхъ странъ, о счастьи говоря,
Ему не замѣнятъ унылыхъ русскихъ пѣсенъ.
Тѣхъ пѣсенъ, что несутъ въ мелодіяхъ своихъ
И . . . . . и мощь души свободной,
И власть родной земли, и ширь небесъ родныхъ,
И трепетъ вешнихъ зорь и свистъ вьюги холодной,
И будетъ онъ вздыхать въ слезахъ, подъ плескъ волны,
Подъ музыку любви въ долинѣ чужедальной,
О грустной красотѣ родной своей страны,
О нивахъ золотыхъ средь сельской тишины,
Гдѣ пахарь за сохой бредетъ многострадальный.

А. Ѳедоровъ.

РѢЧНЫЕ ЛЮДИ.

Разсказъ.

Село Плавное отъ всего стояло въ сторонѣ. По большой степной дорогѣ, съ правой стороны которой на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ губернскаго города до уѣзднаго тянулись высокіе столбы, поддерживавшіе телеграфныя проволоки, лежало не мало большихъ селъ съ базарами и ярмарками, съ новыми церквами, при которыхъ высились издалека видныя колокольни. Въ одномъ была больница, въ другомъ почтовая станція, близъ третьяго даже пролегало желѣзнодорожное полотно, четвертое славилось на всю губернію своими необыкновенными арбузами и дынями. А въ селѣ Плавномъ ничего такого не было, и оно ничѣмъ не славилось.

Отъ всего къ нему было далеко и никто въ него не заѣзжалъ случайно, мимоѣздомъ, а если кто и завернетъ, то значитъ ему это ужъ пріятно. Да и попадалъ въ него не всякій, а только тотъ, кто хорошо зналъ, какъ въ него попасть. Изволь-ка догадаться, что надо отыскать «край поля» (такъ это и называлось), т. е. то мѣсто, гдѣ кончается гладкая, ровная степь и отъ нея внизъ идетъ крутой обрывистый берегъ. Дорога здѣсь спускается съ такимъ рѣшительнымъ наклономъ, что приходится оба заднія колеса телѣги привязывать веревками къ ящику повозки, и все же, если въ повозкѣ есть дамы, то онѣ начинаютъ громко визжать, а на пол-дорогѣ встаютъ и спускаются пѣшкомъ. А внизу разстилается зеленое царство. Сколько можетъ охватить взоръ, все это покрыто водой, камышами и сочно-высокой травой. Когда изъ камышей вдругъ вынырнетъ лѣсокъ большею частью—верба или ива, это—островокъ, на которомъ непремѣнно есть, но не видна, рыбачья хата или цѣлый поселокъ.

А когда спустишься внизъ, то приходится разыскивать дорогу среди камышей, рискуя сто разъ залѣзть въ болото и

застрянуть въ немъ на цѣлыя сутки, пока кто-нибудь не набредетъ и не выручитъ. Влажная, мягкая дорога, ежеминутно поворачивая то вправо, то влѣво, то даже возвращаясь назадъ, идетъ среди двухъ непрерывныхъ стѣнъ изъ камыша и приводитъ на обширную поляну, окруженную съ трехъ сторонъ водой. Вотъ тутъ то среди серебристыхъ, старыхъ вербъ и притаилось село Плавное.

Невысокая старинная церковь съ деревяной крышей и куполомъ, съ низенькимъ навѣсомъ на двухъ столбахъ, гдѣ подвѣшены колокола, стоитъ какъ разъ на самой срединѣ села и составляетъ какъ бы душу этихъ безпорядочно разбросанныхъ бѣлыхъ хатъ, съ своеобразными камышевыми крышами и съ пушистыми, не подрѣзанными стрѣхами. Все въ этомъ селѣ не такъ, какъ въ тѣхъ, что стоятъ на большой дорогѣ. У дворовъ не видно гуменъ и нигдѣ не торчатъ стоги неумолоченнаго хлѣба. Только копны зеленой плавной травы свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь есть хозяйства и хозяйская предусмотрительность. У хозяевъ нѣтъ земли, по этому они не сѣютъ и не жнутъ. А травы для лошадей и коровъ—сколько хочешь, ею заросли всѣ берега широкаго Днѣпра и этихъ безчисленныхъ рѣченокъ и заливовъ, изъ него вытекающихъ и затопляющихъ всю низменность.

И самый Днѣпръ виденъ невдалекѣ. Плоскій, ровный берегъ его уставленъ дубками, каюками и душегубками. На кольяхъ развѣшено нѣсколько рядовъ сѣтей, пропитанныхъ смолой, неподалеку отъ берега, въ довольно глубокой водѣ, плаваютъ на якоряхъ наглухо закрытыя корзины («сапеты»), сохраняющія живую рыбу, словомъ, всѣ признаки того, что это село рыбальское, что Днѣпръ съ его дополненіями замѣняетъ сельчанамъ землю; дубки и каюки—воловъ съ возами, а сѣти соху.

Да и самый воздухъ здѣсь насквозь пропитанъ запахомъ рыбы, потому что все здѣсь на ней зиждется,—здѣсь ее ловятъ, солятъ, вялятъ на солнцѣ и даже коптятъ, хотя дѣлаютъ это очень плохо.

Раннимъ утромъ снаряжаютъ угловатые дубки, нагруженные вытащенной ночью рыбой, и плывутъ по Днѣпру противъ теченія въ городъ, а, продавъ рыбу, привозятъ обратно хлѣбъ и ситецъ, и все, что надо для жизни рыбальскаго села.

Весною во время половодья село становится совсѣмъ недоступно съ суши. Тамъ, гдѣ проходитъ среди высокихъ камышей ближняя дорога, образуется узкій проливъ, по которому проѣзжаютъ на лодкахъ. И въ самомъ селѣ дворы залиты, и только стоящая на возвышеніи церковь, да находящаяся при ней приходская школа остаются на сушѣ, но на это никто не обращаетъ вниманія. Хаты здѣсь издавна, въ силу необходи-

мости, строютъ на возвышенныхъ насыпяхъ, и въ нихъ вода попадаетъ развѣ въ десять лѣтъ разъ, когда на поляхъ въ зиму выпало слишкомъ много снѣгу и вмѣстилище Днѣпра переполняется черезъ край. И всякій, кому есть нужда до жителей Плавнаго, знаетъ, что къ нимъ легче попасть воднымъ путемъ, и пріѣзжаетъ на лодкѣ.

Надо полагать, что и от. благочинный зналъ это, но такъ уже случилось, что онъ выѣхалъ изъ города не на лодкѣ, а въ коляскѣ. Впрочемъ, вѣдь онъ ѣхалъ собственно не въ Плавное, а въ село Чибрики, гдѣ надо было разобрать распрю между двумя приходскими попами, которые впродолженіи семи лѣтъ ссорятся и жалуются другъ на друга. Оба они были прекрасные люди, каждый взятый въ отдѣльности, но какъ только становились рядомъ, тотчасъ превращались въ лютыхъ тигровъ.

Впрочемъ, ни о нихъ, ни объ ихъ тяжбѣ мы не поведемъ рѣчи, а коснулись этого предмета единственно потому, что отъ нихъ и даже отчасти изъ за нихъ от. благочинный заѣхалъ въ Плавное, претерпѣвъ по дорогѣ множество огорченій. Поговоривъ съ тѣмъ и съ другимъ, онъ понялъ, что самъ своими средствами примирить ихъ не можетъ, а потому рѣшилъ заѣхать къ старѣйшему въ его благочиніи попу, о. Антонію, въ Плавномъ, и посовѣтоваться съ нимъ о томъ, какъ примирить враждующихъ іереевъ.

Огорченія о. благочиннаго начались въ ту минуту, когда коляска вступила на спускъ. Во-первыхъ, онъ, взглянувъ внизъ, увидѣлъ передъ собой пропасть, и у него замеръ духъ. Хотя за нимъ и не водилось никакихъ крупныхъ прегрѣшеній, тѣмъ не менѣе кому же, и въ особенности если это духовное лицо, охота умереть безъ покаянія? А тутъ именно была вѣрная смерть. Ни тормаза, ни веревокъ, чтобы привязать колеса. Да еслибы и были веревки, объ этомъ было уже поздно думать. Кучеръ былъ городской извозчикъ и никогда не бывалъ въ этихъ мѣстахъ. Въ степи шла дорога, и онъ ѣхалъ по дорогѣ. Видитъ, вдали берегъ, ну значитъ дорога идетъ внизъ — и вдругъ точно земля разверзлась. О. благочинный только и успѣлъ крикнуть:

— Сдерживай!

А затѣмъ сейчасъ же у него туманомъ заволокло глаза, и онъ уже считалъ себя въ числѣ погибшихъ, мысленно относя себя къ разряду «павшихъ при исполненіи обязанностей», что давало ему надежду на снисхожденіе на томъ свѣтѣ.

Кучеръ сперва, было, изо всей силы притянулъ къ себѣ вожжи, но затѣмъ сообразилъ, что такъ еще хуже, и пустилъ ихъ на волю Божію.

Лошади помчались внизъ съ быстротой лавины, скатываю-

щейся съ вершины горы, а за ними катилась коляска, въ которой лежалъ о. благочиннный. Казалось, душа его на время оставила тѣло.

О. благочинный очнулся только тогда, когда лошади вмѣстѣ съ коляской, съ разгону, врѣзались въ камышъ и завязли въ влажной землѣ.

Когда онъ открылъ глаза, кучера не было на мѣстѣ; онъ оглянулся въ полной увѣренности, что этотъ несчастный вылетѣлъ изъ экипажа на полдорогѣ, но въ это время въ камышѣ что-то зашевелилось, потомъ поднялось, показалась шапка, блѣдное лицо, борода и руки—въ черной грязи. Кучеръ былъ живъ и невредимъ, его только отшвырнуло шаговъ на десять.

Съ полчаса вытаскивали изъ болота лошадей и экипажъ, причемъ перепачкались въ конецъ. А у о. благочиннаго еще была новенькая щеголеватая ряса изъ тонкой свѣтлой матеріи, которую онъ надѣлъ ради прохлады. Что сталось съ этой рясой, легко себѣ представить.

Но, наконецъ, лошади и коляска стояли на твердой землѣ. Тогда начались новыя приключенія. Дорожекъ на берегу было множество. Они испробовали всѣ и всякій разъ попадали въ гущину камыша, откуда дальше никакого слѣда не было. Дороги эти надѣлали мужики въ зимнее время, когда они разыскиваютъ камышъ погуще и повыше и рѣжутъ его на топливо. Рѣшительно село Плавное казалось заколдованнымъ селомъ... Провозились они часа два и только случайно подвернувшійся мальчишка выручилъ ихъ, сѣлъ въ экипажъ и проводилъ до села.

Появленіе городской коляски въ селѣ произвело сильное впечатлѣніе. Сперва думали, не пріѣхалъ ли изъ города какой нибудь перекупщикъ рыбы, но, разглядѣвъ въ коляскѣ духовное лицо, да еще въ камилавкѣ (о. благочинный, подъѣзжая къ селу, вынулъ изъ жестяной коробки и надѣлъ камилавку, а шляпу положилъ на ея мѣсто) и съ крестомъ на груди,—рѣшили, что это какое нибудь церковное начальство.

Въ это время подъ низенькимъ навѣсомъ, на двухъ столбахъ, около церкви, хромой сторожъ тянулъ за веревку, привязанную къ языку «большого колокола». Была суббота и часъ вечерни. Къ церкви подходилъ народъ, но о. благочинный подъѣхалъ не къ церкви, а къ церковному дому, къ батюшкѣ, но о. Антонія уже не засталъ.

Матушка посмотрѣла на него съ такимъ ужасомъ и съ такимъ виноватымъ видомъ, какъ будто это именно она была причиной того, что берегъ высокъ и спускъ такъ крутъ.

— Да,—сказалъ о. благочинный, — если я живъ, то это, можно сказать, по особой милости Божіей. Правду сказать,

онъ еще и до сихъ поръ не былъ увѣренъ, что такъ-таки и въ самомъ дѣлѣ остался въ живыхъ.

Узнавъ, что о. Антоній ушелъ къ вечернѣ, онъ и самъ пожелалъ сдѣлать то-же, но его щеголеватая ряса, разумѣется, никуда не годилась, и онъ долженъ былъ облачиться въ рясу о. Антонія. Въ этой простой, изрядно поношенной, широкой рясѣ, весь его элегантный видъ городского пастыря, пользующагося благосклонностью архіерея и другого начальства, исчезъ, и онъ скорѣй походилъ на какого-то заштатнаго іерея, лишеннаго прихода за дурной характеръ.

Онъ вошелъ въ церковь и занялъ мѣсто въ уголкѣ, чтобъ быть незамѣченнымъ. Въ этой церкви онъ стоялъ въ первый разъ и никогда еще въ жизни не приходилось ему получить такого высокаго наслажденія, какъ въ этотъ вечеръ. Не слѣдуетъ думать, однако-же, что въ старенькой деревянной церкви, при которой даже колокола висѣли на двухъ столбахъ, могли отыскаться какія нибудь необыкновенныя изображенія святыхъ или драгоцѣнные кіоты. Церковь была бѣдна, какъ всякая селькая церковь, стѣны ея были пропитаны сыростью, съ каждой иконы глядѣли полсотни лѣтъ; не слѣдуетъ также допускать мысли, что въ селѣ Плавномъ могъ составиться какой-нибудь благозвучный хоръ, или что о. Антоній велъ службу какъ нибудь торжественно. На клиросѣ гнусавымъ теноркомъ пѣлъ одинъ единственный старый дьякъ Артамонъ, а о. Антоній служилъ обыкновеннымъ образомъ.

Нѣтъ, это все было такъ, какъ вездѣ и всегда. Но когда передъ началомъ вечерни изъ алтаря вышелъ дьяконъ и, ставъ предъ вратами, протянулъ: «Бла-гослови, Владыко», о. благочинный такъ и встрепенулся и поднялъ голову кверху, какъ будто не допускалъ, чтобы такой голосъ могъ раздаваться на землѣ, а долженъ былъ непремѣнно доноситься съ неба. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ удивительный голосъ: мягкій, звучный, сочный глубокій басъ, онъ шелъ по всей церкви, какъ тихій сдержанный громъ. Въ немъ слышалось что-то могучее и въ то же время благородное. Ничего крикливаго, ничего рѣзкаго, ни одного сколько нибудь грубаго тона. Ровной, спокойной волной переливался онъ изъ одного слога въ другой, ясно и просто, безъ всякаго усилія, безъ всякаго искусства, какъ будто этотъ человѣкъ говорилъ съ Богомъ, но въ то же время было слышно, что за этими звуками скрывается сила, что это добродушное гудѣніе при желаніи можетъ превратиться въ грозовой громъ.

О. благочинный стоялъ очарованный. Онъ старался разглядѣть дьякона и припомнить, какъ его зовутъ. Хотя Плавное и входило въ составъ его благочинія, но онъ просто забылъ, какой здѣсь былъ дьяконъ. Теперь онъ видѣлъ только его спину

да длинные негустые волосы, спускавшіеся на плечи поверхъ стихаря. Спина была у него не широкая; скорѣе онъ былъ худъ, чѣмъ толстъ, а роста средняго. Близорукость мѣшала о. благочинному разглядѣть цвѣтъ его волосъ.

«Должно быть, молодой человѣкъ», подумалъ о. благочинный: «въ голосѣ есть что-то молодое и сильное. У стараго не можетъ быть такой голосъ».

И ему даже стало неловко, что онъ ничего не зналъ о существованіи въ его благочиніи такого чуда. Когда дьяконъ повернулся къ нему лицомъ, то онъ замѣтилъ довольно почтенную бороду, но опять-же цвѣтъ волосъ остался для него тайной. Но въ лицѣ, даже недостаточно разсмотрѣнномъ, мелькнуло для него что-то знакомое.

А голосъ дьякона съ каждой минутой все больше и больше очаровывалъ его. Онъ припоминалъ разные голоса, какіе слышалъ. Ну, хотя бы, напримѣръ, голосъ губернскаго протодьякона. Онъ славится и считается рѣдкимъ. Но развѣ можно сравнить: то какой-то звѣриный крикъ передъ этимъ. И этакое золото пропадаетъ гдѣ-то среди камышей, въ деревнѣ, гдѣ даже въ церкви, въ вечернѣ, не смотря на дымъ ладона, кусаютъ комары (и онъ какъ разъ въ это время раздавилъ двумя пальцами комара, сѣвшаго ему на високъ).

Когда вечерня кончилась, и народъ вышелъ изъ церкви, о. благочинный направился въ алтарь и поздоровался съ о. Антоніемъ, который, узнавъ о его приключеніи, началъ прежде всего извиняться за то, что у него такая плохая ряса, и что матушка не могла предложить ему ничего лучшаго. Но въ это самое время въ алтарѣ появился дьяконъ, и о. благочинный уже ничего не могъ отвѣтить на это извиненіе.

Чудо, очевидно, продолжалось. У дьякона оказалась совсѣмъ почти сѣдая борода и на видъ ему нельзя было дать меньше 50-ти лѣтъ. Какимъ-же образомъ у него въ такіе годы до такой степени сохранился дивный голосъ? Это было поразительно.

О. Антоній представилъ ему дьякона.

— Вотъ, о. благочинный, позвольте вамъ представить: о. Левъ, нашъ приходскій дьяконъ. Мы съ нимъ 25 лѣтъ на этомъ приходѣ служимъ и ни разу не ссорились...

— 25 лѣтъ?—съ изумленіемъ спросилъ о. благочинный.

— 25 лѣтъ!—продолжалъ о. Антоній,—съ чего же намъ ссориться? Люди мы скромные, доходами, хоть и не велики они, довольны. Чего же намъ ссориться?

Но о. благочинный не этому дивился, а тому, что о. Левъ служитъ на приходѣ 25 лѣтъ, и онъ, благочинный, ничего не зналъ о его голосѣ.

О. Левъ молчалъ, а о. благочинный смотрѣлъ на него и

глаза его какъ бы просили: ну, что же, скажи что нибудь, отче! Я послушаю, какъ это у тебя выйдетъ въ разговорѣ.

Но о. Левъ молчалъ, не считая себя вправѣ вступать въ разговоръ съ начальствомъ. Не привыкъ онъ къ начальству. Положеніе села Плавнаго среди Днѣпровскихъ водъ и камышей какъ бы способствовало этой его неопытности. Кому придетъ въ голову заѣзжать въ эти болота? Да если бы даже среди причта тутъ были и непорядки, то все же начальство скажетъ: э, пускай ихъ тамъ ѣдятъ комары, никому отъ этого убытку не будетъ!

Тогда о. благочинный самъ началъ разговоръ.

— Откуда это вы взяли такой удивительный голосъ, о. дьяконъ?—спросилъ онъ, выражая на лицѣ изумленіе вмѣстѣ съ восхищеніемъ.

— Отъ природы, о. благочинный.

И это «отъ природы» прогудѣло такъ звучно и полно, какъ будто было не сказано, а пропѣто цѣлымъ хоромъ басовъ.

О. благочинный вновь восхитился.—Дивный голосъ! Воистину, вы обладаете сокровищемъ, о. дьяконъ. А сколько вамъ лѣтъ?

— 52 года, о. благочинный.

— Но какъ-же вы такъ его сохранили? Вѣдь онъ у васъ совсѣмъ молодой голосъ.

— Не сохранялъ я, о. благочинный, а самъ онъ сохранился... Что же ему станется? Живу я, слава Богу, не въ бѣдности, тѣло свое питаю исправно; воздухъ у насъ хорошъ, благорастворенный, о. благочинный. Самъ я здоровъ, ну и голосъ мой здоровъ...

— А по комплекціи вашей не видно, чтобъ вы были очень здоровы.

— Нѣтъ, не могу жаловаться. Никогда не болѣлъ, о. благочинный, т. е. такъ, чтобы какъ слѣдуетъ... А что касается комплекціи, такъ это уже у насъ въ семьѣ порода такая.

И опять широкой волной прозвучало: «по-ро-да та-кая».

— Славный голосъ!—восторженно въ десятый разъ повторилъ благочинный,—я думаю, вы могли бы, ежели-бы захотѣли, убить имъ человѣка какъ бы изъ пушки? А?

— Чтобы убить, этого не думаю, о. благочинный, а оглушить навѣрно могу. Въ молодости случалось въ видѣ баловства иному товарищу этакъ гаркнуть надъ самымъ ухомъ, такъ потомъ съ недѣлю, бывало, ходитъ какъ помѣшанный... Иной разъ, случалось, на вѣнчаніи такъ «Апостола» вынесешь, что самъ потомъ на три дня оглохнешь и словно у тебя все въ мозгу перевернется.

— Да, крѣпкую глотку вамъ Господь Богъ послалъ...

Въ разговоръ вмѣшался о. Антоній. — Это больше оттого,

о. благочинный,—сказалъ онъ, очевидно, очень довольный тѣмъ, что дьякона похвалили,—я говорю насчетъ сохранности—оттого это, что отецъ Левъ умѣренную жизнь ведетъ. Сами знаете, какую слабость имѣютъ лица духовнаго званія, а особенно, нивѣсть отчего, дьяконскаго... А о. Левъ во всю жизнь свою одну рюмку за обѣдомъ пьетъ не болѣе... и во всемъ прочемъ такъ... Въ пищѣ также... Даже вотъ на растительное питаніе хотѣлъ перейти... Да.

— А-а! значитъ, вегетаріанистомъ хотѣли стать?

— Не знаю, о. благочинный, должно быть, что такъ!—отвѣтилъ за себя о. Левъ. — Дѣйствительно, склонность такую имѣю, но больше умственно... а на дѣлѣ—попробовалъ, было, съ недѣлю не ѣсть, да такъ и потянуло... къ мясу, значитъ... Трудно!

— Имѣете дѣтей, о. дьяконъ?

— Какъ не имѣть?.. Два сына въ семинаріи и дочь.

— Ну, что же? у нихъ тоже голосъ есть? унаслѣдовали?

— Нѣтъ, не видится этого... У дочери, дѣйствительно, какъ бы есть...

— Какъ? басъ?

— Нѣтъ, какъ же можно басъ? У нея дискантъ очень хорошій. Все же это наслѣдственное... У женщинъ это перерождается...

О. благочинный задалъ ему еще цѣлый рядъ семейныхъ вопросовъ, повидимому, преслѣдуя только одну цѣль: подольше слушать эту удивительную музыку. Наконецъ, онъ долженъ былъ оказать вниманіе о. Антонію и, чтобы закончить съ дьякономъ, еще разъ воскликнулъ:

— Ахъ, дивный голосъ! Никогда въ жизни не слыхалъ такого голоса! Я думаю, даже въ операхъ такого не бываетъ.

Затѣмъ онъ перешелъ къ о. Антонію. Они вышли изъ церкви и направились къ церковному дому, бесѣдуя о двухъ враждующихъ іереяхъ села Чибрики. Но о. благочинный отъ времени до времени останавливался и, какъ бы не будучи въ состояніи удержать наплывъ чувствъ, восклицалъ:

— Ахъ, ну и голосъ же у вашего дьякона!

Потомъ опять возвращался къ главному разговору.

А о. Левъ, совершенно довольный тѣмъ, что на него перестали обращать вниманіе, нарочно позадержался въ оградѣ и затѣмъ окольнымъ путемъ пробрался домой. Онъ также жилъ въ церковномъ домѣ, но занималъ другую часть его, и къ нему ходъ былъ съ противуположной стороны.

«Нѣтъ, право-же, думалъ онъ, начальство, оно хотя и благосклонно, а все же лучше отъ него подальше. Вдругъ замѣтитъ въ тебѣ какой нибудь недостатокъ, съ которымъ ты благополучно прожилъ на свѣтѣ 52 года и скажетъ: «это зва-

нію не приличествуетъ!.. «Нѣтъ, ужъ лучше тихимъ манеромъ да подальше. Спокойнѣй дѣло будетъ!»

II.

О. благочинный заночевалъ у о. Антонія. Первая причина была та, что когда они кончили собесѣдованіе о способахъ примиренія враждующихъ Чибриковскихъ поповъ, то было уже довольно поздно. О. благочинный вспомнилъ крутой берегъ, при спускѣ съ котораго душа его временно оставила тѣло и, хотя ему теперь предстояло не спускаться, а подыматься, а все-же ему стало страшно. А второе было то, что матушка принялась чистить его рясу и объявила, что раньше, чѣмъ завтра, ряса не будетъ готова,—ужъ надо было вычистить ее, какъ слѣдуетъ, а то матушка благочиннаго подумаетъ, что они небрежительно принимали его. Наконецъ, была и третья причина, которая не была высказана, но несомнѣнно играла важную роль.

О. благочинный хотѣлъ еще разъ послушать очаровательный басъ о. Льва, въ особенности въ обѣднѣ—это должно было выйти торжественно. Приэтомъ въ головѣ о. благочиннаго зарождались мысли, изъ которыхъ получилась цѣлая исторія, доставившая много огорченій о. Льву, но и мыслей своихъ, какъ еще незрѣлыхъ, о. благочинный никому не высказалъ.

Вообще о. благочинный, несмотря на рискованный случай съ коляской, былъ очень доволенъ своимъ визитомъ въ Плавное. У о. Антонія его принимали радушно. Даже комары не особенно безпокоили его, а этого онъ больше всего боялся. Затѣмъ онъ услышалъ голосъ о. Льва, который даже ночью снился ему. А главное, о. Антоній отлично посовѣтовалъ ему на-счетъ враждующихъ Чибриковскихъ поповъ.

— По моему мнѣнію, о. благочинный,—сказалъ онъ, основательно обсудивъ все дѣло,—по моему мнѣнію, вся штука въ томъ, что никакъ они характерами не подходятъ другъ къ другу и слѣдственно...

— Ну-те?—полюбопытствовалъ о. благочинный.

— И слѣдственно, какія вы мѣры ни устраивайте, а въ одномъ мѣстѣ они ужиться не могутъ...

— Такъ что же дѣлать-то, по вашему?

— Переводъ, одно средство, переводъ.

— Такъ вѣдь они не просятся. Очень ужъ хорошъ приходъ, перевести пришлось бы въ худшій...

— Это не столь важно, о. благочинный... Ради мира можно и въ худшій. Вѣдь, вотъ мы съ о. Львомъ двадцать пять лѣтъ

тутъ живемъ, а каковъ нашъ приходъ? Что мы пріобрѣли? Только что рыба! Рыбы, дѣйствительно, у насъ видимо-невидимо, во всякихъ образцахъ... А такъ вообще трудно... Однако же, не жалуемся. А что не просятся, такъ это ничего. Опять же ради мира, о. благочинный... Такъ, зря переводить не слѣдуетъ, это я не говорю. Напримѣръ, ежели-бы меня не спросивши перевели хотя бы и въ столицу, я бы, извините, караулъ сталъ бы кричать. Не желаю. А какъ у нихъ не миръ, такъ это передъ паствой—соблазнъ. Тогда—другое дѣло.

— Такъ вѣдь вотъ что, о. Антоній: кого перевести? Переведешь отца Семена, онъ будетъ въ обидѣ, а о. Петръ даже какъ бы награду получитъ; переведешь о. Петра—произойдетъ обратное... Такъ и Преосвященный Владыка сказалъ:

— Такъ вы обоихъ переведите, только въ разныя мѣста. И вотъ увидите,—имъ скучно станетъ и они еще другъ къ другу въ гости ѣздить начнутъ...

— Мысль! Ей-ей, мысль,—воскликнулъ о. благочинный,—и какая простая! Такъ я и Преосвященному доложу! Вотъ смѣяться будетъ Владыка, ей-ей. Такъ и скажу, что въ гости будутъ ѣздить...

На другой день о. благочинный отслушалъ обѣдню, напился чаю, еще разъ двадцать воскликнулъ: «Ахъ, голосъ! Ахъ! Что за удивительный голосъ!» и уѣхалъ. О. Антоній провожалъ его до самой кручи и указалъ ему удобную тропинку для пѣшеходовъ. По этой тропинкѣ о. благочинный, кряхтя и пыхтя, добрался до верху, предоставивъ кучеру одному рисковать жизнью, а на верху онъ сѣлъ въ коляску и укатилъ.

Въ тотъ же день о. Левъ обѣдалъ у о. Антонія. Это онъ всегда дѣлалъ по воскресеньямъ, а теперь, помимо этого, старики еще чувствовали потребность обмѣняться мыслями и впечатлѣніями. Вѣдь появленіе начальства въ Плавномъ—рѣдкое, почти небывалое явленіе. Архіереи ѣздили по епархіямъ, ревизоры посылались въ уѣзды, но о селѣ Плавномъ, обросшемъ камышемъ и вербами и обнесенномъ водой, никто и не вспоминалъ.

— Ну, что скажешь по сему поводу, о. Левъ?—спросилъ о. Антоній своего сослуживца.

— Богъ милостивъ, о. Антоній, — отвѣтилъ дьяконъ:—можетъ, и такъ пройдетъ.

— Да!.. Да вѣдь мы же съ тобой ничего такого не сдѣлали, а?

— Да, такого ничего, о. Антоній, а только...

— Ну?

— А толь , говорю я, рѣдко это проходитъ даромъ, чтобы

начальство тебя увидѣло и никакого затрудненія тебѣ не сдѣлало...

— Э, полно, о. Левъ, ты мрачно смотришь...

— Да нѣтъ же, я и не говорю, чтобы непремѣнно... Я же и сказалъ: можетъ, и такъ пройдетъ...

— А вдругъ какое нибудь благо произойдетъ... а?—слегка интригующимъ тономъ замѣтилъ о. Антоній.

— Благо? отъ этого?—О. Левъ энергично закачалъ головой:—вотъ ужъ это-то, чего никогда не бываетъ! Нѣтъ, я вамъ скажу, о. Антоній, это я не съ вѣтру говорю, а примѣры видалъ...

— Какіе же ты видалъ примѣры?

— Разные, о. Антоній. Зналъ я одного іерея, хорошій былъ человѣкъ, служилъ отлично, внятно, благолѣпно, просто заслушаешься. Да былъ у него въ лицѣ одинъ недостатокъ. Это вотъ говоритъ онъ съ вами, и все ничего, какъ слѣдуетъ,— а вдругъ ни съ того, ни съ этого какъ то головой тряхнетъ и въ то же самое время верхнюю губу вздернетъ, да этакъ то два раза кряду, а потомъ—ничего. И самъ онъ объяснялъ, что это у него съ самаго глубокаго дѣтства. Перепугался онъ чего-то или нѣтъ, не знаю ужъ... Только всѣ, кто его зналъ, давнымъ-давно привыкли къ этому, и никто даже вниманія не обращалъ. И прожилъ онъ съ этой привычкой на своемъ приходѣ что-то лѣтъ восемнадцать, прожилъ—и ничего: никому это вреда не оказало. Какъ вдругъ пріѣзжаетъ въ село начальство, да не какое нибудь, а большое, о. Антоній, начальство. Мой попъ съ непривычки возьми и струсь, и тутъ, по этому самому случаю, голова его и верхняя губа — ну работать. Стоитъ онъ передъ начальствомъ, на вопросы отвѣчаетъ, а его такъ и дергаетъ, такъ и дергаетъ. И что же вы думаете? начальство обидѣлось. Это, говоритъ, непочтительность и какъ бы вродѣ насмѣшки, да. Очень обидѣлось начальство, даже отъ закуски отказалось и поѣхало дальше; а черезъ двѣ недѣли изъ губерніи бумага... строжайшая бумага, что ежели это повторится, такъ въ монастырь, на эпитемію сосланъ будетъ. На первый разъ, значитъ, простили. Ну, мой попъ отъ этого самаго случая чаще прежняго головой махать и дергать сталъ. Вотъ вы и судите!

— Такъ это-же совсѣмъ другое дѣло, — возразилъ о. Антоній.

— То-есть какъ же другое? а можетъ, и у меня какой нибудь недостатокъ есть, котораго мы съ вами по давности знакомства и по благорасположенію не замѣчаемъ, а начальство замѣтитъ и въ монастырь пошлетъ. Нѣтъ, о. Антоній, что тамъ ни говорите, я уважаю начальство, я всякое начальство уважаю, а только лучше подальше отъ него... Ей-ей.

— Такъ то оно, такъ, — сказалъ о. Антоній прежнимъ интригующимъ тономъ,—ну, а все же бываетъ и благо!

— Можетъ, кому и бываетъ, но только не нашему брату! — отвѣтилъ о. Левъ.—Я вамъ другой примѣръ скажу, о. Антоній. Это было еще во времена оны, когда я молодымъ человѣкомъ былъ. Въ губерніи, въ канцеляріи, въ самой послѣдней комнатѣ, на самомъ маленькомъ окладѣ одинъ писецъ сидѣлъ; писецъ онъ былъ не важный. То-есть почеркъ имѣлъ отличный, да только поведеніемъ не отличался. Выпивалъ и постоянно отъ него водочный запахъ исходилъ. Но, однако, на службу никогда не въ своемъ видѣ не являлся, и бумаги, какія ему давали, преисправно переписывалъ набѣло. А только что запахъ отъ него водочный шелъ, это дѣйствительно было. Но, однако же, съ этимъ запахомъ онъ семь лѣтъ служилъ и все было какъ слѣдуетъ. Никто въ ту комнату не заглядывалъ, и потому никого онъ не обижалъ. Но вдругъ секретарю пришла фантазія заглянуть; пришелъ, услышалъ запахъ и безъ дальнихъ околичностей—прогналъ человѣка, хотя-бы и пьяницу, куска хлѣба лишилъ. Такъ то вотъ.

Послѣ обѣда подошелъ дьякъ Артамонъ. Всѣ члены причта были въ сборѣ. Всѣ трое были сѣдовласы и такъ хорошо знали другъ друга, какъ только могутъ знать люди, прожившіе двадцать пять лѣтъ при одномъ и томъ же дѣлѣ вмѣстѣ.

Дьякъ Артамонъ былъ нерѣчистъ. Иногда онъ приходилъ къ отцу Антонію, просиживалъ часа два, выпивалъ стакана три чаю и уходилъ, не проронивъ за все это время ни одного слова. Но зато на его старомъ, загорѣломъ лицѣ, съ узенькой бородкой и утинымъ носомъ, удивительно ясно выражалось то согласіе, то несогласіе съ тѣмъ, что говорилось, то изумленіе, то удовольствіе, то негодованіе, и о. Антоній съ о. Львомъ научились понимать его. Что подѣлаешь, когда человѣкъ нерѣчистъ? такъ, значитъ, далъ ему Богъ. И на этотъ разъ дьякъ Артамонъ не высказалъ своего мнѣнія словами, но на лицѣ его яснѣе словъ выразилось, что онъ всей душой присоединяется къ мнѣнію о. Льва.

— А знаешь, что я тебѣ скажу, о. Левъ,—промолвилъ о. Антоній, рѣшившійся, наконецъ, разстаться со своей тайной,— вотъ ты и увидишь, что иногда отъ начальства можетъ проистечь благо.

— А что же такое, о. Антоній?—спросилъ о. Левъ, и до такой степени онъ былъ проникнутъ своимъ убѣжденіемъ, что въ голосѣ его слышалась опасливость даже теперь, когда ему прямо обѣщали благо.

— А вотъ что! Сказалъ мнѣ отецъ благочинный: думаю я, говоритъ, о нашемъ протодьяконѣ. Плохъ онъ сталъ въ послѣднее время, очень плохъ. Какъ отъ старости, такъ и от-

того, что очень уже большія порціи водки въ себя принимаетъ. И такъ я полагаю, что его скоро скрутитъ эта штука... А ежели и не скрутитъ, то и такъ придется ему въ заштатъ уйти. Понимаешь ты, о. Левъ?

— Касательно протодьякона понимаю, но только какъ же это до меня относится, о. Антоній?

— А такъ и относится. Какъ же ты не понимаешь? О. благочинный восхищенъ твоимъ голосомъ. И дѣйствительно, голосъ у тебя, о. Левъ, необыкновенный. Онъ говоритъ, то-есть о. благочинный, что нынѣшній протодьяконъ тебѣ въ подметки не годится... такъ вотъ, значитъ, будетъ назначена проба, какъ это всегда бываетъ; созовутъ со всей губерніи желающихъ, у кого голосъ есть, и тебя позовутъ, о. Левъ, и само собой, ты всѣхъ своимъ голосомъ за поясъ заткнешь. И получишь ты протодьяконское мѣсто!..

При этихъ словахъ о. Левъ какъ бы въ ужасѣ откинулся на спинку стула.

— Я? протодьяконское мѣсто? въ городѣ? То-есть это значитъ, чтобы я покинулъ Плавное, къ которому я за двадцать пять лѣтъ, можно сказать, приросъ? Да что вы это говорите, о. Антоній? Да за какіе же это грѣхи?

— Какъ, тебѣ это не нравится?

— Да какъ же это можетъ нравиться? И мнѣ удивительно, право удивительно, что можете говорить это вы, о. Антоній.

— Постой, о. Левъ, то, что я говорю, всякій тебѣ скажетъ. Спроси кого угодно изъ всѣхъ дьяконовъ въ губерніи, развѣ кто нибудь изъ нихъ откажется отъ протодьяконскаго мѣста? Всякій почтетъ за счастье.

— Да можетъ быть, всякій и почтетъ, только не я.

— Ты чудакъ, о. Левъ. Ты только подумай, какія тамъ преимущества. Первое—доходъ. Не можешь же ты сравнивать нашъ приходскій доходъ съ губернскимъ каѳедральнымъ соборомъ. Тамъ, братъ, все генералы да купцы, тамъ духовныхъ особъ жены не иначе, какъ въ шелкахъ да кружевахъ ходятъ. А у насъ тутъ что? Рыба да рыба, да еще камышъ. Самъ знаешь, иной разъ денегъ по цѣлымъ недѣлямъ не видимъ; случается, что тебѣ за похороны не деньгами, а вяленой рыбой платятъ. Такъ развѣ это сравнимо? А второе то, что ты почетное мѣсто занимаешь, ты близокъ къ архіерею, ты первый дьяконъ въ губерніи.

О. Левъ слушалъ и только покачивалъ головой, какъ бы болѣя о томъ, что у о. Антонія могли появиться въ головѣ такія мысли. Что же касается присутствовавшаго здѣсь дьяка Артамона, то онъ, повидимому, еще не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на предметъ, и его лицо выражало двойственность и замѣшательство. О. Левъ сказалъ:

— Доходъ-то доходъ, о. Антоній, да только вовсе даже не надо мнѣ его. И что въ немъ толку? Здѣсь я себѣ одной соленой таранькой могу быть сытъ два дня, когда ничего другого нѣтъ, а тамъ развѣ возможно? Тамъ живи по городскому, чтобы у тебя и соусы разные были, и то, и се, потому не ровенъ часъ, тотъ зайдетъ, другой зайдетъ, и чтобы никто не могъ сказать про тебя, что ты плохо ѣшь. Опять же одежда, вотъ она моя ряса: я ее восьмой годъ въ лѣтнее время ношу и живъ, и здоровъ, и никто на меня пальцемъ не показываетъ, и отъ всякаго вижу себѣ уваженіе. А тамъ, поди, два раза въ годъ новую приходится дѣлать. Да и нельзя иначе. Съ важными особами дѣло имѣешь; сами говорите — генералы да купцы, такъ вѣдь они съ тобой разговаривать не станутъ, ежели на тебѣ ряса плоха. И опять же постоянно можетъ потребовать тебя и архіерей, и настоятель, и ключарь, и многое другое начальство, и для того надобно во всякое время видъ имѣть, вотъ оно и выходитъ, о. Антоній, что этотъ самый доходъ весь и ухлопается на городскую жизнь. Теперь возьмите это: у меня здѣсь три комнаты въ церковномъ домѣ и мы съ женою да съ дочерью всѣмъ довольны. Да при нихъ за двадцать пять лѣтъ садикъ я развелъ, и въ этомъ садикѣ я все одно, какъ въ комнатѣ, хочу—хожу, хочу—лежу, хочу—сижу и притомъ въ чемъ душа пожелаетъ, а тамъ... видѣлъ я... какъ они живутъ въ церковномъ домѣ: каѳедральный, ключарь, второй священникъ, третій священникъ, протодьяконъ, второй дьяконъ, третій, два иподьякона, два дьяка... все это съ семействами наполняетъ церковный домъ. Видѣлъ я, какъ дворъ весь, точно паутиной, окутанъ веревками и на этихъ веревкахъ развѣшано бѣлье изъ разныхъ квартиръ, и чтобы пройти черезъ этотъ дворъ, надо лавировать и нагибаться на каждомъ шагу. Слышалъ я, какой крикъ и гамъ стоитъ цѣлый день на этомъ дворѣ, гдѣ всѣ — хозяева и всѣмъ мало мѣста, а ужъ тамошній воздухъ... Объ этомъ, о. Антоній, лучше не говорить... И теперь, ежели я захочу выйти изъ комнаты и прохладиться, я долженъ кафтанъ одѣвать и застегиваться, потому—кругомъ народъ. А ужъ о томъ, чтобы можно было посадить деревцо или травку, и разговору нѣтъ. Камень да камень и отъ него въ лѣтнее время жаромъ пышетъ. Кругомъ пылища и вонь... О, Господи! Да за что ты мнѣ посылаешь такое наказаніе?

— А ты правъ, о. Левъ, ей-ей правъ,—согласился и о. Антоній, рѣшительно побѣжденный краснорѣчіемъ о. Льва:— У насъ лучше, куда лучше, свободнѣй. Не такъ ли, Артамонъ? А?

Дьякъ Артамонъ еще раньше о. Антонія былъ на сторонѣ якона и лицо его тотчасъ же это выразило.

— Да какъ же не правъ, о. Антоній? Вы посмотрите, у

насъ виды какіе, благодать одна! Вышелъ это на бережекъ и любуйся. Днѣпръ-то какой,—широкій, важный, сурьезный! И мимо тебя идутъ пароходы, суда, плоты, лодочки. А кругомъ зелень и прохлада. А рыбаки наши неводъ забросили, рыбку тянутъ и пѣсни поютъ... Весело, о. Антоній! И привыкъ я къ этой жизни такъ, что померъ бы безъ нея...

— Такъ, такъ,—подтвердилъ о. Антоній:—этого тамъ ни за какія деньги не достанешь.

— Ни за какія деньги,—подтвердилъ дьяконъ.—Но и все же не это главное, о. Антоній. Здѣсь мы съ вами живемъ двадцать пять лѣтъ, и ничего. Вы — мой начальникъ; случалось, что и пожурите меня, да только по душевному, по человѣческому... потому что вы всю жизнь мою видите и знаете, и вамъ понятно, по какой причинѣ я такъ-то вотъ, а не этакъ могу и долженъ поступить, а прочее начальство, хотя его и много,—живетъ себѣ тамъ въ сторонѣ и никогда мы его не видимъ и намъ отъ него ни тепло, ни холодно. Не такъ ли, о. Антоній? А тамъ: возьмите вы, сколько тамъ этого самаго начальства будетъ надъ головой моей стоять,—а голова-то моя ужъ сѣдая, о. Антоній. Сосчитайте: преосвященный, благочинный, настоятель, ключарь, два священника и вся консисторія, а то, чего добраго — еще и архіерейскій келейникъ... И это тоже бываетъ, и всякій будетъ на меня глядѣть—такъ ли я ступилъ, правильно ли кадиломъ махнулъ и каждому я долженъ отвѣчать... Нѣтъ, не привыкъ я къ этому и на старости лѣтъ привыкать неохота.

— Да,—сказалъ о. Антоній,—а всетаки, если что случится, призовутъ тебя, о. Левъ...

Дьяконъ всталъ и въ волненіи подошелъ къ нему.—Вотъ, промолвилъ онъ мрачнымъ голосомъ:—а вы еще оспаривали меня, когда я говорилъ, что начальству лучше не попадаться на глаза... Вотъ оно, ваше благо, о. Антоній... хе! благо! какъже! Развѣ отымутъ благо,—это такъ. А чтобы дать, такъ это наврядъ.

— Ну, ты не очень ужъ такъ убивайся, о. Левъ!—успокоивалъ его о. Антоній:—вѣдь это о. благочинный такъ себѣ сказалъ, къ слову.... А можетъ, протодьяконъ еще насъ съ тобой переживетъ....

— Дай ему Богъ здоровья,—сказалъ о. Левъ и взялся за свою черную поярковую шляпу.

— Уходишь?—спросилъ о. Антоній.

— Пойду къ женѣ и къ дочкѣ. Что жъ такъ сидѣть-то. Не веселъ я теперь буду, о. Антоній. Обезпокоила меня ласка о. благочиннаго... Пойду ужъ...

Онъ сталъ прощаться, а вслѣдъ за нимъ поднялся и дьякъ Артамонъ. Они вышли.

Переходъ былъ не длиненъ, такъ какъ всѣ они жили въ одномъ домѣ. Надо было только обойти домъ и войти въ него съ другой стороны. Мрачный видъ былъ у о. Льва, когда онъ входилъ въ свою квартиру, гдѣ жена его и дочь кончали обѣдъ; Артамонъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ по воскресеньямъ дѣлалъ визиты старшему причту. Когда они вошли, лицо Артамона было отраженіемъ лица о. Льва, и женщины взглянули на нихъ обоихъ тревожно. О. Левъ сѣлъ за столъ и оперся на него локтями, положивъ на ладони голову. Длинные волосы свѣсились до самаго стола.

— Что это такое у васъ случилось?—спросила дьяконша.— Оба вы такіе, словно вамъ эпитемію объявили!

— Хуже, — вымолвилъ, наконецъ, Артамонъ, и этимъ страшно перепугалъ дамъ.

— Что же такое хуже?

О. Левъ перемѣнилъ позу и спокойно взглянулъ на жену. Онъ даже слегка усмѣхнулся.—Нашъ Артамонъ говоритъ рѣдко, сказалъ онъ,—да и то невпопадъ.

Артамонъ смутился и сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ нечего было пугать женщинъ, тѣмъ болѣе, что ничего еще не случилось.

— Ничего худого,—продолжалъ о. Левъ,—никто насъ не трогалъ и не тронетъ... и доживемъ мы свой вѣкъ въ Плавномъ, какъ и до сегодня жили.

— А развѣ кто собирается тронуть?

— Нѣтъ, такъ, разговоръ... О. благочинный былъ. Ну, и ему очень понравился мой голосъ, даже говоритъ,—міру на удивленіе такой голосъ! А какъ у нихъ протодьяконъ съ водки помирать собирается, то вотъ онъ, значитъ, и мнѣ повышеніе пророчитъ...

— Въ городъ?

— А я думаю, въ городъ... Не сдѣлаютъ же меня протодьякономъ, чтобы оставить въ Плавномъ. О. Антоній не архіерей вѣдь...

— Я въ городѣ жить не стану!—рѣшительно заявила дьяконша.

— Гм... Не станешь!.. А какъ прикажутъ? Вдругъ это тебѣ предписаніе отъ консисторіи: дьяконову жену, Дарью Арефьевну Исопову, за номеромъ такимъ то, взять и на казенной подводѣ со всѣмъ ея скарбомъ въ губернскій городъ подъ строгимъ конвоемъ предоставить... А? что ты тогда скажешь? А? Ха, ха, ха, ха...

Звонкій и густой басъ о. Льва звучно оглашалъ квартиру и Артамонъ сейчасъ же согласился, что надо смѣяться и смѣялся. Благодаря этому, дамы не впали въ уныніе, и разговоръ продолжался въ шутливомъ тонѣ.

Но въ глубинѣ души своей о. Левъ хранилъ печаль. Онъ только не хотѣлъ омрачать свой домашній очагъ, а въ сущности допускалъ всякія непріятности и ожидалъ ихъ. Все можетъ случиться, въ особенности послѣ того, какъ человѣкъ, двадцать пять лѣтъ благополучно избѣгавшій общенія съ высшими сферами, попадется на глаза начальству. И съ этихъ поръ онъ ждалъ.

III.

Когда о. благочинный пріѣхалъ въ городъ, то первая новость, которую онъ услышалъ, поразила его не только по своему содержанію, а главнымъ образомъ потому, что она удивительно подходила къ его мыслямъ. Вѣдь всю дорогу онъ только и думалъ, что о чудномъ голосѣ плавненскаго дьякона. Онъ на время совсѣмъ позабылъ и о чибриковскихъ враждующихъ іереяхъ, и даже о страшномъ приключеніи во время спуска съ горы. Голосъ о. Льва неустанно звучалъ въ его ушахъ, сливаясь съ гуломъ колесъ по мягкой дорогѣ, на два вершка покрытой пылью, съ шумомъ свободнаго степного вѣтра и съ теплотой лѣтнихъ солнечныхъ лучей, которые забирались подъ поднятый верхъ коляски и вызывали подъ его кафтаномъ потъ.

Почему это произошло, что онъ до сихъ поръ никогда не слышалъ службы этого дьякона? Двѣнадцать лѣтъ онъ уже состоялъ благочиннымъ и каждый годъ ему приходилось ѣздить въ тотъ или другой приходъ разрѣшать какое нибудь недоразумѣніе и никогда судьба не занесла его въ Плавное. Правда, мѣстоположеніе этого села совсѣмъ особенное, оно словно не на землѣ стоитъ, а будто плаваетъ на водахъ Днѣпра. Но живутъ тамъ всетаки люди, и церковь есть, и служба происходитъ такая же, какъ въ другихъ мѣстахъ, и духовныя лица есть. Ясно, это оттого, что между причтомъ Плавного никогда небывало никакихъ недоразумѣній. Образцовый причтъ! О. Антонія онъ зналъ, но встрѣчалъ его только въ городѣ, на съѣздахъ духовенства или у себя въ домѣ, въ качествѣ гостя, а объ о. Львѣ ему было извѣстно только то, что въ селѣ Плавномъ есть дьяконъ, по имени о. Левъ, а по фамиліи Исоповъ, и что этотъ дьяконъ ни въ какихъ предосудительныхъ дѣлахъ не замѣченъ. Обыкновенно дьяконы вѣчно мечтаютъ сдѣлаться іереями и съ этою цѣлью постоянно ѣздятъ къ архіерею, благочинному и въ консисторію, указывая на свои особыя заслуги передъ отечествомъ и ссылаясь на многочисленныя семейства, но о. Левъ Исоповъ, очевидно, и объ этомъ не мечталъ, такъ какъ никогда не появлялся въ городѣ. Если ему и случалось

посѣщать губернію, куда онъ плавалъ обыкновенно на лодкѣ, то онъ отправлялся на базаръ, заходилъ въ соотвѣтствующія лавки, закупалъ то, что ему было надо, и ѣхалъ обратно. Когда стали учиться въ семинаріи его сыновья, онъ даже къ нимъ не заходилъ, боясь встрѣтиться съ о. ректоромъ и услышать отъ него сообщеніе, что сыновья его лѣнтяи, а вызывалъ сыновей на постоялый дворъ, гдѣ угощалъ ихъ соленой рыбой, чаемъ съ лимономъ, и давалъ по двугривенному.

И вотъ первая новость, какую услышалъ о. благочинный въ городѣ: съ протодьякономъ случился ударъ. И это произошло именно въ воскресенье передъ обѣдней. Тутъ ждутъ архіерея въ соборъ, а протодьякона нѣтъ, и вдругъ—извѣстіе: ударъ, отняло правую ногу, лѣвую руку и языкъ. Нечего было и думать о томъ, чтобы звать его къ исполненію обязанностей. Въ соборѣ сейчасъ произошла перетасовка: дьяконы временно повысились въ чинахъ,—второй сталъ первымъ, а третій вторымъ, а ужъ третьяго на скоро достали изъ другой церкви. Архіерея встрѣтили и доложили ему о случившемся. Архіерей сказалъ: «помолимся о немъ!», и служба прошла безъ протодьякона.

Вмѣсто густого, могучаго, хотя и хриплаго баса, на первомъ планѣ раздавался тоненькій теноръ, пѣвчіе вслѣдствіе этого потерялись и на каждомъ шагу то начинали раньше, то опаздывали, то пѣли не въ должномъ тонѣ. Прихожане молились тревожно, всѣ чувствовали, что недостаетъ чего то важнаго. Словомъ, служба была лишена обычной торжественности. Отецъ благочинный пріѣхалъ какъ разъ тогда, когда уже архіерейскій келейникъ три раза прибѣгалъ къ нему на квартиру и освѣдомлялся, не вернулся ли онъ. Преосвященный потребовалъ самыя точныя свѣдѣнія о состояніи здоровья протодьякона, и ему доложили, что дѣло совсѣмъ плохо: прожить то онъ можетъ еще сколько угодно, но къ службѣ никогда не будетъ способенъ, и владыка омрачился и приказалъ благочинному явиться тотчасъ, какъ только пріѣдетъ.

— Вотъ, что, благочинный,—сказалъ онъ прямо.—Распорядись-ка вызвать изъ епархіи дьяконовъ, обладающихъ голосами. Не могу я служить безъ протодьякона. Служеніе архіерейское должно отличаться отъ простого. Ему должна быть свойственна торжественность. Такъ ты, благочинный, учини споряженіе, да чтобы безъ медленности!

— Я исполню приказаніе вашего преосвященства!—отвѣтилъ благочинный: — но позволю себѣ доложить, что и безъ вызова можно опредѣлить, кто будетъ у насъ протодьякономъ!

— Какъ-же это опредѣлить?

— Вчерашнюю вечерню и сегодняшнюю обѣдню я про-

слушалъ въ селѣ Плавномъ и слышалъ у тамошняго дьякона такой чудный голосъ, какого никогда въ моей жизни еще не слыхалъ, ваше преосвященство. Удивительный голосъ! Необыкновеннѣйшій.

— Что это за село Плавное?

— Есть такое село. И церковь въ немъ есть, и причтъ... оно въ плавняхъ, среди днѣпровскихъ камышей. Его ни откуда не видно, оттого и вашему преосвященству оно не извѣстно. Жители его, рыбаки, одной только рыбой и живутъ, а земли не пашутъ и не имѣютъ. И въ этомъ селѣ отыскался дьяконъ, Левъ Исоповъ. Когда я услышалъ его голосъ, я подумалъ, что стою не на землѣ, а на небѣ, ваше преосвященство! Подобнаго голоса нѣтъ болѣе нигдѣ, и именно дьякону Исопову надлежитъ занять мѣсто протодьякона...

— Что же, значитъ онъ еще молодой человѣкъ? — спросилъ архіерей.

— Какой молодой? ему пятьдесятъ два года и онъ состоитъ уже двадцать пять лѣтъ на приходѣ...

— Ну, благочинный, это ты мнѣ сказки разсказываешь! — шутя промолвилъ преосвященный, — можетъ-ли быть у стараго человѣка такой поразительный голосъ?

— Самъ такъ думалъ, но и самъ же видѣлъ его сѣдую бороду, ваше преосвященство... Вы только разрѣшите вызвать его и тогда сами все и увидите, и услышите. Дивный голосъ! Дивный!

— Ну, что-жъ, бываютъ дары Божіи необыкновенны. Вызови твоего дьякона... какъ ты говоришь, его зовутъ?

— Левъ, отецъ Левъ!

— Имя басовое! Левъ! Какъ бы предумышленно данное! а фамилія?

— Исоповъ, ваше преосвященство!

— Исоповъ... отъ исопа происходитъ... Фамилія духовная, это хорошо. Ну, ладно, такъ ты поскорѣе устрой пробу. Намъ нельзя долго оставаться безъ хорошаго протодьякона!

Благочинный тотчасъ исполнилъ приказаніе, разославъ во всѣ приходы экстренные циркуляры о томъ, что, если среди причта имѣется дьяконъ или причетникъ чиномъ ниже, или если даже отыщется свѣтское лицо, обладающее доброкачественнымъ басомъ, то таковые должны явиться немедленно въ губернскій городъ на пробу голосовъ, чтобы достойнѣйшій занялъ освободившееся мѣсто протодіакона.

Что же касается о. Льва, то помимо циркуляра, желая оказать ему пріятное, какъ бы въ возмездіе за то удовольствіе, какое о. Левъ доставилъ ему своимъ голосомъ, онъ предпринялъ особую мѣру и послалъ еще письмо о. Антонію.

Письмо было получено въ Плавномъ во вторникъ утромъ,

и въ тотъ же часъ горничная о. Антонія, запыхавшись, прибѣжала къ діакону.

— О. Левъ! Пожалуйте, васъ батюшка кличутъ. И чтобы сію минуту... Такъ и сказали.

— А что такое случилось у батюшки? Треба какая-нибудь? Можетъ, захватить облаченіе? а?—спросилъ о. Левъ.

— Нѣтъ, они письмо какое то получили... Такъ это отъ письма!

— Письмо?

И у о. Льва вдругъ на душѣ стало неспокойно.

Онъ сказалъ горничной, что сейчасъ придетъ, а къ женѣ своей обратился съ такими словами:

— Охъ, что то мнѣ стало тревожно... Что это за письмо такое? Вотъ помяни мое слово... ничего хорошаго не будетъ.

— Да что же такое можетъ быть?

— Гм... Начальство было тутъ... Съ начальствомъ разговаривалъ...

— Вотъ еще чего! Такъ развѣ ты сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Дурного я ничего не сдѣлалъ, а только, можетъ, ему показалось, что у меня носъ не такой, какъ должно быть носу... Вотъ и внушеніе...

— Эхъ, ты все шутишь, о. Левъ!

— Нѣтъ, не шучу я... Даже очень не шучу. Вотъ помяни мое слово...

Онъ надѣлъ рясу и пошелъ къ батюшкѣ.

— Ну, о. Левъ,—сказалъ ему батюшка.—Ужъ не знаю, поздравлять тебя, или нѣтъ...

— А что, о. Антоній?

— А то, что о. благочинный оказался какъ бы пророкомъ...

— Это по какой части?—спросилъ о. Левъ, уже чувствуя, что это должно относиться къ протодіаконству, но всячески отгоняя отъ себя эту мысль.

— А по такой части, что протодіакона параличъ хватилъ...

— Такъ и есть. Я говорилъ, добра не жди. Я это женѣ говорилъ сейчасъ...

— Да ты постой. Слушай, что пишетъ о. благочинный...

О. Антоній отыскалъ на столѣ письмо, надѣлъ очки и началъ читать его вслухъ. Вотъ что писалъ ему благочинный.

«Уважаемый и боголюбивый о. Антоній. Позвольте воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобы поблагодарить васъ и матушку за оказанный мнѣ любезный пріемъ. А засимъ перехожу къ причинѣ этого письма. Конечно, чужое горе ни-

коимъ образомъ не должно радовать насъ, но съ другой стороны — все находится во власти Божьей, и устроенное Имъ неустранимо при помощи усилій человѣка. А потому и всякое чужое горе надобно принимать терпѣливо. Все это я къ тому говорю, что, пріѣхавши домой, узналъ о бѣдѣ, постигшей нашего протодіакона. Съ нимъ случился ударъ съ отнятіемъ членовъ, а именно: руки, ноги и языка. Тотъ же часъ былъ я потребованъ къ его преосвященству, и не преминулъ доложить его преосвященству о дивномъ голосѣ вашего діакона, о. Льва, и могу сказать увѣренно, что преосвященный получилъ къ нему большой интересъ и особо дожидается его прибытія. Весьма и душевно радуюсь, что мнѣ такъ скоро удалось сдѣлать пріятное о. Льву,—такъ какъ внѣ сомнѣнія, что мѣсто протодіакона принадлежитъ ему. Прошу васъ, любезнѣйшій о. Антоній, внушить о. Льву, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ городъ, ибо преосвященный ожидаетъ его съ великимъ нетерпѣніемъ. Радуюсь и за нашъ соборный храмъ, своды котораго огласятся дивнымъ голосомъ о. Льва. Даже преосвященный сказалъ: «да, бываютъ дары Божіи необыкновенны». Истинно, о. Левъ обладаетъ необыкновеннымъ даромъ Божьимъ. Засимъ прошу васъ передать мое почтеніе матушкѣ и, прося вашихъ молитвъ, остаюсь готовый быть вамъ полезнымъ протоіерей Макарій Благодушный».

— Ну, вотъ тебѣ, о. Левъ!—прибавилъ отъ себя о. Антоній.

Чтеніе письма произвело до того сильное впечатлѣніе на о. Льва, что онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ какъ бы въ столбнякѣ, а потомъ вдругъ поднялся и сказалъ такимъ тономъ, какимъ говорятся только вещи рѣшительныя, составляющія кровное убѣжденіе.

— За штатъ подамъ! Да, да, да! лучше за штатъ подамъ!..

— Ну, что ты, что ты, о. Левъ? Какъ это можно такія слова говорить?—возразилъ о. Антоній.—Гдѣ жъ таки тебѣ въ за штатъ идти? Ты человѣкъ, хотя и въ лѣтахъ, но еще крѣпкій и можешь служить еще не одинъ десятокъ лѣтъ. Какъ это можно! И притомъ, самъ знаешь, за штатомъ жизнь не сладкая. Пріобрѣсти на службѣ ты ничего не успѣлъ, у тебя даже домика своего нѣтъ,—а изъ церковнаго придется уйти, другой пріѣдетъ и займетъ. Гдѣ-же и чѣмъ ты жить будешь?

— Э, что?—мечтательно промолвилъ о. Левъ, — попрошу мужиковъ, они построютъ мнѣ хату на бережку Днѣпра, и буду я въ той хатѣ съ женой коротать свой вѣкъ... Кормиться? Да мнѣ никто не откажетъ. И самъ рыбалкой сдѣлаюсь. Буду работать...

— Ну, ты совсѣмъ, словно ребенокъ, разсуждаешь, о. Левъ. А дочь? Что же, ты и ее рыбалкой сдѣлаешь, а?

— Дочь выдамъ замужъ.

— А сыновей? Неужели лишишь ихъ образованія?

— Богъ милостивъ. Богъ милостивъ!.. А только въ городъ жить не поѣду... Нѣтъ, нѣтъ, не поѣду! Ха! голосъ! Расхвалили мой голосъ! Эка! Даръ Божій. Такъ развѣ-жъ онъ мнѣ въ наказаніе данъ? Нѣтъ, о. Антоній, такъ и отпишите о. благочинному, что, молъ, діаконъ Левъ Исоповъ скорѣе въ за штатъ пойдетъ, чѣмъ въ городъ жить переѣдетъ... Такъ и отпишите.

— Такъ нельзя-же это, о. Левъ. Пойми ты, что ежели-бы раньше, а то онъ преосвященному сказалъ, преосвященный ждетъ и надѣется... Сообрази: съ одной стороны этимъ ты архипастыря огорчишь—грѣхъ; а съ другой и то возьми, что о. благочинный лгуномъ передъ архіереемъ выйдетъ. Нельзя это. О. благочинный, хотя и не угодилъ тебѣ, такъ все же онъ дѣйствовалъ отъ добраго желанія. Да, почемъ онъ можетъ знать, что ты такой чудакъ, что не почитаешь за счастье мѣсто протодіакона? Вѣдь они тамъ сидятъ въ своемъ городѣ и думаютъ, что мы деревенщина, только и дѣлаемъ, что завидуемъ имъ и мечтаемъ попасть въ городъ... Нѣтъ, это надо какъ нибудь мягче сдѣлать, о. Левъ. Тебѣ въ городъ поѣхать необходимо... И явиться къ преосвященному надо, чтобъ благочиннаго оправдать. А тамъ, что нибудь придумаешь. Скажешь владыкѣ, что грудью слабъ и деревенскій воздухъ тебѣ необходимъ, или тамъ что другое...

— Солгать передъ архіереемъ?—О. Левъ рѣшительно покачалъ головой.—Нѣтъ, о. Антоній, на это я не пойду. Этого грѣха на душу не возьму...

— Ну, какъ нибудь иначе...

О. Левъ въ глубокой задумчивости сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, туда и обратно. Размышленія его были мучительны. Вовсе не хотѣлъ онъ подводить благочиннаго, понимая, что тотъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ изъ добраго побужденія. Но, разумѣется, не могъ же онъ ради благочиннаго разстаться съ своимъ любимымъ насиженнымъ гнѣздомъ, которое онъ цѣнилъ больше всего на свѣтѣ.

— Вотъ оно, о. Антоній,—сказалъ онъ,—вотъ оно ваше благо!

— Да вѣдь для другого это было бы великимъ благомъ...— ›разилъ о. Антоній.

— Ха! То-то и оно, что другому, тому, кому это благо, но не придется. То-то и оно! Ежели бы и для меня было ›аго, то и мнѣ не пришлось бы. И благочинный не заѣхалъ ›, и голоса моего не слышалъ бы, и протодіакона—дай Богъ ›у поправиться и сто лѣтъ прожить—не хватилъ бы пара› чъ... Это такъ всегда бываетъ, о. Антоній. Одно только благо

и есть на свѣтѣ, это—когда тебя не трогаютъ и даютъ тебѣ жить такъ, какъ ты хочешь. Вотъ это—истинное благо.

— Такъ-то такъ! А ты всетаки поѣзжай въ городъ, о. Левъ!

Но о. Левъ не сказалъ ни «да», ни «нѣтъ» и ушелъ отъ о. Антонія съ тяжелой думой въ головѣ. Но онъ не пошелъ домой. Его потянуло совсѣмъ въ другую сторону.

Словно это ужъ было дѣло рѣшенное, что ему предстоитъ навсегда покинуть это мѣсто, ему захотѣлось посѣтить уголки, гдѣ онъ такъ любилъ просиживать цѣлые часы. Двадцать пять лѣтъ онъ глядѣлъ на эти камыши и вербы, на эти серебристыя ивы съ грустно опущенными вѣтвями, на эти дубки съ рыболовными снастями, на все, чѣмъ жило село. Развѣ можно не сжиться съ этимъ за такой срокъ, не сростись тѣломъ и душою, не чувствовать себя частью этого? Развѣ онъ не такъ же питался этимъ воздухомъ, не такъ же глядѣлъ на это небо, какъ вонъ то дерево, свободно раскинувшее свои вѣтви во всѣ стороны? А попробуйте вырвать это дерево съ корнемъ и пересадить въ другое мѣсто, хотя бы и въ самую богатую почву... Оно завянетъ, вѣтви его поникнутъ къ землѣ, и корни откажутся высасывать изъ почвы сокъ и питать его. Не то же ли самое будетъ и съ нимъ?

Вотъ онъ стоитъ на берегу, передъ нимъ въ обѣ стороны раскинулся Днѣпръ. Какая ширь, какъ свободно разлился онъ по всей долинѣ, развѣтвившись на десятки и сотни рѣченокъ, одѣтыхъ въ зеленое кружево камышей и высокой плавной травы. Смотри въ эту даль хоть всю жизнь, смотри, пока глаза не откажутся служить тебѣ, и всетаки никогда не надоѣстъ тебѣ это зрѣлище. Всегда найдешь что-то новое, что-то еще не виданное въ этомъ переливѣ оттѣнковъ, въ этихъ тонкихъ переходахъ цвѣта воды изъ темнаго, какъ закаленая сталь, въ нѣжный и мягкій, какъ цвѣтъ весенняго неба. А эти камыши съ ихъ гибкими верхушками, стройно наклоняющимися при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка, и вѣчно, неустанно нашептывающими другъ дружкѣ свои тайны... Гдѣ же это еще найдется? Ужъ не въ городѣ ли, гдѣ весь берегъ рѣки запруженъ судами, плотами, пароходами и фабриками? Гдѣ весь день, а иногда и всю ночь раздается гулъ и трескъ отъ ломовыхъ телѣгъ, топотъ лошадиныхъ ногъ, стучащихъ копытами по камнямъ, крики рабочихъ, свистъ машинъ?! И надъ всѣмъ этимъ носятся тучи пыли, засоряющей глаза, воздухъ пропитанъ скверными испареніями, повсюду слышатся вопли нужды, болѣзней и всякихъ человѣческихъ страданій. Всѣ куда то бѣгутъ, торопятся, подставляютъ другъ другу ножку, чтобъ раньше другихъ ухватиться за жалкій кусокъ хлѣба, и падаютъ и гибнутъ на глазахъ у всѣхъ. И это жизнь? Это—жизнь?

А тутъ благодѣтельная тишина. Днѣпръ тихо и безшумно несетъ къ морю свою громаду воды, щедро одаряя ею все, что попадается ему на пути. Всякое существо, хотя бы самое слабое, живетъ здѣсь свободно, никто ему не мѣшаетъ. Слышно щебетанье птицъ, слышно, какъ маленькая рыбка, которой захотѣлось окунуться въ лучахъ солнца, выпрыгнула изъ воды, описала надъ нею дугу и опять вернулась въ рѣку; слышно, какъ жужжитъ пчела, разыскивающая какой нибудь болотный цвѣтокъ, какъ падаетъ листъ съ дерева на землю...

Вонъ вдали, мѣрно попыхивая, движется пароходъ, все ближе и ближе, и важно плыветъ мимо села, оставляя за собой въ рѣкѣ глубокій слѣдъ, который дробится на маленькія волны, и онѣ, подгоняя одна другую, разсыпаются въ обѣ стороны и съ шутливымъ рокотомъ ударяются о берегъ. Тамъ виднѣется на горизонтѣ бѣлый парусъ торговаго судна; веселый катеръ мчится внизъ по теченію, гонимый дюжиной веселъ, мѣрно и стройно ударяющихъ по водѣ; медленно плыветъ съ самаго сѣвера, изъ лѣсныхъ странъ, сколоченный изъ бревенъ плотъ и на немъ два мужика въ простыхъ рубахахъ, высунувшись на половину изъ небольшой будки, лежа животами внизъ, тянутъ заунывную великорусскую пѣсню. И все это промелькнетъ мимо села, доставляя развлеченіе глазу, и пойдетъ дальше. И каждый часъ на широкой рѣкѣ мѣняется картина. Сколько тысячъ судовъ, барокъ и плотовъ прошло уже мимо него за время, когда поселился здѣсь о. Левъ. И на всѣхъ ихъ были люди съ разными мыслями, чувствами и интересами, всѣ они стремились куда то, ждали чего то отъ своего движенія впередъ, а село все стоитъ на своемъ мѣстѣ и будетъ стоять еще долго, долго, пока будетъ водиться рыба въ Днѣпрѣ и рости кругомъ камышъ, отапливающій жилище рыбалки. И навсегда останется въ немъ эта веселая зелень днѣпровскихъ острововъ, это ясное небо и яркое солнце, эта тишина далекаго отъ городскаго шума, уединеннаго уголка земли, гдѣ люди требуютъ отъ судьбы немногаго, живутъ не торопясь и не выхватывая другъ у друга куска хлѣба изо-рта.

Такъ неужели-же онъ промѣняетъ эту благодатную жизнь на ту безпокойную, желчную, черствую жизнь, какая предстояла бы ему въ городѣ? Изъ за чего? Изъ за чести быть протодіакономъ, на виду у всѣхъ, и восхищать слухъ городскихъ жителей? Богъ съ нимъ, со протодіаконствомъ. Онъ предпочитаетъ оставаться самимъ собой. И тутъ у него окончательно созрѣло твердое рѣшеніе: ни за что, ни при какихъ условіяхъ не покидать Плавное и не переселяться въ городъ.

Онъ, конечно, не ослушается приказанія начальства и поѣдетъ на пробу. По всей вѣроятности, его голосъ найдутъ

лучшимъ изъ всѣхъ, онъ нисколько не скромничаетъ и знаетъ, что у него дѣйствительно рѣдкій голосъ. Еще въ семинаріи ему многіе говорили это. Иные даже совѣтывали бросить духовную карьеру, поѣхать куда то въ Италію и тамъ учиться пѣть. Но онъ на это только усмѣхался. Никуда его не тянуло, кромѣ какъ въ тихій уголокъ, куда нибудь въ деревню, гдѣ много воды и зелени. Онъ и въ молодости любилъ воду и зелень, потому что и выросъ въ такой же мѣстности, какъ Плавное, тоже на берегу Днѣпра, только въ другомъ уѣздѣ. И ни въ какія Италіи онъ не поѣхалъ, а взялъ дьяконское мѣсто и прожилъ на немъ двадцать пять лѣтъ.

Да, онъ поѣдетъ въ городъ и исполнитъ все, что отъ него требуютъ. Но затѣмъ прямо, наотрѣзъ откажется взять протодіаконское мѣсто и переѣхать въ городъ. Пускай дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Вѣдь не повѣсятъ же его за это. Его могутъ лишить мѣста, но не могутъ лишить права умереть на той землѣ, къ которой онъ приросъ, какъ вотъ это дерево, всѣми своими корнями.

— Ну,—сказалъ онъ женѣ, придя домой и разсказавъ ей о письмѣ благочиннаго:—что-то съ нами сдѣлаютъ, моя старуха? Готовься ко всему. Никогда не имѣлъ я намѣренія огорчать начальство, а тутъ, должно быть, придется. Не могу я противъ души своей идти, а душа моя не позволяетъ разстаться съ Плавнымъ... Ну, какъ-же ты думаешь, старуха? держаться мнѣ своего? а? Ну, вотъ, какъ ты скажешь, такъ и будетъ.

— Держись, о. Левъ. Обѣими руками держись, а ногами упирайся!—безъ минутнаго раздумья горячо поощрила его Дарья Арефьевна.—Поѣзжай въ городъ, повидайся съ дѣтьми и ихъ спроси, они тебѣ то же самое скажутъ. Э, я... знаю, они тамъ живутъ въ четырехъ стѣнахъ, какъ на привязи, а ихъ такъ и тянетъ въ наши камыши... Еще бы! Выросли тутъ, воздухомъ этимъ пропитались, а въ днѣпровской водѣ намокли, купаясь въ ней въ лѣтнее время съ утра до вечера. Свое вѣдь это имъ все... Охъ, да и неволя-же это ученье! Поѣзжай, поѣзжай, о. Левъ, да такъ прямо и скажи: покорно, молъ, благодарю за честь, а въ городѣ жить не могу...

И о. Льву послѣ этого дружескаго поощренія стало куда легче на душѣ. Онъ рѣшилъ отплыть на лодкѣ въ городъ и съ этою цѣлью сговорилъ даже мужика.

Такъ какъ казенной бумагѣ требуется больше времени, чтобъ дойти до мѣста, чѣмъ частному письму, потому что она никогда не торопится, то циркулярная повѣстка о. благочиннаго пришла только на четвертый день. Послѣ этого о. Льву уже нельзя было медлить, и онъ, напутствуемый женой, дочерью, о. Антоніемъ и молчаливымъ взглядомъ дьяка Артамона, отплылъ въ городъ.

IV.

Прямо съ пристани, гдѣ остановилась лодка, о. Левъ отправился на постоялый дворъ. Онъ пошелъ пѣшкомъ, неся подъ мышкою узелокъ, въ которомъ находилась ряса посвѣжѣе той, что была на немъ, для представленія начальству. Дѣло было передъ вечеромъ. Дѣловое движеніе въ городѣ кончилось, базаръ опустѣлъ, пріѣзжіе, привозившіе деревенскую живность, не только продали все, что было у нихъ на возахъ, а успѣли уже въ видѣ «могарыча» пропить добрую половину выручки и уѣхать домой. Граждане пообѣдали, а послѣ обѣда заснули, а кое-кто изъ нихъ вышелъ на улицу или на бульваръ, съ цѣлью напитать свои легкія пылью, которой былъ пропитанъ воздухъ. О. Левъ не торопясь прошелъ половину города, минулъ опустѣлый базаръ, завернулъ къ зданію семинаріи, но не вошелъ внутрь его, а кликнулъ сторожа, сунулъ ему пятакъ и сказалъ ему тихонько.

— Знаешь Исоповыхъ? Ну, вотъ, такъ ты сыщи ихъ и скажи имъ, чтобы приходили на постоялый дворъ, ужъ они знаютъ, куда. Пускай отпросятся у отца инспектора на часокъ. Я ихъ батько. Понялъ?

Сторожъ, который не былъ избалованъ подачками, послѣ такого роскошнаго дара, какъ пятакъ, тотчасъ же обнаружилъ необыкновенную понятливость и обѣщалъ исполнить все въ точности. О. Левъ пошелъ дальше и, наконецъ, прибылъ на постоялый дворъ. Этотъ постоялый дворъ, которому было присвоено названіе: «новый постоялый дворъ», получилъ это имя лѣтъ тридцать тому назадъ, а потому успѣлъ состариться и былъ вообще довольно плохъ, но лучшаго въ городѣ не было. Были гостиницы, но такъ какъ духовныя лица пріѣзжали изъ деревень на своихъ лошадяхъ, то эти учрежденія ихъ не устраивали, да къ тому же они были и дороги для нихъ. О. Левъ на своихъ лошадяхъ не пріѣзжалъ, а приплывалъ на лодкѣ, но все же онъ считалъ своимъ долгомъ останавливаться въ «новомъ постояломъ дворѣ», который правильнѣе было бы назвать духовнымъ постоялымъ дворомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все духовенство, по тѣмъ или другимъ причинамъ пріѣзжавшее изъ деревень въ губернскій городъ, останавливалось здѣсь. Во время съѣздовъ, или въ августѣ, когда привозили сыновей въ семинарію, а дочерей въ епархіальное училище, всѣ номера были биткомъ набиты духовными лицами, по двору шмыгали разнообразныя фигуры въ длинныхъ рясахъ и кафтанахъ, а въ номерахъ и въ корридорѣ гудѣли большею частью басистые голоса въ общихъ раз-

говорахъ. Почти всѣ, если и не были знакомы, то такъ или иначе знали другъ друга, а здѣсь ужъ непремѣнно знакомились. Вѣдь имъ стоило только заговорить, и съ первыхъ же словъ открывалось такое множество точекъ соприкосновенія, общихъ вопросовъ и интересовъ, общихъ радостей и скорбей, что они могли говорить другъ съ другомъ такъ, какъ будто были сто лѣтъ знакомы и дѣлили одну жизнь. Интересы ихъ были такъ опредѣленны и узки, нужды такъ одинаковы, что они понимали другъ друга съ двухъ словъ. Все вертѣлось около архіерейской воли, около консисторіи, благочиннаго, все стремилось къ улучшенію своей участи, въ видѣ ли перемѣны худшаго прихода на лучшій, домогательства высшаго сана, опредѣленія дѣтей на казенный счетъ, или просьбы о смягченіи кары за какую нибудь вину, большею частью за бурный нравъ или чрезмѣрное выпиваніе. Это были монотонные разговоры. Очень рѣдко приходилось отъ одного кого нибудь услышать сообщеніе о какой нибудь удачѣ: большею частію слышались жалобы на скудость, на тяготу жизни, на невниманіе со стороны начальства, на несправедливость консисторіи. Но тутъ же узнавалось все, что случилось въ духовномъ мірѣ на разныхъ концахъ губерніи: кто умеръ, кто выдалъ замужъ дочь и за кого, кто переведенъ на другой приходъ, получилъ повышеніе или наоборотъ — подвергся карѣ. Словомъ, постоялый дворъ поддерживалъ непрерывное общеніе между духовными лицами обширной губерніи.

И о. Льва, всякій разъ, когда онъ бывалъ въ городѣ, тянуло туда. Были вѣдь у него старыя связи, помнилъ онъ своихъ товарищей, разсѣявшихся по лицу земли. А тутъ нѣтъ-нѣтъ, да и узнаетъ про кого нибудь изъ нихъ. Притомъ же хозяева постоялаго двора знали его, какъ и другихъ своихъ гостей, знали даже привычки каждаго и ужъ сами, безъ особаго приказанія, тащили — тому самоваръ, другому квасъ, третьему ромъ, четвертому водку съ соленымъ рыбцемъ на закуску.

О. Левъ, къ своему удивленію, нашелъ постоялый дворъ почти полнымъ. Во дворѣ стояли повозки и брички, а подъ навѣсомъ шумно махали хвостами и кусали другъ друга лошади. Для него, однако-жъ, нашлась комната и, сообразно его вкусу, который былъ здѣсь извѣстенъ, ему тотчасъ принесли самоваръ и баночку малиноваго варенья. Онъ снялъ рясу, растегнулъ кафтанъ и началъ благодушествовать. Въ раскрытое окно со двора вѣяло прохладой. Спускались сумерки. Мимо окна то и дѣло проходили фигуры въ рясахъ и кафтанахъ, молодые и пожилые, толстые и тонкіе, и среди нихъ о. Левъ не находилъ ни одного знакомаго лица.

«И что за народъ такой?—думалъ о. Левъ,—почему такое

скопленіе? Кажись, и съѣзда никакого нѣту, и каникулы въ семинаріи еще не начинались. Чего это ихъ принесло разомъ?»

Съ полчаса онъ размышлялъ такимъ образомъ, стараясь прислушиваться къ разговорамъ въ корридорѣ и во дворѣ. Но на этотъ разъ разговоровъ было мало. Постояльцы все больше ходили въ одиночку, смотрѣли другъ на друга изподлобья и какъ бы дичились. О. Левъ не выдержалъ и спросилъ у буфетчика, который принесъ ему лимонъ:

— Что это у васъ за съѣздъ?

— А это все на пробу пріѣхали,—отвѣтилъ буфетчикъ.

— На пробу?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ это просто, и онъ не догадался. Все это кандидаты на протодіаконскій постъ. То-то они такъ сурово смотрятъ другъ на друга и такъ мало разговариваютъ между собой. Всѣ они мѣтятъ въ одну точку, которая представляется имъ верхомъ блаженства, и каждый видитъ въ другомъ соперника и врага. Да, да. Это такъ. А онъ, увлекшись горяченькимъ чаемъ съ малиновымъ вареньемъ, на-время даже позабылъ, по какому дѣлу пріѣхалъ. Теперь онъ понялъ, почему иныя изъ мимо проходящихъ фигуръ такъ пытливо заглядывали ему въ лицо,—они почуяли въ немъ новаго соперника. Каждый новый пріѣзжій уменьшалъ ихъ шансы. Еще утромъ протодіаконское мѣсто дѣлилось между пятнадцатью соискателями, а теперь ихъ набралось уже до трехъ десятковъ. «Ахъ, бѣдный народъ! Сколько муки теперь каждый изъ нихъ испытываетъ и сколько злобы у каждаго въ сердцѣ кипитъ противъ другого! И все оттого, что каждому хочется завладѣть благомъ, которое—одно на всѣхъ. Ну, нѣтъ, милые, напрасно вы такъ вражески заглядываете мнѣ въ лицо. Нѣтъ, я вамъ не соперникъ, меня вамъ не надо бояться».

И когда до него долетало кое-что изъ разговоровъ, онъ теперь обратилъ вниманіе на то, что всѣ говорятъ басомъ — тотъ верхними нотами, другой больше роясь въ низахъ, а въ общемъ получался довольно грозный гулъ.

Къ нему пришли сыновья. Это были рослые молодые люди — одинъ еще безусый и застѣнчивый, а другой, который былъ въ богословскомъ классѣ и черезъ годъ долженъ былъ кончить курсъ, обладалъ изрядной бородкой. На нихъ были широкіе черные сюртуки, спускавшіеся ниже колѣнъ, цвѣтныя рубашки безъ галстуховъ и черныя фуражки въ видѣ большихъ блиновъ съ плисовыми околышами. Оба они не были краснорѣчивы и не проявляли никакой иниціативы въ разговорѣ, а только отвѣчали на вопросы о. Льва. Старшій, какъ человѣкъ уже видящій не въ долгѣ свободу и приходъ, смотрѣлъ еще довольно смѣло, но младшій имѣлъ видъ совершенно

забитаго и замореннаго юноши. Они напились чаю, узнали кое-что про домашнія дѣла, про мать, про сестру и собрались уходить, объявивъ, что ихъ отпустили только на одинъ часъ.

— А я вамъ, хлопцы, и не сказалъ самаго главнаго! — промолвилъ о. Левъ, когда они уже прощались.

«Хлопцы» остановились и посмотрѣли на него вопросительно.

— Вы знаете, зачѣмъ я вызванъ?—спросилъ о. Левъ.

— Развѣ вы вызваны?

— А какъ же. Предписаніемъ о. благочиннаго.

Недоумѣніе отъ этого объясненія увеличилось.

— Благочиннаго?—спросили оба разомъ.

— Ну да. На пробу. Завтра, должно быть, будетъ проба голосовъ на протодіакона. Такъ, вотъ и я буду пробоваться...

— Вы? На протодіакона?

— А какъ же. Хочу непремѣнно на старости лѣтъ возвыситься въ чинѣ... Да. Въ городъ переѣду, большіе доходы буду получать. А что? Не вѣрите, хлопцы? Развѣ мой голосъ не годится для этого? Развѣ онъ плохъ?

— Голосъ у васъ хорошъ,—сказалъ старшій.

— Ага. Да только все же вы не вѣрите. Вижу по глазамъ.. Ну, что жъ, это только показываетъ, что вы знаете своего отца. Правда, дѣти, что вызванъ я и на пробѣ буду, да только по неволѣ. А въ городѣ все равно мѣста не возьму... Такъ то. Пускай меня въ монастырь сошлютъ, а все же не возьму. Такъ и знайте.

Сыновья ушли. О. Левъ опять остался одинъ. Уже значительно стемнѣло. На столѣ у него горѣла свѣча, которая освѣщала все его лицо. Онъ сидѣлъ за столикомъ, прислоненнымъ къ окну, и всякій, кто проходилъ мимо раскрытаго окна, могъ свободно созерцать его. Онъ слегка досадовалъ, что изъ трехъ десятковъ прибывшихъ на пробу нѣтъ ни одного ему знакомаго.

Подъ окномъ послышались тяжелые шаги и вдругъ раздался громкій басистый голосъ:

— Святъ, святъ, святъ! Ужъ не видѣніе ли это? Да неужели это ты, Левъ Исоповъ? Неужели это ты?

О. Левъ быстро привсталъ и потянулся черезъ окно, стараясь разглядѣть говорившаго.

— Батюшки! Ба-а-тюшки!—воскликнулъ онъ своимъ звучнымъ басомъ и протянулъ руку въ окно,—Александръ Македонскій! Вотъ такъ встрѣча! Ну, иди же, иди въ хату!

— Тсс... ты не оглашай окрестность такъ громко. А то у всѣхъ душа въ пятки скроется. Вѣдь тутъ еще никто не слышалъ твоего трубнаго гласа. Услышатъ—всѣмъ смерть.

Но голосъ, которымъ Александръ Македонскій произносилъ

эти слова, тоже очень походилъ на «трубный гласъ» и по звучности немногимъ уступалъ голосу о. Льва.

«Александръ Македонскій»—было школьное прозваніе діакона, который черезъ минуту вошелъ въ комнату. Его звали о. Авксентіемъ, а фамилія была Рубиконовъ. Въ наружности его не было ничего общаго съ греческимъ героемъ. Онъ былъ средняго роста, значительной плотности, съ изряднымъ животомъ, смуглъ, отъ него вѣяло знойной, вѣтряной степью. Въ черной бородѣ изрѣдка попадались сѣдины.

— Ну, чаю ты навѣрно не пьешь, о. Авксентій!—сказалъ о. Левъ, когда гость послѣ обычныхъ привѣтствій между старыми товарищами, не видавшимися десятокъ лѣтъ, сѣлъ у стола.—Знаю вѣдь твои вкусы... Не перемѣнились?

— Ни мало. Ромъ, братецъ ты мой, хорошій напитокъ, а зачѣмъ хорошее мѣнять?

— Ну, ромъ, такъ ромъ,—и о. Левъ скомандовалъ, чтобы принести рому.

— Такъ и ты прибылъ!—говорилъ о. Авксентій:—Ну, значитъ, мнѣ погибать надо.

— Зачѣмъ погибать?

— Какъ зачѣмъ? Развѣ съ твоей трубой велегласной сравнится кто нибудь другой? Я, братецъ ты мой, ко всѣмъ приглядѣлся. Не даромъ три дня сижу тутъ. Я вѣдь на этотъ счетъ дока. По разговору слышу. Нѣтъ ни одного настоящаго голоса. Все, братецъ ты мой, шушваль. И какъ только люди рѣшаются! Не понимаю.

— Что-же здѣсь непонятнаго?—мирно возразилъ о. Левъ!—всякому хочется устроиться получше...

— Да, всякому хочется, это вѣрно. Вотъ и мнѣ хотѣлось, да не удастся...

— Отчего-же не удается? Голосъ у тебя хорошъ. Ели ты только сохранилъ его...

— Какой тамъ сохранилъ?! Развѣ съ этимъ (онъ указалъ на бутылку съ ромомъ) сохранишь? Онъ, пожалуй, еще громче сталъ, да только ужъ бархата того нѣтъ... А ты, о. Левъ,—это я по разговору слышу, ничего не потерялъ. Совершенно такой же у тебя голосъ, какой былъ тридцать лѣтъ назадъ. Это слышно... А я, знаешь, иногда люблю вспугнуть ихъ...

— Кого?

— Да вотъ этихъ кандидатовъ... Шумятъ они, шумятъ, а я иной разъ подумаю: дай-ка вспугну ихъ. Стану посреди комнаты, да и рявкну такъ, что стекла затрясутся. Такъ они всѣ такъ и присмирѣютъ... Да, братецъ ты мой, такъ вотъ гдѣ мы встрѣтились. Можно сказать на одной точкѣ.

— Ну, какъ же твои дѣла?—спросилъ о. Левъ, повидимому умышленно избѣгавшій сосредоточиваться на «точкѣ»...

— Мои дѣла—дрянь. Приходъ скверный, а расходъ... ахъ братецъ ты мой... четыре сына и три дочери, и всѣхъ надо воспитывать. Ты не смотри, о. Левъ, что я ромъ пью, то есть дорогой напитокъ... Я дома его не пью, а только водку. А ромъ, ежели кто угоститъ, принимаю... Да, такъ вотъ и думалъ: стану протодіакономъ и первымъ дѣломъ буду ходатайствовать, чтобы хоть половину дѣтей взяли на казенный счетъ... Ну, все же доходъ тутъ больше, можно всячески дѣла поправить. Такъ думалъ я, братецъ ты мой... Ну, смотрю народу понаѣхало множество. Сперва даже испугался: не выдержу, дескать. А какъ поприглядѣлся, съ каждымъ поговорилъ, да послушалъ,—и пріободрился... Нѣту голосовъ; такъ и считалъ уже, что протодіаконство за мной... Своего-то голоса я имъ не показалъ. Боже сохрани! Услышатъ, зависть возьметъ, еще какой-нибудь вредъ сдѣлаютъ.

— Ну, что ты, о. Авксентій? Возможно ли это?

— Не говори этого. Завистью, братецъ ты мой, человѣкъ ослѣпляется и тогда всякую пакость способенъ сдѣлать. Такъ вотъ я и опасаюсь, и своего голоса не показываю... Какъ то ихъ человѣкъ пять собралось и поставили мнѣ бутылку рому и пристали, чтобы я многолѣтіе вынесъ... я и вынесъ, только такимъ козломъ, что они руками замахали... Надо быть хитрымъ, о. Левъ. А теперь,—грустнымъ тономъ прибавилъ Рубиконовъ,—теперь, видно, приходится забирать свои пожитки и ѣхать во свояси. Да, братецъ ты мой. Не везетъ Александру Македонскому въ чинѣ діакона... Такъ я и сдѣлаю. Завтра утромъ прошеніе возьму назадъ и подеру домой... Не хочу срамиться...

— Что же такъ? Ты навѣрное всѣхъ уложишь, о. Авксентій.

— Всѣхъ да не тебя, о. Левъ. Развѣ съ твоимъ голосомъ можно бороться? да ежели преосвященный одну ноту услышитъ, такъ всѣхъ остальныхъ со двора выгонитъ. Да я и самъ такъ бы сдѣлалъ на его мѣстѣ. Ты все одно, какъ бы соловей поющій басомъ...

Тутъ о. Левъ нашелъ своевременнымъ обрадовать стараго товарища. Помучилъ немного и довольно. Онъ зналъ, что у Александра Македонскаго голосъ, дѣйствительно, отличный, и что даже съ хрипотой отъ рому онъ, навѣрно, побѣдитъ всѣхъ. Ну, значитъ, и помучить его по-пріятельски немножко можно.

— Это вѣрно,—сказалъ онъ. — Да только этотъ соловей любитъ въ плавняхъ жить...

— Какъ такъ?

— А такъ: нашъ приходъ на бережку Днѣпра стоитъ, въ самыхъ что ни на есть камышахъ. Такъ оно и соловью необходимо въ камышахъ жить...

— Гм... Одначе, въ камышахъ хорошо, а въ городѣ лучше...

— Какъ кому, о. Авксентій! А мнѣ такъ въ камышахъ куда лучше. И никакого города я не возьму за свои камыши... Ну, ужъ такъ и быть, скажу тебѣ, о. Авксентій: въ протодіаконствѣ я тебѣ не соперникъ.

— Да что ты? Развѣ ты не затѣмъ пріѣхалъ?—съ удивленными глазами спросилъ Рубиконовъ.

— Какъ не за тѣмъ? За тѣмъ самымъ, только не по своей волѣ. Привлеченъ, значитъ, о. благочиннымъ. Надо же быть такому случаю, чтобы о. благочинный заѣхалъ къ намъ и услышалъ мой голосъ, а на другой день съ протодіакономъ стряслась бѣда. А онъ ужъ успѣлъ и архіерею сказать... Ну, предписаніе и даже собственноручное письмо настоятелю. Понимаешь? Какъ тутъ не пріѣхать? Вотъ я и пріѣхалъ. Пускай пробуютъ, только я не останусь. Такъ и скажу: ни за какія блага. Люблю свое мѣсто, насидѣлъ его за двадцать пять лѣтъ и тепло мнѣ на немъ... Такъ-то...

Недоумѣніе не сходило съ лица Александра Македонскаго. «Вѣрить-ли?» какъ бы спрашивали его глаза, — «не шутитъ ли?»

— Такъ неужели же ты откажешься?—спросилъ онъ, и у него духъ захватывало, а басъ его звучалъ какъ-то прерывисто.

— Что-жъ, я тебя, стараго товарища, дурачить буду, что-ли? Говорю—откажусь, такъ и откажусь. Такъ съ женой и рѣшили: пускай хоть казнятъ, а въ городъ не переѣдемъ...

— Правда?—все еще не довѣрялъ Александръ Македонскій.

— Ахъ ты, Ѳома невѣрный. Ну, говорю же тебѣ: покоенъ будь. Коли другого соперника не будетъ, то меня не бойся, такъ и знай. Ну, вотъ. Жаль, что ты раньше не пришелъ. Сыны мои тутъ были,—такъ я и имъ то же самое сказалъ.

— Охъ, ты просто оживилъ меня, о. Левъ! — съ веселою живостью воскликнулъ Рубиконовъ и, поднявшись съ мѣста, началъ ходить по комнатѣ и говорить, размахивая руками.— Коли такъ, то мѣсто за мной... Это ужъ вѣрно... Ну, поправлюсь, значитъ, поправлюсь. А то вѣдь ей-ей, о. Левъ, просто истомился. Концы съ концами не свожу. Вотъ видишь—ряса. Седьмой годъ ношу и никакъ обновить не могу... Все на дѣтей идетъ, все на нихъ. Ты не смотри, что я такой толстый и брюхо имѣю... Это ужъ—порода такая. Ни забота, ни нужда, ничто не дѣйствуетъ, такъ и лѣзу въ ширь... Ну, спасибо, обрадовалъ меня... Вотъ хорошо. Ей-ей, хорошо... А ты знаешь, что, о. Левъ? Славная штука, братецъ ты мой. Прикинься! Это легко, ей-ей нетрудно...

— Что? Какъ это?—спросилъ о. Левъ и вскинулъ на него удивленный взглядъ.

— Да даже очень просто. Вотъ смотри... Ты знаешь мой настоящій голосъ, а вотъ я тебѣ прочитаю, слушай. Совсѣмъ какъ бы другой человѣкъ. Вотъ...

Онъ откашлялся, поднялъ голову и протянулъ какимъ-то жиденькимъ скрипучимъ голосомъ:— «Благослови-и, преосвященнѣйшій влады-и-ко».

— Видишь? совсѣмъ никакого голоса нѣту... О. Левъ усмѣхнулся.

— Экій ты штукарь! Какъ былъ, такъ и остался. Только я этого не умѣю дѣлать. Да если бы и умѣлъ, такъ говорю-же тебѣ, что о. благочинный мой голосъ слышалъ и восхитился...

— Эка важность! Простудился и голосъ потерялъ...

О. Левъ покачалъ головой.—Ахъ, Александръ Македонскій! Какъ же это я передъ архіереемъ лгать буду? Вѣдь это грѣхъ. Да и зачѣмъ? Насильно не притянутъ. Ну, пускай накажутъ,— такъ опять же сѣчь не станутъ... Не такъ-ли?

— Ну, какъ знаешь, о. Левъ. Какъ знаешь. Твое дѣло... Ну, а теперь прощай. Вотъ допью ромъ и прощай. Спать пойду. Завтра въ двѣнадцать часовъ малая проба, это у о. благочиннаго. Тамъ изъ всего состава выберутъ шестерыхъ наиболѣе достойныхъ, а этихъ уже въ два часа поведутъ къ архіерею и онъ самъ выберетъ одного... Надо добре выспаться...

— Да ты-бы, о. Авксентій, хоть передъ такимъ случаемъ этого рому не пилъ. Воздержался бы.

— Нѣтъ. Не могу. Тогда ничего не выйдетъ. Когда не пью, тогда голосъ жиже дѣлается. Ужъ я пробовалъ... И этотъ ромъ, что въ бутылкѣ остался, ты, о. Левъ, обратно не отсылай. Я завтра утромъ къ тебѣ приду и выпью — для густоты голоса.

— Да ты возьми его теперь съ собою!—сказалъ о. Левъ:— мнѣ онъ не нуженъ. Вѣдь ты-же знаешь, я этого зелья не потребляю...

Александръ Македонскій какъ-то странно, съ нѣкоторымъ какъ-бы смущеніемъ, усмѣхнулся.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, лучше не давай! — отвѣтилъ онъ.—Ежели сегодня возьму его къ себѣ, то сегодня и выпью. Не люблю, чтобъ въ бутылкѣ долго оставалось. Знаешь, оно выдыхается, ароматъ теряетъ... А это ужъ будетъ вредно!

И ромъ остался у о. Льва. Старые товарищи попрощались. Но о. Авксентій все еще не достаточно вѣрилъ въ свое счастье.

— Ну, въ послѣдній разъ спрошу тебя, о. Левъ,—сказалъ онъ на прощанье,—ты не подшутилъ надъ Александромъ Македонскимъ? Нѣтъ?

О. Левъ слегка огорчился.—Э!—промолвилъ онъ, укоризненно качая головой,—видно, ты забылъ, что такое есть Левъ Исоповъ, коли такъ не довѣряешь ему...

— Ну, не буду, не буду! — поспѣшно остановилъ его Рубиконовъ.—Не буду, о. Левъ. Прости, ради Бога. Вѣдь дѣло такое, братецъ ты мой... Понимаешь...

— Ну, ну, ладно ужъ, иди спать. А завтра, ежели тебѣ дадутъ протодіаконство, а меня не высѣкутъ,—прибавилъ онъ, шутливо,—такъ мы съ тобой поѣдемъ въ наши Плавни и наши рыбалки такой сторчакъ намъ учинятъ, какого ты въ жизнь свою не ѣдалъ, и протодіакономъ станешь, не будешь ѣсть...

— А что-же это такое—сторчакъ?

— А ты не знаешь? Ахъ, да, я и забылъ, что твой приходъ стоитъ среди безводной степи, и вы воду таскаете журавлями изъ колодцевъ... Ну, такъ тогда и узнаешь. И еще я тебѣ одну пользу сдѣлаю,—продолжалъ окончательно распутившійся о. Левъ.

— Какую же?

— А у насъ въ Плавняхъ, видишь, комаровъ множество... страсть сколько ихъ! Вотъ они какъ повысосутъ изъ тебя соку, то и станешь ты худѣе... Ха, ха, ха, ха!

И они оба посмѣялись этому, а потомъ Александръ Македонскій пошелъ къ себѣ.

«Охъ-охъ-охъ», думалъ о. Левъ, укладываясь въ жесткую постель,—«какъ это все удивительно устроено на свѣтѣ! Что одному хуже тюрьмы, то самое другого можетъ на всю жизнь счастливымъ сдѣлать. Посмотримъ, посмотримъ, что завтра скажетъ о. благочинный и самъ владыка. А Александръ Македонскій ни чуточку не перемѣнился. Совсѣмъ такой остался, какъ былъ въ семинаріи. Помню, и тогда штукаремъ его называли. Ему и солгать—ни почемъ, хотя самъ по себѣ человѣкъ онъ хорошій. Штуку-то какую выдумалъ: безгласіе изобразить. Это я-то сталъ бы ломаться и пѣтухомъ кричать, а? А самъ это онъ ловко продѣлалъ... Ну, истинно штукарь—нашъ Александръ Македонскій».

V.

На другой день Александръ Македонскій зашелъ къ отцу Льву утромъ, когда на постояломъ дворѣ еще только начиналось движеніе. Онъ безпокойно откашливался и пальцами поглаживалъ свое горло, отыскивая его гдѣ-то подъ густой бородой.

— Вотъ это всегда такъ бываетъ... Когда нужно—и нѣтъ... Никакого голоса. Хрипъ одинъ. Всю ночь провалялся — все

думалъ... — заявилъ онъ и первымъ дѣломъ потянулся къ бутылочкѣ съ ромомъ.

— Что-жъ ты думалъ?—спросилъ о. Левъ. — Тебѣ нечего думать. Мѣсто твое!

— Хе! Если бы мое! А то вѣдь ихъ тридцать человѣкъ...

— Развѣ есть большіе голоса?

— А кто ихъ знаетъ! Я хитеръ, а они, можетъ, еще хитрѣе... можетъ, кто нибудь еще почище моего скрывать умѣетъ, и вотъ у благочиннаго вдругъ выпалитъ, какъ изъ пушки... Хрр... — свирѣпо откашлялся онъ, пропустивъ нѣсколько глотковъ рому и потомъ попробовалъ голосъ: «благоденственное и мирное житіе-э-э... Здра-а-авіе-же»... Хрр... Нѣтъ, теперь вотъ лучше... Видишь, какъ помогаетъ!.. Онъ выпилъ еще рому и продолжалъ: — Еслибы знатье, что читать заставятъ, можно было бы приладиться... Я замѣтилъ, что голосъ прилаживается къ словамъ, ежели часто повторять... Все одно, какъ если, напримѣръ, постоянно на одномъ мѣстѣ на диванѣ сидѣть, такъ ужъ по твоей конструкціи и ямка образуется... А то вдругъ заставятъ такое, что никогда не читалъ, братецъ ты мой...

— Что-нибудь изъ архіерейской службы! — отозвался о. Левъ.

— Э! я всю ее прошелъ... Это-бы хорошо... Ну, я пойду къ себѣ. Мнѣ надо еще въ консисторію зайти... Такъ, на случай... Ежели не удача, такъ, можетъ, хоть въ лучшій приходъ переведутъ...

— Да будетъ удача, будетъ, говорю тебѣ! Только вотъ что, о. Авксентій, — ты это напрасно столько рому пьешь. Вѣдь запахъ будетъ... У преосвященнаго въ покояхъ воздухъ легкій, такъ сейчасъ будетъ слышно...

Рубиконовъ усмѣхнулся:—Ну, это ужъ нѣтъ! Не такой я уже дуракъ. Я заѣмъ... У меня такая травка есть. Какъ пожуешь ее, такъ будто и въ жизнь ничего не пилъ... Ну, я пойду...

— Съ Богомъ.

Рубиконовъ зашелъ къ себѣ, еще разъ попробовалъ голосъ и остался доволенъ. Въ это время во всѣхъ комнатахъ постоялаго двора тоже пробовали голоса, каждый въ одиночку, и все это сливалось въ какое-то дикое рычанье. Теперь ужъ никто не стѣснялся и не скрывалъ своихъ достоинствъ, и всякій тянулъ, кому что болѣе подходило. О. Авксентій надѣлъ рясу и пошелъ въ консисторію.

Мало-по-малу постоялый дворъ опустѣлъ. Всѣ по одиночкѣ вышли. Часовъ около двѣнадцати вышелъ и о. Левъ. Онъ былъ послѣднимъ. Тѣ, кто жаждалъ получить протодіаконское мѣсто, безсознательно торопились, чтобъ придти раньше дру-

гихъ, какъ будто отъ этого зависѣлъ успѣхъ. А его желанія были какъ разъ противоположнаго характера, и потому онъ скорѣе былъ согласенъ опоздать, чѣмъ придти раньше.

Въ сущности, онъ еще и самъ не зналъ, какъ будетъ вести себя. Онъ только твердо зналъ, что въ городъ ни за что не переѣдетъ.

Пріемная комната въ квартирѣ о. благочиннаго была полна народу. Все это была та самая публика, которая вотъ уже три дня населяла постоялый дворъ. Преобладали діаконы, но попадались и причетники низшаго ранга—въ кафтанахъ и даже въ пиджакахъ. Всѣ они съ преувеличенною скромностью сидѣли на стульяхъ, разставленныхъ у стѣнъ, и покашливали куда-то внизъ, прикрывая ротъ рукою.

Рубиконовъ сидѣлъ крайнимъ отъ двери и, какъ только о. Левъ вошелъ, схватилъ его за рукавъ и посадилъ рядомъ съ собой на свободномъ стулѣ, который онъ удержалъ для стараго товарища.

— А, ты уже здѣсь!—тихо сказалъ ему о. Левъ.

— Трушу, братецъ ты мой, охъ, какъ трушу! — шепнулъ на ухо о. Льву Рубиконовъ:—въ горлѣ такъ и першитъ, такъ и першитъ...

— Полно тебѣ! Экой ты какой, право... Словно тебѣ двѣнадцать лѣтъ...

— Охъ, да вѣдь дѣло то какое! Посмотри, сколько ихъ. Все, братецъ ты мой, голодные рты. Всѣмъ хочется устроить свою судьбу. Какъ пасти-то разинутъ!.. О-го-го!..—и это «о-го-го» онъ, увлекшись, произнесъ, вмѣсто шепота, низкимъ басомъ. О, Левъ толкнулъ его въ бокъ:

— Тише ты! Вонъ кажись, о. благочинный выходитъ... Вотъ погоди, какъ придетъ, я ему тогда шепну...

— Да ну?

— А вотъ увидишь... тс... идетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, изъ сосѣдней комнаты вышелъ благочинный, а за нимъ ключарь—важный протоіерей съ совершенно сѣдой бородой, и на приличномъ разстояніи отъ нихъ—господинъ съ бритымъ подбородкомъ и краснымъ носомъ, въ черномъ сюртукѣ и приставныхъ крахмальныхъ воротничкахъ не первой свѣжести. Это былъ регентъ архіерейскаго хора, приглашенный въ качествѣ эксперта, какъ человѣкъ понимающій въ голосахъ.

— Ну, вотъ, о. протоіерей, мы сейчасъ и начнемъ! — обратился благочинный къ ключарю. Затѣмъ онъ обернулся къ публикѣ, которая вся разомъ поднялась съ своихъ мѣстъ:

— А васъ порядочно, охотниковъ! Ну, мы возьмемъ что нибудь коротенькое... Что бы такое? Ну, вотъ это: «По-ве-ли Пре-о-священнѣйшій владыко»...

— Этого я не пробовалъ! — опасливо шепнулъ Рубиконовъ на ухо о. Льву.

— Маловато будетъ, о. благочинный! — съ изысканной почтительностью возразилъ регентъ.—Невозможно судить о достоинствѣ голосовъ...

— Ну, что нибудь другое! — согласился благочинный:— возьмемте вотъ это: «благоденственное и мирное житіе»...

О. Левъ опять почувствовалъ, что его толкаютъ въ бокъ.

— Это я изучилъ, братецъ ты мой, изучилъ!—радостнымъ шопотомъ заявилъ ему Рубиконовъ.—Это у меня хорошо пойдетъ...

Въ это время о. Левъ замѣтилъ, что благочинный внимательно всматривается въ лица кандидатовъ, какъ бы кого разыскивая. И ему показалось, что лицо о. благочиннаго становилось болѣе и болѣе озабоченнымъ. Но вдругъ оно пріятно оживилось и именно въ тотъ моментъ, когда благочинный увидѣлъ о. Льва.

— Ага!—съ живой радостью произнесъ онъ, кивая ему головой,—вы здѣсь! А я смотрю, смотрю... Это хорошо, что вы пріѣхали...

Тутъ о. Левъ почувствовалъ, что наступилъ благопріятный моментъ. Онъ пододвинулся къ благочинному, и, стараясь говорить тихо, взялъ очень низкую ноту.

— Я, о. благочинный, имѣю сказать вамъ кой-что...—промолвилъ онъ, весьма сосредоточенно глядя ему въ лицо.

— Хорошо, хорошо, о. Левъ. — торопливо отвѣтилъ ему благочинный:—мы поговоримъ потомъ, а теперь нужно приступить... Преосвященный будетъ ждать въ два часа... Ну, такъ начинайте-же. Вотъ—какъ стоите, такъ и читайте по порядку... Ну, вы... выходите на середину...

О. Левъ мысленно махнулъ рукой. Придется, значитъ, самому архіерею говорить.

На средину комнаты вышелъ худой, тонкій молодой діаконъ съ чрезвычайно длинной шеей, на которой очень выдавался острый кадыкъ. Онъ, видно, страшно волновался и лицо его было блѣдно. Громко откашлявшись, онъ выставилъ впередъ правую ногу и выпятилъ грудь и вслѣдствіе этого сталъ походить на человѣка, вызывающаго на бой противника. Въ сущности это такъ и было,—за спиной у него стояли противники, и это былъ—бой. Затѣмъ онъ, очевидно, съ величайшей натугой выкачивая изъ своей груди все, что только она могла дать, началъ отчеканивать: «благо-ден-ствен-ное и мирное житіе»... И все постоянно повышалъ голосъ, который дрожалъ отъ волненія. Голосъ у него былъ звучный, но не густой и нѣсколько рѣзкій. Когда онъ кончилъ, регентъ спросилъ его фамилію и что-то отмѣтилъ рядомъ съ его именемъ въ спискѣ.

Онъ сѣлъ, а на середину комнаты вышелъ другой, за нимъ третій, четвертый... Каждыя три минуты вновь раздавалось: «благоденственное и мирное житіе». Голоса все были громкіе, но чего то въ нихъ не хватало, и это чувствовали и регентъ, и благочинный, и ключарь и постоянно переглядывались между собой. Регентъ, отъ котораго зависѣло очень многое, сдѣлалъ непроницаемое безстрастное лицо и все что-то отмѣчалъ у себя въ спискѣ. Дошло, наконецъ, до о. Авксентія, и онъ съ своей стороны возгласилъ, «благоденственное и мирное житіе». Голосъ его звучалъ превосходно, и всѣ тотчасъ-же поняли это и въ душѣ раскаялись въ томъ, что потратили время и средства.

— Отличный голосъ!—сказалъ непроницаемый регентъ и даже ничего въ спискѣ не отмѣтилъ.

— Да, превосходный!—согласился о. благочинный.—Только немного съ хрипотой.

— Это, ваше высокопреподобіе, отъ волненія... Всю ночь не могъ заснуть!—объяснилъ Рубиконовъ.

— Это возможно, возможно!—промолвилъ благочинный.—Ну,—сказалъ онъ, обращаясь къ о. Льву и какъ то особенно потирая руки:—теперь о. Левъ Исоповъ... Ну-те-ка, о. Левъ, прочитайте...

Отецъ Левъ хотѣлъ было, вмѣсто чтенія, заявить о своемъ нежеланіи переѣзжать въ городъ, но видя, что и ключарь, и регентъ, очевидно, предупрежденные благочиннымъ, насторожили уши, онъ какъ то не могъ достаточно овладѣть собой и отложилъ свое дѣло до свиданія съ архіереемъ. «Такъ и быть, прочитаю... подумалъ онъ: пусть послушаютъ».

И выйдя на средину комнаты, началъ: «благоденственное и мирное житіе»...

Вся пріемная о. благочиннаго всполошилась. У всѣхъ кандидатовъ, только что еще лелѣявшихъ мечту о протодіаконствѣ, глаза сдѣлались большіе, они какъ бы съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: «какъ? и мы могли надѣяться, когда существуетъ на свѣтѣ такой голосъ? Это удивительно». Регентъ весь напрягся и приподнялся на цыпочкахъ, а благочинный совершенно растаявшими отъ умиленія глазами смотрѣлъ на ключаря.

А о. Левъ шелъ дальше, безъ малѣйшаго усилія, напоминая огромнаго медвѣдя, своими тяжелыми лапами свободно, безъ труда пригибающаго цѣлые кустарники, попадающіеся на пути.

— А-а-а!—воскликнули разомъ ключарь и регентъ:—вотъ это голосъ! Это дѣйствительно голосъ...

— То то!—сказалъ благочинный,—вѣдь я же вамъ говорилъ. — Ну, — прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ, — надо

пойти къ преосвященному. Сейчасъ регентъ скажетъ вамъ, господа, кому идти. А мы пойдемте скорѣе, о. протоіерей! — обратился онъ къ ключарю.

И тотчасъ же онъ, вмѣстѣ съ ключаремъ, очевидно очень торопясь, пошли къ выходу. Проходя мимо о. Льва, благочинный сказалъ ему:

— Экимъ сокровищемъ вы обладаете, о. Левъ!..

И прошелъ дальше, такъ что о. Льву оставалось только принять комплиментъ.

Между тѣмъ пріемная благочиннаго уже значительно опустѣла. Большинство почувствовало и поняло, что бороться съ такими противниками, какъ о. Левъ и Рубиконовъ, безполезно, и смиренно отправилось на постоялый дворъ, чтобы печально ѣхать домой. Осталось человѣкъ десять и то больше изъ любопытства, и когда регентъ назвалъ шестерыхъ, въ томъ числѣ, конечно, обоихъ нашихъ пріятелей, то изъ остальныхъ четырехъ только одинъ, наиболѣе самонадѣянный рѣшилъ идти къ архіерею, остальные же благоразумно отказались. Это былъ тотъ самый—тонкій, сухощавый діаконъ съ длинной шеей, съ выдающимся на ней острымъ кадыкомъ, который открылъ состязаніе. Лицо у него было злобное; онъ, очевидно, не признавалъ превосходства надъ собою Исопова и Рубиконова и разсчитывалъ, что архіерей возстановитъ попранную справедливость.

Они вышли втроемъ, но самонадѣянный конкуррентъ тотчасъ же отсталъ отъ нихъ и пошелъ отдѣльно, а регентъ поѣхалъ на извозчикѣ.

Отецъ Левъ, шагая по улицѣ рядомъ съ пріятелемъ, замѣтилъ, что тотъ какъ то подавленъ и упалъ духомъ.—Ты, что же это, о. Авксентій, опустилъ голову? а?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Такъ... Чего-жъ мнѣ? — съ явной неискренностью отвѣтилъ Рубиконовъ. Потомъ онъ прибавилъ:—А голосъ то твой еще лучше прежняго сталъ...

— Окрѣпъ, значитъ... Да вѣдь и воздухъ же у насъ въ Плавняхъ, когда бы ты зналъ! Отъ него весь человѣкъ крѣпче дѣлается... словно закаляется...

Они прошли съ минуту молча, но о. Левъ продолжалъ чувствовать, что у Александра Македонскаго есть на душѣ что то невысказанное.

— А право же, о. Авксентій, ты что то таишь отъ меня,— рѣшительно сказалъ онъ, — ну, признавайся...

— Да оно правда... Не безъ этого,—отвѣтилъ Рубиконовъ.

— Вотъ то-то и есть. Я чувствую. Ну такъ что же?

— А то, о. Левъ, что не вѣрится мнѣ...

— Что такое не вѣрится?

— Да то самое, что если бы ты имѣлъ намѣреніе отказаться, то для чего бы ты тогда дѣлалъ бы пробу?

— Ну вотъ, я же говорю, что ты Ѳома невѣрный. Ты же видѣлъ, что я хотѣлъ поговорить съ благочиннымъ, а онъ сказалъ — послѣ. Ну, коли послѣ, такъ послѣ... я и махнулъ рукой. Понялъ? Что мнѣ стоитъ прочитать «благоденственное и мирное житіе». Я и прочиталъ...

— Правда, о. Левъ?

— Ну, ужъ божиться я тебѣ не стану, о. Авксентій. Никогда не божился и передъ тобой грѣха этого не сдѣлаю... Коли не хочешь, не вѣрь...

— А и то еще, что архіерей, когда услышитъ твой голосъ, такое тебѣ жалованье положитъ, что ты останешься...

— Что-о? жалованье? Да на что оно мнѣ? Нѣтъ, вижу, о. Авксентій, ты никакъ меня понять не можешь... Ну, потерпи, ужъ не много осталось... Вотъ и архіерейскій домъ. Гляди только, чтобы ты не сдрефилъ, а то я вижу, у тебя вонъ лѣвая бровь все вздрагиваетъ...

— Нѣтъ, я не сдрефлю. Это только такъ, пока... А въ ту самую минуту, когда надо, на меня такая храбрость нападаетъ, что, кажись, ничего бы на свѣтѣ не побоялся...

— Ну, то-то, чего бояться? Богъ далъ тебѣ голосъ, не укралъ же ты его... А вонъ и о. благочинный навстрѣчу идетъ... Гляди, во дворѣ...

Они вошли въ архіерейскій дворъ, и въ самомъ дѣлѣ навстрѣчу имъ шелъ благочинный съ выраженіемъ нетерпѣнія на лицѣ.

— Ну, идите, идите скорѣй. Преосвященный дожидается...— поощрялъ онъ ихъ издали.

Тутъ о. Левъ рѣшилъ, что лучшаго момента не найдетъ и, поравнявшись съ благочиннымъ, остановился и сказалъ: — Я вамъ хотѣлъ объяснить, о. благочинный...

— Послѣ, послѣ поговоримъ, о. Левъ Исоповъ! — возразилъ благочинный,—теперь некогда...

— Нѣтъ ужъ, вы выслушайте, о. благочинный,—съ нѣкоторою настойчивостью заявилъ о. Левъ.—Это дѣло такое, что надо до преосвященнаго...

Благочинный выразилъ на лицѣ недовольство.

— Но что же именно, говорите!..

— Хочу я объяснить, что, хотя по вашему приказанію я и явился на пробу, однако, протодіаконскаго мѣста взять немогу...

— Что-о?

— Не могу, о. благочинный...

— Да почему же? почему?

— Такъ... Долженъ жить въ деревнѣ, а въ городѣ здоровье не позволяетъ...

— Здоровье?

Что можно было сказать противъ такого довода, какъ здоровье? О. благочинный растерялся. Это было такъ неожиданно. Архіерей заинтересовался о. Львомъ: отзывы благочиннаго восторженно подтвердили о. ключарь и регентъ, и благочинный началъ уже вести себя такъ, какъ будто онъ, открывъ о. Льва, облагодѣтельствовалъ соборный храмъ, губернскій городъ и самого архіерея.

— Ну, знаете, это странно... Это... это невѣроятно,—сурово отвѣтилъ онъ,—знаете, я даже не рѣшусь доложить объ этомъ преосвященному...

— Что-жъ,—покорно сказалъ о. Левъ,—тогда ужъ я самъ какъ нибудь изъясню владыкѣ.

— Извольте, извольте... Вы огорчите владыку... Владыка разгнѣвается!..

И благочинный, какъ бы умывая руки, отошелъ въ сторону и направился къ саду. Повидимому, онъ не хотѣлъ даже присутствовать при томъ, какъ владыка огорчится и разгнѣвается.

А о. Левъ и Рубиконовъ пошли къ крыльцу, гдѣ ихъ ждалъ келейникъ, молодой малый, въ люстриновомъ кафтанѣ, съ кучей густыхъ волосъ на головѣ.

— Будетъ исторія!—тихо сказалъ о. Авксентій, и въ голосѣ его слышалось опасеніе не самой исторіи, а того, какъ бы боязнь ея не перемѣнила намѣреній о. Льва.

— А, лишь бы не повѣсили!—отозвался о. Левъ.

— Пожалуйте, отцы, пожалуйте!—звалъ ихъ между тѣмъ келейникъ.

Въ это время ихъ нагналъ самонадѣянный молодой діаконъ, и они всѣ трое вошли въ переднюю архіерейскаго жилища, пристроили здѣсь свои шляпы и пошли дальше.

Въ довольно большой комнатѣ, устланной ковромъ, съ множествомъ гравюръ на стѣнахъ, съ тонкими золочеными стульями, они нашли регента, который стоялъ у окна, дѣлая видъ, что ему доставляетъ удовольствіе разглядывать прохожихъ на улицѣ, хотя въ дѣйствительности у него просто не хватало смѣлости сѣсть. Они остановились у порога, разглядывая стѣны и мебель. Келейникъ прошмыгнулъ во внутренніе покои и скоро тамъ произошло движеніе, а черезъ минуту вышелъ ключарь, потомъ самъ архіерей въ домашнемъ темномъ кафтанѣ, стянутомъ расшитымъ поясомъ, въ скуфьѣ. Въ лѣвой рукѣ у него были перламутровыя четки, а правая была свободна. Онъ былъ высокаго роста, умѣреннаго сложенія, по лицу не очень еще старъ, съ живыми, пытливыми глазами, съ высокимъ лбомъ и прекрасно сохранившимися длинными темными волосами. Вслѣдъ за нимъ вышелъ старикъ въ черномъ сюртукѣ съ важ-

нымъ орденомъ на шеѣ, съ совершенно бритымъ лицомъ. Это былъ извѣстный всему городу значительный чиновникъ, большой любитель всего, что относилось до церковной службы, и пріятель всѣхъ архіереевъ, которые часто мѣнялись въ городѣ.

Діаконы, стоявшіе теперь въ рядъ, низко поклонились архіерею и съ видомъ благоговѣнія подошли къ нему и приняли благословеніе.

— Только трое? — спросилъ архіерей, ни къ кому не обращаясь.

— Остальные разошлись, ваше преосвященство!—отвѣтилъ регентъ,—не рѣшились.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше... Ну, который же здѣсь Исоповъ? Левъ Исоповъ?

— Это я, ваше преосвященство!—отвѣтилъ кланяясь, о. Левъ.

— Никогда не видалъ тебя! Ты, должно быть, никогда ни въ чемъ не нуждался и не просилъ?

— Нуждаться случалось, ваше преосвященство, а просьбами точно безпокоить не приходилось!—просто и отчетливо сказалъ о. Левъ.

— Почему же такъ?

— Потому что многіе гораздо больше моего нуждаются, ваше преосвященство.

— Ага, это хорошо... Говорятъ, ты имѣешь голосъ необыкновенный... Да это—и такъ слышно... А ты, отче? Тебя какъ зовутъ? Лицо мнѣ твое знакомо! — обратился онъ къ о. Авксентію.

— Авксентій Рубиконовъ, ваше преосвященство! Изъ селенія Токмаки, — какъ можно гуще пробасилъ Александръ Македонскій.

— А, знаю, знаю! Ты просилъ о переводѣ... Что же, развѣ въ Токмакахъ плохо?

— Скудно, ваше преосвященство! Много дѣтей имѣю: четыре сына и три дочери...

— О-о! значитъ, Богъ тебя наградилъ... Да, это не легко... Обучаешь?

— Черезъ силу, ваше преосвященство, а все же обучаю...

— Это хорошо. А голосъ у тебя слышенъ... хорошій голосъ... А ты?—спросилъ архіерей самонадѣяннаго діакона, у котораго почему то тряслась голова.

— О... Орестъ Кап... Кападокійскій...

— Орестъ Кападокійскій? Чудесная фамилія! Ты заикаешься?

— Н... нѣтъ... это... отъ... стра... аху, ваше преосвященство!..

— Отъ страху? Ну, ты успокойся. Я вѣдь не ѣмъ діаконовъ... А голосъ у тебя, кажется, жидковатъ...

— Н... Нѣтъ... онъ гус... густой, ваше преосвященство!..

— А ну-ка прочитай что нибудь...

Тотъ, какъ стоялъ, такъ съ мѣста и началъ: «благоденственное и мирное житіе»...

Архіерей далъ ему дойти до половины, и потомъ остановилъ.—Ну, довольно... Голосъ не дуренъ, только жаль, что ты трусъ: архіерея боишься. Теперь ты, Рубиконовъ!

О. Авксентій набралъ въ свою грудь какъ можно больше воздуху, откашлялся и тоже началъ: «благоденственное и мирное житіе»...

Архіерей сталъ вслушиваться съ замѣтнымъ любопытствомъ и далъ ему докончить.

— Хорошо!—сказалъ онъ:—основательный голосъ. Весьма основательный. Ты могъ бы быть протодіакономъ...

Рубиконовъ разцвѣлъ, потому что онъ зналъ, что ему о. Левъ не конкуррентъ. Архіерей между тѣмъ обратился къ о. Льву.

— Ну, а ты, о. Исоповъ, на закуску. Мнѣ очень интересно тебя послушать.

О. Левъ не протестовалъ. Преосвященный желаетъ послушать его,—пускай послушаетъ. И онъ съ своей стороны проговорилъ: «благоденственное»...

Уже съ первыхъ его словъ преосвященный поднялъ голову и на губахъ его засвѣтилась улыбка удовольствія. Онъ одобрительно кивалъ головой и посматривалъ то на ключаря, то на своего чиновнаго пріятеля. А когда о. Левъ кончилъ, онъ произнесъ:

— Да-а! Во истину благоуханный голосъ!

И всѣ тотчасъ же мысленно согласились, что лучшаго опредѣленія голосу о. Льва нельзя было дать. Именно: благоуханный.

— Ну, о. Рубиконовъ,—продолжалъ архіерей:—былъ бы ты протодіакономъ, когда бы не Исоповъ... А теперь самъ видишь...

— Ваше преосвященство!—вдругъ твердо и ясно сказалъ о. Левъ,—я сейчасъ докладывалъ о. благочинному... Не могу я взять протодіаконства...

И архіерей и всѣ присутствовавшіе устремили на него взоры.—Что? Не можешь? Почему не можешь? — спросилъ архіерей.

— Не могу, ваше преосвященство!—еще тверже прежняго заявилъ о. Левъ.

— Странно! Можетъ быть, ты находишь, что малъ доходъ? Можно положить тебѣ содержаніе...

— Нѣтъ, ваше преосвященство, я за большимъ не гонюсь...

Архіерей съ удивленіемъ пожалъ плечами, и всѣ стояли въ замѣшательствѣ. Въ это время изъ передней, гдѣ онъ стоялъ съ самаго начала пробы, выступилъ, со всѣми признаками великаго смущенія, о. благочинный и сказалъ:

— Онъ, ваше преосвященство, говоритъ, что здоровье его не позволяетъ... Городской воздухъ будто бы ему вреденъ...

— Здоровье? Ты не здоровъ, о. Исоповъ? Этого не видно... Право, ты меня удивляешь... Зачѣмъ же ты пріѣхалъ въ такомъ случаѣ?

— Не смѣлъ ослушаться приказанія о. благочиннаго...

— Такъ ты, значитъ, нездоровъ? а? Жаль, жаль... А голосъ у тебя дивный! Дивный голосъ! Но мы, можетъ быть, тебя вылѣчимъ?..

— Нѣтъ, ваше преосвященство, — промолвилъ о. Левъ какимъ то задушевнымъ трогательнымъ голосомъ:—О. благочинному я сказалъ неправду, а предъ вами лгать не могу... Я вполнѣ здоровый человѣкъ...

— Это хорошо, что ты лгать не можешь. Но какая же причина? Ужъ не взялъ ли ты съ Рубиконова отступнаго? — прибавилъ архіерей съ улыбкой.

О. Левъ, видя, что архіерей пока не гнѣвается, а даже шутитъ, тоже усмѣхнулся.—Что возьмешь съ нашего брата, съ причетника, ваше преосвященство? Нѣтъ, не та причина; а если разрѣшите, я скажу...

— Говори, говори, Исоповъ... Ты мнѣ нравишься. Я люблю, когда говорятъ просто и прямо! — благосклонно сказалъ архіерей.—Намъ такъ рѣдко приходится это слышать...

— Причина въ томъ, ваше преосвященство, что я приросъ къ землѣ...

— Какъ такъ приросъ?

— Какъ дерево, ваше преосвященство. Дерево, пока оно молодое, его и пересадить можно, а старое въ новой почвѣ сейчасъ завянетъ... А я, ваше преосвященство, — старое дерево. Я двадцать пять лѣтъ на одномъ приходѣ сижу и все съ однимъ и тѣмъ же настоятелемъ, и никогда въ жизни мы съ нимъ не вздорили между собою, и каждаго мужика, каждаго своего прихожанина я знаю, какъ вотъ эту руку мою, и всякій кустикъ, всякое деревцо мнѣ знакомо... сжился я со всѣмъ этимъ, и ежели меня оторвать отъ нихъ, то я зачахну и завяну, какъ то дерево... Вотъ и вся причина, ваше преосвященство!

— Гм...—задумчиво произнесъ архіерей: — Такъ, такъ... Я это понимаю... Это такъ и должно быть... Да, да! Самъ я не испыталъ этого чувства... Мы скитальцы, насъ, куда назначитъ высшее начальство, туда мы и идемъ. Но я монахъ; монахъ ни къ чему земному не долженъ привязываться, а зна-

чить и къ мѣсту... Такъ, о. Исоповъ, ты правъ... Что же это за мѣсто такое? Должно быть, тамъ хорошо, а?

— Ваше преосвященство, тамъ я у себя дома, а дома всегда хорошо... Да и мѣсто благословенное. Мы на водѣ живемъ. Днѣпръ мимо насъ течетъ, кругомъ камыши и вербы и высокая трава. Село рыбальское, мужики земли не пашутъ, а только рыбу ловятъ...

— А, это любопытно! Надо поѣхать къ вамъ! Благочинный, ты свезешь меня? А чѣмъ же ты, о. Исоповъ, когда я пріѣду, угощать меня будешь?

— Сторчакомъ, ваше преосвященство! Это у насъ самое лучшее угощеніе.

— Какъ, какъ ты сказалъ?

Благочинный переглянулся съ ключаремъ. Обоимъ имъ показалось, что въ этомъ словѣ есть что то какъ бы неуважительное. А о. Левъ повторилъ:

— Сторчакомъ, ваше преосвященство!

— Что же это такое?

— Соберутся наши рыбалки, забросятъ неводъ и вытащатъ рыбу, и изъ этой свѣжей рыбы, которая еще трепещетъ въ котлѣ, когда ее туда бросаютъ, тутъ же на берегу, на чистомъ воздухѣ, уху варятъ... И это такая уха, ваше преосвященство, какой нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ. Это и есть сторчакъ...

— Благочинный, поѣдемъ къ о. Исопову въ гости! — весело и совсѣмъ благодушно промолвилъ архіерей.—Онъ такія вкусныя вещи разсказываетъ... Ну, жаль мнѣ, о. Исоповъ, очень жаль, что не будешь у меня протодіакономъ. Ну, а къ тебѣ я непремѣнно пріѣду... сторчака отвѣдать! Кланяйся своему настоятелю, я его знаю, о. Антонія.

— Милости просимъ, ваше преосвященство,—очень серьезно, съ низкимъ поклономъ промолвилъ о. Левъ. А преосвященный обратился къ о. Авксентію:

— Ну, тебѣ повезло, о. Рубиконовъ. Ты теперь — протодіаконъ. Гдѣ твое прошеніе? Оно здѣсь, благочинный? Давайка я резолюцію положу. А то о. Рубиконовъ будетъ безпокоиться... У него вѣдь четыре сына и двѣ дочери.

Рубиконовъ только кланялся, а говорить не могъ совсѣмъ. Ему казалось, что все это происходитъ во снѣ, въ особенности, когда благочинный разыскалъ гдѣ то его прошеніе, а келейникъ принесъ чернильницу съ перомъ, и архіерей тутъ же положилъ резолюцію. Это его потрясло. Онъ прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ на все происходившее большими глазами, какъ бы не вѣря, что все это происходитъ въ дѣйствительности.

— А гдѣ же третій дьяконъ... какъ его?.. Кападокійскій?

Орестъ Кападокійскій? а?—спросилъ архіерей, отыскивая глазами самонадѣяннаго діакона.

Но его не оказалось. Никто не замѣтилъ, какъ онъ, убѣдившись окончательно въ неудачѣ, тихо, прячась за спинами другихъ, вышелъ въ переднюю и исчезъ.

На прощанье архіерей благословилъ о. Льва и Рубиконова, которому сказалъ:

— Ну, прощай, протодіаконъ! Тебѣ дается недѣля на переѣздъ въ городъ. Благочинный, пусть консисторія сейчасъ выдастъ ему бумагу о томъ, что онъ протодіаконъ, чтобы у него было, что женѣ показать. А то онъ будетъ ѣхать домой и ему все будетъ казаться, что это во снѣ...

Александръ Македонскій опять началъ кланяться. Они вышли. Едва только они очутились за угломъ архіерейскаго дома, Рубиконовъ не выдержалъ и тутъ же на улицѣ бросился на шею о. Льву и началъ крѣпко обнимать его.

— Тебѣ одному, о. Левъ, я обязанъ своимъ счастьемъ! Тебѣ одному!—твердилъ онъ сто разъ подрядъ.

— А, ну тебя!—молвилъ въ отвѣтъ о. Левъ, — Ужъ повѣрь, я больше твоего радъ, что такъ хорошо отвертѣлся. Думалъ, Богъ знаетъ какія страсти будутъ, а тутъ еще похвалили... И о. Антонію поклонъ отъ преосвященнаго свезу. Онъ будетъ доволенъ... Такъ что жъ, о. Авксентій, заѣдемъ въ Плавное—сторчака ѣсть? а? на радостяхъ!

— Обязательно! обязательно, о. Левъ! Только прежде бумагу въ консисторіи выправлю. Безъ бумаги шагу изъ города не сдѣлаю, потому бумага закрѣпляетъ. Коли написано, да печать приложена, такъ ужъ значитъ вѣрно...

И онъ пошелъ въ консисторію, а о. Левъ отправился на постоялый дворъ.

VI.

Постоялый дворъ на-половину уже опустѣлъ, но движенія въ немъ было больше, чѣмъ утромъ и вчера. Духовныя лица выносили свои пожитки, выводили изъ подъ навѣса лошадей и запрягали ихъ. Говоръ стоялъ общій. Еще нѣсколько часовъ тому назадъ враги, смотрѣвшіе другъ на друга недовѣрчиво, изъ-подлобья, они теперь примирились на общей неудачѣ и добродушно подтрунивали другъ надъ другомъ.

— А я видѣлъ, о. Амвросій, какъ у васъ лѣвое плечо подпрыгивало, когда вы читали у благочиннаго, — говорилъ смѣясь одинъ:—вы таки порядкомъ струхнули!

— Ну, не вамъ бы говорить, а не мнѣ слушать, о. Лука!—

отвѣчалъ о. Амвросій столь же добродушно,—у меня только плечо, а у васъ и руки, и ноги тряслись, и ряса по нимъ ходуномъ ходила.

На это раздался общій беззаботный смѣхъ. Съ той минуты, какъ дѣло выяснилось, сельскіе причетники разомъ вернулись къ своему первобытному состоянію—забитыхъ, недовѣрчивыхъ людей, радующихся всякой шуткѣ, какъ поводу развлечься и посмѣяться.

— А о. Исидоръ Фермопиловъ, такъ тотъ совсѣмъ сбился и вмѣсто «во всемъ благое споспѣшеніе» хватилъ «постриженіе!»—сообщилъ кто-то.

— Это оттого, что ему всю ночь снилось, какъ его постригали въ протодіаконы!—съострилъ поджарый длинноногій дьячекъ, сильно натужась, чтобъ подтянуть черезсѣдѣльникъ.

И всѣ забыли о своей неудачѣ, смѣялись, всѣмъ было весело, въ томъ числѣ и о. Исидору Фермопилову, о которомъ шла рѣчь.

Разговоръ перешелъ на о. Льва и Рубиконова. Самонадѣянный діаконъ, Орестъ Кападокійскій, успѣлъ побывать здѣсь и разсказать, какъ было дѣло и впродолженіи какихъ-нибудь двадцати минутъ вокругъ имени Льва Исопова образовалось нѣсколько легендъ. Общее мнѣніе было то, что человѣкъ съ здоровымъ умомъ не могъ-бы поступить такимъ образомъ. Выходя изъ того основного положенія, что протодіаконство есть благо вообще, а для сельскаго причетника въ особенности, а также и того, что всякій разумный человѣкъ желаетъ себѣ блага, дѣлали прямой логическій выводъ, что о. Левъ, отказывающійся отъ блага, неразуменъ. И такъ какъ самъ о. Левъ на всѣхъ производилъ впечатлѣніе вполнѣ разумнаго человѣка, то искали постороннихъ, внѣ о. Льва лежащихъ причинъ, и кто то сдѣлалъ сообщеніе, отъ котораго сидѣвшая въ это время въ Плавномъ на завалинкѣ у церковнаго дома и поджидавшая о. Льва, Дарья Арефьевна, навѣрно почувствовала необъяснимую тревогу и тоску,—именно, что у о. Льва жена свирѣпа, какъ вѣдьма, и она-то строго приказала ему не соглашаться на протодіаконство. Но все это говорилось такъ себѣ, а въ сущности всѣ не могли не видѣть въ этомъ извѣстнаго геройства. Человѣкъ любитъ свое гнѣздо, своихъ прихожанъ, человѣкъ довольствуется малымъ и не гонится за большимъ. Это всегда почтенно. Поэтому, когда о. Левъ появился на дворѣ, шутливые разговоры умолкли, и всѣ съ видимымъ почтеніемъ поздоровались съ нимъ.

Часамъ къ четыремъ явился и Рубиконовъ. Оставшіяся духовныя лица кланялись ему и говорили:

— Здравствуйте, о. протодіаконъ! Поздравляемъ васъ!

Рубиконовъ отвѣчалъ имъ любезнымъ поклономъ и вѣрилъ

въ искренность ихъ поздравленій. Но онъ былъ скроменъ и отвѣчалъ, что еще не посвященъ, и потому не можетъ называться протодіакономъ.

Безъ сомнѣнія, это была правда; но все же онъ не хотѣлъ раскрывать передъ ними всѣ свои карты. Главная то карта была у него въ карманѣ, и входя къ о. Льву, онъ потрясалъ ею въ воздухѣ.

— Урра!—кричалъ онъ своимъ теперь уже дѣйствительно протодіаконскимъ басомъ:—вотъ она бумага! Теперь ужъ дѣло стоитъ крѣпко! Смотри, о. Левъ! Читай!

Онъ развернулъ бумагу, внизу которой красовалась большая консисторская печать, и прочиталъ громко, внятно, отчеканивая каждый слогъ:

«Н-ская духовная консисторія симъ доводитъ до свѣдѣнія діакона села Токмаки, Авксентія Рубиконова, что, согласно резолюціи его преосвященства, положенной на его, Рубиконова, прошеніи, отъ такого то числа, онъ, Рубиконовъ, назначается занять мѣсто протодіакона при каѳедральномъ соборѣ города Н...»

— Слышалъ? Ну, братецъ ты мой, слѣдственно теперь свершилось. Теперь, значитъ, никакихъ... Вотъ счастье то! Ахъ, о. Левъ! Ахъ, Левушка, Левушка! Не даромъ же я Александръ Македонскій! а? Вотъ тебѣ и Рубиконъ перешелъ! Или какъ тамъ его гордіевъ, что-ли, узелъ развязалъ!.. Не даромъ!

И онъ опять набросился на о. Льва и сталъ душить его въ объятіяхъ, причемъ о. Левъ имѣлъ возможность убѣдиться, что онъ успѣлъ куда-то зайти и на-ходу пропустить рюмки двѣ рому.

— Ну, довольно, довольно!—осторожно охлаждалъ его о. Левъ.—Давай-ка собираться да ѣхать! Вѣдь ты мнѣ обѣщалъ въ Плавное съѣздить со мной, сторчаку поѣсть!

— И поѣду. Съ тобой, о. Левъ, куда хочешь поѣду, потому отъ тебя я все свое счастье получилъ. Сторчакъ? Отлично! Я теперь знаю, что такое сторчакъ. Я слышалъ, какъ ты преосвященному объяснялъ. Ахъ, и откуда у тебя, о. Левъ, столько смѣлости? Говоришь ты съ нимъ, ну, будто со мной...

— Иначе не умѣю, о. Авксентій, вотъ и все... Ну, будемъ собираться. Мои сыны ужъ прямо на пристань придутъ попрощаться...

— Какъ на пристань? Развѣ мы пароходомъ поѣдемъ?

— Зачѣмъ пароходомъ? Мы на лодочкѣ. Вотъ ты увидишь, какая это благодать...

— А развѣ тамъ на пристани у тебя своя лодка стоитъ?

— Для чего? Да вѣдь наши мужики каждый день въ городъ рыбу возятъ. Ужъ навѣрно есть хоть одинъ. Вотъ мы

къ нему и прицѣпимся. Переночуешь у насъ, а завтра мы тебя такимъ же манеромъ обратно сюда препроводимъ...

— Ну, ладно. Такъ я своему Мартыну скажу, чтобы съ лошадьми здѣсь переночевалъ. Да вѣдь я готовъ. Какъ есть, такъ и поѣхалъ.

Онъ вышелъ во дворъ и сдѣлалъ распоряженіе своему работнику, Мартыну; затѣмъ они вышли на улицу,—о. Левъ со своимъ узелкомъ, а о. Авксентій съ пустыми руками. Но когда они поравнялись съ бакалейнымъ магазиномъ, Рубиконовъ сказалъ:

— Ты постой тутъ, о. Левъ. Я на минутку!

— Что ты тамъ выдумалъ? Ничего не надо,—промолвилъ о. Левъ, понявъ его намѣреніе.

— Ну, ужъ это не твое дѣло, о. Левъ,—твердо возразилъ Рубиконовъ и пошелъ въ лавку. Минутъ черезъ пять онъ вынесъ оттуда три бутылки. Въ одной былъ ромъ, въ другой вино для о. Льва, такъ какъ онъ водки не пилъ, а про третью Рубиконовъ сказалъ:—А это сладкая вишневочка для твоей дьяконши, о. Левъ; я думаю, новому протодіакону можно раскутиться, а?

— Да ты вѣдь еще протодіаконскаго дохода не получилъ.

— Э, ничего, пополнимъ,—весело отвѣтилъ Рубиконовъ.

Они пришли на пристань. Не подалеку отъ городскихъ лодочниковъ, у которыхъ были нарядные «шаланды» для катанія господъ, было отведено мѣсто для стороннихъ, пріѣзжающихъ изъ окрестностей. Тутъ стояло нѣсколько лодокъ попроще, а владѣльцы ихъ отсутствовали. О. Левъ подошелъ къ большому каюку и сказалъ:

— Вотъ это нашъ, плавненскій, я его узналъ... У нашихъ у всѣхъ закрученные носы. Да, пожалуй, я угадаю, чей онъ... Что то похоже на то, что это каюкъ Протасія Кандюбы. Ну, такъ и есть, вотъ и самъ Кандюба идетъ! Эй, Кандюба, возьмешь насъ съ собой? Твой каюкъ подниметъ двухъ діаконовъ?

— Подниметъ, о. Левъ, подниметъ,—дружески и даже съ замѣтной радостью отвѣтилъ Кандюба,—плечистый, коренастый мужикъ въ широкихъ шароварахъ съ накинутой на плечи сѣрой свиткой изъ солдатскаго сукна, хотя на дворѣ стояла іюньская жара.

— Ну, а если одинъ изъ нихъ протодіаконъ, то, пожалуй, и не подыметъ? Пожалуй, потонетъ?—шутилъ о. Левъ.

— А ужъ если и тонуть будемъ, то всѣ вмѣстѣ!—отшучивался Кандюба.—Эхъ, знаете, о. Левъ, съ духовными особами нашего брата, мужика, можетъ, легче въ рай пропустятъ!

— Ну, это какъ случится!.. А, что, вчера забрасывали

неводъ?—освѣдомлялся о. Левъ о домашнихъ плавненскихъ дѣлахъ.

— Забрасывали, о. Левъ, да только мало поймали... Все больше окунь идетъ, а коропъ куда то спрятался...

— Что жъ, ты продалъ что нибудь?

— Продалъ, да не выгодно. Цѣны нѣтъ. Хотя и Петровка, а на рыбу нѣтъ хорошей цѣны... Ныньче благородные господа въ Петровку больше скоромное стали кушать, оттого это... Намъ это невыгодно...

— Такъ, такъ... Ну, а сегодня неводъ будетъ?

— Да должно быть, что нѣтъ...

— А я вотъ хотѣлъ отца протодіакона сторчакомъ угостить...

— Для о. протодіакона можно будетъ и неводъ забросить... А, вотъ и ваши сынки, о. Левъ, идутъ...

Въ самомъ дѣлѣ, въ это время къ берегу подошли семинаристы. Они пришли собственно попрощаться съ отцомъ. Имъ оставалось еще дней десять до каникулъ и теперь какъ разъ шли экзамены. О. Левъ выдалъ имъ по двугривенному и, когда лодка отчалила, они нѣсколько минутъ еще постояли на берегу.

Кандюба, сидя на кормѣ, дѣйствовалъ всего только однимъ весломъ, которое онъ называлъ «опачиной», и лодка тихо плыла внизъ по теченію. Городъ съ своими плохенькими прибрежными домами, гдѣ жили большею частью бѣдняки, съ своими грязными пристанями, гдѣ копошился и галдѣлъ рабочій народъ, остался позади, и они плыли между двухъ береговъ рѣки, слѣва возвышеннаго, степнаго, а справа утопающаго въ зелени вербъ и камышей.

— Ну, что, хорошо?—спрашивалъ о. Левъ своего спутника.

— Чудно!—восклицалъ Рубиконовъ, никогда не испытывавшій этого «рѣчнаго» ощущенія, когда кругомъ все тихо, отъ зеленаго берега вѣетъ прохладой, а лодка мягко скользитъ безъ всякаго шума, оставляя за собой узкій и безконечно длинный слѣдъ.—Дивно хорошо!

— А у насъ еще лучше!—говорилъ о. Левъ.—Мы словно въ другомъ мірѣ живемъ. Вотъ увидишь.

И въ самомъ дѣлѣ, правый берегъ становился все заманчивѣе. Камышъ густѣлъ. Впереди его выступали ивы, съ печальной важностью спускавшія до самой воды свои вѣтви съ посребренными листьями. Появились островки, десятки узенькихъ, пересѣкающихся между собою рѣченокъ, комаръ запищалъ надъ самымъ ухомъ Рубиконова.

— Вотъ,—говорилъ о. Левъ,—когда поживешь двадцать пять лѣтъ среди этой благодати, то не захочешь и протодіаконства. Все одно, какъ рѣчная птица. Она любитъ плавать и нырять и прятаться въ камышахъ, и посади-ка ее въ лѣсъ,

она тамъ подохнетъ отъ тоски по водѣ... Правду я говорю, Кандюба? а? Если бы тебѣ сказали: будь губернаторомъ и живи постоянно въ городѣ, ты согласился бы?

— Ни!—отвѣчалъ Кандюба.—Мнѣ мой каюкъ и моя сѣтка дороже всего на свѣтѣ...

— Вотъ такъ и я. Меня, знаешь, протодіакономъ хотѣли сдѣлать и въ городѣ посадить, такъ я поднялъ фалды своей рясы и ну удирать...

— Стрекача дали, о. Левъ? Хо-хо-хо-хо-о!—весело засмѣялся Кандюба.—Такъ оно и должно! Какъ же иначе? Хо-хо-хо-о! Нѣтъ, нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ нѣту такихъ мѣстовъ, какъ у насъ... Ишь, Днѣпро какой красивый да важный. А сколько въ немъ силы! У—у! А вотъ Плавное показалось!

Лодка стала причаливать къ берегу. Изъ-за деревьевъ выглянули хаты, а выше ихъ всѣхъ стояла маленькая деревянная церковь, которая выдѣлялась своей зеленой крышей и своимъ скромнымъ куполомъ.

О. Авксентій смотрѣлъ на лица о. Льва и Кандюбы, засіявшія при видѣ ихъ родного уголка, и думалъ: «совсѣмъ это особенные люди. Должно быть, какъ есть та рѣчная птица, о которой упоминалъ о. Левъ, такъ есть и рѣчные люди. Да и какъ имъ быть иными, когда кругомъ вода, и вся ихъ жизнь отъ воды зависитъ».

Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ лодки, сѣти, сапеты и множество рыболовныхъ приспособленій на берегу. Все это было для него ново.

— Такъ ты, Кандюба, попроси рыбалокъ забросить малый неводъ и позвать насъ на сторчакъ. Могарычъ нашъ! Это съ меня за то, что я благополучно отъ протодіаконства стрекача далъ!—сказалъ о. Левъ, сойдя на берегъ.

— А развѣ могло быть что худое?—спросилъ Кандюба.

— Всякое могло быть. Съ нашимъ братомъ, Кандюба, могутъ сдѣлать все, что захотятъ; да такъ ужъ архіерей смиловался и сказалъ: Ну, такъ и быть, о. Левъ, ступай и живи себѣ на свѣтѣ...

О. Антоній съ матушкой и Дарья Арефьевна съ дочкой давно уже сидѣли на завалинкѣ, поджидая о. Льва, и встрѣтили его дружными привѣтствіями.

— Нашъ? Нашъ?—еще издали спрашивалъ о. Антоній.

— Весь, какъ есть!—отвѣтилъ о. Левъ,—а вотъ и новый протодіаконъ, мой товарищъ и другъ Александръ Македонскій... то бишь — о. Авксентій Рубиконовъ... Привезъ его на радостяхъ сторчакомъ угостить, да и самъ преосвященный обѣщалъ къ намъ пріѣхать—сторчака поѣсть; а вамъ, о. Антоній, поклонъ черезъ меня прислалъ... Вотъ какія дѣла!

— Да ну-у?

— Да ужъ такъ! Вотъ и отецъ Авксентій вамъ все подтвердитъ...

О. Авксентій все подтвердилъ. Они познакомились, сѣли на заваленкѣ, и о. Левъ расказалъ все, какъ было.

Солнце уже собиралось заходить, когда ихъ позвали къ берегу. Оказалось, что рыбалки успѣли уже забросить малый неводъ и, впрягшись въ лямки, медленно вытаскивали его изъ воды. Тутъ же на берегу былъ разложенъ хворостъ, а надъ нимъ, на кривой палкѣ, висѣлъ казанокъ съ водой, въ которой плавали и лукъ, и перецъ, и лавровый листъ, и все, что полагалось для доброй ухи. Хворостъ подожгли, надъ казанкомъ взвился паръ, и тогда стали бросать туда свѣжую, трепещущую рыбу, которая выпадала изъ сѣтей на берегъ. Когда рыба выварилась, ее всю вынули изъ котла и положили туда другую, покрупнѣе, и отъ этого всего вышло кушанье, отъ котораго пошелъ ароматъ, предпочитаемый рыбалками всѣмъ ароматамъ отъ самыхъ благовонныхъ цвѣтовъ всего свѣта.

Появились небольшія деревянныя мисочки и деревянныя ложки и, откуда ни возьмись, прикатился полведерный боченокъ съ водкой и весьма помѣстительная чарка и пошелъ пиръ горой.

— Ну, теперь я знаю, что такое сторчакъ!—восторженно восклицалъ Рубиконовъ.—Ахъ да и кушанье же. Никогда въ жизни такого не ѣдалъ... Пожалуй, что ради этого и отъ протодіаконства откажешься!

Пиршество затянулось. Уже и солнце давно зашло, и небо потемнѣло, и зажглись на немъ яркія звѣзды, и мѣсяцъ выплылъ изъ-за камышей, и все это глядѣлось въ блестящее зеркало Днѣпра и отражалось въ немъ; изъ кучи тлѣющаго хвороста подымался дымокъ и отгонялъ отъ берега комаровъ, а общество сидѣло на берегу, черпая изъ казанка, казавшагося бездоннымъ, въ миски и наливая изъ боченка въ чару. Гдѣ-то въ камышахъ парни затянули пѣсню, а имъ тоже пѣснею отвѣтили дивчата, потомъ эти двѣ пѣсни слились въ одну — волшебную пѣсню молодости среди тишины теплой, влажной ночи, подъ чуднымъ звѣзднымъ небомъ, которое, отражаясь въ Днѣпрѣ, казалось, окутывало со всѣхъ сторонъ счастливый уголокъ земли.

На другой день утромъ о. Авксентій отправился обратно въ городъ. Когда его усадили въ лодку, онъ говорилъ, что ему не хочется уѣзжать, что его какъ будто какая то сила притягиваетъ къ берегу, и онъ чувствуетъ, что, если бы пожилъ здѣсь съ недѣлю-другую, сила эта затянула бы его совсѣмъ и ему захотѣлось бы навсегда здѣсь остаться.

И. Потапенко.

* * *

Отзвучали веселыя пѣсни вдали,
И на землю вечернія тѣни легли.
Прошумѣли и скрылись—умолкли стада,
И зажглась въ высотѣ золотая звѣзда.

Ясный сумракъ ночной, безмятеженъ и нѣмъ,
Деревенскую тишь не встревожитъ ничѣмъ,
Не послышится стукъ запоздавшихъ колесъ,
Не послышится звукъ заглушаемыхъ слезъ.

Выходи и блуждай по росистымъ лугамъ,
Наслаждайся, отдайся несбыточнымъ снамъ,
И смотри, какъ горитъ золотая звѣзда,
И забудь, что горька, безъисходна нужда.

И ушелъ я бродить по полямъ и лугамъ,
Но отдаться не могъ обольстительнымъ снамъ,
Мнѣ послышался звукъ заглушаемыхъ слезъ,
Чей-то горькій укоръ и безумный вопросъ.

Задрожали въ мерцаніи звѣздъ небеса,
И сильнѣе въ лугахъ заблистала роса,
И скорбящія тѣни мелькнули вдали,
И съ упрекомъ припали на лоно земли.

К. Бальмонтъ.

Народно-хозяйственные наброски.

XXI. Нѣсколько чертъ современнаго хозяйственнаго быта Тверской, Нижегородской и Орловской губерній.—XXII. Два слова о всероссійскомъ кулачествѣ.—XXIII. О пермскихъ земледѣльческихъ артеляхъ.

XXI.

Текущая земская статистика пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ современной русской хозяйственной литературѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличивается число этихъ изданій, появляющихся въ разныхъ губерніяхъ, устанавливается и ихъ типъ, разнообразится ихъ содержаніе, голыя ихъ цифры и сообщенія начинаютъ подвергаться большей обработкѣ. Въ каждой такой брошюрѣ читатель можетъ найти немало цѣнныхъ фактовъ, рѣзко характеризующихъ изъ году въ годъ хозяйственный строй той или другой части страны.

Передъ нами три такихъ обзора—по Тверской губ. за 1894 г., по Нижегородской за 1893 г. и по Орловской за 1894 г., съ которыми и представляется нелишнимъ познакомить читателей. Первая изъ названныхъ губерній не пострадала отъ голодовокъ 1891—92 г., вторая и третья пріобрѣли въ эти годы довольно печальную извѣстность. Тамъ, слѣдовательно, не было того жестокаго потрясенія народно-хозяйственнаго организма, которое было здѣсь. Но общія картины экономики всѣхъ трехъ губерній весьма мало различаются между собой. Многое въ нихъ можно взять за скобку, какъ выяснится изъ послѣдующаго. И именно это сходство и представляется наиболѣе серьезнымъ моментомъ для хозяйственной политики страны. Оно лишній разъ указываетъ на то обстоятельство, что разные ефекты деревенской жизни нельзя относить на счетъ временнаго и случайнаго, что очень и очень многое есть плодъ постояннаго, длящагося.

Мы не имѣемъ никакой возможности—хотя бы въ самомъ кратомъ очеркѣ—познакомить читателя со всѣмъ матеріаломъ, собран-

ныхъ въ названныхъ нами «Обзорахъ». Остановимся только на немногихъ крупныхъ фактахъ.

Для Тверской губерніи весьма характерными являются данныя объ урожайности на крестьянскихъ земляхъ и объ отношеніи сбора хлѣбовъ къ продовольственнымъ нуждамъ населенія. Въ указанномъ году (1894) средній урожай ржи получился лишь въ двухъ уѣздахъ (Корчевскомъ и Бѣжецкомъ), въ остальныхъ—ниже средняго. Кое-гдѣ не возвратились сѣмена. Урожай овса и ячменя стоялъ приблизительно на среднемъ уровнѣ. Впрочемъ, всѣ эти результаты не представляютъ собою чего-либо необычнаго. Предъидущій (1893) годъ по урожаю ржи почти не отличался отъ 1894; яровые въ этомъ послѣднемъ году уродились даже нѣсколько лучше. Такимъ образомъ 1894 г. нельзя считать годомъ крупнаго недорода. Тѣмъ интереснѣе дѣлаемое составителемъ «Обзора» сопоставленіе сбора хлѣбовъ съ тѣми потребительными нуждами, которыя испытываетъ мѣстное населеніе. «Если мы примемъ, говоритъ онъ (109), продовольственную норму каждаго крестьянскаго ѣдока въ 10 мѣръ, то изъ сопоставленія между собой данныхъ объ урожайности хлѣбовъ» съ числомъ ѣдоковъ выясняется, что на каждаго приходится ржи (безъ сѣмянъ) въ разныхъ уѣздахъ только отъ 2,3 до 6,7, а въ среднемъ по губерніи—4,9. «Чтобы крестьянское населеніе могло удовлетворить своей потребности во ржи для посѣва и продовольствія семей, оно должно-бы имѣть въ своемъ распоряженіи 2.187.388 четвертей, между тѣмъ, какъ въ текущемъ году оно собрало съ своихъ полей 1.303,196 четв. ржи. Слѣдовательно, оно должно прикупить, соотвѣтственно принятымъ нормамъ, только на свое собственное продовольствіе, не считая сѣмянъ, 884,181 четв. ржи на сумму 4.420,905 рублей. Эти недостающіе *4 милл. руб.* населеніе, очевидно, должно будетъ найти въ внѣземледѣльческихъ мѣстныхъ и отхожихъ заработкахъ. Особенно труднымъ становится положеніе крестьянъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ, въ которыхъ урожай ржи, ячменя и картофеля далъ въ среднемъ не болѣе самъ *двухъ*. Въ уѣздахъ Тверскомъ, Новоторжскомъ, Старицкомъ, Осташковскомъ и Ржевскомъ хлѣбъ покупается уже большинствомъ населенія съ октября и ноября мѣсяца.»

Взглянемъ теперь на способы, которыми населеніе погашаетъ этотъ огромный четырехмилліонный дефицитъ, покрытіе котораго безусловно необходимо тамъ не для «жиру», а чтобы только «быть живу». Такими способами служатъ мѣстные и отхожіе промыслы. Вотъ что сообщается о современномъ состояніи тѣхъ и другихъ.

«Мѣстные промыслы Тверской губ., какъ и въ прошломъ столѣтіи, сосредоточены почти исключительно на изготовленіи издѣлій изъ дерева: разнаго рода посуды, сундуковъ, колесъ, саней и т. п., затѣмъ значительный процентъ промышленниковъ составляютъ сапожники, кузнецы, гончары и шерстобиты—всѣ эти люди изготовляютъ предметы потребленія для мѣстнаго крестьянскаго населенія» (1 отд. II). Такъ начинается въ «Обзорѣ» описаніе кустарныхъ

промысловъ губерніи. «Всѣ эти люди изготовляютъ предметы потребленія для мѣстнаго крестьянскаго населенія»—эта фраза прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Если они работаютъ не для собственнаго потребленія, а на рынокъ, если благосостояніе ихъ измѣряется между прочимъ степенью «дѣйствительнаго спроса» со стороны мѣстнаго крестьянства, то для успѣшнаго развитія ихъ промысловъ необходима наличность покупательной способности деревенской части населенія. Трудно, однако, представить себѣ, чтобы спросъ этотъ былъ великъ тамъ, гдѣ то-же населеніе должно затратить въ годъ 4 милл. рублей, чтобы только прокормиться. Вѣдь это бѣличье колесо: у сапожника покупаетъ его издѣлья кузнецъ, гончаръ и шерстобитъ; у гончара—сапожникъ, кузнецъ и шерстобитъ и т. д. Если всѣ они такъ тѣсно связаны между собою своими интересами и если всѣмъ имъ надо покупать хлѣбъ насущный на каждый день, то откуда-же получится тотъ мѣстный рынокъ, который обезпечивалъ бы кустаря? Этотъ вопросъ и разрѣшается «Обзоромъ» самымъ простымъ образомъ: *промыслы Тверской губ. падаютъ.* Было-бы удивительно, если бы они не падали. Вѣдь они имѣютъ въ виду сбытъ, кустари работаютъ на рынокъ, а не съ потребительными цѣлями самихъ производителей. Откуда-же взяться рынку, если потребителямъ надо покупать хлѣбъ, а деньги для этого надо въ свою очередь получать съ такихъ-же безденежныхъ покупателей, которые, такъ же какъ и производители, наровятъ получить гдѣ нибудь грошъ на покупку пуда ржаной муки? Неоткуда тутъ получиться «обмѣну товаровъ», негдѣ тутъ быть «рынку». Есть просто группа голодныхъ людей, не знающихъ, куда приложить свой трудъ...

Канительный промыслъ Корчевскаго уѣзда падаетъ. Въ сапожномъ (въ знаменитыхъ Кимрахъ) дѣло обстоитъ незавидно. «Въ прежнее время земледѣліе доставляло кимракамъ хорошее подспорье для поддержанія хозяйства семьи. Типъ сапожнаго производства былъ чисто кустарный, мастерскихъ было очень немного. Въ настоящее время число самостоятельныхъ промышленниковъ сократилось, а число работающихъ по найму у крупныхъ хозяевъ увеличилось. Крупныхъ предпринимателей-хозяевъ числится въ Кимрѣ 145 съ 179 мастерами и 382 наемными работниками и работницами. Самостоятельные хозяева составляютъ 23% всѣхъ промышленниковъ въ Кимрѣ. Большая часть сапожниковъ другихъ волостей тоже не занимаются самостоятельно, а работаютъ на хозяевъ». «Товаръ продается скупщикамъ за безцѣнокъ, благодаря недоброкачественности матеріаловъ, по словамъ корреспондента. Эта недоброкачественность матеріала служила причиной потери репутаціи и кимрскихъ сапожниковъ» (стр. 1—2). Совершенно понятно. Малоземелье, слабость земледѣльческихъ капиталовъ, недоборы въ хозяйствѣ заставляютъ работать на рынокъ. А если мѣстный рынокъ плохъ, безденеженъ, выручка отъ промысла слаба; подспорной организаціи для доставки

кустарю доброкачественнаго матеріала по сходной цѣнѣ не существуетъ—приходится «хватать» какой можно, хоть гнилой, при этомъ надо искать рынковъ подальше—въ большихъ центрахъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, а гдѣ ужъ это сдѣлать кустарю да еще съ гнилымъ товаромъ; на выручку является «благодѣтель» предприниматель, скупщикъ, самостоятельный производитель и обращается въ рабочаго. Если къ вопросамъ земельнаго обезпеченія крестьянъ и къ кустарному производству будетъ постоянно примѣняться принципъ laissezaller, никогда не выбьемся изъ этого «порочнаго круга».

«Кустарные промыслы, читаемъ далѣе, въ другихъ уѣздахъ—большею частью бондарный, гончарный, смолокуренный, плетеніе корзинъ, затѣмъ рубка и возка дровъ—сократились въ своихъ размѣрахъ, частью отъ дѣйствія лѣсоохранительнаго закона, частью отъ дороговизны матеріала вслѣдствіе вырубки лѣсовъ» (2). Лѣсохранительный законъ! Мудрено это все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается: тысячи десятинъ лѣса сносятся на святой Руси ежегодно крупными лѣсовладѣльцами въ прямой обходъ этого закона по разнымъ гешефтмахерскимъ сдѣлкамъ, въ той же Тверской губерніи производится «вырубка лѣсовъ», только для однихъ кустарей этотъ законъ является неумолимымъ и подрываетъ даже «плетеніе корзинъ»! Это—«логика событій». Въ одной волости эти промыслы «сократились», въ другой—«за неимѣніемъ промысловъ, многіе изъ крестьянъ нищенствовали, въ третьей—промыслы были «мало выгодны» и т. д. и т. д. Вообще, гг. корреспонденты очень любятъ повторяться... Бондарный промыселъ (Вышневолоцкій у.) имѣетъ семейный характеръ (есть особые ведерники, ушатники, шаечники, бочкари, кадочники, санники и колесники). «Прежде, до полученія владѣнныхъ записей, (для этого промысла) крестьяне пользовались лѣсомъ въ неограниченномъ количествѣ, въ послѣдніе 10—15 лѣтъ покупали его въ частно-владѣльческихъ экономіяхъ за цѣну 50—100 руб. за десятину. Цѣна на лѣсъ съ каждымъ годомъ поднималась все болѣе и болѣе: въ 1890 году до 110 р., а въ прошлую зиму и до 200 руб. за десятину. Однако, кустари рады были бы давать владѣльцамъ и 150 руб. за десятину, если-бы послѣдніе каждогодно уступали имъ для промысла извѣстное количество десятинъ лѣса; но дѣло въ томъ, что лѣсъ въ послѣднее время уходитъ въ руки купцовъ и лѣсопромышленниковъ, такъ что кустарямъ приходится покупать лѣсъ въ казенныхъ дачахъ, верстъ за 20 и далѣе. *Два дня въ недѣлю* (!) уходитъ у бондарей только на ѣзду за лѣсомъ и вообще на заготовку матеріала» (4). Казенные лѣсные участки сдаются съ торговъ и попадаютъ, конечно, въ руки купцовъ и лѣсопромышленниковъ, которые потомъ и продаютъ кустарямъ лѣсъ подеревно за двойную и болѣе цѣну (5). Рядомъ съ этимъ «цѣны на продукты кустарныхъ издѣлій *повсюду падаютъ*», такъ что «кустари довольствуются теперь 10—20 коп. за свой дневной трудъ». Продажа издѣлій на базарахъ и путемъ

развоза, непосредственно потребителямъ, сокращается (конечно, ибо уменьшается покупательная способность населенія); все большая и большая часть товара поступаетъ скупщикамъ *). Такимъ образомъ и въ земледѣліи, и въ заготовкѣ матерьяловъ для кустарныхъ продуктовъ, и въ сбытѣ послѣднихъ—вездѣ, на всѣхъ путяхъ своихъ тверской крестьянинъ встрѣчаетъ кулака, который твердо и опредѣленно заявляетъ ему, что онъ не смѣетъ выйти изъ предѣловъ того желѣзнаго кольца, которое онъ обвелъ вокругъ него. И въ эту «борьбу» карликовъ съ великанами такъ таки никто и не вмѣшивается. Впрочемъ, какая-же это и борьба? Просто грабительство среди бѣла дня «скопомъ и сговоромъ». Прежніе теоретики говорили—laissez faire, laissez aller; новые утверждаютъ, что это—неизбѣжный законъ хозяйственной эволюціи, что съ этимъ совсѣмъ ничего не подѣлаешь, что такъ тому и быть надлежитъ. Я не знаю только, какая теорія на этотъ случай существуетъ у тверскихъ мужиковъ.

Но всетаки человѣку надо что нибудь кушать. На зло всѣмъ теоретикамъ міра тверской мужикъ хочетъ перепрыгнуть упомянутое кольцо. Если онъ не можетъ сдѣлать этого дома, онъ бѣжитъ на сторону. Земли мало, промыслы падаютъ, доходы отъ его труда поступаютъ въ объемистый карманъ разныхъ «ивашковцевъ» и какъ они тамъ всѣ называются. А ко всему этому присоединяются и платежи, размѣры которыхъ не гармонируютъ съ дѣйствительной доходностью хозяйства. Слѣдующее сопоставленіе «Обзора» (стр. 8) по пяти уѣздамъ устанавливаетъ связь развитія отхожихъ промысловъ съ размѣрами платежей:

По уѣздамъ:	при среднемъ размѣрѣ платежей (руб.).	% отхожихъ промышленниковъ.	при среднемъ размѣрѣ платежей (руб.).	% отхожихъ промышленниковъ.
Старицкому . .	16,1	61,0	13,0	45,5
Калязинскому. .	17,1	52,3	14,1	44,7
Зубцовскому .	18,6	57,5	15,0	36,7
Вышневолоцкому	13,7	23,0	9,5	20,0
Весьегонскому .	14,8	25,7	11,6	17,4
по 5 уѣздамъ	16,0	43,9	12,7	32,8

*) Эти «торговыя операціи» перекупщиковъ подрываютъ хозяйство мѣстнаго крестьянства и въ другой области. «Прасолы», «ивашковцы» и проч. скупаютъ у крестьянъ ленъ за безцѣнокъ и тѣмъ сокращаютъ доходность крестьянскаго льноводства чуть не вдвое. По разсчету «Обзора», въ 1894 г. крестьянская десятина льна дала въ среднемъ по губерніи валоваго дохода 15 руб. сѣменемъ и 33 р. 60 к. волокномъ, а у частныхъ владѣльцевъ—21 р. и 53 р.; всего у первыхъ 48 р. 60 к., у вторыхъ—74 р. Такъ какъ средній расходъ (при арендованіи земли) достигаетъ на десятину 75 р. то крестьяне-льноводы оказались въ большихъ убыткахъ—съемщики не могли уплатить арендныхъ денегъ (стр. 135—136).

Въ лѣвой части таблички сгруппированы волости съ большими платежами, въ правой—съ меньшими. Во всѣхъ приведенныхъ уѣздахъ въ первой группѣ число отхожихъ промышленниковъ замѣтно больше, чѣмъ во второй. Въ суммѣ по всѣмъ пяти уѣздамъ уменьшеніе платежей въ 3,3 руб. на дворъ (20,6%) даетъ сокращеніе отхожихъ промышленниковъ на 11,1 %.

«Отхожіе промыслы въ Тверской губ. съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличиваются» (8). «Общее число выданныхъ паспортовъ и билетовъ увеличилось за послѣднія 5—7 лѣтъ на 16,5%»; въ уѣздахъ Осташковскомъ, Старицкомъ, Вышневолоцкомъ, Кашинскомъ и Ржевскомъ эта цифра увеличенія отхода поднимается до 30%. Характерно, что число годовыхъ паспортовъ возрасло за то-же время на 18,2 %, а число краткосрочныхъ всего на 9,6 %, т. е. «населеніе, повидимому, имѣетъ тенденцію продлить время своего пребыванія на сторонѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ». Далѣе, «особенно рѣзко бросается въ глаза фактъ сильнаго увеличенія отхода на сторону женщинъ». Количество мужскихъ видовъ на отлучку увеличилось на 20%, количество женскихъ на 30%. Въ Кашинскомъ-же уѣздѣ число отходящихъ женщинъ увеличилось съ 1889 г. на 47,5%, а въ Осташковскомъ—на 69,6%. Уменьшеніе отхода женщинъ наблюдается лишь въ одномъ Зубцовскомъ уѣздѣ, а уменьшеніе отхода мужчинъ,—только въ Вышневолоцкомъ. Составитель «Обзора» справедливо прибавляетъ, что указанное явленіе «служитъ неопровержимымъ доказательствомъ сильнаго разстройства экономическаго благосостоянія. Если прежде отцы, мужья, сыновья и братья считали зазорнымъ посылать въ неизвѣстные дальніе края своихъ женъ, дочерей и сестеръ на заработки, то теперь вынужденная необходимость посылать ихъ на сторону для отысканія себѣ средствъ существованія указываетъ именно на невозможность добыть себѣ дома хлѣбъ насущный. Женщины вообще несравненно болѣе осѣдлый элементъ, онѣ крѣпко держатся за семью и землю, и нужны особенно неблагопріятныя условія, чтобы заставить ихъ двинуться на сторону» (12—13). Не трудно догадаться, что разложеніе семьи, развитіе проституціи, распространеніе заразныхъ болѣзней служитъ непосредственнымъ слѣдствіемъ тѣхъ причинъ, которыя выгоняютъ крестьянскую женщину на заработки и вліяніе которыхъ такимъ образомъ является аналогичнымъ вліянію женской работы на фабрикахъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины остаются дома, на нихъ плохо отражается развитіе отхода среди мужчинъ. «Въ общей сложности 65% всѣхъ паспортовъ и билетовъ берутся населеніемъ весной и осенью, какъ разъ передъ моментомъ земледѣльческихъ работъ», изъ чего слѣдуетъ, что всѣ работы эти «остаются на рукахъ женщинъ»; а вѣдь «изъ нѣкоторыхъ волостей уходитъ на сторону *болѣе половины* мужского населенія въ рабочемъ и полурабочемъ возрастѣ» (14).

Отходящіе на заработки мужчины, оторванные хозяйственными

условіями отъ земледѣльческаго труда, въ весьма большомъ числѣ случаевъ занимаютъ, чаще всего въ Петербургѣ, мѣста дворниковъ, кучеровъ, половыхъ, разсыльныхъ, извощиковъ, полотеровъ, лакеевъ, тряпичниковъ, «кухонныхъ мужиковъ», «выводятъ таракановъ» и проч. Потребности комфорта городскихъ жителей ихъ обезличиваютъ, развращаютъ ихъ чувства и понятія, ихъ способность къ производительному труду. «Крестьянинъ» обращается въ челядинца, цивилизованнаго въ лакейской и въ вяземской лаврѣ. Изъ женщинъ большинство состоитъ въ прислугахъ: въ нянькахъ, кухаркахъ, прачкахъ и пр. Очевидно, въ этомъ перечнѣ пропущена явная и тайная проституція. Фабрично-заводская работа беретъ сравнительно немного—всего 10 тыс. мужчинъ (изъ 112 тыс.=9,9%) и 3200 женщинъ (изъ 16½ тыс.=19,3%). Нѣкоторая часть уходящихъ занимается плотничествомъ, штукатурнымъ дѣломъ, печнымъ, каменьщицкимъ, работаютъ въ сапожныхъ мастерскихъ и пр. Изъ женщинъ иныя идутъ на огородныя и садоводныя работы (15—16). Результаты этого отхода въ Петербургѣ описываются корреспондентами самыми мрачными красками. Судя по этимъ отзывамъ, уходящіе весьма мало приносятъ помощи своему деревенскому хозяйству и на заработанныя деньги проживаютъ лишь сами, но даже и это во многихъ случаяхъ имъ не удается. Такъ, изъ Ржевскаго уѣзда сообщаютъ, что эти лица «все больше приходятъ по этапу», или «прошлявшись въ Питерѣ съ мѣсяцъ, возвращаются назадъ, не найдя никакой работы»; изъ Корчевскаго уѣзда: большинство уходящихъ сапожниковъ «приходятъ домой безъ гроша, бѣдными, полураздѣтыми»; иные являются франтами, но на обратный путь въ Петербургъ добываютъ себѣ деньги путемъ заклада гармоній, пиджаковъ и т. п. Одинъ изъ корреспондентовъ считаетъ даже необходимымъ «устроить какія либо колоніи для исправленія этихъ крестьянъ» (17).

Однимъ Петербургомъ, конечно, отходъ не ограничивается. Идутъ въ Москву, въ Рыбинскъ, въ губерніи Ярославскую, Рязанскую, Владимірскую, Псковскую, Новгородскую, даже въ Екатеринославскую (14 лѣтніе подростки направляются въ пастухи даже «подъ Ростовъ»), Воронежскую, Харьковскую, Тульскую, Курскую, Самарскую (14). «И идутъ они, солнцемъ палимы»... навстрѣчу голоду и разврату. Не служитъ-ли вся эта «бродячая Русь» живымъ доказательствомъ тому, что ужъ давно настала пора вмѣшаться въ борьбу карликовъ съ великанами? Или съ какой нибудь теоретической или практической точки зрѣнія можетъ быть признанъ желательнымъ фактъ систематическаго обращенія земледѣльческаго производительнаго населенія въ изломанныхъ физически и нравственно полунищихъ и мрачной памяти дворовыхъ челядинцевъ былого времени?

Много еще интереснаго читатель нашелъ бы въ «Обзорѣ» Тверской губ. за 1894 годъ (изслѣдованіе о мірскихъ расходовъ, о задолженности и пр.), но мы не можемъ болѣе останавливаться на

немъ въ ущербъ другимъ работамъ, о которыхъ стоитъ еще побесѣдовать.

Выше былъ уже упомянутъ «*Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1893 г.*». Эта книжка не менѣе разработанная и не менѣе содержательная. Она даетъ матерьялъ для сужденія о томъ положеніи, въ которомъ находится несчастный Нижегородскій край послѣ двухъ постигшихъ его подрядъ голодовокъ. Можно думать, что нескоро ему суждено будетъ оправиться отъ того тяжелаго удара, который тогда нанесенъ былъ его народному хозяйству.

Однимъ изъ характерныхъ признаковъ экономическаго упадка населенія губерніи служатъ арендныя отношенія. Недостаточность средствъ у крестьянъ сократила для нихъ возможность хозяйствовать на свой рискъ и страхъ; вслѣдствіе этого и въ 1893 году продолжалъ замѣчаться ненормально низкій (сравнительно съ обычнымъ) уровень арендныхъ цѣнъ, слабый спросъ на землю и, какъ слѣдствіе этого, оставшіяся мѣстами незасѣянными пространства земли.

Подъ вліяніемъ того же обѣдненія и отсутствія наличныхъ денегъ у крестьянъ, измѣняются и *формы* аренды: какъ всегда въ такихъ случаяхъ, денежная начинаетъ уступать мѣсто натуральной. Явленіе это, замѣченное въ Нижегородской губ. въ 1892 году продолжалось и въ 1893 г: *Испольщина* начинаетъ занимать тамъ видное мѣсто въ сообщеніяхъ корреспондентовъ бюро. Притомъ «испольство» проявляется здѣсь въ той своей разновидности, которая имѣетъ мѣсто въ Западной Европѣ лишь въ случаяхъ почти полнаго отсутствія средствъ обработки у съемщиковъ; это—тотъ случай, когда сѣмена для посѣвовъ выдаются самими владѣльцами земли. По указаніямъ корреспондентовъ, эта форма аренды является новой для края и разсматривается ими, какъ результатъ неурожаевъ. Во многихъ, особенно южныхъ, уѣздахъ губерніи практикуется и испольная сдача сѣнокосовъ, и притомъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ: $^3/_5$ или даже $^2/_3$ продукта владѣльцу (1—11).

Такимъ образомъ, расширеніе (путемъ приарендовыванія внѣнадѣльной земли на сторонѣ) самостоятельнаго хозяйства до возможности удовлетворенія (хотя-бы неполнаго) первѣйшихъ своихъ потребностей—для крестьянъ Нижегородской губ. затруднено обѣдненіемъ послѣ голодовокъ. Рядомъ съ этимъ должно было усилиться предложеніе рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, что, въ свою очередь, должно было повліять на паденіе заработной платы. Это въ дѣйствительности и наблюдается: плата 1893 года или осталась на низкихъ размѣрахъ 1892-го года или понизилась еще болѣе. Лишь въ рѣдкихъ видахъ платы замѣчается незначительное ея повышеніе противъ предшествующаго года.

Весьма характерны, далѣе, свѣдѣнія о состояніи скотоводства въ зиму 1892—93 гг. Двѣ трети корреспондентовъ удостовѣряютъ, что крестьянскій скотъ перенесъ зиму удовлетворительно и одна треть—неудовлетворительно. Изъ дальнѣйшихъ указаній выясняется, по-

чему въ большей части мѣстностей зимнее содержаніе скота было удовлетворительно — именно потому, что размѣры крестьянскаго скотоводства очень и очень уменьшились, малочисленность скота достигла въ иныхъ мѣстахъ того предѣла, когда и плохихъ кормовыхъ средствъ оказывалось достаточно (напр., одно изъ сообщеній: «жалобъ на недостатокъ корма не было. Предшествовавшая голодная зима много перевела скота за безцѣнокъ, а потому малаго количества корма было достаточно для наличнаго скота»). Но тѣмъ не менѣе были мѣстности (цѣлая $^1/_3$ показаній), гдѣ содержаніе скота вышло неудовлетворительнымъ—дѣло доходило до раскрыванія крышъ на кормъ скоту, а цѣлая четверть показаній указываетъ на исключительное кормленіе скота одной ржаной соломой; у иныхъ хозяевъ «скотъ помиралъ съ голоду»; много скота переболѣло и «запаршивѣло». Такое положеніе должно было вызвать дальнѣйшую усиленную распродажу скота,—что и имѣло мѣсто, по указаніямъ $^1/_4$ сообщеній. Корреспонденты называютъ и причины этого явленія, гдѣ оно имѣло мѣсто—недостатокъ кормовъ, дороговизну ихъ и обѣднѣніе народа. Началась распродажа осенью, продолжалась зимой и весной, въ другихъ мѣстахъ—съ конца зимы или при взысканіи повинностей. Иные корреспонденты говорятъ о продажѣ «очень большого» количества, другіе—«половины», нѣкоторые—что скотъ продавался «чуть ни на чисто». Съ другой стороны, вслѣдствіе всеобщаго уменьшенія скотоводства у крестьянъ, весной, къ началу работъ, поднялся и спросъ на скотъ, и очень увеличились цѣны, что служило препятствіемъ къ его покупкѣ. Если-бы намъ въ двухъ словахъ пришлось характеризовать положеніе скота въ истекшую зиму, говоритъ «Обзоръ», мы не нашли-бы ничего лучшаго, какъ слѣдующее сообщеніе одного изъ корреспондентовъ: «скотъ перенесъ зиму благополучно, но достигнуто это отрицательными средствами: въ предшествовавшіе неурожаи за недостаткомъ кормовъ, за недостаткомъ всякихъ средствъ къ существованію, количество скота продажею и болѣзнями уменьшилось до minimum'а. Цѣны на него и лошадей неимовѣрно возрасли» (36—51).

Столь-же безотрадный характеръ носятъ и сторонніе заработки крестьянъ. И въ Нижегородской губерніи мы встрѣчаемся съ фактами, аналогичными тѣмъ, которые были отмѣчены выше для губерніи Тверской. Большинство указаній корреспондентовъ о *мѣстныхъ* промыслахъ сводится къ тому, что промыслы эти падаютъ, но за то увеличивается *отходъ* населенія на сторону. Только въ $^1/_5$ части отзывовъ (20%) имѣются сообщенія объ уменьшеніи этого явленія, но почти въ половинѣ (46%) говорится объ увеличеніи, по остальнымъ оно оставалось безъ перемѣнъ. Но объ увеличеніи выгодности отхода сообщается только въ 38% отзывовъ. «Такое явленіе не можетъ быть названо утѣшительнымъ», говоритъ съ полнымъ основаніемъ «Обзоръ». «Нижегородская губернія принадлежитъ къ разряду тѣхъ губерній, въ которыхъ кромѣ случаевъ постояннаго, го-

дами сложившагося отхода на сторону, занятіе отхожими промыслами и занятіе кореннымъ мѣстнымъ трудомъ—земледѣліемъ находятся между собой въ обратно пропорціональномъ отношеніи. Увеличеніе числа лицъ, отправляющихся въ періодъ лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ искать себѣ заработка на сторонѣ, можетъ знаменовать собой или то, что эти лица, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, не въ состояніи прилагать свой трудъ къ мѣстному земледѣлію, или же, что занятіе земледѣліемъ на мѣстѣ стало настолько маловыгоднымъ занятіемъ, что является склонность предпочитать ему другія». Въ самомъ дѣлѣ, въ отзывахъ корреспондентовъ увеличивающаяся безлошадность играетъ первую роль въ объясненіи причинъ этого явленія. Наоборотъ, прибѣгавшіе къ отхожимъ заработкамъ, при первой къ тому возможности оставляютъ ихъ и обращаются къ своему коренному занятію земледѣліемъ *) (76—78).

Все это вмѣстѣ указываетъ что народно-хозяйственный кризисъ Нижегородской губ. едва-ли ослабѣваетъ, и трудно найти здѣсь какой либо залогъ лучшаго будущаго.

Если отъ Твери и Нижняго мы перенесемся въ центральную черноземную Орловскую губернію, и здѣсь мы встрѣтимся въ народно-хозяйственной жизни съ явленіями и фактами, мало отличающимися отъ тѣхъ, о которыхъ только что говорили. Въ Орловской губерніи положеніе крестьянскаго хозяйства въ 1894 урожайномъ году представлялся столь же неблагопріятнымъ, какъ и въ Тверской или Нижегородской.

«*Сельско-хозяйственный обзоръ по Орловской губ. за 1894 годъ*» (вып. 2) даетъ на этотъ счетъ не мало любопытныхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, размѣры нашей статьи позволяютъ намъ остановиться только на очень немногихъ изъ нихъ. Благодаря, главнымъ образомъ, низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ, «у большинства частныхъ владѣльцевъ осталось много запасовъ нераспроданнаго хлѣба, запасовъ, иногда достигающихъ очень крупныхъ размѣровъ. Ожиданія поднятія цѣнъ, вызванныя заключеніемъ торговаго договора съ Германіей, оказались напрасными. Сбыли хлѣбъ, собственно говоря, тѣ владѣльцы, которые, не имѣя возможности дожидаться подъема цѣны, или не надѣясь на него, рѣшили удовольствоваться рыночными цѣнами» (149). «Въ общемъ, за нѣкоторыми исключеніями, большіе запасы непроданнаго хлѣба у частныхъ владѣльцевъ являются характерной чертой минувшаго года» (150). Это обстоятельство, весьма печальное для хозяйства частныхъ владѣльцевъ, должно бы, повидимому, отразиться весьма благопріятно на той части мѣст-

---

*) Одинъ изъ отзывовъ изъ Горбатовскаго уѣзда: «неурожай заставилъ искать заработковъ на чужой сторонѣ безъ подготовки къ тому; портной уходилъ жать въ Саратовскую губ., такъ называемый ножевщикъ шелъ на мѣсто строящейся желѣзной дороги, однимъ словомъ туда, гдѣ чаялся получить кусокъ, не полученный отъ своей земли, хлѣба».

наго крестьянскаго населенія, которая покупаетъ хлѣбъ на продовольствіе. Хлѣба на-лицо много въ предложеніи, онъ дешевъ— стало быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, крестьянскія покупки должны бы усилиться и питаніе населенія улучшиться. Однако, такое предположеніе является преждевременнымъ и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Прежде всего, у крестьянъ оказалось весьма мало излишковъ: «*подавляющее большинство* принуждено было пріобрѣтать хлѣбъ на продовольствіе... Населеніе начало покупать хлѣбъ еще зимой: чѣмъ дальше, тѣмъ все большее количество его принуждено было прибѣгать къ этому. *Сравнительно хорошій урожай* прошлаго года не только не исправилъ ущербовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нанесенныхъ предыдущими голодными годами, но не далъ возможности просуществовать до новины». Слѣдовательно, количество внутреннихъ покупателей возрастало и спросъ на хлѣбъ увеличивался. Должно было возрости и число покупокъ хлѣба у мѣстныхъ землевладѣльцевъ за наличныя деньги? Опять-таки нѣтъ, ибо все въ этой области дѣлается не такъ гладко, какъ мы привыкли о томъ разсуждать теоретически. «Многочисленные» отзывы корреспондентовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что «крестьяне пріобрѣтаютъ хлѣбъ на продовольствіе *главнымъ образомъ взаймы на тяжелыхъ условіяхъ, за большіе проценты, или подъ залогъ вещей* (!). При такихъ условіяхъ, конечно, *населеніе не можетъ пріобрѣтать всего потребнаго ему количества продовольствія, а лишь извѣстный minimum въ ущербъ своему благосостоянію*» (150). Получается какое-то нелѣпое положеніе. Въ предѣлахъ каждой отдѣльной мѣстности одной и той же губерніи имѣются на-лицо рядомъ два факта: 1) массы непроданныхъ запасовъ хлѣба, которые постепенно уплываютъ въ руки скупщиковъ зерна за треть цѣны, и 2) «подавляющее большинство» населенія, не питающееся своимъ хлѣбомъ, котораго уродилось всетаки немало, принужденное покупать себѣ продовольствіе уже за полгода и болѣе до новой жатвы и притомъ не по дешевой цѣнѣ изъ частновладѣльческихъ запасовъ, а въ «долгъ», «на тяжелыхъ условіяхъ», изъ большихъ процентовъ», даже подъ закладъ своихъ «зипунишекъ»... Эти вопіющіе контрасты свидѣтельствуютъ о такихъ потрясеніяхъ въ области народнаго хозяйства, которыя составляютъ крайній предѣлъ его упадка. А въ сущности дѣло объясняется просто. Осенью каждый крестьянинъ долженъ возможно скорѣе реализировать свою жатву для уплаты арендныхъ и податныхъ своихъ обязательствъ, равно и для погашенія хотя части тѣхъ долговъ, которые накоплялись на немъ раньше. Жатва быстро уплываетъ на рынокъ и, конечно, по дешевымъ цѣнамъ. Продовольственныя потребности ближайшихъ мѣсяцевъ поневолѣ во вниманіе не принимаются. При общемъ паденіи рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ, наплывъ крестьянскаго зерна осенью на рынокъ, наплывъ вынужденный, понижаетъ ихъ еще

болѣе *). Вырученныя деньги поступаютъ въ уплату разнаго рода взносовъ, и домохозяинъ остается среди зимы безъ продуктовъ питанія и безъ денегъ на ихъ покупку. У сосѣда землевладѣльца есть большіе запасы хлѣба, и хлѣба дешеваго, да его не купишь, ибо не на что. Близокъ локоть, да не укусишь. Приходится учитывать будущую жатву, входить въ новые долги; дѣло доходитъ до «зипунишекъ» и т. д. безъ конца. Да, но конецъ всетаки когда нибудь долженъ же наступить. Когда же и чѣмъ все это кончится?

Любопытныя данныя, находимъ въ главѣ о скотоводствѣ въ Орловской губ. въ зиму 1893—94 г. «По отношенію къ состоянію скота минувшая зима 1893—94 г. представляется довольно рѣдкимъ явленіемъ въ нашей губерніи. За ничтожными исключеніями почти всѣ корреспонденты констатируютъ фактъ вполнѣ благопріятныхъ условій для скота въ названный періодъ, причемъ кормовъ было не только достаточно, но у многихъ онъ еще и остался, когда скотъ былъ уже выпущенъ на подножный кормъ» (157). Этому способствовали и условія погоды, и состояніе кормовъ. Но былъ и еще одинъ факторъ, который способствовалъ проявленію «вполнѣ благопріятныхъ условій для скота», а онъ-то именно и составляетъ въ данномъ случаѣ granum salis и знакомъ уже намъ по Нижегородской губ.: кормить скотъ было легко во многихъ мѣстахъ, потому что *его осталось очень мало*. «Нѣкоторые корреспонденты, сообщая объ отсутствіи случаевъ усиленной продажи скота, о дешевизнѣ и полномъ достаткѣ кормовъ, въ то-же время прибавляютъ, что «нечего было продавать, потому что почти весь скотъ былъ проданъ въ голодные 1891—92 гг.», или «корма достаточно, потому что ѣсть некому» и т. д.». Сильная убыль скота, продолжаетъ «Обзоръ», въ означенные годы не подлежитъ никакому сомнѣнію. «*Многочисленныя сообщенія изъ всѣхъ концовъ губерніи*» за 1891 г. «свидѣтельствуютъ о *громадной* убыли скота, которую крестьянскому населенію возможно пополнить лишь при условіи цѣлаго ряда благопріятныхъ лѣтъ». «Сопоставивъ это съ извѣстіями корреспондентовъ нынѣшняго года, вполнѣ возможно предположить, что значительная убыль скота играла роль въ благопріятныхъ извѣстіяхъ о состояніи скота въ зиму 1893—94 г., т. е. что хотя кормовъ было болѣе, чѣмъ достаточно, отъ урожая таковыхъ, но въ то-же время остатки ихъ до нѣкоторой степени (?) могутъ быть объяснены и пониженіемъ количества скота у крестьянъ; что касается до отсутствія продажи скота населеніемъ, то это явленіе можетъ быть *всецѣло* объяснено именно тѣмъ обстоятельствомъ, что *у крестьянъ излишковъ скота теперь*

*) По вычисленію «Обзора» *продажныя* цѣны на овесъ упали съ голоднаго 1891 г. на 23,2%, а *покупныя* всего на 9,5%. Въ одну и ту же весну 1894 г. покупная цѣна овса была выше продажной на 24,1%. То же относится къ цѣнамъ картофеля, гречихи, конопли и ячменя (150—51).

совсѣмъ не имѣется». Послѣднее подтверждается и цѣнами на скотъ за послѣдніе годы въ губерніи. Продажныя и покупныя цѣны всѣхъ родовъ скота, кромѣ овецъ, въ 1894 г. «были несравненно выше, чѣмъ въ предыдущіе годы». Равнымъ образомъ, повысились и цѣны на продукты животноводства (мясо, масло, шерсть, овчины, сало). Очень интересныя иллюстраціи къ этимъ выводамъ заключаются въ сообщеніяхъ корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстностей губерніи, сгруппированныхъ въ «Обзорѣ». Просматривая эти сообщенія, мы должны замѣтить, прежде всего, что самый фактъ «отсутствія продажи скота у крестьянъ» подлежитъ значительному ограниченію—мѣстами скотъ всетаки выпродавали и очень усиленно тамъ же, гдѣ продажъ не было, дѣйствительно *нечего* было и продавать. Такъ, въ Елецкомъ уѣздѣ—по словамъ корреспондентовъ—въ одномъ мѣстѣ «распродажа скота у крестьянъ происходила весной, по случаю взиманія казенныхъ повинностей», въ другомъ — «очень много распродано было скота съ осени и дешевой цѣною, за недоимку», въ третьемъ—продажи скота не было, ибо «все продано въ 1892 году»; въ четвертомъ — «продажа скота началась прямо съ ноября, частью для уплаты податей и ссуды за хлѣбъ, а частью на покупку хлѣба для продовольствія» (!). Изъ Ливенскаго уѣзда сообщается, что усиленной распродажи скота «не было, потому что распроданъ былъ прежде». Изъ Малоархангельскаго уѣзда: «въ кормѣ недостатка не ощущалось не потому, чтобы его ужъ больно много было, *а потому что кормить некого*: скотъ *почти весь* проданъ въ прошедшіе 1891—92 голодные годы»; тамъ-же, въ другомъ мѣстѣ, «нечего было продавать». Въ Орловскомъ уѣздѣ «нѣкоторые крестьяне продавали скотъ по недостатку хлѣба и для уплаты податей». Въ Болховскомъ уѣздѣ мѣстами продавали скотъ для уплаты повинностей, или этого не происходило только потому, «что скотъ проданъ былъ въ 1891—92 гг.». Въ Кромскомъ уѣздѣ, по одному сообщенію, «на продажу отъ 1892 г. скота у крестьянъ оказалось очень мало, а потому *продавали послѣдній*, чтобы покрыть недоимки по продовольствію и обсѣмененію полей»; по другому сообщенію, скотъ если не продавали, «то лишь потому, что онъ распроданъ былъ въ 1892 году». Три корреспондента Дмитровскаго уѣзда сообщаютъ, что «если усиленной продажи скота не замѣчалось, то лишь вслѣдствіе того, что онъ проданъ въ голодные 1891—92 гг.; не смотря на это, на уплату недоимокъ *приходилось продавать и остатокъ*». Скучно, конечно, выписывать и читать эти почти дословные отзывы почти изъ всѣхъ уѣздовъ черноземной губерніи. Но какъ-же скучно и грустно должно быть на душѣ у тѣхъ, которые только потому не могутъ продавать своей послѣдней лошаденки, или «буренушки» на продовольствіе или на уплату податей, что она уже давно продана?.. А дальше что? Голодъ, холодъ, нищета. Читатель, не думайте, что эти отзывы доставлены какими нибудь злокозненными людьми, взирающими на міръ Божій сквозь

мрачныя очки, или желающими сѣять смуту въ умы. Нѣтъ, эти свѣдѣнія доставлены совсѣмъ благонамѣренными лицами и учрежденіями: священниками, землевладѣльцами, волостными правленіями. Какое же право имѣемъ мы съ вами сомнѣваться въ справедливости ихъ показаній?

И въ Орловской губ., какъ и въ Тверской, и въ Нижегородской, недостаточность доходовъ отъ земледѣлія вызываетъ развитіе промысловъ. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь любопытныя данныя, сообщаемыя въ «Сельско-хозяйственномъ обзорѣ» относительно положенія крестьянскихъ промысловъ въ Орловской губерніи. То, что мы видѣли въ губерніяхъ Тверской и Нижегородской—то же находимъ мы и въ Орловской. И здѣсь ростъ отхожихъ промысловъ со всѣми его неблагопріятными народно-хозяйственными послѣдствіями, есть фактъ идущій параллельно съ обѣднѣніемъ крестьянской массы. Въ большинствѣ мѣстностей губерніи этотъ ростъ не остановился и въ урожайномъ сравнительно 1894 г. Наоборотъ, 37 отзывовъ корреспондентовъ говорятъ объ *увеличеніи* отхода въ этомъ году, въ 39 случаяхъ остался безъ перемѣны и только 21 показаніе упоминаетъ о сокращеніи отхода...

Какъ ни великъ треугольникъ, который мы только что обошли съ вами, читатель—Тверь, Нижній, Орелъ,—какъ ни разнообразны естественныя условія хозяйства этого огромнаго района, все-же не правъ-ли я былъ, говоря вначалѣ, что очень многое въ ихъ хозяйственномъ быту можно взять за скобки, что ихъ экономическая исторія идетъ по одному и тому-же пути, обусловленномъ недостатками земельнаго устройства земледѣльческой массы населенія?..

XXII.

Въ мартовской книжкѣ нашего журнала мнѣ пришлось уже коснуться, по поводу работы г. Щербины, рѣзкихъ проявленій кулачества на далекомъ югѣ—на сѣверномъ Кавказѣ. Тамъ уже было отмѣчено, что этотъ наростъ на народно-хозяйственномъ организмѣ не составляетъ специфической особенности того края, а имѣетъ всероссійское значеніе. Теперь мы только что ознакомились съ кулачествомъ въ Тверской губ. и съ тѣмъ значеніемъ для мѣстнаго земледѣльческаго населенія, которое оно имѣетъ тамъ. Ростовщичество и кулачество, какъ продуктъ недостаточной обезпеченности производителя орудіями производства, внѣдряется въ хозяйственный бытъ народа, пускаетъ въ немъ крѣпкіе корни и, становясь изъ слѣдствія причиной, способствуетъ еще большему обостренію такой необезпеченности. Въ концѣ концовъ, общій уровень благосостоянія массъ стремится по наклонной плоскости.

Недурной иллюстраціей сказаннаго служитъ книжка *г. Сазонова «Ростовщичество—кулачество» Спб. 1894.*

Г. Сазонову приходилось наблюдать ростовщичество и на востокѣ (по р. Вяткѣ и Волгѣ), и въ центрѣ (по р. Окѣ), и на западѣ (въ Опочецкомъ и Порховскомъ уѣздахъ Псковской губ.); онъ видѣлъ это явленіе и въ рабочей артели, и въ добывающей промышленности (въ рыболовствѣ, добываніи алебастра и пр.), и въ кустарной промышленности, и въ земельныхъ отношеніяхъ, и въ крестьянскомъ земледѣльческомъ обиходѣ, и въ области кредита. И вездѣ, и во всемъ онъ имѣлъ случай констатировать наличность грубѣйшаго, безтыднѣйшаго кулачества, дазъѣдающаго хозяйственный организмъ нашего народа, кулачества, размножающагося, какъ бацилла, при условіи истощенія этого организма, питающагося производительнымъ трудомъ населенія и отбирающаго отъ рабочаго, кустаря, земледѣльца поистинѣ львиную долю его заработковъ.

Мы не имѣемъ въ виду исчерпывать содержаніе книжки г. Сазонова. Оно довольно разнородно, поучительно въ деталяхъ, къ тому-же и довольно картинно изложено. Интересующихся мы и отсылаемъ къ подлиннику. Здѣсь-же воспользуемся изъ нея лишь немногими фактами, особенно бросающимися въ глаза и оттѣняющими сказанное явленіе.

Вотъ типичный рядчикъ рабочей артели въ Нижнемъ—А., дающій *семи стамъ* человѣкамъ рабочихъ 17,000 р., т. е. по 25 р. на человѣка и получающій за-то minimum 28,000 р. въ свою пользу (стр. 23). Вотъ другой, взимающій съ своихъ должниковъ (а ихъ у него сотни) за ссуды 50% за три четверти года (27). Вотъ рыбинскіе «батыри» (посредники между хозяевами и рабочими), «зарабатывающіе» въ среднемъ *въ день по 125 р. каждый*, въ то время какъ рабочій—75 коп. по «непреувеличенному» разсчету (47). Вотъ распредѣленіе *доходовъ* на одномъ мочальномъ предпріятіи на р. Вяткѣ: «валовой доходъ—16.650 р., стоимость матерьяла—7000 руб., процентъ на капиталъ—600 р. ($8^1/_2$ %); на долю труда и кулака остается 9000 руб., изъ нихъ $^2/_3$ идетъ посреднику, а $^1/_3$ труженику!..» (49). Вотъ алебастровое дѣло на р. Окѣ. Въ зиму артель добываетъ алебастра въ среднемъ по 1000 п. на пай (бываетъ 800 п., бываетъ 1200 пуд., рѣдко 2000 пуд.). За 1000 пуд. *съ нагрузкой ихъ на баржи* посредникъ платитъ 15—20 р., рѣдко 25 руб. Это за цѣлую зиму труда *на своей пищѣ* (выходитъ—около 15 коп. въ день). «Но и этотъ нищенскій заработокъ—фикція для рабочаго», прибавляетъ авторъ, «онъ всецѣло идетъ на подати, недоимки и проценты за долгъ кулаку».—Такимъ образомъ, добываніе 800 тыс. пудовъ алебастра, съ нагрузкой, отправителю обходится въ 16.000 руб. (считая среднюю цѣну 20 р.), да доставка (около 10 к. съ пуда) 80.000 руб.—всего около 100.000 руб. Средняя цѣна этого продукта въ Москвѣ—225 руб. за 1000 пуд., т. е. за 800 т. пуд. 180.000 р.; чистая прибыль—около 80.000 руб. Кромѣ того еще нѣсколько тысячъ—на побочныхъ спекуляціяхъ (72—75).

Далѣе, вотъ картинка той паутины, которую наблюдалъ авторъ

въ Псковской губ. Деньги у крестьянъ бываютъ только осенью, а нужда въ нихъ постоянная. Понадобятся мужику рукавицы, соль, деготь, мука, льняное сѣмя, лошадь, корова и пр.—онъ идетъ къ купцу и тотъ снабжаетъ его или продуктами изъ лавки, или деньгами; въ обоихъ случаяхъ рублей за 10—15 выдается вексель на 75—100—200 руб., т. е. на ту сумму, на которую онъ считаетъ возможнымъ открыть кредитъ и при потребности выдаетъ въ счетъ этой суммы товаръ. Приэтомъ купецъ a) кладетъ на капиталъ 10% и b) и обязываетъ крестьянина везти ему *весь добытый ленъ* и притомъ не по рыночной цѣнѣ, а нѣсколько *низшей*. Приходитъ осень. «Хозяинъ» зерко слѣдитъ, чтобы должникъ не свезъ льна кому-нибудь другому, и вотъ крестьянинъ привозитъ его. «Наступаетъ рѣшительный моментъ, въ который купецъ проявляетъ всю свою изобрѣтательность, чтобы обвѣсить, обсчитать, обмануть мужика. При этомъ коммерческій человѣкъ ни передъ чѣмъ не остановится. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыми брезгали-бы эти россійскіе буржуа. Чего-чего только они не придумали! И вѣсы невѣрные, и гири фальшивыя, и другія мошенническія приспособленія: напр., вмѣсто крупныхъ гирь наставляютъ много мелкихъ, чтобы, сбить мужика; взвѣшиваютъ не разомъ, а частями, словомъ, не перечесть всѣхъ мошенничествъ». Всѣ «походы» идутъ не въ счетъ; не считаются «крутцы», т. е. скрученный ленъ, которымъ связываются пучки его, что составляетъ на берковецъ 20 ф., «такъ что берковецъ считается, вопреки всемірному закону, не въ 10 п., а въ $10^1/_2$». Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ (со всѣми такими ухищреніями по пониженной цѣнѣ) ленъ въ уплату долга, купецъ *не выдаетъ должнику векселя обратно*: «на будущій, молъ, годъ пригодится», а дальше этотъ вексель позабудется, пишется второй: такъ и держатся эти вѣчные должники «въ страхѣ и повиновеніи» (110—112). Цѣлый кодексъ кулаческихъ пріемовъ уже выработанъ и имѣетъ свою установившуюся практику. Здѣсь мужикъ *самъ* проситъ выдать на себя исполнительный листъ кулаку (дешевле и проще векселя), тамъ совершаются фиктивныя запродажныя записи на крестьянское движимое имущество (какъ форма залога), въ третьемъ мѣстѣ—такими запродажами обставляется злостное банкротство и т. д. Имѣется налицо цѣлая іерархія кулаковъ—въ городѣ живутъ покрупнѣе «хищники ростовщики, въ простотѣ души воображающіе, что они «ведутъ коммерцію», въ деревнѣ—поменьше, «мелкіе пауки». У этихъ даже «стыдно говорить о процентахъ: четверикъ льна можетъ дать берковецъ» и т. д. (114—117).

Задолженность крестьянъ Опочецкаго уѣзда (банку, товариществамъ и частнымъ лицамъ по книгамъ волостныхъ правленій и нотаріальнымъ даннымъ, *но не* по платежамъ казнѣ, земству и мірскимъ) г. Сазоновъ опредѣляетъ въ 2,191 мил. руб.; изъ этой суммы на долю ростовщическаго кредита приходится $1\frac{1}{2}$ мил. руб., на домохозяина въ среднемъ—151 р. За вычетомъ не кредитующихся

домохозяевъ приведенная цифра для остальныхъ возвышается до 191 рубля на дворъ! Проценты по этимъ долгамъ составляютъ *полмилліона рублей въ годъ* (497 тыс. р.) т. е. «*сборы ростовщиковъ превышаютъ государственные на 305%, или ростовщики обложили народъ окладомъ въ 3 раза большимъ, чѣмъ государство*» (136—7).

Довольно сказаннаго. Сколько выписокъ изъ работы г. Сазонова мы ни дѣлали-бы, новаго мы не прибавимъ ничего, а исчерпать матерьялъ, сообщаемый авторомъ, можно только прочтеніемъ самой книжки. И комментировать приведенныхъ фактовъ нечего. Но мало ихъ *знать*, надо съ ними *бороться*. А мнѣ уже приходилось бесѣдовать съ читателемъ на ту тему, что борьба въ этомъ случаѣ мыслима лишь при возможно широкомъ примѣненіи принципа *общественно-хозяйственныхъ* предпріятій въ нашемъ народномъ хозяйствѣ (*Русск. Бог.* № 3, 1895).

XXII.

Въ одномъ изъ прежнихъ «набросковъ» (*Русск. Богат.* 1893 г. № 11) я упоминалъ объ основаніи земледѣльческихъ артелей» въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. Я указывалъ тамъ на крупное народно-хозяйственное значеніе, которое могло-бы имѣть эти формы общины при своемъ распространеніи; я упоминалъ тамъ и о тѣхъ теоретическихъ основаніяхъ, по которымъ такое распространеніе было-бы весьма желательно.

Къ сожалѣнію, о дальнѣйшей судьбѣ этихъ артелей въ печати встрѣчается слишкомъ мало свѣдѣній и о результатахъ названнаго опыта нельзя составить себѣ пока яснаго представленія. Въ вып. 8-мъ «*Сообщеній С.-Петербурскаго Отдѣленія Комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ*» (Спб. 1894; стр. 167—173) помѣщено сообщеніе по этому предмету г. Ефимова, проливающее на дѣло нѣкоторый свѣтъ. Авторъ лично познакомился въ 1893 г. съ артелями на мѣстѣ и бесѣдовалъ съ людьми, близко заинтересованными въ ихъ развитіи.

Въ указанное время земледѣльческія артели имѣлись въ уѣздахъ Шадринскомъ, Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Красноуфимскомъ; въ первомъ число ихъ достигало 80, во второмъ—25, въ остальныхъ двухъ онѣ только что начинались. Очевидно, дѣло не падало и развивалось. «Во всѣхъ случаяхъ артели образуются изъ крестьянъ, которые были ранѣе хорошими хозяевами и утратили свою хозяйственную самостоятельность только подъ вліяніемъ послѣднихъ неурожаевъ». Попечителями артелей состояли земскіе агрономическіе смотрителя, народные учителя и учительницы, волостные писаря и сами крестьяне.

Автору пришлось слышать весьма разнообразные отзывы о

судьбѣ артелей. Неоднократно ему говорили о распавшихся артеляхъ «иногда подъ вліяніемъ несогласій между прекраснымъ поломъ. Cherchez la femme—и здѣсь нашло свое примѣненіе». Въ одной артели обнаружена со стороны старосты попытка, воспользовавшись вспашкой своего парового поля артельными лошадьми, освободиться отъ своихъ обязанностей передъ артелью, что вызвало со стороны попечителя угрозу о преданіи его волостному суду. Одинъ земскій врачъ, попечитель 14 артелей, ревностный ихъ устроитель, приводилъ автору не мало примѣровъ «крайняго стремленія къ индивидуализму среди мѣстныхъ крестьянъ», особенно въ Шадринскомъ уѣздѣ; здѣсь члены артели долго не исполняютъ требованія о сборѣ сѣна на дворъ къ старостѣ для корма артельныхъ лошадей, изъ боязни, какъ оказалось, каждаго за свою долю сѣна, вслѣдствіе присутствія у старосты коровы; тамъ группировкѣ въ артели препятствуетъ «нежеланіе дѣлиться своимъ счастіемъ съ другимъ».

Вотъ все, такъ сказать, отрицательное, что вынесено г. Ефимовымъ изъ своего знакомства съ земледѣльческими артелями. Попытки къ злоупотребленіямъ, отдѣльныя проявленія индивидуалистическаго характера, случаи несогласій между артельщиками, вина которыхъ ложится на нихъ самихъ или на ихъ женщинъ—все это безспорно есть, безспорно должно было ожидать, безспорно всегда будетъ при широкомъ развитіи дѣла.

Но это не единственная сторона юной еще жизни пермскихъ артелей—есть и положительная. Въ первой-же артели, съ которой удалось познакомиться автору, ему заявили, что дѣло у нихъ «идетъ ладно», даже «*что они стали уже вводить въ артель и остальную свою, сверхъ обязательнаго посѣва, землю*». Въ другой артели также «артельщики *всю свою землю* «сгрудили въ артель, причемъ раздѣлъ урожая между отдѣльными членами, не смотря на разнообразіе ихъ семейнаго состава, не угрожалъ, какъ можно было заключить изъ разговора, никакими затрудненіями». Мѣстный губернскій агрономъ мотивируетъ это «сгруженіе» тѣмъ, что при такомъ условіи каждымъ артельщикомъ «достигается лучшая утилизація силы артельныхъ лошадей, т. е. обнаруживается именно преимущество артельной формы производства, тогда какъ при самостоятельной обработкѣ ими своихъ участковъ, у одного земля можетъ оказаться обработанной болѣе своевременно, нежели у другого, вызывая тѣмъ различіе въ количествѣ получаемаго урожая».

Приведенное наблюденіе г. Ефимова имѣетъ величайшую важность. Если основанныя уѣздными земствами Пермской губерніи артели будутъ имѣть однимъ изъ результатовъ это «сгруженіе» земли, т. е. укрѣпленіе земледѣльческой культуры на общинныхъ земляхъ, уничтоженіе межниковъ, черезполосицы, мелкихъ полосъ, введеніе коллективной обработки съ раздѣломъ продуктовъ, то при своемъ развитіи и распространеніи онѣ, дѣйствительно, были-бы въ состояніи съиграть огромную народно-хозяйственную роль.

Насколько распространены названныя отрицательныя и положительныя стороны артелей, сказать трудно. Г. Ефимовъ не даетъ, къ сожалѣнію, исчерпывающихъ статистическихъ данныхъ; онъ сообщаетъ лишь «мимолетомъ собранныя наблюденія». А только одно массовое *статистическое* изученіе артелей можетъ наглядно указать ихъ статику и динамику, ихъ сильныя и слабыя стороны. Какой процентъ находится среди нихъ «сгружающихъ» свои земли, какой процентъ распался, часты-ли случаи злоупотребленій? На такіе вопросы свѣдѣнія г. Ефимова, конечно, отвѣта дать не могутъ.

Но тотъ фактъ, что число артелей растетъ, является довольно краснорѣчивымъ въ пользу ихъ учрежденія. Г. Ѳедоровъ, иниціаторъ дѣла, въ № 6 «Сообщеній Комитета» въ 1893 г. сообщилъ лишь о 54 артеляхъ; теперь-же число ихъ возрасло въ двухъ уѣздахъ (Шадринскомъ и Екатеринбургскомъ), какъ указано, до 105, да имѣется ихъ еще нѣкоторое количество и въ двухъ другихъ. Надо думать, что если-бы «стремленіе къ индивидуализму», злоупотребленія и несогласія артельщиковъ были очень распространеннымъ явленіемъ, то указанное число артелей не поднималось-бы такъ быстро. Эти союзы, какъ противорѣчащіе народному духу, должны были-бы уничтожиться весьма быстро, подобно мыльнымъ пузырямъ. Но если они размножаются, не указываетъ-ли это на то, что отрицательныя стороны ихъ перевѣшиваются положительными, что они находятъ себѣ почву въ народныхъ симпатіяхъ, что они цѣлесообразны, что свою хозяйственную миссію они пока исполняютъ успѣшно?

«Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Ефимовъ, протекшаго времени слишкомъ еще недостаточно, чтобы произнести по этому дѣлу вполнѣ правильное и окончательное сужденіе». Совершенно вѣрно—и потому нельзя не обратить къ мѣстнымъ пермскимъ дѣятелямъ усердной просьбы сообщать въ печати побольше обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ опытѣ, который они тамъ производятъ, опытѣ, имѣющемъ столь крупный общій интересъ.

Н. Карышевъ.

Двѣ новыя работы школы Ле-Плэ.

Анри де-Турвиль. — *Соціальная наука представляетъ-ли науку?* Перев. съ франц. Графа Н. С. Ланского со статьею переводчика «Ле-Плэ и его школа». Спб. 1895.

Эдмонъ Демолэнсъ.—*Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей.* Перев. съ франц. Гр. Н. С. Ланской. Спб. 1895.

Мы соединили обзоръ этихъ двухъ, повидимому, разнородныхъ сочиненій, потому что главный ихъ интересъ заключается въ томъ, что оба они написаны представителями школы Ле-Плэ, школы, играющей нѣкоторую роль во французской литературѣ, и, повидимому, имѣющей сторонниковъ и у насъ.

Какова-бы ни была научная цѣнность трудовъ Ле-Плэ и его учениковъ, личность самого основателя школы во всякомъ случаѣ насколько интересна и симпатична, что русскому образованному человѣку полезно имѣть о ней нѣкоторыя свѣдѣнія.

Существуютъ умы, не отличающіеся особенною силою отвлеченнаго мышленія, лишенные высшаго творческаго дара, но за то богато одаренные тѣмъ, что можно назвать здравымъ смысломъ. Таковъ былъ Ле-Плэ. Онъ былъ по профессіи инженеръ, много путешествовалъ, много видалъ, былъ знакомъ со многими выдающимися людьми своего времени, тщательно изучалъ бытъ рабочихъ. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, изучавшій жизнь общества не въ своемъ кабинетѣ, а въ самомъ этомъ обществѣ. Я сказалъ, что это былъ человѣкъ здраваго смысла. Подобная похвала очень двусмысленна, но дѣло въ томъ, что къ Ле-Плэ этотъ эпитетъ примѣнимъ именно въ обоихъ своихъ значеніяхъ. Человѣкъ здраваго смысла въ наукѣ (я оставляю въ сторонѣ практическую жизнь, область вполнѣ законнаго господства здраваго смысла) это тотъ человѣкъ, который въ своихъ выводахъ постоянно опирается на фактическій матеріалъ, который менѣе довѣряетъ своимъ умозаключеніямъ, чѣмъ «фактамъ». Таковъ именно и былъ Ле-Плэ, который въ вѣкъ господства фантастическихъ проектовъ и безосновательныхъ теорій требовалъ прежде всего фактическаго изученія общественной

жизни, создалъ свой монографическій методъ, издалъ трудъ «Les ouvriers européens», заключающій монографіи рабочихъ семействъ. Человѣкъ здраваго смысла въ своихъ научныхъ изысканіяхъ постоянно опирается на «факты». Но, что такое «фактъ»? Малообразованному человѣку подобный вопросъ покажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Фактъ, отвѣтитъ онъ, это то несомнѣнное, очевидное, которое мы видимъ, слышимъ, осязаемъ.... это не какая нибудь теорія, относительно которой идутъ иногда безконечные споры, а нѣчто общепризнанное, общеизвѣстное. Подобное опредѣленіе «факта» вполнѣ пригодно для обыденнаго обихода, для практической жизни съ ея неточными понятіями и неглубокими взглядами. Но когда мы обращаемся къ научнымъ сферамъ, когда приходится рѣшать сложные и отвлеченные вопросы, тогда несостоятельность вышеприведеннаго вульгарнаго опредѣленія «факта» дѣлается очевидною. Повидимому, что можетъ быть несомнѣннѣе того факта, что солнце ежедневно подымается изъ-за горизонта, проходитъ по небу и, затѣмъ, снова исчезаетъ за горизонтомъ! Развѣ этотъ «фактъ» не наблюдается ежедневно всѣми людьми? Не ясно-ли, что тѣ, кто утверждаютъ, что солнце стоитъ неподвижно, спорятъ противъ очевидности, противъ факта! Такъ разсуждали люди «здраваго смысла», отвергавшіе систему Коперника. И, однако, мы знаемъ, что они разсуждали не здраво.

Психологія и теорія познанія учатъ насъ, что то, что мы называемъ «очевиднымъ фактомъ», есть въ сущности умозаключеніе, выводъ, если хотите, гипотеза.... И наивное мышленіе тѣмъ именно и отличается отъ мышленія научнаго, что, не зная этой истины, принимаетъ свои гипотезы, свои безсознательные выводы за несомнѣнные «факты», данные намъ извнѣ.

Поэтому Мальтусъ былъ сто разъ правъ, когда писалъ: «Намъ надоѣли пустыя разглагольствованія противъ теорій и предлагающихъ ихъ людей. Люди, ратующіе противъ теорій, хвалятся своею приверженностью къ практикѣ и опыту. Нельзя не согласиться, что ложная теорія пагубна.... Но и крайніе защитники практическихъ методовъ не замѣчаютъ, что сами попадаются въ ловушку, отъ которой старались уберечь другихъ, и огромное ихъ большинство должно быть причислено къ изобрѣтателямъ самыхъ вредныхъ теорій».

Такимъ изобрѣтателемъ «самыхъ вредныхъ теорій» оказался въ концѣ концевъ и Ле-Плэ. Его «здравый смыслъ» предохранилъ его отъ увлеченія господствовавшею тогда страстью къ безосновательному теоретизированію; онъ указалъ ему на наблюденіе и изученіе дѣйствительной жизни, какъ на источники познанія соціальныхъ явленій;—но этимъ и исчерпывались достоинства его работъ. За сочиненіе: «Les ouvriers européens» (1855; 2-е изд. 1877 г.) Парижская академія присудила Ле-Плэ премію, назначаемую за лучшее сочиненіе по статистикѣ. Если-бы Ле-Плэ остался навсегда простымъ стати-

стикомъ, т. е. научнымъ чернорабочимъ, собирающимъ матеріалъ для будущаго создателя науки, то мы были-бы знакомы только съ хорошими сторонами его «здраваго смысла»: мы имѣли-бы описанія жизни европейскихъ рабочихъ, сдѣланныя человѣкомъ опытнымъ, изъѣздившимъ всю Европу, входившимъ въ тѣсныя сношенія съ разнообразными лицами и всегда прислушивавшимся къ ихъ мнѣніямъ, узнававшимъ ихъ желанія. Но онъ захотѣлъ самъ сдѣлаться создателемъ науки, а для этого ему недоставало самаго главнаго: способности къ отвлеченному мышленію. Человѣкъ практическій, хорошо оріентировавшійся среди конкретныхъ вопросовъ, но по способности къ отвлеченному мышленію едва-ли имѣющій право считаться даже третьестепеннымъ мыслителемъ, Ле-Плэ, вступивши въ недоступную для него область отвлеченнаго мышленія, сейчасъ-же превратился изъ трезваго практика въ мечтателя и фантазера.

Начнемъ съ разсмотрѣнія самого метода его работъ. Мы видѣли, что главная заслуга Ле-Плэ заключается въ его указаніи на необходимость наблюденія дѣйствительности. Слѣдовательно, методъ его изслѣдованія былъ опытный методъ. Но какъ понялъ онъ опытный методъ? Что такое опытъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ двояко. Люди, неспособные къ отвлеченному мышленію, хвастающіе своею «практичностью», своимъ «здравымъ смысломъ», довѣряютъ только грубому личному опыту, вѣрятъ только тому, что имъ приходилось лично видѣть, слышать, осязать. Когда имъ кто либо сообщаетъ о результатахъ своихъ изысканій, они бываютъ неспособны воспроизвести въ воображеніи тѣ опыты, на основаніи которыхъ ихъ собесѣдникъ пришелъ къ своимъ выводамъ, поэтому они считаютъ, что эти выводы не могутъ быть поставлены на-ряду съ ихъ собственными выводами; мало того, они считаютъ свои и чужіе выводы явленіями двухъ различныхъ категорій: чужіе выводы—это нѣчто сложное, неясное, однимъ словомъ «теорія», а ихъ собственные выводы—не выводы, а «факты».

Совершенно иначе поступаютъ мыслители, люди, способные къ большой отвлеченной работѣ. Высоко цѣня опытъ, считая его руководящею нитью своихъ умозаключеній, они, однако, отлично понимаютъ, что ихъ личный опытъ есть только милліонная доля опыта коллективнаго, который одинъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Мы говоримъ, конечно, о методѣ соціальныхъ наукъ. Здѣсь передъ умственнымъ взоромъ мыслителя раскрывается картина безконечная по величинѣ и разнообразію. Древній Египетъ, Ассирія, Вавилонъ, Финикія, Греція, Римъ, Средніе вѣка, арабы, Индія, Китай, Перу, Мексика и проч., и проч., и проч. Тысячи даровитыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ занимались и занимаются разработкою этихъ богатыхъ исторій, отрываютъ города, занесенные пескомъ, разбираютъ непонятныя надписи. Тысячи другихъ людей изъѣздили вдоль и поперекъ весь свѣтъ, описали бытъ и жизнь дикарей африканскихъ, американскихъ, австралійскихъ, жителей побережья

Ледовитаго Океана и жителей Патагоніи, индійскія племена и племена Варварійскаго побережья. Однимъ словомъ, міровой опытъ конденсированъ въ сотняхъ тысячъ томовъ, обнимаетъ собою тысячи лѣтъ и безчисленные племена и народы.

Соціологъ-мыслитель будетъ основывать свои выводы на данныхъ этого мірового опыта: извѣстное явленіе изъ жизни древняго грека онъ поясняетъ соотвѣтствующимъ явленіемъ изъ феодальной эпохи, при этомъ онъ укажетъ на зачатки того же явленія въ древнемъ Перу и на нѣкоторыя черты изъ жизни современной Японіи.

Такъ пойметъ опытный методъ соціологъ-мыслитель. А какъ понимаетъ этотъ методъ Ле-Плэ? Послушаемъ его собственное показаніе. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ меня возможности привести цѣликомъ тотъ отдѣлъ его книги «La Réforme sociale en France», который озаглавленъ такъ: La méthode qui conduit le plus sûremeut à la réforme est l'observation des faits sociaux» *). Но вотъ выписки изъ этого отдѣла, показывающія, насколько широко понималъ Ле-Плэ опытный методъ. Сказавши о томъ, что онъ, въ качествѣ инженера, хорошо изучилъ организацію нѣкоторыхъ коммерческихъ предпріятій и что онъ имѣлъ частыя сношенія «съ лицами, занятыми политическими и административными дѣлами» (avec beaucoup de personnes exerçant des fonctions politiques ou administratives), онъ прибавляетъ: «и я никогда не упускалъ узнать ихъ мнѣнія или наблюдать ихъ дѣйствія по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ соціальной наукѣ». («et je n'ai jamais manqué l'occasion de connaître leurs opinions on d'observer leur pratique en matière de science sociale»).

Перечисленіе своихъ источниковъ онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Наконецъ, я поставилъ себѣ задачей самолично изучить въ разныхъ европейскихъ странахъ болѣе трехсотъ семействъ, принадлежащихъ къ самымъ многочисленнымъ классамъ населенія. Я посвящалъ по крайней мѣрѣ недѣлю, а иногда цѣлый мѣсяцъ на составленіе монографій каждой изъ нихъ, то-есть изучалъ не только подробности ихъ матеріальной жизни, но и чувства, страсти и вообще умственную и нравственную жизнь». (Tome I, p. 33).

Въ этихъ словахъ весь Ле-Плэ, съ его любовью къ фактическимъ даннымъ, но также и съ его неспособностью подняться выше мелкихъ наблюденій, отрѣшиться отъ временныхъ, частныхъ явленій, понять сущность изслѣдуемыхъ явленій. Триста монографій рабочихъ и бесѣды съ администраторами—таковъ ученый багажъ, который Ле-Плэ осмѣливается противопоставить міровому опыту! И пусть не говорятъ, что Ле-Плэ только прибавлялъ къ міровому опыту свою крупицу, что онъ не пренебрегалъ міровымъ

*) «Методъ, ведущій всего вѣрнѣе къ реформѣ, есть наблюденіе соціальныхъ фактовъ».

опытомъ, но дополнялъ его личными наблюденіями. Подобное заявленіе будетъ несогласно съ истиною. Ле-Плэ, конечно, не отрицалъ міровой опытъ, но онъ его почти совсѣмъ игнорировалъ. Берется-ли онъ доказывать свое основное положеніе, что «религія была всегда первою основою обществъ», онъ это дѣлаетъ (l. c. стр. 47—97) не путемъ анализа міровыхъ явленій, а главнымъ образомъ при помощи указаній на свои собственныя наблюденія: сообщаетъ о бесѣдѣ съ русскимъ крестьяниномъ, разсказываетъ о состояніи *современной* Англіи и т. п. Переходитъ ли онъ ко второму своему основному вопросу: вопросу о собственности, — онъ опять основываетъ свои выводы главнымъ образомъ на современныхъ ему фактахъ. Наконецъ, его взглядъ на третій основной элементъ — на семью—основанъ, опять таки, почти исключительно на личныхъ наблюденіяхъ. *Современная* ему семьи башкировъ, французовъ и англичанъ — вотъ для него три единственные типы семьи, мало того, три единственныя основы всякаго общества!

Читатель теперь видитъ, какъ понималъ Ле-Плэ опытный методъ. «Ле-Плэ, говоритъ его ученикъ де-Турвиль, называетъ соціальными авторитетами людей всѣхъ положеній, которые въ семействѣ и при исполненіи своей профессіи обезпечиваютъ зависящимъ отъ нихъ лицамъ благоденствіе и согласіе и распространяютъ такое благодѣяніе на свое сосѣдство единственно властью примѣра и совѣта. Подобные люди, очевидно, нашли, болѣе или менѣе сознательно, средства, обезпечивающія добрый порядокъ въ обществѣ, они прилагаютъ къ дѣлу соціальные законы. Это практики, пришедшіе къ истинѣ эмпирическимъ методомъ. Въ такомъ-то случаѣ, говорятъ они, поступаютъ такъ и имѣютъ успѣхъ; въ другомъ случаѣ дѣйствуютъ иначе и успѣваютъ; они слѣдуютъ рецептамъ. Въ высшей степени драгоцѣнно собрать опытъ подобныхъ людей. *Они владѣютъ соціальною наукою, какъ старые литейщики металлургіей*; они управляютъ съ совершенною точностью явленіями, основные законы которыхъ не способны сами опредѣлить; они вѣрно находятъ истину, какъ горная лошадь вѣрно находитъ дорогу, обезпечивающую ея равновѣсіе; у нихъ ноги приспособлены къ грунту, по которому они идутъ.

«Ле-Плэ въ своихъ изслѣдованіяхъ обществъ пользовался наукою соціальныхъ авторитетовъ точно такъ-же, какъ онъ пользовался знаніями рабочихъ литейнаго дѣла при своихъ металлургическихъ изысканіяхъ; онъ собиралъ наблюденія этихъ знатоковъ...

«Такимъ образомъ, Ле-Плэ извлекъ... изъ своихъ бесѣдъ съ соціальными авторитетами соціальную науку». (А. де-Турвиль. Соціальная наука и т. д., стр. 10—11).

Каковъ методъ—таковы и добытые имъ результаты. Не Ле-Плэ владѣетъ фактами, а факты владѣютъ имъ. Пріѣзжаетъ Ле-Плэ въ Англію, видитъ, что Англія процвѣтаетъ, видитъ также, что англичане свято чтутъ «день субботній»; затѣмъ ѣдетъ на Уралъ, гдѣ

видитъ привольное житье патріархальныхъ кочевниковъ; и вотъ «факты» узнаны, соціологія готова: найдены двѣ основы существованія всякаго общества, это—«десять заповѣдей» и «родительская власть». Такимъ образомъ, «трезвый практикъ» сдѣлался мечтателемъ! И, вдобавокъ, тѣмъ безнадежнымъ мечтателемъ, который даже неспособенъ вникнуть въ сущность изучаемыхъ имъ явленій, которому, поэтому, задача кажется такою простою, легкою и понятною. Ибо утверждать, что только то общество живетъ въ нормальныхъ условіяхъ, члены котораго повинуются предписанію: «не убивай», «не воруй» и т. д., все равно, что утверждать, что только тотъ человѣкъ здоровъ, у котораго сердце, легкія и другіе органы работаютъ нормально. Это значитъ принимать простую тавтологію за научное открытіе, не понимать даже, въ чемъ собственно заключается вопросъ.

Несомнѣнно, что никогда, никакое общество, члены котораго убивали и грабили другъ друга, не находилось въ цвѣтущемъ состояніи, но указать на необходимость этихъ условій не значитъ еще создать соціальную науку. Мы готовы удивляться ослѣпленію Ле-Плэ, который даже не могъ понять, въ чемъ собственно заключается задача соціологіи, но наше удивленіе совершенно исчезаетъ, когда мы читаемъ слѣдующія слова русскаго поклонника Ле-Плэ графа Ланского: «Ле-Плэ очень часто употребляетъ терминъ—соціальная наука, *но нигдѣ точно его не опредѣляетъ. Онъ смѣшиваетъ почти всегда соціальную науку съ наукою полицейскаго права*, полагая, что ея предметъ составляютъ условія безопасности и благостоянія, необходимыя для существованія общества» (приложеніе къ книгѣ де-Турвиля, стр. XIV).

Ту-же точку зрѣнія полицейскаго права примѣняетъ Ле-Плэ и къ изученію семьи. Мало того, вѣрный своему методу изученія соціологіи путемъ бесѣдъ со своими «соціальными авторитетами», Ле-Плэ совершенно теряетъ историческое чутье: онъ теряетъ способность понимать, какъ жизнь тѣхъ обществъ, у которыхъ нѣтъ семьи, такъ и самый процессъ образованія семьи и условія ея развитія. Лично изученная имъ семья башкиръ, французовъ и англичанъ—вотъ три вѣчные типа семьи, причемъ семья патріархальная изображена у него самыми фантастическими красками.

Уже одно то обстоятельство, что человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь изученію соціальной науки, нигдѣ точно не опредѣляетъ предмета своего изученія, и, въ концѣ концовъ, смѣшиваетъ эту соціальную науку съ полицейскимъ правомъ,—уже одно это обстоятельство достаточно характеризуетъ силу отвлеченнаго мышленія Ле-Плэ.

Но существуетъ еще одинъ пунктъ, въ которомъ теоретическое безсиліе Ле-Плэ блещетъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Я говорю о классификація соціальныхъ явленій. Классификація есть пробный камень силы отвлеченнаго мышленія. Чтобы создать удачную клас-

сификацію, нужно схватить сущность классифицируемыхъ явленій, нужно не только отдѣлить общее отъ частнаго, но и установить, какъ іерархію общности, такъ и соотношеніе между явленіями одной и той-же степени общности.

Что на этомъ испытаніи Ле-Плэ окончательно провалился, это признаютъ даже самые горячіе его поклонники. Послушаемъ, что говоритъ де-Турвиль (l. c., стр. 45 и 46): «Всѣ, прилегавшіе къ многочисленнымъ, хорошо опредѣленнымъ соціальнымъ явленіямъ классификацію, указанную въ сочиненіи «la Constitution de l'Angleterre», принуждены были признать недостаточность ея плана». ....«Вотъ одиннадцать большихъ классовъ соціальныхъ явленій, указанныхъ въ «Constitution de l'Angleterre»: I. Мѣсто и населеніе. II. Раса и ея исторія. III. Сравнительныя подраздѣленія Англіи и ея владѣній. IV. Принципъ добра и практика зла. V. Семейство и его значеніе. VI. Ассоціація и іерархія въ частной жизни. VII. Отношеніе англичанъ и иностранцевъ къ частной жизни. VIII. Мѣстное управленіе. IX. Провинціальное управленіе. X. Британское государство и его дѣло внутренняго мира. XI. Верховная власть и управленіе государствомъ.

Если разсматривать подраздѣленіе этихъ классовъ, то видно, что продолжается тотъ-же недостатокъ точности и порядка. Чтобы убѣдиться въ недостаткѣ точности, достаточно будетъ обратить вниманіе на четвертый классъ: «принципы добра и практика зла», который подробно подраздѣленъ: 1) нравственный законъ и религія; 2) офиціальный культъ; 3) диссидентскіе культы; 4) обычай и законъ, помогающіе добру; 5) власти—помощники добра; 6) учрежденія и власти, помогающія злу.—Развѣ подобныя подраздѣленія представляютъ поразительную (sic) точность?» На этотъ, нѣсколько наивный вопросъ де-Турвиля мы отвѣтимъ, что не только никакой «*поразительной*» точности классификаціи Ле-Плэ не представляютъ, но даже, строго говоря, являются вовсе не классификаціями, а рубриками, подъ которыми любознательный туристъ записываетъ свои наблюденія. Тутъ царитъ невообразимый хаосъ: явленія совершенно различныхъ категорій (напр., подраздѣленія Англіи и принципы добра) стоятъ рядомъ, какъ два вида одного и того же рода; затѣмъ, одно и то-же явленіе разбито на нѣсколько независимыхъ группъ: оказывается, что «семейство и его значеніе», «ассоціація и іерархія въ частной жизни» и «отношенія англичанъ и иностранцевъ въ частной жизни» суть явленія, стоящія на такой же степени удаленности другъ отъ друга, какъ и удаленность «принциповъ добра» отъ «сравнительнаго подраздѣленія Англіи»; мало того, всѣ эти пять явленій суть виды одного и того-же рода! Далѣе этого трудно идти въ дѣлѣ смѣшенія понятій.

Повторяемъ, это не научная классификація, а страничка изъ записной книги туриста. Туристъ, пріѣхавши, напр., въ Кельнъ, и желая ознакомиться со всѣмъ достойнымъ вниманія, можетъ соста-

вить, примѣрно, такія рубрики: 1) стратегическое положеніе Кельна; 2) Кельнскій соборъ; 3) О-де-колонъ; 4) отношеніе жителей къ идеѣ «естественныхъ границъ» Франціи; 5) пароходство по Рейну и т. п. И эти рубрики помогутъ нашему туристу быстро ознакомиться съ достопримѣчательностями и особенностями Кельна. Но если-бы нашъ туристъ, вообразивши себя соціологомъ, вздумалъ эти самыя рубрики превратить въ классификацію соціальныхъ явленій, если-бы у него о-де-колонъ и стратегическое положеніе Кельна, патріотизмъ жителей Кельна и глубина фарватера Рейна явились-бы видами одного и того-же рода соціальныхъ явленій, то мы принуждены были-бы сказать, что нашъ любознательный туристъ совершенно лишенъ способности судить о соціальныхъ явленіяхъ.

Мы закончимъ свою характеристику научной дѣятельности Ле-Плэ тѣми самыми словами, которыми начали ее; мы скажемъ: это былъ человѣкъ «здраваго смысла». Но теперь читатель уже знаетъ, что значитъ человѣкъ «здраваго смысла» въ наукѣ. Это значитъ человѣкъ, который хочетъ постоянно чувствовать почву подъ своими ногами, но который никогда не бываетъ способенъ отдѣлиться отъ рабской прикрѣпленности къ этой почвѣ. Это значитъ человѣкъ, который хочетъ основывать свои сужденія на опытѣ, но не понимаетъ, что такое опытъ; воображеніе котораго настолько слабо, что онъ не можетъ представить себѣ иной жизни, иныхъ явленій, кромѣ тѣхъ, которыя ему пришлось наблюдать лично. Мало того, лишенный способности къ отвлеченному мышленію, подобный человѣкъ не можетъ отличить частнаго и временнаго отъ общаго и вѣчнаго. Въ концѣ концовъ, такой человѣкъ, не отличая дѣйствительнаго воспріятія отъ примѣшаннаго къ нему безсознательнаго вывода, не умѣя опредѣлить для каждаго явленія его мѣсто въ общей цѣпи явленій, приходитъ къ выводамъ, совершенно лишеннымъ фактической основы, все еще продолжая наивно вѣрить, будто его бредни — сама дѣйствительность.

Таковъ былъ Ле-Плэ. Онъ былъ рожденъ полезнымъ и честнымъ чернорабочимъ, но, къ сожалѣнію, захотѣлъ играть роль мастера.

Теперь два слова о книгахъ де-Турвиля и Демолэнса.

Эти двѣ книги являются настоящими выразительницами обѣихъ сторонъ дѣятельности Ле-Плэ, прекрасно иллюстрируютъ его теоретическое безсиліе и его практическую разсудительность.

Анри де-Турвиль играетъ роль теоретика школы Ле-Плэ, и его брошюра: «Соціальная наука представляетъ ли науку» лишена всякаго научнаго значенія. Эту брошюру можно раздѣлить на двѣ части. Первыя 40 страницъ посвящены почти исключительно повторенію своими словами ученія Ле-Плэ, восторженнымъ отзывамъ объ этомъ ученіи, затѣмъ бѣглымъ и поверхностнымъ замѣткамъ по нѣкоторымъ вспомогательнымъ вопросамъ, вродѣ вопроса о свободѣ воли. Въ послѣднихъ 22 страницахъ, посвященныхъ вопросу о классификаціи соціальныхъ явленій, де-Турвиль становится болѣе само-

стоятельнымъ. Мы уже видѣли, что онъ отвергаетъ классификацію Ле-Плэ, какъ несостоятельную. Посмотримъ же, насколько состоятельна его собственная классификація. Вотъ она:

I) мѣсто; II) работа; III) собственность; IV) движимое имущество; V) заработная плата; VI) сбереженія; VII) рабочее семейство; VIII) способъ существованія; IX) фазы существованія; X) покровительство; XI) торговля; XII) умственная культура; XIII) религія; XIV) сосѣдство; XV) корпорація; XVI) община; XVII) общинные союзы; XVIII) городъ; XIX) составныя части провинціи; XX) провинція; XXI) государство; XXII) распространеніе расы; XXIII) чужіе края; XXIV) исторія расы; XXV) рангъ расы.

Вотъ, по мнѣнію де-Турвиля, «двадцать пять большихъ классовъ соціальныхъ явленій, составляющихъ весь строй человѣческаго общества» (стр. 49).

Читателю достаточно вспомнить наши замѣчанія на классификацію Ле-Плэ, чтобы увидѣть, что классификація де-Турвиля страдаетъ совершенно тѣми же недостатками. Здѣсь то же самое раздѣленіе однородныхъ элементовъ (напр. «составныя части провинціи» и «провинція», какъ два самостоятельныхъ вида); то же самое соединеніе разнородныхъ элементовъ (напр., «движимое имущество» и «религія», какъ два вида одного и того же рода), то же самое полное непониманіе іерархіи явленій.

По классификаціи де-Турвиля движимая собственность такъ же относится къ религіи, какъ составныя части провинціи къ провинціи, ибо всѣ эти четыре рубрики суть «большіе классы соціальныхъ явленій», т. е. суть равноправные виды одного и того же рода. Но если вы захотите узнать, каково въ данномъ обществѣ положеніе, напр., монархіи или аристократіи, или какъ велика гражданская свобода, въ чемъ заключается ея гарантія и т. п., и т. д., то вы тщетно будете искать соотвѣтствующей рубрики въ классификаціи де-Турвиля, если, конечно, вы не остановитесь на рубрикѣ «государство», рубрикѣ, которая по своему всеобъемлющему смыслу можетъ включить въ себя какъ всѣ остальныя двадцать четыре рубрики де-Турвиля, такъ и другія не предусмотрѣнныя имъ рубрики.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ книжка Демолэнса. Это—горячій протестъ противъ рутинныхъ пріемовъ воспитанія дѣтей въ современной Франціи, противъ ея бюрократическихъ традицій и восхваленіе англо-американскаго пріема воспитанія и англо-американскаго строя общества. Намъ, русскимъ, подобная книга особенно полезна, потому что вся бѣда современной Франціи: отсутствіе инициативы, непривычка надѣяться на собственныя силы и т. п.—все это присуще нашему обществу еще въ большей степени, чѣмъ обществу французскому.

«Великій пріемъ, говоритъ авторъ, употребляемый нами, французскими родителями, для устройства нашихъ дѣтей, заключается

въ скопленіи для нихъ приданнаго посредствомъ экономіи; потомъ, въ выдачѣ ихъ замужъ за молодого человѣка или въ женитьбѣ ихъ на молодой дѣвушкѣ, находящимися въ аналогичномъ имущественномъ положеніи; наконецъ, въ опредѣленіи ихъ на службу, если возможно, въ одно изъ административныхъ учрежденій» (стр. 1—2). «Отъ салона до лавки, отъ лавки до фермы, та же самая идея— быть чиновникомъ — заставляетъ бредить мозги» (стр. 6). «Наше французское образованіе, превосходное для приготовленія чиновниковъ, является почти нулемъ для приготовленія людей независимыхъ, людей инициативы, способныхъ смѣло бороться съ трудностями жизни. Они только способны занимать подчиненныя административныя должности, на которыхъ безъ всякаго усилія можно получать въ концѣ каждаго мѣсяца опредѣленное жалованье. Занимая такія положенія, человѣкъ заранѣе знаетъ всю свою жизнь: въ такомъ-то возрастѣ онъ будетъ помощникомъ столоначальника; въ такомъ-то столоначальникомъ...» (стр. 7—8). Таковы рутинные пріемы воспитанія. Но существуютъ народы, говоритъ Демолэнсъ, которые отрѣшились отъ этихъ пріемовъ, которые воспитываютъ дѣтей способомъ «позволяющимъ послѣднимъ (дѣтямъ) дѣйствовать самимъ и внѣ всякой рамки родства, друзей, отношеній, администраціи и т. д.» (стр. 17). Эти народы «наводняютъ теперь міръ, разрабатываютъ его, колонизуютъ, оттѣсняютъ вездѣ защитниковъ стараго соціальнаго строя и совершаютъ эти чудеса единственно дѣйствіемъ частной инициативы, единственно побѣдоносной силой человѣка, предоставленнаго самому себѣ» (стр. 17).

«Что же дѣлаютъ эти народы со своими дѣтьми?» спрашиваетъ авторъ (стр. 21), и отвѣчаетъ: «А вотъ, что они дѣлаютъ:

«*1-й пріемъ*. Прежде всего, у этихъ народовъ родители не считаютъ, что ихъ дѣти принадлежатъ имъ, что они являются какъ бы ихъ вещью, простымъ продолженіемъ ихъ личности» (стр. 21).

«*2-й пріемъ*. Затѣмъ, у этихъ народовъ, родители обращаются со своими дѣтьми, сначала и всегда, какъ со взрослыми, какъ съ отдѣльными личностями» (стр. 22).

«*3-й пріемъ*. Кромѣ того, у этихъ народовъ, родители имѣютъ въ виду, давая воспитаніе дѣтямъ, будущія, новыя жизненныя нужды, а не условія прошлаго, условія предшествовавшаго поколѣнія» (стр. 23).

«*4-й пріемъ*. У этихъ народовъ, продолжаю я, родители не только болѣе всего заботятся о здоровьѣ дѣтей... но они въ высшей степени заботятся о силѣ, о совершенномъ развитіи тѣла, а также о сколь возможно полномъ развитіи физической энергіи» (стр. 21—4).

«*5-й пріемъ*. Это не все. У этихъ народовъ родители пріучаютъ своихъ дѣтей съ ранняго возраста къ практикѣ матеріальной жизни» (стр. 27).

«*6-й пріемъ*. Я продолжаю. У этихъ народовъ родители учатъ обыкновенно дѣтей какому нибудь ремеслу. Въ самомъ дѣлѣ, англо-

саксы не имѣютъ къ ручному труду того гордаго презрѣнія, какое мы исповѣдуемъ у насъ... Они не думаютъ, что существуютъ занятія благородныя и неблагородныя, а только полагаютъ, съ большою справедливостью, что есть люди способные и неспособные, работники и лѣнтяи» (стр. 29).

«*7-й пріемъ*. Замѣтимъ другую черту: англо-саксонскіе родители обгоняютъ своихъ дѣтей въ знаніи всѣхъ полезныхъ новостей» (стр. 30—1).

«*8-й пріемъ*. Что еще дѣлаютъ англо-саксонскіе родители? Они пользуются формально очень мало своимъ авторитетомъ по отношенію къ дѣтямъ» (стр. 32).

«*9-й пріемъ*. Но вотъ пріемъ самый рѣшительный, самый фундаментальный, и который я приберегъ къ концу: дѣти знаютъ, что родители не берутъ на себя обязанности устроить ихъ положеніе» (стр. 33).

Таково содержаніе книги Демолэнса. Читатель видитъ, что это призывъ къ энергіи, къ работѣ, къ самодѣятельности; указаніе на великую роль личной иниціативы.

П. Мокіевскій.

На волостныхъ судахъ.

Мнѣ давно хотѣлось непосредственно познакомиться съ постановкой народнаго суда въ мѣстностяхъ, въ которыхъ волостной судъ реформированъ по закону 12 іюля 1889 года. Я былъ близко знакомъ съ результатами его дѣятельности, по его рѣшеніямъ, но считалъ такое знакомство недостаточнымъ для составленія правильнаго и всесторонняго сужденія о степени пригодности современной формы народной юстиціи, о достоинствахъ и недостаткахъ ея.

Поэтому я съ удовольствіемъ воспользовался представившимся случаемъ посѣтить волостные суды и присутствовать при разборѣ ими судебныхъ дѣлъ.

Первый посѣщенный мною волостной судъ былъ пригородной волости и отстоялъ отъ города на разстояніи семи верстъ. Въ воскресный день (засѣданія волостного суда происходятъ по преимуществу по воскреснымъ и вообще праздничнымъ днямъ) мы подъѣхали къ волостному правленію села С., въ которомъ долженъ былъ засѣдать судъ. Обѣдня еще не кончилась, и судъ еще не собирался.

Пользуясь этимъ временемъ, я ознакомился съ книгами рѣшеній. Меня интересовало сравненіе состоянія суда до 1889 года и послѣ. Оказалось, очень много сходнаго. Книги на записку рѣшеній велись такъ-же прежде, какъ онѣ ведутся теперь.

Грамотныхъ судей было почти столько-же. Въ 1880 году изъ четырехъ судей было двое грамотныхъ и двое неграмотныхъ. Въ 1894 году изъ четырехъ судей абсолютно неграмотныхъ былъ только одинъ. Изъ троихъ судей, числившихся грамотными, предсѣдатель былъ грамотенъ только номинально. «Грамотность» его выражалась въ томъ, что онъ могъ подписать свою фамилію печатными церковно-славянскими буквами. Читать онъ не умѣлъ.

Рѣшенія предъидущаго засѣданія волостного суда, бывшаго за недѣлю передъ тѣмъ, были вписаны въ книгу, но никѣмъ изъ судей не подписаны. Объяснилось это тѣмъ, что рѣшенія не впи-

сываются прямо въ книгу, а записываются сначала писаремъ «на черно», вкратцѣ, «для памяти», и затѣмъ уже послѣ засѣданія «обработываются» и вписываются въ книгу. Такимъ образомъ судьи подписываютъ впервые свои рѣшенія недѣли черезъ двѣ-три послѣ ихъ постановленія.

Разумѣется, они не могутъ все это время помнить съ достаточной отчетливостью сущность рѣшенія, мотивы и обстоятельства дѣла. Подписываютъ въ большинствѣ случаевъ не читая. Отсюда—широкій просторъ злоупотребленіямъ писаря.

Послѣ обѣдни въ 11 часовъ утра явились судьи. Комната засѣданій волостного суда таже, что и для присутствія волостного правленія. Довольно просторная, она дѣлилась на двѣ части перегородкой, за которой стоялъ судейскій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ.

Предсѣдатель суда, видимо усвоившій себѣ внѣшніе пріемы, требуемые его положеніемъ, распорядился, чтобы впустили тяжущихся.

Первымъ было пущено дѣло по иску крестьянина Д. къ крестьянину Б. объ убыткахъ за потраву ржаного поля. Явился истецъ и свидѣтели, которыхъ послѣ переклички немедленно выпроводили за дверь. Отвѣтчикъ не явился.

Дѣло началось прочтеніемъ писаремъ письменнаго прошенія истца, въ которомъ заключалось требованіе о взысканіи убытковъ «сколько судъ положитъ». Искъ оцѣненъ не былъ.

Изъ разсказовъ истца на судѣ выяснилось, что крестьянинъ Б. ѣхалъ по межнику полей землевладѣльца и, увидѣвъ сторожа, погнавшагося за нимъ, испугался и поѣхалъ черезъ ржаное поле истца, переѣхавъ его во всю длину. Свидѣтель сторожъ удостовѣрилъ эти факты.

— Чего ты хочешь?—спрашиваетъ предсѣдатель истца.

— Да что судъ положитъ,—угрюмо и тупо отвѣчаетъ истецъ.

— Да все—таки, братецъ, надо опредѣлить. Ну, сколько тебѣ убытку причинилось отъ того?

— Да развѣ можно опредѣлить? Сдѣлайте божескую милость, не обидьте.

— Экій ты какой!

Видя, что дальнѣйшіе разспросы ни къ чему не поведутъ, предсѣдатель сталъ вслухъ въ присутствіи истца совѣщаться съ судьями, выпроводивъ предварительно спрошеннаго свидѣтеля за дверь.

— Сколько же ему присудить?—спрашиваетъ онъ, обращаясь къ старику-судьѣ, сидящему вправо отъ него и довольно безучастно относившемуся до сихъ поръ къ происходившему.

Судья, видимо польщенный такимъ обращеніемъ и почуствовавшій себя сразу въ своей сферѣ при разрѣшеніи такого близко ему знакомаго вопроса—размѣра убытковъ—оживился.

— Да когда потрава-то—была?—обратился онъ къ истцу,—Овесъ-то зеленъ былъ?

— Зеленъ еще.

— Ну, такъ. Въ этомъ полѣ никакъ сажень 60 длины будетъ?

— Нѣтъ и всѣ 100 будутъ,—отвѣчаетъ другой судья.—Я это мѣсто хорошо знаю.

— Ну, пусть 100. Да нѣтъ 100 не будетъ, 80 развѣ, значитъ восемь десятисаженниковъ. Въ десяти саженяхъ должно съ полпуда помнетъ?

— Какъ не помять, помнетъ,—отвѣчаетъ предсѣдатель.

Судьи замѣтно оживляются. Они себя чувствуютъ гораздо самоувѣреннѣе въ роли экспертовъ по сельскохозяйственному вопросу, чѣмъ въ роли судей.

— Такъ и положимъ,—рѣшаетъ предсѣдатель,—восемь полпудовъ. Полпуда—копѣекъ 30 надо положить.

— Много будетъ,—говоритъ нерѣшительно судья справа.

— Ну, ничего. Наука другой разъ. Зачѣмъ самоуправствовалъ, пусть помнитъ.

—И то вѣрно,—соглашается судья.—Да надо бы и поучить его,—видимо увлеченный внезапной ассоціаціей мысли, замѣчаетъ онъ.

— Что-же это, въ самомъ дѣлѣ, какъ всѣ по межникамъ ѣздить станутъ, а то и по полямъ. Вѣдь разъ поймаешь, а сколько разъ—не увидишь.

— Надо бы поучить,—степенно выговариваетъ третій судья слѣва.

— Ну что-жъ. Можно... за самоуправство,—рѣшаетъ предсѣдатель.—Только вѣдь онъ не проситъ,—продолжаетъ онъ, указывая на молча стоящаго истца.

— Что-же что не проситъ, а мы поучимъ. Ты хочешь, чтобы его наказали?—спрашиваетъ одинъ изъ судей, обращаясь къ истцу.

— Да какъ-же не хотѣть? Надо бы наказать,—отвѣчаетъ потерпѣвшій.

— Что за это полагается?—важно спрашиваетъ предсѣдатель, обращаясь къ писарю. Но сейчасъ же понизивъ тонъ нерѣшительно прибавляетъ:—Наказать-то вѣдь можно?

Писарь открываетъ уставъ о наказаніяхъ и торжественно читаетъ 147 статью:

«За проѣздъ черезъ чужіе луга или поля до уборки хлѣба виновные подвергаются...».

Дальше ему не дали дочитать.

— Ну, довольно, можно, такъ можно. Что жъ дней семь на высидку будетъ?—спрашиваетъ предсѣдатель.

Судьи согласились. Писарь излагаетъ резолюцію: «взыскать съ Б. въ пользу Д. убытковъ 2 р. 40 к. и *за самоуправство* подвергнуть аресту на семь сутокъ».

Въ этомъ рѣшеніи съ замѣчательной рельефностью отразились

всѣ типичныя черты судебнаго рѣшенія волостного суда. Очевидно, рѣшеніе было добросовѣстно. Судьи *хотѣли* рѣшить какъ можно лучше. Но отсутствіе элементарныхъ понятій по вопросамъ права и судопроизводства, недостатокъ критическаго отношенія къ фактамъ создали рѣшеніе совершенно неправильное, произвольное. Къ гражданскому дѣлу примѣшано уголовное наказаніе. Оно явилось неожиданностью для обвиняемаго, которому обвиненіе предъявлено не было, и который, слѣдовательно, былъ лишенъ возможности оправдаться. Примѣнено наказаніе, несогласное съ закономъ. По 147 ст. Уст. о Нак. высшимъ наказаніемъ полагается штрафъ въ 10 руб. Арестъ самостоятельно не можетъ быть наложенъ на обвиняемаго по этой статьѣ. Но писарь не дочелъ до конца статьи, и судьи остались въ невѣдѣніи объ ней. Въ опредѣленіи размѣра взысканія одно изъ главныхъ основаній для этого—время совершенія потравы и длина поля—было выяснены не спросомъ свидѣтеля, а спросомъ истца—лица заинтересованнаго. Его объясненія были приняты на вѣру, безъ всякой критики. Очевидно, судьи, получая эти свѣдѣнія, вовсе и не задавались вопросомъ о томъ, изъ какого источника они ихъ получаютъ. Подобное же отношеніе мы встрѣтимъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣшеній волостного суда.

Второе дѣло было обвиненіе одной женщины въ нанесеніи побоевъ малолѣтнему внуку жалобщика.

Возникъ вопросъ, имѣетъ-ли право бабушка жаловаться, когда есть отецъ. Писарь громко пояснилъ суду, что если бабушка завѣдуетъ воспитаніемъ внука, а отецъ его живетъ на сторонѣ (какъ было въ настоящемъ случаѣ), то можно допустить жалобщицей бабушку. Вопросъ этимъ разрѣшился. Но тутъ же возникъ другой. Жалобщица въ прошеніи просила вызвать одного свидѣтеля, который и явился по вызову, но обвинительница привела еще другого свидѣтеля безъ вызова.

На вопросъ предсѣдателя, зачѣмъ она не указала въ прошеніи на этого свидѣтеля и не просила его вызвать, обвинительница очень обстоятельно отвѣчала, что сдѣлала это потому, что второй свидѣтель собирался уѣхать на сторону и просилъ его не записывать, а теперь онъ не уѣхалъ и согласенъ свидѣтельствовать по дѣлу. Предсѣдатель такъ часто обращался къ писарю за совѣтомъ, что здѣсь уже не рѣшился этого дѣлать, и отсутствіе совѣта сейчасъ же сказалось на дѣлѣ.—Мы его не вызывали, такъ не будемъ и спрашивать,—рѣшилъ предсѣдатель.

Обращала на себя вниманіе при разборѣ дѣла любовь судей разговаривать со стороной, произносить свои сентенціи, вслухъ совѣщаться.

Эта тенденція суда особенно рельефно выяснилась въ третьемъ дѣлѣ—искѣ о надѣлѣ.

Крестьянка С. просила волостной судъ присудить ей въ пользо-

ваніе землю, которую ея мужъ отдалъ въ аренду отвѣтчику. Отвѣтчикъ возразилъ, что отдать землю не желаетъ, такъ какъ уплатилъ за нее деньги и снялъ по роспискѣ, засвидѣтельствованной въ волостномъ правленіи. Приэтомъ онъ указалъ, что уже мужъ истицы судился съ нимъ и судъ отказалъ ему въ этомъ домогательствѣ. Услышавъ это, предсѣдатель начинаетъ усовѣщивать истицу:

— Какъ тебѣ не стыдно подавать искъ. Вѣдь мужъ твой съ тобой живетъ—такъ онъ и хозяинъ.

— Хозяинъ! Какой хозяинъ, коли все пропиваетъ.

— Такъ ты на это и жалуйся, что пьетъ, мотаетъ хозяйство. Мы поучимъ. А не то, если совсѣмъ пропащій человѣкъ — проси общество его отмѣнить отъ хозяйства, поставить тебя хозяйкой, али сына старшаго. А то теперь какъ же! Пока онъ хозяинъ, онъ можетъ распоряжаться землей. За что мы Тимофея (отвѣтчикъ по иску) обидимъ. Вѣдь онъ денежки далъ за землю.

— Какъ же не денежки,—вмѣшивается обрадованный отвѣтчикъ,—у меня также деньги не бѣшеныя. Вѣдь я въ аренду взялъ одну душу, а у нихъ (показываетъ на истицу) осталось еще три души. Они богаче меня. У меня всего-то одна своя душа, да вотъ арендованная одна. А вѣдь пять малыхъ дѣтокъ. Надо кормиться. Вѣдь я не мошенствомъ взялъ. Въ волости записку писали, въ волости и деньги платилъ. Деньги прямо въ подати за Петра и пошли.

— Въ подати, говоришь, взяли?—восклицаетъ предсѣдатель.— Ну, вотъ видишь,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ истицѣ, видимо уже сконфузившейся такимъ оборотомъ дѣла,—а ты говоришь, что деньги пропилъ. Значитъ, не пропилъ. Деньги-то въ подати пошли.

— Въ подати 10 рублей взяли, а четыре-то пропилъ.

— Опять, если пропилъ зря,—вмѣшивается одинъ изъ судей,— жалуйся, что мотаетъ хозяйство. Мы его накажемъ. А отбирать землю—нельзя.

— Конечно нельзя,—замѣчаетъ другой судья.—Это что-же будетъ. Мужъ будетъ землю отдавать, деньги брать, а потомъ подсылать жену, чтобы она судомъ ту землю отбирала отъ съемщика.

— И вправду,—замѣчаетъ предсѣдатель.—Это если мужъ умеръ бы, тогда теперь разрѣшается женѣ просить возвратить сданную въ аренду землю. Такъ теперь начальствомъ заведено *). А при живомъ мужѣ нельзя.

— Да коли онъ тайкомъ продаетъ и деньги мотаетъ,—защищается истица.—Мнѣ съ дѣтишками чѣмъ кормиться?

— А ты сходу жалуйся. Онъ поставитъ тебя хозяйкой, если

*) Намекъ на практику, установленную уѣзднымъ съѣздомъ и губернскимъ присутствіемъ.

вѣрно говоришь. Сходу виднѣй. А мы почемъ знаемъ... Можетъ, ты неправду говоришь. Вѣдь вотъ у васъ въ Мостовой слободѣ былъ такой случай съ Гордѣемъ. Его за пьянство сходъ отставилъ отъ хозяйства и передалъ сыну. Такъ и съ твоимъ мужемъ сдѣлаютъ.

И еще долго на ту же тему, съ повтореніемъ тѣхъ же выраженій усовѣщивали судьи бойкую истицу. Писарь въ это время писалъ резолюцію объ отказѣ въ искѣ.

Мнѣ потомъ пришлось видѣть это рѣшеніе, уже изложенное въ книгѣ. Оказались мотивы совсѣмъ другіе. Судъ отказывалъ въ искѣ, очевидно, находя, что истица не имѣетъ права на искъ, а писарь выставилъ мотивомъ отказа совсѣмъ другое, постороннее обстоятельство, въ судѣ не провѣренное и, какъ по справкѣ оказалось, невѣрное. Онъ написалъ, что отказано въ искѣ, вслѣдствіе того, что искъ уже былъ раньше разрѣшенъ судомъ по претензіи мужа истицы объ уничтоженіи сдѣлки. Оказалось, что мужъ истицы раньше искалъ совсѣмъ другое, и никакой связи между тѣмъ дѣломъ и настоящимъ не было.

Рѣшеніе, вполнѣ правильное по существу, было отмѣнено съѣздомъ, вслѣдствіе неправильной мотивировки.

Настойчивыя разъясненія предсѣдателя суда о томъ, что общество можетъ «смѣстить» домохозяина и назначить таковымъ младшаго члена семьи заинтересовало меня. По закону такого права обществу не предоставлено *). Но «обычай» узаконилъ вмѣшательство общества въ случаяхъ мотовства, пьянства, слабоумія отъ старости домохозяина. Общество «отставляетъ» домохозяина и назначаетъ «править» хозяйствомъ жену его или старшаго изъ не отдѣленныхъ сыновей. Конечно, такое вмѣшательство схода, всегда очень ревниво оберегающаго традиціонную власть главы семьи и поэтому ограничивающаго эту власть только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ—оказываетъ благотворное вліяніе въ смыслѣ предупрежденія отъ окончательнаго раззоренія имущества такой несчастной семьи, глава который поддался искушающему вліянію Бахуса. Такая власть гораздо благотворнѣе карательной власти волостного суда, имѣющаго право наказать такого домохозяина «за мотовство и пьянство», или, какъ крестьяне выражаются, «за слабую жизнь». Благотворнѣе настолько, насколько всякая предупредительная мѣра полезнѣе карательной. Смѣщенному домохозяину прямо преграждается путь къ дальнѣйшему мотовству. Онъ, послѣ своего «смѣщенія», фактически не можетъ уже распоряжаться хозяйствомъ.

Къ счастію, большинство «смѣщенныхъ» не жалуется и добро-

---

*) Мы не говоримъ о случаяхъ неплатежа податей. Въ такихъ случаяхъ общество можетъ назначить старшимъ другого члена семьи. (188 ст. об. пол. о вр.).

вольно подчиняется этой мѣрѣ. Но если бы они пожелали жаловаться, они были бы торжественно возстановлены въ своихъ правахъ. Какъ ни странно, но общество, имѣющее право ссылать своихъ членовъ въ Сибирь, обязанное отвѣчать круговой порукой за неплатежъ податей своими членами, имѣющее право отнимать надѣлы отъ неплательщиковъ, лишено естественнаго права, предоставленнаго обществамъ другихъ сословій—предупреждать расточительство.

Въ сущности приводимый нами обычай смѣщенія домохозяина есть своего рода опека за расточительство. Но наши законы не даютъ указаній на порядокъ назначенія опеки за расточительство у крестьянъ, и Сенатъ въ одномъ очень обстоятельномъ рѣшеніи (общ. собранія 1, 2 и кассац. департаментовъ 1887 г. № 28) разъяснилъ, что крестьяне за расточительство опекѣ не подлежатъ и въ частности сельскія общества такой опеки установлять не въ правѣ.

Въ одномъ обществѣ домохозяинъ, отставленный сходомъ отъ домохозяйства за мотовство, взялъ да и отдалъ въ пьяномъ видѣ въ аренду свои надѣлы, оставивъ многочисленную семью свою съ «новымъ» домохозяиномъ, поставленнымъ сходомъ, совершенно безъ средствъ къ жизни. Новый домохозяинъ—старшій сынъ смѣщеннаго—просилъ судъ признать арендное условіе недѣйствительнымъ, такъ какъ во время заключенія его сдававшій надѣлы не былъ уже домохозяиномъ и не имѣлъ права распоряжаться имуществомъ. Какъ ни справедлива была эта просьба съ этической и бытовой точки зрѣнія, какъ она ни совпадала съ обычнымъ строемъ крестьянской общинно-семейной жизни, а съѣзду пришлось отказать въ ней. Смѣщенный домохозяинъ юридически оставался домохозяиномъ и могъ распоряжаться своимъ семейнымъ имуществомъ. Вотъ какими противорѣчіями между обычіемъ и закономъ полна жизнь крестьянства!

Черезъ нѣкоторое время намъ пришлось быть въ другомъ волостномъ судѣ, въ самой глуши уѣзда.

Здѣсь реформа 1889 года нѣсколько улучшила составъ суда и внѣшнія формы его дѣятельности.

До 1889 года всѣ четыре волостныхъ судьи были абсолютно неграмотны. Они не могли даже подписать своихъ фамилій, и рѣшенія въ книгахъ никѣмъ не подписаны. Вмѣсто подписей, красуются четыре черныхъ клякса, долженствующіе означать должностныя печати судей.

Съ 1889 года изъ четырехъ судей неграмотный только одинъ.

Судъ происходилъ также въ воскресенье. Было назначено пятнадцать дѣлъ, но слушалось всего пять. По остальнымъ стороны не явились, и дѣла были частью отложены, частью прекращены.

Изъ гражданскихъ дѣлъ большинство—споры изъ за надѣла.

Вообще надо замѣтить, что эти споры изъ-за надѣловъ со-

ставляютъ болѣе 80% всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ волостныхъ судахъ. И если мы примемъ во вниманіе, что споры эти являются результатомъ недостатка закона, не желающаго регулировать самыя обыденныя крестьянскія отношенія и поэтому не дающаго никакого руководящаго начала для внѣсудебнаго разрѣшенія спора, то мы будемъ имѣть право сдѣлать заключеніе, что если бы такой пробѣлъ закона былъ выполненъ, число дѣлъ въ волостныхъ судахъ сократилось бы болѣе чѣмъ на-половину. Крестьяне не любятъ судиться и обращаются къ суду только въ крайнихъ случаяхъ.

Вдова проситъ присудить ей мужній надѣлъ, которымъ завладѣли сыновья ея Степанъ и Василій. На судѣ выяснилось, что жена послѣднее время съ мужемъ не жила. Одинъ изъ отвѣтчиковъ Степанъ Емельяновъ представилъ удостовѣреніе мѣстнаго священника, что мужъ просительницы передъ смертью словесно завѣщалъ надѣлъ свой Степану, своему старшему сыну. Судъ отказалъ въ искѣ, причемъ изъ разговоровъ судей со сторонами и другъ съ другомъ видно было, что отказъ послѣдовалъ вслѣдствіе непризнанія судомъ наслѣдственныхъ правъ на надѣлъ за вдовой, при наличности взрослыхъ, совершеннолѣтнихъ, дѣтей — настоящихъ наслѣдниковъ. На удостовѣреніе судъ видимо не обратилъ вниманія.

Писарь, однако, вздумалъ написать совсѣмъ другіе мотивы, сославшись на удостовѣреніе священника, будто бы доказывающее волю покойнаго передать надѣлъ сыну Степану.

Опять рѣшеніе, которое навѣрное должно быть отмѣнено. Словесное завѣщаніе, удостовѣренное внѣсудебнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, не можетъ служить доказательствомъ правъ Степана на надѣлъ. Такимъ образомъ вѣрное, справедливое и законное рѣшеніе суда будетъ отмѣнено—вслѣдствіе излишняго усердія не по разуму волостного писаря. Новый волостной судъ, получивъ отмѣненное рѣшеніе, навѣрное, постарается рѣшить дѣло иначе, чѣмъ рѣшилъ первый судъ, потому что въ фактѣ отмѣны рѣшенія увидитъ неодобреніе къ резолютивной части рѣшенія и побоится «перечить» начальству. Явится завѣдомо неправильное рѣшеніе, какъ результатъ совмѣстной работы несовмѣстныхъ учрежденій—неграмотнаго волостного суда и контролирующей инстанціи юристовъ, оперирующихъ надъ мертвой бумагой—рѣшеніемъ, написаннымъ волостнымъ писаремъ.

Конечно, никто не подумаетъ винить въ такомъ исходѣ писаря. Записать юридически правильно мотивы рѣшенія, выдѣливъ ихъ изъ полунамековъ судей, не способныхъ формулировать этихъ мотивовъ, — вещь очень трудная, а для человѣка съ образованіемъ сельскаго или городского училища совершенно непосильная.

Другое дѣло, которое длилось долго, утомило судей и, хотя было рѣшено, но всетаки осталось недостаточно разъясненнымъ,

очень типично. Крестьянинъ Ильинскій проситъ отобрать отъ односельца его Романова одну десятину паровой земли. На судѣ истецъ объяснилъ, что въ прошломъ году у нихъ былъ общественный передѣлъ земли, онъ былъ въ одномъ «жеребьи» съ Романовымъ. Между тѣмъ Романовъ запахалъ и засѣялъ самовольно одну десятину въ четвертой «шапкѣ», почему онъ и проситъ отобрать эту десятину отъ Романова и возвратить ему.

Отвѣтчикъ возразилъ, что десятина, которую домогается истецъ, въ счетъ жеребья не шла, а взята имъ у общества за 3 руб., какъ лишки. Два свидѣтеля, спрошенные по дѣлу, разнорѣчили, пускаясь каждый въ такія подробности, связанныя съ бывшимъ передѣломъ, которыя приводили въ полное отчаяніе моего спутника. На лицѣ его было написано абсолютное непониманіе всего происходившаго. Дѣйствительно, человѣку спеціально не изучившему техники крестьянскихъ передѣловъ, очень трудно оріентироваться въ выраженіяхъ «жеребья», «поле», «шапка», которыя употребляются крестьянами какъ термины, всѣмъ извѣстные и понятные. Обыкновенно интеллигентные жители деревни очень свысока смотрятъ на горожанъ, когда рѣчь заходитъ о крестьянскихъ порядкахъ. Они любятъ давать чувствовать городскому собесѣднику, что его свѣдѣнія кабинетныя, несовершенныя и что только имъ, людямъ, наблюдавшимъ крестьянскую жизнь на практикѣ, извѣстны и понятны истинныя нужды деревни. Изъ продолжительныхъ наблюденій нашихъ мы вынесли, однако, то убѣжденіе, что большинство нашихъ помѣщиковъ такъ мало дѣйствительно интересуется жизнью крестьянъ, что они ухитряются изживать всю жизнь бокъ-о-бокъ съ крестьянами и совершенно не знать ихъ жизни. Многіе изъ земскихъ начальниковъ, вербуемыхъ изъ мѣстной помѣщичьей среды, обнаруживали такое-же абсолютное непониманіе терминовъ крестьянскаго передѣла, какъ и горожане. И только спеціальное изученіе, которому много помогаютъ изслѣдованія нашей литературы, даетъ средства оріентироваться въ сложныхъ и запутанныхъ подробностяхъ крестьянскаго землепользованія. Дѣло, о которомъ мы начали нашъ разсказъ, было, однако, настолько запутано, что и мѣстные жители, волостные судьи чувствовали свою безпомощность. Безпомощность эта обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что для полнаго выясненія дѣла нужно было возстановить всѣ подробности очень сложнаго процесса передѣла, происходившаго словесно и не оставившаго никакихъ слѣдовъ послѣ себя. Поэтому очень скоро судьи увидѣли, что разобраться въ дѣлѣ, при наличности только двухъ свидѣтелей, невозможно.

Они уже допросили свидѣтелей, выпроводили за дверь тяжущихся и публику и, притворивъ двери, стали совѣщаться, когда замѣтили, что ими не усвоена фактическая часть спора.

— Позови Василія Варфоломѣева,—обратился предсѣдатель къ

стоявшему у закрытыхъ дверей «присутствія» дежурному десятскому.

Варфоломѣевъ былъ одинъ изъ свидѣтелей, видимо лучше другого помнившій подробности прошлаго «событія». Начался новый допросъ свидѣтеля при закрытыхъ дверяхъ присутствія, безъ участія сторонъ, тщетно просовывавшихъ свои головы въ двери. Двери немедленно безжалостно затворялись угрюмымъ десятскимъ, какъ только онъ замѣчалъ такое нарушеніе «порядка». А между тѣмъ, этотъ дополнительный допросъ и рѣшилъ дѣло. Допросъ очень скоро обратился въ совѣщаніе судей со свидѣтелемъ.

— Ты говоришь, что десятина въ четвертой шапкѣ?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Въ четвертой.

— А земля хороша?

— Земля лучше первой шапки.

— Такъ, по твоему, какъ же: землю эту Романовъ долженъ былъ подѣлить съ Прокофіемъ, а не пользоваться одинъ?

— Безпремѣнно подѣлить,—отвѣчаетъ свидѣтель.

— А не подѣлилъ, сколько же онъ лишнихъ получилъ за часть Прокофія?

Свидѣтель, вступившій въ роль эксперта и даже судьи, сталъ разсчитывать и высчиталъ, что Прокофій Ильинскій могъ бы получить за яровой посѣвъ на причитающейся ему части десятины 2 руб. Такимъ образомъ собственно судьей явился свидѣтель одной изъ сторонъ и притомъ допрошенный «келейно».

Согласно его мнѣнію судъ рѣшилъ взыскать за самовольно вспаханную часть ярового поля съ отвѣтчика въ пользу истца 2 р. и обязать ихъ, по снятіи ярового, «землю между собой разметать вновь, пригласивъ для этого сельскаго старосту». Такимъ рѣшеніемъ кончилось дѣло по иску части надѣльной земли. Вмѣсто земли присуждены убытки, которыхъ никто не просилъ, и «стороны», т. е. и истецъ, и отвѣтчикъ получили совершенно для нихъ необязательное «обязательство» подѣлить землю за-ново.

Рѣшеніе было отмѣнено съѣздомъ. Новый волостной судъ постановилъ рѣшеніе совершенно непонятное по своимъ мотивамъ. Но съѣздъ, разбирая вновь дѣло это, спустя полтора года послѣ возникновенія спора, утвердилъ рѣшеніе, не имѣя возможности рѣшить дѣло по существу.

Третье дѣло, слушавшееся въ посѣщенномъ нами судѣ—было требованіе, вытекающее изъ сосѣдскаго права («право участія частнаго» по русской юридической терминологіи). Истецъ заявилъ, что сосѣдъ его приткнулъ навѣсъ сарая къ крышѣ его дома, такъ что вода съ крыши не стекаетъ внизъ, а застаивается въ мѣстѣ соединенія навѣса съ крышей и, просачиваясь черезъ крышу, протекаетъ внутрь избы. Отвѣтчикъ отрицалъ фактъ

застоя дождевой воды и ссылался на то, что сарай его поставленъ давно и никогда жалобъ не возбуждалъ. Свидѣтелемъ былъ выставленъ волостной старшина, такъ какъ спорящіе были изъ волостного села.

Допросъ старшины также перешелъ въ совѣщаніе по дѣлу. Выпроводивъ стороны и свидѣтелей, судьи стали совѣщаться съ старшиной, кто по его мнѣнію правъ, и рѣшили дѣло согласно мнѣнію старшины. Формулировали, однако, рѣшеніе совершенно непонятно, обязавъ отвѣтчика сломать сарай.

— Зачѣмъ же сарай ломать?—взломался отвѣтчикъ.—Ужъ коли я не правъ, такъ велите навѣсъ спустить ниже крыши избы. Сарай вѣдь на моемъ мѣстѣ стоитъ.

— Сарай вправду на его усадьбѣ,—замѣчаетъ старшина.

— Ну, такъ отцѣпи навѣсъ и спусти его ниже крыши, такъ чтобы не мѣшалъ водѣ стекать,—замѣтилъ предсѣдатель суда, комментируя рѣшеніе въ разрѣзъ съ буквальнымъ выраженіемъ его.

Въ третьемъ изъ посѣщенныхъ мною волостныхъ судовъ реформа 1889 года также увеличила процентъ грамотныхъ судей. Въ 1884 году всѣ волостные судьи были неграмотны, и ограничивались приложеніемъ печатей, которыя иногда отдавались въ распоряженіе писаря, прикладывавшаго ихъ къ изготовляемымъ рѣшеніямъ. Съ 1885 года появляется одинъ грамотный судья, а съ 1889 года число грамотныхъ судей увеличивается до четырехъ изъ пяти. Пятый судья, онъ же и предсѣдатель—совершенно неграмотенъ, хотя очень толковъ и видимо пользуется уваженіемъ.

Мы пріѣхали уже во время засѣданія суда. Около волостного правленія, гдѣ происходилъ судъ, стояла кучка народа, оживленно разговаривавшая.

— Буду жаловаться,—долетѣло до насъ.

— Не хай жалуйся, тебѣ не впервой судиться-то,—запальчиво отвѣтилъ кто-то.

Разбиралось дѣло по обвиненію трехъ молодыхъ парней въ моченіи конопли не въ указанномъ мѣстѣ. Парни оправдывались, что тамъ, гдѣ они мочили коноплю, мочатъ и другіе. Свидѣтели также подтвердили, что въ томъ мѣстѣ коноплю мочили и другіе, и что о запрещеніи мочить коноплю въ этомъ мѣстѣ не слыхали. Но протоколъ былъ составленъ урядникомъ по распоряженію пристава, который, проѣзжая, замѣтилъ мочку конопли и велѣлъ составить актъ, почему волостной судъ не рѣшился оправдать обвиняемыхъ и приговорилъ ихъ «для острастки», какъ заявили судьи, къ аресту на три дня каждаго.

Второе дѣло былъ искъ объ увозѣ 314 сноповъ. Судъ сосредоточилъ все свое вниманіе на разборѣ вопроса о правѣ на увезенные снопы и совсѣмъ забылъ выяснить вопросъ о количествѣ увезеннаго. Поэтому, когда спросомъ свидѣтелей было установлено право истца на снопы, судъ не обинуясь присудилъ всѣ 314 сно-

повъ, основываясь исключительно на заявленіи истца. Отвѣтчикъ по этому дѣлу не явился.

Обратило на себя вниманіе, какъ и въ другихъ дѣлахъ, то обстоятельство, впрочемъ вполнѣ естественное, что предсѣдатель суда передаетъ только общій смыслъ рѣшенія, иногда въ выраженіяхъ очень туманныхъ, и редакція резолюціи лежитъ всецѣло на писарѣ. А извѣстно, что редакціей можно измѣнить легко самый смыслъ рѣшенія.

Слѣдующее дѣло, разбиравшееся на судѣ, обнаружило съ особенною рельефностью слабую сторону крестьянскихъ отношеній, связанныхъ съ надѣльной землей: отсутствіе опредѣленныхъ правилъ, нормирующихъ право на надѣлъ.

Крестьянинъ Андрей Корчагинъ объяснилъ суду, что послѣ смерти отца его Федора, послѣдовавшей въ 1893 году, осталось имущество: домъ, скотъ и 3 душевыхъ надѣла, которыми воспользовался братъ его Александръ Федоровъ. Заявляя свои наслѣдственныя права, разныя съ правами брата его Александра, истецъ просилъ присудить ему половину оставшагося послѣ отца имущества.

Отвѣтчикъ возразилъ, что истецъ былъ отдѣленъ десять лѣтъ тому назадъ отцомъ, причемъ ему былъ данъ надѣлъ, одежда и лошадь, и что отецъ формальнымъ духовнымъ завѣщаніемъ, послѣ смерти его утвержденнымъ окружнымъ судомъ, завѣщалъ все свое имущество ему, отвѣтчику. Было представлено духовное завѣщаніе, подтвердившее возраженіе отвѣтчика.

Истецъ съ своей стороны доказывалъ, что выдѣлъ былъ, но не полный, ему достался одинъ надѣлъ, а у отца оставалось еще три надѣла: самого отца и братьевъ его, раньше умершихъ и не оставившихъ потомства, Николая и Ивана, что отвѣтчикъ завладѣлъ всѣми тремя надѣлами совершенно произвольно. Завѣщаніе не можетъ имѣть значенія, потому что имущество крестьянъ—семейная собственность и отчуждать самовольно путемъ завѣщанія въ ущербъ прямыхъ наслѣдниковъ противорѣчитъ и Положенію о крестьянахъ, и обычаю.

Долго совѣщался судъ по этому дѣлу и, наконецъ, изрекъ резолюцію: находя, что искъ кр. Андрея Корчагина объ отобраніи имущества и земельныхъ надѣловъ не подлежитъ удовлетворенію въ виду того, что все имущество, оставшееся послѣ отца, завѣщано по духовному завѣщанію въ пользу отвѣтчика, раздѣлъ же земельныхъ надѣловъ подлежитъ вѣдѣнію сельскаго схода, а не волостного суда, судъ постановилъ: Андрею Корчагину въ искѣ отказать.

Интересуясь судьбой дѣла, мы узнали потомъ, что это дѣло ходило года два по инстанціямъ, разбиралось въ Съѣздѣ и Губернскомъ Присутствіи и вездѣ претерпѣвало различныя метаморфозы, вслѣдствіе полнаго разнообразія мнѣній, касающихся юридической стороны спора.

И, дѣйствительно, законъ не даетъ никакихъ указаній на то, можно-ли крестьянамъ завѣщать имущество, хотя бы движимое, разъ оно не принадлежитъ домохозяину на правахъ личной собственности? Крестьянское имущество, составляющее принадлежность надѣла, какъ-то скотъ и земледѣльческія орудія, составляютъ собственность всей семьи. Домохозяинъ только распоряжается ею. Если онъ продаетъ что-либо, то дѣйствія его считаются законными, потому что проявляютъ только право распоряженія имуществомъ *въ интересахъ* всей семьи. Если это положеніе вѣрно, то завѣщать такое имущество домохозяинъ права не имѣетъ. Оно должно остаться въ семьѣ и послѣ смерти домохозяина и можетъ перейти въ собственность отдѣльнаго члена этой семьи, только при семейномъ раздѣлѣ. Это соображеніе, если примѣнимо оно по отношенію къ движимости, тѣмъ болѣе относится къ надѣльной землѣ.

Крестьяне не умѣютъ юридически правильно формулировать это положеніе, въ сущности исключающее право домохозяина завѣщать семейное имущество. Но они отлично сознаютъ противорѣчіе между переходомъ такого семейнаго имущества по завѣщанію помимо ближайшихъ членовъ семьи и принципомъ общей семейной собственности, и поэтому въ большинствѣ случаевъ не признаютъ права домохозяина лишать наслѣдниковъ законнаго наслѣдованія. Однако, отсутствіе закона, спеціально созданнаго относительно наслѣдованія крестьянъ, съ одной стороны, и противорѣчіе постановленій гражданскихъ законовъ, обязательныхъ для другихъ гражданъ Имперіи, по которымъ право завѣщанія ничѣмъ не ограничено, съ другой,—создаетъ у самихъ крестянъ шаткость и неувѣренность въ правильности такого непризнанія свободы завѣщанія. Результатомъ является разнообразіе практики волостного суда, въ большинствѣ случаевъ, однако, боящагося не признавать «формальнаго» завѣщанія, утвержденнаго Окружнымъ судомъ, и потому рѣшающаго подобные споры въ разрѣзъ обычному порядку наслѣдованія. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

— И почему это,—обратился ко мнѣ послѣ засѣданія суда предсѣдатель,—намъ не дадутъ указаній, какъ намъ судить такія дѣла? Какъ слѣпые, ходимъ и не знаемъ, можно или нельзя завѣщать? Вотъ еще и о раздѣлѣ. Земскій Начальникъ говоритъ, что мы не можемъ разбирать семейные раздѣлы, что это дѣло схода, а съѣздъ приказываетъ разбирать. Не знаешь, кого и слушать.

Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ видно, споръ касался, между прочимъ, и вопроса о раздѣлѣ надѣловъ.

Волостной судъ, разрѣшивъ по существу споръ о движимости, призналъ требованіе надѣла не подлежащимъ разбору, потому что семейные раздѣлы подлежатъ вѣдѣнію схода. И, дѣйствительно, несмотря на всѣ тонкости сенатскихъ толкованій, вопросъ

о разграниченіи компетенціи схода и суда въ дѣлѣ семейныхъ раздѣловъ, благодаря недомолвкамъ Положенія о крестьянахъ, очень запутанъ и не только въ волостномъ судѣ, но и въ Съѣздѣ всегда возбуждаетъ самые жаркіе споры.

— Семейный раздѣлъ есть дѣло схода только въ смыслѣ разрѣшенія на такой раздѣлъ. А споры по раздѣлу и взаимныя притязанія — дѣло суда: Такъ и Сенатъ рѣшилъ, — говорятъ одни.

— Такъ-то такъ,—возражаютъ другіе.—Но вѣдь сходъ, разрѣшая раздѣлы, долженъ наблюдать, чтобы имущества было достаточно у всѣхъ, раздѣляющихся для веденія самостоятельнаго хозяйства, значитъ исходъ долженъ входить въ обсужденіе вопроса о распредѣленіи надѣловъ. Да и вообще, если даже признать за сходомъ только право разрѣшенія раздѣловъ, какъ-же судъ можетъ предворять это разрѣшеніе и, не дожидаясь его, дѣлить семьи.

— Этого судъ, конечно, дѣлать не вправѣ.

— А если не вправѣ, значитъ судъ, не можетъ разбирать спора о наслѣдствѣ между двумя сыновьями на имущество, оставшееся послѣ ихъ отца.

— Почему это, вѣдь это споръ о наслѣдствѣ, а не о раздѣлѣ?

— Одно съ другимъ связано. Вѣдь при жизни отца имущество все было семейное и если оставшіеся два сына спорятъ о принадлежности каждому изъ нихъ части этого имущества, значитъ, они не хотятъ остаться владѣльцами общаго семейнаго имущества и фактически дѣлятся. Если судъ санкціонируетъ такой раздѣлъ, развѣ это не будетъ вмѣшательство въ дѣло, подлежащее компетенціи схода?

Такіе разговоры слышатся въ съѣздахъ безсчетное число разъ, потому что, какъ мы уже сказали, большинство судебныхъ дѣлъ волостного суда,—споры изъ за надѣловъ, оставшихся послѣ смерти членовъ сельскихъ обществъ, и почти каждое дѣло возбуждаетъ все тотъ-же вопросъ о столкновеніи компетенціи схода и волостного суда и о вмѣшательствѣ суда въ дѣло, подлежащее вѣдѣнію сельской общины.

И всѣ эти разговоры не ведутъ ни къ чему, потому что, при недостаточной ясности закона, правильно разрѣшить этотъ вопросъ нельзя, и судъ, не имѣя возможности отклонить отъ себя споры изъ-за надѣловъ, будетъ въ дѣйствительности всегда вмѣшиваться въ общинные порядки, разрушая ихъ.

Не можетъ же судъ отклонить отъ себя эти споры, потому что онъ призванъ разрѣшать «всѣ споры и тяжбы между крестьянами, какъ о движимомъ имуществѣ, такъ и о надѣлѣ», не можетъ еще потому, что не разрѣшать этихъ споровъ, значитъ, оставлять населеніе въ состояніи постоянной вражды.

Община же мало интересуется судьбой надѣловъ и рѣдко вмѣшивается въ ихъ распредѣленіе въ предѣлахъ семьи, въ особенности при самомъ распространенномъ способѣ разверстанія земли—по ревизскимъ душамъ.

И такихъ фатальныхъ недоразумѣній въ крестьянскихъ правовыхъ порядкахъ нѣсть числа.

А. Леонтьевъ.

Погибшіе и погибающіе.

Отбросы Россіи на сибирской почвѣ.

(Посвящаю своей дорогой матери).

I.

Въ раннюю пору государственной жизни пустынныя окраины заселенныхъ территорій служатъ убѣжищемъ для воинственныхъ шаекъ безпокойныхъ удальцевъ, не сжившихся съ будничнымъ существованіемъ и будничною страдою мирнаго обывателя, или же вынужденныхъ въ бѣгствѣ искать спасенія отъ неволи и грозящаго наказанія. Это—шайки бродягъ, но бродягъ воинствующихъ.

Жажда наживы и приключеній увлекаетъ ихъ нерѣдко далеко. Полуразбойничьи, полувоенные ихъ набѣги являются орудіемъ для расширенія государственныхъ территорій, а иногда даже для заселенія новыхъ земель, куда вслѣдъ за бродяжьей вольницей идетъ крестьянинъ съ топоромъ и сохой.

Подвиги этихъ бродячихъ шаекъ сдѣлались достояніемъ народной поэзіи. Излюбленныя личности этого героическаго періода бродяжества и въ позднѣйшее время входновляли и входновляютъ поэтовъ и романистовъ.

Въ соціальныхъ условіяхъ того времени и въ психологіи народныхъ массъ въ періодъ не улегшейся еще въ твердыя рамки общественной жизни должны мы искать объясненія существованія этого воинствующаго бродяжества.

Но иное время—иныя пѣсни.

По мѣрѣ развитія гражданственности въ странѣ, по мѣрѣ упроченія ея государственнаго строя, съуживается постепенно поле дѣятельности для подвиговъ воинствующей вольницы, и ея существованіе теряетъ свой историческій смыслъ. Герои битвъ и походовъ вырождаются въ героевъ тюремъ и каторги.

Такъ было вездѣ, такъ было и въ Россіи.

Въ былое время, представители славной вольницы, бродя по необозримымъ пространствамъ Россіи и Сибири, были героями и выразителями стремленій современнаго имъ общества. Но дѣятельность ихъ сдѣлалась ненужною, и на смѣну имъ выступили обитатели остроговъ и каторги.

Грозный кличъ волжской вольницы: «сарынь на кичку!» выродился въ жалкую «арію-марію» *) бродяги: «милосердные благодѣтели! сотворите милостыню бродяжкѣ!»

Явился новый типъ, типъ бродяги-бѣглеца, героя каторги и тюремныхъ пѣсенъ, стоически переносившаго страшныя наказанія и ужасное глумленіе надъ своею личностью, при удобномъ случаѣ жестоко мстившаго за это и проявлявшаго нечеловѣческую хитрость, энергію и жестокость. Но и этотъ типъ измельчалъ.

Оба типа предковъ постепенно выродились въ современный типъ бродяги, характеристикѣ котораго посвященъ настоящій этюдъ.

II.

Бродяжество, характерная особенность Сибири, созданная всею совокупностью юридическихъ и экономическихъ условій этой страны, лежитъ тяжелымъ бременемъ на бюджетѣ крестьянскаго и мѣщанскаго ея населенія. Что такое сибирскій бродяга?

Бродяга—нуль въ соціальной жизни, даже не нуль, а скорѣе отрицательная величина. Нищій, несмотря на свое тяжелое положеніе непроизводительнаго члена общества,—всетаки соціальная единица съ извѣстными правами личности. Бродяга же—человѣкъ безъ имени, семьи и родины, упорно скрывающій свое прошлое, свое «родословіе», по традиціонному воззрѣнію, бѣжавшій изъ каторги и поэтому вѣчно находящійся подъ опасеніемъ ареста—бродяга не можетъ считать обезпеченнымъ даже самое свое существованіе.

Пресловутая охота «на горбачей», т. е. бродягъ, практиковавшаяся бурятами въ недавнее время, не была фикціей, да и въ настоящее время, суровая, молчаливая тайга скрываетъ безчисленные останки несчастныхъ, погибшихъ отъ звѣрскаго крестьянскаго самосуда, отъ ножа своего же брата-бродяги или отъ малопульной винтовки «чалдона» **), соблазнившагося котомкой, котелкомъ, ножомъ и прочимъ бродяжьимъ скарбомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Томска, столицы Западной Сибири, и, слѣдовательно, средоточія административной дѣятельности края, стоитъ деревня, примыкающая къ такъ называемой «молоканской тайгѣ», которая недавно еще пользовалась недоброй славой въ этомъ отношеніи. По окончаніи страды, во время которой бродяги принуждены бываютъ за

*) Испорченное латинско-католическое: Ave, Maria.

**) Презрительное названіе сибиряка, данное ему поселенцами.

рѣдкими исключеніями участвовать въ полевыхъ работахъ, жители этой деревни предпочитали расплачиваться съ бродягами пулей или ножомъ вмѣсто денегъ. Только съ прибытіемъ сюда въ послѣдніе годы переселенцевъ-пермяковъ подобный способъ расплаты сталъ исчезать.

Власти теоретически разсуждаютъ почти такимъ же образомъ. Существуетъ предписаніе одного бойкаго администратора-исправника волостному правленію, гласящее, что «несмотря на всѣ предписанія, въ названной волости бродяги и собаки пользуются полнѣйшей свободой». Подобное сопоставленіе характерно. Къ автору этого предписанія мы еще возвратимся.

Жизнь бродяги ни во что не цѣнится сибиряками-старожилами. При малѣйшемъ подозрѣніи, не разбирая праваго и виноватаго, «чалдоны» пришибаютъ бродягъ, до которыхъ никому нѣтъ дѣла. Власти въ лицѣ засѣдателей, если и стараются отыскать въ подобныхъ случаяхъ виновныхъ, то уже никоимъ образомъ не изъ желанія найти ихъ, но лишь изъ желанія вытянуть елико возможно изъ виновниковъ убійства, а затѣмъ предать дѣло волѣ Божіей, а тѣло—землѣ. Практически же власти или, по-сибирски, «правительство» относятся къ бродягамъ, vulgo къ «бродяжнѣ», крайне индифферентно. Да онѣ и правы! При существующемъ режимѣ тюремъ и поселенія невозможно уничтожить бродяжества арестами. Аресты эти только ведутъ къ отягощенію крестьянъ, такъ какъ арестованнаго надобно отправлять на подводѣ въ волостное правленіе въ сопровожденіи конвоя, что особенно въ рабочее время крайне обременительно для крестьянъ.

Надобно, чтобы совершилось нѣчто необычайное вродѣ ужаснаго проявленія крестьянскаго самосуда или убійства, совершеннаго завѣдомо бродягами, тогда энергія засѣдателей выразится въ многочисленныхъ арестахъ проходящихъ бродягъ, но лишь только пока не найдены истинные виновники происшествія. Пройдетъ недѣля-другая, и путь вновь свободенъ.

Каждому проѣзжавшему по сибирскимъ проселочнымъ дорогамъ или по сибирскому «большаку», московско-иркутскому тракту, этой главной и почти единственной артеріи Сибири, и по второстепеннымъ трактамъ, ведущимъ къ Минусинску, Барнаулу, Енисейску и др., знакомы эти подневольные странники, постоянно попадающіеся навстрѣчу.

Подъ Иркутскомъ, по Забайкалью и далѣе по Ленѣ бродяги идутъ шайками иногда въ 15—20 человѣкъ, по Енисейской же и затѣмъ по Томской губерніямъ, большею частью, парами, рѣдко поодиночкѣ. Такое дробленіе происходитъ оттого, что за Иркутскомъ находятся обычныя мѣста поселенія бродягъ, подъ Иркутскомъ же находятся Николаевскій, Александровскій и др. заводы, куда обыкновенно осуждаютъ на «высидку» за бродяжество, тамъ же за Иркутскомъ, находятся рудники и заводы, гдѣ «отбывается» каторж-

ная работа. Бѣжавшіе изъ каторжныхъ заводовъ и рудниковъ, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ съ Сахалина, отбывшіе срокъ въ Александровскомъ и др. заводахъ и вновь поселенные по волостямъ направляются по московско-иркутскому тракту и затѣмъ уже разбиваются по дорогамъ и второстепеннымъ трактамъ. Большая же часть тянется по большаку «на проходъ», т. е. въ Россію.

Главное направленіе бродяжества съ востока на западъ, но не наоборотъ, и характеризуется выраженіемъ «по пути». Идущій по этому направленію, по воззрѣнію властей и крестьянъ,—истинный бродяга, бѣжавшій изъ каторги и пробирающійся въ Россію, тогда какъ идущій въ обратномъ направленіи — «путанникъ», «шатающійся».

Въ Сибири бродяги встрѣчаются повсюду. Вездѣ встрѣтишь этихъ странниковъ съ загрязненнымъ мѣшкомъ, «горбовикомъ», за спиною и привѣшаннымъ къ нему вверхъ дномъ традиціоннымъ желѣзнымъ котелкомъ. Послѣдній—специфическая принадлежность бродяги. Ни котомка, ни походная палка, ни «рукосуй», т. е. небольшой мѣшокъ, привѣшанный къ поясу и служащій для помѣщенія выпрашиваемаго хлѣба, поступающаго затѣмъ въ запасный магазинъ—горбовикъ, ни масленникъ, т. е. берестяный туесокъ для собиранія молока, сметаны или масла, ни заплатанная одежда,—не опредѣляютъ такъ, какъ котелокъ, соціальнаго положенія обладателя всего этого.

Котелокъ и заплаты—условіе sine qua non. Въ противномъ случаѣ сибирякъ-милостивецъ не подастъ ничего, такъ какъ бродяга будетъ имѣть слишкомъ «чистый видъ» для «несчастнаго», гонимаго судьбою «изъ-за моря», т. е. изъ-за Байкала или съ береговъ далекой Лены.

Бродяжатъ обыкновенно вдвоемъ, рѣдко втроемъ и по-одиночкѣ. Компанія въ 4—5 бродягъ по эту сторону Иркутска уже подозрительна и внушаетъ опасеніе крестьянамъ. Обыкновенно идутъ по двое, такъ какъ вдвоемъ веселѣе—есть съ кѣмъ перекинуться словомъ, да и выгоднѣе съ точки зрѣнія раздѣленія труда—покуда одинъ «стрѣляетъ» подъ окнами, выпрашивая хлѣба, молока или яицъ, а у извѣстныхъ благодѣтелей «бѣльишка и одежонки», другой въ это время розыскиваетъ баню поудобнѣе, располагается въ ней, какъ у себя дома, разводитъ огонь, добываетъ и кипятитъ воду для грядущаго чаепитія.

Изрѣдка можно встрѣтить и представительницъ слабаго пола, бродяжествующихъ съ какимъ либо избранникомъ сердца. Въ большинствѣ случаевъ подобная ассоціація пополняется собакой и «другомъ дома», «пѣстуномъ», обязанность котораго состоитъ въ обереганіи бродяжки въ отсутствіе ея сожителя и исполненіи мелкихъ услугъ: добыванія дровъ, разведенія огня и т. д. Подобныя ассоціаціи носятъ въ себѣ зачатокъ будущей трагедіи, такъ какъ обычный романъ между «пѣстуномъ» и бродяжкой обыкновенно на первыхъ же страницахъ прерывается совершенно зо-

ологическимъ образомъ: самцы вступаютъ въ нещадный бой, и побѣжденный, чаще всего уже мертвый, уступаетъ мѣсто своему болѣе счастливому сопернику.

Не только деревни и села Сибири служатъ пріютомъ бродяжкѣ, отъ ея присутствія, конечно, полуоффиціальнаго, не избавлены и города, особенно небольшіе. Незнакомому съ условіями жизни сибирскихъ городовъ необходимо должно казаться удивительнымъ, что между бродягами и городскимъ населеніемъ можетъ существовать какая-либо связь. На самомъ же дѣлѣ связь эта существуетъ въ довольно большихъ размѣрахъ и необходимо вытекаетъ изъ характера заселенія Сибири.

При самомъ даже поверхностномъ взглядѣ на карту можно видѣть, что Сибирь—въ сущности только почтово-ссыльный трактъ съ незначительными развѣтвленіями, проходящій чрезъ тайгу и степи, по сторонамъ котораго расположены деревни, села и города, эти, дѣйствительно, «таежныя прогалины». Населеніе Сибири ютится по трактамъ и вблизи ихъ. Вслѣдствіе этого и бродяжій путь, проходя чрезъ города и села, долженъ былъ принять такое же, какъ и главный трактъ, направленіе. Бродяги не могутъ обойти городовъ. Даже болѣе, на пристаняхъ Томска каждую навигацію работаетъ болѣе 300 бродягъ, конечно, съ не оффиціальнаго позволенія полиціи: въ противномъ случаѣ некому было бы разгружать пароходы и баржи, приходящіе въ Томскъ.

Въ городахъ находится много благодѣтелей бродягъ, пользующихся широкой извѣстностью среди бродяжествующаго населенія Сибири. Точками соприкосновенія бродягъ и городского населенія служатъ кабатчики, скупщики завѣдомо краденаго, организаторы шаекъ и темныя личности, фабрикующія фальшивые документы всякаго рода. Главными же соединяющими звеньями являются подонки сибирскихъ городовъ, состоящіе изъ мѣстныхъ мѣщанъ и поселенцевъ, большею частью «искусившихся по бродяжеству». Мѣщанство сибирскихъ городовъ пользуется дурной репутаціей и съ большинствомъ поселенцевъ образуетъ низшій городской слой, извѣстный подъ названіемъ баклановъ въ Томскѣ и жигановъ—въ Каинскѣ, Маріинскѣ, Красноярскѣ и др.

III.

Бродяга, какъ мы уже сказали,—человѣкъ съ преступнымъ прошлымъ, осужденный отбыть назначенный ему срокъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ или заводахъ, у котораго не хватило силъ дотянуть до конца этого срока и быть поселеннымъ гдѣ-нибудь по Восточной Сибири. Въ рѣдкихъ случаяхъ, это — отбывшій срокъ работъ, такъ какъ если у каторжнаго хватило силъ отбыть срокъ, у него хватитъ энергіи обзавестись, хотя бы небольшимъ, хозяйствомъ на поселеніи. Какъ только арестантъ бѣжалъ изъ каторги

или тюрьмы, онъ необходимо долженъ бродяжить—его «родословіе», т. е. имя и происхожденіе, должно быть брошено, такъ какъ при арестѣ онъ долженъ быть возвращенъ въ мѣсто побѣга съ увеличеннымъ срокомъ наказанія. Жить подобной обезличенной жизнью—невозможно, и поэтому онъ долженъ найти средство вновь сдѣлаться личностью. Вслѣдствіе этого онъ пробирается въ Россію, гдѣ и арестуется, какъ не имѣющій узаконеннаго вида на жительство. Какъ только онъ арестованъ по ту сторону «грани», т. е. россійско-сибирской границы,—цѣль его достигнута.

Арестованный на вопросъ: кто онъ? заявляетъ, что онъ — уроженецъ той или другой губерніи и отправляется по этапу въ тюрьму избраннаго города. Фиктивная родина избирается не зря, но послѣ тщательнаго выбора: требуется найти тюрьму города, въ которомъ онъ еще не судился бы за бродяжество, если онъ уже не новичокъ въ бродяжествѣ, такъ какъ, если властямъ удается дознаться, что онъ уже былъ сужденъ за бродяжество, ему, какъ «уличенному» въ томъ, предстоитъ ссылка на Сахалинъ. Кромѣ этого, избираемая тюрьма не должна быть изъ строгихъ, тамъ подаяніе городскихъ жителей заключеннымъ должно быть богаче и, главнымъ образомъ, долженъ быть богаче майданъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

Когда справки обнаружатъ фиктивность заявленія арестованнаго, онъ или сейчасъ же сознается въ томъ, что онъ—бродяга, или же продолжаетъ «путать начальство», указывая то на ту, то на другую губернію. Въ концѣ концовъ, онъ необходимо долженъ объявить себя бродягой и уже безъ дальнѣйшихъ проволочекъ предается суду за бродяжество и приговаривается къ плетямъ и поселенію «по Иркуткѣ или Якуткѣ». Плети большею частью фиктивны и имѣютъ мѣсто лишь на бумагѣ, а не на тѣлѣ приговореннаго къ нимъ. Тюремные обычаи почти всей Сибири оказываются гуманнѣе и осмысленнѣе закона, такъ что и представитель власти не протестуетъ противъ фиктивности жестокаго наказанія, абсолютно безполезнаго.

Такимъ образомъ, побѣгъ изъ каторги или тюрьмы и съ нимъ «родословіе» исчезли безъ слѣда, — бѣглецъ изъ бродяги дѣлается поселенцемъ, т. е. личностью, уже пользующейся правами, хотя и незначительными. Пока новый поселенецъ не совершилъ преступленія, до тѣхъ поръ онъ имѣетъ «чистое мѣсто по бродяжеству». Нѣкоторые, болѣе предусмотрительные, имѣютъ по два-три подобныхъ чистыхъ мѣста.

Иные изъ бродягъ устраиваются и живутъ довольно исправно, вначалѣ тянутъ трудную лямку работника у сибиряка, женятся, обзаводятся своимъ домкомъ и, въ концѣ концовъ, начинаютъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ своихъ однодеревенцевъ. Но подобные случаи весьма рѣдки, такъ какъ «искусившійся по бродяжеству» постепенно привыкаетъ къ бродячей жизни, готовому

куску хлѣба, и перспектива сдѣлаться работникомъ у сибиряка не представляется ему желанною; поэтому онъ вновь отправляется въ путь, обыкновенно совершивъ какое-либо преступленіе, «нагрезивъ» въ добытомъ чистомъ мѣстѣ. Затѣмъ слѣдуютъ: — «проходъ» въ Россію, длящійся иногда цѣлые годы, вновь тюрьма съ долгимъ ожиданіемъ справокъ, вновь судъ и вновь поселеніе на «чистомъ мѣстѣ».

И такимъ образомъ проходитъ вся жизнь, пока искателя «чистыхъ мѣстъ» не зарѣжетъ свой же братъ-бродяга, не убьютъ за «баловство» крестьяне или въ рѣдкихъ случаяхъ, — если онъ старикъ,—не посадятъ по суду въ богадѣльню для бродягъ, имѣющуюся въ нѣкоторыхъ городахъ. Но существующій въ нихъ строгій режимъ заставляетъ стариковъ-бродягъ бѣжать оттуда и снова браться за котелокъ.

Каторга или тюрьма, чистое мѣсто, вновь тюрьма и т. д.—жизнь проходитъ въ спѣшкѣ и ожиданіи чего-то лучшаго. Спѣшитъ бѣдняга поймать удобный моментъ и бѣжать изъ замка или рудника, спѣшитъ пройти Сибирь, чтобы быть арестованнымъ въ Россіи, спѣшитъ дойти по этапу до мѣста поселенія, спѣшитъ освободиться здѣсь, чтобы... начать снова. Огромное большинство бродягъ руководится въ своихъ странствованіяхъ исканіемъ «чистаго мѣста». Бродяги по страсти, бродяжествующіе по неодолимому стремленію именно къ бродяжеству, крайне рѣдки.

Чистое мѣсто добывается и по рѣшенію сибирскихъ судовъ, но добывается крайне неохотно. Дѣло въ томъ, что сибирскіе суды за бродяжество присуждаютъ къ плетямъ, тюремному заключенію и затѣмъ уже къ поселенію въ Восточной Сибири. Россійскіе же суды присуждаютъ прямо къ поселенію, минуя тюремную «высидку». Въ настоящее время слухъ о томъ, что и послѣдніе, кромѣ ссылки на поселеніе, будутъ присуждать къ 6-лѣтнему тюремному заключенію, производитъ сенсацію среди бродягъ. Возникающіе и уже возникшіе «централы», съ ихъ суровымъ одиночнымъ заключеніемъ, тоже волнуютъ бродяжествующее населеніе Сибири.

IV.

Весь контингентъ бродягъ дѣлится по существу своему на двѣ, весьма неравныя группы. Истинные размѣры той и другой, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, опредѣлить невозможно. Вслѣдствіе этого мы ниже попытаемся опредѣлить, хотя бы приблизительно, общее количество бродяжествующаго населенія Сибири.

Первая изъ этихъ группъ — значительно меньшая — истинные бродяги, которымъ возвратъ къ прошлому абсолютно невозможенъ, такъ какъ они бѣжали изъ каторги, тюрьмы или даже отъ ужаснаго «иркутскаго шнурка», т. е. петли за преступленія, выходящія изъ ряда обычныхъ или совершенныя въ тюрьмѣ и угрожавшія расша-

тать тюремную дисциплину. Открыть свое родословіе—для нихъ значитъ идти вновь въ тюрьму или каторгу съ увеличеніемъ срока или даже имѣть въ перспективѣ «шнурокъ». Къ этой же группѣ относятся и тѣ изъ поселенцевъ, которые, совершивъ преступленіе въ мѣстѣ своего поселенія, должны были пуститься въ бродяжество, чтобы избѣжать законнаго возмездія и пріобрѣсти чистое мѣсто.

Вторая группа, значительно большая, состоитъ изъ «шляющихся», пользующихся недовѣріемъ со стороны истинно-бродягъ и полнѣйшимъ презрѣніемъ со стороны крестьянъ и властей. На бродяжьемъ жаргонѣ они носятъ характеристическое названіе «родословныхъ бродягъ», т. к. представители этой группы при арестѣ не скрываютъ своего имени и званія.

Первымъ до извѣстной степени симпатизируютъ, какъ людямъ, перенесшимъ тяжелую кару и по совершенно - естественному стремленію бѣжавшимъ отъ нея. Они и въ настоящее время для крестьянъ олицетворяютъ «несчастненькихъ» былого времени. На долю же вторыхъ приходится полнѣйшее презрѣніе и боязнь со стороны крестьянъ, которые не такъ боятся истинныхъ бродягъ, бѣжавшихъ съ Сахалина, Зерентуя, страшной былой Кары, какъ этихъ бродяжествующихъ. Бродяга не произведетъ мелкой кражи или угона лошади, это практикуется «шляющимися». Первый изъ-за мелочи и пустяковъ не будетъ рисковать своей свободой. Крестьяне это знаютъ. «Бродяга зарѣжетъ изъ-за денегъ, ограбитъ заимку (хуторъ), «обидитъ бабу», но угонять коней и воровать по-мелочи не будетъ»—говорятъ они. Котелокъ и прочіе атрибуты—одни и тѣ же какъ у бродягъ, такъ и у ихъ подражателей. Но какъ ряса еще не дѣлаетъ монахомъ, такъ и котелокъ еще не дѣлаетъ бродягою. Бродяжествующій немногимъ рискуетъ при своемъ арестѣ. Пойманный въ предѣлахъ Россіи, онъ возвращается этапнымъ порядкомъ въ мѣсто своего причисленія, получаетъ за «переходъ границы» 25 плетей и подвергается тюремному заключенію: за первый случай перехода на 4 мѣсяца, за второй—на 8 мѣсяцевъ и за третій—на 1 годъ 4 мѣсяца. Это относится къ поселенцамъ съ полнымъ лишеніемъ правъ. Сосланные же съ лишеніемъ лишь нѣкоторыхъ правъ и поселяемые въ Томской и Тобольской губерніяхъ, но не далѣе, за переходъ границы приговариваются къ 1—6-мѣсячному тюремному заключенію. Читатель, безъ сомнѣнія, удивляется, что всѣ эти карательныя мѣры я назвалъ «немногимъ». Тюрьма для бродяжествующаго не такъ страшна, какъ воображаетъ читатель, объ этомъ ниже будетъ сказано подробно. Плети фиктивны и имѣютъ лишь то значеніе, что время исправленія начинаетъ считаться лишь со дня полученія ихъ. Поселенецъ можетъ пользоваться правами крестьянина или мѣщанина, лишь проживъ десять лѣтъ безупречно. Плети дѣлаютъ недѣйствительнымъ время, проведенное безупречно до присужденія къ нимъ.

Къ этой группѣ относятся, большею частью, поселенцы, не

приставшіе ни къ какой работѣ, облѣнившіеся за время своего слѣдованія въ Сибирь. Они бродяжатъ по деревнямъ и селамъ весну и лѣто, съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ сами стараются попасть на глаза начальству, чтобы быть арестованными и препровожденными по этапу въ мѣсто своего причисленія. Сельское общество уплатитъ правительству деньги за содержаніе въ тюрьмѣ, одежду и дорогу. Арестантскій костюмъ обыкновенно дѣлается собственностью пришедшихъ по этапу, что увеличиваетъ расходы обществъ, и, конечно, пропивается при первомъ удобномъ случаѣ. Многіе обратили это въ профессію и повторяютъ подобныя путешествія 2—3 раза въ годъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что большая половина поселенцевъ Каинскаго и Маріинскаго округовъ Томской губерніи, Тарскаго и Ишимскаго—Тобольской губерніи, принадлежитъ къ бродяжествующимъ. Въ этихъ городахъ и кореннымъ-то жителямъ нечего дѣлать, но, посмотрите, какая масса поселенцевъ водворяется въ нихъ, особенно, въ Каинскомъ округѣ и въ самомъ Каинскѣ, основанномъ, вѣроятно, ветхозавѣтнымъ Каиномъ. Подобное историческое предположеніе является само собой у каждаго, знакомаго съ обоюдными отношеніями мѣстныхъ крестьянъ и поселенцевъ. Кражи, конокрадства, поджоги—со стороны поселенцевъ; пуля, петля, волны Оми въ возмездіе за это со стороны крестьянъ. Эта ужасная братоубійственная война, длящаяся долгіе годы, приводитъ къ тому, что наличное количество поселенцевъ стоитъ на одной высотѣ, несмотря на массу ежегодно прибывающихъ ссыльныхъ. Явленіе это характеризуетъ не одинъ Каинскій округъ; явленіе это—обще-сибирское.

Подобныя отношенія необходимо должны были выработать слѣдующую ужасную зоологическо-юридическую теорію. «Бей, чтобы знаковъ не было, чтобы чуть тепленькаго сдать въ волость!»—говоритъ сибирякъ и дѣлаетъ такъ, чтобы не подать повода алчности засѣдателей и фельдшеровъ. Звѣрски избитаго, едва живого отвозятъ въ волость, гдѣ несчастный обыкновенно и умираетъ. Даже власти изъ страха предъ канцелярской болтовней внушаютъ крестьянамъ удобство подобной расправы.

«Запори ножемъ, хотя бы одного, тогда уже бить не будутъ и отвезутъ въ волость!» гласитъ теорія противной стороны. Какъ только ножъ пущенъ въ дѣло, крестьяне отступаютъ, ранившій или убійца добровольно сдается, и его отвозятъ въ волостное правленіе. Несмотря на то, что покушеніе на убійство совершено съ цѣлью самозащиты, виновный идетъ въ каторгу, такъ какъ этотъ мотивъ на слѣдствіи, благодаря взяткамъ, затушевывается. Что за дѣло, что виновному угрожаетъ каторга? Самосудъ сибиряковъ—страшнѣе каторги.

Законъ, ссылая людей на поселеніе и лишая ихъ правъ, имѣетъ цѣлью не только гарантировать общество отъ возможнаго повторенія

преступленія, но и дать преступнику возможность начать новую жизнь. Сосланный съ лишеніемъ всѣхъ или только нѣкоторыхъ правъ обязанъ прожить безупречно десять лѣтъ, принадлежащій же къ привиллегированнымъ сословіямъ—15 лѣтъ, тогда только они получаютъ возможность пользоваться правами крестьянина или мѣщанина. Сосланные же административнымъ порядкомъ или по приговорамъ обществъ имѣютъ право хлопотать о возвращеніи въ въ Россію по истеченіи 3 лѣтъ, безпорочно проведенныхъ въ мѣстѣ своего причисленія. По истеченіи лишь этихъ сроковъ лишенные правъ получаютъ право возвратиться въ Россію, да и то въ сосѣднюю съ своей губернію и иногда за исключеніемъ столичныхъ городовъ.

Но законъ не имѣетъ задачей уродовать духовную природу преступника, дѣлать изъ него рецидивиста и бродягу. На самомъ же дѣлѣ ссылка въ огромномъ большинствѣ случаевъ приводитъ къ этому. Поселеніе для большинства ссыльныхъ—нравственная смерть. Только близорукій оптимизмъ можетъ считать поселеніе при настоящемъ его положеніи гарантіей общества и средствомъ возрожденія преступника. Каждый преступникъ — больной; общество не гарантировано отъ повторяемости его преступленія. Зачѣмъ же, оберегая «россійское» населеніе отъ подобной опасности, подвергать ей сибирское?

Судъ дѣлаетъ снисхожденіе преступнику, замѣняя ссылку въ мѣста отдаленныя ссылкой въ мѣста не столь отдаленныя; публика сочувственно относится къ этому, находя въ этой замѣнѣ облегченіе участи несчастнаго. Для знакомаго съ условіями сибирской жизни и, особенно, условіями поселенія этотъ вердиктъ и сочувствіе публики звучатъ горькой ироніей. На самомъ дѣлѣ эти ужасныя отдаленныя мѣста Сибири милостивѣе къ ссыльному не столь отдаленныхъ: поселенцевъ здѣсь менѣе, заработная плата несравненно выше, и жители болѣе гуманно относятся къ ссыльному.

Многіе и въ настоящее время воображаютъ, что при поселеніи правительство даетъ поселенцамъ извѣстную субсидію деньгами, скотомъ и лѣсомъ, и что старожилы-крестьяне всѣми силами стараются оказать первую помощь ссыльному. Такое отношеніе крестьянства давно уже сдѣлалось анахронизмомъ. Крестьяне, за невозможностью отказа, скрѣпя сердце принимаютъ поселенца въ свою среду, видя въ этомъ посягательство на ихъ собственность: землю, воду и лѣсъ. Правительство же не даетъ никакихъ субсидій; оно оказываетъ ссыльному только ту льготу, что первые три года онъ освобождается отъ уплаты податей и поборовъ.

Устроить себѣ мало-мальски сносное существованіе по мѣсту водворенія, «въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ», для ссыльнаго почти невозможно. Ссыльные, приходящіе съ деньгами, достаточными для разведенія собственнаго хозяйства, составляютъ ничтожное меньшинство. Въ большинствѣ случаевъ даже и у имѣю-

щихъ деньги во время пути, карты и вино уносятъ значительную ихъ часть. Устраиваются большею частью пришедшіе не только съ деньгами, но и съ семьями.

Семья—великая вещь въ несчастьи: она лучше всего удержитъ отъ окончательнаго паденія. Матери и жены рѣдко идутъ за своими грѣшниками—сыновьями и мужьями: ихъ страшитъ Сибирь. По общему воззрѣнію русскаго народа нѣтъ ничего ужаснѣе Сибири. Только въ послѣднее время подобное убѣжденіе начинаетъ измѣняться.

Приходитъ ссыльный въ мѣсто своего причисленія часто въ арестантскомъ платьѣ, за неимѣніемъ своего собственнаго, не имѣя средствъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ, одинокій, затерянный въ пространствѣ громадной Сибири, оставившій на родинѣ и семью и «права». Много надобно энергіи и душевной силы, чтобы найтись въ подобномъ положеніи, не упасть духомъ и не махнуть на все рукой. Не всѣ люди обладаютъ такой энергіей и такой силой духа; нужно принять въ разсчетъ средняго, обыкновеннаго человѣка.

Ссыльный, волею судебъ вырванный изъ крестьянской сферы, чувствуетъ себя еще не столь изолированнымъ, такъ какъ обстановка, интересы и трудъ мѣстныхъ крестьянъ - старожиловъ не чужды для него. Ему не такъ трудно освоиться съ новымъ порядкомъ вещей. Дѣло другое съ городскимъ жителемъ, особенно, обитателемъ большихъ городовъ. На новомъ мѣстѣ все для него ново, дико и чуждо. Природа, большею частью, суровая, образъ жизни, трудъ, интересы—все это діаметрально противоположно тому, среди чего онъ родился и выросъ. Что будетъ дѣлать ремесленникъ, фабричный или лакей въ таежныхъ или чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ? Надобно браться за трудъ, совершенно незнакомый, къ которому онъ большею частью не способенъ. Здѣсь уже необходима коренная ломка привычекъ, къ чему способны весьма немногіе. Въ этомъ то и весь трагизмъ положенія ссыльнаго изъ городскихъ, особенно изъ столичныхъ жителей. Къ этому надобно прибавить почти обязательное отсутствіе способности къ продолжительному труду, характеризующее преступника, равно и то, что каждый ссыльный чувствуетъ себя обиженнымъ закономъ, наказаннымъ не пропорціонально преступленію—отсюда уже одинъ только шагъ къ тому, чтобы махнуть на все рукой и сдѣлаться рецидивистомъ или бродягой.

Если имѣется энергія, то выходъ найдется, но единственный: работа у сибиряка-крестьянина. Мало-мальски грамотный старается пробраться въ писаря или сдѣлаться учителемъ, хотя бы неоффиціальнымъ. Работа у «чалдона» трудна и оплачивается крайне дурно: нарубить сажень дровъ, т. е. срубить нужное количество деревьевъ, очистить ихъ отъ вѣтвей, изрубить или испилить въ полѣнья, расколоть послѣднія, сложить ихъ въ саженку—стоитъ

15—20 копѣекъ; послѣдняя цѣна бываетъ только въ «дорогое» время, когда спросъ превышаетъ предложеніе! Также дешево оплачиваются и другія деревенскія работы: молотьба, очистка крестьянскихъ дворовъ и т. п.

Условія сибирской культуры не тѣ, что въ Россіи: сѣнокосы и пашни обширны и отстоятъ далеко отъ селеній, частенько на 15—20 верстъ; на зиму сѣно и хлѣба остаются на лугахъ и пашняхъ; крестьяне держатъ много скота, потребляющаго много сѣна. Поэтому здѣсь главная работа: въ полночь отправляться «по снопы» или «по сѣно» одному работнику на 5—6 лошадяхъ за 15—20 верстъ. Молотьба изо дня въ день, уборка скота, довольно многочисленнаго, работа по очисткѣ дворовъ и поправкѣ ихъ—работы много и работы не легкой, и къ тому же дурно оплачивающейся: хорошій работникъ получаетъ въ годъ на хозяйскихъ харчахъ 45—50 руб., средній—30 руб. Далѣе на востокъ трудъ оплачивается лучше: по Иркутской губерніи хорошій работникъ получаетъ въ годъ 70—80 рублей. Сибирякъ не обращаетъ вниманія ни на прошлое, ни на костюмъ ищущаго работы: онъ одѣнетъ, обуетъ его, замѣнитъ арестантскую одежду другой, болѣе подходящей къ положенію работника; обращеніе его съ работникомъ—патріархальное: работникъ здѣсь членъ хозяйской семьи, ѣстъ и пьетъ за однимъ столомъ съ хозяевами. За все это сибирякъ требуетъ работы болѣе, чѣмъ можетъ произвести человѣкъ. Работникъ постоянно занятъ. Хозяинъ старается выжать изъ него все, что возможно. «Парень, пойди, отдохни: поруби подовинники!» приказываетъ онъ работнику, только что окончившему что нибудь. Хорошъ отдыхъ! Подовинники—тяжелыя толстыя полѣнья, вершковъ 4—5 въ діаметрѣ, преимущественно изъ комлей деревьевъ; рубить ихъ—работа довольно тяжелая.

Работнику трудно вырваться изъ зависимаго положенія. Быть вѣчно работникомъ, «чертоломить» на сибиряка—перспектива, не всѣхъ прельщающая. Мало-по-малу энергія ослабѣваетъ, невозможность выбиться изъ зависимаго положенія чаще и чаще начинаетъ подсказывать картины свободной, независимой жизни, жизни безъ хозяина, безъ понуканій,—въ результатѣ получается повтореніе преступленія или бродяжество. Если ссыльный вступитъ на первый путь, можно напередъ предсказать его дальнѣйшую судьбу: или онъ сдѣлается жертвою крестьянскаго самосуда, или угодитъ на каторгу. Первоначальныя кражи и вообще «баловство» не влекутъ за собой серьезнаго наказанія, по сибирскимъ обычаямъ за нихъ можно отдѣлаться четвертями и полведерками вина, выставляемыми сельскому сходу. Обнадеживаемый подобнымъ исходомъ, поселенецъ усиливаетъ свою преступную дѣятельность и, въ концѣ концовъ, избитый до полусмерти представляется въ волость, гдѣ и умираетъ, или же, если остается живымъ, общество, щедро «поблагодаривъ» засѣдателя и боясь мщенія со стороны изувѣченнаго, составляетъ «отказ-

ной» приговоръ, и его, иногда уже абсолютно неспособнаго къ работѣ, переселяютъ далѣе на востокъ чрезъ сосѣднюю губернію, гдѣ несчастному вновь предстоитъ ужасная дилемма: повтореніе преступленія или бродяжество.

Такимъ образомъ, положеніе ссыльнаго изъ городскихъ жителей много хуже положенія ссыльнаго изъ крестьянъ. Положимъ, экспедиціи о ссыльныхъ, вникая въ нужды хозяевъ-ремесленниковъ, принимаютъ ихъ заявленія о томъ, что имъ нужны работники извѣстныхъ профессій, и иногда по приходѣ арестантской партіи въ городъ поселяютъ необходимыхъ хозяевамъ работниковъ-поселенцевъ въ мѣстѣ жительства первыхъ. Но при слабомъ развитіи въ Сибири городской жизни, ремесленнаго и фабричнаго труда подобныя требованія на рабочихъ крайне микроскопичны. Кромѣ того экспедиціи въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ такъ вовсе не изъ желанія дать поселенцу возможность знакомымъ ему трудомъ улучшить свое экономическое положеніе, но просто изъ желанія помочь хозяевамъ-ремесленникамъ.

Такимъ образомъ ссылка на поселеніе даетъ совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ждетъ отъ нея законъ. Для самого преступника ея дѣйствительная тяжесть далеко непропорціональна винѣ, за которую наказаніе налагается. Для общества опасность и вредъ отъ преступника не уменьшаются, а увеличиваются.

То обстоятельство, что ссыльное населеніе Сибири возрастаетъ весьма слабо, несмотря на постоянный и значительный приливъ ссыльнаго элемента всѣхъ категорій, является краснорѣчивымъ и печальнымъ указаніемъ на ненормальность положенія. Выходъ отсюда можетъ быть одинъ,—ссылка на поселеніе, какъ величайшая несправедливость, должна быть вовсе уничтожена.

V.

Мы видѣли, что ближайшими причинами бродяжества являются: a) побѣгъ изъ тюрьмы или каторги; b) преступленіе, совершенное въ мѣстѣ поселенія, и c) невозможность устроиться въ послѣднемъ. Кромѣ того ряды бродягъ пополняются еще: d) солдатами, бѣжавшими со службы; e) пріискателями и, какъ это ни странно, f) крестьянами-сибиряками.

Побѣгъ изъ военной службы вызывается большею частью совершеннымъ на службѣ преступленіемъ; рѣже—отвращеніемъ къ солдатчинѣ и страхомъ предъ военными порядками, нѣкогда широко распространеннымъ въ крестьянствѣ.

Мотивы бродяжества пріисковыхъ рабочихъ бываютъ двоякаго рода. Пріискатель, получивъ задатокъ, прокутивъ его и такимъ образомъ оставшись ни съ чѣмъ, оставляетъ свой паспортъ въ рукахъ хозяина или его довѣреннаго и отправляется, куда глаза глядятъ. Явленіе это, хотя въ настоящее время не весьма широко

распространенное, однако, угрожаетъ принять значительные размѣры, такъ такъ пріискатели еще не могутъ позабыть соблазнительныхъ примѣровъ отцовъ и дѣдовъ, выносившихъ съ пріисковъ значительныя суммы. Крайне тяжелая, мѣтко названная «вольной каторгой», работа пріискателя, благодаря своей обстановкѣ, дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на рабочаго: пріискатель—дурной отецъ и мужъ, дурной крестьянинъ, на котораго обществу нечего разсчитывать. Къ другой работѣ пріискатели уже не способны. Пріиски въ Томской и Енисейской губерніяхъ перестали давать значительныя количества золота и быть приманкой для пріисковыхъ рабочихъ. Далекая «Олекма», это недавнее Эльдорадо пріискателя, приближается къ тому же. Въ настоящее время Амуръ привлекаетъ многихъ своими недавно открытыми пріисками. Прежніе крупные задатки, а съ ними и безумные кутежи пріискателей отошли въ область преданій. Размѣры тѣхъ и другихъ въ настоящее время весьма незначительны и удовлетворить большинства не могутъ. Поэтому-то и исчезаетъ охота зарабатывать полученный задатокъ въ 15—25 рублей и быть обязаннымъ работать всю «операцію» т. е. съ апрѣля до октября, такъ какъ подъемнаго золота, добыча котораго позолотнично оплачивается сверхъ жалованья, пріиска даютъ несравненно менѣе. Строящаяся сибирская желѣзная дорога необходимо дастъ заработокъ пріисковымъ рабочимъ, неспособнымъ къ иному труду, тѣмъ болѣе, что работа землекопа для нихъ является уже легкой послѣ трудной разработки горныхъ породъ.

Другой мотивъ бродяжества пріискателей совсѣмъ отличенъ отъ перваго и вытекаетъ изъ условій сибирской жизни, мало обезпечивающихъ право человѣка на жизнь.

Заработавъ значительную сумму денегъ, счастливецъ - пріискатель, боясь дорожнаго товарищества своей же братіи, старательно прячетъ при себѣ деньги и паспортъ, запасается котелкомъ и отправляется въ путь, питаясь въ дорогѣ Христовымъ именемъ, не боясь труднаго и далекаго пути иногда въ 2500—3000 верстъ. Подобное предпріятіе требуетъ смѣтливости, осторожности и небрезгливости. Надобно быть крайне осторожнымъ при встрѣчахъ, разговорахъ и ночлегахъ съ бродягами; малѣйшая неосторожность ведетъ къ смерти. Надобно быть небрезгливымъ, чтобы питаться выпрошеннымъ Христа ради кускомъ хлѣба. Надобно идти бродягой, но не прохожимъ, имѣющимъ паспортъ (самое дорогое для бродяги) и хотя нѣсколько гривенниковъ на покупку хлѣба. Бродяги и сибирскіе крестьяне отнесутся крайне подозрительно къ прохожему, покупающему хлѣбъ и платящему за ночлегъ, а это подозрѣніе можетъ быть очень опасно.

Бродяжество, какъ выходъ изъ болѣе тяжелаго положенія, въ Сибири знакомо каждому и находится всегда подъ рукой. Поэтому и крестьянинъ, котораго «притѣсняетъ» общество за неуплату податей и поборовъ, или которому по той же причинѣ не даетъ па-

спорта для отправленія на заработки, или который опустился и облѣнился, при отсутствіи энергіи и желанія трудиться, идетъ бродяжить, дѣлаясь вслѣдствіе этого обузою для своего общества, которое будетъ вынуждено уплачивать казнѣ каждый разъ, какъ его приведутъ по этапу, расходы, понесенные ею на пищу, одежду и дорогу. Съ теченіемъ времени онъ втягивается въ эту жизнь и изъ производительнаго члена общества дѣлается жалкимъ бродягой.

VI.

Отношенія крестьянъ къ бродягамъ утрачиваютъ понемногу свой прежній патріархальный характеръ. Происходитъ это вслѣдствіе измѣненія условій жизни: населеніе Сибири дѣлается гуще, наплывъ ссыльнаго элемента сильнѣе и сильнѣе, переселенцевъ годъ отъ году прибываетъ все болѣе и болѣе.

Въ готовности крестьянъ помогать бродягамъ кускомъ хлѣба и ночлегомъ и ранѣе проглядывали мотивы двоякаго рода: сочувствіе къ страдающему человѣчеству и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ предъ людьми, способными на все.

Какъ только населеніе становится плотнѣе, подобная боязнь уменьшается до извѣстной степени. Сочувствіе крестьянъ къ безпріютному люду съ теченіемъ времени не уменьшилось, но необходимо стало, такъ сказать, дробиться, потому что нуждающихся въ помощи явилось гораздо болѣе. Было время, когда арестантскія партіи по московско-иркутскому тракту не содержали болѣе 35—40 человѣкъ. Тогда крестьяне, дѣйствительно, широко помогали бродягамъ. Тогда, дѣйствительно, для нихъ выносились на ночь и клались на полочку, придѣланную къ стѣнѣ, коровай хлѣба, кусокъ мяса, кринка молока и аршинъ-другой холста. Бродяги, уже не заявляя хозяевамъ о своемъ приходѣ, брали это подаяніе. И такъ дѣлалось въ каждомъ домѣ. Но время это миновало. Въ настоящее время арестантскія партіи состоятъ не менѣе, какъ изъ 350 человѣкъ. Слѣдовательно, расходы на помощь «несчастнымъ» увеличились въ 10 разъ.

Расходы эти распредѣляются неравномѣрно между благодѣтельствующими. Направленіе бродяжьяго пути, какъ мы сказали, съ востока на западъ. По Якутской области бродягъ мало, по Иркутской губерніи уже много, по Енисейской еще болѣе и т. д. Поэтому населеніе болѣе отдаленныхъ мѣстностей, по которымъ проходитъ бродяжій путь, щедрѣе въ подаяніи бродягамъ, чѣмъ населеніе болѣе близкихъ. Количество бродягъ, идущихъ издалека, мало-по-малу пополняется бродящими по Енисейской, затѣмъ по Томской и Тобольской губерніямъ. Вся тяжесть бродяжьяго «прохода» обрушивается на окраину Томской и на всю Тобольскую губернію. Вслѣдствіе этого и настроеніе населенія въ мѣстностяхъ не столь дальнихъ уже далеко не того характера, какъ въ мѣстностяхъ от-

даленныхъ. Несмотря на это, даже въ голодные годы жители Тобольской и Иркутской губерній дѣлятся, именно дѣлятся, съ бродягами послѣднимъ кускомъ хлѣба. А въ послѣдней губерніи во время голода цѣна на ржаной хлѣбъ доходила до 3 рублей за пудъ. Хотя по тоненькому ломтику на каждаго прохожаго, однако подавалъ сибирякъ и въ это тяжелое время. А, вѣдь, бродягѣ мало одного хлѣба: ему нужны чашка молока, яйцо, щепоть чаю и т. д. Такова сила обычая, введеннаго прадѣдами, и сила религіозныхъ воззрѣній.

Сибирь колонизировалась ссыльнымъ элементомъ; поэтому въ сибирскихъ семьяхъ, если не отецъ, такъ дѣдъ или прадѣдъ принадлежали къ ссыльнымъ, были въ числѣ этихъ «несчастныхъ». Въ сочувствіи къ тяжелому положенію бродяги сказывается сознаніе того, что прадѣдъ семьи прошелъ подобную же школу. Поэтому-то не только среди крестьянъ развита широко помощь нуждающемуся, но и купечество не отстаетъ въ этомъ отъ крестьянъ. Благодѣтели пользуются широкой извѣстностью среди бродяжьяго міра, и бродяга нерѣдко измѣняетъ свой маршрутъ, чтобы зайти къ «Керсону», одѣляющему обувью, или къ другому благодѣтелю, награждающему рубахой, или къ третьему, дающему по 20 копѣекъ. Въ настоящее время подобные благодѣтели попадаются все рѣже и рѣже, и размѣры ихъ вспомоществованія дѣлаются менѣе значительными. Сектанты и старообрядцы, преимущественно безпоповскаго толка, особенно покровительствуютъ бродягамъ, видя въ нихъ людей, преслѣдуемыхъ закономъ, по ихъ мнѣнію, пристрастно относящимся къ нимъ самимъ.

Прошло уже то время, когда бродяга былъ синонимомъ бѣглокаторжнаго. Въ настоящее время, хотя крестьяне и другіе благодѣтели и знаютъ вполнѣ, что большинство бродягъ принадлежитъ къ «шляющимся», однако, не входятъ въ подобныя тонкости, движимые вѣрою, что «рука дающаго не оскудѣваетъ». Имъ нѣтъ дѣла до того,

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ...

Изъ внѣ-сибирскихъ мѣстъ обиліемъ подаянія славились Москва и Нижній-Новгородъ, еще и въ настоящее время поддерживающіе славу былого времени. Старые бродяги разсказываютъ, что по выходѣ арестантской партіи изъ Москвы, ей случалось собирать по 30—40 рублей на каждаго арестанта. И въ настоящее время—по словамъ бродягъ—купчиха г. Ер—ва обязательно одѣляетъ по 1 р. каждаго изъ арестантовъ уходящей по «нижегородкѣ» партіи. Благодѣтели не переводятся въ первопрестольной. Проходъ партіи по ярмаркѣ въ Нижнемъ даетъ тоже обильный сборъ. Недавно еще партіи выносили оттуда по 20—30 рублей на арестанта.

Иногда крестьяне объявляли войну бродягамъ съ цѣлью ослабить все болѣе и болѣе увеличивающійся наплывъ ѣхъ или вслѣдствіе какого нибудь ужаснаго происшествія, виновниками котораго считались

бродяги или были и на самомъ дѣлѣ таковыми. Обѣ воюющія стороны доходили приэтомъ до крайняго озлобленія. Въ большинствѣ случаевъ побѣда оставалась за бродягами. Такъ было лѣтъ двадцать тому назадъ въ Пермской губерніи. Жители арестовывали бродягъ, стрѣляя въ нихъ въ случаѣ сопротивленія, бродяги же изъ мести жгли села и деревни. Побѣда осталась за послѣдними и оставила глубокій слѣдъ въ преданіяхъ бродягъ. И теперь послѣдніе съ гордостью разказываютъ объ этой побѣдѣ, стоившей массы жизней представителямъ ихъ.

Власти, конечно, для очистки совѣсти и съ цѣлью выказать свою дѣятельность, тоже иногда принимаютъ угрожающее положеніе относительно бродягъ. Мы приводили предписаніе бойкаго сибирскаго исправника. Его же перу принадлежитъ предписаніе тому же волостному правленію о томъ, чтобы крестьяне означенной волости не давали ни пріюта, ни куска хлѣба бродягамъ. На грозное предписаніе волостное правленіе смиренно рапортовало его благородію, что оно готово исполнить предписаніе, но съ тѣмъ, чтобы .. его благородіе обязался вновь выстроить село, такъ какъ, если крестьяне будутъ исполнять приказаніе, то бродяги неизбѣжно сожгутъ ихъ. Чѣмъ кончилась эта оригинальная канцелярская переписка, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

VII.

Фундаментъ бродяжества—милостыня, безъ которой оно абсолютно невозможно. Милостыня выражается въ Сибири не однимъ кускомъ черстваго хлѣба. Сибирякъ подаетъ, кромѣ хлѣба, молокомъ, яйцами, сметаной, обувью и одеждой. Хлѣбъ, набранный въ деревнѣ, обыкновенно продается тамъ же бѣднѣйшимъ обитателямъ. «Хорошее» село даетъ бродягѣ ежедневно 5—10 копѣекъ. Яйца продаются или мѣняются по кабакамъ или лавочкамъ. Зимою, даже въ мѣстностяхъ бѣдныхъ лѣсомъ, бродяги собираютъ дрова по полѣну, по два: надобно истопить баню, вскипятить воды для чая.

По Ангарѣ и по Ленѣ бродягамъ не приходится, стоя подъ окнами, выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба и ночлегъ въ банѣ: тамъ бродяга смѣло входитъ въ избу и проситъ необходимаго для себя, ночлегъ дается тутъ-же, въ избѣ. Но далѣе, по Енисейской, Томской и Тобольской губерніямъ, бродяга подъ окнами домовъ затягиваетъ свою «арію-марію» и ночлегъ уже получаетъ въ банѣ; которая высматривается заранѣе, получше и попросторнѣе, и занимается обыкновенно безъ вѣдома хозяевъ. Жители привыкли къ этому и узнаютъ объ этомъ лишь тогда, когда понадобится идти за чѣмъ-нибудь въ баню. Болѣе опытные и поэтому болѣе осторожные избѣгаютъ поступать столь произвольно, такъ какъ въ случаѣ какого либо происшествія въ деревнѣ народъ сейчасъ же бросается по банямъ, и начинается расправа безъ разбора. Занявшіе же баню съ

вѣдома хозяевъ гарантированы, хотя немного, уже тѣмъ, что могутъ указать время своего прибытія и иногда тѣмъ доказать свое alibi.

«Настоящій» бродяга никогда не унесетъ ничего изъ бани и не набезобразничаетъ въ ней. Бродяжій кодексъ, конечно, непечатный, обязываетъ не только соблюдать въ исправности все, находящееся въ банѣ, но и подмести въ банѣ и около нея, съ тою цѣлью, чтобы хозяева охотнѣе пускали въ баню. «Ты не одинъ ночуешь въ банѣ,—тысячи идутъ за тобою!» говоритъ бродяга другому, недостаточно проникнувшемуся принципами Кодекса. «Шляющемуся» чуждъ подобный принципъ: онъ украдетъ забытое въ банѣ, изъ «озорства» сожжетъ полокъ,—заботы о подобныхъ себѣ, имѣющихъ нужду въ банѣ, для него не существуетъ.

Обойдя деревню и наполнивъ «рукосуй» хлѣбомъ, туесокъ молокомъ, выпросивъ у «торговыхъ» (лавочниковъ) спичекъ и бумаги, бродяги направляются къ избранной банѣ. Часто случается, что въ это время хозяева моются въ банѣ, и входъ туда невозможенъ. Надобно дожидаться ихъ выхода, что на бродяжьемъ языкѣ называется «выстойкой». Въ зимнее время подобная «выстойка» сильно не по душѣ бродягѣ: рѣдкій хозяинъ предложитъ ему подождать въ избѣ—приходится мерзнуть на холодѣ. Моющихся обыкновенно много; бабы моются особенно долго, отводя душу сплетнями и новостями, такъ что хозяину нерѣдко приходится прикрикнуть на нихъ: «ишь размылись, людей морозите!» Наконецъ, баня свободна. «Дяденьки! въ банѣ жару еще хватитъ; попарьтесь да помойтесь, мыло на оконцѣ лежитъ!» — нерѣдко слышится приглашеніе сердобольныхъ людей. Вымывшись, «дяденьки» отворяютъ баню, чтобы она просохла, потомъ затопляютъ вновь и варятъ себѣ чай—ужинъ.

Не думайте, чтобы они пребывали на пищѣ св. Антонія; они ѣдятъ и пьютъ не хуже крестьянина, почему иные изъ послѣднихъ съ желудочной точки зрѣнія и завидуютъ бродягамъ. «Перевалить бы за Томь, а то сдохнешь отъ аржанины!» говоритъ бродяга, идя къ Томску отъ Маріинска. «Бараба» т. е. Барабинская степь, тянущаяся отъ Оби до Каинска, характеризуется той же «аржаниной».

Лѣтомъ обычнымъ мѣстомъ ночлега бродягъ служатъ избушки «поскотниковъ», т. е. сторожей при воротахъ изгороди, окружающей деревню и оставляющей вокругъ послѣдней иногда очень большое пространство земли для пастьбы лошадей въ періодъ поспѣванія и уборки хлѣба. Обязанность поскотника заключается въ наблюденіи за воротами, въ которыя могутъ пройти лошади и потравить хлѣбъ.

Поскотники большею частью старики поселенцы, абсолютно неспособные къ тяжелой крестьянской работѣ, зачастую сами бывшіе бродяги. Поэтому поскотникъ свой братъ бродягамъ. Иной не

только дастъ ночлегъ, но и позволитъ поработать что нибудь. Такъ какъ вознагражденіе поскотнику за его трудъ крайне мизерно, то онъ живетъ болѣе хлѣбомъ бродягъ. Поскотникъ обязательно знаетъ всѣ деревенскія новости, настроеніе крестьянъ, наѣздъ властей и т. п. Вслѣдствіе этого избушки поскотниковъ—мѣсто свиданія бродягъ: стѣны ихъ бываютъ испещрены надписями біографическаго свойства. Изрѣдка попадаются надписи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Бродяжить и идти «на проходъ», надѣясь только на подаяніе,—невозможно: нужны деньги на табакъ, на водку, на карты и на женщинъ, да и въ случаѣ ареста необходимо имѣть деньги, хотя бы и небольшія. Поэтому бродяги по необходимости должны заниматься рукодѣліями самаго разнообразнаго свойства: они дѣлаютъ ящички, шкатулки, украшая ихъ нарѣзанною и выкрашенною соломою, расположенною въ видѣ различныхъ, нехитрыхъ узоровъ; дѣлаютъ побрякушки—игрушки; клеятъ бумажные цвѣты, проволочныя вилки; льютъ кольца изъ британскаго металла; въ видѣ дополненія нѣкоторые занимаются не одобряемымъ закономъ издѣліемъ «серебрушекъ», т. е. серебряныхъ монетъ, иные ходятъ съ слесарнымъ инструментомъ и извѣстны подъ именемъ «мѣдяковъ». Придя въ деревню, «мѣдяки» поселяются въ банѣ или въ избушкѣ какого нибудь бѣдняка. Вѣсть о приходѣ ихъ быстро разносится по деревнѣ, и мѣдяки заваливаются работой: чинятъ ружья, самовары, ведра и т. п. Заработокъ ихъ довольно достаточенъ, но идетъ въ кабакъ, и мѣдяки выходятъ изъ деревни нисколько не богаче, чѣмъ пришли. Нѣкоторые занимаются «пимокатствомъ», т. е. приготовленіемъ войлоковъ и валеныхъ сапогъ, битьемъ шерсти для пряжи. Это ремесло даетъ возможность жить вполнѣ безбѣдно, если бы не проклятая «мать-сивуха».

Но сибиряку необходимы не только люди ремесленнаго труда, но и либеральныхъ профессій: тьма, въ которой онъ живетъ, обусловливаетъ необходимость ихъ совѣтовъ и помощи.

Бродяги—народъ, прошедшій «огонь, воду и мѣдныя трубы», слѣдовательно, бывалый и опытный. «Вы земли проходите, всякое видите и слышите»,—говоритъ крестьянинъ, обращаясь къ нимъ съ просьбой написать письмо или прошеніе о чемъ-либо. Особенно часты обращенія за юридическими и медицинскими совѣтами. Бродяга-докторъ рѣдко шарлатанитъ, такъ какъ въ обиходѣ народной медицины существуютъ не мало дѣйствительно цѣлебныхъ средствъ, не всегда извѣстныхъ ученымъ врачамъ.

Нѣкоторые изъ бродягъ, болѣе веселаго темперамента, запасаются самодѣльными куклами и «ломаютъ комедь». Пресловутый сибирскій «Петрушка» по своему крайнему цинизму неудобенъ для передачи. Къ «комеди» обыкновенно присоединяются нехитрые фокусы, приводящіе въ неописанный восторгъ неприхотливыхъ «чал-

доновъ». Зрители допускаются за плату. Спектакль даетъ сбора отъ 50 коп. до 1 руб.

Стремленіе къ грамотѣ крайне велико въ Сибири, наличное количество школъ далеко не соотвѣтствуетъ этому стремленію. Поэтому въ сибирскихъ деревняхъ существуютъ школы неоффиціальнаго характера. Является въ деревню субъектъ, выдающій себя за «учителя»; подъ этимъ обыкновенно подразумѣваютъ грамотнаго человѣка, желающаго заняться обученіемъ дѣтей. Вначалѣ онъ находитъ одного-двухъ учениковъ. Если онъ человѣкъ смирный и не крайній пьяница (абсолютно трезвыхъ на этомъ поприщѣ сибирякъ, кажется, еще не видалъ), крестьяне отдаютъ ему «въ науку» своихъ дѣтей, и онъ дѣлается «овощей интеллигентныхъ насадителемъ», съ платою отъ 30—50 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго ученика и съ еженедѣльной «кормежкой» у родителей своихъ питомцевъ. Не рѣдко бродяга, придя въ деревню во время страды, обживется, привыкнетъ къ жителямъ, тѣ къ нему. Лѣтомъ—покосъ и страда, зимой—обученіе дѣтей. Если онъ занимается своимъ дѣломъ старательно и если его ни въ чемъ предосудительномъ: кражѣ, мошенничествѣ—не замѣчаютъ, то ни кому нѣтъ дѣла, что онъ человѣкъ безъ узаконеннаго вида на жительство, даже, можетъ быть, бѣжавшій съ каторжной работы. Даже болѣе, свои же деревенскія власти предупредятъ его о грядущемъ наѣздѣ высшихъ властей. Онъ скроется до поры до времени и по минованіи опасности вновь возвращается въ деревню.

Бродяги не брезгуютъ и поддѣлкой кредитныхъ билетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли въ этомъ дѣлѣ извѣстность по всей Сибири, такъ что многіе пользуются ихъ именами и успѣшно практикуютъ подъ подобными псевдонимами. Сибирякъ-крестьянинъ, вслѣдствіе своей полнѣйшей неразвитости, крайне примитивно смотритъ на фабрикацію фальшивыхъ денегъ. «Въ Москвѣ и Петербургѣ купечество, небось, держитъ мастеровъ?» говоритъ онъ, обращаясь къ какому-нибудь бывалому человѣку, подразумѣвая подъ «мастерами» субъектовъ, фабрикующихъ фальшивыя деньги. Стоитъ какому-нибудь прохожему разговориться съ «чалдономъ», какъ тотъ уже старается узнать, не «мастеръ ли» онъ и не знаетъ-ли какого-нибудь особеннаго «рукомесла».

Сибирякъ, крестьянинъ и купецъ, жадно искалъ и ищетъ возможности разбогатѣть поскорѣе и безъ затраты труда, поэтому онъ всегда находитъ «мастера», готоваго къ его услугамъ: спросъ соотвѣтствуетъ предложенію. Но такъ какъ настоящіе «мастера» довольно рѣдки, то ему приходится довольствоваться самозванцами. «Кукольщики», продававшіе довѣрчивымъ людямъ пачки бумаги, обернутыя подлинными кредитными билетами, въ былое время имѣвшіе широкую практику, теперь попадаются рѣдко. На смѣну имъ явились настоящіе и фиктивные мастера.

Мастеръ подъ величайшимъ секретомъ открывается жаждущему

легкой наживы сибиряку, что онъ бѣжалъ (непремѣнно бѣжалъ!) съ «петербургскаго или московскаго монетнаго двора» и унесъ оттуда «формы». Сибирякъ съ восторгомъ ухватывается за него. Если мастеръ—«настоящій», то сибирякъ послѣ продолжительнаго кутежа принимается за устройство монетнаго двора или экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ гдѣ-нибудь на заимкѣ (хуторѣ), отстоящей подалѣе отъ селенія. Послѣ этого со стороны мастера требуется величайшая осторожность, такъ какъ сибирякъ, получивъ отъ него фальшивые монеты или билеты, обыкновенно страха ради іудейска самъ же укладываетъ его и хоронитъ въ глухомъ мѣстѣ. Это обычный финалъ всѣхъ «деньгодѣловъ» въ Сибири, хорошо извѣстный имъ самимъ, вслѣдствіе чего мастера всячески стараются улизнуть отъ своего «хозяина» съ задаткомъ или даже съ его вещами.

Самозванные мастера поступаютъ иначе. Имѣя въ запасѣ «форму», т. е. мѣдную коробку, хитро раскрывающуюся и на которой съ одной стороны бываетъ крайне примитивно выгравировано изображеніе кредитнаго билета, самозванный мастеръ приступаетъ къ работѣ, т. е. къ «околпачиванію» сибиряка, за столомъ, заваленнымъ красками, кистями и прочими атрибутами своей профессіи, окруженный хозяиномъ и кое-кѣмъ изъ его пріятелей, желающимъ испытать его искусство. «Заговаривая зубы», самозванецъ объявляетъ, что приступаетъ къ печатанію. Зрители, затаивъ дыханіе, не спускаютъ глазъ съ рукъ искусника и не теряютъ ни іоты изъ словъ его, пока тотъ, улучивъ удобный моментъ, ловко и незамѣтно вынимаетъ изъ «формы» ранѣе вложенный туда билетъ, но подлинный и уже мокрый, и небрежно подаетъ его «хозяину» съ приказомъ посушить. Билетъ сушится и затѣмъ послѣ тщательнаго осмотра со стороны мастера вручается (опять-таки небрежно) хозяину съ просьбой послать за водкой. Послѣ долгихъ колебаній посылаютъ за водкой какого нибудь подростка, такъ какъ взрослые не рѣшаются идти съ завѣдомо фальшивыми деньгами. Водка, конечно, приносится, а съ нею вмѣстѣ и сдача, которую мастеръ небрежно швыряетъ дѣвкамъ и мальчишкамъ на орѣхи. Эффектъ поразительный! Недовѣріе сибиряка побѣждено и алчность еще болѣе начинаетъ одолѣвать его: найденъ мастеръ, да еще какой!—на глазахъ всѣхъ «сробилъ» бумажку—и ее взяли! Начинается обычная попойка, во время которой первое мѣсто принадлежитъ самозванцу—мастеру: ему и лучшій кусокъ, ему все «уваженіе»; бабы и дѣвки убійственно поглядываютъ на него глазами, искрящимися отъ алчности; если онъ плохо одѣтъ и обутъ, хозяинъ даетъ ему свой лучшій костюмъ. Проходитъ въ гульбѣ недѣля—другая. Хозяинъ уже начинаетъ поговаривать, что, дескать, пора и за работу. Самозванецъ оттягиваетъ начало работы, пока возможно, но, наконецъ, оттягивать уже болѣе нельзя, и онъ, предварительно получивъ въ задатокъ иногда очень значительную сумму, отправляется

съ своимъ хозяиномъ въ городъ за покупкой необходимыхъ матеріаловъ для производства en grand. Покупается всякая дрянь: голландская сажа, зельтерская вода и т. п. Все это необходимо для работы по словамъ мастера, находящаго во время этихъ покупокъ удобный моментъ скрыться отъ хозяина, конечно, съ полученнымъ отъ него задаткомъ. Одураченный сибирякъ возвращается домой уже одинъ. «Обманулъ мошенникъ! а какой мастеръ то былъ!» говоритъ онъ самъ себѣ да кое-кому изъ посвященныхъ въ тайну, вѣря всетаки въ искусство самозванца.

Бываетъ въ году время, когда бродяжій ходъ почти останавливается, замираетъ; въ это время по трактамъ и по сторанамъ ихъ встрѣчается чрезвычайно мало бродягъ. Это—время покоса и страды. Крестьяне доѣли свой прошлогодній хлѣбъ и сами покупаютъ его на базарахъ или у болѣе запасливыхъ и зажиточныхъ сосѣдей, скотъ еще не битъ, мяса въ домахъ недостаетъ и для своей семьи, молоко и сметана отвозятся работающимъ въ лугахъ и на пашняхъ; однимъ словомъ, для бродягъ наступаетъ «голодное» время. Идти стороной, гдѣ подаяніе обильнѣе, въ это время, неудобно и небезопасно, такъ какъ въ домахъ остаются лишь старый да малый. Что бы ни случилось въ деревнѣ, виновниками, по общему мнѣнію, явятся бродяги, съ которыми судъ и расправа весьма коротки. Да и крестьяне въ это время смотрятъ крайне подозрительно на каждаго прохожаго, будь онъ бродяга или нѣтъ. Поэтому-то большинство бродягъ въ это время поневолѣ берутся за косу и за серпъ; даже не бравшіе никогда ихъ въ руки стараются выучиться обращенію съ ними. Только старые бродяги прежняго закала, «каринцы», т. е. бѣжавшіе съ страшной Кары, и тѣ, которымъ необходимо скорѣе пробраться въ Россію, быть арестованными и пріобрѣсти «чистое мѣсто», не принимаютъ участія въ полевыхъ работахъ.

Въ Сибири въ страду и сѣнокосъ нанимающій не спрашиваетъ у нанимаемаго паспорта, но, условившись съ нимъ въ цѣнѣ, снабжаетъ его необходимыми орудіями, провизіей и отвозитъ въ поле или лугъ, гдѣ обыкновенно имѣется избушка или, по крайней мѣрѣ, балаганъ изъ дерна. Тамъ работникъ и живетъ до окончанія работы.

Бродяги обыкновенно работаютъ съ удовольствіемъ во время страды; въ большинствѣ случаевъ работаютъ они отлично, давая даже тонъ остальнымъ работникамъ. Къ сожалѣнію, это стремленіе къ труду не можетъ длиться долгое время по самому существу бродяги. Дѣлаясь такимъ образомъ, почти нехотя и на короткое время, полезнымъ членомъ общества, сознавая различіе между существованіемъ дѣятельнаго, полезнаго человѣка и существованіемъ отверженнаго всѣми безпріютнаго, бродяга выростаетъ въ собственныхъ глазахъ и впослѣдствіи всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ время и эпизоды своего страдованья. Иные осень, зиму и весну бродятъ по Сибири, а страдовать направляются за многія сотни верстъ въ из-

любленное мѣсто къ прежнимъ хозяевамъ, если арестъ или что-либо другое, не помѣшаетъ ихъ благому намѣренію. Надобно, чтобы произошло нѣчто весьма важное во время страды, тогда только власти берутся за аресты бродягъ. Какъ же ихъ забирать, когда они нужны крестьянамъ, крайне занятымъ и безъ того, чтобы снаряжать лошадей и возить арестованныхъ въ волостное правленіе? Въ сибирскихъ деревняхъ такимъ образомъ страдуетъ большое количество бродягъ, особенно по деревнямъ, лежащимъ немного въ сторонѣ отъ трактовъ. Въ иныхъ собирается въ это время до сотни бродягъ.

Заработанныя деньги не залеживаются въ карманѣ бродяги. Карты, вино и женщины скоро приводятъ ихъ къ нулю. Особенность карточной игры среди низшихъ слоевъ сибирскаго населенія заключается въ томъ, что шуллерскія продѣлки игроковъ пользуются правомъ гражданства. Въ Сибири каждый играющій—шуллеръ, и выигрываетъ тотъ, кто знаетъ болѣе шуллерскихъ продѣлокъ и уловокъ: попалъ на болѣе сильнаго шуллера—проигралъ, удалось отвлечь на мгновеніе вниманіе противника или подпоить его—выигралъ. Карточная игра съ подобной подкладкой не можетъ быть мирнаго характера и оканчивается почти всегда крупной ссорой, дракой и часто ударомъ ножа.

Въ минуты разгула бродяга, какъ и всѣ, ищетъ покупной любви. Въ каждой сибирской деревнѣ находятся представительницы прекраснаго пола, которымъ заработокъ бродяги и даже деньги, вырученныя продажей выпрошеннаго хлѣба, не покажутся чѣмъ-либо недостойнымъ ихъ вниманія. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются широкой извѣстностью среди всей бродяжей братіи. Рѣдкій изъ бродягъ не побывалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ «слѣпуши Прасковьи Ивановны» въ деревнѣ К—вой на берегу Томи. А подобныхъ «слѣпушъ» въ Сибири очень много.

VIII.

Мы видѣли, какъ живутъ бродяги «на волѣ». «Ѣдимъ прошеное, носимъ ношеное, любимъ брошенное»,—говорятъ они, иронизируя надъ своимъ житьемъ-бытьемъ. Посмотримъ, каково живется бродягамъ въ тюрьмахъ. Тюрьма страшна для людей, избавленныхъ судьбою отъ знакомства съ нею. Но существуютъ много людей, сжившихся съ тюрьмой, которымъ она даетъ готовый хлѣбъ, пріютъ, заработокъ и развлеченія. Тюрьма для нихъ—мѣсто, внѣ котораго существованіе ихъ почти немыслимо: неспособные къ борьбѣ за существованіе и поэтому не обладающіе ни энергіею, ни терпѣніемъ, они находятъ пріютъ за ея рѣшетками.

Бродяга вслѣдствіе условій своей бродяжьей жизни освоивается мало-по-малу съ тюрьмой, даже сродняется съ нею: здѣсь онъ находитъ все, въ чемъ нуждается, конечно, за исключеніемъ свободы.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ еще относительно недавно бродяга чувствовалъ себя хозяиномъ. Еще 5 — 6 лѣтъ тому назадъ Т—ская пересыльная тюрьма считалась «бродяжьей гостинницей». И теперь бродяга съ гордостью разскажетъ, что колодцы во дворѣ этой тюрьмы были обычнымъ мѣстомъ погребенія убитыхъ ими. Онъ разскажетъ, какъ бродяга Бишляга бросилъ туда свою возлюбленную Катьку-новоторку за измѣну, какъ бродяги въ бурный осенній вечеръ обезоружили двухъ надзирателей и бросили въ тотъ же ужасный колодецъ. И давно ли это было? Въ 1887—88 гг., но времена мѣняются. Хотя слабо, однако, сибирскія тюрьмы начинаютъ утрачивать свой прежній характеръ, и господству въ нихъ бродяги приходитъ конецъ. Впрочемъ, и до сихъ поръ еще въ большинствѣ случаевъ, особенно въ пересыльныхъ тюрьмахъ, бродяги занимаютъ всѣ должности: старосты, хлѣбопековъ и т. д., конечно, вслѣдствіе знанія ими всего тюремнаго обихода.

Орудіемъ арестантской самопомощи является майданъ, учрежденіе почти оффиціальнаго характера. Майданъ—явная, съ дозволенія начальства, торговля табакомъ, спичками, бумагой для куренія, булками, рыбой и т. д. и тайная—«смолой» (спиртомъ). Въ майданѣ же ведется карточная игра, конечно, съ негласнаго дозволенія тюремныхъ властей. Майданъ или покупается «съ торговъ» иногда за очень значительную сумму, или передается по-очереди каждому изъ арестантовъ для «поправки» его денежныхъ дѣлъ. Въ Шадр—ой тюрьмѣ, излюбленной бродягами, майданъ 3—4 года тому назадъ продавался за 1000 — 1500 рублей; въ настоящее время вслѣдствіе возникшихъ строгостей, цѣна на него упала до 25 рублей. Цѣна за майданъ уплачивается всему наличному количеству арестантовъ, «шпанѣ» на тюремномъ жаргонѣ. Гдѣ же можетъ пріобрѣсть арестантъ такую крупную для него сумму? Имѣть ее въ наличности и не надобно: имѣющіе право на участіе въ извѣстной долѣ этой суммы забираютъ ее табакомъ, «смолой» и т. д. Деньги же для оборота майданщикъ получаетъ изъ прибылей отъ торговли, довольно крупныхъ, затѣмъ отъ того, что ссужаетъ картежниковъ картами за весьма значительную (сравнительно съ стоимостью картъ) цѣну и, кромѣ того, получаетъ извѣстный $^0/_0$ съ каждаго выигрыша; наконецъ, въ майданъ поступаютъ такъ называемыя «входныя деньги», сбираемыя съ вновь прибывающихъ: съ поселенца—50 коп., съ бродяги—25 коп., съ вольнаго же человѣка, т. е. крестьянина, мѣщанина или купца,—сообразно обычаямъ тюрьмы, но нигдѣ не менѣе 2 рублей. Бывали случаи, что съ купцовъ-тузовъ входныя деньги достигали до 200—300 рублей, которыя и вносились въ майданъ во избѣжаніе различныхъ непріятностей, надоѣданій и насмѣшекъ шпаны по адресу богача. Тогда майданъ изъ этого взноса получалъ извѣстную сумму, остатокъ же дѣлился между шпаной. Изъ входныхъ же денегъ выдаются пособія идущимъ въ каторжную работу отъ 3 — 10 рублей на каждаго.

Въ тюрьмахъ небольшихъ и «небогатыхъ», гдѣ доходовъ майдану немного, т. е. гдѣ карточная игра незначительна, майданъ передается другъ другу арестантами съ цѣлью «поправки»; здѣсь входныя деньги всецѣло поступаютъ въ карманъ майданщика.

Какъ мы выразились, майданъ—почти оффиціальное учрежденіе, пользующееся извѣстными привиллегіями. Существуютъ тюрьмы, гдѣ майданщикъ имѣетъ кредитъ въ лавкахъ, которыя къ извѣстному времени доставляютъ товаръ въ майданъ. Въ такихъ тюрьмахъ даже смотрители, не говоря уже о низшей тюремной администраціи, кредитуются и иногда «забираются по горло». Въ подобныхъ случаяхъ майданщикъ—фактическій начальникъ тюрьмы; его вліяніе распространяется не только на сѣрую арестантскую «шпану», но и на администрацію тюрьмы.

Обыкновенно майданщикъ принимаетъ на себя «очистку» тюрьмы, т. е. уборку изъ камеръ неблаговонныхъ «парашъ», чистку, подметаніе и мытье половъ въ камерахъ и корридорахъ. Все это исполняется нанятыми за деньги или не внесшими входныхъ денегъ, которые обязаны заработать ихъ подобными работами. Если бы въ замкахъ не было майдановъ, смотрители были бы обязаны производить очистку за деньги, которыя при существованіи благодѣтельныхъ майдановъ они преспокойно кладутъ въ свой карманъ.

Пища въ тюрьмахъ недостаточна по количеству и малопитательна: $2^1/_2$ фунта хлѣба, оффиціально назначаемые, превращаются въ $1^1/_2$ фунта, такъ какъ арестантскій «паекъ» по существу своему легко прилипаетъ къ рукамъ смотрителя, затѣмъ его помощника и, наконецъ, старосты съ его подручными: подстаростой и хлѣбопеками. Супъ или щи съ двумя-тремя микроскопическими кусочками мяса на каждаго, извѣстные подъ именемъ «бонжура для свиней», или знаменитая «баланда», жалкое подобіе супа изъ крупъ, цвѣта и консистенціи грязи, получающейся при мытьѣ половъ, и, наконецъ, горохъ—вотъ и все разнообразіе меню заключеннаго. Горохъ варится крайне рѣдко, такъ какъ онъ сравнительно дороже «баланды» и «бонжура для свиней», что невыгодно для смотрительскаго кармана. Тюремная муза повѣтствуетъ о нѣкоемъ майданщикѣ, имѣвшемъ крайне засаленныя карты и который былъ бы подъ-пару какому-то Дунаю, очевидно, старостѣ, умѣвшему грѣть руки въ арестантскомъ продовольствіи:

Онъ тѣ карты-бъ для навару
Въ кухню предложилъ
И съ нечищеной картошкой
Карты бъ тѣ сварилъ,
И, хотя бы тѣмъ немножко
Шпанкѣ бъ удружилъ.

Эта баланда и бонжуръ сильно не по сердцу наиболѣе избалованнымъ изъ бродягъ, особенно, игрокамъ и завсегдатаямъ май-

дана, обыкновенно питающихся съ кухни, откуда можно получать, конечно, за деньги, и нѣчто болѣе похожее на кушанье.

При относительной свободѣ тюремъ и продажная женская любовь къ услугамъ тюремныхъ донъ-жуановъ. Распущенность особенно велика въ пересыльныхъ тюрьмахъ; въ иныхъ даже существуетъ своего рода лупанарій, содержимый какой-нибудь афферистской. Противоестественные пороки тоже широко распространены въ сибирскихъ тюрьмахъ, что не составляетъ секрета ни для кого. Въ Сибири среди крестьянъ и ссыльныхъ на эти пороки смотрятъ крайне снисходительно. Иному, одержимому извращеніемъ полового чувства, кажется, уже совсѣмъ не мѣсто въ деревнѣ; его мѣсто въ спеціальной лѣчебницѣ или даже въ домѣ душевно-больныхъ, а онъ находится только «на замѣчаніи по журналу» волостного правленія.

Въ сибирской тюрьмѣ съ деньгами можно получить все, что ни пожелаешь. Слѣдовательно, инымъ натурамъ жизнь въ тюрьмѣ должна приходиться по сердцу.

Эта тюремная распущенность окончательно уродуетъ человѣка. Прибавьте къ тому, что тюрьмы—академіи преступленій всякаго рода, что человѣкъ слабаго характера, попавшій туда несовершенно испорченнымъ, невольно подчиняется соблазнамъ и дурнымъ совѣтамъ,—и вы получите понятіе о томъ значеніи, которое можетъ имѣть тюрьма, съ сибирскими порядками, для увеличенія числа преступленій. По отношенію къ развитію бродяжества роль сибирской тюрьмы несомнѣнна, и тюремная реформа должна быть необходимымъ условіемъ для дѣйствительнаго устраненія бродяжества. Пока тюрьмы останутся бродяжными притонами, бороться съ бродяжествомъ будетъ невозможно.

Упрощеніе и ускореніе сибирскаго судопроизводства, принуждающаго арестанта долгое время дышать этой зачумленной атмосферой и, въ концѣ концовъ, ассимилирующаго еще несовсѣмъ испорченнаго человѣка съ привычными обитателями замковъ и тюремъ,—также должно спасти массу людей отъ окончательнаго паденія.

IX.

Не менѣе гибельна въ нравственномъ отношеніи и прогулка по этапу, иногда очень долгая.

Бродяга обыкновенно «зимуетъ» въ тюрьмѣ того города, гдѣ судился за бродяжество, и съ наступленіемъ весны, а съ ней и навигаціи, пересылается въ центральную пересыльную тюрьму и затѣмъ отправляется въ Сибирь. Прежняго ссыльнаго тракта, «владимірки», уже не существуетъ. Въ настоящее время путешествіе по этапу совершается по слѣдующему маршруту: въ вагонахъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги до Нижняго, затѣмъ въ арестантскихъ баржахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, отсюда по Ураль-

ской жел. дор. до Тюмени и вновь въ такихъ же баржахъ по Оби и Томи до Томска, отъ Томска уже начинается пѣшій трактъ до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири.

Въ Томской пересыльной тюрьмѣ арестантская партія «формируется». Составъ партіи всегда одинаковъ, что даетъ намъ возможность, хотя бы приблизительно, опредѣлить количество бродягъ, ежегодно прибывающихъ изъ Россіи. Партія обыкновенно состоитъ изъ 350 человѣкъ, подраздѣлящихся слѣдующимъ образомъ: идущихъ въ каторжную работу до 40 человѣкъ (11,4%), бродягъ—100 ч. (28,5 %), идущихъ съ полнымъ и неполнымъ лишеніемъ правъ—100 ч. (28,5%), ссылаемыхъ административнымъ порядкомъ—30 ч. (8,6%), ссыльныхъ по приговорамъ обществъ, «общественниковъ»—30 (8,6%) и, наконецъ, «пересыльныхъ», пересылаемыхъ за «безпись менность», т. е. за неимѣніе узаконенныхъ видовъ на жительство, вмѣстѣ съ «конвертными», т. е. поселенцами, пробравшимися чрезъ россійско-сибирскую границу, арестованными въ Россіи и пересылаемыми въ мѣста своего причисленія—50 ч. (14,3%).

Такимъ образомъ, бродягъ въ каждой партіи до 100 чел. или 28,5%. Но къ этому надобно прибавить 14,3%, выражаемыхъ 50 пересыльными и конвертными, въ сущности тѣми же бродягами, но только «родословными»; слѣдовательно, истинное количество бродяжни въ каждой партіи возрастаетъ до 150 чел. или до 42,8%, т. е. почти до половины наличности всей партіи.

Изъ Тюмени въ Томскъ каждую навигацію пароходы съ арестантскими баржами на буксирѣ дѣлаютъ 20 рейсовъ, привозя въ каждой баржѣ minimum 750 арестантовъ всѣхъ категорій, что составитъ въ итогѣ 15,000 арестантовъ. Ежегодно ссылается въ Сибирь около 9,500 человѣкъ, осужденныхъ окружными судами. Вычтя 9,500 изъ 15,000, мы получимъ 5,500; это административные, пересыльные и конвертные, пересылаемые помимо рѣшеній окружныхъ судовъ.

Изъ Томска съ начала навигаціи и до рождественскихъ праздниковъ выходитъ по одному только московско-иркутскому тракту, не говоря о другихъ, около 28 партій по 350 чел. въ каждой, что составитъ 9,800 чел. По приведенному выше разсчету, среди этихъ почти десяти тысячъ арестантовъ бродягъ и бродяжествующихъ должно быть 4,000 слишкомъ. Въ семейныхъ партіяхъ тоже идутъ бродяги, хотя и противозаконно. Послѣ Рождества до открытія навигаціи идутъ небольшія партіи, количество арестантовъ въ которыхъ опредѣлить трудно. Кромѣ того партіи, проходя городами, захватываютъ по дорогѣ осужденныхъ въ ссылку, среди которыхъ необходимо должны быть бродяги. «Обратныя» партіи, т. е. идущія навстрѣчу томскимъ партіямъ, также заключаютъ въ себѣ бродягъ и бродяжествующихъ. Наконецъ, въ составѣ партій, идущихъ по другимъ трактамъ, также много бродягъ. Такимъ образомъ, 4,000 бродягъ это число много ниже дѣйствительности.

Принявъ во вниманіе расходы казны на продовольствіе, одежду и дорогу бродягъ, на содержаніе конвойныхъ командъ, затѣмъ расходы крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ на «кормовыя», одежду и дорогу по ихъ губерніи, уплачиваемые обществами казнѣ за возвращаемыхъ причисленныхъ къ нимъ бродягъ, — можно судить, во что обходятся казнѣ эти тысячи Ивановъ Непомнящихъ. Прибавьте къ этому, что сибирякъ поитъ, кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ и даже согрѣваетъ эти тысячи. А бродяги и бродяжествующіе, избѣгающіе тюремъ и этапнаго хожденія? Ихъ — много, и они еще болѣе увеличиваютъ сумму расходовъ, вызываемыхъ бродяжничествомъ.

До Томска составъ партіи смѣшанный: семейные арестанты съ женами и дѣтьми идутъ вмѣстѣ съ холостыми. Въ Томскѣ партіи уже дѣлятся на семейныя и холостыя и отправляются въ различные дни недѣли, съ цѣлью уменьшить распутство. Однако de facto и въ семейныхъ партіяхъ находятся бродяги, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Недавно еще партіи были смѣшаннаго характера, и тогда партія представляла громадный подвижной публичный домъ: развратничали партіонные офицеры, развратничали конвойные и арестанты. И въ настоящее время въ семейныхъ партіяхъ беззащитныя одинокія женщины, да и замужнія, несмотря на присутствіе мужей и родственниковъ, не всегда гарантированы отъ постыдныхъ предложеній конвоя и арестантовъ. Многіе изъ мужей, зная объ этомъ по личному опыту или по разсказамъ бывалыхъ людей, предпочитаютъ, чтобы жены ихъ, какъ это имъ ни горько, оставались дома, въ Россіи, чѣмъ пришли бы къ нимъ по этапу, подвергаясь подобной опасности. Многія изъ женщинъ, избаловавшись во время пути, вступаютъ впослѣдствіи на скорбную дорогу разврата.

Въ тюрьмахъ господство бродягъ не можетъ проявляться такъ сильно, какъ во время хода по этапу.

Наканунѣ отправки партіи изъ Московской центральной пересыльной тюрьмы, арестантскимъ большинствомъ избирается староста съ своими помощниками: подстаростой, хлѣбопеками и «парашниками»; послѣдніе обязаны наблюдать за чистотой палубы и каютъ баржи. Избираются они изъ бродягъ, какъ болѣе знакомыхъ съ дорожнымъ арестантскимъ обиходомъ.

На баржѣ, похожей на громадную клѣтку для звѣрей, арестанты, хотя и распредѣлены по «категоріямъ» и помѣщаются въ разныхъ каютахъ, пользуются свободой ходить, сидѣть и спать гдѣ угодно, въ каютахъ или на палубѣ. Лишь семейные находятся подъ замкомъ. Но это имѣетъ значеніе только для не посвященныхъ въ тайны этой жизни: 40—50 копѣекъ всегда могутъ отворить дверь, оберегаемую конвойнымъ.

Необходимо отдать справедливость бродяжнѣ въ лицѣ ея выборныхъ,—умѣетъ она кормить и себя не позабыть. Хотя между ста-

ростой и конвоемъ существуетъ стачка, поглощающая извѣстную долю арестантскаго продовольствія, однако, на своемъ печальномъ пути ни до слѣдованія на баржѣ, ни послѣ него, арестанты не увидятъ ни такихъ наварныхъ щей съ мясомъ, ни такой жирной масленной каши.

Баржа—не замокъ: сиди, лежи, ходи, кури сколько хочешь и гдѣ хочешь. Лишь только «повѣрка» количества арестантовъ окончена, пьянство и картежная игра вступаютъ въ свои права. Мы имѣли уже случай говорить о мошеннической подкладкѣ картежной игры среди низшихъ слоевъ Сибири. Здѣсь то же самое. Рѣдко приходитъ баржа къ мѣсту своего назначенія безъ тяжко изувѣченныхъ людей. Если арестантъ другой категоріи выигралъ значительную сумму, бродяги найдутъ поводъ заварить кашу, чтобы отнять у счастливца выигрышъ и изувѣчить несчастнаго до полусмерти, конечно, пріискавъ какой-нибудь предлогъ для самооправданія въ глазахъ остальной «шпаны». Звѣрскіе случаи арестантскаго самосуда страшатъ болѣе робкихъ арестантовъ и даютъ имъ ложное, преувеличенное понятіе о силѣ и значеніи арестантской артели и о всемогуществѣ бродягъ.

На баржѣ происходитъ первое сближеніе бродягъ съ другими категоріями арестантовъ карты и вино, доставляемыя тайно конвоемъ за весьма высокую плату, способствуютъ этому. Молодежь изъ «лишенцевъ», т. е. идущихъ съ лишеніемъ правъ, обладающая кое-какими деньжонками и запасомъ одежды, втягивается въ пьянство и игру, начинаетъ подражать во всемъ бродягамъ, завидуя ихъ привиллегированному положенію въ партіи.

Наконецъ, партія, пересѣвъ въ Перми въ вагоны и затѣмъ въ Тюмени вновь на баржу, достигаетъ Томска, гдѣ ей дается недѣльный отдыхъ, и затѣмъ отправляется по образу пѣшаго хожденія по московско-иркутскому тракту.

Несмотря на значительные «станки», т. е. переходы отъ одного этапа до другого, партія бодро и оживленно идетъ по тракту, оцѣпленная со всѣхъ сторонъ конвойными солдатами. Въ первое время соблюдается извѣстный порядокъ: впереди идутъ «каторжане», отдѣленные особымъ конвоемъ отъ остальной шпаны, затѣмъ бродяги, далѣе лишенцы; въ хвостѣ партіи тянутся идущіе безъ кандаловъ: пересыльные, конвертные, административные и общественники. Вскорѣ этотъ порядокъ неизбѣжно нарушается: одному надобно поправить кандалы или обувь, другому закурить, третій усталъ и еле бредетъ, подгоняемый конвойнымъ. Сзади ѣдутъ подводы для больныхъ, также конвоируемыя солдатами. Немного отставая отъ партіи, тянутся еще подводы, нагруженныя арестантской поклажей. Привиллегированное положеніе бродягъ проявляется и здѣсь: усталымъ и выбившимся изъ силъ арестантамъ другихъ категорій (только для каторжанъ дѣлается исключеніе) не такъ-то легко

усѣсться на подводу: сажаетъ староста или подстароста по своему выбору. Отдыхаютъ только бродяги, каторжане и дѣйствительно больные.

На 20—30 верстномъ переходѣ партія отдыхаетъ только одинъ разъ. На мѣсто отдыха изъ сосѣдней деревни являются торговки—крестьянки съ припасами. Несмотря на сибирскую дешевизну, сибирячки въ этомъ случаѣ не очень-то жалѣютъ «несчастненькихъ» и берутъ за все въ три-дорога. Отдохнувъ, партія уже не такъ оживленно двигается къ этапу, гдѣ и будетъ ночлегъ. Усталые, измученные проклинаютъ «путанныхъ чертей», намекая на кандалы бродягъ, спѣшащихъ скорѣе добраться до этапа. Даже конвойные замедляютъ шагъ, чтобы принудить партію идти не такъ быстро и то-и-дѣло покрикиваютъ: иди тише! Бродяги спѣшатъ, такъ какъ по приходѣ на этапъ надобно подкрѣпить свои силы и отдохнуть, чтобы съ новой энергіей приняться за отчаянную ночную картежную игру.

Наконецъ, партія достигаетъ этапа, куда и входитъ послѣ неизбѣжной повѣрки у воротъ. Во дворѣ этапа уже собрались торговки съ молокомъ, щами, хлѣбомъ. мясомъ и пр. Партія спѣшитъ напиться чаю, отдыхаетъ, чинитъ одежду и обувь. Послѣ вечерней повѣрки ее опять запираютъ на замокъ. Въ камерахъ на разостланныхъ халатахъ уже возсѣдаютъ герои штосса и стуколки, ожидая понтеровъ и партнеровъ. Кое-гдѣ видна бутылка «смолы». Водка въ партіи и тюрьмахъ не продается. Спиртъ разбавляется уже майданщикомъ и поступаетъ таковымъ въ продажу. Это—болѣе удобный, негромоздкій контрабандный товаръ, чѣмъ водка.

Болѣе гуманные, точнѣе, болѣе разсудительные начальники этаповъ даютъ арестантамъ возможность имѣть развлеченія во время дневки въ этапѣ: пѣть, плясать и иногда «ломать комедь» на кое-какъ импровизированной сценѣ. Крайне оригинальное, но хватающее за душу зрѣлище представляетъ пляска съ аккомпаниментомъ кандаловъ. «Выйди, сударь, выйди, баринъ, на войну!» слышится плясовой мотивъ во дворѣ этапа, окруженномъ частоколомъ. Группы конвойныхъ и шпаны окружаютъ плотной стѣной полуобритыхъ плясуновъ, съ увлеченіемъ прибивающихъ къ землѣ свое горе арестантскимъ «чиркомъ», подбитымъ «морозкой» (крупными гвоздями). Иногда и начальникъ этапа удостоиваетъ своимъ присутствіемъ веселящуюся шпану и бросаетъ 20—30 копѣекъ увлекшимся плясунамъ. Поютъ много и долго. Здѣсь-то и можно познакомиться съ многочисленными произведеніями бродяжьей музы. Особенно характеристично слѣдующее, излагающее полнѣйшее curriculum бродяжьей жизни.

Меня отвергли мать и братья,
Отецъ вины мнѣ не простилъ
И словомъ страшнаго проклятья
Меня на вѣки заклеймилъ.

Съ тѣхъ поръ судьба моя лихая
Сулитъ мнѣ лишь одну бѣду:
Какъ Каинъ по свѣту блуждая,
Нигдѣ покоя не найду.
Я умеръ ужъ для честной жизни.
Сама мнѣ жизнь не дорога
Съ тѣхъ поръ, какъ стала мнѣ отчизной
Непроходимая тайга.
Но бременемъ судьбы злодѣйки
Угасъ разсвѣтъ былого дня—
Котелъ, «стрѣльба» [1]) и саватейки [2])
Девизомъ стали для меня.
Не нуженъ мнѣ духовный міръ,
Ни чаша райскихъ наслажденій,
И не спасетъ меня псалтырь,
Ни даже пе—скій попъ Евгеній [3]).
Меня родные тщетно ждутъ:
Я не воскресну къ жизни новой—
И мой до самой смерти путь:
Отъ Шадрина [4]) и Хомутовой [5]).
Бреду, безродный удалецъ—
Земля—постель, покровомъ—небо;
Спасибо—далъ мнѣ мой отецъ...
До самой смерти кусокъ хлѣба.
Тяжелый данъ намъ всѣмъ вѣнецъ:
Жизнь наша—чистая игрушка,
Любой поскотникъ—намъ отецъ,
А мать—коптѣлая избушка.
И жизнь—привольна и легка!
Всегда на лѣшаго похожій,
Въ одеждѣ форменной стрѣлка [6]).
Кормилецъ—батюшка прохожій!
Но если ужъ попуститъ Богъ,
Въ пути насъ встрѣтитъ засѣдатель,—
Такъ намъ не страшенъ и острогъ:
Вѣдь, намъ острогъ—давно пріятель.
Зима порой застигнетъ насъ,
Съ зимой плохія ужъ игрушки,—
Мы по избушкамъ, и тотчасъ
Плетемъ корзинки, пестерюшки [7]).
Умѣемъ, лежа на боку,
Вдвоемъ, троемъ, поодиночкѣ,

---

[1]) Выпрашиваніе подъ окнами.

[2]) Куски хлѣба, собраннаго бродягою при обходѣ деревни.

[3]) Священникъ пе—ской тюрьмы, уважаемый арестанствомъ.

[4]) Шадринскъ—уѣздный городъ Пермской губ., обычное мѣсто ареста бродягъ, идущихъ «на проходъ за пѣснями», т. е. кандальнымъ звономъ. Шадринская тюрьма недавно была излюбленнымъ пріютомъ бродягъ.

[5]) Хомутова—деревня за Иркутскомъ; отсюда арестантская партія идетъ уже безъ военнаго конвоя, лишь въ сопровожденіи сельскихъ властей. Съ Хомутовой бродяги разсылаются по волостямъ для поселенія и, конечно, сейчасъ же по прибытіи туда, при первой возможности, бѣгутъ назадъ въ Россію.

[6]) Бродяга, точнѣе просящій Христа ради.

[7]) Корзинки изъ бересты съ крышкой для хлѣба.

«Творить блины» [1]) сибиряку
Или присушку [2]) сибирячкѣ.
Да мало-ль вынудитъ въ пути
Изобрѣсти судьба обмановъ!—
Подумай, другъ, и не шути
Съ судьбой Непомнящихъ Ивановъ!.. [3])

Хорошаго партіоннаго этапнаго офицера партія бережетъ; во время его слѣдованія съ партіей или пребыванія послѣдней въ этапѣ, подчиненномъ его вѣдѣнію, побѣги немыслимы и если они должны случиться, то будутъ учинены по приходѣ въ другой этапъ, начальникъ котораго не пользуется симпатіями всезнающихъ бродягъ, съ согласія и при участіи которыхъ только и можетъ совершиться побѣгъ. Бродяги не позволятъ «обидѣть» хорошаго для ихъ начальника. Кандалы не препятствуютъ побѣгу, и по нимъ невозможно найти бѣглеца, который, конечно, броситъ ихъ въ первыя минуты своего бѣгства, если не могъ исполнить этого ранѣе. Этотъ желѣзный пѣвучій уборъ—лишь безполезная тяжесть, мучительная для носящаго ихъ. Скорѣе бѣглецъ будетъ найденъ по полу-бритой головѣ.

Въ партіи рельефнѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, выступаетъ подраздѣленіе бродягъ на иванòвъ и жиганòвъ.

Иваны—первые игроки, первые пьяницы, первые донъ-жуаны партіи. Широкіе штаны и рукава, полотенце на шеѣ—ихъ характерное отличіе. Крайне избалованные, они съ комфортомъ совершаютъ свое прохожденіе по этапу. Обыкновенно иванъ обзаводится прихлебателями—жиганами, кормитъ и поитъ ихъ, такъ какъ ихъ глотка и кулаки часто бываютъ ему нужны. Нѣтъ той мерзости, на которую не былъ бы способенъ иванъ. «Иванство»—послѣдняя степень человѣческаго паденія. Молоденькій, безусый мальчишка — лишенецъ составляетъ обычную компанію ивана, исполняющаго всевозможныя прихоти своего любимца. Иваны, благодаря совершеннѣйшему знанію всѣхъ тонкостей карточной игры, всегда имѣютъ деньжонки.

Жиганы—противоположность иванамъ: жиганъ крайне бѣденъ: кромѣ котелка, деревянныхъ чашки и ложки онъ ничего не имѣетъ. Подстароста партіи—жиганскій староста. Жиганы количественно превышаютъ ивановъ и, будучи страстными игроками, большею частью не въ ладахъ съ фортуною, обыкновенно забираютъ въ долгъ въ майданѣ слѣдуемыя отъ города до города свои кормовыя деньги—десять копѣекъ въ сутки, доходящія далѣе на востокъ до 18—20 копѣекъ. Идеалъ ихъ жизни:

---

[1]) Дѣлать фальшивыя деньги.

[2]) Любовное зелье.

[3]) Иванъ Непомнящій—общераспространенный псевдонимъ бродягъ.

Жиганы при фартѣ—*)
Сто рублей на картѣ.....

Деньги забраны и проиграны; жигану грозила бы голодная смерть, если бы не подаяніе, получаемое партіей при проходѣ чрезъ деревни. Кромѣ того, при продажѣ майдана партіи, покупающій его за извѣстную сумму обязанъ, смотря по условію, дать три-четыре обѣда жиганамъ. Майданъ продается отъ города до города. Когда партія приходитъ въ городъ, избирается новый майданщикъ. Такимъ образомъ на долю жигановъ, идущихъ во всякомъ случаѣ не ближе Иркутской губерніи, придется не менѣе 25 даровыхъ обѣдовъ.

Деньги, полученныя партіей за майданъ, идутъ на жалованье старостѣ, подстаростѣ, на нихъ нанимаются парашники, угощается конвой. Будучи прихлебателями майдана и ивановъ, жиганы, конечно, готовы за нихъ въ огонь и въ воду. Жиганы—боевая сила бродягъ, безъ нихъ послѣдніе не могли бы господствовать въ партіи.

Во время прохода партіи по этапу происходятъ и «смѣны», получившія широкую извѣстность. Кого либо изъ каторжанъ или лишенцевъ страшитъ перспектива каторги или отдаленныхъ мѣстъ. Онъ сообщаетъ объ этомъ бродягамъ, которые начинаютъ работать съ увлеченіемъ, чуя здѣсь поживу для себя. Надобно найти кого-нибудь приблизительно похожаго на ищущаго себѣ замѣстителя. Подходящій субъектъ найденъ. Бродяги начинаютъ увиваться вокругъ него, втягиваютъ его въ пьянство, картежную игру, открываютъ ему широкій кредитъ. Несчастный, не подозрѣвая ловушки, проигрывается въ пухъ, и тогда-то приступаютъ къ нему съ грознымъ требованіемъ уплаты, совершенно для него невозможной. Положеніе его безвыходно. «Кормовыя» уже забраны, объ этомъ уже постарались ранѣе, въ долгъ ему никто не повѣритъ ни копѣйки изъ страха предъ бродягами — несчастный поневолѣ принужденъ согласиться на «смѣну», т. е. обмѣняться съ нежелающимъ идти далѣе именемъ и, конечно, участью, за что ему предлагаютъ деньги. Часто «смѣны» совершаются за 3—5 рублей, иногда и за меньшую сумму. Отказъ отъ смѣны—невозможенъ. Голодная смерть или смѣна—ужасная дилемма для несчастнаго. Если онъ уже согласился на смѣну и потомъ, обдумавъ и взвѣсивъ результаты ея, отказывается—ему угрожаетъ смерть отъ руки бродяжни. Въ случаѣ согласія на смѣну бродяжня щедро награждается искавшимъ смѣны. На слѣдующемъ этапѣ при перекличкѣ согласившійся на смѣну выходитъ за своего двойника. Смѣна совершена. Купившій чужое имя въ скоромъ времени освобождается въ мѣстѣ причисленія своего двойника, откуда сейчасъ же

*) Фартъ—испорченное сибирское «фортуна».

и исчезаетъ. Уступившій же свое имя чрезъ нѣсколько этаповъ заявляетъ начальству о совершенной имъ смѣнѣ. Начинается слѣдствіе, и послѣ выясненія личности смѣнщикъ, предварительно перенеся наказаніе за смѣну, пересылается въ мѣсто своего причисленія.

Смѣны и смѣнщики въ Сибири столь обыкновенны, что имъ никто не удивляется. Крестьяне, купцы, даже чиновники бываютъ изъ смѣнщиковъ. Былъ даже случай, что полиціймейстеръ одного города оказался обладателемъ фиктивнаго имени: слѣдствіе выяснило, что онъ былъ приговоренъ къ долгосрочной каторгѣ и затѣмъ смѣнялся съ однимъ административно-ссыльнымъ. Одинъ изъ благодѣтелей бродягъ, недавно умершій, довольно крупный коммерсантъ, былъ также осужденъ въ каторжную работу и затѣмъ смѣнялся. Біографія его еще при его жизни была извѣстна многимъ, даже властямъ.

Когда начнется движеніе по Сибирской желѣзной дорогѣ, пѣшеэтапному странствію по Сибири придетъ конецъ. Это будетъ второй крупный шагъ (рядомъ съ измѣненіемъ тюремныхъ порядковъ) къ ослабленію бродяжества.

X.

Резюмируя все вышеизложенное, мы видимъ, что бродяга необходимо долженъ падать все ниже и ниже: условія его жизни таковы, что для него не можетъ быть возрожденія. Проводя всю свою жизнь по тюрьмамъ и въ слѣдованіи по этапу, онъ свыкается съ нравственною атмосферою тюремной и этапной жизни:— тюрьма его воспитываетъ, дѣлаетъ своимъ завсегдатаемъ и хранителемъ преданій, спеціалистомъ - казуистомъ въ юридическихъ вопросахъ, и наконецъ, пьяницей, картежникомъ и развратникомъ.

Это—воспитательное значеніе тюрьмы.

«Воля» пріучаетъ его къ тунеядству и постоянно наталкиваетъ на преступленіе, такъ какъ ни милостыня, ни случайный заработокъ не могутъ доставить возможности удовлетворенія его влеченій, страстей и аппетитовъ.

Неужели на самомъ дѣлѣ бродягѣ нѣтъ никакого выхода изъ своего ужаснаго положенія?

Легально можно указать цѣлыхъ три выхода, но всѣ они на самомъ дѣлѣ мало доступны бродягѣ.

1) Безупречно проведенныя 10 лѣтъ въ мѣстѣ поселенія даютъ возможность сдѣлаться крестьяниномъ и пользоваться правами крестьянина изъ ссыльныхъ. Для бродяги этотъ выходъ закрытъ, такъ какъ безупречно, въ трудѣ, провести десять лѣтъ для него немыслимо; бродяга къ продолжительному труду большею частью совсѣмъ не способенъ и сдѣлаться работникомъ для него невозможно; 2) приписаться къ чужому обществу, гдѣ онъ прижился

de jure возможно, но de facto крайне трудно, такъ какъ общество тогда только приметъ его въ свою среду, когда убѣдится въ его трудолюбіи или полнѣйшей его безвредности для себя, на что надобно довольно долгое время, слѣдовательно, со стороны бродяги требуется продолжительный искусъ, совершенно не по его силамъ, наконецъ, 3) возможно поступленіе по суду въ богадѣльню для бродягъ, не ранѣе, однако, 60-лѣтняго возраста. Но существующій тамъ строгій режимъ ненавистенъ бродягѣ, и онъ бѣжитъ изъ богадѣльни.

Въ неспособности къ продолжительному труду весь трагизмъ существованія Ивановъ Непомнящихъ: кромѣ бродяжества и тюрьмы имъ не можетъ быть другого исхода.

Бродяжество—признакъ низкаго культурнаго уровня страны. Россія, а тѣмъ болѣе Сибирь, несмотря на кое-какія блага, дарованныя ей цивилизаціей, никоимъ образомъ не можетъ еще назваться культурной страной. Съ развитіемъ культуры бродяжество, при совокупности измѣнившихся юридическихъ и экономическихъ условій, исчезнетъ само собою. Признаки этого уже замѣтны.

1) «Бродяга» измельчалъ и на смѣну ему явился «бродяжествующій».

2) Настроеніе крестьянской массы относительно бродягъ, хотя и слабо, однако начало, измѣняться вслѣдствіе сильнаго развитія бродяжества, превышающаго возможность благодѣтельствовать.

3) Вслѣдствіе начавшагося измѣненія тюремнаго режима, тюрьмы начинаютъ мало-по-малу терять характеръ бродяжныхъ притоновъ и перестаютъ быть приманкой для бродягъ.

4) Вліяніе строющейся Сибирской желѣзной дороги должно выразиться: a) въ уничтоженіи пѣшаго слѣдованія по этапу; b) во временномъ обѣдненіи притрактовыхъ жителей, вслѣдствіе неизбѣжнаго уничтоженія торговыхъ обозовъ и почтовой и вольной гоньбы, питающихъ весь трактовый людъ, живущій единственно «на кнутѣ». Если и теперь по тракту бродяжкѣ подаютъ мало и съ худо-скрываемой неохотой, то съ открытіемъ движенія будутъ подавать еще менѣе; поэтому, бродяжество всею массою обрушится на живущихъ въ сторонѣ отъ трактовъ, которые не будутъ въ состояніи выдержать его наплыва.

5) Непрерывно идущіе и поселяющіеся переселенцы, «самоходы», не такъ щедры, какъ сибиряки; слѣдовательно, бродягамъ на обильное подаяніе съ ихъ стороны разчитывать трудно.

И, наконецъ, 6) съ наплывомъ самоходовъ (какъ можно замѣтить уже теперь) должно слишкомъ увеличиться предложеніе труда: рабочихъ рукъ будетъ слишкомъ много, и сибирякъ въ покосъ и страду, безъ сомнѣнія, предпочтетъ имѣть дѣло съ «лапотникомъ», хотя и весьма не симпатичнымъ ему, чѣмъ съ бродягой, котораго все-таки немного опасается. Слѣдовательно, участіе бродягъ въ полевыхъ крестьянскихъ работахъ, нѣсколько мирящее крестьянъ

съ тысячами тунеядцевъ, не будетъ уже столь необходимымъ въ горячее рабочее время.

Но коренною мѣрою для искорененія бродяжества можетъ быть только уничтоженіе самой ссылки на поселеніе. При ея существованіи никакія мѣропріятія, никакія строгости не принесутъ пользы. Отбывъ срокъ заключенія, хотя бы и суроваго, бродяга все таки пойдетъ на старый путь, ибо иная жизнь для него невозможна.

Простимся съ читателемъ словами неизвѣстнаго бродяги—поэта

Подумай, другъ, и не шути
Съ судьбой Непомнящихъ Ивановъ!.

В. Москвичъ.

Новыя книги.

В. Н. Никитинъ. Разнообразіе. Повѣсти, разсказы и очерки. Спб. 1895.

Г. Никитинъ столько же удовлетворительный репортеръ и корреспондентъ, сколько неудовлетворительный беллетристъ. Отъ репортера требуется прежде всего „быстрота и натискъ". Быстрота—для того, чтобы не отставать отъ событій, а натискъ—для того, чтобы поближе пробраться къ событіямъ. Когда начинаютъ „тащить" или „не пущать" (см. Глѣба Успенскаго), тутъ то талантливому репортеру и блеснуть своими дарованіями: ни за что не попасть туда, куда „тащатъ" и непремѣнно попасть туда, куда „не пущаютъ". Г. Никитинъ обладаетъ этими дарами въ высокой степени. Былъ онъ, напр., на юбилейномъ торжествѣ одного провинціальнаго университета и явился къ распорядителю съ своими документами. Распорядитель „закурилъ сигару и углубился въ чтеніе бумагъ. Прошло минутъ пять.

— Позвольте же узнать: какой и когда именно ожидать мнѣ результатъ?—напомнилъ я ему о себѣ.

— Ахъ, да, насчетъ входнаго билета? Теперь нѣкогда, о васъ будетъ доложено,—отозвался онъ. Уходите, уходите: не до васъ.

— Однако, позв-вольте просить васъ быть повѣжливѣе.

— Вы, я вижу, не хотите отстать? Ну, такъ пойдите-ка сюда за мной".

Тащатъ г. Никитина... Боже мой, что съ нимъ сдѣлаютъ? Судя по тону распорядителя, можно ожидать всего худшаго. Но все кончилось благополучно: распорядитель „сѣлъ къ столу, порылся въ немъ, что-то вытащилъ и продолжалъ: знаете ли что? Вотъ вамъ брошюра о „цыганахъ въ Россіи"—очень интересное изслѣдованіе—пусть ваша редакція перепечатаетъ ее, а мнѣ, какъ подобаетъ профессору, заплатите по гривеннику за строчку". Не зналъ профессоръ, съ кѣмъ дѣло

имѣетъ: г. Никитинъ брошюру взялъ и припряталъ ее въ предвидѣніи минуты, когда его станутъ *не пущать*. Эта минута не замедлила наступить и произошло вотъ что:

«Въ день юбилея, во время богослуженія въ церкви, я проникъ въ канцелярію и снова сталъ домогаться свѣдѣній.

— Я вѣдь, ужъ нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что все будетъ въ *нашей* газетѣ—вразумлялъ меня распорядитель. Нѣтъ и нѣ-ѣтъ!

— Въ такомъ случаѣ, извините, я обращусь къ генералъ-губернатору, причемъ разскажу ему о вашемъ грубомъ поведеніи и о вымогательствѣ денегъ за брошюру о цыганахъ. Онъ, какъ уже обѣщалъ мнѣ, *прикажетъ* вамъ дать мнѣ свѣдѣнія.

— Что вы, что вы? Я васъ первый разъ вижу...

— Не первый, а пятый разъ видите вы меня, брошюра ваша у меня да и два депутата, живущіе со мной въ одной гостинницѣ, слышали, какъ вы мнѣ предлагали перепечатать брошюру за деньги. Я выставлю ихъ въ свидѣтели.

— Не горячитесь, а подождите лучше: я скоро вернусь.

Онъ исчезъ. Немного погодя, письмоводитель пригласилъ меня въ смежную комнату и предоставилъ въ мое распоряженіе тетрадь со свѣдѣніями. Я сѣлъ и принялся наскоро списывать».

Вотъ это по американски! Будетъ помнить корыстолюбивый профессоръ нашего смѣтливаго репортера! Кстати сказать, г. Никитинъ не называетъ университета, но изъ его изложенія догадаться нетрудно, о комъ идетъ рѣчь, и мы приглашаемъ читателя полюбоваться высотою нравственнаго уровня патентованныхъ наставниковъ нашего юношества. Но въ качествѣ беллетриста, г. Никитинъ часто бываетъ смѣшонъ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ бы совсѣмъ не смѣшить, а трогать или устрашать насъ. Вотъ, напр., бѣдный канцелярскій чиновникъ, томимый жаждой знанія: „конечно не вытерпишь, сходишь посмотрѣть на книгу въ окна книжнаго магазина, поглазѣешь на длину, толщину ея, слюньки потекутъ изо рта, отплюешься, поглотаешь ихъ вдоволь и, скрѣпя сердце, пойдешь назадъ". Какая оригинальная и изящная форма любознательности! А вотъ примѣръ быстраго и тоже чрезвычайно оригинальнаго наказанія справедливой судьбой за совершенное злодѣяніе: смотритель больницы „здоровенный полковникъ такъ хлеснулъ ладонью по щекѣ мѣщанина (больного), что вышибъ изо рта два зуба, окровавилъ все лицо, сбилъ его съ ногъ и удалился. Вскорѣ послѣ того мы услышали, что осколки зубовъ несчастнаго застряли въ смотрительской рукѣ, она распухла, къ вечеру въ ней появился антоновъ огонь и, какъ доктора ни старались около него — ничѣмъ помочь не могли; къ слѣдующему утру грозный смотритель умеръ". А вотъ, наконецъ, эпизодъ по любовной части, изъ похожденій дамскаго куаффера: „я ходилъ къ ней (къ дамѣ-кліенткѣ) ежедневно и она послѣ трехнедѣльнаго муштрованія меня, однажды, съ остер-

венѣніемъ схватила и совратила меня ..Потомъ, при слѣдующихъ случаяхъ, даже кусала меня въ азартѣ". Опять таки—и оригинально, и изящно. Не увлекайтесь, г. Никитинъ, беллетристикой и не измѣняйте своему репортерскому призванію.

Международная библіотека, изданіе Бейленсона и Юровскаго. **Ф. Паульсенъ: „Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма".—Проф. Меркель: „Сила и право".—Адольфъ Гауфельдтъ: „Основы литературной критики"**, перев. Діонео.—**Либони: „Государственный строй Франціи".—А. Флейшнеръ: „Исторія народнаго образованія въ Англіи"**. Одесса. 1895 г.

Русская библіотека, тѣхъ же издателей. **Проф. И. И. Янжулъ: „Изъ психологіи народовъ.—Проф. Н. И. Стороженко: „Поэзія міровой скорби".—Проф. Н. Карѣевъ; „Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи"**. Одесса. 1895.

Въ прежнее время нашу популярную литературу представляли преимущественно солидные общедоступные труды европейскихъ мыслителей. Теперь ихъ замѣнили брошюрки. Въ наводненіи книжнаго рынка этими маленькими, дешевыми книжками, въ возростающемъ спросѣ на нихъ многіе склонны видѣть отрадный симптомъ: народился, говорятъ они, новый, средній читатель; не имѣя ни подготовки для изученія, ни средствъ для пріобрѣтенія большихъ научныхъ трудовъ, онъ жадно рвется къ знанію. И вотъ, удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей этого „мученика просвѣщенія" и должны служить эти общедоступные по цѣнѣ и содержанію книжки. Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?

Что касается дешевизны этихъ книжекъ, то она представляется намъ довольно проблематичной. Перечитывать ихъ не стоитъ, изучать ихъ никто не станетъ, да и нечего изучать въ этихъ поверхностныхъ, случайныхъ, разрозненныхъ статейкахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не составляютъ *библіотеки*. Какъ бы ни была дешева книжка, которую можно только просмотрѣть и бросить,—она уже дорога, особенно, для того неимущаго читателя, на котораго разсчитаны эти „библіотеки" изъ разнообразныхъ этюдовъ, отдѣльныхъ главъ и набросковъ, не объединенныхъ никакой руководящей идеей.

Выборъ статей для новыхъ выпусковъ „Международной библіотеки" не особенно удаченъ. Этимъ опытамъ, случайнымъ рѣчамъ и отдѣленнымъ отъ цѣлаго главамъ едва ли удастся исполнить главную задачу популярной литературы—дать толчокъ мысли и любознательности читателя, заставить его пойти дальше. Вотъ, напримѣръ, „Сила и право" Меркеля. Эта статья прежде всего разсчитана на такую подготовку,

какую едва ли основательно предполагать у средняго читателя „Международной библіотеки“. Она написана скучнымъ, тяжелымъ языкомъ, пестрѣетъ иностранными словами и необъясненными терминами. Но если читателю и удастся заинтересоваться книжкой и расшифровать ея туманныя и не всегда удачно переведенныя замѣчанія, — онъ научится изъ нея не совсѣмъ хорошимъ вещамъ. По мнѣнію профессора Меркеля „въ борьбѣ народовъ и партій болѣе сильная сторона даже не случайно является вмѣстѣ съ тѣмъ и *болѣе лучшей* стороной съ нравственной точки зрѣнія. Скорѣе нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ считать такое предпочтеніе сильнаго правильнымъ даже съ точки зрѣнія абсолютной справедливости, правда, не всегда, но въ случаяхъ сомнѣнія“. Проф. Паульсенъ вяло и безсодержательно развиваетъ старую мысль Жоржъ-Зандъ о пессимизмѣ Гамлета. Онъ кропотливо и мелочно собираетъ легкія доказательства для чужой мысли, ставшей трюизмомъ въ извѣстной части шекспировской литературы. „Тургеневъ, говоритъ Паульсенъ, провелъ удивительно прекрасную параллель между Гамлетомъ и Донъ-Кихотомъ“. Если возможность невыгоднаго сравненія не удержала берлинскаго ученаго отъ его ненужнаго экскурса въ область художественной критики, то наши издатели могли бы и не „обогащать“ переводомъ его труда литературу, которой принадлежитъ оригиналъ „Гамлета и Донъ-Кихота“.

Книжка Адольфа Гауфельдта объ основахъ литературной критики гораздо шире и гораздо легковѣснѣе по содержанію. Въ оригиналѣ очеркъ Гауфельдта составлялъ предисловіе къ изданному авторомъ его собранію извлеченій изъ сочиненій французскихъ критиковъ XIX в. Тамъ онъ имѣлъ мѣсто; но что почерпнетъ нашъ читатель изъ этой поверхностной и сбивчивой статейки? Объ *основахъ* критики въ книжкѣ не говорится ни слова; не говорится и о томъ, какой области знанія предстоитъ дать эти основы. Сказавъ, что „процессъ творчества пока еще одинъ изъ темныхъ вопросовъ психологіи“, авторъ считаетъ себя освобожденнымъ отъ обязанности сообщить читателю хоть намекомъ о томъ, что психологія продолжаетъ работать надъ этимъ темнымъ вопросомъ, что философское языкознаніе и психологическая эстетика помогаютъ ей въ этомъ дѣлѣ, что кой-что можетъ считаться выясненнымъ. Не упомянувъ ни словомъ объ англійскихъ и нѣмецкихъ трудахъ въ этой области, авторъ играетъ совершенно безсодержательными опредѣленіями, которыя стыдно бы повторять спеціалисту въ наше время, вродѣ такихъ: „художникъ долженъ подчиняться вѣчнымъ и непреложнымъ законамъ истины и красоты“ или:

„философія обнимаетъ какъ логику, науку о вѣрномъ, такъ и эстетику, науку о прекрасномъ". Авторъ насчитываетъ четыре рода критики: эстетическую, моралистическую или тенденціозную, историческую и психологическую. Такъ какъ основаніе такого дѣленія онъ скрываетъ, да, очевидно, и не съумѣлъ бы указать таковое, то къ этимъ четыремъ родамъ всякій можетъ, конечно, присчитать еще сколько угодно: критику философскую, лингвистическую, библіографическую и т. д. Въ оцѣнкѣ упомянутыхъ видовъ критики авторъ держится вполнѣ опредѣленнаго принципа: „съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой должно признаться"; всѣ роды критики хороши, кромѣ рода „ударившагося въ крайность". Къ тому же выдающійся критикъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ точки зрѣнія; другими словами—онъ такой же безразличный эклектикъ, какъ авторъ „Основъ литературной критики". Остается добавить, что Гауфельдтъ считаетъ имя Аристарха „нарицательнымъ для всякаго безпристрастнаго и образцоваго критика", а въ Лемэтрѣ и Фагэ видитъ послѣдніе признаки приближенія критики къ своему идеалу.

Несравненно удачнѣе выбраны двѣ послѣднія книжки „Международной библіотеки", въ которыхъ ясно и просто изложены основы государственнаго строя Франціи и очеркъ исторіи народнаго образованія въ Англіи. Особенно интересна въ послѣдней книжкѣ исторія University Extension Movement—движенія англійскихъ университетовъ къ сближенію университета съ народомъ. Большая половина брошюрки занята разсказомъ о ходѣ и результатахъ этого плодотворнаго для обѣихъ сторонъ сближенія цеховой науки съ большой публикой.

Съ весны настоящаго года издатели „Междунар. библіотеки" присоединили къ ней также „Русскую библіотеку"; въ книжкахъ ея они предполагаютъ перепечатывать статьи изъ общихъ журналовъ, имѣющія продолжительный интересъ, общедоступные отдѣлы, введенія, главы и т. п. изъ обширныхъ и спеціальныхъ сочиненій. Едва ли можно одобрить этотъ послѣдній способъ составленія книжекъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано въ брошюрѣ проф. Карѣева. Отдѣльная глава изъ обширной книги его объ основныхъ вопросахъ философіи исторіи, потерявъ связь съ общимъ міровоззрѣніемъ автора, едва ли можетъ сообщить читателю истинныя воззрѣнія проф. Карѣева. Для популярнаго изданія она должна бы быть переработана и очищена отъ той массы не переведенныхъ иностранныхъ словъ и цитатъ, которыми испещрена. Брошюра проф. Янжула знакомитъ съ нѣкоторыми выводами книги нѣмецкаго экономиста Германа объ экономическомъ значеніи вре-

мени и пространства. Въ статьѣ проф. Стороженко читатель найдетъ живой и интересный очеркъ исторіи поэзіи „міровой скорби“ въ новое время—отъ эпохи возрожденія до новѣйшихъ французскихъ пессимистовъ.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ, составленый **Б. Б. Глинскимъ.** Съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изданіе Д. И. Тихомирова. Москва. 1895.

Очеркъ г. Глинскаго былъ предварительно напечатанъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, въ прошломъ году, тотчасъ послѣ смерти Ядринцева, и, какъ и всякій некрологъ, страдаетъ нѣкоторою бѣглостью и неполнотою. Этому мало помогаютъ приложенныя въ отдѣльномъ изданіи двѣ странички предисловія г. Острогорскаго и тепло написанныя, интересныя, но все-таки очень краткія воспоминанія г. Потанина. Ядринцевъ заслуживаетъ большаго и, надо надѣяться, мы получимъ когда нибудь болѣе обстоятельную его біографію. Но, въ ожиданіи лучшаго, заслуживаетъ вниманія и очеркъ г. Глинскаго. При всей своей бѣглости и неполнотѣ, онъ хорошъ хотя бы уже именно тѣмъ, что заставляетъ желать лучшаго, потому что заинтересовываетъ читателя личностью покойнаго писателя. А личность Ядринцева такова, что возможно широкое распространеніе интереса къ ней очень желательно, въ особенности въ наше время разнообразныхъ комбинацій патріотизма и человѣконенавистничества.

„Онъ любилъ свою родину“—такой надписи на могильномъ памятникѣ Ядринцева было бы достаточно, если бы она не требовала по нынѣшнимъ временамъ поясненій. Любить свою родину можно безсознательно, просто какъ привычную съ дѣтства физическую и нравственную атмосферу. Есть страны, гдѣ пейзажи—красивѣе, звѣзды ярче, люди просвѣщеннѣе, пожалуй и въ другихъ отношеніяхъ лучше, но стихійная связь съ тѣмъ, что съ молокомъ матери всосано, съ первыми вдыханіями воздуха родныхъ полей воспринято, не порывается отъ этого сознанія, а можетъ быть даже крѣпнетъ. Ядринцевъ зналъ этотъ безсознательный патріотизмъ, но зналъ не только его. Его любовь къ родинѣ была патріотизмомъ сознательнымъ, ясно различавшимъ добро и зло въ общемъ представленіи родины. И не только сознательнымъ, а и дѣйственнымъ. Публицистъ, поэтъ, путешественникъ, археологъ, практическій дѣятель, — чѣмъ только не былъ Ядринцевъ на своей родинѣ или для нея. Трогательное впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, такая мелочь въ его заграничныхъ корреспонденціяхъ, печатавшихся въ „Восточ-

номъ Обозрѣніи" въ 1885 г. подъ заглавіемъ „Письма сибиряка изъ Европы". Осматривая въ Бернѣ музеи и галлереи, онъ несется мыслью въ Минусинскъ и пишетъ: „Я желалъ бы, чтобы росли наши маленькіе музеи, и каждый изъ нашихъ земляковъ, гдѣ бы онъ не находился, ни забывалъ послать подарокъ своей родинѣ". Но самымъ цѣннымъ подаркомъ самого Ядринцева былъ тотъ свѣтъ, который Ядринцевъ несъ съ собою на родину отовсюду. Человѣкъ европейски просвѣщенный, онъ однако желалъ, чтобы „европейская цивилизація привилась къ Востоку лучшими своими сторонами", чтобы въ частности „Востокъ создалъ свою экономическую жизнь на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ идеалу цивилизаціи и требованіямъ времени" (статья „Судьбы Сибири" въ „Недѣлѣ" 1873 г.). Сообразно этому, складывались и его понятія о „любви къ отечеству и народной гордости". Онъ писалъ въ 1881 г.: „Мы не можемъ болѣе относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы, рядомъ съ благосостояніемъ одной расы, ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; невыгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усваивается цивилизація и просвѣщеніе, какое либо униженіе, рабство и эксплоатацію человѣческой личности".

Ядринцевъ хорошо зналъ грѣхи своей родины и далекъ былъ отъ того, чтобы ихъ лицемѣрно замалчивать, замазывать, или даже превращать ихъ въ заслуги и добродѣтели, какъ это сплошь да рядомъ дѣлаютъ люди, особенно охотно говорящіе о своемъ патріотизмѣ и позорящіе это слово. Не скрывать грѣхи, всяческую скудость, темныя пятна, а напротивъ обнаруживать ихъ, дабы при свѣтѣ дня работать надъ ихъ искорененіемъ,—такова была задача Ядринцева. И никакія неудачи не могли сломить его энергію. Чрезвычайно для него характерны приводимыя г. Глинскимъ слова одной статьи въ первомъ № „Восточнаго Обозрѣнія" за 1888 г., когда онъ перенесъ это изданіе изъ Петербурга въ Иркутскъ: „Да, читатель, если тебѣ ничего не сказала доселѣ наша работа на пользу края; если ты не узнаешь насъ, если годы нашего труда, борьбы, лишеній, горячихъ молитвъ за счастье родины, прошли безслѣдно для тебя,—что же? Не ропщемъ и начнемъ съ начала".

Все это складывается въ чрезвычайно оригинальный, симпатичный и поучительный образъ, заслуживающій, повторяемъ, болѣе тщательнаго и детальнаго воспроизведенія, чѣмъ то,

которое даетъ некрологъ г. Глинскаго но пока и за то спасибо.

Дж. В. Дрэперъ Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе южнорусскаго издательства Ф. Іогансона. Цѣна 1 р. 50 к.

Забытые авторитеты шестидесятыхъ годовъ, Бокль и Дрэперъ, вновь стучатся въ двери общественнаго вниманія. Недавно мы имѣли удовольствіе привѣтствовать удешевленное изданіе „Исторіи цивилизаціи въ Англіи" Бокля, выпущенное въ свѣтъ Ф. Павленковымъ, теперь передъ нами дешевое изданіе „Исторіи умственнаго развитія Европы" Дрэпера, обнимающее въ одной книгѣ оба тома прежняго изданія. Какой успѣхъ ожидаетъ эти изданія? Обѣ книги встрѣтятъ у насъ иное общественное настроеніе, иного читателя, иную критику, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Безъ сомнѣнія, причины ихъ первоначальнаго успѣха коренились столько же во внѣшнихъ условіяхъ среды, сколько во внутреннихъ достоинствахъ произведеній. Оставляя въ сторонѣ разницу этихъ достоинствъ, безспорно значительную, мы находимъ въ обоихъ сочиненіяхъ общность основныхъ идей, опредѣлившихъ нѣкогда отношеніе къ нимъ читающей публики. Идеи общественнаго прогресса и преобладанія умственнаго начала въ жизни производили обаятельное впечатлѣніе на поколѣніе, жившее среди широкихъ общественныхъ перемѣнъ и бодраго пробужденія научной мысли. Это обаяніе уже болѣе не повторится. Но тѣмъ рельефнѣе выступятъ относительныя достоинства обоихъ произведеній, большая или меньшая глубина мысли, стремившейся охватить широкое теченіе всемірно-исторической жизни съ точки зрѣнія неизмѣннаго закона. Подобная сравнительная оцѣнка, безъ сомнѣнія, будетъ не къ выгодѣ сочиненія Дрэпера, но, какъ попытка прослѣдить въ историческомъ развитіи всей Европы неизмѣнный ростъ умственныхъ силъ, его трудъ не теряетъ своего значенія и интереса и понынѣ.

Дж. В. Дрэперъ работалъ въ Америкѣ почти одновременно съ Боклемъ надъ выясненіемъ закона развитія человѣческихъ обществъ. Если Бокль былъ приведенъ къ мысли о существованіи извѣстной планомѣрности въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ благодаря успѣхамъ современной статистики, то Дрэперъ пришелъ къ аналогичному выводу, изучая физіологію. „Общественный прогрессъ находится всецѣло подъ управленіемъ естественнаго закона, подобно физическому развитію организма. Жизнь каждаго отдѣльнаго индивидуума представляетъ въ миніатюрѣ жизнь націи". Это доказывается тѣмъ,

что правильное и неизмѣнное чередованіе возрастныхъ измѣненій, которое мы наблюдаемъ въ человѣкѣ, въ одинаковой мѣрѣ мы наблюдаемъ и въ жизни обществъ. Мы узнаемъ мысли и дѣйствія, характеризующія собою извѣстный періодъ жизни, передъ нами въ жизни націй проходятъ со всѣми свойственными имъ признаками, младенчество, дѣтство, юношество, зрѣлый возрастъ и старость. „Націи, подобно индивидуумамъ, родятся, ростутъ и умираютъ. Однѣ умираютъ рано, преждевременно, другія—уже достигши зрѣлаго возраста. Одна исчезаетъ еще въ дѣтствѣ, благодаря своей слабости, другая погибаетъ отъ гражданскихъ болѣзней, третья совершаетъ политическое самоубійство, четвертая доживаетъ до глубокой старости. Но каждая проходитъ по опредѣленному пути развитія". Съ особенной очевидностью выступаетъ существованіе естественнаго закона въ жизни обществъ изъ наблюденія самобытно развивавшихся цивилизацій Америки: мексиканской и перуанской. Мы видимъ полное воспроизведеніе того, что наблюдали въ цивилизаціяхъ Египта, Индіи и Европы. Причину этого явленія Дрэперъ видитъ въ одинаковой организаціи человѣческаго тѣла, его строенія и потребностей. „Одинъ и тотъ же здравый смыслъ управляетъ людьми цѣлаго міра; а здравый смыслъ составляетъ отправленіе одинаковой организаціи... Исторія каждаго улья тождественна съ исторіею другого. Изъ тысячи непредвидѣнныхъ, неразсчитанныхъ, измѣнчивыхъ дѣйствій вытекаетъ съ безошибочной достовѣрностью одинъ опредѣленный результатъ: соты строятся по заранѣе опредѣленнымъ правиламъ и наконецъ наполняются медомъ" (473).

Разсматривая послѣдовательныя фазы общественной жизни, мы находимъ въ качествѣ наиболѣе характернаго признака развитія — *развитіе умственное*, поскольку оно сказывается въ его пяти главныхъ проявленіяхъ: философіи, наукѣ, литературѣ, религіи и правительствѣ. Каждое общество проходитъ черезъ періодъ *легковѣрія*, *изысканія*, *вѣры*, *разума и упадка*, отвѣчающіе ступенямъ возраста: дѣтству, отрочеству, юности, мужеству и старости. Зрѣлость наступаетъ, когда разумъ достигъ высшей точки своего развитія. Первыя ступени развитія подготовительныя, онѣ вполнѣ подчинены остальнымъ.

Такимъ образомъ Дрэперъ приходитъ къ выводу, тождественному съ Боклемъ, а именно усматриваетъ въ интеллектуальномъ развитіи главную основу движенія цивилизаціи. Но онъ идетъ далѣе. Умственное совершенствованіе является цѣлью развитія не только человѣка и общества, но и всего живущаго. Улучшеніе нервнаго механизма существъ, послѣдовательно населявшихъ землю, приводило къ постепенному усовершенствованію ихъ умственныхъ силъ и способностей. Мы

замѣчаемъ постоянную смѣну менѣе интеллигентныхъ животныхъ болѣе интеллигентными, что находится въ тѣсной связи съ постепеннымъ развитіемъ мозга у животныхъ. Законъ развитія, законъ прогресса, наблюдаемый въ жизни каждаго человѣка, въ одинаковой мѣрѣ примѣнимъ къ развитію жизни на планетѣ, онъ является закономъ всеобщимъ, универсальнымъ. „Науки, слѣдовательно, сходятся съ исторіею въ утвержденіи, что великая цѣль природы—умственное совершенствованіе" (629 стр.). „Всѣ политическія учрежденія—видимо или незамѣтно, сознательно или непроизвольно стремятся къ усовершенствованію національнаго разума", что лучше всего достигается организаціею общественнаго образованія. Такова физіологическая теорія закономѣрнаго развитія человѣческихъ обществъ, предложенная Дрэперомъ. Содержаніе его труда представляетъ историческую провѣрку этой теоріи. На исторіи Греціи, точнѣе говоря, греческой философской мысли, Дрэперъ прослѣживаетъ послѣдовательную смѣну пяти періодовъ вѣка легковѣрія, изслѣдованія, вѣры, разума и упадка. Затѣмъ, обращаясь къ исторіи Европы, авторъ доказываетъ, что если раздѣлить ее на группы вѣковъ, то каждая группа, по сравненію съ другими, въ хронологическомъ порядкѣ представляетъ значительное сходство съ послѣдовательными фазами греческой жизни, а слѣдовательно и съ тѣмъ, на что походитъ эта послѣдняя,—съ индивидуальной жизнью. Въ послѣднихъ главахъ сочиненія исторія умственнаго развитія Европы заключается апоѳеозомъ успѣховъ научнаго знанія.

Широкая картина умственнаго роста Европы, продолжительной и упорной борьбы свободной мысли съ невѣжествомъ и суевѣріемъ и окончательное торжество этой мысли будетъ всегда представлять несомнѣнное достоинство разсматриваемаго труда и оказывать благотворное вліяніе на умы читающихъ. Но шаткость основной точки зрѣнія, грубость построенія и поверхностный анализъ историческихъ фактовъ—все это лишаетъ сочиненіе Дрэпера научнаго значенія. Его физіологическій законъ развитія обществъ идетъ не далѣе грубой аналогіи съ ходомъ человѣческой жизни, причемъ многообразное теченіе всемірной исторіи вгоняется въ произвольно составленныя рамки. Если одно подогнать, тамъ натянуть, въ другомъ мѣстѣ умолчать, то за фактами дѣло не станетъ. Но подобный пріемъ не имѣетъ ничего общаго съ пріемами научными. Въ своемъ доказательствѣ наступленія въ жизни націи того или другого момента Дрэперъ постоянно впадаетъ въ пустую тавтологію. Такъ, задаваясь вопросомъ, почему научный духъ александрійской школы пришелъ въ упадокъ, онъ отвѣчаетъ: потому, что греческая умственная жизнь перешла черезъ періодъ зрѣлости и вступила въ періодъ ста-

рости (161). Но чѣмъ доказывается послѣднее, какъ не упадкомъ философской мысли. Искусственно поставленныя перегородки въ развитіи мысли приводятъ къ явнымъ противорѣчіямъ: почему, напр., вѣкъ Гераклита, Пиѳагора, Ксенофонта и пр., закончившійся софистами, принадлежитъ къ вѣку изслѣдованія, а эпоха Сократа, Платона и скептиковъ отнесена къ вѣку вѣры? Сократъ въ такой же мѣрѣ боролся съ антропоморфическими представленіями о Богѣ своихъ современниковъ и также останавливался на доказательствахъ его существованія, какъ и Ксенофонтъ. Рядомъ съ созидательной работой философовъ того и другого періода шла разрушительная работа скептицизма. Внимательное разсмотрѣніе обоихъ періодовъ по признакамъ сходства, а не одного различія, открываетъ между ними такую степень общности и единства, которая не даетъ никакого основанія для ихъ раздѣленія. Дрэперъ оставляетъ въ сторонѣ разсмотрѣніе умственнаго и нравственнаго состоянія низшихъ классовъ населенія. По его мнѣнію „образованный руководящій классъ является всегда истиннымъ представителемъ государства" (11 стр.). Если это и можетъ быть съ нѣкоторыми оговорками сказано о государствѣ, то ни въ какомъ отношеніи не примѣнимо къ націи, обществу, народу. Принимая умственное состояніе высшихъ классовъ показателемъ состоянія всей націи, Дрэперъ дѣлаетъ не только ошибку, но и противорѣчитъ самъ себѣ. Такъ, сравнивая религіозное состояніе Италіи въ XIV вѣкѣ съ состояніемъ ея въ IV, онъ находитъ, что низшіе классы общества остались безъ перемѣны (426). По словамъ Дрэпера, взгляды Платона на безсмертіе души представляли поразительный контрастъ съ народной философіею и съ суевѣріями его времени (125). Еще менѣе вяжется это съ его утвержденіемъ, что „національный прогрессъ является суммою прогресса индивидуальнаго" (253) и съ неоднократными указаніями на то, что умственное и нравственное состояніе низшихъ слоевъ общества налагало свой отпечатокъ и на вѣру и понятія мыслящихъ людей (264 стр.). Пренебреженіе къ нравственнымъ и матеріальнымъ условіямъ жизни массъ составляетъ грубую ошибку для ученаго, пытающагося дать физіологическое основаніе явленіямъ общественнаго развитія. На цѣломъ рядѣ примѣровъ мы видимъ, что Дрэперъ отождествляетъ потерю національной политической самостоятельности со смертью общественнаго организма, между тѣмъ какъ очевидно, что именно физіологическое основаніе существованія націи отнюдь не утрачиваетъ съ тѣмъ своего бытія. Въ своемъ сопоставленіи общественнаго развитія индивидуальному Дрэперъ далеко не съ достаточной точностью устанавливаетъ обѣ стороны сравненія. Онъ съ одинаковой легкостью употреб-

ляетъ понятіе расы, націи, общества, группы людей и наконецъ государства, какъ будто всѣ эти понятія равнозначительны. Съ другой стороны, говоря о тождествѣ закона развитія общества съ закономъ развитія индивидуальной жизни, онъ не ограничивается указаніемъ на человѣческій организмъ и его физіологическое развитіе, но и проводитъ аналогію со сложнымъ обществомъ животныхъ, напр., ульемъ пчелъ. При подобной неопредѣленности въ установленіи понятій выводы теряютъ всякую устойчивость и ясность. Если въ теоріи соціальнаго прогресса Дрэпера мы видимъ одну изъ первыхъ попытокъ разсматривать общество, какъ организмъ, то она должна быть отвергнута какъ на общихъ основаніяхъ, такъ и по ея невыработанности и несовершенству. Не можемъ не замѣтить здѣсь, что ученый, съ наибольшей глубиной и подробностью разработавшій апологію между строеніемъ и отправленіями общества и организма, Герберта Спенсеръ, тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ публично опровергнуть приписываемое ему отождествленіе общественнаго организма съ организмомъ человѣческаго тѣла, говоря, что „нѣтъ никакой гарантіи для принятія этого".

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить, что изданіе „Исторія умственнаго развитія Европы" Д. Дрэпера Іогансономъ при всей его дешевизнѣ оставляетъ желать лучшаго какъ въ отношеніи внѣшности, такъ и въ отношеніи перевода. Выраженія вродѣ „искусственное управленіе температурою помощью жилищъ" (21), „фантастическія выходки франкмассонства", приписываемыя Пиѳагору (89), „развратная наружность" Сократа (115), воспрещеніе оперы на томъ основаніи, что „это безбожное развлеченіе виною бездождія" (? стр. 415),— составляютъ тѣмъ болѣе непростительную небрежность, что они не представляютъ исключенія.

Т. Циглеръ. Что такое нравственность. Перев. А. Острогорскаго. Спб. Ц. 50 к.

Т. Циглеръ — профессоръ Страсбургскаго университета. Въ разсматриваемой брошюрѣ онъ касается основныхъ вопросовъ нравственной философіи: что такое нравственность, долгъ и добродѣтель, высшее благо и проч.? По собственнымъ его указаніямъ, въ своемъ ученіи о нравственности онъ многимъ обязанъ Шлейермахеру, а изъ болѣе современныхъ писателей г. Геффдингу („Этика"), Ф. Паульсену и Вундту. Преимущественное вліяніе нѣмецкой школы замѣтно сказывается въ неясномъ разграниченіи чисто научныхъ задачъ этики отъ задачъ прикладной морали, одинаково обнимаемыхъ понятіемъ нравственной философіи. Помѣщая въ на-

чалѣ этику въ обширный кругъ эмпирическихъ наукъ и поставляя ей задачу „познать существующее, постигнуть совершающееся, понять ссвершившееся“, слѣдовательно быть наукою описательной, авторъ ставитъ ей затѣмъ задачу обоснованія того или иного характера оцѣнки нравственныхъ явленій, задачу критики, пользующейся извѣстнымъ масштабомъ нравственной оцѣнки и нормирующей нравственныя понятія. Здѣсь авторъ видитъ, по собственнымъ его словамъ, „точку соприкосновенія между этикою, какъ наукою, и проповѣдью морали. Разница же между ними заключается въ томъ, что одна начинается и ограничивается тѣмъ, на чемъ кончается другая, что одна дѣлаетъ ex professo то, что въ другой является лишь цѣлью далекаго пути, результатомъ и, такъ сказать, побочнымъ продуктомъ, который долженъ быть предоставленъ самому себѣ въ своей дѣятельности и критическомъ значеніи“ (5 стр.).— Замѣчаніе это, очевидно, слишкомъ мало уясняетъ вопросъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи нравственности авторъ весьма приближается во взглядахъ на этотъ вопросъ къ ученію Рудольфа Іеринга въ его сочиненіи „Цѣль въ правѣ“. Нравственность съ объективной точки зрѣнія является для него историческимъ и общественнымъ продуктомъ. Человѣкъ рождается въ семьѣ и, на сколько простираются наши знанія въ глубь временъ, мы видимъ его всегда принадлежащимъ къ извѣстному общественному союзу, въ которомъ дѣйствуютъ извѣстные обычаи, большею частью возникшіе на почвѣ религіозныхъ представленій и культовыхъ обрядовъ, выполненіе которыхъ охраняется авторитетомъ даннаго общества, племени, сословія или группы. Съ теченіемъ времени всѣ нормы, которыя, представляя въ своей совокупности одно нераздѣльное цѣлое, регулировали и опредѣляли народную жизнь, дифференцировались: часть обычаевъ въ государствѣ превратилась въ постоянные законы, другая часть перешла исключительно въ область религіи, какъ это мы видимъ, напр., въ Римѣ, гдѣ божеское и человѣческое право, fas и nefas, чрезвычайно рѣзко обособились, третья—въ область нравственности.

Переходя къ вопросу о томъ, что же такое нравственность, Т. Циглеръ даетъ рѣшеніе ему съ двухъ точекъ зрѣнія: съ объективной точки зрѣнія, разсматривающей поступки со стороны ихъ послѣдствій, нравственнымъ поступкомъ является то, что способствуетъ *общему благу,* возможно большему счастью возможно большаго числа людей. Давая для опредѣленія нравственнаго поступка масштабъ общаго блага, авторъ склоняется къ утилитарной морали: онъ только тщательно замѣняетъ выраженіе „польза“, какъ нѣчно дѣловое и тривіальное, выраже-

ніемъ „благо“. Но объективная точка зрѣнія не есть единственная и достаточно полная. Каждый поступокъ, помимо извѣстныхъ дѣйствій и слѣдствій, оцѣниваемыхъ въ большемъ или меньшемъ кругу людей, имѣетъ также и мотивы, составляющіе его субъективную сторону. Однако, и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ покидать почвы общественности, потому что и здѣсь скрывается ея интересъ. Общество можетъ разсчитывать лишь на того изъ своихъ членовъ, въ комъ оно увѣрено, что онъ поступаетъ хорошо не только въ отдѣльномъ случаѣ, но будетъ такъ поступать всегда и непоколебимо; что онъ не только на этотъ разъ хорошо поступилъ, но что онъ всегда и во всемъ хорошій человѣкъ: субъективно хорошъ и объективно хорошо поступаетъ. — Но въ силу чего человѣкъ доходитъ до того, чтобы поступать нравственно въ этомъ субъективномъ смыслѣ, иногда даже, можетъ быть, вопреки собственному благополучію? Т. Циглеръ, не отрицая того, что человѣкъ отъ природы эгоистъ и это во всякомъ случаѣ его прирожденное свойство, находитъ, что, съ другой стороны, нѣтъ никакой рѣшительно причины отказывать человѣческой природѣ въ соціальныхъ или общественныхъ стремленіяхъ и симпатическихъ чувствахъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ же и главнымъ образомъ, человѣкъ поступаетъ нравственно въ силу *характера*, который есть не что иное, какъ продуктъ того, что дано намъ отъ природы, и того, что сдѣлали изъ насъ воспитаніе, среда, общество,— словомъ жизнь. Какъ мыслящій и разсуждающій человѣкъ, я могу, когда намѣренъ что нибудь сдѣлать или предпринять какое либо рѣшеніе, обсудить послѣдствія поступка, выбрать средства, и съ этими предшествующими поступку соображеніями связывается чувство удовольствія или неудовольствія, пріятности или непріятности, которое вліяетъ на волю и направляетъ ее. Такимъ образомъ, мои мысли и представленія становятся мотивами. Вводя принципъ общаго блага въ свое сознаніе, дѣлая его главнымъ мотивомъ своихъ поступковъ, я возвожу его въ норму, въ предписаніе, въ идеалъ. „Освященный воспитаніемъ, религіей, государствомъ, обществомъ, наконецъ, привычкою и такъ сказать очищенный собственнымъ критическимъ анализомъ, этотъ идеалъ есть исходный и конечный пунктъ моихъ поступковъ. Вслѣдствіе многократнаго его примѣненія и упражненія въ немъ, онъ твердо и прочно врѣзывается мнѣ въ память и дѣлается частью моего внутренняго я. Съ этого момента онъ отвергаетъ всѣ внѣшнія опоры, всѣ вспомогательныя средства воспитанія, боязнь наказанія и прелесть награды и страхъ передъ всемогуществомъ общественнаго мнѣнія. Все это онъ отталкиваетъ отъ себя, какъ ненужные костыли, и заставляетъ

меня дѣлать добро, какъ нѣчто, изъ глубины души исходящее, само собою понятное и самой природой требуемое... Но идеалъ этотъ въ гораздо большей степени, чѣмъ думаетъ Кантъ,—человѣческое явленіе и поэтому исторически обусловленное, выработавшееся и развившееся въ обществѣ. И соотвѣтственно этому содержаніе его постепенно образующееся и развивающееся" (46 стр.).

Принявъ исходной точкой зрѣнія то положеніе, что нравственность есть общественный продуктъ и всѣ проблемы ея разрѣшаются на почвѣ общественности, авторъ очень искусно и остроумно разбираетъ цѣлый рядъ разныхъ нравственныхъ вопросовъ и казусовъ. Такъ, страницы, посвященныя вопросу о самоубійствѣ, отношеніи между личнымъ счастіемъ и общимъ благополучіемъ, о теоріи „цѣль оправдываетъ средства", читаются живо и съ интересомъ.

Т. Рибо. Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ франц. Е. Максимовой. Изъ журнала «Образованіе». Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Вопросъ о томъ, существуетъ-ли память чувства, до сихъ поръ является спорнымъ вопросомъ въ психологіи. Нѣкоторые ученые признаютъ существованіе подобной памяти, другіе же утверждаютъ, что можно воспроизводить въ сознаніи только обстоятельства, сопутствовавшія чувствованію, условія, при которыхъ оно возникло.

Въ виду подобнаго разногласія, Рибо рѣшилъ узнать, „не существуетъ ли большихъ различій въ аффективной памяти у отдѣльныхъ индивидовъ, чѣмъ можно было бы объяснить разногласіе авторовъ на этотъ счетъ" (стр. 4).

Критическое разсмотрѣніе свѣдѣній относительно этого вопроса, доставленныхъ автору различными лицами, привело его къ выводу, что „существуетъ *типъ аффективный*, такой-же ясный и рѣзко очерченный, какъ типъ зрительный, слуховой и моторный. Онъ характеризуется преобладаніемъ способности воспроизводить легко и сполна аффективныя представленія" (стр. 20).

Изслѣдованіе Рибо, конечно, очень интересно; оно написано съ обычнымъ его мастерствомъ и обстоятельностью, но, все-таки, его окончательный выводъ еще подлежитъ спору. Причина шаткости выводовъ Рибо лежитъ въ неясности ученія о чувствованіяхъ, ученія, какъ извѣстно, составляющаго самый малоразработанный отдѣлъ психологіи. По нашему мнѣнію, ставить аффективный типъ въ одну линію со слуховымъ и зрительнымъ—неудобно.

Такъ какъ въ психологіи самонаблюденіе есть самый луч-

шій методъ изслѣдованія, то свои возраженія Рибо мы почерпнемъ изъ анализа собственныхъ психическихъ состояній.

Мнѣ стоитъ закрыть глаза, и я произвольно могу воскресить любой зрительный образъ, вызвать, наприм., любое знакомое лицо. Это зрительная память, и если бы я не могъ вызывать ни слуховыхъ, ни двигательныхъ образовъ, или если бы эти образы были гораздо слабѣе образовъ зрительныхъ, то можно было бы говорить о зрительномъ типѣ.

Повидимому, я такъ же хорошо могу оживлять и эмоціональныя состоянія, потому что, припоминая различныя событія моей жизни, я могу возбуждать въ себѣ довольно сильныя душевныя движенія. Однако, болѣе внимательное наблюденіе открываетъ, что эти душевныя движенія далеко не всегда тожественны со своими прототипами; мало того, иногда они совершенно на нихъ не походятъ. *Ближайшій анализъ показываетъ, что я только возстанавливаю тѣ зрительные, слуховые и двигательные образы, которые сопутствовали чувствованію*, причемъ иногда эти образы вызываютъ во мнѣ эмоціональное состояніе, сходное съ тѣмъ, которое было мною испытано во время воспоминаемаго событія, и тогда можно было бы думать, что я воспроизвожу самую эмоцію, если бы не было случаевъ, когда эти самые образы вызывали совершенно другія душевныя движенія. Слѣдовательно, можно утверждать, что я вызываю только зрительные, слуховые и двигательные образы, обусловливающіе возникновеніе извѣстныхъ эмоціональныхъ состояній, которыя будутъ сходны или не сходны съ ранѣе испытанными состояніями, смотря по тому, насколько я самъ измѣнился съ тѣхъ поръ.

Д-ръ Вильямъ Гиршъ. Геніальность и вырожденіе. Изданіе д-ра П. Лейненберга. 1895. Ц. 1 р.

Съ легкой руки Ломброзо вопросъ о связи геніальности и душевныхъ разстройствъ сдѣлался моднымъ. Однако, нельзя сказать, чтобы вслѣдствіе этого его рѣшеніе особенно подвинулось впередъ. Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ сдѣлался излюбленною темою для диллетантскихъ разглагольствованій. Уже и само пресловутое сочиненіе Ломброзо: „Геніальность и помѣшательство“ отличается значительною долею легкомыслія: въ немъ нѣтъ ни точнаго опредѣленія геніальности, ни точнаго опредѣленія помѣшательства; самое доказательство основной идеи ведется путемъ собиранія разныхъ эпизодовъ изъ жизни писателей, художниковъ, государственныхъ людей и другихъ выдающихся дѣятелей, причемъ эти эпизоды носятъ чисто анекдотическій характеръ: изреченія поступки,

мнѣнія этихъ выдающихся людей собраны и свалены въ кучу безъ всякой критики, а иногда даже безъ всякаго толку.

Ведя доказательство путемъ собиранія эпизодовъ изъ жизни того или иного выдающагося человѣка, Ломброзо, конечно, никогда не затрудняется въ отысканіи „фактовъ", подтверждающихъ его теорію: выдающихся людей было такъ много, относительно ихъ сохранилось такое безчисленное множество анекдотовъ, что мы можемъ найти здѣсь „факты", поддерживающіе любую теорію—стоитъ только подчеркнуть то, что благопріятно нашей теоріи, и оставить безъ разсмотрѣнія все, противорѣчащее этой теоріи. А что анекдотическій методъ Ломброзо именно таковъ, для этого достаточно указать хотя бы на слѣдующій эпизодъ. Нужно для Ломброзо доказать, что отличіе таланта отъ генія заключается въ томъ, что работа таланта сознательна, а творчество генія безсознательно. И вотъ для доказательства этого приводятся анекдоты. Первый взятъ изъ жизни Гайдна, и противъ этого мы ничего не имѣемъ: Гайднъ, дѣйствительно, былъ геніальнымъ композиторомъ. Но вотъ на второмъ мѣстѣ стоитъ разсказъ о томъ, какъ „La nostra Milli" скачетъ, кричитъ, бѣгаетъ, когда сочиняетъ „suoi meravigliosi versi" (свои дивные стихи). Очевидно, что „La nostra Milli" попала въ геніи только потому, что ея кривляніе поддерживаетъ теорію Ломброзо.

Однако, каковы бы ни были недостатки книги Ломброзо, всетаки Ломброзо настоящій ученый, и книга его дѣйствительно ученая книга. Этого нельзя сказать про нѣкоторыхъ изъ его продолжателей.

Разбираемая нами книга д-ра Гирша тоже не высокаго калибра. Гиршъ является противникомъ Ломброзо. Авторъ докторъ медицины и психіатръ и, его книга написана съ извѣстнымъ знаніемъ дѣла и компетентностью. Главнымъ ея недостаткомъ является не невѣжество, а отсутствіе глубины мысли—поверхностность. Однако, и образованіе автора не блещетъ широтою. Такъ онъ, очевидно, очень слабъ въ психологіи, что ясно изъ слѣдующаго мѣста его книги: „Если Юргенъ Бона Мейеръ говоритъ, что въ наукѣ геніальное можетъ быть создано лишь при помощи творческой силы воображенія, то онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду умозрительныя науки, теологію и философію. Но чѣмъ точнѣе становится наука, тѣмъ дальше она отъ фантазированія, или, правильнѣе говоря, чѣмъ менѣе наука фантазируетъ, тѣмъ она точнѣе и тѣмъ больше она пріобрѣтаетъ. Въ самой точной изъ наукъ, въ математикѣ, фантазированіемъ можно достигнуть очень не многаго. Фантазія не можетъ рѣшить уравненій или установить новыя теоремы; фантазіей еще никто не открылъ бактерій и не ставилъ медицинскихъ діагнозовъ" (стр. 58). Оче-

видно, авторъ въ пониманіи роли и сущности воображенія не возвышается надъ необразованною публикою, считающею, что дѣятельность воображенія ограничивается созданіемъ ошибочныхъ предоставленій, „того, чего не было". Съ этой вульгарной точки зрѣнія идея дракона есть продуктъ пламеннаго воображенія, а въ открытіи закона всемірнаго тяготѣнія воображеніе ни мало не участвовало. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ совершенно иначе. Чтобы создать идею дракона достаточно самаго жалкаго воображенія: достаточно мысленно взять отъ птицъ крылья, а отъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ когти и приписать ихъ змѣѣ. Тогда какъ для того, чтобы представить себѣ гармонію міровъ, поддерживаемую всемірнымъ тяготѣніемъ, нуженъ такой могучій полетъ воображенія, равнаго которому мало найдется во всей исторіи человѣческой мысли.

Читатель видитъ, что отъ автора, обладающаго такимъ психологическимъ образованіемъ, нельзя ожидать рѣшенія вопроса о связи геніальности съ вырожденіемъ.

Проф. Генрихъ Гойеръ. Мозгъ и мысль. Перев. съ польскаго. Безплатное приложеніе къ журналу «Научное Обозрѣніе». Спб. 1895.

Это краткое популярное изложеніе данныхъ относительно развитія нервной системы, „физіологіи нервной системы" и „психическихъ функцій нервной системы". Люди, совершенно незнакомые съ этими отдѣлами науки, могутъ съ пользою прочитать изложеніе проф. Гойера, изложеніе, снабженное довольно многочисленными рисунками. Къ сожалѣнію, однако, авторъ не соразмѣряетъ содержанія своей брошюры съ ея объемомъ: на 90 страницахъ (если вычесть рисунки) авторъ не только сообщаетъ свѣдѣнія по анатоміи и эмбріологіи нервной системы и по ея физіологіи, не только говоритъ о психологіи и психіатріи, но рѣшаетъ еще вопросы изъ области теоріи познанія и философіи. Благодаря этому, изложеніе часто дѣлается уже не популярнымъ, а поверхностнымъ.

О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія» Москва. 1895.

Авторъ стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, что *„учебное заведеніе есть скопленіе здоровыхъ индивидовъ"*, и лазаретъ тамъ существуетъ для случайныхъ заболѣваній— дѣятельность врача поэтому по необходимости должна сосре-

доточиваться на надзорѣ за здоровыми дѣтьми, лѣченіе ихъ само собою отодвигается на второй планъ" (стр. 5).

Эта правильная точка зрѣнія, къ сожалѣнію, имѣетъ еще очень мало сторонниковъ среди публики, которая не понимаетъ, какую огромную роль долженъ играть врачъ-гигіенистъ въ жизни и бытѣ цивилизованнаго общества.

Далѣе авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что, принимая во вниманіе крайнюю застѣнчивость дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ, руководить ихъ физическимъ воспитаніемъ и давать имъ гигіеническіе совѣты должны женщины.

„Статья моя приходитъ къ концу говоритъ авторъ,— на стр. 30. Въ ней я старалась уяснить тѣ особенности медицинскаго надзора, которыя существуютъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и задачи, которыя отсюда вытекаютъ для врача. Какъ мы видѣли, онъ долженъ направить борьбу противъ недостаточнаго развитія тѣла и мышцъ, противъ малокровія и нервности, постоянно имѣя въ виду тѣ органы, которые являются признакомъ женскаго пола и которые, какъ это ни грустно сознаться, имѣютъ господствующее значеніе въ организмѣ женщины. *Это господствующее ихъ значеніе само собою опредѣляетъ и полъ врача, которому всего ближе и всего болѣе подобаетъ вести надзоръ за подростающимъ женскимъ поколѣніемъ*".

Краткій очеркъ 30-лѣтней судебно-медицинской и профессорской дѣятельности въ Казани. Заслуж. проф. **И. М. Гвоздева.**

Брошюрка эта любопытна съ бытовой стороны. Она наглядно показываетъ, какъ тяжело бываетъ у насъ положеніе врача даже въ томъ случаѣ, если этотъ врачъ занимаетъ мѣсто профессора и декана.

Извѣстно, что наше законодательство всюду отводитъ врачебному вѣдомству подчиненное положеніе; такъ, наприм., въ госпиталяхъ главную роль играютъ не врачи, а люди, ничего не понимающіе въ медицинѣ; при судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ опять таки главную роль играютъ люди, неспособные судить о потребностяхъ научной медицины, благодаря чему возможны случаи вродѣ слѣдующаго: „товарищъ-прокурора остановилъ профессора при объясненіи слушателямъ причинъ нахожденія кровоподтека въ области между гортанью и пищеводомъ, въ видахъ того, чтобы не поселить въ публикѣ того, чего не касалась обвинительная власть" (стр. 6).

Характерно также то обстоятельство, что профессоръ, вызываемый въ качествѣ эксперта, получаетъ за свой трудъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *25 копѣекъ!!*

„Въ итогѣ, говоритъ проф. Гвоздевъ, за 25-лѣтнее служеніе наше правосуднымъ цѣлямъ, мы получили отъ судебной администраціи всего на всего никакъ не болѣе 50 руб., т. е. по два рубля въ годъ“ (стр. 6).

Въ довершеніе картины, слѣдующее характерное отношеніе къ врачамъ: „Мы очень хорошо помнимъ случай, когда къ намъ, какъ къ декану, явился г. инспекторъ врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, по порученію г. губернатора, съ вопросомъ: могутъ-ли такіе-то врачи, имя рекъ, исправлять должность помощниковъ частнаго надзирателя? Мы были крайне удивлены подобнымъ вопросомъ и должны были отвѣтить, что такіе-то врачи, имя рекъ, по своему воспитанію и образованію могутъ исправлять, по нѣкоторомъ навыкѣ, даже должность губернатора“ (стр. 5).

Къ брошюрѣ приложена рѣчь, сказанная профессоромъ Гвоздевымъ въ засѣданіи Общества врачей при Казанскомъ университетѣ, 20 января 1895 г. „Нѣсколько словъ о наказаніи розгами съ медицинской точки зрѣнія“. Авторъ, конечно, указываетъ на всю возмутительность тѣлесныхъ наказаній. Рѣчь эта тоже характерна съ бытовой стороны, ибо только въ полуевропейскомъ обществѣ (лѣтъ 10—15 тому назадъ эпитетъ „полуевропейскій“ считался позорнымъ, но теперь завелось не мало публицистовъ, которые съ восторгомъ восклицаютъ: да, мы полуазіаты!) представителямъ науки приходится ратовать въ защиту такихъ элементарныхъ истинъ, какъ утвержденіе, что тѣлесное наказаніе есть мѣра возмутительная, недостойная европейскаго государства. Конечно, еще характернѣе то обстоятельство, что эти доводы представителей науки остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ *).

Владиміръ Шуфъ. Могила Азиса. Крымскія легенды и разсказы. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. д-ръ А. Щилтовъ. Среди безбожниковъ (посмертныя записки врача-философа). Харьковъ. 95. Ц. 40 к.

---

*) Подписчики и читатели часто обращаются въ контору «Русскаго Богатства» за книгами, названія которыхъ печатаются подъ рубрикою «Новыя книги, поступившія въ редакцію». Считаемъ нужнымъ пояснить, что книги эти присылаются авторами и издателями для отзыва и вообще для собственнаго употребленія редакціи, имѣются лишь въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ редакціи не продаются, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, о которыхъ печатаются особыя о томъ объявленія.

Е. А. Чебышева-Дмитріева. Одинъ въ лѣсу!—Война мышей и лягушекъ. Спб. 95. Ц. 50 к.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. III, стр. 53—80. Тифлисъ. 95. Ц. 20 к.

Монгольская Старина. Сцены изъ монгольской жизни въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. **М. Кронидова.** Кишиневъ. 95.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. «Обнаженные нервы». Сборникъ стихотвореній. М. 95. Ц. 1 р.

Ossip Lourié. Ames Souffrantes. Cinquième édition. Paris. 95. 3 francs.

А. Ветуховъ. Языкъ, поэзія и наука. Харьковъ. 95. Ц. 25 к.

Т. Циглеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изд. Александра Острогорскаго. Спб. 95. Ц. 50 к.

Дж. В. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. М. В. Лучицкой, подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Въ 2 томахъ. Кіевъ. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Адольфъ Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. 1-й. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. Переводъ К. Бальмонта. М. 95. Ц. 3 р.

Наша старина. XI. Донъ Исаакъ Абробональ, его жизнь и дѣятельность. Соч. Моисея Базилевскаго. Изд. книжн. маг. Я. Х. Шермана. Одесса. 95. Ц. 15 к.

Е. А. Бѣловъ. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 3 р.

И. С. Джабадари. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 95.

Библіотека экономистовъ. Изд. К. Т. Солдатенкова: Вып. II. **Давидъ Рикардо. Начала политической экономіи.** М. 95. Ц. 1 р. Вып. III. **Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи.** М. 95. Ц. 1 р. Вып. IV. **Джонъ Стюартъ Милль. Основанія политической экономіи.** М. 95. Ц. 1 р.

К. В. Трубниковъ. Преобразованіе денежной системы. Спб. 95. Ц. 40 к.

Луйо Брентано. Объ отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Переводъ В. Э. Дена и В. В. Святловскаго 2-го. Спб. 95.

Владиміръ Денъ. Къ ученію о цѣнности. Три очерка. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Культурно-историческая библіотека. Изд. О. Н. Поповой. № 1. **Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи.** Переводъ съ англ. А. В. Каменскаго. Спб. 95. Ц. 80 к.

Несчастные случаи и профессіональныя заболѣванія въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Сост. А. А. Прессъ. М. 95.

Е. Н. Штейнъ. Несложныя мысли о сложномъ кризисѣ и объ основныхъ мѣрахъ его упраздненія. Кіевъ. 95.

О. Н. Велецкій. О мѣрахъ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности. Полтава. 95.

Т. М. Устименко. Село Зуевцы. Историко-этнографич. очеркъ. Полтава. 94.

И. Семеновъ. Туземцы Сѣверо-восточнаго Кавказа. Спб. 95. Ц. 2 р.

Е. И. Рагозинъ. Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Спб. 95. Ц. 3 р.

Н. С. Нестеровъ. Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Спб. 95. Ц. 50 к.

Труды коммиссіи по вопросу о предохраненіи дерева и особенно шпалъ отъ преждевременной порчи и гніенія. Вып. II, подъ ред. **В. І. Герценштейна.** Спб. 95.

Отчетъ коммиссіи по устройству въ Москвѣ народныхъ читаленъ и библіотекъ при больницахъ, пріютахъ и пр. съ 1892 по февр. мѣс. 1895 г. М. 95.

П. И. Мемеричеръ. Геометрическое черченіе. Одесса. 95. Ц. 1 р.

Изданія книжнаго склада А. М. Муриновой: № 16, **Несчастные.** № 17, **Ч. Вѣтринскій. Н. В. Гоголь и его произведенія.** № 18, **Бесѣды о землѣ.** 1 книжка. Составилъ **А. Сельскій.** М. 95.

И. Селивановскій. Деревенскія невзгоды. Изд. К. И. Тихомірова. М. 95.

Н. Павловъ. Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть вторая. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Казань. 95. Ц. 25 к.

Ф. Волгина. Въ странѣ черныхъ христіанъ (Очерки Абиссиніи). Изд. П. П. Сойкина. Спб. 95. Ц. 50 к.

Ел. Радаковой. Голландія. Харьковъ, 95. Ц. 4 к.

А. Н. Красновъ. Какъ живутъ китайцы. Харьковъ. 95. Ц. 3 к.

М. Базилевскій. Донъ Іосифъ Наси, герцогъ Наксоскій. Его жизнь и дѣятельность. Одесса. 95. Ц. 15 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изданіе А. Гарбель и К°. Томъ VII (вып. 85—98). 141 рисунокъ, 34 портрета. М. 95.

С. Васюковъ. Цѣлебный край. Кавказскія минеральныя воды. М. 95. Ц. 1 р.

В. Н. Дмитріевъ. Леченіе морскими купаньями въ Ялтѣ и вообще на южномъ берегу Крыма. Ялта. 95. Ц. 1 р.

С. А. Маркъ. О народныхъ санаторіяхъ для слабогрудыхъ. Къ вопросу о борьбѣ съ бугорчаткой. Тифлисъ. 95. Ц. 20 к.

Григорій Москвичъ. Практическій путеводитель по Черному морю. 2-е изд. Одесса. 95. Ц. 40 к.

«Пожарный». Иллюстрированный вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи. Изд. **графа А. Д. Шереметева.** № 1—17. Спб. 95.

Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача-невропатолога. Проф, **И. М. Догеля.** Казань. 95. Ц. 30 к.

Отчетъ Правленія **Павловской кустарной артели** за 1894 г. Спб. 95.

Отчетъ о капиталахъ и оборотахъ **кустарно-промышленнаго банка Пермскаго губернскаго земства** за 1894 г. Пермь. 95.

Краткій обзоръ дѣятельности Министерства Земле-

дѣлія и Государственныхъ Имуществъ за первый годъ его существованія. Спб. 95.

Отчеты, доклады, смѣты и раскладки **Оргѣевской уѣздной земской управы**. Оргѣевъ, 95.

П. А. Голубевъ. Историко-статистическія таблицы по Оренбургской губ. Вятка. 95.

Журналы Уржумскаго уѣздн. зем. собр. 1894 г. Казань. 95.

Статистическія свѣдѣнія по скотоводству Вятской губ. за 1894 г. Вятка, 95.

Обзоръ дѣятельности Вятскаго губернскаго земства за трехлѣтіе 1892—1894 гг. Вятка. 95.

Журналы Вятскаго губернскаго зем. собранія XXVIII очер. сессіи. Вятка. 95.

Изъ Австріи.

Наконецъ произошло событіе, которое давно ожидалось. Коалиція распалась—министерство Виндишгретца вышло въ отставку. И года не продержалась коалиція столь разнородныхъ элементовъ, какъ консерваторы изъ клуба Гогенварта, нѣмецкіе либералы и поляки. Послѣднимъ актомъ коалиціи былъ чудовищный проектъ избирательной реформы, годившійся для обсужденія развѣ только однихъ юмористическихъ изданій, которыя и не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы поднять на смѣхъ семь коалиціонныхъ нянекъ, у которыхъ дитя оказалось не только безъ глазъ, но и безъ всякихъ иныхъ органовъ, необходимыхъ къ жизни. Главнымъ поводомъ къ распаденію коалиціи былъ протестъ нѣмецкой либеральной лѣвой противъ утвержденія бюджета словинской гимназіи въ Цилли. Нѣмецкіе либералы мотивировали свое выступленіе невозможностью удовлетворить требованія словинцевъ, нарушающія-де нѣмецкій «Besitzstand». Однако, въ сущности причина такого рѣшенія нѣмецкихъ либераловъ коренится гораздо глубже. Соединенная лѣвая, вступивъ въ правительственную коалицію, принуждена была сдать въ архивъ свои либеральныя фразы, которыми она долгое время пускала пыль въ глаза добродушному нѣмецкому бюргеру. Поддерживая реакціонныя стремленія правительства, нѣмецкіе либералы мало по малу стали терять всякій престижъ. Тѣ неслыханныя пораженія, которыя въ послѣднее время были нанесены либераламъ антисемитами при выборахъ въ городскіе совѣты Вѣны, Зальцбурга, Инспрука и т. д., обусловливаются не только энергической агитаціей со стороны антисемитовъ, но и охлажденіемъ общества къ либераламъ à la Пленеръ и компанія. Поэтому либераламъ ничего другого не оставалось, какъ только покинуть коалицію и снова перейти въ оппозиціонный лагерь.

Съ выходомъ нѣмецкихъ либераловъ изъ коалиціи, въ парламентѣ получилось новое правительственное большинство (временно составившееся при обсужденіи вопроса о гимназіи въ Цилли),

которое еще курьезнѣе, нежели прежнее. Въ составъ этого новаго большинства входитъ, рядомъ съ различными группами консервативнаго клуба Гогенварта и ультра-ретроградного польскаго «Кола», прогрессивнѣйшая и самая демократическая парламентская группа—младочехи. Комбинація эта совершенно случайна, хотя есть вѣроятность, что она при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ превратиться и въ постоянную. Что члены клуба Гогенварта и поляки прекрасно уживутся вмѣстѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Дѣло за младочехами. Ихъ программа довольно радикальна, однако, кто ближе знакомъ съ главными вожаками младочешскаго клуба, тотъ хорошо знаетъ, что радикальная программа въ тягость младочехамъ, и что они не прочь бы перейти въ правительственный лагерь, понятно, за приличное вознагражденіе.

Къ тому-же младочехамъ представляется удобный случай блеснуть «славянскими симпатіями», которыя въ Чехіи еще принимаются въ серьезъ. Вѣдь тутъ получится чешско-польско-словинско-румынская коалиція! За такое осуществленіе «славянскихъ идеаловъ» младочехи не задумаются продать и требованія всеобщей подачи голосовъ и многія другія красивыя вещи, которыхъ вѣдь и такъ имъ не добиться. Со своей стороны и правительство не прочь привлечь на свою сторону младочеховъ, которые доказали, что съ ними слѣдуетъ считаться.

Двадцать энергическихъ младочеховъ при помощи демократовъ Кронаветтера и Пернерстоффера съумѣли сломить силу 230 депутатовъ, составляющихъ правительственное большинство. Младочехи, видя, что имъ ничего не подѣлать обыкновенными средствами, рѣшили начать обструкціонную политику, чтобы такимъ путемъ парализировать всѣ дѣйствія своихъ противниковъ. Обструкція состоитъ въ томъ, чтобы безконечно длинными рѣчами и постоянно вносимыми поправками къ каждому параграфу разсматриваемаго предложенія затягивать парламентскія пренія и не дать правительству провести необходимые проекты. Такая обструкція возможна только въ томъ случаѣ, если президентъ не смѣетъ прервать преній и отнять голосъ у оратора.

Въ этомъ отношеніи младочехи находятся въ самомъ благопріятствующемъ обструкціонной тактикѣ положеніи. Дѣло въ томъ, что младочешскіе депутаты, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ говорятъ въ вѣнскомъ парламентѣ по чешски, желая этимъ довести до абсурда австрійскую централизаціонную систему. Еслибъ по примѣру чеховъ поляки стали бы говорить по польски, хорваты и сербы по сербски, словинцы по словянски, русины по малорусски, румыны по румынски, а итальянцы по итальянски, то въ рейхсратѣ получился бы такой кавардакъ, что правительство было бы въ очень непріятномъ положеніи. Оно принуждено было-бы сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ автономизаціи отдѣльныхъ областей и реорганизаціи Австріи на болѣе справедливыхъ федераль-

ныхъ основаніяхъ. До сихъ поръ примѣру младочеховъ послѣдовали только нѣкоторые юго-славянскіе депутаты, которые выводятъ изъ себя рѣчами на непонятномъ большинству языкѣ главнымъ образомъ нѣмцевъ. Чтобы смирить депутатовъ, не желающихъ въ парламентѣ говорить по нѣмецки, были приняты различныя мѣры. Между прочимъ ихъ рѣчи не стенографируются, не заносятся въ протоколъ и, вслѣдствіе этого, могутъ быть конфискованы, что не угрожаетъ нѣмецкимъ рѣчамъ, пользующимся неприкосновенностью.

Предсѣдатель рейхсрата баронъ Хлумецкій дѣлаетъ видъ, что онъ ни словечка не понимаетъ по чешски (хотя по происхожденію онъ чехъ и чешскимъ языкомъ владѣетъ довольно хорошо). Это то обстоятельство очень удобно для младочеховъ-обструкціонистовъ. Младочехъ-депутатъ говоритъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ о чемъ ему только вздумается, а предсѣдатель, разыгрывающій ничего не понимающаго, не можетъ его ни прервать, ни призвать къ порядку, ни отнять у него голоса.

Когда въ рейсхратѣ сталъ обсуждаться проектъ податной реформы, выработанный Пленеромъ и отличающійся всѣми качествами дѣтища коалиціи, младочехи рѣшили во что бы то ни стало воспротивиться утвержденію этого проекта. Они внесли 54 добавочныхъ предложенія въ видѣ поправокъ къ проекту Пленера и, кромѣ того, добились, чтобы послѣ утвержденія каждаго параграфа давалась десятиминутная передышка. Такимъ образомъ проектъ пришлось бы разсматривать Богъ знаетъ сколько времени, что для правительства, которому парламентъ еще не утвердилъ бюджета, было бы крайне невыгодно. Правительству пришлось смириться, войти съ младочехами въ переговоры и отложить пренія о податной реформѣ.

Въ теченіи всего этого времени, пока чехи вели обструкцію, парламентъ представлялъ очень комическій видъ. Одинъ младочешскій депутатъ встаетъ за другимъ и говоритъ о разныхъ разностяхъ. Соколь повѣствуетъ объ очень интересныхъ событіяхъ временъ своей молодости; Шаманекъ говоритъ объ обученіи чешскихъ дѣтей русскому языку; д-ръ Шиль ни съ того, ни съ сего разсыпаетъ перлы краснорѣчія на тему обязательнаго оспопрививанія. Всѣхъ ихъ, однако, превзошелъ депутатъ Дикъ, говорившій съ 9 часовъ вечера до половины второго пополуночи и говорившій съ такимъ комическимъ паѳосомъ, что славянскіе депутаты чуть не лопались со смѣха. Нѣкоторые депутаты, ничтоже сумняшеся, повторяли свои рѣчи еще и по нѣмецки, причемъ, чтобы не устать, они говорили такимъ тихимъ голосомъ, что ихъ могли слышать только ближайшіе сосѣди.

Вполнѣ понятно, что такая тактика младочеховъ приводила въ бѣшенство ихъ нѣмецкихъ противниковъ. Нѣмецкій либералъ Морре былъ два раза выведенъ изъ залы засѣданія, такъ какъ

у него не хватало терпѣнія сидѣть спокойно во время безконечныхъ рѣчей младочешскихъ обструкціонистовъ. Онъ поставилъ, напримѣръ, скамейку на столъ и сталъ, что было силъ, колотить по ней своимъ перочиннымъ ножикомъ. Удивленный предсѣдатель спрашиваетъ, что съ нимъ, на что Морре отвѣчаетъ: «я дольше не могу выдержать: я долженъ чѣмъ нибудь развлекаться!» Обструкціей довольны, кромѣ оппозиціонныхъ депутатовъ, только стенографы, которые ничего не дѣлаютъ, такъ какъ рѣчи чешскихъ депутатовъ не стенографируются.

---

15 мая въ Прагѣ была торжественно открыта этнографическая выставка, проектъ которой возникъ во время юбилейной выставки въ 1891 г. Въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ по лицу всей чешской и словацкой земли шли самыя оживленныя приготовленія къ этнографической выставкѣ, которая должна была наглядно представить жизнь чешскаго народа Богеміи, Моравіи, Силезіи и населенія венгерской Словачины. Въ различныхъ провинціальныхъ городахъ Богеміи и Моравіи организовались областныя этнографическія выставки, гдѣ мѣстными спеціалистами и любителями было собрано все, что только могло характеризовать мѣстный типъ чешскаго населенія. Благодаря содѣйствію провинціальной, особенно моравской интеллигенціи, усиліямъ выставочнаго комитета, выставка вышла блестящей, не смотря на то, что она представляетъ первую попытку въ своемъ родѣ.

Выставка занимаетъ громадную площадь за Прагой, площадь, на которой была расположена и юбилейная выставка 1891 г. Многія этнографическія коллекціи нашли помѣщеніе въ каменныхъ зданіяхъ, оставшихся отъ юбилейной выставки. Такъ напримѣръ, въ лѣвомъ крылѣ бывшаго промышленнаго павильона находится главное собраніе манекеновъ, представляющихъ типы жителей различныхъ провинцій короны св. Вацлава и сосѣдней Словачины. Всѣ эти манекены одѣты въ оригинальные крестьянскіе костюмы и составлены въ группы, представляющія различныя сцены изъ чешской народной жизни. Центральная группа, состоящая изъ нѣсколькихъ манекеновъ въ настоящую величину, изъ которыхъ нѣкоторые, верхомъ на лошадяхъ, изображаютъ старинную народную игру «хожденіе короля». Тутъ же собраны колоссальныя коллекціи чешскихъ вышивокъ, писанокъ, орнаментовъ, принадлежностей чешскаго народнаго костюма изъ всѣхъ уголковъ Чехіи и т. д., и т. д. Статистическія таблицы и всевозможныя діаграммы служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ экспонатамъ этого рода.

Въ многочисленныхъ павильонахъ собраны предметы, которые знакомятъ насъ съ чешскимъ кустарнымъ промысломъ, съ состояніемъ народнаго просвѣщенія въ Чехіи, съ антропологическими,

археологическими и литературными памятниками чешской земли. Въ литературномъ отдѣленіи вывѣшены таблицы, указывающія на колоссальное развитіе чешской литературы, возродившейся изъ пепла въ концѣ прошлаго столѣтія и блистающей въ настоящее время такими именами, какъ Врхлицкій, Святополкъ Чехъ, Махаръ и мн. др. Особенно поразителенъ ростъ чешской печати. Въ настоящее время едва ли найдется въ Чехіи мѣстечко, гдѣбы не издавался по крайней мѣрѣ хоть одинъ органъ. Какой нибудь городокъ, вродѣ моравской Густопечи, населенной $2^1/_2$ тысячами жителей, изъ которыхъ добрая половина нѣмцевъ, имѣетъ свой собственный органъ.

Самыя интересныя части этнографической выставки—это село и «Старая Прага». Особенно первое привлекаетъ массу посѣтителей. Село на выставкѣ—это громадная площадь, обставленная со всѣхъ сторонъ домами, представляющими типическія постройки изъ всѣхъ частей Богеміи, Моравіи, Силезіи и Словачины. Въ каждомъ изъ этихъ домовъ, разукрашенныхъ мѣстными мастерами, живетъ семья изъ той провинціи, которую данная постройка должна представлять. Внутренность каждаго дома убрана мебелью, утварью и всякими хозяйственными принадлежностями, вывезенными оттуда же. Почти въ каждой такой избѣ гостепріимные хозяева продаютъ посѣтителямъ пиво, вино, сливовицу или молоко. Особенно много посѣтителей въ валашской (моравской) корчмѣ, гдѣ играетъ настоящій крестьянскій валашскій квартетъ. Публика слушаетъ эту, не всегда стройную, но тѣмъ не менѣе пріятную и оригинальную музыку, попиваетъ пиво, подпѣваетъ музыкантамъ и даже танцуетъ. То же самое наблюдается въ корчмѣ словака-Гудечка, гдѣ играетъ словацкая музыка. Вообще на выставкѣ чрезвычайно весело, и посѣтители чувствуютъ себя какъ дома. Въ селѣ на выставкѣ имѣется и кузница, и цѣлое рыбачье хозяйство, расположенное на берегу пруда, и мельница, и даже настоящій деревенскій костелъ, построенный въ очень оригинальномъ стилѣ. По праздникамъ на площади села устраивается ярмарка. Тутъ появляются продавцы всякихъ сластей, игрушекъ и т. п. вещей; тутъ даютъ представленія странствующіе акробаты, подвизаются дрессированныя собаки и обезьяны; тутъ же располагается и театръ маріонетокъ, дающій примитивныя пьесы на патріотическія темы и привлекающій вниманіе особенно малолѣтнихъ посѣтителей.

На другомъ концѣ выставки расположена такъ называемая «Старая Прага», т. е. Старомѣстская пражская площадь, возстановленная въ такомъ видѣ, въ какомъ она была въ половинѣ XVI столѣтія. Старая Прага производитъ большой эффектъ. Вы видите передъ собою рядъ каменныхъ домовъ различныхъ стилей, съ оригинальными надписями, и съ перваго взгляда вовсе и не подозрѣваете, что это деревянные бараки, сколоченные изъ до-

сокъ, только искусно раскрашенные. Въ «Старой Прагѣ» въ каждый праздникъ устраиваются различныя средневѣковыя празднества—турниры, тріумфальныя шествія, принятіе молодого студента (т. н. беана), въ которыхъ принимаютъ участіе главнымъ образомъ молодежь. По вечерамъ въ многочисленныхъ ресторанахъ и пивныхъ лавкахъ, имѣющихся въ «Старой Прагѣ», устраиваются танцы, продолжающіеся до закрытія выставки.

На выставкѣ играетъ нѣсколько прекрасныхъ оркестровъ, между которыми особенно выдѣляется словацко-цыганскій, въ словацкой корчмѣ.

Публики на выставкѣ бываетъ очень много, а общее число посѣтившихъ до сихъ поръ выставку давно перевалило за 300.000. Во всей Чехіи организуются по праздникамъ спеціальные экскурсіи на выставку, а недавно въ Прагѣ были встрѣчены съ большой торжественностью чехи, пріѣхавшіе на выставку изъ далекой Америки. Ходятъ слухи, что выставку посѣтитъ императоръ Францъ-Іосифъ, причемъ въ Прагѣ и ея окрестностяхъ будетъ снято осадное положеніе.

Силезскимъ полякамъ удалось въ послѣднее время одержать немаловажную національную побѣду. Именно опавскій школьный совѣтъ разрѣшилъ «тѣшинской матицѣ» открыть польскую классическую гимназію въ главномъ городѣ тѣшинскаго княжества, гдѣ до сихъ поръ роль полновластныхъ хозяевъ играютъ нѣмцы, составляющіе незначительное меньшинство населенія края. Любопытна судьба этой страны. Еще въ XII ст. Силезія была отторгнута отъ остальныхъ провинцій Польши и съ того времени перестала жить общей жизнью съ нею, подпавъ всецѣло подъ вліяніе нѣмцевъ, которые наводнили и вполнѣ германизировали польско-силезскіе города. Только консерватизму крестьянскихъ массъ обязана Силезія тѣмъ, что ее не постигла плачевная судьба полабскихъ славянъ. Польская народность сохранилась здѣсь подобно тому, какъ и въ Чехіи, только подъ сельской кровлей. Когда же въ половинѣ этого столѣтія и въ Австріи повѣялъ легкій вѣтерокъ свободы, угнетенныя народныя массы приподняли головы и стали требовать для себя такихъ же правъ, какими пользовались нѣмцы. Появляются энергичные агитаторы, которые своими пламенными рѣчами раздуваютъ потухающую уже искорку національнаго сознанія народа, и мало по малу во всемъ краѣ вспыхиваетъ борьба съ пришлымъ элементомъ, сопровождающая всякое національное возрожденіе. Появляются первыя народныя газеты, организуются различныя общества, возникаетъ національный театръ и т. д.

Австрійская Силезія распадается на двѣ части: княжество опавское и княжество тѣшинское. Первое населено нѣмцами и чехами, второе поляками, нѣмцами и чехами, причемъ громадное

большинство населенія представляютъ поляки. Въ главномъ городѣ Силезіи, Опавѣ (Troppau) засѣдаетъ силезскій ландтагъ, куда населеніе этого края высылаетъ 31 посла. Не смотря на то, что нѣмцы составляютъ незначительное меньшинство населенія, нѣмецкихъ депутатовъ 25, въ то время какъ польскихъ и чешскихъ всего только по три. Это объясняется прежде всего неслыханнымъ терроризмомъ нѣмецкой бюрократіи во время выборовъ, а во вторыхъ теперешнимъ австрійскимъ избирательнымъ закономъ, въ силу котораго помѣщики и городское населеніе имѣютъ въ десять разъ больше правъ, нежели крестьяне, не говоря уже о рабочихъ, совершенно лишенныхъ избирательскихъ правъ.

Города въ тѣшинскомъ княжествѣ имѣютъ совершенно нѣмецкій характеръ, городскія думы состоятъ исключительно изъ нѣмцевъ, въ силу чего и городскія школы, которыя посѣщаются главнымъ образомъ дѣтьми польскихъ рабочихъ, имѣютъ чисто германизаціонный характеръ. Въ деревняхъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Тамъ всего около двадцати нѣмецкихъ школъ, остальныя польскія или чешскія.

Такъ какъ сельскому населенію не угрожаетъ германизація, то польскіе патріоты въ Силезіи обратили все свое вниманіе на защиту польскаго населенія городовъ. За послѣднее время населеніе силезскихъ городовъ колоссально возросло, такъ какъ туда ежегодно прибываютъ тысячи рабочихъ изъ Галиціи, которые находятъ заработокъ на многочисленныхъ силезскихъ фабрикахъ и рудникахъ. Такъ какъ въ городахъ нѣтъ польскихъ школъ, то дѣти этого рабочаго населенія легко германизируются, точно такъ же какъ и дѣти зажиточныхъ крестьянъ, попадающія въ тѣшинскую (нѣмецкую) гимназію. Поэтому всѣ усилія польской интеллигенціи въ Силезіи направлены къ тому, чтобы польскія дѣти не были принуждены обучаться въ нѣмецкихъ школахъ. Для этого было основано общество «Школьная Матица», которая стала собирать фонды для основанія польской гимназіи въ Тѣшинѣ. Въ настоящемъ году капиталъ собранный «Школьной Матицей», достигъ суммы 100.000 гульденовъ, и поэтому можно было подумать объ открытіи перваго класса уже осенью. Все зависѣло отъ разрѣшенія опавскаго школьнаго совѣта, въ которомъ засѣдаютъ завзятые германизаторы. Долго господствовало мнѣніе, что школьный совѣтъ ни за что не согласится утвердить проектъ польской гимназіи, однако, нѣсколькимъ здравомыслящимъ членамъ совѣта удалось убѣдить своихъ шовинистически настроенныхъ товарищей, и гимназія будетъ открыта осенью.

Тѣшинское княжество представляетъ очень любопытную иллюстрацію къ теоріи и т. н. славянской взаимности. Дѣло въ томъ, что въ западной части тѣшинскаго княжества находится гра-

ница между чешскимъ и польскимъ населеніями. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, и здѣсь довольно трудно рѣшить, къ какому племени принадлежитъ смѣшанное населеніе въ пограничной полосѣ, тѣмъ болѣе, что у силезцевъ до самаго послѣдняго времени очень слабо было развито національное сознаніе. Когда силезца спрашивали, на какомъ языкѣ онъ говоритъ, силезецъ отвѣчалъ: «по нашему», причемъ не считалъ себя ни за поляка, ни за чеха, а просто за «силезца». Въ силу такой національной безпечности во многихъ чисто польскихъ селахъ, куда попадалъ энергичный священникъ-чехъ, въ школу и въ церковь вводили чешскій языкъ. Поэтому получилось очень много чешскихъ школъ въ чисто польскихъ селахъ. Однако, это могло существовать только до тѣхъ поръ, пока силезскій крестьянинъ не имѣлъ понятія о своей національности. Теперь онъ уже знаетъ, кто онъ, и поэтому крестьяне энергически стали выводить чешское преподаваніе изъ такихъ школъ, что возмутило чешскихъ шовинистовъ съ пражскими «Народными Листами» во главѣ. Поднялся крикъ, что тѣшинское княжество насильно полонизируется, появились трогательныя воззванія въ чешскихъ органахъ, умоляющія все чешское общество посылать книжки въ чешскія общины Силезіи, стали устраиваться лекціи, балы, рауты и базары въ пользу погибающихъ силезскихъ чеховъ и т. д. Поляки, разумѣется, не остались въ долгу. Въ польскихъ органахъ появились ожесточенныя нападки на «чешскую интригу», и существующая между поляками и чехами непріязнь еще болѣе обострилась.

Л. Василевскій.

Изъ Германіи.

Рядомъ пышныхъ торжествъ, продолжавшихся почти цѣлую іюньскую недѣлю, настоящему поколѣнію нѣмцевъ суждено было увѣнчать зданіе, бывшее предметомъ стремленій на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій. Открытый только что сѣверо-нѣмецкій каналъ, получившій названіе «канала Императора Вильгельма», является результатомъ усилій, начало которыхъ можно отнести еще къ 14-му вѣку. Датскіе короли, Шлезвигъ-Гольштинскіе герцоги, вольные ганзейскіе города Гамбургъ и Любекъ другъ у друга оспаривали иниціативу по соединенію двухъ морей.

Первое соединеніе Балтійскаго и Сѣвернаго морей относится къ 1391—98 годамъ, когда при посредствѣ Штекницкаго канала, служившаго лишь мелкому судоходству, были связаны между собою Гамбургъ и Любекъ. Значительно позже, въ 1525 году, эти города были непосредственно соединены каналомъ между Альстеромъ и Травой, оказавшимся уже послѣ 25 лѣтъ пользованія никуда негоднымъ. Въ послѣдующія столѣтія сочинялось не мало проектовъ, оставшихся, однако, безъ выполненія. Такъ любопытны между прочимъ планы Валленштейна соорудить каналъ между обоими морями, чтобы завоевать себѣ такое-же господство на морѣ, какимъ онъ пользовался на сушѣ; далѣе — планы Кромвеля, сводившіеся къ тому, чтобы, посредствомъ канала между Эльбой и Висмаромъ, открыть англійской торговлѣ новые независимые отъ Даніи пути къ прибалтійскимъ портамъ.

Лишь во второй половинѣ 18-го столѣтія увѣнчалась успѣхомъ попытка создать водный путь между двумя морями: въ періодъ времени отъ 1777 до 1785 года возникъ Эйдерскій каналъ. Этотъ послѣдній идетъ отъ Кильской бухты почти до самаго Рендсбурга, гдѣ онъ при посредствѣ шлюзовъ впадаетъ въ Эйдеръ, который въ свою очередь, послѣ нѣсколькихъ изгибовъ, втекаетъ въ Нѣмецкое море. Эйдерскій каналъ въ свое время служилъ дѣлу сношеній не безъ большой пользы. Но съ развитіемъ крупнаго судоходства и сами суда сдѣлались значительно крупнѣе,

такъ что 3,2 метра глубины канала не отвѣчали больше возросшимъ требованіямъ. Сношеніе между морями все болѣе росло, между тѣмъ какъ пользованіе каналомъ постепенно сокращалось. Тогда то возникли опять новые планы сооруженія сѣвернаго канала, который бы удовлетворялъ развившимся запросамъ судоходства. Но въ безпокойную пору конца прошлаго столѣтія и половины текущаго вѣка нѣмцамъ было не до такихъ грандіозныхъ сооруженій. Лишь въ началѣ 80-хъ годовъ мысль о сѣверномъ каналѣ настолько созрѣла, что можно было серьезно подумать и объ ея осуществленіи.

При всѣхъ несомнѣнныхъ культурныхъ и экономическихъ интересахъ, связанныхъ съ сооруженіемъ Сѣвернаго канала, также несомнѣнно имѣлись въ виду и стратегическія цѣли. Эти послѣднія быть можетъ даже преобладали въ руководящихъ сферахъ, что становится всего очевиднѣе, «если принять въ соображеніе отношеніе покойнаго фельдмаршала Мольтке къ вопросу о каналѣ. Знаменитый стратегъ былъ первоначально противникомъ затѣвавшагося предпріятія: «если имѣется въ виду потратить 150 милліоновъ на морское дѣло,—такъ мотивировалъ онъ свою точку зрѣнія на одномъ парламентскомъ засѣданіи,—тогда будетъ цѣлесообразнѣе построить другой флотъ. Въ этомъ случаѣ на каждомъ морѣ будетъ имѣться особый флотъ, между тѣмъ какъ постройка канала даетъ только возможность передвигать одинъ и тотъ-же флотъ въ различныя моря».... Эта даже въ чисто стратегическомъ отношеніи крайне близорукая точка зрѣнія была впослѣдствіи оставлена и самимъ Мольтке. Съ развитіемъ нѣмецкаго флота постепенно убѣждались, что отсутствіе канала отзывается большимъ ущербомъ на расширеніи дѣятельности флота и что постройка такого канала съ избыткомъ восполнитъ выгоды новаго флота.

Съ этого времени приготовленія къ сооруженію канала идутъ быстрыми шагами. За основаніе былъ взятъ опубликованный въ 1878 году однимъ гамбургскимъ судовладѣльцемъ Дальштремомъ проектъ, такъ какъ именно этотъ проектъ намѣчалъ всего болѣе подходящее для стратегическихъ цѣлей направленіе канала по линіи Брунсбютелль-Киль. Хозяйственно-торговые интересы были-бы всего лучше соблюдены, если-бы Любекъ былъ избранъ конечнымъ пунктомъ канала; съ другой стороны, затраты по сооруженію были-бы на цѣлую треть сокращены, если-бы Эккернфердэ былъ взятъ за исходный пунктъ канала. Но Киль съ давнихъ поръ считается нѣмецкимъ стратегическимъ пунктомъ на балтійскомъ побережьѣ, а потому и каналъ долженъ былъ брать свое начало у Киля.

Въ 1881 году были начаты подготовительныя работы, а въ 1885 г. былъ представленъ рейхстагу готовый проектъ. Смѣта расходовъ по постройкѣ канала была разсчитана въ 156 милліо-

новъ марокъ, изъ которыхъ Пруссіи предстояло на себя взять выдачу аванса въ размѣрѣ 50 милліоновъ. Въ февралѣ 1886 года проектъ въ его окончательной формѣ послѣ третьяго чтенія былъ единодушно принятъ рейхстагомъ. Въ іюнѣ 1887 года вблизи Гольтенау была совершена закладка канала императоромъ Вильгельмомъ I, а спустя восемь лѣтъ, въ 20-хъ числахъ истекшаго мѣсяца іюня—освященіе и открытіе.

Каналъ беретъ свое начало у Брюнсбютелля, лежащаго на правомъ берегу Эльбы, въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ Гамбурга. Идя сначала въ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ тянется черезъ болотистыя и озерныя мѣстности, пересѣкается на своемъ протяженіи рядомъ прекрасныхъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, поворачиваетъ постепенно на востокъ, покуда не достигнетъ своей конечной цѣли—Кильской бухты. Длина канала равняется 98,65 километрамъ. Его берега, въ виду защиты отъ прибоя волнъ, укрѣплены камнями. Ширина канала 60—65 метровъ, у подошвы же—22 метра. Эта ширина вполнѣ достаточна, чтобы свободно пройти двумъ встрѣчнымъ торговымъ судамъ. Для тѣхъ колоссовъ, какіе встрѣчаются среди современныхъ военныхъ судовъ и которые достигаютъ 20 и свыше 20 метровъ ширины, разстояніе между берегами оказалось-бы недостаточнымъ. Въ виду этого на протяженіи канала сдѣланъ рядъ разъѣздовъ, въ которые можетъ спрятаться обыкновенное судно до тѣхъ поръ, покуда не минуетъ военное чудовище. Глубина канала равняется 9 метрамъ (около 29 ф.). Если сравнить сѣверо-нѣмецкій каналъ съ Суэцкимъ, то разница сведется къ слѣдующему: Суэцкій каналъ имѣетъ въ глубину всего 8 метровъ, но за-то длина его равняется 162 километрамъ.

Вырыть все русло канала составляло гигантскую работу: цѣлыхъ 64 милліона кубическихъ метровъ земли должны были быть оттуда извлечены; цѣлая армія рабочихъ необходима была, чтобы привести работу къ благополучному концу. Чтобы представить себѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать при работѣ, достаточно будетъ привести одинъ-два примѣра: болотистая почва, тянувшаяся на значительномъ разстояніи по линіи канала, ускользала подъ всякой тяжестью, поглощая все въ свои бездонныя глубины. Рабочіе не имѣли рѣшительно никакой точки опоры, съ которой они могли-бы приступить къ настоящей работѣ. Такую точку опоры необходимо было создать. Для этой цѣли приходилось бросать въ топь массы земли, которая все проглатывалась, покуда на поверхности болота не образовалась узкая дамба, представлявшая хоть слабую опору для производства работъ. На этой дамбѣ, при посредствѣ свай, были возведены легкіе мостки, по которымъ передвигались тачки съ пескомъ. Песокъ выбрасывался въ ложе канала, утопалъ въ болотѣ, образуя на его поверхности особыя вздутія, которыя сохли на

солнцѣ и затѣмъ собственной тяжестью уходили вглубь. Эта бездонная работа продолжалась до тѣхъ поръ, покуда не созданъ былъ фундаментъ, съ котораго можно было приступить и къ выемкѣ русла.

Другимъ примѣромъ трудностей по проведенію канала можно еще назвать хлопоты съ Флемгудскимъ озеромъ. Это озеро, которое каналъ долженъ былъ пересѣчь, лежало на 7 метровъ выше поверхности воды въ каналѣ. Если бы этотъ послѣдній провести прямо черезъ озеро, то оно упало бы на 7 метровъ, т. е. просто вытекло бы, и окрестное населеніе было бы лишено воды. Чтобы избѣжать такихъ послѣдствій, у береговъ озера былъ сооруженъ кольцеобразный каналъ, огражденный отъ озера посредствомъ плотины. Послѣ этого озеро было прорѣзано, причемъ его дно было предварительно еще нѣсколько углублено. Вслѣдствіе этого озеро упало на 7 метровъ и представляетъ теперь лишь треть своей первоначальной величины. Его же притоки принимаетъ теперь въ себя кольцеобразный каналъ, изъ котораго затѣмъ вода въ видѣ прекраснаго водопада вливается въ уменьшенное озеро.

Изъ отдѣльныхъ сооруженій канала наиболѣе интересны устроенные у его концовъ шлюзы у Брюнсбютелля и Гольтенау. Они имѣютъ цѣлью обезпечить каналу независимость отъ вліянія морскихъ приливовъ и отливовъ. Каждый шлюзъ состоитъ изъ трехъ гигантскихъ параллельно расположенныхъ гранитныхъ столбовъ, изъ которыхъ два возвышаются надъ берегами канала, а третій въ срединѣ его русла. Ихъ длина равняется 250 метрамъ, разстояніе между ними—25 метрамъ. У концовъ ихъ находятся четверо колоссальныхъ желѣзныхъ воротъ, которыя, будучи заперты, препятствуютъ приливу и отливу. Ворота приводятся въ движеніе гидравлическимъ способомъ и одинъ единственный рабочій, безъ всякихъ усилій можетъ управлять этими колоссами. Большимъ преимуществомъ слѣдуетъ признать ту особенность новаго канала, что, кромѣ двухъ конечныхъ и совершенно неизбѣжныхъ шлюзовъ, весь каналъ вообще совершенно отъ нихъ свободенъ. Наведеніе шлюзовъ сопряжено съ большой затратой времени; это было замѣтно на старомъ Эйдерскомъ каналѣ, который при сравнительно короткомъ своемъ протяженіи имѣлъ не менѣе шести шлюзовъ.

Для цѣлей сухопутнаго сообщенія сдѣлано все необходимое. Оба моста, перекинутые черезъ каналъ у Грюненталя и Левенсау, представляютъ собою образцы изящества и высокаго техническаго совершенства. Они возвышаются на 42 метра надъ поверхностью воды, состоятъ изъ одной единственной дуги.

Это сооруженіе, служащее предметомъ національной гордости нѣмцевъ, можно назвать въ значительной степени интернаціональнымъ, если принять въ соображеніе весь пестрый составъ трудящагося люда, усиліями котораго каналъ былъ доведенъ до

конца: цѣлыхъ восемь лѣтъ труда, надъ которымъ работали нѣмцы, поляки, русскіе, итальянцы и другія народности. Здѣсь дѣйствовало 90 локомотивовъ, до $2^1/_2$ тысячъ транспортныхъ телѣгъ, около 70 паровыхъ судовъ, полторы тысячи надзирателей и мастеровъ, до 6,000 рабочихъ—всего свыше 8,000 душъ.

О размѣрахъ затратъ на различные виды обезпеченія рабочихъ при такого рода предпріятіяхъ можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ цифрамъ: за однѣ земляныя работы и работы по сооруженію шлюзовъ и гаваней, представляющихъ въ общемъ цѣнность свыше 100 милліоновъ, одной заработной платы было уплачено 50 милліоновъ марокъ. Эта сумма заработной платы приходится среднимъ числомъ 7,000—8,000 рабочимъ, усилія которыхъ въ цѣломъ равняются 14.764,321 днямъ труда. Для обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ предпринимателями-подрядчиками было внесено 1.502,094 марки, для страхованія отъ болѣзни — 1.409,406 м. и для обезпеченія на случай неспособности къ работѣ—551,637 м. Если за восемь лѣтъ работы и насчитывается 629 несчастныхъ случаевъ и 90 случаевъ смерти, то въ общемъ заботы по обезпеченію рабочихъ хорошими жилищами, дешевымъ и здоровымъ продовольствіемъ были на столько велики, что «императорская строительная коммиссія» могла о нихъ дать самый лучшій отзывъ. Тѣ изъ рабочихъ, которые понесли при работѣ тяжелыя увѣчья, будутъ въ качествѣ инвалидовъ обезпечены пожизненной рентой; семьи же умершихъ, согласно закону о страхованіи, также будутъ получать установленную денежную помощь. При производствѣ работы были приняты въ разсчетъ исключительныя условія трудовой обстановки: если бы въ этихъ заброшенныхъ, болотистыхъ и нездоровыхъ мѣстностяхъ рабочій людъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, то въ лучшемъ случаѣ онъ попалъ бы подъ безцеремонный произволъ кулаковъ-подрядчиковъ. Строительная коммиссія въ виду этого взяла на себя заботу по постройкѣ бараковъ, гдѣ рабочіе находили не только кровъ, но могли съ извѣстнымъ комфортомъ располагать особыми помѣщеніями для сна, для столовой, для бань и больничныхъ отдѣленій. Все необходимое для продовольствія также доставлялось на основаніяхъ, совершенно исключавшихъ безстыдную эксплуатацію. Чтобы облегчить рабочимъ возможность пересылать своимъ роднымъ деньги, вблизи находящіяся почтовыя конторы работали по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ усиленномъ размѣрѣ и съ усиленнымъ почтовымъ персоналомъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться о блестящихъ празднествахъ, сопровождавшихъ открытіе канала. Здѣсь также не мѣсто вдаваться въ глубокомысленныя размышленія насчетъ того, въ какой мѣрѣ международный кильскій морской смотръ благотворно отзовется на равновѣсіи народовъ. Торжества, громко на

несь міръ прошумѣвъ, закончились. Было сказано очень много пріятныхъ словъ о мирѣ. Корреспонденты, удостоившіеся похвалы даже со стороны г. фонъ-Келлера, были настроены на высокій ладъ и разсылали въ разныя стороны вѣсть о томъ, что всѣ довольны и счастливы. Шероховатости съ французами, въ виду франко-русской близости, сказались лишь спустя нѣкоторое время. Преобладающимъ мнѣніемъ сдѣлалось то, что въ политическія отношенія между европейскими державами кильскія торжества не внесутъ никакихъ перемѣнъ. Весьма вѣроятно, что въ различныхъ государствахъ теперь приступятъ къ усиленной постройкѣ военныхъ судовъ, и всего вѣроятнѣе, что Германія раньше другихъ выступитъ съ новыми морскими требованіями. Тогда въ германскомъ рейхстагѣ припомнятъ кильскія рѣчи и торжества. Евгеній Рихтеръ, уже теперь подсчитавшій, что кильское гостепріимство обошлось въ 4 милліона марокъ (1.700,000 м. по назначенію рейхстага и свыше 2 милл., затраченныхъ городами Килемъ, Гамбургомъ и др.), будетъ съ тѣмъ меньшимъ смущеніемъ громить флотъ и армію, такъ какъ онъ, помимо соціалъ-демократовъ, былъ однимъ изъ немногихъ депутатовъ, не воспользовавшихся приглашеніемъ участвовать въ торжествахъ. Злые языки объясняютъ это тѣмъ, что ему будто бы предстояло имѣть своимъ застольнымъ сосѣдомъ Альвардта. Но съ другой стороны утверждаютъ, что Альвардтъ и застольные порядки здѣсь рѣшительно не при чемъ. Кстати: съ другимъ антисемитическимъ депутатомъ—Циммерманомъ произошелъ слѣдующій курьезъ. Депутатамъ было предоставлено право взять съ собою на торжество лакея. Г. Циммерманъ распорядился этимъ правомъ такимъ образомъ, что за мѣсто лакея взялъ одного своего знакомаго крупнѣйшаго милліонера, нѣкоего Келлера, который проѣхался на казенный счетъ и созерцалъ не всѣмъ смертнымъ доступныя зрѣлища. Эта афера была затѣмъ обнаружена, и газеты теперь возмущены выходкой одного изъ народныхъ представителей.

Обратимся, однако, отъ моря къ сушѣ. Въ этомъ случаѣ приходится прежде всего отмѣтить фактъ, имѣющій громадное государственное значеніе. Я разумѣю промысловую народную перепись, произведенную въ Германіи 14 іюня текущаго года. Германія насчитываетъ цѣлый рядъ такихъ переписей, вѣрнѣе—попытокъ къ такимъ переписямъ, такъ какъ лишь немногіе изъ нихъ увѣнчались успѣхомъ и дали цѣнный матеріалъ. Опыты, сдѣланные первоначально въ 1871 году, слѣдовательно въ годъ созданія германскаго единства, затѣмъ слѣдующій опытъ въ 1875 году и, наконецъ, третья попытка въ 1880 г. — всѣ они по различнымъ причинамъ не привели къ большимъ результатамъ: добытый матеріалъ или совсѣмъ не былъ опубликованъ, или же былъ опубликованъ относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Люди науки и практики продолжали настаи-

вать на необходимости хорошо выполненной промысловой народной переписи, да и само государство нуждалось въ статистикѣ экономическихъ и промышленныхъ отношеній въ цѣляхъ болѣе правильнаго направленія соціальныхъ реформъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ дѣло принимаетъ благопріятный оборотъ для тщательной промысловой переписи. Ближайшимъ толчкомъ къ тому послужили, правда, интересы покровительственной аграрной политики, душой которыхъ былъ князь Бисмаркъ. Такимъ образомъ была предпринята всеобщая перепись промысловъ въ 1882 году, которая, уже съ выходомъ въ 1885 г. перваго тома добытыхъ данныхъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ возвышеніе хлѣбныхъ пошлинъ въ два и три раза. Между тѣмъ изъ появившагося затѣмъ второго тома, заключавшаго въ себѣ классификацію сельскихъ хозяевъ по величинѣ ихъ владѣній, можно было усмотрѣть, что только восьмая часть записаннаго подъ земледѣльческой рубрикой населенія владѣетъ землей въ размѣрѣ, превышающемъ два гектара. Въ виду этого не оставалось никакого сомнѣнія, что система высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ приходилась на пользу лишь ничтожному числу сельскихъ хозяевъ. Если, однако, исключить эту спеціально аграрную сторону дѣла, то необходимо будетъ признать, что промысловая перепись 1882 года, вообще говоря, доставила массу чрезвычайно важнаго и для практическихъ государственныхъ цѣлей необходимаго матеріала.

Съ тѣхъ поръ прошло уже 13 лѣтъ и при томъ быстромъ темпѣ, въ которомъ идетъ экономическое развитіе Германіи, новая промысловая перепись оказалась всѣми признанной необходимостью. Въ виду этого, въ истекшую парламентскую сессію рейхстагу былъ представленъ соотвѣтственный законопроектъ и затребованы необходимыя для производства переписи суммы. Днемъ переписи было назначено 14 іюня, чѣмъ имѣлось въ виду добыть данныя для сравненія съ предъидущей переписью 1882 года, которая была произведена въ началѣ іюня. Для цѣлей сравненія это безспорно вполнѣ подходящій срокъ, но съ другой стороны распредѣленіе населенія въ этомъ мѣсяцѣ по различнымъ промысламъ не представляетъ нормальнаго и вполнѣ типичнаго явленія. Такъ, напр., въ сельскомъ хозяйствѣ, въ работахъ по сооруженію зданій и пр. въ это время занято гораздо больше народа, въ другихъ промыслахъ напротивъ того — гораздо меньше народа, чѣмъ это можно было показать по среднему годовому вычисленію. Ошибки подобной односторонности неизбѣжны, конечно, во всякой переписи. Тѣмъ утѣшительнѣе то обстоятельство, что настоящая промысловая перепись пришлась какъ разъ на этотъ годъ, такъ какъ въ этомъ же году въ декабрѣ мѣсяцѣ предстоитъ кромѣ того очередная, послѣ каждыхъ пяти лѣтъ слѣдующая *всеобщая перепись* германскаго населенія. Если при

этой послѣдней будутъ также опрошены и промыслы, тогда односторонность іюньской переписи путемъ сравненія можно будетъ въ значительной степени смягчить.

Система, примѣненная въ производствѣ переписи настоящаго 1895 года, представляетъ во многихъ отношеніяхъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ переписью 1882 года. Слѣдовало бы только пожелать, чтобы формуляры, разсчитанные на цѣлый домашній обходъ (Haushaltungslisten) и употребляемые обыкновенно при промысловой переписи были замѣнены индивидуальными картами, которыя съ такимъ большимъ успѣхомъ примѣняются при всеобщей переписи. Формуляры перваго рода предоставляется пополнить отцу семейства и главѣ домашняго хозяйства. Онъ вноситъ туда данныя относительно всей своей фамиліи и относительно живущихъ и работающихъ у него лицъ. Вслѣдствіе этого уже съ самаго начала можно предсказать, что отдѣльные отвѣты не будутъ отличаться особой детальностью и точность результатовъ отъ того пострадаетъ, между тѣмъ, какъ карточной системой эта точность и детальность въ значительной степени обезпечена.

Отдѣльные вопросные пункты въ формулярахъ настоящей переписи имѣютъ то преимущество передъ 1882 годомъ, что въ этотъ разъ рѣшительно все населеніе опрошено было поименно, между тѣмъ какъ въ 1882 году поименно были указаны лишь за плату работающія или служащія дѣти ниже 14 лѣтъ, все же остальное промышленное населеніе указано было лишь по своей численности. Это обусловливало значительную неполноту выводимыхъ результатовъ. Центръ тяжести лежитъ, конечно, въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются самаго промысла. Въ этомъ случаѣ дѣлались различія между главнымъ и побочнымъ промыслами, спеціализировались вопросы относительно каждой отдѣльной промышленной отрасли, относительно самостоятельности или зависимости даннаго лица въ данномъ промыслѣ и т. д. Болѣе строгое выясненіе понятія промысла и исключительная его зависимость отъ источника заработка выгодно отличаютъ формуляры нынѣшней переписи отъ предъидущей. Важны еще тѣ вопросы, которые касаются безработицы: относительно мужскихъ и женскихъ рабочихъ, прислуги, подмастерьевъ и прочихъ категорій рабочихъ спрашивалось 14 іюня: 1) находятся ли въ настоящее время въ работѣ (да или нѣтъ); 2) съ какихъ поръ находятся безъ работы; 3) находятся ли безъ работы вслѣдствіе преходящей неспособности къ труду... Еще лѣтъ двадцать тому назадъ извѣстный статистикъ Энгель указывалъ на необходимость соединенія статистики безработицы съ промысловою народной переписью. Только теперь сочли возможнымъ сдѣлать въ этомъ направленіи первый опытъ, несмотря на все противодѣйствіе тѣхъ слоевъ общества, которые видятъ какъ бы опасность въ разоблаченіи этой хозяй-

ственной язвы. До послѣдняго времени этотъ пробѣлъ восполнялся отъ времени до времени самими рабочими организаціями, предпринимавшими изслѣдованія размѣровъ безработицы въ собственной средѣ. Результаты подобныхъ изслѣдованій, въ виду ограниченныхъ средствъ, съ которыми они предпринимались, по необходимости должны были быть неполными. Но громадное значеніе этихъ изслѣдованій признавалось не только рабочими, но и людьми науки. Можно съ вѣроятностью сказать, что грандіозная стачка наборщиковъ зимою 1891—92 года не приняла бы такихъ размѣровъ, не длилась бы такъ долго и, слѣдовательно, не стоила бы такой массы жертвъ, если бы рабочіе были освѣдомлены насчетъ дѣйствительныхъ размѣровъ «резервной арміи», имѣвшейся въ средѣ наборщиковъ вообще и являвшихся на смѣну забастовавшимъ.

Любопытенъ тотъ образецъ семьи, который для облегченія отвѣтовъ со стороны населенія былъ помѣщенъ въ формуляры іюньской переписи. Въ ней 11 членовъ. Въ главѣ ея самъ хозяинъ Карлъ Майеръ, достигшій уже 50 лѣтъ. Онъ предпріимчивъ и многостороненъ. Кромѣ сельскаго хозяйства, составляющаго его главный жизненный источникъ, онъ занимался еще мукомольнымъ дѣломъ и имѣетъ булочную. Его супруга Жозефина, урожденная Корнъ, также находится еще въ лучшихъ лѣтахъ. Матушка Жозефина—положительная женщина, не только управляющая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, но помогающая еще и въ булочной. Ея старшій сынъ, 23-лѣтній юноша, главнымъ образомъ занятъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ данный моментъ въ образцовомъ хозяйствѣ Майера шло, впрочемъ, черезъ пень колоду, такъ какъ матушка всего за два дня до переписи, слѣдовательно 12 іюня, неожиданно разрѣшилась отъ бремени и на нѣсколько недѣль должна оставить всѣ хлопоты по хозяйству. Виновница всей этой катастрофы—малютка Анна, которой еще два дня отъ роду. Все бремя домашнихъ хлопотъ лежитъ поэтому на 18-лѣтней прислугѣ Розѣ Беккеръ, которая кромѣ того еще должна помогать и въ сельскомъ хозяйствѣ. Дѣла у нея полны руки, чѣмъ крайне недоволенъ молодой защитникъ отечества, мушкетеръ Отто Винтеръ, какъ разъ въ это время военнымъ начальникомъ сданный въ семью Майера на постой.... Можно бы еще много разсказать о другихъ членахъ семьи Майера, но ихъ такъ много. Несомнѣнно, однако, что эта семья не безъ основанія помѣщена въ формуляръ, какъ образцовая.

При всемъ культурномъ развитіи нѣмецкаго народа, предпріятія, вродѣ народныхъ переписей, приходится дѣлать со всей необходимой осмотрительностью. Для участія въ работахъ по переписи 14 іюня были, подобно предъидущимъ опытамъ, привлечены добровольцы, и при томъ исключительно добровольцы, если не считать руководящую роль мѣстныхъ статистическихъ бюро.

Намъ лично пришлось участвовать въ работахъ того дня въ качествѣ окружнаго комиссара (Distrikt-Kommissar). И намъ, и еще больше непосредственно сталкивавшимся съ населеніемъ счетчикамъ приходилось неоднократно встрѣчать выраженія крайняго изумленія и недоумѣнія. «Такъ, понимаемъ, теперь насъ снова хотятъ осчастливить новыми налогами!»—то и дѣло встрѣчаютъ этими словами счетчиковъ... Нѣкоторыхъ усилій стоитъ успокоить публику отъ этого безпокойства, указываешь, между прочимъ, на то мѣсто въ печатныхъ формулярахъ, гдѣ самими властями предупредительно указывается: перепись ничего общаго съ какимъ либо новымъ обложеніемъ не имѣетъ... Другіе, опасаясь, очевидно тѣхъ же налоговыхъ послѣдствій, начинали жаловаться, что дѣла у нимъ за послѣднее время пошли крайне плохо и пр. Я не упоминаю уже массы болѣе невинныхъ курьезовъ, когда напр., хозяйка, пополнивъ формуляръ, второпяхъ сотретъ имъ пыль съ окна или соръ со стола; когда дамы сердятся и не хотятъ отмѣчать своего возраста въ формулярахъ; когда бѣдная мать рада появленію счетчика только потому, что можетъ сдать ему на руки плачущаго ребенка до тѣхъ поръ, покуда сама не разберется въ рубрикахъ формуляровъ, и т. п.

Въ нѣмецкой печати выражалось глубокое сожалѣніе о томъ, что въ формулярахъ промысловой переписи совершенно отсутствуютъ пункты, касающіеся размѣровъ заработной платы и другихъ деталей по статистикѣ труда. Въ извѣстной степени эта задача входитъ въ сферу дѣятельности особой «Имперской коммиссіи по статистикѣ труда». Но это учрежденіе еще сравнительно молодое, основанное года 3—4 тому назадъ, и въ предпринимавшихся имъ до сихъ поръ изслѣдованіяхъ (объ условіяхъ труда въ булочныхъ и кондитерскихъ заведеніяхъ, въ мукомольномъ дѣлѣ, въ прикащичьей профессіи и др.) оно обыкновенно обращалось къ содѣйствію болѣе старыхъ и испытанныхъ организацій. Слабая постановка оффиціальной статистики труда и теперь еще заставляетъ обращаться съ большимъ вниманіемъ къ работамъ помянутыхъ организацій.

Къ числу такихъ работъ слѣдуетъ, между прочимъ, отнести тѣ статистическія изслѣдованія условій труда, которыя отъ времени до времени наряжаются германскими рабочими организаціями и профессіональными ферейнами. Передъ нами лежитъ на этотъ разъ небольшой томикъ свѣдѣній, собранныхъ такъ называемыми Гиршъ-Дункеровскими ферейнами. Эти ферейны, названные именами своихъ основателей, перенесены на нѣмецкую почву изъ Англіи, устроены по типу англійскихъ тредъ-юніоновъ и насчитываютъ уже 27 лѣтъ существованія. Экономическій кризисъ, переживаемый въ настоящее время Германіей, отражается и на статистическихъ выводахъ, добытыхъ Гиршъ-Дункеровскими ферейнами. Въ ихъ составъ входятъ по преимуществу рабочіе ма-

шинныхъ и металлическихъ отраслей труда, а также служащіе въ торговыхъ заведеніяхъ. Изъ 436 мѣстныхъ ферейновъ, доставившихъ статистическія свѣдѣнія, только въ двухъ пунктахъ можно было констатировать повышеніе заработной платы, между тѣмъ какъ цѣлыхъ 71 пунктъ констатируютъ ея пониженіе. Это касается рабочихъ машиннаго и металическаго производства. Средній рабочій день равняется 10 — 10½ часамъ, но попадаются и случаи въ 12—15 рабочихъ часовъ среди, напр., истопниковъ, которые со своими 20 марками недѣльнаго заработка не могутъ быть отнесены къ наилучше оплаченнымъ рабочимъ. Крайне существенно, далѣе, различіе, замѣчаемое въ размѣрахъ заработной платы взрослыхъ рабочихъ, съ одной стороны, и дѣтей и женщинъ—съ другой. Мы встрѣчаемъ затѣмъ цѣлую массу чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ, касающихся системъ поурочнаго и поденнаго труда и расплаты, положенія прикащиковъ, случаевъ восьмичасоваго рабочаго дня, случаевъ участія рабочихъ въ регулированія фабричнаго быта посредствомъ т. н. Arbeiter-Aufschüpe (рабочихъ представительствъ), практики промысловыхъ судовъ (Gewerbegerichtte) и т. п. Интересны еще тѣ данныя, которыя доставляются рабочими сверхъ предъявляемыхъ къ нимъ требованій: здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на особенности и размѣръ потребляемыхъ жизненныхъ продуктовъ, жилищныя условія, размѣры квартирной платы. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что вся эта статистика охватываетъ избранную часть рабочаго люда, соединившагося въ организацію и пользующагося всѣми ея благами и выгодами. Между тѣмъ картина быта этихъ рабочихъ оставляетъ еще многаго желать въ смыслѣ благополучія, и громадная заслуга этихъ организацій и заключается въ томъ, что, собирая правильныя данныя о бытѣ, онѣ доставляютъ необходимый матеріалъ и содѣйствіе тѣмъ сферамъ, на которыхъ лежитъ задача законодательнаго регулированія экономическихъ отношеній.

Въ серьезномъ вниманіи руководящихъ сферъ къ дѣятельности указанныхъ организацій не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Доказательствомъ тому служитъ недавно происходившій съѣздъ тѣхъ же Гиршъ-Дункеровскихъ ферейновъ въ Данцигѣ. Это по счету 12-й съѣздъ за время ихъ существованія, и въ числѣ привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ отъ разныхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, было прочтено также и письмо министра торговли и промышленности барона фонъ-Берленша. «Крайне сожалѣю, пишетъ министръ, что не имѣю времени лично присутствовать на съѣздѣ профессіональныхъ рабочихъ ферейновъ, тѣмъ не менѣе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ слѣдить за ходомъ засѣданій съѣзда, какъ и за дѣятельностью ферейновъ вообще».

Женскому вопросу особенно посчастливилось въ послѣднее

время. Нѣмецкія женщины не избалованы большими любезностями въ серьезныхъ общественныхъ вопросахъ, между тѣмъ и онѣ были обрадованы нѣсколькими сюрпризами, изъ которыхъ упомяну самые свѣжіе: извѣстно, что т. н. «всеобщій ферейнъ нѣмецкихъ женщинъ» обратился къ правительствамъ и парламентамъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ странъ съ петиціей о введеніи женской фабричной инспекціи. Громаднѣйшая роль, выпадающая на долю нѣмецкихъ женщинъ въ германской промышленности, служила достаточнымъ мотивомъ для подобной петиціи. Къ счастію, въ Гессенскомъ Герцогствѣ палата депутатовъ отнеслась съ большимъ противъ прежняго сочувствіемъ къ помянутой петиціи и послѣ весьма благопріятныхъ ей дебатовъ предложила вниманію правительства петицію, какъ подлежащую удовлетворенію.

Въ то время, какъ женскія петиціи о допущеніи женщинъ къ высшему университетскому образованію «изъ соображеній конкурренціи» встрѣчаютъ часто лишь холодную улыбку въ сильной и правящей половинѣ человѣческаго рода, сами очаги высшей науки идутъ на все большія уступки и открываютъ свои входы алчущимъ и жаждущимъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ университетовъ, благодаря любезности отдѣльныхъ ректоровъ и профессоровъ, можно было встрѣчать большія или меньшія группы піонерокъ высшаго женскаго образованія. Но это были случайныя явленія, лишенныя какой-либо правовой основы и ограниченныя въ томъ смыслѣ, что одной дамѣ дозволялось слушать лекцію по педагогикѣ, другой по физикѣ и т. д. Въ истекшемъ мѣсяцѣ іюнѣ въ прусскомъ ландтагѣ разбирался рядъ женскихъ петицій въ томъ-же смыслѣ, причемъ рѣшено петиціи вмѣстѣ съ возбужденными ими дебатами передать какъ матеріалъ на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, одновременно съ этимъ, ректоръ и сенатъ Бреславльскаго университета постановилъ всѣхъ женщинъ, выдержавшихъ экзаменъ на учительницу въ женскихъ среднихъ училищахъ, допускать въ качествѣ слушательницъ этого университета по всѣмъ факультетамъ.

Въ прошломъ письмѣ мы упоминали о произведшемъ большой фуроръ рефератѣ г-жи Гнаукъ, прочитанномъ на духовно-религіозномъ обществѣ Евангелически-соціальнаго конгресса. И 12-ый съѣздъ Гиршъ-Дункеровскихъ рабочихъ ферейновъ въ Данцигѣ въ числѣ своихъ очередныхъ вопросовъ посвятилъ одинъ изъ главнѣйшихъ рефератовъ вопросу о «Die Arbeiter-Frauenfrage und die Deutschen Gewerkreine». Два референта, говорившіе по этому пункту, могли съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія констатировать ростъ общественнаго вниманія къ женскому вопросу. Это вниманіе, по мнѣнію референтовъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію того вопроса, внѣ котораго рѣшеніе соціальнаго вопроса

вообще не мыслимо. Отъ обострившихся общественныхъ отношеній женщина въ Германіи страдаетъ неизмѣримо больше мужчины. Конечно, полагаютъ референты, въ настоящее время не всегда умѣстно отдѣлываться указаніемъ на естественное призваніе женщины въ качествѣ матери и воспитательницы, но стремиться къ этому всѣми зависящими мѣрами безусловно слѣдуетъ. Пять милліоновъ женщинъ, остающихся въ Германіи не замужемъ и вынужденныхъ на тяжелую борьбу за существованіе—это фактъ, съ которымъ нельзя примириться...

Въ предъидущихъ письмахъ приходилось мнѣ приводить нѣкоторыя сюда относящіяся цифры. Не лишне будетъ освѣжить ихъ въ памяти читателей. При промысловой переписи 1882 года насчитывалось 1.509,167 женщинъ, занятыхъ въ германской промышленности. Это число составляетъ 20,6% всѣхъ нѣмецкихъ женщинъ вообще. Сюда слѣдуетъ прибавить насчитывавшіяся тогда 2.248,000 женщинъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и 1.282,000 женщинъ, функціонирующихъ въ качествѣ прислуги, учительницъ и въ разныхъ либеральныхъ профессіяхъ. Противъ переписи 1875 г. эти числа показываютъ приростъ въ 36%. Въ крупной промышленности приростъ работницъ за указанный промежутокъ времени между двумя переписями сводится къ 31,5%, между тѣмъ какъ число мужскихъ рабочихъ возросло въ той-же области на 22,2%. Противъ участія женщинъ въ промышленной дѣятельности при современномъ фазисѣ экономическаго развитія никто не думаетъ возражать. Этого не дѣлали и референты данцигскаго съѣзда. Но они считали нужнымъ съ полной опредѣленностью отмѣтить фактъ худшей оплаты женскаго труда. Обыкновенно женскій трудъ оцѣнивается въ 50—60% ниже мужскаго труда, недѣльный заработокъ женщинъ въ лучшемъ случаѣ не превышаетъ 5—6 марокъ *), а это означаетъ разрушеніе женскаго организма и дегенерацію цѣлыхъ поколѣній. Женская фабричная инспекція, усиленная законодательная защита женскаго труда, сокращеніе продолжительности труда для женскихъ подростковъ и совершенное упраздненіе дѣтскаго труда—вотъ тѣ мѣры, которыя съѣздъ ставитъ на видъ правительству какъ минимальныя требованія. Реформа устарѣвшихъ правовыхъ, вѣрнѣе—безправныхъ отношеній для домашней прислуги (такъ называемыхъ Gesindeordnung), устройство профессіональныхъ школъ для женщинъ, предоставленіе имъ права профессіональныхъ рабочихъ организацій — служатъ дальнѣйшими этапами по пути реформъ женскаго труда.

Много еще другихъ хорошихъ требованій было постановлено на данцигскомъ съѣздѣ, но мы оставимъ область добрыхъ поже-

*) Въ отрасляхъ, изслѣдованныхъ статистикой Гиршъ-Дункеровскихъ ферейновъ.

ланій и въ нѣсколькихъ словахъ коснемся того, что Гиршъ-Дункеровскіе ферейны сами дѣлаютъ въ практическомъ смыслѣ. Съ самаго начала 80-годовъ обезпеченіе и помощь безработнымъ является въ этихъ ферейнахъ обязательнымъ установленіемъ. Основатель этихъ ферейновъ Максъ Гиршъ и понынѣ стоитъ во главѣ своего дѣтища. Помощь, оказываемая его ферейнами своимъ членамъ, заключается въ правовой защитѣ, въ дорожной помощи, въ помощи при переселеніяхъ, въ обезпеченіи безработныхъ, больныхъ и удаленныхъ отъ работы, въ разныхъ образовательныхъ предпріятіяхъ. Вотъ нѣкоторые виды обезпеченія при безработицѣ и передвиженіи: 1) Дорожная помощь (Reise-Unterstützung). Эта помощь оказывается тѣмъ членамъ, которые для занятія какой-либо должности должны переѣхать съ одного мѣста на другое. Кромѣ того, она дается такимъ членамъ, которые для цѣлей выучки и утвержденія въ той или иной профессіи должны попеременно работать въ разныхъ мѣстностяхъ и наиболѣе замѣчательныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Такихъ Wander-Burschen обыкновенно много бродитъ всегда по Германіи. За отчетный трехлѣтній періодъ ферейнами было израсходовано для этихъ цѣлей 39,594 марки. 2) Содѣйствіе по переселенію (Umzugsgeld) распространяется главнымъ образомъ на семьи рабочихъ, для чего въ отчетный періодъ было израсходовано 23,084 марки. 3) Помощь безработнымъ (Arbeitslosen-Unterstützung), состоящая изъ прямой денежной помощи, изъ освобожденія безработнаго отъ всѣхъ обязательныхъ взносовъ и помощи въ случаяхъ крайней нужды. За отчетный періодъ ферейнами было израсходовано для всѣхъ этихъ цѣлей до 200,000 марокъ. Гиршъ-Дункеровскіе ферейны насчитываютъ теперь 70,000 членовъ.

По долгу хроникера мы не можемъ обойти молчаніемъ еще нѣкоторыя характерныя явленія текущей нѣмецкой жизни. Къ таковымъ явленіямъ принадлежитъ, между прочимъ, конгрессъ «союза свободныхъ мыслителей», происходившій недавно въ Мюнхенѣ. Въ воскресенье и праздничные дни можно обыкновенно встрѣтить въ газетахъ или въ спеціальныхъ, расклеенныхъ на уличныхъ столбахъ плакатахъ оповѣщеніе о томъ, что въ зданіи свободно-религіозной общины состоится богослуженіе, на которое приглашаются члены общины и частные гости. Свободно-религіозныя общины вольныхъ мыслителей не составляютъ, впрочемъ, особенности только нѣмецкой жизни. Особенно широкое развитіе получило это движеніе въ Америкѣ и Великобританіи. Среди различныхъ его направленій самыя извѣстныя: унитаріи, секуляристы, этическія общества, агностики. Значительные размѣры приняло оно также во Франціи, въ другихъ европейскихъ странахъ и чуть-ли не во всѣхъ частяхъ свѣта. Объединить всѣ эти разсѣянные элементы составляетъ задачу международ-

наго союза свободныхъ мыслителей, учрежденнаго на брюссельскомъ съѣздѣ въ 1880 году. На послѣднемъ конгрессѣ международнаго союза, происходившемъ въ 1889 году въ Парижѣ, съѣхались представители отъ 240 свободомыслящихъ обществъ, отъ 21 газеты и 16 ложъ свободныхъ каменьщиковъ. Главными литературными органами нѣмецкихъ Freidenker'овъ служатъ: Freidenker Menschenthum, Freie Glocke, Es werde Licht и др. Основныя положенія религіозныхъ общинъ свободныхъ мыслителей въ общихъ чертахъ могутъ быть сведены къ слѣдующему: свободное самоопредѣленіе во всѣхъ областяхъ жизни и сообразно съ духомъ прогрессирующаго разума и науки. Неограниченное самоуправленіе во всѣхъ дѣлахъ общины и полная для каждой отдѣльной личности свобода мысли и совѣсти, что предполагаетъ безусловную свободу ученія и обученія.

Изъ нѣмецкихъ свободно-религіозныхъ общинъ самая многочисленная находится въ Берлинѣ; она насчитываетъ свыше 6,000 членовъ. Время ея основанія относится къ 40-мъ годамъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ, отъ 1845 до 1849 г., она получала даже отъ городскаго магистрата субсидію въ размѣрѣ 3,000 марокъ въ годъ. «Богослуженія» общины происходили сначала въ одной изъ мѣстныхъ гимназій, а затѣмъ въ церкви. Совершенно случайное обстоятельство, какъ пожаръ церкви, въ которой сгорѣли органъ и украшенія алтаря, послужили причиной къ тому, что на смѣну прежняго церковнаго благолѣпія явились простая трибуна для оратора-проповѣдника и непретенціозный хоръ пѣвчихъ изъ состава членовъ общины. Исчезли также нѣкоторые обряды; мѣсто конфирмаціи занимаетъ теперь торжество въ честь юныхъ питомцевъ общины, оставляющихъ училище и вступающихъ въ сферу болѣе самостоятельной жизни. Община имѣетъ свое особое помѣщеніе, школу, библіотеку и даже кладбище. Въ ней имѣется цѣлый штатъ проповѣдниковъ и школьныхъ учителей обоего пола. Но душой берлинской общины и главнымъ воспитателемъ юношей и дѣвочекъ является молодой писатель д-ръ Бруно Вилле. Вилле прошелъ серьезную политическую школу и обладаетъ широкимъ научнымъ и литературнымъ образованіемъ. Кстати будетъ отмѣтить здѣсь его заслуги передъ русской литературой въ виду того высокаго уваженія и серьезной оцѣнки, которыя въ немъ встрѣтили произведенія многихъ нашихъ писателей: Гоголь, Толстой, Писемскій, Достоевскій, Гаршинъ — пользуются такой популярностью среди нѣмцевъ въ значительной степени, благодаря д-ру Вилле, который или ставилъ ихъ произведенія на основанной имъ сценѣ «Freie Bühne», или разбиралъ ихъ на страницахъ журнала того же названія.

Внѣшнія проявленія жизни общины, кромѣ школьныхъ занятій, выражаются еще въ воскресныхъ проповѣдяхъ. Каждое воскресенье и каждый праздникъ, въ часы церковнаго богослуженія,

члены общины собираются въ свое помѣщеніе, чтобы выслушать такую проповѣдь-рѣчь. Молитвенный элементъ во всей этой процедурѣ сводится лишь къ тому, что «служба» начинается и кончается хоровымъ пѣніемъ, настраивающимъ нѣсколько на молитвенный ладъ. Поютъ собственно всѣ присутствующіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ и держа въ рукахъ текстъ стиховъ, которые они получили у входа въ церковь. Послѣ нѣсколькихъ пропѣтыхъ строфъ, проповѣдникъ всходитъ на трибуну, декламируетъ сначала приличное случаю стихотвореніе выдающихся поэтовъ и затѣмъ приступаетъ къ самому Vortrag'у. Vortrag кончается также декламаціей стиховъ, послѣ чего хоръ опять поетъ послѣднія строфы стихотворенія. На этомъ и кончается служба. Изъ произнесенныхъ тамъ проповѣдей-Vortrag'овъ за послѣднее время назову для примѣра слѣдующія: «Суевѣріе и цивилизація, Введеніе христіанства Константиномъ Великимъ, Спиноза и Гете, Дарвинизмъ и свобода, Джіордано Бруно» и т. п.

Любопытны еще упомянутыя выше торжества юношеской зрѣлости, замѣнившія обрядъ конфирмаціи. Недавно пришлось намъ быть на такомъ торжествѣ. Въ одной изъ лучшихъ берлинскихъ залъ собралось свыше 2.000 человѣкъ. Это все больше члены общины со своими дѣтьми. Около 60 дѣвочекъ и мальчиковъ до 14 лѣтъ должны оставить ученіе въ общинной школѣ, чтобы отнынѣ посвятить себя изученію какой-нибудь спеціальности. Эстрада уставлена тропическими растеніями, за которыми скрывается хоръ пѣвчихъ. Грустная мелодія органа повергаетъ публику въ меланхолическое и сосредоточенное состояніе. Къ игрѣ органа присоединяется хоръ, исполняя написанный для этого случая гимнъ. Тѣмъ временемъ на трибуну входитъ ораторъ торжества— д-ръ Вилле и произноситъ рѣчь «объ облагороженіи человѣчества». У д-ра Вилле всѣ данныя, чтобы производить впечатлѣніе на слушателей: образная, прочувственная рѣчь, отчетливая дикція, искренность тона и содержательность. Оратора смѣняютъ на эстрадѣ мальчикъ и дѣвочка, произносящіе діалогъ, который заключаетъ въ себѣ горячій призывъ къ свѣту, къ свободѣ, къ борьбѣ противъ всѣхъ темныхъ силъ. «Ясный умъ и свободное сердце—это самое крѣпкое оружіе, чтобы осуществить лучшія надежды человѣчества!» — съ паѳосомъ заканчиваютъ свой діалогъ юные энтузіасты. Затѣмъ слѣдуетъ напутственная рѣчь д-ра Вилле, обращенная спеціально къ ученикамъ, раздача всѣмъ имъ книгъ — и праздникъ свободно-религіозной общины кончается. Присутствующіе при этомъ отцы и матери, умиленные всей торжественностью картины, съ сіяющими лицами оставляютъ залъ, уводя за руки своихъ юныхъ свободныхъ мыслителей.

А. К.

Берлинъ 10 Іюля, 95 г.

Письма изъ Англіи.

Разсчитывая на медленный ходъ политическихъ событій лѣтомъ, мы высказали предположеніе, въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что намъ можно будетъ на этотъ разъ посвятить свое обозрѣніе исключительно литературнымъ дѣламъ и разбору литературныхъ и драматическихъ произведеній. Но событія обманули наши ожиданія. L'homme propose, Dieu dépose. На этотъ разъ роль Провидѣнія сыграли такія столкновенія политическихъ силъ, которыя зачастую невозможно даже бываетъ предвидѣть. Какъ вамъ уже извѣстно, у насъ произошла перемѣна правительства. Либералы сошли со сцены и уступили свое мѣсто консерваторамъ. Не надо было обладать пророческимъ даромъ, чтобы предсказать исходъ выборовъ, такъ какъ для всѣхъ было ясно, что шансы либераловъ погибли. Даже при тѣхъ условіяхъ голосованія, какія существуютъ въ Англіи, вота рабочихъ классовъ представляетъ очень важный факторъ и должна быть принимаема въ соображеніе двумя старѣйшими политическими партіями. Огромное большинство рабочихъ классовъ, принимающее участіе или интересующееся политикой, все еще думаетъ, что либеральная партія, благодаря своему историческому положенію, вынуждена дѣлать большія уступки рабочимъ классамъ и скорѣе идти на встрѣчу ихъ желаніямъ, нежели консервативная партія. Безъ сомнѣнія, въ прошломъ такъ и было; поэтому и въ настоящее время рабочіе классы ожидали отъ либеральнаго правительства дальнѣйшихъ уступокъ. И не совсѣмъ напрасно. Однако, относительно нѣкоторыхъ непосредственныхъ мѣропріятій, на выполненіе которыхъ разсчитывали рабочіе классы, несомнѣнно имъ пришлось претерпѣть разочарованіе. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи нѣкоторыхъ привиллегій, требуемыхъ рабочими классами, и въ отношеніи выборовъ либеральное правительство не сдѣлало ни одного рѣшительнаго шага ни къ желательному разрѣшенію вопроса о вознагражденіи членовъ парламента, ни къ тому, чтобы сколько-нибудь облегчить бремя издержекъ по выборамъ, которое всецѣло падаетъ на карманъ кандидата. Напримѣръ, прежде чѣмъ канди-

дать будетъ зачисленъ въ списки, онъ долженъ вручить должностному лицу, руководящему выборами, извѣстную сумму для покрытія падающей на него доли издержекъ. Обыкновенно эта сумма равняется ста фунтамъ, но во многихъ случаяхъ бываетъ вдвое больше. Ясно, что бѣднякъ, поддерживаемый только бѣдняками, имѣетъ мало шансовъ попасть даже въ кандидаты, не говоря уже объ избраніи.

Нашимъ русскимъ читателямъ уже извѣстенъ изъ газетъ составъ нашего новаго министерства. Не надо забывать, что число различныхъ должностныхъ лицъ, составляющихъ собственно администрацію, равняется обыкновенно тридцати или нѣсколько болѣе. Изъ этого числа меньшее количество приходится на долю собственно кабинета, представляющаго внутреннюю исполнительную и совѣщательную власть, обсуждающую и рѣшающую направленіе общей политики правительства. Кабинетъ обыкновенно состоитъ изъ одиннадцати (наименьшее число) семнадцати или даже девятнадцати членовъ; въ составъ нынѣшняго торійскаго кабинета входитъ 19 членовъ, и лордъ Салисбюри совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ должность министра президента съ должностью министра иностранныхъ дѣлъ.

Лордъ Салисбюри долженъ былъ признать на этотъ разъ особенно трудной задачу составленія министерства. Каждый первый министръ, вступающій въ должность, конечно, бываетъ окруженъ цѣлою толпою жаждущихъ не только послужить странѣ, но и попользоваться изъ ея кармана, разсчитывая на вознагражденіе за свои труды. Вся эта толпа напоминаетъ собою стаю голодныхъ воробьевъ, ожидающихъ подачки, и такъ-же шумлива и сварлива, какъ они, и также легко приходитъ въ открытое возмущеніе. Недовольные и разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, оттиснутые своими болѣе счастливыми товарищами, эти люди чрезвычайно легко приходятъ въ ярость и мстятъ за свою неудачу. Лордъ Салисбюри долженъ былъ не упускать этого изъ виду. Ему нужно было, съ одной стороны, удовлетворить настоящихъ торіевъ и, конечно, это для него было сердечнымъ дѣломъ, если только можно говорить о сердцѣ въ связи съ воплощеніемъ цинизма, какое представляютъ изъ себя торіи. Съ другой-же стороны, ему нужно было позаботиться о томъ, чтобы удовлетворить сторонниковъ Чэмберлена, а это уже не могло быть дѣломъ любви для него. Мы говорили уже раньше о томъ, съ какимъ нерасположеніемъ относятся истинные аристократы къ выскочкѣ Чэмберлену, который втерся контрабандой въ ихъ общество и захватилъ себѣ ихъ права. Этотъ бирмингамецъ раздражаетъ своихъ соперниковъ изъ настоящихъ торіевъ не только своими дурными манерами, но и своимъ беззастѣнчивымъ упорствомъ и рѣзкостью. Разсказываютъ, что лордъ Салисбюри, вынужденный, уступая требованіямъ нынѣшняго коалиціоннаго кабинета, замѣстить нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ коллегъ-торіевъ своими новыми союзниками,

каждый разъ писалъ объяснительныя письма, преисполненныя самыхъ дружескихъ чувствъ, тѣмъ, которыхъ увольнялъ изъ своего кабинета. Говорятъ даже, что письмо, написанное лорду Кнутсфорду, мѣсто котораго въ колоніальномъ департаментѣ занялъ Чэмберленъ, вызвало даже слезы на глазахъ благороднаго лорда. Но забота о томъ, чтобы не раздражить народныя массы, конечно, важнѣе всего въ данную минуту.

Первое, что поражаетъ въ составѣ разнороднаго министерства, это вліяніе родственныхъ соображеній на устройство кабинета.

Вотъ, напримѣръ семья Салисбюри: первый министръ и секретарь по иностраннымъ дѣламъ (содержаніе: 5000 ф. въ годъ)—самъ лордъ Салисбюри; первый лордъ казначейства и лидеръ палаты общинъ (содержаніе: 5000 ф. въ годъ) — Бальфуръ, племянникъ лорда Салисбюри; генеральный секретарь по ирландскимъ дѣламъ (4425 въ годъ) — Джерольдъ Бальфуръ, тоже племянникъ перваго министра, два-же другихъ вѣроятныхъ члена администраціи, мистеръ Лоузиръ и лордъ Уольмеръ — также члены семьи Салисбюри. Далѣе семья Чэмберлена; члены ея занимаютъ слѣдующія должности: секретаря по колоніальнымъ дѣламъ (5000 ф. въ годъ); гражданскаго лорда адмиралтейства (1000 ф.) и мѣста двухъ секретарей по 1500 ф. въ годъ. Впрочемъ, двое послѣднихъ не могутъ быть названы родственниками Чэмберлена въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они ему не родня, но тѣмъ не менѣе они— члены его семьи, ибо это его пріемные сыновья. Непотизмъ, выразившійся во всѣхъ этихъ назначеніяхъ, далъ поводъ остроумному каррикатуристу Гульду Вестминстерской газеты къ нѣсколькимъ очень юмористическимъ рисункамъ, въ которыхъ особенно осмѣивается Чэмберленъ. На одномъ изъ этихъ рисунковъ изображенъ лондонскій омнибусъ, переполненный народомъ. Каждый изъ пассажировъ омнибуса представляетъ портретъ кого-нибудь изъ вліятельныхъ членовъ старинной торійской партіи. Кондукторъ омнибуса—лордъ Салисбюри. Тощая и длинная женщина, стоящая на улицѣ, машетъ кондуктору зонтикомъ, чтобы онъ остановилъ омнибусъ и посадилъ туда ея трехъ маленькихъ мальчугановъ. Длинная тощая женщина—это Чэмберленъ, трое-же мальчугановъ — его приверженцы, женщина заявляетъ: «Мы должны непремѣнно сѣсть въ омнибусъ! Если тамъ нѣтъ мѣста для насъ, то пусть выйдутъ другіе джентельмены».

Что касается возраста новыхъ членовъ кабинета Салисбюри, то хотя лордъ Салисбюри и не дошелъ до предѣловъ, какъ выразился однажды Гладстонъ, «господства стариковъ» (gerontocray), но все-же у него въ министерствѣ есть двое семидесятилѣтнихъ старцевъ: лордъ-канцлеръ и лордъ Крассъ, 72-хъ лѣтъ. Послѣдній получаетъ пенсію въ 2000 фунтовъ и поэтому, какъ членъ кабинета, уже получаетъ никакого вознагражденія. Впрочемъ, ему и дѣлать не

въ министерствѣ и попалъ онъ сюда лишь по желанію королевы. Онъ служитъ исполнителемъ ея воли и, какъ говорятъ, завѣдуетъ всѣми ея дѣлами. Возрастъ лорда Салисбюри, Чэмберлена, Артура и Джеральда Бальфура—65, 59, 45 и 42 года. Кстати: въ числѣ возраженій, высказываемыхъ ирландскими членами парламента противъ назначенія Бальфура секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ, помимо того, что это назначеніе противорѣчитъ ихъ національному чувству, имѣется одно, не лишенное юмористическаго характера, а именно: ирландскіе члены протестуютъ противъ его назначенія, потому что онъ представляетъ собою самое чистѣйшее олицетвореніе скуки!

Назначеніе Джеральда Бальфура напоминаетъ намъ, что въ числѣ членовъ правительства есть одинъ ирландецъ, да и тотъ ренегатъ. Шотландцевъ въ министерствѣ трое.

Изъ всѣхъ членовъ кабинета—девять принадлежатъ къ палатѣ лордовъ, слѣдовательно, къ палатѣ, не состоящей изъ народныхъ представителей. Эти девять—ландлорды. Въ числѣ остальныхъ есть еще четыре ландлорда, еще болѣе крупные землевладѣльцы, такъ что всѣхъ ландлордовъ въ министерствѣ—тринадцать. Къ этому надо прибавить четырехъ крупнѣйшихъ капиталистовъ: сэра Генри Джемса, адвоката, Ричи и Чэмберлена—крупныхъ фабрикантовъ, и Гошена, отдающаго въ ростъ и въ суду деньги. Недурно! Не мѣшаетъ вспомнить, что послѣдній изъ этой компаніи, Гошенъ—внукъ хорошо извѣстнаго издателя Гете.

Имя Гошена, такъ какъ онъ служитъ представителемъ крупнѣйшей финансовой фирмы Сити, естественнымъ образомъ напоминаетъ намъ то учрежденіе, которое называется на финансовомъ жаргонѣ «Guinea—pig» *). Это прозвище дается человѣку, который ссужаетъ свое имя какой нибудь коммерческой компаніи, называясь ея директоромъ. Разумѣется, такая компанія ищетъ именъ, имѣющихъ вѣсъ золота въ глазахъ простаковъ, и только такія принимаются ею. Съ другой стороны и «Guinea-pig» не даетъ своего имени даромъ и получаетъ по оцѣнкѣ. Хорошими именами считались прежде имена духовныхъ лицъ, пользующихся извѣстною репутаціей, но въ послѣдніе годы они стали падать въ цѣнѣ. Титулованное имя, особенно если титулъ наслѣдственный, цѣнится высоко, и цѣна его еще возрастаетъ, если его обладатель имѣетъ право на мѣсто въ палатѣ лордовъ. Имя любого изъ парламентскихъ членовъ цѣнится также довольно высоко на рынкѣ «Guinea-pig». Но если къ этой категоріи присоединяется еще званіе министра, то цѣнность имени достигаетъ почти баснословной высоты. И любопытнѣе всего, что именно эти господа, получающіе за свои «поминальныя», въ двойномъ смыслѣ, услуги огромныя суммы дебов.

*) Игра словъ: Guinea-pig—Гвинейская свинка, Guinea—золотая монета

негъ, громче всѣхъ кричатъ и первые возстаютъ противъ того, чтобы членамъ парламента назначалось вознагражденіе.

Посмотримъ теперь, какую роль играютъ во всемъ этомъ члены новоиспеченной администраціи. Цифры говорятъ сами за себя. Къ чести Бальфура, лидера палаты общинъ, слѣдуетъ сказать, что онъ не состоитъ директоромъ ни одной изъ коммерческихъ компаній. Его дядя, наоборотъ, состоитъ директоромъ одной изъ нихъ, а его братъ, какъ бы желая пополнить пробѣлъ въ семьѣ, состоитъ директоромъ цѣлыхъ семи коммерческихъ компаній. Теперь другіе: военный министръ состоитъ директоромъ шести компаній, предсѣдатель сельско-хозяйственной коммиссіи (Boord of. Agriculture)—4; предсѣдатель совѣта (Герцогъ Девонширскій)—4; статсъ секретарь по шотландскимъ дѣламъ—4; предсѣдатель департамента мануфактуръ и торговли (Board of Trade)—3; Чэмберленъ—3 и т. д. Шесть другихъ членовъ правительства состоятъ директорами каждый по крайней мѣрѣ, двухъ комерческихъ компаній, еще трое, не считая лорда Салисбюри—одной. Въ общей суммѣ члены нынѣшняго правительства заинтересованы по крайней мѣрѣ въ 50 коммерческихъ предпріятіяхъ, не только подвергающихъ риску благосостояніе британскихъ гражданъ, но зачастую ставящихъ на карту и благополучіе всего государства. Мы укажемъ на три, особенно характерныхъ факта въ этомъ отношеніи, касающіеся гг. Поуэлля Уилльямса, Сэра Джона Горста и Джеральда Бальфура. Первый изъ названныхъ лицъ, назначенный финансовымъ секретаремъ военнаго вѣдомства, кромѣ директорскаго мѣста въ двухъ компаніяхъ, имѣетъ еще очень тѣсныя сношенія съ фирмою Кейноха и К°. (Kynoch und C°.). Съ этою же фирмою находятся въ очень тѣсной связи члены чэмберленовской семьи. Безъ всякаго сомнѣнія отставка бывшаго военнаго министра и, какъ послѣдствіе ея, отставка правительства находятся въ связи съ вопросомъ, касающимся вышеназванной фирмы. Едва ли торіи желали именно такого результата, но этого желалъ Чэмберленъ, достаточно проницательный и понимавшій, что его положеніе, при существующихъ условіяхъ, очень выгодно; если же распущеніе министерства произойдетъ черезъ годъ или даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то шансы могутъ измѣниться не въ его пользу. Тутъ несомнѣнно слѣдуетъ искать объясненія той неприличной поспѣшности, съ какою былъ внесенъ въ парламентъ новый билль, подвергающій разнообразнымъ карамъ и взысканіямъ всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлится во время выборовъ высказать о священныхъ личностяхъ, именуемыхъ кандидатами, какія нибудь неприглядныя истины. Другая личная причина, руководившая изданіемъ этого билля, заключается въ желаніи имѣть оружіе противъ каррикатуристовъ.

Теперь второй фактъ. Сэръ Джонъ Горстъ, нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, былъ вмѣстѣ съ министромъ Мунделлой, директоромъ достаточно знаменитой Новозеландской компа-

ніи. Мистеръ Мунделла, по случаю своего директорства, долженъ былъ выйти изъ либеральнаго правительства, членомъ котораго состоялъ, между тѣмъ какъ сэръ Джонъ Горстъ, тоже бывшій директоромъ той же самой компаніи, приглашенъ теперь въ торійское министерство. Яркій свѣтъ на всѣ эти коммерческія операціи бросаютъ слова предсѣдателя собранія одного изъ обществъ, директоромъ которыхъ состоитъ Джеральдъ Бальфуръ, именно телеграфной компаніи. Этотъ честнѣйшій предсѣдатель объявилъ въ собраніи—и слова его были напечатаны въ отчетѣ общества—что цѣнность «Guinea pig», олицтворяемой въ данномъ случаѣ Бальфуромъ, находится въ связи съ тѣми услугами, которыя онъ можетъ оказать компаніи, благодаря своему положенію, какъ членъ правитетьства. Вотъ подлинные слова почтеннаго предсѣдателя: «Между обществомъ и правительствомъ возникаютъ вопросы, для разрѣшенія которыхъ не такъ важны техническія познанія телеграфнаго дѣла, какъ тѣ услуги, которыя могутъ быть оказаны компаніи человѣкомъ въ положеніи Мистера Бульфура». Достаточно ясно. Бальфуръ, о которомъ идетъ рѣчь, братъ Лидера Палаты общинъ.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, дѣятельность лорда Салисбюри должна представить очень интересный матеріалъ для изученія, какъ въ политическомъ, экономическомъ, такъ и въ этическомъ отношеніи. Его предшественникъ, оплакиваемый (политически) лордъ Розберри, постановилъ правиломъ, чтобы члены его кабинета разрывали всякія коммерческія отношенія, стѣсняющія ихъ свободу дѣйствій. Будущее покажетъ, захочетъ ли и консервативный глава министерства слѣдовать этому примѣру.

Торіи и либералъ-уніонисты постоянно говорятъ теперь о своемъ союзѣ. Слѣдующій маленькій анекдотъ показываетъ довольно ясно, какъ мало устойчивости въ этомъ плохо согласованномъ союзѣ: однимъ изъ главныхъ консервативныхъ клубовъ здѣсь считается «Junior Constitutional», куда обратился нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ либералъ-уніонистовъ съ предложеніемъ принять его въ число членовъ. Ему нужно было дать письменный отвѣтъ на обычный вопросъ, предлагаемый вновь вступающимъ членамъ и касающійся ихъ политическихъ убѣжденій. Онъ исполнилъ эту формальность и вслѣдъ затѣмъ получилъ письмо, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующія строки:

«Я очень сожалѣю, что вынужденъ увѣдомить васъ, что такъ какъ нашъ клубъ—чисто консервативный клубъ, то ни одинъ изъ либералъ-уніонистовъ не можетъ быть принятъ въ число его членовъ. При существующемъ союзѣ либералъ-уніонистовъ съ консерваторами это можетъ показаться страннымъ, но вы, безъ сомнѣнія, должны были замѣтить изъ рѣчей мистера Чэмберлена, что этотъ союзъ не имѣетъ гарантій на долгое существованіе».

Что касается положенія новаго, еще не вполнѣ опредѣлившагося,

но уже имѣющаго зловѣщій характеръ рабочаго движенія по отношенію къ предстоящимъ общимъ выборамъ въ парламентъ, то прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, мы должны просить своихъ русскихъ читателей не упускать изъ виду, что намъ приходится писать нашу корреспонденцію тремя-четырьмя недѣлями раньше, нежели они ее прочтутъ. Для того, чтобы наши читатели составили себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о рабочемъ вопросѣ въ Англіи, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія предварительныя замѣчанія. Рабочіе разныхъ отраслей труда въ Англіи группируются въ ассоціаціи, называемыя «рабочими союзами» (Trade-Unions). Ежегодно, начиная съ 1837 года, собирается конгрессъ делегатовъ этихъ союзовъ. На первомъ конгрессѣ, который былъ организованъ въ Лидсѣ, въ Іоркширѣ, предсѣдательствовалъ Робертъ Оуэнъ. Делегаты на этихъ конгрессахъ, помимо непосредственнаго обсужденія вопросовъ, интересующихъ рабочихъ, избираютъ еще изъ своей среды небольшую группу, извѣстную подъ именемъ парламентскаго комитета, которому и предоставляется собственно исполнительная власть. Предполагается, что этотъ комитетъ всегда слѣдуетъ, отъ одного конгресса до другого, инструкціямъ, полученнымъ на предшествовавшемъ конгрессѣ, и особенно тѣмъ, которыя имѣютъ отношеніе къ парламентскимъ мѣропріятіямъ, касающимся рабочихъ. На рабочемъ конгрессѣ, происходившемъ въ прошломъ году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Норвичѣ, были приняты слѣдующія важныя резолюціи:

«Если общіе выборы должны будутъ состояться раньше конгресса 1895 года, то парламентской коммиссіи конгресса предлагается, немедленно послѣ распущенія парламента, созвать въ Манчестерѣ конференцію всѣхъ союзныхъ обществъ.

«Эта конференція должна будетъ заняться слѣдующими вопросами: 1) удостовѣриться въ томъ, какіе билли (мѣропріятія, имѣющія важное промышленное значеніе и предложенныя предшествовавшими конгрессами) были отклонены парламентомъ; 2) опредѣлить, какіе изъ этихъ биллей должны быть вновь внесены въ парламентъ и подвергнуть ихъ пересмотру;3) выработать программу, въ которую будутъ включены резолюціи, принятыя конгрессомъ. Согласно этому члены союзовъ будутъ приглашены вотировать и оказывать поддержку лишь тѣмъ изъ кандидатовъ, которые принимаютъ программу парламентскаго комитета рабочихъ союзовъ».

Наиболѣе важный, жизненный интересъ, съ точки зрѣнія новаго направленія англійской политики, безъ сомнѣнія, имѣетъ третій параграфъ этой резолюціи. Мы уже раньше указывали, что главная сущность этого направленія заключается въ признаніи существованія двухъ большихъ классовъ, рабочихъ и работодателей, интересы которыхъ различны и даже прямо противоположны другъ другу, и въ образованіи новой политической партіи, рабочей партіи, рѣзко отличающейся отъ двухъ старѣйшихъ политическихъ

партій, имѣющихъ обѣ буржуазный характеръ. Конечная цѣль этой новой партіи заключается, какъ уже признано въ настоящее время, въ націонализаціи способовъ производства и распредѣленія. На норвичскомъ конгрессѣ резолюція эта была вотирована огромнымъ большинствомъ голосовъ. При такихъ условіяхъ, конечно, большой интересъ представляютъ рѣшенія спеціальной конференціи рабочихъ союзовъ, созванной по случаю распущенія парламента. Программа, выработанная этою спеціальною конференціей, являющейся представительницею по крайней мѣрѣ одного милліона рабочихъ, только что обнародована. Она состоитъ изъ двадцати пунктовъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе:

1) Измѣненіе закона, касающагося присяжныхъ (Iury Law) и назначеніе присяжнымъ вознагражденія за ихъ услуги.

2) Отвѣтственность работодателей.

3) Введеніе восьмичасового рабочаго дня.

4) Вмѣненіе правительству въ обязанность принимать во вниманіе установленную рабочими союзами заработную плату и установленныя ими же условія труда, а также публикація всѣ заключенныхъ контрактовъ.

5) Измѣненіе закона о заговорахъ (Law of Conspiracy).

6) Предупрежденіе случаевъ неимѣнія на судахъ достаточнаго числа людей.

7) Націонализація земли, способовъ производства, распредѣленія и обмѣна.

8) Пенсіи для престарѣлыхъ.

9) Вознагражденіе членовъ парламента.

10) Реформа парламентской процедуры.

11) Реформа регистрацій.

12) Реформа системы законовъ о бѣдныхъ.

13) Учрежденіе болѣе цѣлесообразной системы инспекціи горныхъ работъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ, доковъ и мастерскихъ.

14) Уничтоженіе палаты лордовъ.

Параграфъ 7 этой программы указываетъ, что конференція приняла 66 голосами противъ 58 извѣстное уже рѣшеніе норвичскаго конгресса.

Что касается независимой рабочей партіи, руководителемъ которой является мистеръ Кейръ Гэрди, то она, повидимому, намѣрена продолжать свой образъ дѣйствій, равносильный самоубійству. Мы уже сообщали о немъ нашимъ читателямъ. Въ настоящее время партія эта собралась для рѣшенія вопроса о томъ, должна ли она дѣйствовать или же воздержаться отъ всякаго дѣйствія на выборахъ. Рѣшенія партіи пока еще не опубликованы, но каковы бы они ни были, остается всетаки несомнѣннымъ фактомъ то, что распущеніе парламента застало новую независимую рабочую партію, если не совсѣмъ безъ программы, то во всякомъ случаѣ безъ вполнѣ выработаннаго направленія политики. Соціалъ-демократиче-

ская федерація, наоборотъ, имѣетъ и программу, и политику. Программа ея вполнѣ опредѣленна и ясна и соотвѣтствуетъ программамъ однородныхъ же организацій на континентѣ. За послѣдніе годы эта федерація значительно распространила свою дѣятельность. Но тѣмъ не менѣе эта партія можетъ выставить въ парламентъ только четверыхъ кандидатовъ, имѣющихъ притомъ весьма мало шансовъ попасть туда. Независимая рабочая партія выставляетъ около 20 кандитатовъ. Но рабочіе классы, безъ сомнѣнія, будутъ продолжать слѣдовать по тому же пути, окончательно отдѣляя свою судьбу отъ судьбы той или другой изъ старѣйшихъ политическихъ партій.

Съ точки зрѣнія рабочей политики наиболѣе интереса представляютъ кандидатуры: Кейръ Гэрди, Гайндмана, руководителя соціалъ-демократической федераціи, и Джона Бернса, присоединяющагося въ главныхъ пунктахъ къ программѣ той или другой партіи, но не принадлежащаго ни къ одной изъ нихъ. Но мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ отложить до слѣдующаго письма подробное обсужденіе результатовъ общихъ выборовъ и ихъ значенія, также какъ и наиболѣе характерныхъ чертъ этихъ выборовъ.

Между отставкою кабинета и распущеніемъ парламента произошли два событія, имѣющихъ не малое значеніе въ парламентскомъ отношеніи, но не находящихся въ прямой зависимости съ тѣми мѣропріятіями, финансовыми и др., которыя требовали скорѣйшаго разрѣшенія. Первое событіе—это отклоненіе палатою лордовъ билля объ ирландскихъ муниципальныхъ привиллегіяхъ (Irish Municipal Franchise Bill); второе—утвержденіе фабричнаго закона. Ирландскій билль—это третье по счету мѣропріятіе, касающееся Ирландіи, которое отвергается палатою лордовъ за послѣднее трехлѣтіе. Если для объясненія отклоненія ирландскаго билля можно найти не мало причинъ, то во всякомъ случаѣ существуетъ лишь одно объясненіе для той поспѣшности, съ которою обѣ партіи, какъ только распущеніе стало неминуемымъ, постарались провести фабричный билль въ комитетѣ и въ палатѣ общинъ. Комитетъ, состоящій преимущественно изъ работодателей, раньше всячески оттягивалъ рѣшеніе о биллѣ, но какъ только члены его увидали, что имъ предстоитъ вернуться въ свои избирательныя округа и предстать передъ своими выборщиками, то они немедленно поторопились провести несчастный билль, изуродованный обѣими сторонами, чтобы та и другая сторона имѣла потомъ право сказать рабочимъ: «Смотрите, какъ мы васъ любимъ и подавайте за насъ голоса». Кораблевладѣльцы попробовали было подложить камень, но ихъ, разумѣется, не пожалѣли въ виду общихъ выборовъ.

Окончательный отчетъ спеціальнаго Комитета, назначеннаго для опредѣленія размѣровъ бѣдствія, происходящаго отъ недостатка работы, представляетъ любопытный образчикъ англійской способности ничего не дѣлать, сохраняя въ то же время вполнѣ добро-

дѣтельный видъ. Комитетъ написалъ и отправилъ тысячи писемъ и выслушалъ почти столько же разнообразныхъ схемъ для борьбы съ безработицей, которыя, по словамъ комитета, «къ сожалѣнію должны быть оставлены безъ заслуживаемаго ими полнаго вниманія и обсужденія». Въ отчетѣ высказывается надежда, что будущій парламентъ возобновитъ разслѣдованіе. Послѣднее засѣданіе этого Комитета, давно находящагося въ агоніи, было единственнымъ приближающимся скорѣе къ трагедіи, нежели къ фарсу. Секретарь пользующагося извѣстностью союза газовыхъ рабочихъ и общаго союза рабочихъ, Торнъ, союза, сдѣлавшаго гораздо больше, чѣмъ всякое другое учрежденіе для облегченія участи чернорабочихъ (unskilled labourers) и рабочихъ классовъ вообще, а также для распространенія международнаго характера рабочаго движенія, сказалъ въ послѣднемъ засѣданіи: «При существующей системѣ, у людей, способныхъ и искусныхъ въ работѣ, отнимается право идти на работу. Введеніе машинъ вытѣсняетъ рабочихъ, вмѣсто того, чтобы служить для нихъ облегченіемъ; машины являются проклятіемъ для рабочихъ, такъ какъ выбрасываютъ ихъ на рабочій рынокъ и вынуждаютъ конкуррировать другъ съ другомъ. Главная причина сокращенія употребленія рабочихъ рукъ заключается безъ сомнѣнія въ томъ, что во всей странѣ машины и капиталы считаются частною собственностью. Эта проблемма не можетъ быть разрѣшена при данныхъ общественныхъ условіяхъ и рѣшительно все равно, какую вы схему примете, фермерскихъ ли колоній или др. аналогичныхъ учрежденій, вы, во всякомъ случаѣ, устраните затрудненія лишь временно: черезъ нѣкоторое время рабочіе окажутся совершенно въ томъ же положеніи.

Замѣчаніе Торна, что машины вытѣсняютъ работу людей и приносятъ выгоду не труду, а капиталистамъ, скоро должно подтвердиться самымъ роковымъ образомъ въ области ткацкаго производства въ Англіи. Изобрѣтена новая машина. Изобрѣтатель—американецъ. Тотчасъ же образовалась компанія для эксплуатаціи этого изобрѣтенія, и новый ткацкій станокъ уже находится на рынкѣ. Безъ всякаго сомнѣнія появленіе этого станка лишитъ работы нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ. Однимъ изъ главныхъ преимуществъ этого станка является именно сокращеніе рабочихъ рукъ: одинъ рабочій,—мужчина или женщина, можетъ безъ затрудненія наблюдать одновременно за двумя, даже за тремя такими станками. Кромѣ того, разъ пущенный въ ходъ, такой станокъ можетъ смѣло проработать часъ безъ всякаго присмотра. Такимъ образомъ, когда рабочіе отправляются обѣдать, станокъ продолжаетъ работать и въ ихъ отсутствіи; возвращаясь, они находятъ его въ дѣйствіи. Точно также по окончаніи работъ и уходѣ рабочихъ, станки будутъ продолжать работать еще часъ. Эти два лишнихъ рабочихъ часа въ день составляютъ, конечно, прямую выгоду капиталиста. Говорятъ, что уже заказано для Анг-

ліи 5000 такихъ станковъ, угрожающихъ лишеніемъ заработка многимъ тысячамъ рабочихъ. Самое печальное во всемъ этомъ, какъ говоритъ Торнъ, это то, что введеніе машинъ вмѣсто того, чтобы быть благодѣяніемъ для рабочихъ, становится для нихъ роковымъ и прямо подрываетъ ихъ существованіе.

Другое изобрѣтеніе, которое грозитъ отразиться столь же пагубнымъ образомъ на положеніи рабочихъ, это—машина, служащая для нагрузки и выгрузки угля на судахъ. До сихъ поръ работа эта производится при помощи человѣческихъ рукъ, и нагрузчики также составляютъ между собою рабочій союзъ, совмѣстно съ углекопами. Благодаря новому изобрѣтенію, которое, конечно, кромѣ Англіи, будетъ введено и въ другихъ странахъ, многіе сотни рабочихъ лишатся своего привычнаго занятія. Новоизобрѣтенная машина можетъ быть приведена въ дѣйствіе двумя взрослыми людьми и однимъ подросткомъ и въ одинъ часъ даетъ такое же количество работы, какое могутъ совершать, при обыкновенныхъ условіяхъ, двѣнадцать человѣкъ въ теченіи 24-хъ часовъ. Заслуживаетъ упоминанія, между прочимъ, и еще одинъ фактъ вытѣсненія машинами живой рабочей силы, хотя уже больше съ соціальной, нежели съ экономической точки зрѣнія,—то вытѣсненіе лошадиной силы. Лошадиная работа какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, все болѣе и болѣе вытѣсняется машинною работой и въ будущемъ ей грозитъ окончательная замѣна газовыми и электрическими двигателями. Во время нынѣшняго лондонскаго сезона промышленники, отдающіе въ наемъ лошадей и экипажи, буквально приходятъ въ отчаяніе. Они особенно проклинаютъ велосипеды. Многіе изъ зажиточныхъ и богатыхъ лондонскихъ гражданъ, имѣвшіе привычку прежде кататься верхомъ по аристократическому Гайдъ-парку, теперь предпочитаютъ кататься на велосипедѣ по аллеямъ болѣе плебейскаго Баттерсейскаго парка. Можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени всѣ наши омнибусы будутъ снабжены машинными двигателями, которые замѣнятъ лошадей. Такъ недавно экипажъ, приводимый въ движеніе керосиновымъ двигателемъ, уже проѣхалъ изъ Парижа въ Бордо, дѣлая по 13 миль въ часъ, и уже въ нѣсколькихъ англійскихъ городахъ, напримѣръ въ Лисѣ, устроены электрическіе омнибусы. Въ данную минуту, впрочемъ, законы въ Англіи не допускаютъ повсемѣстнаго введенія механическихъ экипажей,—но предсѣдатель бюро мѣстнаго управленія (Local Government Board) при прежней администраціи внесъ билль, узаконивающій такіе экипажи. Такъ какъ, разумѣется, этотъ билль никоимъ образомъ нельзя признать партійною мѣрой, то весьма возможно, что онъ пройдетъ безпрепятственно. Наши инженеры, конечно, не замедлятъ принять приглашеніе, и мы вѣроятно скоро увидимъ торговцевъ, развозящихъ товары, докторовъ, посѣщающихъ своихъ паціентовъ, фермеровъ, везущихъ свои продукты на рынокъ, туристовъ и т. д.

разъѣзжающими по странѣ въ экипажахъ, приводимыхъ въ движеніе разнообразными машинными двигателями, электрическими и др.

Со смертью профессора Гексли, умершаго 70 лѣтъ отъ роду, исчезла съ научнаго и литературнаго горизонта, не только Англіи, но и цѣлаго міра, въ высшей степени замѣчательная личность. Предназначаемый къ медицинской дѣятельности, Гексли, подобно многимъ другимъ біологамъ (Дарвинъ, Геккель и др.), сдѣлалъ свои первыя біологическія работы во время морского путешествія. Гексли, занимая должность судового врача, скоро нашелъ свое истинное призваніе въ изученіи жизни растеній и животныхъ и сравнительно довольно быстро достигъ положенія профессора въ королевской горной школѣ, главномъ правительственномъ учрежденіи, служащемъ для изученія естественныхъ наукъ. Эта должность, безъ всякаго сомнѣнія, не была синекурой, но, тѣмъ не менѣе, она оставляла столько свободнаго времени, что Гексли могъ предаваться своимъ любимымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что и сама должность скорѣе поощряла эти занятія, нежели мѣшала имъ. За то впослѣдствіи многія должности, занимаемыя имъ, были чистѣйшими синекурами; такъ напримѣръ, должность инспектора рыбной ловли (тоней), которую занималъ Гексли, уже была несомнѣнная синекура и при томъ хорошо оплачиваемая. Конечно, въ другихъ случаяхъ Гексли имѣлъ возможность проявить въ полномъ блескѣ свои способности какъ профессоръ и въ этомъ отношеніи у него не было соперниковъ. Хотя у него и существуетъ масса оригинальныхъ работъ, но тѣмъ не менѣе главною его заслугою является истолкованіе и распространеніе научныхъ теорій и идей. Ему, болѣе чѣмъ кому либо другому, обязана своимъ распространеніемъ новая біологическая теорія, связанная съ именемъ Дарвина. Онъ содѣйствовалъ распространенію и усвоенію этихъ идей не только среди людей науки, но и среди публики. На ученыхъ онъ дѣйствовалъ своимъ въ высшей степени точнымъ научнымъ методомъ примѣненія дарвинскихъ принциповъ въ зоологіи; на большую же публику онъ дѣйствовалъ своимъ яснымъ, безошибочнымъ и, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, популярнымъ изложеніемъ и истолкованіемъ новыхъ взглядовъ.

При нѣкоторыхъ условіяхъ, въ нашей странѣ вдругъ возникаетъ настоящая эпидемія раздачи титуловъ, и тогда создается цѣлая группа новыхъ дворянъ, баронетовъ и т. д. Всякое новое правительство, уходящее или вступающее въ должность награждаетъ подобнымъ образомъ своихъ приверженцевъ—по крайней мѣрѣ, этого ожидаютъ отъ него. Такъ, напримѣръ, бѣдный Лордъ Нуттефордъ получилъ титулъ виконта въ утѣшеніе за то, что его чиновническимъ чувствамъ былъ нанесенъ ударъ назначеніемъ другого на его должность. Въ день рожденія королевы также происходила раздача титуловъ. Между прочимъ, въ этомъ году въ этотъ день получилъ дворянскій титулъ нашъ величайшій современный актеръ Генри Ирвингъ. Съ этого мо-

мента и впредь онъ уже называется «Сэръ Генри Ирвингъ». Профессія новоиспеченнаго дворянина придаетъ особенное значеніе этому пожалованію. Каждому извѣстно, что, какъ актеръ, Генри Ирвингъ стоитъ цѣлою головою выше всѣхъ своихъ прочихъ собратьевъ, а также, что онъ имѣетъ доступъ въ такъ называемое «лучшее общество», но важность его возведенія въ дворянское достоинство заключается именно въ томъ, что оно является первымъ фактомъ оффиціальнаго призванія актерской профессіи. Другія профессіи и отрасли науки, искусства, литературы и т. д. давно уже признаны оффиціальнымъ образомъ и только драматическое искусство составляло до сихъ поръ исключеніе. Наслѣдіе старинныхъ пуританскихъ взглядовъ и чувствъ заставляло наши средніе классы, снабжающіе насъ всѣми нашими идеями и нравственными понятіями, смотрѣть сверху внизъ на актерскую профессію; юридически актеръ—это ни что иное какъ «бездѣльникъ и бродяга». Всѣ, знающіе Ирвинга лично, конечно, не сомнѣваются въ томъ, что онъ никакого значенія не придаетъ своему новому достоинству и, по всей вѣроятности, подсмѣивается самъ надъ своимъ титуломъ, но тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ его какъ оффиціальную дань своей профессіи и признаніе того почетнаго положенія, которое занимаетъ она въ настоящее время, чему онъ способствовалъ, конечно, болѣе всякаго другого.

Помимо Генри Ирвинга, безъ сомнѣнія занимающаго первостепенное мѣсто, у насъ есть и еще, заслуживающіе упоминанія, актеры. Слѣдующій театръ послѣ Лицея, посѣщеніе котораго мы рекомендуемъ каждому пріѣзжающему въ Лондонъ, это—Гей-Маркетъ. Тамъ онъ увидитъ также хорошія пьесы и хорошую игру. Главный актеръ этого театра принадлежитъ къ первостепеннымъ талантамъ, и, что большая рѣдкость между нашими актерами, онъ свободно говоритъ на двухъ языкахъ, кромѣ своего родного. Его жена, въ которой онъ нашелъ вполнѣ достойную помощницу на драматическомъ поприщѣ, обладаетъ также рѣдкимъ въ ея профессіи образованіемъ, такъ какъ она воспитывалась въ одной изъ нашихъ женскихъ коллегій и изучала классическія науки.

Читателямъ, интересующимся развитіемъ драматическаго искусства, мы смѣло можемъ рекомендовать двухтомное произведеніе Уилльяма Арчера «Театральный міръ за 1893 и 1894 г. (Theatrical World). Арчеръ нашъ лучшій критикъ драматическихъ произведеній. Онъ изучилъ драму не только въ Англіи, но и во Франціи, Германіи, Скандинавіи и Италіи и отличается очень богатою эрудиціею, широкимъ образованіемъ и прекраснымъ литературнымъ стилемъ. Какъ мы уже сказали, Арчеръ—лучшій критикъ драматическихъ произведеній, но не игры, и поэтому его книга о драматическомъ искусствѣ можетъ представить интересъ для русскихъ читателей, хотя англійскіе читатели и могутъ поставить Арчеру въ

упрекъ недостаточность его критики, касающейся выполненія драматическихъ произведеній и игры актеровъ.

Нѣсколько словъ о послѣднихъ литературныхъ новинкахъ, заслуживающихъ, по нашему мнѣнію, вниманія русскихъ читателей. Въ настоящее время много говорятъ и пишутъ о произведеніяхъ женщинъ-писательницъ. Какъ въ искусствѣ, такъ и въ соціологіи, конечно, не должно быть и не можетъ быть «женскаго вопроса» отдѣльно отъ общечеловѣческихъ вопросовъ. Разумѣется, не слѣдуетъ выводить изъ этого заключеніе, что въ этихъ вопросахъ полъ не играетъ никакой роли. Женская точка зрѣнія отличается отъ мужской точки зрѣнія. По этой причинѣ, также какъ и вслѣдствіе искусственныхъ условій женской жизни, произведенія женщинъ оказываются нѣсколько односторонними. Даже лучшія произведенія новѣйшей женской литературной школы, безспорно заслуживающія вниманія, не совершенно свободны отъ этого недостатка. Поражаетъ также то, что центромъ тяжести всѣхъ этихъ произведеній являются брачныя отношенія и вообще отношенія между мужчинами и женщинами. Къ числу перворазрядныхъ женскихъ произведеній послѣдняго времени принадлежитъ «Gallia» by Renée Muriel Dowie (M-rs Henry Norman), романъ, безспорно отличающійся огромными литературными достоинствами и представляющій глубокій интересъ. Но и въ этомъ произведеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, хотя оно и написано женщиною, перевалившею за тридцать, встрѣчаются всетаки странныя разсужденія и фразы о брачныхъ отношеніяхъ, которыя авторъ вкладываетъ въ уста своихъ юныхъ героинь, совершенно серьезно разсуждающихъ, напримѣръ, о томъ, что въ будущемъ воспроизводительная работа будетъ возложена на здоровыхъ мужчинъ и женщинъ, которыя и будутъ выполнять ее за тѣхъ, кто неспособенъ къ этому и т. д., и т. д. Къ этой же категоріи женскихъ произведеній принадлежитъ и другое произведеніе, «Keynotes» (гаммы), тоже написанное женщиною, которая по традиціи называетъ себя «Джорджъ Эджертонъ». Это собраніе коротенькихъ разсказовъ, причемъ центральною и, пожалуй, черезъ-чуръ уже преобладающею фигурой въ каждомъ изъ нихъ, является женщина. Джорджъ Эджертонъ еще разъ подтверждаетъ въ своемъ произведеніи наши слова объ односторонности женскаго творчества и женской точки зрѣнія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ авторъ: «Жизнь женщины средняго уровня представляетъ постоянную борьбу между инстинктивными истинами и культивированною ложью. Мы подавляемъ и подавляемъ свои инстинкты, но затѣмъ мы наталкиваемся въ одинъ прекрасный день на мужчину, умѣющаго возбудить подавляемую нами чувственную, эмоціональную природу, и тогда непремѣнно происходитъ кораблекрушеніе въ томъ или другомъ смыслѣ». Белинда, героиня третьяго разсказа, простая служанка, выражаетъ въ довольно рѣзкой и грубой формѣ чувство, впрочемъ, довольно распространенное среди женщинъ, говоря: «Ахъ,

еслибы только я могла имѣть ребенка, не имѣя мужа!» Что авторъ «Keynotes» возстаетъ противъ условной морали, на это между прочимъ указываютъ слѣдующія слова: «Желалъ бы я знать, будемъ ли мы когда нибудь въ состояніи.... убѣдиться въ томъ, что то, что намъ нужно, то и хорошо и правильно».

Но безъ всякаго сомнѣнія, умнѣйшая изъ всѣхъ современныхъ женщинъ-писательницъ — это мистриссъ Крэджи (Craigie), называющая себя Джонъ Оливеръ Стоббсъ. Впрочемъ, ея фамилія уже не Крэджи, такъ какъ она успѣла выйти замужъ и развестись. Обстоятельства ея развода, во всякомъ случаѣ, набрасываютъ тѣнь на ея мужа, а не на нее. Нѣкоторыя изъ газетъ, иногда внезапно проявляющія юморъ, озаглавили дѣло о разводѣ мистриссъ Крэджи такъ, какъ была озаглавлена ея первая повѣсть: «Some emotions and a moral» (нѣсколько ощущеній и одна мораль). Стиль этой писательницы очень блестящъ и притомъ она обладаетъ рѣдкимъ и спасительнымъ даромъ видѣть не однѣ только трагическія, но и юмористическія стороны жизни, и съ такимъ же безпристрастіемъ относиться къ себѣ самой и къ своему полу. Въ числѣ писателей, о которыхъ намъ приходится упоминать здѣсь, Джонъ Оливеръ Стоббсъ безспорно принадлежитъ именно къ такимъ, которыхъ мы можемъ вполнѣ добросовѣстно рекомендовать русскимъ читателямъ. Ея послѣднее произведеніе или, какъ она называетъ ея «первый романъ» это: «The Gods, some mortals and Lord Wickenham.» изданный фирмою Henry & C°.

Av.

Изъ современной хроники.

I. Смутное состояніе міра.—Дѣла дальняго и ближняго Востока.—Что принесла японская война?—Симоносекскій договоръ и его измѣненія.—Русско-китайскій заемъ.—Желтая и бѣлая раса.—II. Армянскій вопросъ.—Македонія и Австрія.—Общее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ.—Тревоги и опасенія.—III. Наши домашнія дѣлишки.—Происшествіе въ Бурашевской психіатрической лечебницѣ тверскаго земства.—Факты и документы.—IV. Убіеніе «холеры» въ Томской губерніи.—Соображенія и размышленія о культурѣ.

I.

За массою нашихъ домашнихъ дѣлъ, дѣлишекъ и бездѣлицъ, мы давно не заглядывали съ читателемъ за предѣлы отечества. Правда, наши корреспонденты даютъ ежемѣсячно отчетъ объ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи, и болѣе полный, и болѣе содержательный, нежели это можно сдѣлать, слѣдя за европейскою жизнью изъ Петербурга. Но все въ этомъ мірѣ взаимно связано и обусловлено и взглядъ на общее теченіе исторической жизни изрѣдка можетъ быть полезенъ и даже необходимъ. Полгода прошло, какъ въ январскомъ отчетѣ объ 1894 годѣ мы попробовали сдѣлать такой сжатый очеркъ современнаго историческаго момента. Шесть мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ прожитыхъ человѣчествомъ, не протекли напрасно; исторія продолжала постепенно развертывать свой свитокъ, постоянно мѣняя картину міра, постоянно удивляя наблюдателя неожиданностями и крутыми поворотами судьбы. Англо-русская дружба отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть и повсемѣстно оставивъ лишь осадокъ горечи, который можетъ сказаться всяческими плодами. Затѣмъ на секунду міръ увидѣлъ трогательное единодушіе Франціи, Германіи и Россіи, успѣвшее превратить торжествующую Японію въ подсудимую, еще не знающую своей участи. На дальнемъ Востокѣ водворилось временное положеніе, которое едва-ли можетъ долго продержаться. Исходъ необходимъ, а его еще не видно и издали. Не видно даже, откуда и въ какомъ направленіи онъ можетъ появиться. Между тѣмъ ближній Востокъ не желаетъ откладывать свои историческія заботы, чтобы дать Европѣ справиться съ дѣлами дальняго Востока. За армянскимъ вопросомъ выдвигаются болгарскій и македонскій, а съ другой стороны неожиданно абиссинскій. Египетскій же всегда на чеку. Исторія свер-

шаетъ свое шествіе, и Европа, привыкшая контролировать это шествіе, гдѣ бы оно ни совершалось, лихорадочно готовится къ чему-то. Извѣстны европейскіе методы для этого: батальоны, баттареи, броненосцы, миноносцы... Кто своевременнѣе изготовитъ, тотъ и правъ. Душа мѣру знаетъ во всемъ, но не въ этой жаждѣ могущества и господства. А потерявшіе мѣру, переживаютъ кризисы и страстно ищутъ исхода. Общая война была бы исходомъ, но ея всѣ страшатся... Таковъ фонъ современнаго историческаго момента, на которомъ развивающіяся событія рисуютъ свои узоры. На нѣкоторыя изъ этихъ событій взглянемъ теперь внимательнѣе.

Къ числу самыхъ яркихъ событій минувшаго полугодія принадлежитъ завершеніе японской войны, симоносекскій договоръ о мирѣ, вмѣшательство трехъ державъ въ пользу Китая и то натянутое положеніе, которое съ тѣхъ поръ установилось на берегахъ Великаго Океана. Разрѣшеніе эта натянутость получитъ, конечно, не тамъ у водъ Великаго Океана, а въ Европѣ, но узелъ интересовъ и отношеній запутался и затянулся на территоріи независимаго дальняго Востока. Мы уже указывали полгода назадъ, гдѣ начало этого узла. Экономическое развитіе Японіи по западно-европейскому капиталистическому образцу должно было и роковымъ образомъ привело къ экономическому кризису; его разрѣшеніе и исцѣленіе можно было искать во внутреннихъ реформахъ, которыя дали-бы помощь народному хозяйству, или же въ пріобрѣтеніи внѣшнихъ рынковъ. Слѣдуя примѣру своихъ западно-европейскихъ образцовъ, Японія избрала второй путь. Восьмимилліонная Корея, какъ начало, а затѣмъ четырехсотмилліонный Китай могли бы насытить какіе угодно японскіе апетиты. Корея считалась частью Китая; Китай считался независимымъ; Японія и рѣшилась напасть на нихъ, почитая ихъ хозяевами своей судьбы, которая очутилась бы въ рукахъ японцевъ, если бы не считаться съ Европою. Здѣсь, повидимому, японцы просчитались. Европейцы изъ-за нихъ ссориться и драться не пожелали и, если европейцы не поссорятся изъ-за чего нибудь другого, Японіи придется проиграть дѣло, уже совершенно выигранное. Покуда же оно еще не вполнѣ выяснилось и положеніе оказалось и крайне неустойчивымъ, и для Японіи крайне тягостнымъ.

Китай былъ разбитъ уже до наступленія зимы, которая, однако, помогла ему продержаться, но которою онъ не съумѣлъ воспользоваться, чтобы оправиться и съ новыми силами начать весною новую кампанію. Потерявшіе весь флотъ, изгнанные изъ Кореи и юго-восточной Манчжуріи, потерпѣвшіе нѣсколько серьезныхъ пораженій въ полѣ, принужденные сдать Портъ-Артуръ и Вей-Ха-Вей, двѣ главныя крѣпости для защиты столицы, раздираемые мятежами, безъ военачальниковъ, арміи и денегъ, китайцы должны были просить мира. Японцы устранили всякое посредничество и потребовали, чтобы одинъ изъ первыхъ сановниковъ китайской

имперіи прибылъ въ Японію съ просьбою богдыхана о мирѣ. Китайцамъ пришлось уступить и Лихунчангъ явился съ этою просьбою въ Симоносеки. 5 Апрѣля изъ этого японскаго городка на о-вѣ Нипонѣ было телеграфировано: «Оффиціально. Мирный договоръ подписанъ. Лихунчангъ сегодня же выѣзжаетъ въ Китай». Скоро огласились и статьи мирнаго трактата, долженствовавшаго измѣнить положеніе дѣлъ въ Восточной Азіи, именно: 1) Китай признаетъ независимость Кореи; 2) къ Японіи переходитъ та часть полуострова Лаутонга, которая лежитъ на югъ отъ линіи, протянутой отъ р. Ялу черезъ Гайденгъ къ Йенгкау; 3) Рыбачьи острова и Формоза переходятъ къ Японіи; 4) Китай уплачиваетъ 200 милліоновъ таэлей военнаго вознагражденія; уплата должна послѣдовать никакъ не позже семилѣтняго срока; если она состоится въ теченіи трехъ лѣтъ, проценты не причитаются; если позже—къ капитальной суммѣ причисляются 5%; 5) до уплаты военнаго вознагражденія, Вей-Хай-вей остается во владѣніи Японіи; расходы по оккупаціи несетъ Китай. Послѣ уплаты части контрибуціи, оккупація можетъ быть замѣнена залогомъ таможеннаго дохода; 6) Китай открываетъ порты Чунгкингъ, Шиши и Сучау, равно какъ даетъ право переработки сырыхъ матеріаловъ иностранными машинами въ свободныхъ портахъ; 7) по обмѣнѣ ратификаціями мирнаго договора заключается торговый и дружественный договоръ. Обмѣнъ ратификаціями былъ назначенъ на 27-е апрѣля.

Договоръ этотъ вызвалъ разнообразную и оживленную критику въ печати европейскихъ націй, заинтересованныхъ дѣлами Востока. Въ этомъ этношеніи нельзя не обратить вниманіе на статью г. Путяты, появившуюся въ «Русскомъ Инвалидѣ» немедленно вслѣдъ за оглашеніемъ содержанія симоносекскаго трактата. Г. Путята—офицеръ генеральнаго штаба, объѣздившій Восточную Азію и считающійся спеціалистомъ по военнымъ и стратегическимъ вопросамъ дальняго Востока. Г. Путята поочередно разсматриваетъ главнѣйшія статьи мирнаго договора.

По поводу статьи трактата о независимости Кореи, авторъ упомянутой статьи выражается, что:

«Этотъ пунктъ соглашенія обязываетъ только одну изъ воюющихъ сторонъ къ соблюденію законнаго порядка въ Кореѣ и не опредѣляетъ условій дальнѣйшаго существованія королевства, въ интересахъ котораго было поднято оружіе. Корея нынѣ управляется японскими чиновниками и тѣми изъ туземцевъ, которые воспитаны въ японскомъ духѣ. Японскіе гарнизоны занимаютъ главные центры страны; король и законное правительство не пользуются никакой властью и ихъ именемъ распоряжается японскій министръ графъ Инуе. Конечно, для независимости страны такое положеніе можетъ быть разсматриваемо, какъ временное, вызванное военными обстоятельствами и, вѣроятно, окончательная редакція этого пункта трактата представитъ болѣе надежныя гарантіи въ обезпеченіе полити-

ческаго порядка въ этой части азіатскаго материка. Нынѣшнее же лаконическое требованіе о признаніи Китаемъ независимости Кореи слишкомъ неопредѣленно и въ связи съ японской оккупаціей не даетъ никакихъ гарантій въ томъ, что Японія не добивается подчинить весь полуостровъ исключительно своему вліянію». Надо замѣтить, что Японія, предпринимая войну, повидимому, именно на Корею смотрѣла, какъ на свое естественное вознагражденіе и желанную добычу. Когда, однако, уже возгорѣлась война, стало извѣстно предостереженіе со стороны Россіи, что присоединеніе Кореи не должно имѣть мѣста. Такимъ образомъ, статья о независимости Кореи была внесена въ договоръ ради Россіи, и намъ кажется, что притомъ неопредѣленность ея редакціи совершенно естественна. Вполнѣ опредѣленно и точно она могла быть редактирована лишь послѣ переговоровъ съ Россіею.

Еще строже г. Путята къ статьѣ объ уступкѣ Ляотонгскаго полуострова. Разсматривая линію отъ Ин-коу на Хай-Ченъ, какъ предполагаемую пограничную черту между Японіею и Китаемъ въ Манчжуріи, г. Путята замѣчаетъ:

«Въ этой редакціи, сообщенной одной нѣмецкой газетой изъ оффиціальныхъ будто бы источниковъ, кроется крупная географическая погрѣшность, такъ какъ линія отъ Инъ-коу черезъ Хай-ченъ направляется къ сѣверу отъ р. Ялу. По другимъ же свѣдѣніямъ, Японія требуетъ полосу до 40° сѣв. широты. Пріобрѣтеніе Японіей этой территоріи затрогиваетъ не только интересы Китая, но и всѣхъ европейскихъ державъ. Значеніе этого пункта договора различно комментируется европейскими газетами, но всѣ сходятся во мнѣніи, что уступка Ляотонга съ Портъ Артуръ предоставляетъ Японіи полное и нераздѣльное командованіе Печилійскимъ заливомъ, экономическое господство во всей Манчжуріи, изолируетъ съ сѣвера русскія владѣнія отъ Китая, обращаетъ заявленіе о самостоятельности Кореи въ фикцію и наноситъ въ общемъ чувствительный ущербъ политическому равновѣсію всѣхъ державъ, имѣющихъ интересы на крайнемъ Востокѣ». Въ этомъ энергическомъ утвержденіи почтеннаго критика сквозитъ нѣкоторое увлеченіе. Чтобы «изолировать съ сѣвера русскія владѣнія отъ Китая», нужно бы Китаю лежать къ сѣверу отъ русскихъ владѣній, но и оставляя въ сторонѣ эту «географическую погрѣшность», ясно, что китайскія и русскія владѣнія рѣшительно нигдѣ не были бы отдѣлены другъ отъ друга предположенными японскими пріобрѣтеніями. «Экономическое господство во всей Манчжуріи» такое-же явственное увлеченіе, какъ и нанесеніе ущерба интересамъ *всѣхъ* державъ. Затѣмъ остается несомнѣнно: господство надъ входомъ въ Печилійскій заливъ и усиленное значеніе въ Кореѣ. Вмѣстѣ взятые, эти два факта имѣли бы очень существенное значеніе для политической будущности дальняго Востока, давая Японіи серьезныя преимущества.

По поводу уступки Формозы нашъ критикъ выражается такъ:

«По богатству своей природы этотъ островъ принадлежитъ къ наиболѣе производительнымъ мѣстностямъ земного шара. Эксплоатація его богатствъ обѣщаетъ неисчислимыя и вѣрныя выгоды для Японіи, и пріобрѣтеніе лишь одного этого острова можетъ быть разсматриваемо какъ территоріальное вознагражденіе, превышающее по величинѣ и цѣнности результаты самыхъ блестящихъ и кровопролитныхъ кампаній на европейскомъ континентѣ. Однако, уступка Китаемъ о. Формоза не вызываетъ возраженія со стороны европейскихъ государствъ въ виду особыхъ географическихъ и политическихъ условій этой территоріи, какъ не составляющей нераздѣльную часть Китайской имперіи». Послѣднее несправедливо и о. Формоза, со времени его отнятія китайцами у голандцевъ, составлялъ такую же нераздѣльную часть Китайской имперіи, какъ и всѣ собственно китайскія области, населенныя китайцами. Манчжурія менѣе интегральная часть Китая. Но, конечно, до этой интегральности никому нѣтъ дѣла, кромѣ китайцевъ, и если они уступаютъ, то пускай. Европейцы не возражали не потому, что ошиблись въ опредѣленіи интегральности, а потому только, что не считали Формозу очень важною. Однако, уступка Формозы и лежащихъ отъ нея къ югу Пескадоровъ можетъ нарушить свободу пользованія Формозскимъ проливомъ, передавая японцамъ господство надъ морскимъ сообщеніемъ Европы съ дальнимъ Востокомъ. Г. Путята критикуетъ и статью о контрибуціи, но по этому вопросу послѣдовали затѣмъ разъясненія, значительно измѣнившія прежнія соображенія.

Изъ этого обзора возраженій противъ симоносекскаго договора достаточно выясняется его сущность. Черезъ дня четыре послѣ оглашенія симоносекскаго трактата Agence Havas сообщало:

«Изъ оффиціальнаго источника увѣдомляютъ, что посланники русскій, французскій и германскій въ Токіо видѣлись каждый отдѣльно съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и, дѣйствуя сообразно инструкціямъ, полученнымъ отъ своихъ правительствъ, представили ему меморандумы, заявляющіе, что державы, изслѣдовавъ постановленія мирнаго договора, пришли къ выводу, что уступка Лаотонгскаго полуострова Японіи составитъ постоянную угрозу Пекину и сдѣлаетъ фиктивной независимость Кореи. Съ другой точки зрѣнія и уже по другимъ причинамъ уступка эта можетъ составить также постоянную опасность для мира на крайнемъ Востокѣ. Въ виду всего этого, всѣ три державы, руководствуясь чувствомъ искренней дружбы къ Японіи, совѣтуютъ ей отказаться отъ окончательнаго владѣнія полуостровомъ Лаотонгомъ. Всѣ эти замѣчанія сдѣланы Японіи въ видѣ простого совѣта, не заключающаго въ себѣ ни прямой, ни косвенной угрозы».

Это сообщеніе произвело громадное впечатлѣніе. Уничтожая главный политическій результатъ японскихъ побѣдъ, шагъ этотъ

вмѣстѣ съ тѣмъ изолировалъ Англію и предъявлялъ міру совершенно неожиданную комбинацію совмѣстнаго дѣйствія Франціи и Германіи.

Сначала, однако, появились симптомы, что Японія не уступитъ и что она можетъ разсчитывать на могущественную поддержку. Отъ 8 апрѣля (одновременно съ предъявленіемъ протеста) сообщали, что нѣкоторые японскіе генералы получили секретное предписаніе немедленно приступить къ устройству укрѣпленій на русско-корейской границѣ. Кромѣ того, въ Японіи сформировывался новый отрядъ въ 30 тысячъ человѣкъ, который долженъ былъ быть отправленъ на сѣверъ Кореи, т. е. въ сосѣдство русскихъ владѣній. Затѣмъ появилось еще болѣе тревожное извѣстіе о томъ, что Японія вошла въ соглашеніе съ Англіей и Соединенными Штатами, и что эти союзники могутъ разсчитывать и на Италію, тогда какъ Германія и Франція оказали Россіи лишь платоническую услугу, не намѣреваясь воевать изъ-за Ляотонгскаго полуострова. И тѣмъ не менѣе воевать собирались. Собиралась вмѣшаться и Испанія, присоединяясь къ континентальнымъ державамъ. Это-ли присоединеніе или ясно выраженная готовность Франціи и Германіи поддержать русскія требованія до конца, скоро измѣнили картину. Начали появляться успокоительныя извѣстія. Послѣ десяти дней тревожнаго настроенія и всеобщаго ожиданія войны оффиціозное сообщеніе изъ Вашингтона отъ 18 апрѣля успокоило умы.

«Относительно положенія въ Восточной Азіи (гласило сообщеніе) Соединенные Штаты заявили державамъ, что останутся вѣрны своей неизмѣнной политикѣ и въ виду осложненій между Европой и Азіей не составятъ никакихъ союзовъ, а будутъ лишь пытаться оказать по возможности дружественное вліяніе и совѣты въ спорномъ вопросѣ между восточными державами. Соединенные Штаты ни съ кѣмъ не станутъ дѣйствовать за-одно, кромѣ дружественнаго содѣйствія интересамъ всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, оставаясь въ сторонѣ отъ союзовъ или такихъ осложненій, которыя могутъ привести къ примѣненію силы». Вслѣдъ за тѣмъ, 21 апрѣля, былъ ратификованъ богдыханомъ симоносекскій договоръ, тогда же была получена телеграмма о сосредоточеніи русской, французской и германской эскадръ въ Чифу (непосредственная близость отъ спорнаго полуострова), а 23 апрѣля японское правительство увѣдомило заинтересованныя державы, «что Японія, уступая дружескимъ совѣтамъ Россіи, Франціи и Германіи, отказывается отъ завладѣнія полуостровомъ Ляотонгомъ, а также и Портъ-Артуромъ».

Англійскія газеты иронически поздравляли Францію и Германію съ безкорыстною услугою, оказанной Россіи. Казалось, все кончилось, но прошло три съ половиною мѣсяца и положеніе все еще остается не выясненнымъ и натянутымъ.

Японцы по прежнему занимаютъ Корею, юго-восточную Манчжурію съ Ляотонгскимъ полуостровомъ и Портъ-Артуромъ и vis-à-vis съ нимъ на южномъ берегу входа въ Печилійскій заливъ крѣпость Вей-ха-Вей. Они успѣли уже занять Пескадоры и теперь трудятся надъ подчиненіемъ Формозы, населеніе которой борется противъ японскаго господства. Японская армія стоитъ подъ ружьемъ, японскій флотъ мобилизованъ, взятый въ плѣнъ китайскій флотъ японцами ремонтируется и вооружается. Все это очень дорого и разорительно для Японіи, но ничего добраго не обѣщаетъ. А переговоры тянутся съ изумительною медленностью и доселѣ не опредѣлены ни способъ, ни размѣръ вознагражденія японцевъ за отказъ отъ Ляотонга, ни сроки его очищенія, ни ближайшая судьба Кореи. Державы усиливаютъ свои эскадры въ Тихомъ Океанѣ и ждутъ съ напряженіемъ того сплетенія событій въ Европѣ, которое разрѣшитъ и японо-корейско-китайскій кризисъ въ Азіи. За четыре мѣсяца, протекшихъ съ заключенія симоносекскаго договора, въ дальней Азіи совершилось два событія, заключеніе франко-китайскаго договора объ исправленіи тонкингской границы и выпускъ русско-китайскаго займа на 400 милліоновъ франковъ. Франція такимъ образомъ получила нѣкоторое, хотя и очень скромное, вознагражденіе за помощь Китаю; выгоды китайскаго займа тоже можно считать нѣкоторымъ вознагражденіемъ. Предполагается, что Россія, главнымъ образомъ доставившая Китаю потерянныя провинціи и своею гарантіею сдѣлавшая возможнымъ 4% заемъ вмѣсто 6%, получитъ выгодъ еще больше. По крайней мѣрѣ заключеніе русско-китайскаго займа дипломатами и политиками признается дипломатическою побѣдою, не меньшею измѣненія симоносекскаго договора.

Сдѣлаю маленькое примѣчаніе къ этимъ строкамъ. Опасенія желтой расы, ея нашествія, ея многочисленности и т. д. слышать и читать приходится нерѣдко. Четыреста милліоновъ китайцевъ, сорокъ милліоновъ японцевъ, около сорока милліоновъ индокитайцевъ, восемь милліоновъ корейцевъ, около двадцати милліоновъ манчжуровъ и монголовъ, а тамъ еще тибетцы, дунганы, тангуты, ляосы, мяосы и т. д., свыше полумильярда душъ, тогда какъ вся Европа считаетъ 350 милліоновъ, или только 0,7 численности желтой расы! Эти числа не мало смущаютъ и даже раздается призывъ къ единенію бѣлой расы противъ желтокожихъ варваровъ отдаленнаго Востока. Немножко больше солидарности между цивилизованными народами было бы, конечно, и полезно, и достойно, но не во имя обиды желтой или черной расы, а во имя справедливости къ этимъ отсталымъ племенамъ, уже обиженнымъ исторіей до послѣдней степени. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что уже изъ рукъ творческой природы бѣлый человѣкъ вышелъ умнѣе, энергичнѣе и сильнѣе желтаго и чернаго, но таково теперь несомнѣнно положеніе. И дѣло вовсе не въ одной

культурѣ, но и въ организмахъ разныхъ расъ. Культуру можно усвоить гораздо скорѣе; совершенствованіе организаціи совершается медленнѣе.

Въ книжкѣ своей «Доброволецъ Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи», гдѣ я группирую мои личныя воспоминанія объ этихъ странахъ и народахъ дальняго Востока, столь занимающихъ нынѣ цивилизованный міръ, я привожу оффиціальныя данныя о питаніи и о работѣ корейцевъ и китайцевъ, данныя, проливающія нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Прошу извиненія, что повторю здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ. По свидѣтельству д-ра Рудинскаго, старшаго врача Уссурійской желѣзной дороги, обычная порція китайцевъ и корейцевъ на человѣка въ день изумительно ничтожна сравнительно съ общепринятою въ Европѣ, именно взрослый работникъ, состоящій на земляныхъ работахъ, ограничивается въ день однимъ фунтомъ хлѣба (рисоваго или просяного), однимъ фунтомъ крупы (тоже рисовой или просяной) и полуфунтомъ сушеной рыбы и чесноку. Сравните это количество малопитательной пищи съ порціей, напримѣръ, горнорабочаго на Уралѣ (тоже земляныя работы), приведенной въ прошломъ № «Русскаго Богатства» въ статьѣ о золотопромышленности на Южномъ Уралѣ. По условію каждый контрактный рабочій получаетъ по 1 фунту мяса, хлѣба ржанаго—3 ф., крупы, сколько для приварки нужно, овощи, масло, сахаръ и т. д. Если вспомнить, что рисъ или просо по питательности составляютъ едва 70—80% питательности ржи, то сказать, что корейцы и китайцы ѣдятъ вчетверо меньше русскихъ, будетъ очень умѣренно. Сколько ѣдятъ, столько и работаютъ... Въ объяснительной запискѣ Министерства Путей Сообщенія къ расцѣночной вѣдомости стоимости работъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ приведенъ подробный сравнительный разсчетъ производительности труда разныхъ категорій рабочихъ, принимавшихъ участіе въ сооруженіи дороги. Цитирую это мѣсто отъ слова до слова:

«Изъ вышеизложеннаго усматривается, что контингентъ рабочей силы на Уссурійской желѣзной дорогѣ въ минувшемъ году слагался изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Производительность труда рабочихъ разныхъ категорій была очень разнообразна; по подсчетамъ, произведеннымъ въ строительномъ управленіи, для 100,000 куб. саж. земляныхъ работъ въ разныхъ грунтахъ, оказалось, что въ одинъ рабочій день средній выработокъ, примѣрно, составилъ:

для русскаго землекопа	0,60	куб. с.
» нижняго военнаго чина	0,26	» »
» ссыльно-каторжнаго и ссыльно-поселенца	0,20	» »
» китайца и корейца	0,11	» »

Если же въ сдѣланные подсчеты ввести поправку, принявъ въ соображеніе сравнительную трудность работъ и полагая, что выработка каменистыхъ грунтовъ и скалы въ среднемъ вдвое труднѣе выработки мягкихъ грунтовъ, то въ рабочій день средній выработокъ выразится:

для русскаго землекопа	0,83	куб. с.
» нижняго военнаго чина	0,33	» »
» ссыльно-каторжнаго и ссыльно-поселенца	0,27	» »
» китайца и корейца	0,12	» »

Приведенныя выше данныя вполнѣ доказываютъ непригодность для работъ мѣстнаго инородческаго населенія». Выводъ объяснительной записки о непригодности слишкомъ строгъ. Трудъ ихъ мало успѣшенъ, но при громадной численности этихъ инородческихъ населеній они всетаки кое что производятъ и, несомнѣнно, «пригодны». Для насъ, однако, важенъ тотъ выводъ, что свободный трудъ европейца въ семь разъ производительнѣе свободнаго труда китайца или корейца при вчетверо меньшемъ потребленіи пищи послѣдними. Кто сколько ѣстъ, столько и сработаетъ,—это подтвердитъ всякій физіологъ и натуралистъ. Всякая работа, будь то физическій или умственный трудъ, или битва или походъ, или сторожевая бдительность и вниманіе, или мужественная стойкость и напряженіе нервовъ, или охота, можетъ совершаться организмомъ лишь на счетъ траты мускульной и нервно-мозговой ткани. Чѣмъ больше работы, тѣмъ больше и этой траты, а чѣмъ больше траты, тѣмъ требуется и больше ея возмѣщенія, больше пищи. Желаете довести паровую машину до высшаго напряженія и максимальной работы, не жалѣйте топлива. Количествомъ сожженнаго топлива измѣряется и количество машинной работы, а отъ количества пищи зависитъ и количество человѣческой работы. Но всякая машина приспособлена только къ извѣстному количеству топлива и будетъ взорвана, если его увеличатъ сверхъ нормы. Не можетъ и организмъ, приспособленный къ данному потребленію, значительно его увеличить. Учетверите порцію выше цитированнаго уральскаго горнорабочаго, дайте ему 4 ф. мяса въ день, 6 ф. крупы, 12 ф. хлѣба и т. д. Онъ едва ли даже въ состояніи будетъ съѣсть, а если съѣстъ, то будетъ неспособенъ работать. Черезъ нѣкоторый срокъ онъ заболѣетъ или отучнѣетъ до полнаго одуренія. То же самое должно бы произвести учетвереніе пищи и на организмъ китайца или корейца, а учетверить его пищу значитъ сравнять съ пищею европейца. Не мудрено, если европеецъ въ семь разъ больше сработаетъ: онъ имѣетъ, чѣмъ возмѣщать усиленную трату, а современный организмъ китайца или корейца не могъ бы справиться съ этимъ усиленнымъ возмѣщеніемъ! Тысячи, десятки тысячъ поколѣній эти голодные и обобранные люди

приспособляли свой организмъ къ минимальной пищѣ; только новый рядъ поколѣній можетъ измѣнить это приспособленіе и сдѣлать изъ ихъ представителей единицы, соизмѣримыя съ европейцами. Доги и болонки, першероны и пони—одного вида. Не надо забывать, что война съ ея изнурительными форсированными маршами, съ ея напряженнымъ вниманіемъ, натянутыми нервами, продолжительнымъ пребываніемъ въ сферѣ смертной опасности является работою, гораздо болѣе трудною, нежели землекопная на желѣзной дорогѣ... Что скажетъ будущее, неизвѣстно, но въ настоящее время изъ всей желтой расы только нѣсколько милліоновъ кочевыхъ монголовъ, при хорошемъ вооруженіи и европейскихъ инструкторахъ, могли бы мѣряться съ европейцами. Многія тысячелѣтія по истинѣ страдной жизни остальныхъ желтокожихъ приспособили ихъ только къ этой страдѣ и понизили ихъ активность до степени, невѣроятной для этихъ на видъ дюжихъ и рослыхъ ребятъ. При ихъ громадной численности, искусные европейцы могутъ ихъ утилизовать и для войны, какъ на Уссурійской желѣзной дорогѣ они были утилизованы для земляной работы, и на этой почвѣ Европа еще можетъ натворить много братоубійственныхъ дѣлъ, но соединенная бѣлая раса можетъ спокойно смотрѣть на своихъ желтокожихъ собратьевъ и не страшиться ихъ нашествія. Она могла бы воспользоваться своими громадными культурными и органическими преимуществами для поднятія этихъ племенъ, обиженныхъ исторіей, до своего уровня. Покуда, однако, бѣлая раса предпочитаетъ воспользоваться въ своихъ распряхъ этими народами, какъ удобнымъ пушечнымъ мясомъ...

II.

Дальній Востокъ грозитъ опасностями, но и ближній Востокъ ими полонъ черезъ край. Русская политика на дальнемъ Востокѣ вызвала такую тревогу въ Лондонѣ, что здѣсь явилась потребность найти ей противовѣсъ. Его начали искать на ближнемъ Востокѣ. Армянскій вопросъ долго служилъ для павшаго кабинета гр. Розберри такимъ инструментомъ для отвлеченія русскаго вниманія и созданія осложненій и затрудненій на русскихъ границахъ. Инструментъ этотъ оказался не изъ очень удачныхъ и неизвѣстно, новый англійскій кабинетъ будетъ-ли продолжать эту игру? Между тѣмъ, возбужденіе армянскаго вопроса едва-ли не было побудительною причиною возбужденія и вопроса македонскаго. Если бы Россія, Англія, Франція, Германія нашли возможнымъ извлечь территоріальныя и иныя значительныя выгоды изъ японо-китайскихъ и армянскихъ дѣлъ, то пятая великая держава европейскаго концерта—Австрія могла бы не остаться одна безъ барышей единственно въ случаѣ возбужденія волненій и осложненій въ западной половинѣ Балканскаго полуострова. По берлин-

скому трактату Австрія имѣетъ право распространить свою боснійскую оккупацію на Старую Сербію (Косовскій вилайетъ) до Митровицы и «au délà de Mitrovitza». Надо, конечно, имѣть предлогъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, невозможность со стороны Россіи, Франціи, Англіи и Турціи помѣшать распространенію оккупаціи. Волненія создаютъ предлогъ, а осложненія на Тихомъ Океанѣ и въ Арменіи могли связать упомянутыя державы. Возбужденіе волненій въ такой исключительно удобный для Австріи моментъ очень подозрительно и послѣ этого трудно не вѣрить слухамъ о сосредоточеніи австрійскихъ войскъ на турецкой границѣ. Старанія Сербіи и Греціи погасить движеніе тоже симптомъ. Странно только, что оно поощряется изъ Болгаріи... Непониманіе-ли исторической обстановки тому причиною? Или Болгарія имѣетъ изъ Вѣны опредѣленныя обѣщанія? Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, особенно въ связи съ событіями въ Болгаріи, македонскія волненія являются самымъ тревожнымъ и опаснымъ симптомомъ современнаго вообще тревожнаго и опаснаго положенія. Колебанія Болгаріи между австрофильскою и руссофильскою политикою, болгарская депутація въ Петербургѣ, убіеніе Стамбулова, непрочность кн. Фердинанда, распри сербскихъ партій, составляющія тоже отраженіе австро-русскаго соперничества, всѣ эти симптомы положенія на Балканскомъ полуостровѣ не составляютъ новости, обнаруживая давно извѣстную глухую борьбу интересовъ и вліяній на Балканскомъ полуостровѣ. Безъ македонскихъ волненій эти симптомы были бы тревожны тоже, но не показывали бы желанія которой либо изъ соперничующихъ державъ обострить положенія. Возстаніе въ Македоніи, поощряемое Австріей, обнаруживаетъ именно это желаніе обострить, имѣть въ рукахъ готовый предлогъ для дѣйствія, подготовить орудіе, которымъ можно было бы по произволу воспользоваться и для войны, и для устрашенія Порты, и для обольщенія мелкихъ балканскихъ народовъ, и для расплаты въ случаѣ неуспѣха...

III.

Отъ этихъ общихъ вопросовъ современной нерадостной всемірной исторіи обратимся къ нашимъ домашнимъ дѣлишкамъ, которыя для нашей жизни, нашего благосостоянія и нашихъ успѣховъ не менѣе важны, чѣмъ эти громкія и показныя событія, о которыхъ переписываются дипломаты, гремятъ витіи, мятутся и волнуются народы, ожидая приговора неумолимой исторической Ѳемиды. Уже потому хотя бы эти малыя съ виду домашнія дѣлишки важны и настоятельны, что отъ ихъ теченія и состоянія зависятъ и приговоры всемірной исторіи на международномъ судѣ успѣховъ и пораженій. Благоустройство, культура, сознаніе, солидарность, дѣятельная энергія—это глав-

ные аргументы на судѣ международной исторіи, а эти аргументы совпадаются или разрушаются тысячами мелкихъ домашнихъ дѣлишекъ... Оставимъ же дипломатамъ доказывать и вернемся домой, гдѣ и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ. Кто этого не знаетъ? и кто этого не чувствуетъ? Всетаки это не мѣшаетъ желать, чтобы дыму, чаду и копоти было въ отечествѣ поменьше. Курная изба во всякомъ случаѣ хуже бѣлой избы, а культурное признаніе культурнаго труда лучше первобытнаго «ндрава». Невольно приходитъ мысль эта въ голову по поводу исторіи, надѣлавшей много шума и разыгравшейся между тверскою губернскою управою и психіатрами земской Бурашевской лечебницы для душевно-больныхъ. Исторія эта настолько интересна и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько затемнена газетною полемикою, что читатели вправѣ отъ насъ ожидать нѣкотораго обзора фактовъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ газетныя витійства pro и contra, мы изложимъ фактическую сторону, придерживаясь обнародованныхъ документовъ и сообщенія, появившагося во «Врачѣ», одномъ изъ самыхъ авторитетныхъ медицинскихъ органовъ Европы и выходящемъ подъ редакціей такого высоко компетентнаго спеціалиста, какъ проф. В. А. Манассеинъ.

«Первые признаки кризиса, по словамъ «Врача», стали замѣтны около 4 лѣтъ тому назадъ. Причины тому лежали отнюдь не въ личности директора Бурашевской колоніи М. П. Литвинова; онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что возможно, чтобы смягчить положеніе и не подвергать раззоренію дорогое ему, имъ созданное дѣло. Уже и тогда въ психіатрическомъ мірѣ было извѣстно, какими посторонними тягостными вліяніями была затрудняема его дѣятельность, какое недоброжелательство, какія несправедливыя обвиненія выставлялись противъ него. Русскіе психіатры тогда же, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, Пироговскимъ съѣздомъ въ Москвѣ, отвѣчали на это тѣмъ, что избрали его почетнымъ предсѣдателемъ своего отдѣла—честь, которая обычно выпадаетъ только на долю профессоровъ. Какъ бы то ни было, при поддержкѣ тверского земства, которое всегда умѣло цѣнить заслуги д-ра Литвинова (доказательствомъ чему могутъ служить благодарности, выраженныя ему земскими собраніями), онъ былъ въ состояніи продолжать свою работу до сихъ поръ. Но въ настоящемъ году новая губернская управа, даже не ознакомившись въ достаточной мѣрѣ съ Бурашевской колоніею, тотчасъ по вступленіи въ должность обнаружила по отношенію къ Бурашевской больницѣ и ея руководителю, представителю и главѣ недовѣрчивое отношеніе. Послѣднею каплею, переполнившею чашу, послужило то обстоятельство, что управа, даже не переговоривъ съ главнымъ врачемъ, уволила смотрителя Бурашевской колоніи и на его мѣсто назначила другое лицо, которое уже ранѣе занимало эту должность и было устранено по требо-

ванію д-ра Литвинова. Естественно, что послѣдній былъ принужденъ понять это, какъ вызовъ и выраженіе такого недовѣрія, при которомъ дальнѣйшая работа стала уже невозможною. Неудивительно также, что и управа поспѣшила принять его отставку. Но здѣсь начинается вторая ступень этой грустной исторіи. Управа немедленно предложила одному изъ ординаторовъ больницы вступить въ исправленіе обязанностей завѣдующаго. Онъ не только отказался, но тутъ же передалъ коллективное прошеніе объ отставкѣ всѣхъ четырехъ ординаторовъ, обоснованное, между прочимъ, тѣмъ, что они не желаютъ не только участвовать, но и присутствовать при разрушеніи того, что создавалось въ теченіи болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, на что потрачено такъ много труда, что, наконецъ, служило во многихъ отношеніяхъ образцомъ».

Такъ излагаетъ факты «Врачъ», кратко и ясно. Назначеніе смотрителемъ человѣка, уволеннаго по требованію директора больницы, даже безъ предваренія его объ этомъ намѣреніи, дѣйствительно является актомъ увольненія самого директора. Д-ръ Литвиновъ, подавая прошеніе, лишь подписалъ и засвидѣтельствовалъ этотъ актъ. Остается спросить, заслужилъ-ли директоръ Бурашевской больницы такое удаленіе? Обратимся къ мнѣнію компетентныхъ лицъ.

12 мая состоялось засѣданіе московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ, первое послѣ удаленія д-ра Литвинова отъ завѣдыванія Бурашевской лечебницей. Въ этомъ засѣданіи, какъ гласитъ его протоколъ: «*Общество единогласно постановило выразить своему сочлену М. П. Литвинову свое сочувствіе къ его дѣятельности по завѣдыванію Бурашевской колоніей*». Затѣмъ тѣмъ же обществомъ былъ одобренъ и отправленъ д-ру Литвинову сочувственный адресъ слѣдующаго содержанія:

«Глубокоуважаемый Михаилъ Павловичъ, общество нейропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, узнавъ, что вы оставляете службу въ Бурашевѣ, въ засѣданіи 19 мая 1895 года единогласно постановило выразить вамъ, какъ своему сочлену, полное сочувствіе вашей дѣятельности по завѣдыванію Бурашевской колоніей. Обществу хорошо извѣстно, что, благодаря вашимъ знаніямъ и энергіи, благодаря вашей преданности дѣлу и гуманности, столь необходимымъ въ дѣлѣ лѣченія душевно-больныхъ, Бурашевская колонія въ свое болѣе, чѣмъ десятилѣтнее существованіе была образцовымъ учрежденіемъ, въ посѣщеніи котораго многіе русскіе психіатры справедливо видѣли средство для пріобрѣтенія свѣдѣній по устройству и организаціи психіатрическихъ заведеній. Выражая сожалѣніе, что въ лицѣ вашемъ Бурашево лишается своего выдающагося руководителя, общество присоединяетъ къ этому и искрен-

нее пожеланіе, чтобы ваши знанія и опытность нашли въ самомъ скорѣйшимъ времени примѣненіе къ дѣятельности. Предсѣдатель А. Кожевниковъ. Члены: А. Корниловъ, А. Токарскій, Г. Прибытковъ, Вл. Муратовъ, Вл. Сербскій, Л. Миноръ, В. Семидаловъ, С. Сухановъ, В. Р. Буцке, С. Кирильцевъ, В. Яковенко, В. Вейденгаммеръ, А. Мальшинъ, И. Константиновскій, Л. Лунцъ, Я. Боткинъ, Савей-Могилевичъ, И. Ждановъ, А. Егоровъ, С. Корсаковъ».

На это теплое и въ высшей степени характерное привѣтствіе, признавшее дѣятельность удаленнаго директора образцовою, д-ръ Литвиновъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, довольно ярко обрисовывающимъ характеръ этой дѣятельности:

«Глубокоуважаемый Алексѣй Яковлевичъ, спѣшу принести глубочайшую мою благодарность въ лицѣ вашемъ обществу нейропатологовъ и психіатровъ, состоящему при Императорскомъ московскомъ университетѣ, удостоившему меня привѣтомъ, въ виду удаленія моего изъ Бурашева. Не мнѣ, конечно, рѣшать, заслуженъ-ли мною вполнѣ этотъ высоко лестный для меня привѣтъ общества. Но отнынѣ я пріобрѣтаю окончательную увѣренность въ томъ, что начала, которымъ по мѣрѣ своихъ силъ я служилъ, суть начала истиннаго просвѣщенія,—тѣ, которыя ведутъ ко благу ближняго. Признаніе обществомъ нейропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ права за Бурашевской колоніей быть причисленной къ образцовымъ учрежденіямъ не говоритъ мнѣ, что ничего не можетъ быть лучше Бурашевской колоніи, что она свободна отъ какихъ бы то ни было несовершенствъ и недостатковъ, что все въ ней, безъ исключенія, заслуживаетъ слѣпого подражанія и должно оставаться навсегда неизмѣннымъ. Признаніе за Бурашевской колоніей права служить образцомъ я понимаю въ томъ смыслѣ, что начала, положенныя въ основу устройства и существованія Бурашевской колоніи, общество нейропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ признаетъ тѣми самыми началами, къ которымъ привелъ насъ многолѣтній врачебный опытъ, которыя разработаны и утверждены наукой и которыя неразрывно связаны съ истинной культурой общества. Признавъ это, общество нейропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ, какъ учрежденіе безусловно авторитетное, указываетъ общественному мнѣнію, въ чемъ заключаются истинныя основы гуманнаго призрѣнія и лѣченія душевно-больныхъ, каково можетъ быть примѣрное осуществленіе этихъ основъ, нашедшее мѣсто въ дѣятельности тверского губернскаго земства. Такое авторитетное указаніе общества нейропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ обезпечитъ, безъ сомнѣнія, русскому обществу сохраненіе того, что уже сдѣлано благого для дѣла призрѣнія душевно-больныхъ въ Россіи,—точно также, какъ оно послужитъ и живымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію этого дѣла въ томъ же направленіи. Увѣренный въ томъ,

что таковы неизбѣжныя послѣдствія привѣта, которымъ удостоило меня общество нейропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ, я нахожу въ этомъ привѣтѣ и широкое нравственное удовлетвореніе, и неистощимый источникъ силъ для дальнѣйшей дѣятельности на поприщѣ практической психіатріи, если эта дѣятельность еще выпадетъ на мою долю. 27 мая 1895 г. Бурашево. М. Литвиновъ».

13 мая состоялось засѣданіе С.-Петербургскаго Общества Психіатровъ, тоже первое послѣ удаленія д-ра Литвинова. Оно тоже постановило выразить бывшему директору Бурашевской лечебницы свое сочувствіе и сожалѣніе и отправило ему адресъ слѣдующаго содержанія:

«Тверь. Бурашево. Михаилу Павловичу Литвинову. Члены Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ выражаютъ глубокое сожалѣніе высокоуважаемому организатору и руководителю Бурашевской колоніи Михаилу Павловичу Литвинову и его сотрудникамъ-врачамъ по поводу оставленія ими дорогого для всѣхъ русскихъ психіатровъ учрежденія. Предсѣдатель Мержеевскій, вице-предсѣдатель Черемшанскій, секретарь Розенбахъ, казначей Нижегородцевъ».

Московская психіатрическая клиника при Университетѣ тоже послала удаленному директору адресъ сочувствія и выраженія. Оцѣнка дѣятельности д-ра Литвинова является и въ прошеніи ординаторовъ Бурашевской колоніи, которое приводимъ въ виду его интереса:

«Господину Предсѣдателю Тверской Губернской Земской Управы. Милостивый Государь, Александръ Степановичъ! Третьяго мая нашъ глубокоуважаемый товарищъ Михаилъ Павловичъ Литвиновъ сообщилъ намъ, что послѣ объясненія съ Тверской Губернской Земской Управой онъ вынужденъ былъ подать прошеніе объ отставкѣ и прошеніе это Управою принято. По словамъ Михаила Павловича, основаніемъ къ подачѣ такого прошенія было убѣжденіе его, Михаила Павловича, въ томъ, что дальнѣйшее веденіе дѣла Бурашевской колоніи въ прежнемъ направленіи, вызывавшемъ неоднократное одобреніе со стороны Собраній Тверского Земства, становится отнынѣ невозможнымъ. Убѣжденіе это сложилось у Михаила Павловича въ виду, главнымъ образомъ, нѣкоторыхъ распоряженій Управы. Эти распоряженія были приняты Управой въ самомъ началѣ ея дѣятельности, безъ ознакомленія съ положеніемъ колоніи и ходомъ въ ней дѣлъ. Между тѣмъ распоряженія эти обнимаютъ собою одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ учрежденія. Этимъ распоряженіямъ точно также не предшествовало совѣщаніе съ старшимъ врачомъ, какъ то было въ практикѣ Тверского Губернскаго Земства до сихъ поръ. Изложенныя обстоятельства привели Михаила Павловича къ несомнѣнному заключенію, съ одной стороны, что условія дальнѣйшаго существованія Бурашевской колоніи подвергаются коренным измѣненіямъ въ направленіи, не отвѣчающемъ требованіямъ дѣла, а, съ другой, что

онъ, Михаилъ Павловичъ, уже не встрѣтитъ довѣрія со стороны Управы въ настоящемъ ея составѣ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для правильнаго и успѣшнаго веденія дѣла. Раздѣляя вполнѣ это мнѣніе Михаила Павловича и будучи убѣждены, что онъ, такъ много потрудившійся для колоніи, безъ достаточныхъ основаній не оставилъ бы дѣятельность въ колоніи, мы изъ того обстоятельства, что отставка Михаила Павловича принята Управою, заключаемъ, что отношенія Управы къ дѣятельности колоніи въ настоящее время существенно измѣняются. Не желая не только участвовать, но и присутствовать при разрушеніи того, что создавалось втеченіи болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, на что потрачено такъ много труда, что, наконецъ, служитъ во многихъ отношеніяхъ образцомъ, мы просимъ Тверскую Губернскую Земскую Управу сложить съ насъ обязанности ординаторовъ Колоніи. Къ изложенному мы считаемъ не лишнимъ добавить, что въ правильности нашихъ соображеній насъ убѣждаютъ еще и другія распоряженія Управы, непосредственно не касающіяся Колоніи. Мая 4-го 1895 г. Ординаторы: В. М. Вашковъ, Р. Н. Вановскій, П. И. Тукалло и М. П. Глинка».

Къ этому ряду отзывовъ самыхъ компетентныхъ лицъ и учрежденій о дѣятельности удаленнаго директора Бурашевской лечебницы, мы считаемъ полезнымъ присоединить и отзывъ «Врача», какъ самаго компетентнаго и уважаемаго медицинскаго органа. «Мы уже имѣли случай говорить (замѣчаетъ «Врачъ») о крайне печальномъ событіи въ Бурашевской психіатрической колоніи Тверскаго губернскаго земства. Въ исторіи современной русской медицины, вообще, а русской психіатріи въ частности, это есть событіе первостепенной важности, ибо дѣло идетъ о лучшей русской психіатрической больницѣ и ея основателѣ и руководителѣ д-рѣ М. П. Литвиновѣ, который во врачебныхъ и земскихъ кругахъ пользуется большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью опытнаго и человѣколюбиваго психіатра, умѣлаго и талантливаго устроителя и руководителя дѣла психіатрическаго призрѣнія, положившаго болѣе десяти лѣтъ упорной работы на созданіе Бурашевской колоніи. Естественно, что вѣсть о томъ, что М. П. Литвиновъ былъ вынужденъ подать въ отставку, произвела на всѣхъ понимающихъ дѣло тягостное и удручающее впечатлѣніе. Будущность Бурашева, этой Мекки русскихъ психіатровъ, въ которую ѣздили учиться и врачи, и земцы, которая служитъ образцомъ и примѣромъ, теперь грозитъ опасность. Основатель и глава колоніи, д-ръ Литвиновъ, создавшій въ провинціальной глуши и не располагая университетскою каѳедрою цѣлую школу психіатровъ и приготовившій группу учениковъ, работающихъ теперь на томъ же поприщѣ въ различныхъ земствахъ, принужденъ покинуть дѣло, которому онъ отдалъ свои лучшіе силы и годы. Это подлинное несчастіе, катастрофа для всякаго, кому дороги свѣтлыя явленія въ русской жизни». Такой отзывъ

авторитетнаго и компетентнаго органа заслужить не легко, гораздо труднѣе, нежели заслужить развязное удаленіе «за заслуги» (предсѣдатель Тверской губернской управы г. Паскинъ самъ призналъ заслуги г. Литвинова)! Нѣсколько ниже, обсуждая все то же событіе русскаго медицинскаго міра, «Врачъ» продолжаетъ такъ:

«Съ тѣхъ поръ Тверская управа и путемъ газетныхъ объявленій, и личнымъ обращеніемъ, и просьбами къ профессорамъ о рекомендаціи врачей искала лицъ, которыя согласились бы замѣстить освобождающіяся должности, но не нашла. Весь русскій психіатрическій міръ возмущенъ этою исторіею: клиники, ученыя общества, больницы единодушно шлютъ врачамъ Бурашевской колоніи сочувственные адресы и телеграммы, а Управа на свои предложенія получаетъ отовсюду отказы, то простые, то обоснованные. Да и въ самомъ дѣлѣ кто же рѣшится теперь занять мѣста, оставленныя д-ромъ Литвиновымъ и его достойными сотрудниками. Всѣ психіатры знаютъ, что это человѣкъ убѣжденный, покойный, корректный, горячо преданный дѣлу и любящій страстно созданіе своихъ рукъ—Бурашево. Нужно обладать большимъ самомнѣніемъ, чтобы разсчитывать правильно и хорошо вести дѣло при такихъ условіяхъ, при которыхъ даже Михаилъ Павловичъ счелъ всѣ свои усилія безполезными и напрасными, передъ которыми даже его опытъ, его энергія, его преданность дѣлу оказались безсильными! А если бы и нашелся столь смѣлый и увѣренный въ себѣ человѣкъ, то гдѣ-бы онъ собралъ себѣ ординаторовъ? Вѣдь, шутка сказать, рѣчь идетъ о колоніи, призрѣвающей не менѣе 500 душевно-больныхъ! Хотя и говорятъ, что въ семьѣ не безъ урода, но мы рѣшительно сомнѣваемся, чтобы Тверской управѣ удалось пригласить на службу врачей съ достаточнымъ психіатрическимъ прошлымъ, ибо кто же рѣшится связать свое имя съ дѣломъ разрушенія въ Бурашевѣ того, что было сдѣлано его предшественниками. Это было бы не только грѣхомъ противъ русской психіатріи, но, говоря словами Талейрана, это было бы еще хуже—это было бы неумно и неразсчетливо. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается самая горькая и досадная сторона всей этой исторіи. Д-ра Литвинова намъ жаль лишь настолько, насколько вообще обидно быть свидѣтелемъ несправедливости и досадно видѣть, какъ у хорошаго работника вырываютъ изъ рукъ дѣло, которому онъ отдалъ съ такими крупными результатами свои силы и знанія. Измѣнивъ выраженіе, кажется, Ломоносова, о немъ можно сказать, что «его нельзя отставить отъ Бурашева; развѣ Бурашево отъ него отставятъ!»

Послѣ этого ряда отзывовъ вполнѣ компетентныхъ учрежденій, органовъ и лицъ, едва-ли нужно формулировать отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ: заслужилъ-ли директоръ Бурашевской лечебницы то мѣропріятіе, которымъ онъ былъ удаленъ изъ заведенія, имъ основаннаго и поставленнаго на завидную высоту?

Выше мы привели отвѣтъ д-ра Литвинова Московскому обществу нейвропотологовъ и психіатровъ. Приведемъ мы отвѣты и на сочувственные адреса Московской Университетской психіатрической клиники и С.-Петербургскаго Общества психіатровъ. Эти отвѣты, хотя очень мало, даютъ нѣкоторое понятіе о скрытой сторонѣ этого печальнаго дѣла. Вотъ эти отвѣты:

Отвѣтъ д-ра М. П. Литвинова Московской психіатрической клиникѣ (на имя проф. С. С. Корсакова): «Глубокоуважаемый Сергѣй Сергѣевичъ, до глубины души тронутъ горячимъ сочувствіемъ, которымъ Московская психіатрическая клиника, въ лицѣ Вашемъ и Вашихъ сотрудниковъ, привѣтствуетъ насъ, врачей Бурашева, въ постигшихъ насъ тяжелыхъ обстоятельствахъ; приношу Вамъ и Вашимъ товарищамъ нашу глубочайшую благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Васъ быть увѣреннымъ, что нравственную поддержку, которую Московская психіатрическая клиника оказываетъ намъ въ настоящемъ случаѣ, мы никоимъ образомъ не можемъ отнести къ нашимъ личнымъ заслугамъ, не считая ихъ для того достаточными. Мы убѣждены, что сочувствіе и поддержка оказаны намъ Московской психіатрической клиникой потому, что мы въ настоящихъ обстоятельствахъ являемся, по мѣрѣ нашихъ силъ и знаній, поборниками тѣхъ именно началъ, которыя провозглашаются съ психіатрическихъ каѳедръ и которыя неразрывно связаны съ общественной культурой. Какъ умѣли, мы старались вложить въ сѣмена, которыя мы сѣяли, начала дѣйствительнаго знанія и гуманности. Въ томъ, что они будутъ всхожи, мы также не сомнѣваемся. Но эту увѣренность въ насъ незыблемо укрѣпляютъ именно тѣ привѣтствія, которыми удостоиваютъ насъ нынѣ Московская психіатрическая клиника, ученыя общества психіатровъ въ Петербургѣ и Москвѣ, представители многихъ общественныхъ лечебныхъ учрежденій и не причастные нашему личному дѣлу товарищи по профессіи. Мы увѣрены, что эти столь авторитетныя привѣтствія вполнѣ подготовятъ почву русскаго общественнаго самосознанія, и сѣмена добрыхъ началъ не заглохнутъ въ немъ, а дадутъ богатые всходы. 27 мая 1895 г. Бурашево. М. Литвиновъ.

Отвѣтъ д-ра М. П. Литвинова Петербургскому Обществу психіатровъ (на имя предсѣдателя проф. И. П. Мержеевскаго): «Глубокоуважаемый Иванъ Павловичъ! Обществу Петербургскихъ психіатровъ, предсѣдателемъ котораго Вы состоите, угодно было почтить меня и моихъ товарищей по Бурашевской колоніи сочувствіемъ въ виду нашего удаленія изъ Бурашева. Побужденія, принудившія насъ придти къ тяжелому рѣшенію покинуть Бурашево, изложены въ извѣстномъ Вамъ заявленіи, которое мои товарищи подали на имя предсѣдателя Управы, нынѣ дѣйствующей въ Тверскомъ губернскомъ земствѣ. Мнѣ остается добавить къ этому заявленію немногое. Излагать, каковы были въ частности распоряженія Управы по Бурашеву, я считаю безполезнымъ, разъ значе-

ніе ихъ не подлежитъ ни для кого сомнѣнію. Значеніе же это сводится къ недовѣрію, которое Управа, въ настоящемъ ея составѣ, проявила по отношенію къ работающему въ Бурашевѣ врачебному персоналу. Въ томъ, что послѣдній обладаетъ необходимыми для дѣла знаніемъ, опытомъ, способностями и преданностью дѣлу, Управа не можетъ сомнѣваться, за отсутствіемъ къ тому какихъ либо основаній. Болѣе, чѣмъ 14-лѣтняя дѣятельность моя въ Тверскомъ губернскомъ земствѣ уже одна служитъ ручательствомъ, что перечисленнымъ условіямъ я удовлетворяю, хотя бы въ минимальной, но необходимой для дѣла мѣрѣ. Да, Управа и не сомнѣвается въ этомъ. «Ваши заслуги хорошо извѣстны земству», нашелъ необходимымъ замѣтить нынѣшій предсѣдатель Управы во время объясненія моего съ Управою, въ заключеніе котораго я подалъ прошеніе объ отставкѣ. Вотъ, что счелъ своимъ долгомъ написать мнѣ, между прочимъ, Тверской губернскій предводитель дворянства, многоуважаемый Николай Петровичъ Оленинъ, тоже почтившій меня привѣтомъ въ виду моего вынужденнаго удаленія изъ Бурашева: «При мнѣ, согласно съ постановленіемъ земскаго собранія, было рѣшено создать такое учрежденіе, которое не было бы тюрьмой для несчастныхъ душевно-больныхъ, а лечебницей. Благодаря Вашему просвѣщенному содѣйствію, создана Бурашевская колонія, которая въ настоящее время составляетъ славу Тверскаго земства и заслужила подражаніе другихъ земствъ. Какъ бы затраты на это дѣло ни были велики, но всегда мы выносили утѣшеніе въ томъ, что все дѣлалось для облегченія страданія болящихъ, что и есть первый нашъ долгъ...»—Получивъ привѣтъ отъ общества психіатровъ въ Петербургѣ, ни я, ни мои товарищи ни на одну минуту не останавливались на той мысли, что этотъ привѣтъ, исходящій отъ общественнаго учрежденія, обладающаго всею компетентностью, необходимою для настоящаго случая, и обязаннаго въ своихъ рѣшеніяхъ слѣдовать долгу полнаго безпристрастія, можетъ относиться лично къ намъ или къ какимъ либо нашимъ заслугамъ. Мы убѣждены, что этотъ привѣтъ общества психіатровъ въ Петербургѣ есть авторитетное утвержденіе тѣхъ началъ, внѣ которыхъ нѣтъ истиннаго леченія и призрѣнія душевно-больныхъ,—началъ, которымъ мы, врачи Бурашева, служили, какъ могли и умѣли. И понимая такъ привѣтъ общества психіатровъ въ Петербургѣ, мы убѣждаемся, съ одной стороны, что слѣдуемъ вѣрному пути, а, съ другой, что дѣло, которому мы отдавали наши силы и знанія, встрѣчаетъ въ обществѣ всю ту поддержку, которая только можетъ быть оказана. Убѣжденные во всемъ этомъ, мы пріобрѣтаемъ увѣренность, что привѣтъ общества психіатровъ въ Петербургѣ обезпечитъ Бурашеву, помимо нашей дальнѣйшей въ немъ дѣятельности, возможность слѣдовать тѣмъ гуманнымъ просвѣтительнымъ цѣлямъ, которыя были поставлены этому учрежденію Тверскимъ губернскимъ земствомъ,

что наши преемники здѣсь будутъ стоять на твердой почвѣ дѣйствительнаго знанія и врачебнаго опыта и, слѣдовательно, будутъ располагать возможностью сохранить въ Бурашевѣ то, что обезпечиваетъ насущные интересы дѣла, что отличаетъ Бурашево отъ тюрьмы и дѣлаетъ его лечебницей. И мы покидаемъ Бурашево въ увѣренности, что въ немъ и въ будущемъ все будетъ дѣлаться съ одною и тою же цѣлью «облегченія страданія болящихъ». Позвольте, глубокоуважаемый Иванъ Павловичъ, мнѣ и моимъ товарищамъ выразить обществу Петербургскихъ психіатровъ, въ Вашемъ лицѣ, нашу глубочайшую и искреннѣйшую признательность. М. Литвиновъ. Бурашево. 21 мая 1895 г.».

IV.

Терпятъ крушенія культурныя начинанія, а дикости у насъ непочатой край. Порою страшно становится за этого человѣка, котораго исторія освобождаетъ отъ традиціонныхъ устоевъ патріархальнаго быта, а культура не спѣшитъ замѣнить эти расшатанныя устои. Вотъ еще одинъ примѣръ.

Въ публичномъ засѣданіи уголовнаго отдѣленія томскаго губернскаго суда,—какъ передаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*,—слушалось интересное дѣло 13-ти крестьянъ дер. Трубачевой, Нижне-Кулундинской волости, Барнаульскаго округа, обвинявшихся въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка, принятаго ими за холеру. Въ началѣ октября 1892 года до свѣдѣнія земскаго засѣдателя 2-го участка Барнаульскаго округа Хоцятовскаго дошли слухи о томъ, что крестьяне дер. Трубачевой приняли за холеру проходившаго черезъ ихъ деревню какого-то нѣмца-слесаря, вывели его за деревню, разстрѣляли и трупъ закопали въ бору. Благодаря этимъ настойчивымъ слухамъ, земскій засѣдатель Хоцятовскій поручилъ нижне-кулундинскому волостному старшинѣ немедленно произвести строгое дознаніе. Дознаніе это показало, что слухи не были праздною народной молвой, что крестьяне дѣйствительно разстрѣляли «холеру». Выдалъ ихъ киргизъ Семипалатинской области Мукушъ Чокинъ, показавшій при дознаніи слѣдующее. Черезъ Трубачеву проходилъ какой-то, человѣкъ; крестьяне подумали, что онъ моритъ людей и скотъ, и рѣшили убить его. Староста дер. Трубачевой Яковъ Безпаловъ послалъ и Чокина помогать крестьянамъ въ убійствѣ. Неизвѣстнаго человѣка вывели саженъ за сто за деревню и здѣсь крестьянинъ Матвѣй Агарковъ выстрѣлилъ въ него изъ винтовки, а Сидоръ Фроловъ изъ дробовика. Затѣмъ крестьяне Варламъ Малышовъ и Абрамъ Важенинъ начали бить упавшаго на землю человѣка стягами. Убѣдившись, что онъ мертвъ, крестьянинъ Симонъ Чаповъ, Еремей Безпаловъ и Флоръ Киселевъ привязали къ ногамъ трупа веревку и поволокли его въ боръ. Здѣсь общими усиліями вы-

рыли могилу и закопали тѣло, въ чемъ помогалъ и Чокинъ. По его указанію было найдено мѣсто, гдѣ происходила варварская расправа, могила, а въ ней и изуродованный трупъ. Немедленно было приступлено къ производству формальнаго слѣдствія, которое съ достаточной ясностью раскрыло всѣ подробности преступленія. Такъ, нѣкоторые свидѣтели показали, какъ нѣсколько крестьянъ вели неизвѣстнаго человѣка за деревню. Свидѣтель Шахуринъ былъ даже на сходкѣ, гдѣ обыскивали и допрашивали неизвѣстнаго человѣка, и читалъ крестьянамъ его паспортъ, но въ настоящее время фамиліи не упомнитъ, помнитъ только, что имя ему Іоганнъ. При немъ была найдена бумага со спискомъ окрестныхъ деревень. Крестьянамъ это показалось весьма подозрительнымъ, и они начали говорить неизвѣстному: «Ты ходишь по деревнямъ и портишь скотъ и людей. Вотъ прошелъ мимо Ермачихи, тамъ и началъ скотъ портить, а онъ сталъ падать». Въ концѣ-концовъ крестьяне рѣшили «проводить его совсѣмъ», т. е. убить, и повели за деревню. У многихъ были съ собою стяги, а крестьяне Агарковъ, Симонъ Чановъ имѣли съ собою и ружья. Спустя немного послѣ ихъ ухода Шахуринъ слышалъ два выстрѣла.

Судебно-медицинское вскрытіе трупа покойнаго обнаружило огнестрѣльную рану пулей на-вылетъ въ горлѣ и массу другихъ тяжкихъ поврежденій на разныхъ частяхъ тѣла. Такъ черепъ, напримѣръ, былъ разбитъ на 16 мелкихъ кусковъ. Врачъ подалъ мнѣніе, что смерть неизвѣстнаго человѣка послѣдовала отъ безусловно смертельной раны на-вылетъ пулей въ горло; остальныя поврежденія были произведены или во время агоніи, или непосредственно послѣ смерти. Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ сельскій староста дер. Трубачевой Яковъ Безпаловъ и 11 трубачевскихъ крестьянъ не признали себя виновными въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка, причемъ первый, между прочимъ, показалъ, что дѣйствительно они поймали въ деревнѣ какого-то неизвѣстнаго человѣка, обыскивали его и, боясь, что онъ портитъ скотъ и людей, проводили изъ деревни, указавъ дорогу въ с. Тюменцево. Убитый совершенно не походитъ на того человѣка. Не сознался въ преступленіи и киргизъ Чокинъ: онъ объяснилъ, что первое свое показаніе при дознаніи онъ далъ «зря», боясь, какъ бы его не побили крестьяне, и что объ убійствѣ трубачевцами неизвѣстнаго человѣка онъ ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Прокурорскимъ надзоромъ суду томскаго губернскаго суда, по обвиненію въ убійствѣ изъ суевѣрія неизвѣстнаго человѣка, принятаго ими за холеру, преданы слѣдующія лица: киргизъ Семипалатинской области Мукушъ Чокинъ, 20 лѣтъ; крестьяне дер. Трубачевой: Маркъ Ѳедоровъ Латкинъ, 53 лѣтъ, Симонъ Ѳоминъ Чановъ, 23 л., Агей Ефимовъ Важенинъ, 27 лѣтъ, Варлаамъ Варсонофіевъ Малышевъ, 19 л., Абрамъ Сидоровъ Важенинъ,

21 года, Еремѣй Ѳедоровъ Безпаловъ, 30 л., Матвѣй Ивановъ Агарковъ, 21 г., Антонъ Зиновьевъ Безпаловъ, 34 л., Григорій Потаповъ Важенинъ, 31 г., Фролъ Савватіевъ Киселевъ, 37 л., Яковъ Евсеевъ Безпаловъ, 46 л. Губернскій судъ призналъ всѣхъ обвиняемыхъ виновными въ предъявленномъ къ нимъ обвиненіи и принявъ во вниманіе всѣ смягчающія вину обстоятельства, а также несовершеннолѣтіе обвиняемыхъ Малышева, Абрама Важенина и Матвѣя Агаркова, присудилъ послѣднихъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 5 л. и 4 мѣс. каждаго, остальные подсудимые приговорены къ восьмилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, всѣ съ послѣдствіями по 25 ст. улож. Въ виду имѣющихся въ дѣлѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ и того, что судъ своею властію не въ правѣ болѣе ослабить наказаніе, постановлено представить дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Эти несчастные, что теперь идутъ въ каторгу за свое невѣжество, вѣдь были добросовѣстно увѣрены, что совершаютъ доброе дѣло, уничтожая «холеру»! Совершенно такъ же, какъ и тѣ вотяки, что въ Малмыжскомъ уѣздѣ убили нищаго Матюнина, о чемъ мы говорили въ прошедшей хроникѣ... Эти преступленія не проявленія «злой воли», а только безпросвѣтнаго невѣжества и дикой безкультурности. Этихъ несчастныхъ не судить и наказывать надо, а учить и просвѣщать.

С. Юшаковъ.

Гюи де Мопасанъ.

Собраніе сочиненій Гюи де Мопасана. Двѣнадцать томовъ. Спб. 1894.

Что страсти! вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка.....

Лермонтовъ.

Думаешь-ли ты, продавецъ, что этотъ полуштофъ твой мнѣ въ сласть пошелъ? Скорби, скорби искалъ я на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ и обрѣлъ; а пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія.

Достоевскій («Преступленіе и наказаніе»).

I.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты такой. Такъ говоритъ извѣстная французская пословица и, конечно, говоритъ не совсѣмъ правду: мало-ли съ кѣмъ мы знакомы, — не въ силу сердечнаго влеченія, а въ силу обстоятельствъ, вліяніе которыхъ зачастую перевѣшиваетъ вліяніе нашихъ личныхъ симпатій. Но въ примѣненіи къ литературнымъ сферамъ французская пословица справедлива безусловно: да, скажите мнѣ, кто ваши любимые писатели, и я скажу вамъ, кто вы такой. Это понятно: «только въ сферѣ литературы, писалъ Бѣлинскій, перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми». Литературныя симпатіи всегда безкорыстны и свободны и потому самому всегда искренни. Если вы любите Салтыкова и Некрасова, я — Пушкина и Тургенева, а кто нибудь третій — Толстого и Достоевскаго, то эта любовь наша въ своемъ происхожденіи имѣетъ одинъ и тотъ-же источникъ: наши духовныя влеченія, запросы и потребности нашей умственной и нравственной личности.

Ни для какихъ практически-житейскихъ соображеній тутъ нѣтъ мѣста, и вотъ почему въ этомъ случаѣ мы можемъ вѣрно опредѣлить васъ по вашимъ симпатіямъ, сказать «кто вы такой» на основаніи знакомства съ вашими любимыми авторами. Вы любите Салтыкова и Некрасова: это значитъ, что въ васъ сильно развитъ инстинктъ общественности, что божество, которому вы поклоняетесь, называется Справедливостью. Я люблю Пушкина и Тургенева, это значитъ, что я мирный созерцатель жизни, что я поклонникъ Красоты. Онъ любитъ Толстого и Достоевскаго: это значитъ, что его волнуютъ больше всего вопросы нравственности, о сущности добра и зла и объ ихъ происхожденіи. Возможенъ, конечно, и такой читатель, который одинаково любитъ всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ писателей, какъ возможенъ и такой, который одинаково не любитъ ихъ, но и въ этихъ случаяхъ мы не затруднимся рѣшить, «кто такой» этотъ слишкомъ снисходительный или слишкомъ строгій читатель.

Однако, нѣтъ правила безъ исключенія; есть исключенія и изъ этого правила. Бываютъ такіе удачливые писатели, которые одинаково нравятся людямъ самыхъ противоположныхъ стремленій и вкусовъ. Происходитъ это не отъ безцвѣтности этихъ писателей — безцвѣтность равносильна бездарности и никому нравиться не можетъ—и не отъ ихъ умѣнья угождать всѣмъ читателямъ безъ изъятія—такое умѣнье достойно лишь писателей-Молчалиныхъ, — а отъ причинъ болѣе серьезныхъ. Какъ-бы объяснить это? Видите-ли, всѣмъ намъ живется болѣе или менѣе нелегко, но не смотря на это или, вѣрнѣе, именно поэтому, жалобы на тягость жизни очень мало насъ трогаютъ. Пожалуйста, говорите о «бѣдности и несовершенствахъ» жизни, о той бѣдности и тѣхъ несовершенствахъ, которыя составляютъ результатъ неудачныхъ человѣческихъ усилій и которыя, стало быть, людьми-же, нами-же, могутъ быть и исправлены. Чѣмъ больше вы намъ укажете *такихъ* несовершенствъ, тѣмъ лучше, потому что вѣдь о чемъ-же намъ и хлопотать, какъ не о томъ, чтобы поудобнѣе, поразумнѣе, посправедливѣе устроить свое существованіе на предоставленномъ намъ кусочкѣ матеріи, называемомъ Землею. Но жизнь наша бѣдна и несовершенна еще въ другомъ, болѣе общемъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, который одного великаго поэта нашего заставилъ воскликнуть: «даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, затѣмъ ты мнѣ дана?», у другого вызвалъ почти проклятіе: «жизнь—пустая и глупая шутка», а у третьяго вынудилъ такой стонъ:

Непрочно все, что нами здѣсь любимо,
Что день — сдаемъ могилѣ мертвеца;
Зачѣмъ-же ты въ душѣ неистребима
Мечта любви, не знающей конца?
Усни.... умри!...

Это очень поэтическій и очень возвышенный, но въ то-же время

очень неблагодарный мотивъ. Отъ великаго до смѣшнаго только шагъ, и если бы поэтъ или вообще писатель положилъ въ основу своего міросозерцанія именно этотъ мотивъ, его дѣятельность лишилась-бы всякаго значенія и даже всякаго смысла. Щедринскій «провинціалъ», собиравшійся помѣстить въ «Старѣйшей россійской пѣнкоснимательницѣ» рядъ статей, въ которыхъ онъ надѣялся развить преимущественнѣйше ту мысль, что все на свѣтѣ семъ превратно, все на свѣтѣ коловратно — этотъ провинціальный философъ былъ смѣшонъ, хотя по существу дѣла совершенно правъ: вѣдь дѣйствительно же на свѣтѣ все и превратно, и коловратно, все суета суетъ и все прейдетъ и все что будетъ — уже было. Ну, и что-же? ровно ничего: все-таки надо и все-таки хочется жить, не потому только, что для каждаго изъ насъ «новы всѣ впечатлѣнья бытія», но и просто потому, что чѣмъ-же небытіе разумнѣе бытія? И то, и другое—противоположныя стороны одной и той-же медали, отмѣченныя одинаково глубокимъ смысломъ или одинаково безнадежной безсмыслицей. Если жизнь есть даръ напрасный, даръ случайный, то столь-же напрасенъ и случаенъ и даръ смерти, а стало быть пусть все остается какъ было, потому что дѣваться намъ все равно некуда.

По этой широкой канвѣ можно вышивать безчисленные діалектическіе узоры, логическій смыслъ которыхъ всегда одинъ и тотъ же, смыслъ очень тощій, резюмирующійся въ двухъ безнадежныхъ словахъ: ничего не подѣлаешь. Трудно представить себѣ что нибудь безплоднѣе идей этого рода, но онѣ зачастую оказываются достаточно сильными, чтобы придать душевному настроенію отдѣльнаго человѣка постоянную мрачную окраску свою. Приведемъ для иллюстраціи небольшой разговоръ изъ «Анны Карениной» Левина съ Облонскимъ.

— Я не перестаю думать о смерти,—сказалъ Левинъ. Правда, что умирать пора. И что все это вздоръ. Я по правдѣ тебѣ скажу: я мыслью своею и работой ужасно дорожу, но въ сущности—ты подумай объ этомъ: вѣдь весь этотъ міръ нашъ—это маленькая плѣсень, которая наросла на крошечной планетѣ. А мы думаемъ, что у насъ можетъ быть что нибудь великое,—мысли, дѣла! Все это песчинки.

— Да это, братъ, старо, какъ міръ!

— Старо, но знаешь, когда это поймешь ясно, то какъ то все дѣлается ничтожно. Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то такъ все ничтожно! Такъ и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой,—чтобы только не думать о смерти.

Левинъ, какъ извѣстно, нашелъ спасеніе въ вѣрѣ, которой онъ позаимствовался и научился у народа, но если бы не нашелъ? Вѣдь его нравственное состояніе было таково, что онъ серьезно помышлялъ о самоубійствѣ. Представьте же себѣ мыслящаго и

впечатлительнаго человѣка, напр., писателя, принадлежащаго не къ молодому, едва начавшему жить, а къ старому, высоко-культурному обществу. Онъ—сынъ своего времени, а его время—послѣдній результатъ многовѣковой работы могучей коллективной мысли и долгаго историческаго процесса, богатаго самымъ драматическимъ содержаніемъ. Въ работѣ этой мысли струя самаго дерзкаго скептицизма постоянно давала себя чувствовать, а параллельно съ этимъ въ историческомъ процессѣ происходила неустанная практическая борьба противъ всякаго рода авторитетовъ. Таково умственное наслѣдіе этого человѣка. «Превратность» всевозможныхъ идеаловъ и «коловратность» всякихъ человѣческихъ учрежденій и формъ являются для него простой исторической традиціей, которая именно и оставляетъ его теперь съ пустыми руками. Все ужъ, кажется, испробовано и все отвергнуто—во что же вѣрить? «Куда идти, къ чему стремиться, гдѣ силы юныя пытать?» Именно его страна, его общество испытывали на себѣ прежде другихъ практическое значеніе всякихъ теорій, эти испытанія сопровождались неисчисленными жертвами, производимы были съ героическимъ самоотверженіемъ и въ результатѣ этихъ грандіозныхъ экспериментовъ... Совѣстно и горько сказать: въ послѣднемъ результатѣ—*буржуазія*, буржуазный строй, буржуазное общество, буржуазные нравы, о которыхъ нашъ писатель слишкомъ хорошо освѣдомленъ и о которыхъ онъ намъ поразскажетъ такую правду, что хуже всякой лжи. А тутъ еще, par-dessus le marché, нехорошо чувствуется и въ земной жизни: силы уходятъ и уйдутъ, уйдутъ неминуемо, «годы проходятъ, все лучшіе годы», надвигается страшный призракъ старости, за которымъ чудится другой, еще болѣе грозный призракъ, «сладкій недугъ» страстей исчезаетъ при словѣ разсудка и вотъ, въ какія нибудь 30—40 лѣтъ отъ роду, человѣкъ, полный ума и таланта, сознаетъ себя ненужнымъ, человѣкъ, живущій въ центрѣ центровъ интеллектуальной жизни міра, чувствуетъ себя совершенно *одинокимъ*. Все это было бы странно, если бы прежде всего не было такъ страшно.

«*Одиночество*»... У Мопасана (о которомъ, какъ понимаетъ читатель, мы все время и говорили до сихъ поръ) имѣется подъ этимъ заглавіемъ небольшой разсказъ, отличающійся самою задушевною субъективностью, а потому драгоцѣнный для цѣлей характеристики. Пріятель уводитъ Мопасана ночью прогуляться по Елисейскимъ полямъ. Во время прогулки, онъ раскрываетъ ему свою душу, и мы можемъ присутствовать при этомъ раскрытіи не безъ поучительности для себя. «Не знаю почему, говоритъ Мопасану его другъ, только ночью мнѣ дышется здѣсь легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ представляется, какъ будто здѣсь мысль моя становится шире. Минутами умъ мой озаряется такого рода проблесками, которые на секунду даютъ увѣренность,

что вотъ-вотъ прозрѣешь божественную тайну вещей. Затѣмъ окно снова захлопывается. И все кончено».

Таковъ приступъ къ дѣлу. Ожидали ли вы этого отъ Мопасана? Ходячее представленіе у насъ о Мопасанѣ состоитъ въ томъ, что это современный французскій Боккачіо, чрезвычайно талантливый и немножко легкомысленный «пѣвецъ любви», какъ его назвалъ одинъ изъ нашихъ критиковъ-диллетантовъ. И вотъ этотъ патентованный пѣвецъ любви говоритъ о «божественной тайнѣ вещей» и говоритъ такъ, какъ онъ рѣдко говоритъ о любви, тѣмъ взволнованнымъ языкомъ, какой возможенъ лишь при страстномъ отношеніи къ предмету. Правда, «окно снова захлопывается». Но вѣдь въ этомъ то и страданіе. Не Мопасану, разумѣется, какъ и никому другому, раскрыть «божественную тайну вещей», но для насъ важно здѣсь то, что этотъ скептикъ, этотъ парижанинъ конца девятнадцатаго вѣка, этотъ бонвиванъ и бульвардье, не только думаетъ, но и тоскуетъ объ этой тайнѣ.

Но—далѣе. Другъ Мопасана продолжаетъ развивать свою тему: «Изъ всѣхъ тайнъ человѣческой жизни есть одна, которую я постигъ: наибольшія муки нашего существованія происходятъ отъ того, что мы вѣчно одиноки, и всѣ наши усилія, всѣ поступки направлены къ тому, чтобы бѣжать отъ этого одиночества. Я говорю съ тобой, ты меня слушаешь, и все-таки мы оба одиноки, хотя и идемъ рядомъ другъ съ другомъ, а тѣмъ не менѣе одиноки. Понимаешь ли ты меня? «Блаженны нищіе духомъ» говорится въ Евангеліи. У нихъ есть иллюзія счастья. Они не испытываютъ нашего страданія одиночества, они не блуждаютъ по жизненному пути, какъ я, вступая въ соприкосновеніе съ людьми только локтями, не имѣя иной радости, кромѣ эгоистическаго удовлетворенія тѣмъ, что понимаешь, видишь, угадываешь и безконечно страдаешь отъ сознанія вѣчнаго нашего одиночества».

Пріятель Мопасана не напрасно нѣсколько разъ спрашиваетъ его: понимаешь ли ты меня? Нужно въ самомъ дѣлѣ нѣкоторое усиліе мысли, чтобы понять сущность его жалобъ. Разнаго рода бываетъ одиночество; оно можетъ быть и большимъ достоинствомъ, и большимъ недостаткомъ, и простымъ несчастіемъ. Русскій поэтъ первой четверти текущаго столѣтія, извѣстный своею трагическою судьбою, такимъ образомъ жаловался на свое одиночество:

Съ тяжкой грустью, съ черной думою,
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу!
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А находишь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей!

Такое одиночество—не вина и не заслуга, а несчастіе: въ об-

ществѣ Чичиковыхъ и Фамусовыхъ не только Чацкіе, но и Тентетниковы чувствуютъ себя одинокими, и объ нихъ можно только пожалѣть. Есть, далѣе, одиночество человѣка, поглощеннаго какой нибудь идеею, служеніе которой даетъ смыслъ и содержаніе его существованію: такое одиночество есть въ полномъ смыслѣ подвижничество и благо тому, кто способенъ на него! Есть, наконецъ, эгоистическое одиночество равнодушнаго человѣка, которому люди нужны не для сердечнаго общенія, а для полноты комфорта, какъ удобная мебель или интересная книга или занимательное зрѣлище. Такое одиночество не несчастіе и, конечно, не подвигъ, а серьезная вина, влекущая за собою отвѣтственность. Одиночество Мопасана, наложившее свою печать на всю его литературную дѣятельность, заключало въ себѣ, какъ это ни странно на первый взглядъ, всѣ указанные нами признаки разныхъ родовъ одиночества. Оно было въ одно и то же время и несчастіемъ, и ошибкою, и подвигомъ.

Однако, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, покончимъ съ разсказомъ («Одиночество»), съ котораго мы начали. Одиночество, описываемое въ этомъ разсказѣ, какое то совсѣмъ особенное, не личное, а общее, фатальное одиночество всѣхъ и каждаго: «никто никого не понимаетъ», никто никого не любитъ, никто никому не вѣритъ. «Мучительная потребность союза гложетъ насъ, но всѣ наши усилія остаются безплодными, всѣ уступки тщетными, всѣ изліянія безполезными, объятія безсильными, ласки напрасными. Наши порывы, съ какими мы стремимся другъ къ другу, желая соединиться, приводятъ лишь къ тому, что мы стукаемся другъ о друга». Самая земля наша одинока въ космосѣ: «знаетъ ли земля, что происходитъ на тѣхъ звѣздахъ, разбросанныхъ, словно огненныя зерна, въ пространствѣ, въ такомъ отдаленіи отъ насъ, что мы видимъ лишь свѣтъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тогда какъ безчисленныя полчища остальныхъ теряются въ безконечности, а они настолько близки другъ къ другу, что быть можетъ составляютъ одно цѣлое, какъ молекулы одного тѣла?» Не одиноки на землѣ только *нищіе духомъ* (т. е. гораздо болѣе милліарда, скажемъ мы въ скобкахъ, понимая, кого именно разумѣетъ Мопасанъ подъ этимъ евангельскимъ выраженіемъ: статистическій выводъ столько же несомнѣнный, сколько и утѣшительный): у нихъ есть связующее звено, есть «иллюзія счастія», есть нѣчто общее, приковывающее къ себѣ ихъ то скорбные, то надѣющіеся, то благодарные взоры. *Богатые духомъ* осуждены на «соприкосновеніе съ людьми только локтями» и на «эгоистическое удовлетвореніе»...

Густо вуалированный смыслъ горькихъ жалобъ Мопасана начинаетъ разъясняться предъ вами, читатель, неправда ли? Богатое наслѣдство Вольтера и энциклопедистовъ какъ будто къ концу девятнадцатаго столѣтія перестало приносить проценты, достаточные для безбѣднаго существованія... Мопасановскія жалобы напо-

минаютъ лермонтовскую насмѣшку горькую обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ... Для насъ, русскихъ, все это вдвойнѣ любопытно, потому что именно въ нашей литературѣ мы находимъ по этому предмету такія обѣтованія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ свидѣтельствами Мопасана. Вотъ послушайте:

«Послѣ проклятій, комьевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались *одни*, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ; великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ какъ. то величавое зовущее солнце въ картинѣ Клода Лоррена, но это былъ уже какъ бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались совсѣмъ одни и разомъ почувствовали великое сиротство. Осиротѣвшіе люди тотчасъ же стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе, они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга! Исчезла бы великая идея безсмертія и приходилось бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, Который и былъ Безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнею любовью. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть въ своихъ сердцахъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и за счастіе каждаго. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть»... (Достоевскій, «Подростокъ»).

Сдѣлавъ это сопоставленіе, мы этимъ и ограничимся, предоставляя самому читателю обсудить его: документы на-лицо, выводы изъ нихъ сдѣлать не трудно *). Обратимся теперь къ тому, что мы назвали одновременно несчастіемъ, виной и подвигомъ Мопасана. *Несчастіе* Мопасана было весьма обычнымъ несчастіемъ всѣхъ замѣчательныхъ людей: онъ былъ головою выше того общества, изъ жизни котораго почерпалъ свои сюжеты, наблюденія, образы и типы, и къ которому принадлежалъ по рожденію. Литературный кружокъ Флобера, бывшаго литературнымъ крестнымъ отцомъ Мопасана, могъ преподать ему и дѣйствительно преподалъ нѣсколько литературно-техническихъ совѣтовъ, пригодившихся Мопасану впослѣдствіи, но онъ не въ силахъ былъ дать того, чѣмъ и самъ не обладалъ, въ чемъ самъ давно отчаялся—вѣры въ разумъ жизни, въ возможность идеальныхъ цѣлей. А Мопасану

*) Предупреждая замѣчаніе иныхъ неопытныхъ читателей, что вѣдь жалобы на «одиночество» исходили не отъ самого Мопасана, а отъ лица какого то его пріятеля, за котораго Мопасанъ, какъ объективный художникъ, не отвѣтственъ, я выписываю заключительныя слова автора разсказа: «Былъ ли онъ подъ вліяніемъ хмѣля? Безумія? Или въ немъ говорила сама мудрость? Я этого не знаю. По временамъ мнѣ кажется, что онъ былъ правъ, а по временамъ, что онъ лишился разсудка». Это обычная манера Мопасана.

въ сущности только одно это и нужно было: внѣшняя форма, стилистическія красоты, о которыхъ больше всего заботился Флоберъ, пришли бы къ нему, какъ къ крупному таланту, сами, но найти просвѣтъ въ жизни «этихъ свинтусовъ Мореновъ» (такъ называется одна изъ новеллъ Мопасана) возможно было, только отказавшись отъ предразсудковъ кружка, отъ его безнадежныхъ, на-половину скептическихъ, наполовину аристократическихъ догматовъ. Эту задачу пришлось Мопасану рѣшать въ одиночку, и въ этомъ его несчастіе. А вина его и вина великая заключалась въ томъ, что въ его сердцѣ не нашлось не только любви, но и простого состраданія къ людямъ. Люди были гадки Мопасану..... Именно *гадки*. Мы, русскіе, очень хорошо знаемъ, что значитъ «проповѣдывать любовь враждебнымъ словомъ отрицанья», знаемъ, что значитъ «любить ненавидя», — это ненавидѣть пороки и слабости родного общества или любимаго человѣка, и карать эти пороки и слабости тѣмъ неумолимѣе, чѣмъ сильнѣе наше желаніе добра этому обществу или этому человѣку, чѣмъ нетерпѣливѣе мы хотѣли бы видѣть ихъ на возможной для нихъ высотѣ всякаго преуспѣянія. Ничего подобнаго у Мопасана не было. Факты всевозможныхъ человѣческихъ «свинствъ» онъ констатируетъ, протоколируетъ и регистрируетъ съ спокойствіемъ дьяка, въ приказахъ посѣдѣлаго, какъ будто иначе и быть не можетъ, какъ будто ничего иного отъ людей и ждать нельзя. «Господи, до чего безобразны люди! воскликнулъ Мопасанъ однажды («На водѣ»). Въ сотый разъ по крайней мѣрѣ я замѣчалъ среди этого праздника, что изъ всѣхъ расъ людская раса самая ужасная. Въ толпѣ носился запахъ народа, вонючій и противный запахъ грязнаго тѣла, жирныхъ волосъ и чеснока, этотъ запахъ чеснока, который южане распространяютъ вокругъ себя черезъ ротъ, черезъ носъ, черезъ кожу, какъ розы даютъ свой ароматъ. Конечно, люди всегда бываютъ одинаково безобразны и всегда также воняютъ, но наши глаза, привыкшіе ихъ видѣть, нашъ носъ, привыкшій къ ихъ запаху, замѣчаетъ ихъ дурноту и ихъ испаренія только тогда, когда нѣкоторое время были лишены ихъ вида и запаха. Человѣкъ ужасенъ! Посмотримъ на улицѣ людей, проходящихъ въ своихъ грязныхъ одеждахъ! А крестьянинъ! Господи Боже! Посмотримъ крестьянина въ полѣ, человѣка почвы, уловатаго, длиннаго, какъ жердь, искривленнаго, сгорбленнаго, страшнѣе всѣхъ варварскихъ типовъ, какіе мы видимъ въ антропологическихъ музеяхъ».

Это Мопасанъ говоритъ не устами какого нибудь изъ своихъ персонажей, а непосредственно отъ своего лица. Очень хорошо сказано! Наивность Мопасана такъ велика и такъ очевидна, что обезоруживаетъ наше негодованіе и вызываетъ только добродушную улыбку. Конечно, народъ пахнетъ народомъ, также какъ корова—коровою, а лошадь—лошадью: почему же «изъ всѣхъ расъ

людская раса самая ужасная»? *Наши* глаза, привыкшіе ихъ видѣть, *нашъ* носъ, привыкшій къ ихъ запаху—т. е. чьи же это собственно глаза и носъ? Существъ, принадлежащихъ къ той же, полагаемъ, ужасной человѣческой расѣ, а не какихъ нибудь небожителей. Мопасанъ напоминаетъ намъ въ этомъ случаѣ того русскаго дворянина «сухенькаго человѣчка, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ и какъ бы нѣсколько распухшимъ носомъ и, кажется, съ больными ногами», о которомъ разсказывалъ Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ». Человѣчекъ заявилъ Достоевскому, что «считаетъ себя и въ физическомъ отношеніи несравненно выше мужика и что это ужъ, конечно, безспорно». Точь въ точь какъ Мопасанъ! То есть, вы хотите сказать, замѣтилъ Достоевскій, какъ типъ нравственно развитаго и образованнаго человѣка? «Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ красноносый человѣчекъ, совсѣмъ не одна нравственная, а прямо физическая природа моя выше мужицкой; я *тѣломъ* выше и лучше мужика». Спорить тутъ было нечего, замѣчаетъ Достоевскій. Конечно, нечего: нѣтъ худшаго слѣпого, чѣмъ тотъ, кто не хочетъ видѣть. «Посмотрите на улицѣ людей, проходящихъ въ своихъ грязныхъ одеждахъ»—да, г. Мопасанъ, посмотрите: эти люди прекрасны, они закончили свой трудовой день и идутъ теперь на столь заслуженный ими отдыхъ. «Посмотрите крестьянина въ полѣ»—да, посмотрите, посмотрите, нѣтъ зрѣлища лучше этого: вотъ что значитъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, вотъ кѣмъ и чѣмъ держится всякая страна, вотъ кого называютъ «сѣятелемъ и хранителемъ» земли! Но что подѣлаешь съ эстетикой! Этотъ сѣятель и хранитель плохо умытъ и плохо причесанъ, отъ него пахнетъ потомъ и лукомъ или чеснокомъ, и Мопасанъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія своего отвращенія къ нему. C'est plus qu'un crime, c'est une faute. Вслѣдствіе этой ошибки вся литературная дѣятельность Мопасана пріобрѣла какой то безнадежно-пессимистическій, безотрадно-унылый характеръ. Пусто небо и пуста земля; некого любить, нечего уважать; природа прекрасна, но бездушна, мертва, человѣкъ живъ, но онъ безобразенъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ хуже и ниже всякаго животнаго. Если бы большинство людей прониклось такимъ настроеніемъ—исчезла бы на землѣ самая возможность жизни и въ особенности для лучшихъ между нами.

Это настроеніе у Мопасана не было простымъ дешевымъ аристократизмомъ мѣщанина во дворянствѣ, который до того изнѣженъ и слабонервенъ, что не можетъ выносить ни сильныхъ криковъ, ни грубыхъ жестовъ, ни непріятныхъ запаховъ. Иначе намъ пришлось бы отнести Мопасана къ разряду «безпощадныхъ Ювеналовъ коленкоровыхъ манишекъ», указать на него какъ на французскаго Болеслава Маркевича и прекратить затѣмъ всякій о немъ разговоръ. Но отрицаніе Мопасана идетъ глубже. Ему равно противны и демократы, и аристократы, и люди, пропахнувшіе чесно-

комъ, и люди благоухающіе самыми новомодными духами. «То, что я сказалъ о толпѣ, говоритъ Мопасанъ, примѣнимо также и къ цѣлому обществу, и тотъ, кто пожелалъ бы сохранить абсолютную неприкосновенность своей мысли, гордую независимость своего сужденія и смотрѣть на жизнь, на человѣчество и на міръ, какъ свободный наблюдатель, стоящій выше всякихъ предразсудковъ, выше всякаго предвзятаго мнѣнія и всякой вѣры, т. е. выше всякаго страха, долженъ совершенно отказаться отъ того, что называютъ свѣтскими связями, потому что всемірная глупость такъ заразительна, что ему невозможно сохранять сношенія съ людьми, видѣть и слушать ихъ безъ того, чтобы на него не подѣйствовали ихъ убѣжденія, ихъ суевѣрія, ихъ традиціи, ихъ предразсудки, которые заставляютъ его подчиняться ихъ законамъ, ихъ обычаямъ, ихъ удивительной, лицемѣрной и подлой морали». Можно было бы замѣтить здѣсь, что для человѣка съ такимъ образомъ мыслей одиночество не только вполнѣ естественно, но и обязательно, а стало быть нечего и жаловаться на это одиночество: вѣдь это благодѣтельный умственный и нравственный презервативъ. Но дѣло не въ томъ. Какъ видите, Мопасанъ относится къ свѣтскимъ классамъ даже еще строже и враждебнѣе, нежели къ народу: народъ обвиняется въ нечистоплотности физической, а свѣтскіе классы въ нечистоплотности нравственной, въ лицемѣріи и подлости. И такъ, Мопасану не на кого опереться и даже некому служить. Ему оставалось только утвердиться на позиціи *свободнаго наблюдателя*, «стоящаго выше всякихъ предразсудковъ, выше всякаго предвзятаго мнѣнія и всякой вѣры, т. е. выше всякаго страха», что имъ благополучно и исполнено. Дѣйствительно, было бы напраснымъ трудомъ спрашивать Мопасана о его убѣжденіяхъ, о его *вѣрѣ*: у него ихъ нѣтъ и не бывало, онъ стоитъ *выше*, т. е. во всякомъ случаѣ *внѣ* какихъ бы то ни было системъ идей и вѣрованій. Кто такой Мопасанъ? Республиканецъ, роялистъ, соціалистъ, радикалъ, консерваторъ, атеистъ, деистъ, папистъ? Ни то, ни другое, ни третье, ни десятое: онъ всего только новеллистъ. Его дѣло, во-первыхъ, наблюсти явленіе, а, во-вторыхъ, правдиво и, главное, красиво разсказать объ этомъ явленіи. Все прочее—трынъ-трава.

Такъ увѣряетъ насъ Мопасанъ и такъ увѣряютъ насъ нѣкоторые изъ его критиковъ, но мы имѣемъ право имъ не вѣрить. Думаете ли вы, читатель, спросимъ мы, пародируя слова Мармеладова, (см. эпиграфъ), что это всеотрицаніе и невѣріе Мопасану въ сласть пошло? Скорби, скорби искалъ онъ на днѣ его, скорби и слезъ, и вкусилъ и обрѣлъ, и вотъ почему мы обязаны не только пожалѣть, но и уважать его. «Пѣвецъ любви»! Вотъ какое, подумаешь, веселое амплуа! Но всмотритесь же, вдумайтесь, вчитайтесь хорошенько: вѣдь наибольшее, что могъ бы Мопасанъ сказать о любви—это повѣстить слова какого то жуира-итальянца изъ романа Тол-

стого «Семейное счастіе»: «я не могу не любить! Безъ этого нѣтъ жизни. Дѣлать романъ изъ жизни, одно, что есть хорошаго». То есть, по русской пословицѣ, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Таково именно отношеніе Мопасана къ любви: это такой же банальный вздоръ, какъ и все прочее въ жизни, но всетаки это пріятнѣе и вкуснѣе—именно *вкуснѣе*—всего, что находится въ распоряженіи человѣка. А впрочемъ, только до поры, до времени: «вѣчно любить невозможно», годамъ къ сорока сладкій недугъ страстей очень и очень поугомонится и тогда... что тогда? Этотъ вопросъ Мопасанъ ставитъ очень часто и, не находя отвѣта, то насмѣшливо, то горько, но всегда невесело улыбается. Хорошъ «пѣвецъ любви»! Это скорѣе сатирикъ любви, потому что гораздо больше говоритъ объ ея изнанкѣ, объ ея прозѣ, нежели объ ея поэзіи. Развѣ адюльтеръ — любовь? А Мопасанъ преимущественно адюльтеромъ и занятъ, изображаетъ его въ разныхъ обстоятельствахъ и формахъ, но изображаетъ такъ, что вы отнюдь героямъ адюльтера не позавидуете, а воскликните, какъ всегда послѣ бесѣды съ Мопасаномъ: скучно на этомъ свѣтѣ, господа! Этихъ, столь знакомыхъ намъ словъ, Мопасанъ никогда или почти никогда не говоритъ прямо отъ себя, но всею силою своею могучаго таланта онъ намъ подсказываетъ, внушаетъ ихъ, и вы невольно, съ глубокою грустью повторяете ихъ про себя. Но эта грусть не надолго, лишь до тѣхъ поръ, пока длится обаяніе мастерского разсказа. Нѣтъ, трудно, и страшно, и больно, но во всякомъ случаѣ, господа, не скучно на этомъ свѣтѣ, трудно потому, что жизнь есть миссія, а не скучно—по той же самой причинѣ. *Жизнь есть миссія*—вотъ чему Мопасанъ никогда не могъ повѣрить, но что онъ всегда смутно предчувствовалъ—и въ этомъ источникъ его хронической тоски, а въ этой тоскѣ и въ мукѣ отъ этой тоски—его заслуга, его подвигъ.

Все сказанное нами—совершенно голословно. Читатель вправѣ ждать отъ насъ доказательствъ и мы ихъ ему представимъ, но пока намъ предстоитъ нѣкоторая другая, частная задача.

II.

Русскіе издатели сочиненій Мопасана очень кстати приложили нѣсколько критическихъ статей объ этомъ писателѣ, принадлежащихъ французскимъ и русскимъ критикамъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти критики очень благосклонны къ Мопасану, несмотря на то, что между собою они иногда не имѣютъ ничего общаго. Левъ Толстой расхваливаетъ Мопасана, и Зола въ восхищеніи отъ Мопасана, а развѣ Толстой и Зола не антиподы? Тѣмъ не менѣе оба они правы въ своихъ восторгахъ, каждый по своему, съ своей точки зрѣнія: Зола хвалитъ въ Мопасанѣ какъ разъ то, что антипатично Толстому, и наоборотъ. Это обстоятельство характерно прежде всего для самого Мопасана. Какимъ образомъ онъ умудрился

завоевать симпатіи людей, самыхъ противоположныхъ направленій? На этотъ вопросъ косвенно отвѣчаетъ самъ Мопасанъ въ статьѣ «О романѣ». Публика, говоритъ Мопасанъ, «состоитъ изъ многочисленныхъ группъ, которыя кричатъ намъ: Утѣшайте насъ. Развлекайте насъ. Смѣшите насъ. Наводите на насъ грусть. Заставляйте насъ мечтать. Заставляйте насъ трепетать. Заставляйте насъ плакать. Заставляйте насъ мыслить. — Одни избранные умы говорятъ писателю: Напишите что нибудь прекрасное въ той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ вашему темпераменту». Мопасанъ поступалъ какъ разъ по этому рецепту «избранныхъ умовъ»: онъ заботился прежде всего о литературномъ изяществѣ своихъ произведеній, внутренній смыслъ которыхъ былъ ему самому неясенъ. Мопасанъ и развлекалъ, и утѣшалъ, и смѣшилъ, и заставлялъ плакать, мечтать, трепетать, мыслить своихъ читателей, но онъ достигалъ этихъ результатовъ, не заботясь о нихъ и не добиваясь ихъ. У него не было и не могло быть никакихъ тенденцій, потому что вообще не было идей, а былъ только огромный запасъ образовъ и наблюденій. «Настоящій критикъ, замѣтилъ Мопасанъ въ той же статьѣ «О романѣ», долженъ оцѣнить произведеніе съ точки зрѣнія его художественнаго достоинства и не имѣетъ права касаться направленія писателя». Это сказано, очевидно, pro domo sua. Тѣ, которыхъ Мопасанъ называетъ «настоящими критиками», т. е. критики-эстетики, завѣдомо должны были быть на его сторонѣ, потому что по внѣшней формѣ, т. е. по языку и, главное, по литературной архитектоникѣ, произведенія Мопасана были безукоризненны; что же касается до критиковъ съ направленіемъ, которые могли бы предъявить автору запросы, далеко выходящіе изъ узкихъ рамокъ чистой художественности, то Мопасанъ заранѣе ограждаетъ себя отъ нихъ, объявляя ихъ «не настоящими» критиками. Наивный и простодушный полемическій пріемъ чистаго художника, робѣющаго передъ непривычными и непріятными для него критеріями....

Опасенія Мопасана были напрасны. Фактъ на лицо: критики разныхъ направленій и критики безъ всякаго направленія одинаково сходятся въ чувствахъ горячей симпатіи къ талантливому писателю. Не принадлежа никому, никакой партіи, никакому направленію, Мопасанъ сталъ своимъ для каждой партіи, дорогъ и нуженъ для каждаго направленія; не стремясь выразить никакой опредѣленной идеи, Мопасанъ тѣмъ не менѣе послужилъ дѣлу нашего умственнаго и нравственнаго просвѣщенія больше, нежели многія изъ воинствующихъ писателей. Дѣло въ томъ, что въ своихъ произведеніяхъ Мопасанъ съ высоко-художественною отчетливостью и съ совершенною искренностью выразилъ самого себя, свою многосложную, страдающую, неудовлетворенную человѣческую личность. Всякій писатель, конечно, выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ свою личность, но не до всякаго писателя намъ есть дѣло, а лишь до такого, въ которомъ мы находимъ частицу себя, который грѣ-

шенъ нашими грѣхами, болѣетъ нашими болѣзнями, волнуется нашими сомнѣніями. Покажите намъ европейскаго культурнаго человѣка конца девятнадцатаго столѣтія, разскажите какъ онъ мыслилъ, какъ чувствовалъ, былъ ли онъ счастливъ или несчастенъ? А вотъ онъ, этотъ человѣкъ: французскій писатель Гюи-де-Мопасанъ. Не всѣ, далеко не всѣ стороны эпохи выразились въ его личности, но та болѣзнь, которую можно назвать *тоской безвѣрія* и которая была одной изъ характернѣйшихъ особенностей его времени, имѣетъ въ лицѣ Мопасана наиболѣе яркаго представителя.

Изъ всѣхъ критиковъ Мопасана лучше всѣхъ понялъ и освѣтилъ этотъ существеннѣйшій пунктъ Левъ Толстой. Въ своемъ этюдѣ о Мопасанѣ онъ указываетъ на «могучій нравственный ростъ автора», ростъ, состоявшій въ постепенномъ освобожденіи его отъ иллюзій матерьяльнаго, плотскаго счастія. Правда, Толстой ищетъ въ сочиненіяхъ Мопасана главнымъ образомъ воды на свое колесо— сейчасъ это увидитъ читатель — но, во-первыхъ, по отношенію къ Мопасану поступаютъ такъ рѣшительно всѣ критики, и мы уже знаемъ, почему, а во-вторыхъ, отрицательныя указанія Толстого все таки не теряютъ своей силы отъ того, что его положительныя утвержденія представляются очень спорными и неубѣдительными. Но вотъ подлинныя слова Толстого:

«Явленіе, болѣе всего мучившее Мопасана, къ которому онъ возвращается много разъ, есть мучительное состояніе одиночества, духовнаго одиночества человѣка, той преграды, которая стоитъ между человѣкомъ и другими, преграды, какъ онъ говоритъ, тѣмъ мучительнѣе чувствуемой, чѣмъ тѣснѣе сближеніе тѣлесное. Что же мучаетъ его? И чего онъ хотѣлъ бы? Что разрушаетъ эту преграду, что прекращаетъ это одиночество? Любовь, не женская, опостылѣвшая ему любовь, но любовь чистая, духовная, божеская. И ея то ищетъ Мопасанъ, къ ней то, къ этой давно явно открытой для всѣхъ спасительницѣ жизни мучительно рвется онъ изъ тѣхъ путъ, которыми онъ чувствуетъ себя связаннымъ. Онъ не умѣетъ еще назвать то, чего онъ ищетъ, не хочетъ назвать этого одними устами, чтобы не осквернить своей святыни. Но его неназываемое стремленіе, выражающееся ужасомъ передъ одиночествомъ, за то такъ искренно, что заражаетъ и влечетъ къ себѣ сильнѣе, чѣмъ многія и многія только устами произносимыя проповѣди любви. Трагизмъ жизни Мопасана въ томъ, что, находясь въ самой ужасной по своей уродливости и безнравственности средѣ, онъ силою своего таланта, того необыкновеннаго свѣта, который былъ въ немъ, выбивался изъ міровоззрѣній этой среды, былъ уже близокъ къ освобожденію, дышалъ уже воздухомъ свободы, но, истративъ на эту борьбу послѣднія силы, не будучи въ силахъ сдѣлать одного послѣдняго усилія, погибъ, не освободившись. Трагизмъ этой погибели въ томъ, въ чемъ онъ и теперь продолжаетъ быть для большинства такъ называемыхъ культурныхъ людей нашего времени. Люди вообще никогда не жили безъ объясненія смысла проживаемой ими жизни. Всегда и вездѣ являлись передовые, высоко одаренные люди, пророки, какъ ихъ называютъ, которые объясняли людямъ этотъ смыслъ и значеніе ихъ жизни, и всегда люди рядовые, средніе люди, не имѣющіе силъ для того, чтобы самимъ

уяснить себѣ этотъ смыслъ, слѣдовали тому объясненію жизни, которое открывали имъ ихъ пророки. Смыслъ этотъ 1800 лѣтъ тому назадъ объясненъ христіанствомъ просто, ясно, несомнѣнно и радостно, какъ то доказываетъ жизнь всѣхъ тѣхъ, которые признали этотъ смыслъ и слѣдуютъ тому руководству жизни, которое вытекаетъ изъ этого смысла. Но вотъ явились люди, перетолковавшіе этотъ смыслъ такъ, что онъ сталъ безсмыслицей. И люди поставлены въ дилемму или признать христіанство, какъ его толкуетъ католицизмъ, Lourdes, папа, догматъ безсѣменнаго зачатія и т. п., или оставаться жить, руководясь поученіями Ренана и ему подобныхъ, т. е. жить безъ всякаго руководства и пониманія жизни, предаваясь только своимъ похотямъ, пока онѣ сильны, и привычкамъ, когда ослабѣли похоти. И люди, рядовые люди, избираютъ то или другое, иногда и то, и другое, сначала распущенность, потомъ католицизмъ. И люди живутъ такъ поколѣніями, прикрываясь различными теоріями, сочиненными не для того, чтобы узнать истину, а для того, чтобы скрыть ее. И рядовымъ, въ особенности тупымъ людямъ—хорошо. Но есть другіе люди—ихъ мало, они рѣдки—такіе, какимъ былъ Мопасанъ, которые сами своими глазами видятъ вещи, какъ онѣ есть, видятъ ихъ значеніе, видятъ скрытыя для другихъ противорѣчія жизни и живо представляютъ себѣ то, къ чему неизбѣжно должны привести ихъ эти противорѣчія, и впередъ уже ищутъ разрѣшеній ихъ. Ищутъ ихъ вездѣ, но только не тамъ, гдѣ они есть, въ христіанствѣ, потому что христіанство представляется имъ пережитою, отжитою нелѣпостью, отталкивающею ихъ своимъ безобразіемъ. И тщетно стараясь сами одни найти эти разрѣшенія, приходятъ къ убѣжденію, что разрѣшеній этихъ нѣтъ, что свойство жизни заключается въ томъ, чтобы нести всегда въ себѣ эти неразрѣшимыя противорѣчія. И придя къ такому рѣшенію, если люди эти слабыя, не энергическія натуры, они мирятся съ такой безсмысленной жизнью, даже гордятся этимъ положеніемъ, считая свое незнаніе достоинствомъ, культурностью, если же это такія энергическія, правдивыя и даровитыя натуры, каковъ былъ Мопасанъ, не выдерживаютъ этого и такъ или иначе уходятъ изъ этой нелѣпой жизни. Вродѣ того, какъ если бы жаждущіе въ пустынѣ люди искали воды вездѣ, но только не около тѣхъ людей, которые, стоя надъ ключемъ, оскверняли бы его и предлагали бы вонючую грязь вмѣсто воды, которая, не переставая, течетъ тамъ, позади этой грязи. Въ этомъ положеніи былъ Мопасанъ; онъ не могъ повѣрить, даже ему, очевидно, никогда и въ голову не приходило, чтобы истина, которую онъ искалъ, была уже давно открыта и такъ близка отъ него; не могъ и вѣрить тому, чтобы могъ человѣкъ жить въ такомъ противорѣчіи, въ которомъ онъ чувствовалъ себя живущимъ».

Если-бы Мопасанъ могъ прочесть эти строки своего русскаго собрата по литературному творчеству, онъ вѣроятно сказалъ-бы: хороша садовая земля, да не рости на ней морошкѣ. Дайте мнѣ убѣжденіе, обоснованное опытомъ и знаніемъ, и не указывайте мнѣ на исходъ, который, по моему, приличенъ только для слабости, для «нищихъ духомъ». Ни любви, ни надежды, ни вѣры нельзя пріобрѣсти по желанію: онѣ приходятъ и уходятъ сами, помимо нашей воли, а иногда и помимо нашего сознанія. Отвѣтивъ такимъ образомъ, Мопасанъ былъ-бы правъ, но вѣдь и діагнозъ Толстого совершенно правиленъ: жизнь безъ идеала — безсмыслица.

Другой замѣчательный критикъ Мопасана, его соотечественникъ, Рене Думикъ объясняетъ пессимизмъ Мопасана не его маловѣріемъ, какъ Толстой, а его малознаніемъ. «Когда, говоритъ Думикъ, прочтя произведенія Мопасана, захлопнешь эти книги, многія изъ которыхъ почти съ начала до конца забавны и только комичны, чувствуешь, что сердце сжимается отъ мучительнѣйшей болѣзненной тоски. Для объясненія этого явленія недостаточно заявить, что, молъ, Мопасанъ мало-по-малу дѣлался мраченъ и доходилъ даже до ужасающей исповѣди, высказанной въ «Horla». Нѣтъ, это впечатлѣніе исходитъ отъ всѣхъ произведеній нашего романиста, они въ самой основѣ подобны безводной, безплодной пустынѣ. Въ нашу эпоху всеобщаго отчаянія, никто больше его не обнажилъ пустоты всего и не далъ подобнаго ощущенія безусловнаго «небытія». Можно подумать, что онъ нарочно отстраняетъ все-то, что служитъ человѣку надеждой, цѣлью его дѣятельности, прелестью и поддержкой его энергіи. И это не потому, чтобы онъ былъ одаренъ особой проницательностью, позволявшей ему проникать сразу въ тайну самыхъ большихъ загадокъ, — скорѣе наоборотъ. Мопасанъ вовсе не мыслитель, и это видно всякій разъ, какъ онъ пытается высказать свое мнѣніе по поводу какого-нибудь отвлеченнаго вопроса. Все, что составляетъ принадлежность интеллектуальности, созданіе или побѣда ума надъ чѣмъ-нибудь, недоступно ему. И, какъ это часто случается, онъ отрицаетъ то, чего не понимаетъ. «Мы — говоритъ онъ—ничего не знаемъ, ничего не видимъ, ничего не можемъ, ничего не угадываемъ, ничего не придумываемъ; мы замкнуты въ самихъ себѣ, какъ въ тюрьмѣ. И есть, вѣдь, люди, которые восторгаются геніемъ человѣка! Мысль человѣка неподвижна. Когда онъ доходитъ до ея точныхъ, недалекихъ предѣловъ, черезъ которые, разъ до нихъ достигнувъ, не перейдешь, онъ кружится подобно цирковой лошади, или подобно мухѣ, заключенной въ бутылкѣ и не летающей дальше ея стѣнокъ, о которыя она ударяется». Но если это такъ, то къ чему-же философія, состоящая часто изъ странныхъ объясненій, всегда недостаточныхъ, которыми люди стараются разъяснить, по всѣмъ вѣроятіямъ, неразъяснимыя для нихъ загадки, быть можетъ потому, что и смысла то у нихъ нѣтъ? Къ чему тогда наука, которая, какъ-бы далеко ни заходила въ своихъ изслѣдованіяхъ, всегда упирается въ непознаваемое и служитъ намъ только для того, чтобы мы лучше чувствовали, до чего мы не знаемъ то, что намъ знать всего нужнѣе? Къ чему тогда искусство, состоящее только въ безполезномъ подражаніи и банальномъ воспроизведеніи вещей и безъ того уже печальныхъ самихъ по себѣ?

Этому своему критику Мопасанъ могъ-бы отвѣтить еще съ большею легкостью, нежели Толстому. На всѣ ироническія «къ чему?» Думика Мопасанъ сказалъ-бы: ну, да, ни къ чему. О томъ я именно и говорю, о томъ и тоскую, отсюда весь пессимизмъ мой. Если, по вашимъ-же словамъ, философія даетъ *странныя объясненія*, если

наука *всегда упирается въ непознаваемое*, если искусство только копированье печальной дѣйствительности, то что-же въ нихъ привлекательнаго?

Надо обратиться къ документамъ, т. е. къ произведеніямъ Мопасана. Анализъ ихъ дастъ быть можетъ возможность рѣшить — въ чемъ-же, наконецъ, заключается вина Мопасана—въ его невѣріи или въ его незнаніи? Мопасану предъявляются обвиненія, почти исключающія другъ друга, и въ этомъ надо разобраться.

М. Протопоповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ конторы «Русскаго Богатства».

На исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ, поступило въ Іюлѣ:

Отъ В. К-а	— р.	50 к.
» І. Г-аго	1 »	— »
» Н. Н-а	1 »	— »
» В К.	— »	60 »
» А. К.	1 »	— »
Итого.	4 р.	10 к.

А съ прежде поступившими . . . . . 326 р. 10 к.

Пожертвованія принимаются какъ въ конторѣ «Русскаго Богатства», такъ и въ Литературномъ фондѣ. Въ употребленіи ихъ будетъ своевременно данъ отчетъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта ТРЕХМѢСЯЧНАЯ подписка съ 1-го Іюля по 30-е Сентября на издающійся безъ предварительной цензуры ежемѣсячный журналъ

„ВОСХОДЪ“

и газету **НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА.**

Цѣна съ доставкой и перес. на три мѣсяца три руб.

Подписывающіеся на годъ съ 1-го Января платятъ 10 р. и получаютъ журналъ съ 1-го №.

Январьская книга вышла вторымъ изданіемъ.

Своевременно вышла іюньская книга журнала «*ВОСХОДЪ*».

I. Религіозно-философское сочиненіе Саадіи Гаона. Г. Г.—II. Арфа Давида. (Легенда). Стихотвореніе. Ѳедора Сологуба.—III. Положеніе о евреяхъ 1804 года. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника. Проф. С. А. Бершадскаго.—IV. Внуки Гетто. Романъ И. Зангвилля. Гл. IV. «Редакторскія мытарства». Пер. съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ.—V. Канунъ 7 іюня 1875 года (Быль). И. М. Бинштока.—VI. Сендеръ Глатейзъ. Романъ К. Э. Францова.—VII. Мой дядя ребъ Шебсель-Эйзеръ. Разсказъ. С. Ефрона.—VIII. Изъ Псалмовъ Давида. Стихотвореніе. К. М. Фофанова.—IX. Газель. Изъ «Еврейскихъ мелодій». Байрона. Н. Григоровича.—X. О древности іудейскаго народа. Противъ Аніона. Соч. Флавія Іосифа, перев. съ греческаго маг. евр. словесности. Я. И. Израэльсона.—Современная лѣтопись: XI Будущность еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Палестинѣ въ зависимости отъ разныхъ системъ сельскаго хозяйства. Инженеръ-агронома Аар. С. Брагина. Литературная лѣтопись: XII. Къ исторіи мѣръ просвѣщенія и перевоспитанія евреевъ. Г. С. Вольтке.—XIII. Библіографія. Ал. Брагина.—XIV. Подвижной каталогъ конторы »Восхода».

Редакторъ-издатель А. Е. Ландау.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга

ИСТОРІЯ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОТЪ НАЧАЛА БИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Въ двухъ томахъ (1080 страницъ убористой печати). Д-ра ГУСТАВА КАРПЕЛЕСА. Переводъ подъ редакціею и съ примѣчаніями доктора восточныхъ языковъ А. Я. Гаркави. Цѣна 6 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу

НОВЫЯ КНИГИ,

изданныя редакціей журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Н. Гарина.

Томъ второй.

1) Деревенскія панорамы, 2) На ходу, 3) Сочельникъ въ деревнѣ, 4) Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой, 5) Коротенькая жизнь.

Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

ГИМНАЗИСТЫ.

(Изъ семейной хроники).

Н. Гарина.

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Складъ изданій въ конторѣ «Русскаго Богатства»—СПБ., Бассейная ул., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Издатели: Н. Михайловская. Вл. Короленко.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

STA STUDY
CHARGE
CIRCULATED

3 2044 015 516 289